

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

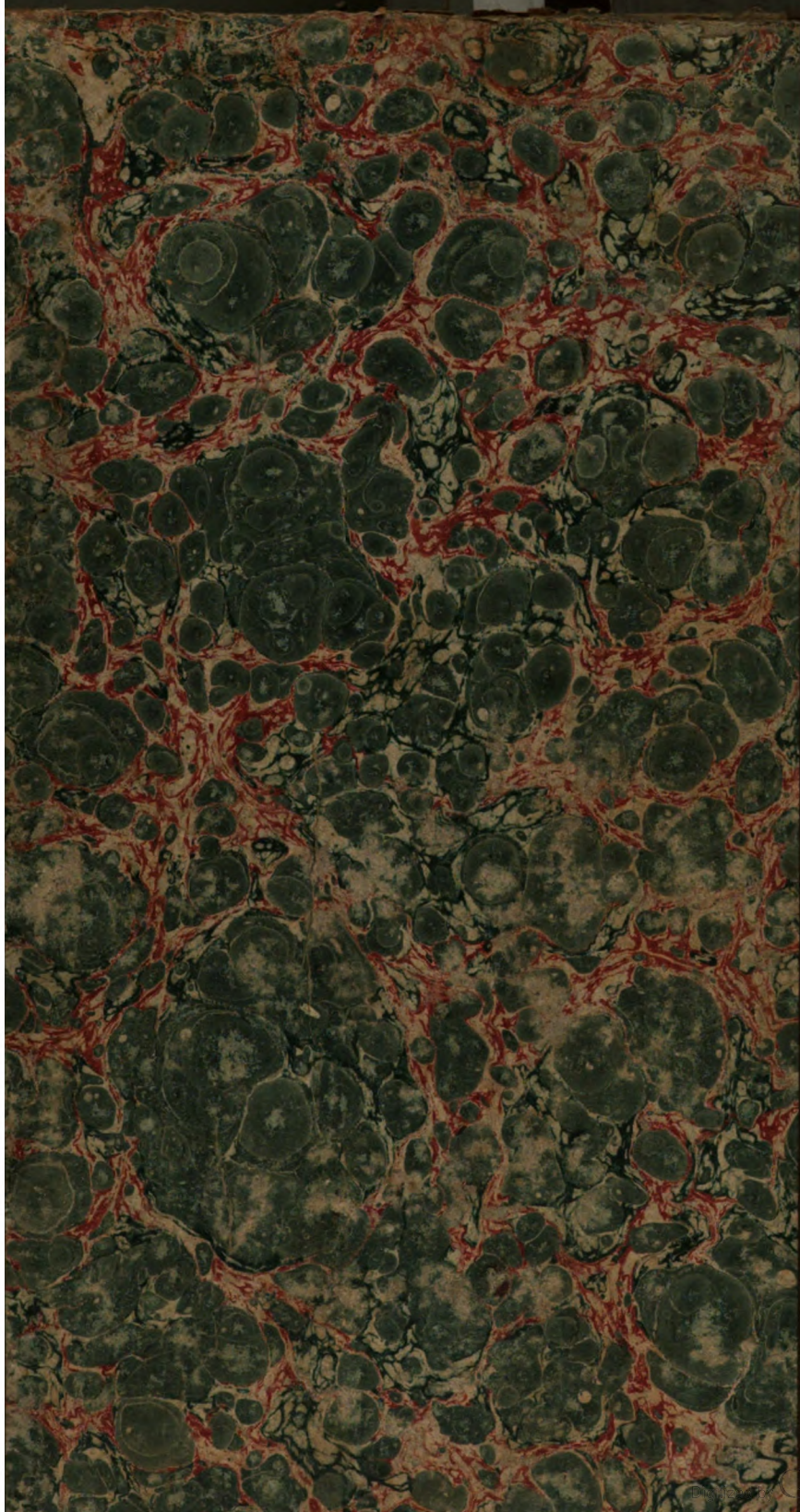
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 600.5 (1856, no. 1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Мечтаю о счастье

РУССКАЯ БЕСѢДА.

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помните одно: только коренью основанъ крѣпко, то и древо неподвижно; только корни не будутъ, къ чему прильпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Экс.
Т. II. стр. 298).

1856.

I.

А. Э. К.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Сомова,
на Софійской улицѣ.

1856.

0
Рслан 600.5 (1856, no. 1)
✓

6172

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатавицъ представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 25 дня 1856 года.

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія. <i>А. С. Хомякова</i>	1.
— <i>И. С. Аксакова</i>	5.
— <i>М. А. Стаховича</i>	9.
Стихотвореніе Розы, <i>В. А. Жуковскаго</i>	12.
О меланхоліи въ жизни и въ поэзи, <i>В. А. Жуковскаго</i> . . .	13.
Нѣчто о привидѣніяхъ, <i>В. А. Жуковскаго</i>	28.
Русскія народныя пѣсни изъ собранія, <i>П. В. Кирьескаго</i> . . .	44.

НАУКИ.

Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ Святѣмъ и Болеславѣ Храбрѣмъ, <i>А. Θ. Гильфердина</i>	1.
Два слова о народности въ наукѣ, <i>Ю. Θ. Самарина</i>	35.
Русское посольство во Францію въ 1668 году. <i>А. Н. Попова</i> . . .	48.

КРИТИКА.

Семейная Хроника и Воспоминанія, соч. <i>С. Аксакова, Н. Г—ва</i>	1.
Не такъ живи, какъ хочется, соч. <i>А. Островскаго, Т. И. Филиппова</i>	70.
Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, соч. <i>Б. Чичерина, Н. Д. Бѣльева</i>	101.
Двѣ статьи о желѣзныхъ дорогахъ, <i>А. И. Кошелева</i>	148.

ОБОЗРѢНІЯ.

Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ. <i>Кн. В. А. Черкаскаго</i>	1.
---	----

СМЪСЪ.

Народное возрожденіе Сербовъ - Лужичанъ въ Саксоніи, <i>А. Ѡ. Гильфердита</i>	1.
О Русской литературной Дѣятельности въ Галиціи въ 1855 году, <i>А. Ѡ. Гильфердита</i>	36.
Байдарская ночь или прогулка съ пластунами. <i>Ц. А. Чихачева</i> .	42.
О Фламандской живописи, <i>М. Д—М</i>	54.
Дни и Мѣсяцы Украинскаго селянина, <i>М. А. Максимовича</i> .	61.
О Русскомъ возвращеніи, <i>К. А.</i>	84.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ.

М. П. Миклашевскій, (<i>сообщено изъ Малороссіи</i>)	1.
--	----

ОСОБО.

КНЯЗЬ ЛУЦОВИЦКІЙ или пріѣздъ въ деревню, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. <i>К. С. Аксакова</i> .	
---	--

ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

« Русская Бесѣда » просить твоего благосклоннаго вниманія. Всякій журналъ имѣеть свой характеръ, свое значеніе, свой образъ дѣйствія. « Бесѣда » опредѣляетъ свое значеніе самымъ именемъ своимъ. Простая, искренняя, непритязательная Русская Бесѣда обо всемъ, что касается просвѣщенія и умственной жизни людей. Кажется, тутъ и объяснять нечего: все остальное узнается изъ дальнѣйшаго хода журнала. Оно и такъ: но все же пріятно, прежде вступленія въ какую бы то ни было бесѣду, узнать, хоть сколько нибудь, направленіе и характеръ собесѣдниковъ. Русская Бесѣда понимаетъ это естественное желаніе съ твоей стороны, любезный читатель, и постарается удовлетворить ему, сколько возможно.

Въ Русской Бесѣдѣ ты встрѣтишь людей, искренно любящихъ просвѣщеніе, отъ которыхъ услышишь дѣльное или пріятное слово, но которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ; при всемъ томъ « Бесѣда » постоянно сохранить единство характера и направленія. Какія бы ни были различія въ мнѣніяхъ почтенныхъ и радушно принятыхъ гостей, домашній кружокъ связанъ единствомъ коренныхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій. Полное изложеніе ихъ и приложеніе ко всѣмъ предметамъ мысли и знанія — впереди: бѣглый очеркъ ихъ встрѣтишь ты въ слѣдующихъ строкахъ.

II

Когда народъ получаетъ отъ другаго первыя начала письменности, просвѣтитель передаетъ ученику собственную свою азбуку, или возникаетъ новая, болѣе сообразная съ звуковыми потребностями новопросвѣщаемога народа. Въ первомъ случаѣ являются недѣльныя сочетанія согласныхъ, какъ у Славянъ, принявшихъ латинскія буквы, или *эсэ, це, га* Нѣмцевъ, или множество изофонетическихъ знаковъ, какъ у Французовъ (на пр. 24 манера писать звукъ *in* и 28 манеровъ писать звукъ *an*), или наконецъ та уродливая письменность Англійская, въ которой буквы ставятся, кажется, не для того, чтобы показать, какіе звуки слѣдуетъ произносить, а для того, чтобы читатель зналъ, какихъ звуковъ онъ произносить не долженъ. Во второмъ случаѣ является азбука разумная, какъ на примѣръ: наша Кириллица. Въ первомъ случаѣ народъ принимаетъ грамату, во второмъ грамотность. Точно тоже является и при всякой передачѣ просвѣщенія отъ народа къ народу. Новопросвѣщаемая земля можетъ получить въ дѣлѣ просвѣщенія данныя и выводы уже готовые и, такъ сказать, вытвердить ихъ на память, или получить ту искру просвѣщенной мысли, которая должна въ послѣдствіи разгорѣться свѣтлымъ и чистымъ огнемъ, питаемымъ родными матеріалами. Но послѣдній случай составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Обыкновенно народъ-просвѣтитель (хотя бы онъ былъ дѣйствительно просвѣтителемъ только въ отношеніи къ положительному знанію) поражаетъ такимъ блескомъ глаза своихъ учениковъ, что всѣ явленія его умственной и нравственной жизни, всѣ даже внѣшнія особенности его вещественнаго быта дѣлаются предметомъ суевѣрнаго поклоненія или безразсуднаго подражанія. Таково было отчасти вліяніе народовъ Романскихъ на племена Германскія. Самолюбивая Англія обезьянничала передъ Италією, а въ Германіи еще Фридрихъ II презиралъ Нѣмецкій языкъ. Тоже

явленіе повторилось и у насъ, только въ размѣрахъ гораздо большихъ, потому что Западъ уже развилъ всѣ свои умственныя силы, а мы были въ совершенномъ младенчествѣ въ отношеніи къ знаніямъ, которыя мы получили отъ своихъ Европейскихъ братій. Соблазнъ былъ неизбеженъ. Но время течетъ; но мысль, ознакомившаяся съ просвѣщеніемъ, избавляется отъ суевѣрнаго поклоненія чужему авторитету по мѣрѣ того, какъ получаетъ большее уваженіе къ своей собственной дѣятельности. Наступаетъ періодъ критики. Прошедшее со всею его невольною ложью отстраняется не съ негодующимъ упрекомъ, а съ добродушною, иногда и горькою улыбкою. Дальнѣйшее самоуничиженіе передъ мыслию иноземною дѣлается уже невозможнымъ для всего народа и смѣшнымъ въ тѣхъ лицахъ, которыя еще не хотятъ или не могутъ понять требований современныхъ. Безграничное довѣріе къ учителю и его мудрости очень любезно въ ребенкѣ и часто свидѣтельствуетъ о богатомъ запасѣ любознания; оно сносно въ отрокѣ; оно нестерпимо въ чловѣкѣ взросломъ, ибо служить признакомъ слабоумія или по крайней мѣрѣ пошлости.

Когда Русское общество стало лицомъ къ лицу съ Западною наукою, изумленное, ослѣпленное новооткрытыми сокровищами, оно бросилось къ нимъ со всею страстію, къ которой только была способна его нѣсколько лѣнивая природа. Ему показалось, что только теперь началась умственная и духовная жизнь для Русской земли, что прежде того она или вовсе не жила, или по крайней мѣрѣ ничего такого не дѣлала, чтобы стоило памяти въ родѣ чловѣческомъ. Но дѣйствительно было совсѣмъ не то. Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ, ибо это дѣло не плоти, а духа; Русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; Русскій духъ по-

IV

нялъ святость семьи и поставилъ ее, какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія: онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ Православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ Исторіи, раскрывающей тайныя начала общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя можетъ быть еще не вполне) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ; намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ тоже время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякій новый плодъ мысли западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества.

Таковы, любезный читатель, убѣжденія, которыя «Русская Бесѣда» должна выражать; содержаніемъ же для нея можетъ служить всякій предметъ, относящійся къ умственной жизни человѣка въ ея личныхъ или общественныхъ проявленіяхъ. Въ кругу общихъ интересовъ человѣчества и оставаясь вѣрными правилу: «*Nonno sum, nihil humani a me alienum puto*», издатели будутъ всегда давать первое мѣсто тому, что будетъ прямо относиться до нашей отчизны и ея умственной жизни. Это разумѣется само по себѣ: но происшествія нынѣшняго времени, оправдывая наши давнишнія и не разъ высказанныя

сочувствія, послужили вѣроятно урокомъ для всякаго Русскаго человѣка. Въ тѣ дни, когда вся Европа оглашалась криками неистовой вражды противъ насъ, когда все дышало злобою, голосъ сочувствія услышали мы только отъ своихъ братій по крови—Славянъ, и братьевъ по вѣрѣ—Грековъ: но не голосъ только слышали мы, а видѣли дѣло, видѣли подвигъ любви, безтрепетно встрѣчающей смерть за братьевъ. Рядомъ съ интересомъ отечества, «Русская Бесѣда» посвятитъ особое вниманіе всему тому, что будетъ имѣть отношеніе къ жизни народовъ Славянскихъ и народа Греческаго. Она считаетъ долгомъ, хоть словомъ, благодарить ихъ за любовь, которую они запечатлѣли своею кровію.

Форма «Бесѣды»..... Но какъ исчислить формы человѣческой бесѣды? Критика, разсужденіе, историческій разсказъ, повѣсть, стихи, все входитъ въ ея составъ. Разумѣется, будутъ въ изданіи отдѣлы: но тебѣ конечно случалось не разъ, любезный читатель, проводить съ друзьями вечера, на которыхъ не было рассказано ни одного анекдота, не пропѣто ни одной пѣсенки, и все-таки вечера оставляли въ тебѣ пріятныя и добрыя впечатлѣнія, и ты не ропталъ, а былъ доволенъ. Приложи же это правило къ нашей «Бесѣдѣ», и если какого отдѣла не найдешь, скажи себѣ, что видно не было на этотъ разъ анекдотическаго или стихотворнаго вдохновенія, и поставь: *не имѣется*, какъ ставятъ въ грамматикахъ, когда какой-нибудь формы не достаетъ въ глаголъ. Слово: *не имѣется*, право, лучше пошлой повѣсти и плохаго стиха.

Предметомъ «Бесѣды» будутъ, какъ уже сказано, служить всѣ разнообразныя проявленія умственной жизни человѣка; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получаетъ все свое достоинство отъ жизни нравственной. Ея современная

VI

слабость отзывается въ томъ, что можно назвать пустодушіемъ Европейскаго просвѣщенія. Вопросы нравственные должны присутствовать при разрѣшеніи почти всѣхъ умственныхъ вопросовъ. По этому не удивляйся и не гнѣвайся, если иногда услышишь слово, нѣсколько строгое, даже можетъ быть нѣсколько оскорбительное для уха, избалованнаго крайнею нѣжностію нашей печатной словесности. «Бесѣда» не считаетъ себя въ правѣ обходить требованія нравственной правды. Безъ сомнѣнія, стараясь разрѣшать, сколько возможно, старые или новые вопросы, безпрестанно представляемые жизнію и мыслию человѣческою, она нисколько не льститъ себя надеждою на безошибочность рѣшенія. Она даже позволяетъ себѣ, можетъ быть и нерѣдко, ставить новые, еще неразрѣшенные вопросы, въ полной увѣренности, что вопросы неразрѣшенные далеко не бесполезны: они будятъ дѣятельность ума и готовятъ его къ будущему разрѣшенію. «Бесѣда» не общается ни безошибочности, ни всезнанія, но общается искренностью и добросовѣстностью; отъ тебя же проситъ вниманія и безпристрастія, дабы общій трудъ могъ совершаться успѣшно: ибо всѣ, какъ пишущіе, такъ и читающіе, одинаково сотрудники въ дѣлѣ знанія, въ дѣлѣ просвѣщенія, въ дѣлѣ жизни.

Русская Бесѣда.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

З В Ъ З Д Ы.

Въ часъ полночный, близь потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнежъ міръ чудеса.
Ночи вѣчныя лампы,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но вшивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали
За ближайшими звѣздами
Тьмами звѣзды въ ночь ушли
Вновь взглядишь—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горять.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отгнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь, — звѣзды мысли водять
 Тайный хоръ свой вокругъ земли.
 Вновь взглядишь — другія всходятъ;
 Вновь взглядишь — и тамъ вдали
 Звѣзды мысли, тьмы за тьмами
 Всходятъ, всходятъ безъ числа, —
 И зажжется ихъ огнями
 Сердца дремлющая игла.

 II.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ.

Солнце сокрылось: дымятся долины,
 Медленно сходятъ къ ночлегу стада;
 Чуть шевелятся лѣсные вершины,
 Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную;
 Тихою славой горять небеса...
 Братья, оставивъ работу денную,
 Въ пѣсни сольемъ голоса...

«Ночь на Востокъ съ вечерней звѣздой;
 «Тихо сіяетъ струей золотою
 «Западный край.

«Господи, путь нашъ межъ камней и терній,
 «Путь нашъ во мракъ... Ты, Свѣтъ невечерній,
 «Насъ осіяй!

«Въ иглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
 «Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
 «Въ тяжелой борьбѣ,

«Всюду, сіяніе Солнца Святаго,
 «Божія Мудрость и Сила и Слово,
 «Слава Тебѣ!»

 III.

Н О Ч Ь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
 Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
 И подъ кровомъ темной тишины
 Ходить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай во мракѣ, спящій братъ!
 Освяти молитвой часъ полночи!
 Божьи Духи землю сторожать:
 Звѣзды свѣтять, словно Божьи очи.

Ты вставай во мракѣ, спящій братъ!
 Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
 Въ городахъ къ заутренѣ звонять:
 Въ Божью церковь ядутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
 Для кого тяжка земная битва,
 О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!
 Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай во мракѣ, спящій братъ!
 Пусть зажжется духъ твой пробуждѣнный
 Такъ, какъ звѣзды на небѣ горять,
 Какъ горитъ лампада предъ иконой.

Мартъ 1834.

IV.

Беззвѣдная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подь окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

И мнилось, лечу я... орелъ спзюкрылый
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, поднимаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву и Лабу и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ; и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва Словянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петчинѣ всходилъ,
И слѣдомъ валяла народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ,

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край:
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

1847.

А. Хомяковъ.

I.

Не дай душѣ твоей забыть,
Чѣмъ силы въ юности кипѣли,
И вмѣсто блага, вмѣсто цѣли,
Одно стремленье полюбить.
Привычка—зло. Однимъ усталымъ
Отраденъ духъ ея пустой...
Стремясь, не будь доволенъ малымъ
И не мирись своей душой!...

Хоть грезимъ мы, что цѣли ясны,
Что крѣпокъ духъ и проченъ пылъ,
Но для души лѣнливыхъ силъ
Пути нескорые опасны!
Но стынетъ жаръ съ теченьемъ лѣтъ,
Но каждый подвигъ нашъ душевный,
Прожитый жизнью ежедневной,
Готовъ утратить прежній цвѣтъ!

Москва, 1848 г.

II.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ;
Не упрекнуть бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгаль я лукаво.
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!...

Въ былые дни поэта чаровалъ
 Блаженства сонъ, едемъ въ неясной дали...
 Почувявъ ложь, безумецъ тосковалъ
 И были намъ смѣшны его печали!

И осмѣявъ его безсильный плачь,
 Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
 Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
 На жаркій бой, на подвигъ испытаній

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
 Направилъ я и громъ далекій слышалъ!...
 Лгала и ты, о молодая кровь,
 Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спить желанный громъ,
 Что вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
 За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
 За мухою гоняемся съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
 Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
 Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
 Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
 И юности лукавые порывы
 Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
 Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!...

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
 Сгараетъ въ немъ порыва скорый пламень;
 Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
 Онъ точить дубъ... Долбить и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
 Лишенъ ты всей отрады упоенья,
 И дерзко я на сердце наложилъ
 Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
 Что бурныхъ слъзъ не укротило время!...
 Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
 О молодость, о тягостное бремя?...

Ярославль. 23 ноября 1850 г.

III.

Добро-объ мечты, добро-бы страсти,
 Съ мятежной прелестью своей,
 Держали насъ въ могучей власти,
 Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
 Нѣтъ! счастьемъ, мелкаго объема
 Довольны мы, безъ бурь и грома,
 И мирно путь проходимъ свой,
 И тратя жизнь разумной мѣрой,
 Съ туманнымъ днемъ, съ погодой строй
 Въ согласный ладъ живемъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье,
 Богъ знаетъ что! Подъ часъ, друзья,
 Какое горькое презрѣнье
 Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
 Намъ все дано! Мы грубой ложью
 Затмить не въ силахъ правду Божью,—
 Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали!
 Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ...
 Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
 Какія жертвы принесли?

А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
 Врачуя совѣсти недугъ,
 Святому истины служенью
 Свой барскій жертвуемъ досугъ!
 Мы любимъ къ пышному обѣду
 Прибавить мудрую бесѣду,
 Иль въ поздней ужина порѣ,
 Въ роскошно убранной палатѣ
 Потолковать о бѣдномъ братѣ,
 Погорячиться о добрѣ!

Что-жь толку въ томъ? Проходятъ лѣта:
 Любовь по прежнему мертва!
 О, слово старое поэта: (*)
 «Слова, слова, одни слова!»
 Не то, чтобъ лгали мы безстыдно,
 Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
 Но постепенно силы въ насъ,
 Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
 Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
 Счастлииво гаснутъ каждый часъ!

Не все-же сонъ! Худыхъ желаній
 Соблазнъ послышавъ иногда,
 Обману ловкихъ оправданій
 Мы поддаемся безъ труда.
 Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
 Какъ примирился ты съ собою?
 Какъ столько выгодъ согласилъ
 Ты съ духомъ мудрости змѣиной,
 Какой «златою серединой»
 Ты путь опасный проходилъ?...

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
 Съ неправдой намъ не допусти,
 Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
 Блаженство сонныхъ возмути!

(*) Шексп.

Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
 Съ отвагой пылкою любви,
 Мы жизнью всей, мы самою дѣломъ
 Почтишь вѣдѣнія Твои!

1853 г. апрѣль.

И. Аксаковъ.

I.

П Ъ С Н И.

Звукъ заветный, незабвенный
 Молодой моей весны,
 Пѣсни, голосъ отдаленный
 Невозвратной старины!

Помню, помню, какъ звучали
 Вы бывало вечеркомъ:
 Красны дѣвицы играли,
 А за бранымъ за столомъ
 Сказки сказывали дѣды;
 И внималъ я, чуть дыша,
 И въ кругу простой бесѣды
 Веселилася душа!

Нынче, какъ волна потока,
 Какъ невятный шумъ зыбей,
 Слышенъ мнѣ вашъ звукъ далекой
 Въ глубинѣ души моей!

II.

ПѢСНЬ ЮНОСТИ.

О юныя лѣта,
Святая пора
И жизни, и свѣта,
Тепла и добра!

Живется, поётся,
Какъ птицѣ весной.
А сердце какъ бьётся
Въ груди молодой!

Не вѣдая горя,
Свободна, чиста,
Какъ небо, какъ море,
Любовь и мечта.

Все новая радость
Для новой души,
Куда твои, младость,
Всѣ дни хороши!

Счастливъ, кто завѣтно
Тебя бережетъ!—
Пора незамѣтно
Другая придетъ.

И будутъ всё тѣже
И люди, и дни,
Но радости рѣже,
Всё рѣже они

Мелькаютъ картиной
Неясной во мглѣ,
Ужь дума съ кручиной
Легла на челѣ.

III.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

Не угасай заката лучъ,
Гори, гори въ дали багряной!
Не потухай во мракъ тучъ,
Вечерній свѣтъ зари румяной!

Не меркни день, не застилай
Лѣсовъ и горъ съдою мглою,
Ты, поле, пѣснею родною
Не умолкай, не умолкай!

Вотъ по зарѣ, въ глуши степенъ,
Родимой пѣсни слышны звуки:
И горе позабылось въ ней,
И тяжкихъ думъ затихли муки.

И вѣсть юностью, и вновь
Души надежды воскресаютъ,
И въ бѣдномъ сердцѣ оживаютъ
Былыя слёзы и любовь.

И льётся звучная волна,
Гуляетъ голосъ на просторѣ,
И грудь отвагою полна,
И степь волнуется, какъ море...

Гори-жь, заря, не угасай!
Зажгись вечернею звѣздою!
Ты, поле, пѣснею родною
Не умолкай, не умолкай!

Михаилъ Стаховичъ.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Р О З Ы.

Розы цвѣтушія, розы душистыя, какъ вы прекрасно
 Въ пестрый вѣнокъ сплетены милой рукой для меня!
 Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти созданье, глубокой
 Смыслъ заключается здѣсь въ легкихъ воздушныхъ чертахъ.
 Розъ разнovidныхъ семья на одномъ окруженномъ шипами
 Стеблѣ—не вся ли тутъ жизнь? Корень же твердый цвѣтовъ—
 Крестъ, претворяющій чудно своей жизнедательной силой
 Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣнокъ изъ цвѣтовъ?
 Вѣры хранительный стебель, цвѣтушія почки надежды,
 Цвѣтъ благовонный любви въ образъ одинъ здѣсь слились,—
 Образъ великій, для насъ бытія выражающій тайну;
 Все, что плѣняетъ, какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ, какъ тернь,
 Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
 Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ Промыслъ тайной рукой.
 Розы прекрасныя! въ этомъ вѣнкѣ очарованномъ здѣсь вы
 Будете свѣжи всегда: нѣтъ увяданья для васъ;
 Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью сердца о милой
 Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ вашъ живъ аромать.

(*) Стихотвореніе это написано В. А. Жуковскимъ не задолго до его кончины, по слѣдующему случаю: Къ 29 января, ко дню рожденія поэта, былъ присланъ ему рисунокъ изъ разноцвѣтныхъ розъ, стебли которыхъ расположились въ видѣ креста. Въ письмѣ, при которомъ былъ присланъ рисунокъ, выражалась скорбь объ усиленіи тѣлесныхъ страданій поэта, и потомъ сказано: «Вѣнокъ изъ розъ въ его соединеніи съ крестомъ, изъ котораго цвѣты прожизраютъ и къ которому они снова возвращаются, живо представлялъ намъ образъ друга страдающаго, но сохранившаго среди самыхъ страданій живость и свѣжесть души.»

Письмо заключалось слѣдующими словами: «Пусть же поэтъ переложитъ въ слова мысли наши, которыя мы едва могли выразить образно, и вопиетъ ихъ самъ въ вѣнокъ, для него сплетенный.»

Замѣтимъ, что рисунокъ, назначаемый къ 29 января, оццдлалъ и былъ полученъ Жуковскимъ въ мартѣ, — а въ апрѣлѣ уже не стало поэта.

О МЕЛАНХОЛИИ

ВЪ ЖИЗНИ И ВЪ ПОЭЗИИ. (*)

I.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА.

Въ *Москвитянинъ* было напечатано мое письмо о переводѣ Гомеровою Одиссею. Въ немъ между прочимъ сказано слѣдующее:

..... Какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, раждающейся изъ пѣны моря (ибо она есть символъ Гомеровою поэзіи), въ

(*) Приносимъ искреннюю благодарность Е. А. Жуковской за дозволеніе помѣстить въ нашемъ журналѣ предыдущіе стихи и слѣдующія двѣ статьи изъ неизданныхъ сочиненій покойнаго ея мужа. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ украсить нашъ журналъ этими произведеніями знаменитаго писателя, что неоднократно онъ уговаривалъ насъ издавать въ Москвѣ журналъ и обѣщалъ намъ свое содѣйствіе. Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не могли этимъ воспользоваться при его жизни; да будетъ это посмертное его участіе добрымъ для насъ напутствіемъ въ нынѣ предпринятый дѣлъ. — Не можемъ при семъ случаѣ не высказать нашего искренняго желанія увидѣть поскорѣ въ печати остальные произведенія В. А. Жуковскаго; это желаніе наше тѣмъ сильнѣе, что мы знаемъ, какъ много наслажденія и назиданія найдутъ читатели въ неизданныхъ еще твореніяхъ человека, котораго жизнь была проникнута поэзіею и поэзія жизнью, котораго Пушкинъ уже называлъ своимъ учителемъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ по чистотѣ душевной и по искренней релігіозности является, какъ утренняя звѣзда новой литературной эпохи въ Россіи.

Изд. К.

этомъ простодушія слова, въ этой первобытности правовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ, часто черезъ чуръ избыточной, но принадлежащей характеру безискусственности и простоты, и особенно въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно грустныя, безпричинныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній. Кажется, что г-жа Сталь первая произнесла, что съ религіею Христіанскою вошла въ поэзію и вообще въ литературу меланхолія. Не думаю, чтобы это было справедливо. Что такое меланхолія? Грустное чувство, объемлющее душу при видѣ измѣняемости и невѣрности благъ житейскихъ, чувство или предчувствіе утраты невозвратимой и неизбѣжной. Такимъ чувствомъ была проникнута свѣтлая жизнь языческой древности, свѣтлая, какъ украшенная жертва, ведомая съ музыкою, пѣніемъ и пляскою на закланіе. Эта незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, есть характеръ древности в ея поэзіи; эта незамѣняемость есть источникъ глубокой меланхоліи, никогда не выражающейся въ жизни, но всегда соприсутственной тайно, за то весьма часто выражающейся въ поэзіи. Кто изъ новѣйшихъ имѣетъ болѣе меланхоліи Горація? Но Гораціева меланхолія понятна; она есть естественная, неискусственная физиономія, тогда какъ меланхолія новѣйшихъ поэтовъ бываетъ часто одно кривляніе. Христіанство и въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, провело рѣшительный переворотъ: тамъ, гдѣ есть Евангеліе, не можетъ быть той меланхоліи, о которой я говорилъ выше, которою все

запечатлѣно въ до-евангельскомъ мѣрѣ; теперь лучшее, верховное, все замѣняющее благо то, что одно неизмѣнно, одно существенно, дано одинъ разъ навсегда душѣ чело-вѣческой Евангеліемъ. Правда, мы можемъ и теперь, какъ и древніе, говорить: земное на минуту, все измѣняется, все гибнетъ; но мы говоримъ такъ о погибели однихъ внѣшнихъ, чуждыхъ намъ призраковъ, замѣняемыхъ для насъ вѣрными, негибнущими, существенными, внутренними, *нашими*; а древніе говорили о гибели того, что, разъ погубивъ, уже ни чѣмъ замѣняемо не было.

II.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПИСЬМО.

На эту статью были сдѣланы весьма остроумныя замѣчанія; прилагаю ихъ здѣсь съ моимъ на нихъ отвѣтомъ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я въ *Москвитяинѣ* твои стихи и письмо, твою поэтическую исповѣдь. Что же касается до меланхоліи, то правъ и ты, права и г-жа Сталь. Впрочемъ такъ и быть должно: нѣтъ ничего безусловнаго и отдѣльно цѣлаго. Конечно, въ Горации есть уныніе, но это уныніе ведетъ къ тому, что надобно торопиться жить, пѣть и веселиться; а новѣйшее или Христіанское уныніе ведетъ къ тому, что уныніе есть обязанность, душа жизни. Ты говоришь: *тамъ, гдѣ есть Евангеліе, не можетъ уже быть той меланхоліи, которою все запечатлѣно въ до-евангельскомъ мѣрѣ*. Нѣтъ, гдѣ есть Евангеліе, тамъ не можетъ, или по крайней мѣрѣ не должно быть *отчаянія*, а унынію есть мѣсто, и большое. *Върую, Господи, помоги моему невѣрью*, развѣ эта молитва не есть вопль унынія? А когда Христосъ молилъ, чтобы пронеслася мимо чаша, а когда съ Него падалъ кровавый потъ, а когда Онъ воскликнулъ: «прискорбна есть душа Моя до смерти»—развѣ это не уныніе? Религія древности есть *наслажденіе*: ему строили алтари и вся жизнь древняя была

служениемъ ему; Религія наша: *страданіе*; страданіе есть первое и послѣднее слово Христіанства на землѣ. Слѣдовательно съ Евангеліемъ должно было войти уныніе въ поэзію,—стихія, совершенно чуждая древнему міру, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Не будь безсмертія души, не будетъ и сомнѣнія и тоски. Смерть тогда сонъ безъ пробужденія, и прекрасно! О чемъ тутъ тосковать? Все уныніе, вся тоска въ томъ, что, засыпая, не знаешь, гдѣ и какъ проснешься; тоска въ томъ, что на жизнь смотришь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что вынется. *Незамыслимость здѣшной жизни, разъ утраченной въ виду чего-то, въ виду живаго чувства, было бы грустно, но въ виду безчувствія, ничтожества, она, разумѣется, и сама ничто.* Кажется Сенека сказалъ: «Чего бояться смерти? При насъ ея нѣтъ, при ней насъ уже нѣтъ.» Вотъ вѣроисповѣданіе древняго міра. А у насъ напротивъ: «Смерть начало всего.» Тутъ по неволѣ призадумался.

III.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ.

..... Жаль, что передъ глазами моими нѣтъ моего письма, напечатаннаго въ Москвитянинѣ безъ моего вѣдома. Я не помню, *что и какъ* въ немъ сказано; слѣдственно не могу защищать *своихъ* выраженій, можетъ быть и ошибочныхъ, ибо письмо написано наскоро. Я, правда, перечиталъ его и про себя, и потомъ съ Гоголемъ, но теперь ни слова не помню, и конечно многое въ немъ сказано неопредѣленно, и многія выраженія неточны. Миѣ остается возражать на *твои* мысли и *твои* слова. Миѣ кажется, что ты въ своихъ положеніяхъ ошибаешься, и ошибаешься отъ того, что не сдѣлалъ для себя *ясной дефиниціи* главнаго предмета, о которомъ говоришь. Ты смѣшиваешь два понятія, совершенно разныя: меланхолію и печаль или скорбь (а не *уныніе*, какъ ты выражаешься;

уныніе есть только слѣдствіе печали, овладѣвшей душою и преодолевшей силу ея).

Что такое меланхолія? Грустное состояніе души, происходящее отъ *невозвратной* утраты, или уже совершившейся, или ожидаемой и неизбежной. Причины меланхоліи суть причины *внѣшнія*, истекающія изъ всего того, что насъ окружаетъ и что на насъ извнѣ дѣйствуетъ. *Скорбь* или *печаль* есть состояніе души, томимой внутреннею болѣзнію, изъ самой души истекающею; и хотя причины скорби могутъ быть *внѣшнія*, но онѣ, поразивъ душу, не даютъ ее ей самой, и скорбь въ ней тогда также присутственна, какъ и сама жизнь. *Меланхолія* питается извнѣ, безъ *внѣшняго* вліянія она исчезаетъ. *Скорбь* питается извнутри, и если душа, ею томимая, не одолѣетъ ея, то она обращается въ уныніе, ведущее наконецъ къ отчаянію; если же, напротивъ, душа съ нею сладитъ, то врагъ обращается въ друга-союзника, и изъ расслабляющей душу силы (т. е. изъ силы этой скорби, ее гнетущей) вдругъ раждается великое могущество, удвояющее жизнь. *Меланхолія* есть лѣнивая нѣга, есгь—такъ сказать—грустная роскошь, мало-по-малу изнуряющая и наконецъ губящая душу. *Скорбь*, напротивъ, есть дѣятельность, столько же для побѣдившей ее души образовательная и животворная, сколь она можетъ быть разрушительна и убійственна для души, ею побѣжденной. Изъ всего сказаннаго ясно, что никакъ не должно смѣшивать понятія меланхоліи съ понятіемъ скорби. На послѣдокъ главное, существенное различіе между *меланхоліею* и *скорбію*—(я говорю здѣсь въ смыслѣ Христіанина, для котораго въ семъ отношеніи нѣтъ ничего сомнительнаго, который все строитъ на твердомъ пунктѣ Откровенія)—главное различіе состоитъ въ томъ, что *меланхолія*, грустное чувство, извлекаемое изъ невѣрности, непрочности и ничтожности всего житейскаго, ничѣмъ незамѣняемаго по утратѣ его, не можетъ быть свойствомъ, *внутреннею* принадлежностью души, по природѣ своей безсмертной, а потому и чувствующей явно или тайно свое безсмертіе, несомѣстное съ чувствомъ ничтожества, но что она входитъ въ душу *извнѣ*,

изъ окружающаго ея рыхлаго міра, какъ нѣчто ей постороннее, и къ ней прилипаетъ, какъ наростъ, какъ корка, ей чуждая; тогда какъ скорбь есть неотъемлемое свойство души, безсмертной по своей природѣ, небесной по своему происхожденію, по *падшей* и носящей въ себѣ, явно или тайно, грустное чувство сего паленія, соединенное однако съ чувствомъ возможности вступить въ первобытное свое величіе. Откровеніе даетъ дѣятельную жизнь сему темному врожденному чувству, приводя его въ ясность и указывая на средства изцѣлить недугъ паденія. Пока душу не преобразовало Откровеніе, по тѣхъ поръ она, обрѣтая въ себѣ эту ея еще неясную скорбь, стремится къ чему-то высшему, но ей неизвѣстному, и чѣмъ сильнѣе внутренняя жизнь ея, тѣмъ сильнѣе и это стремленіе, и тѣмъ глубже проникается она этою тайною скорбію. Но какъ скоро Откровеніе освѣтило душу и вѣра сошла въ нее, скорбь ея, не перемѣняя природы своей, обращается въ высокую дѣятельность, благородствуетъ душу и, не производя въ ней раздора съ окружающимъ міромъ, оцѣниваетъ его блага, ничтожныя сами по себѣ, но существенныя, когда они подчинены благамъ вышнимъ, которыя ихъ замѣняютъ, не уничтожая временной ихъ значительности въ здѣшнемъ мірѣ. Эта скорбь есть душа Христіанскаго міра. Пока она не оперлась на вѣру и Откровеніе, она можетъ повергнуться въ уныніе и безнадежность, ибо тогда врожденное стремленіе души не имѣетъ предмета. Съ вѣрою же (подъ словомъ вѣры я разумѣю одну только вѣру во Христа) она ведетъ къ глубокому миру, и наконецъ принимаетъ на себя свѣтлый образъ этого мира, при которомъ все земное становится яснымъ и все наше драгоценнѣйшее вѣрнымъ. Это состояніе души не есть *знаніе*, ибо человекъ не созданъ *знать*, но болѣе, нежели *знаніе*: это *вѣра*, самый возвышенный, самый свободный и самобытный актъ души человѣческой, вѣра — дитя скорби. Блаженный Августинъ, кажется, говоритъ: «Мнѣ не нужно *знать*, чтобъ *вѣрить*, но *вѣрить*, чтобъ *знать*.»

Покажется парадоксомъ, если сказать, что меланхолія есть элементъ міра древняго (здѣсь подъ міромъ древнимъ

разумѣтся классическій міръ Грековъ и Римлянъ), но оно такъ: я говорю элементъ, т. е. составъ, входящій въ образованіе внутренняго характера жизни древнихъ. Они имѣли вполне развитую гражданскую матеріальную жизнь, но не имѣли дополненія, необходимаго этой жизни, того именно, что ее упрочиваетъ в благородствуетъ; ихъ религія принадлежала тѣснымъ предѣламъ этой матеріальной жизни; она не входила во внутренность души, напротивъ извлекала ее изъ самой себя, наполняя внѣшній міръ, ее окружающій, своими поэтическими созданіями, повторявшими, въ другомъ только размѣрѣ, всѣ событія ежедневной матеріальной жизни. Но въ замѣнъ земнымъ утратамъ ничего не представляла. Отецъ боговъ, Юпитеръ, самъ былъ великій развратникъ; утѣшить и подкрѣпить въ бѣдахъ онъ не былъ способенъ, принималъ экатомбы, но не могъ ничего противъ слѣпаго, безжалостнаго фэтума. Всѣ сокровища были на землѣ; все заключалось въ земныхъ радостяхъ и все съ ними исчезало. И такъ естественно, что душа, ничего кромѣ сихъ измѣнчивыхъ благъ не имѣя, къ нимъ съ жадностію приликала и предавалась ихъ наслажденію, отворачивъ глаза отъ парки, во всякое время съ нимъ неразлучной. У каждаго на пиру жизни висѣлъ надъ головою на тонкомъ волоскѣ мечъ Дамоклесовъ, но потому именно, что онъ у каждаго висѣлъ надъ головою, всѣ общою толпою шумѣли весело на пиру и спѣшили насытиться по горло. Каждый самъ про себя, ясно или неясно, чувствовалъ, что, когда соберутъ со стола, ужъ другаго ему не накroютъ; но увлеченный общимъ шумнымъ порывомъ, не обращалъ вниманія на это чувство, или вопреки ему удваивалъ свои подвиги на всемірной оргіи. Иногда какой-нибудь Горацій, но и тотъ только для того, чтобы подстрекнуть наслажденіе, восклицалъ посреди этой суматохи:

Лови, лови летящій часъ!

Онъ, улетѣвъ, не возвратится!

Эти слова меланхолически высказываютъ печальную истину; но только для того, чтобы сильнѣе прилѣпить къ милому заблужденію, чтобы наложить новый блестящій

покровъ на скелетъ жизни. Но этотъ скелетъ во всей своей отвратительности выскакивалъ изъ цвѣтовъ, на него набрасываемыхъ безпечною, когда какой-нибудь простодушный Гомеръ, совсѣмъ не мысля щеголять меланхолическими картинами, приводилъ своего Одиссея къ воротамъ Аида и заставлялъ тѣни умершихъ высказывать ему тайну жизни. Все это доказываетъ, что въ мѣрѣ древнемъ меланхолія (въ томъ смыслѣ, который я къ сему слову привязываю), будучи печальнымъ, постояннымъ элементомъ самой жизни, по тому именно не могла быть высказываема, а только временемъ бывала ощутительна въ ея внѣшнихъ явленіяхъ. Древніе брали жизнь *цѣликомъ*, спѣшили вополнѣ ея воспользоваться; наслажденіе было ихъ единственною цѣлью; далѣе здѣшней жизни ничто имъ не представлялось. И они умѣли употреблять ее по-своему; и это искусство употребленія жизни особенно выражается въ поэзій и въ скульптурѣ: какая вѣрность, свѣжесть, полнота формъ, какое пластическое совершенство! И если что-нибудь меланхолическое проскакиваетъ въ этихъ плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, то это какъ будто ненарокомъ; эта тайна, неволью проговорившаяся: эго колодникъ, заключенный въ темномъ подвалѣ подъ чертогомъ пиршественнымъ, на минуту вырвавшійся изъ затвора и пробѣжавшій передъ толпою пирующихъ, чтобы снова попасть въ руки тюремщиковъ и возвратиться въ свое темное заключеніе. Христіанство своимъ явленіемъ все преобразовало. И если великъ переворотъ, въ жизни общественной имъ произведенный, то переворотъ, произведенный во внутренней жизни, гораздо обширнѣе и глубже. Откровеніе разоблачило передъ человѣкомъ его высокую природу и возвеличило человѣческую душу, указавъ ей ея паденіе и вмѣстѣ съ нимъ ея право на утраченное совершенство и блаженство, возвращенныя ей *искупленіемъ*. Изъ внѣшняго міра матеріальной жизни, гдѣ все прельщаетъ и гибнетъ, оно обратило насъ во внутренній міръ души нашей; легкомысленное, ребяческое наслажденіе внѣшнимъ уступило мѣсто созерцанію внутреннему; за всякое заблужденіе надежды, ласкавшейся обрѣсти вѣрное существонное въ из-

мѣняющемъ внѣшнемъ, нашлось вознагражденіе въ сокровищницѣ вѣры, которая все наше драгоцѣнное, все, существенно душѣ нашей принадлежащее, застраховало на уплату послѣ смерти въ иномъ мірѣ. Какое же мѣсто можетъ въ этомъ Христіанскомъ мірѣ найти меланхолія, которая не иное что, какъ тоска посреди разрушенія и утратъ, ни чѣмъ незамѣяемыхъ, тогда какъ въ Христіанскомъ мірѣ настоящему нѣтъ утратъ! Гибнетъ только то, что не наше; все же, что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души, упрочено ей на всю вѣчность. До Христіанства душа, еще не воздвигнутая искупленіемъ, была преисполнена темнымъ чувствомъ паденія, тайною, часто неощутительною печалію (эта печаль относительно внѣшняго есть то, что я называю меланхоліею). Христіанство, побѣдивъ смерть и ничтожество, измѣнило и характеръ этой внутренней, врожденной печали. *Изъ унынія*, въ которое она повергала и которое или приводило къ безнадежности, губящей всякую внутреннюю дѣятельность, или насильственно влѣкло душу въ заглушавшую ее матеріальность въ шумѣ внѣшней жизни, оно образовало эту животворную *скорбь*, о которой я говорилъ выше и которая есть для души источникъ самобытной и побѣдоносной дѣятельности.

Но отъ чего *выраженія* меланхоліи мы не находимъ въ поэзіи древней и отъ чего имъ такъ изобильна поэзія Христіанская? Древніе по той же причинѣ не выражали меланхоліи въ идеальныхъ произведеніяхъ поэзіи и искусства, по которой они ее выгнали изъ своей дѣйствительной жизни. И мы видимъ, какъ всѣ эти произведенія чисты и далеки отъ всякой туманности, отъ всякой таинственности, придающей такую прелесть произведеніямъ поэтовъ и артистовъ не-классическихъ. Жизнь древнихъ отразилась передъ ними въ созданіяхъ искусства, во всей ея пластической опредѣленности (ибо что иное искусство, какъ не слѣпокъ жизни и міра, сдѣланный такимъ точно, какимъ видитъ и понимаетъ его душа наша?) Какъ же очутилось выраженіе меланхоліи въ поэзіи Христіанской? Сперва надобно сдѣлать въ этомъ вопросѣ маленькую поправку: не въ поэ-

зів Христіанской, а въ поэзіи по распространеніи Христіанства. Великая разница. Поэтъ, наполненный духомъ Евангелія, поэтъ-Христіанинъ не можетъ ни самъ предаваться той меланхоліи, о которой говорено выше, ни передавать ее поэзіи. Его вдохновеніе имѣетъ иной характеръ. Въ Дантѣ нѣтъ меланхоліи; въ Шекспирѣ ея нѣтъ; въ Валтеръ-Скоттѣ ея не найдешь. Но между-тѣмъ она одна изъ самыхъ звучныхъ струнъ романтической лиры, (т. е. лиры, настроенной послѣ распространенія Христіанства). Этотъ феноменъ изъяснить не трудно; Христіанство открыло намъ глубину нашей души, увлекло насъ въ духовное созерцаніе, соединило съ міромъ внѣшнимъ міръ таинственный, усилило въ насъ все душевное: это отразилось въ жизни дѣйствительной; страсти сдѣлались глубже, геройство сдѣлалось рыцарствомъ, любовь самоотверженіемъ; все получило характеръ какой-то духовности. Это равномерно отразилось и въ поэзіи—и точно какъ древній поэтъ схватываетъ живо, свѣжо и рѣзко окружающіе его матеріальные образы, и только поверхностно, но съ удивительною вѣрностью изображаетъ страсти, столь же поверхностныя, какъ и ихъ изображенія; поэтъ романтической, менѣе заботясь о вѣрности своихъ очерковъ, менѣе заботясь о красотѣ пластической (въ изображеніи которой впрочемъ и не сравнился бы онъ съ древними, успѣвшими прежде его схватить всѣ главныя черты), углубляется въ выраженіе таинственнаго, внутренняго, преслѣдуетъ душу во всѣхъ ея движеніяхъ и высказываетъ подробно всѣ ея тайны. Теперь пускай поэтъ романтической, введенный Христіанствомъ во всѣ тайны души человѣческой, не будетъ имѣть въ собственной душѣ своей Христіанскаго элемента; пусть будетъ онъ по своему вѣроисповѣданію *язычникъ*, (а *язычникъ* — романтикъ гораздо болѣе *язычникъ*, нежели *язычникъ-классикъ*; сей послѣдній *язычникъ* по незнанію, а тотъ *язычникъ* по *отрицанію*), пусть будетъ онъ Христіанинъ только по эпохѣ, въ которую живетъ, а невѣрующій по своему образу мысліи и чувствованія, — въ какую бездну меланхоліи должна погрузиться душа его, обогащенная всѣми сокровищами отрицаемаго имъ Христіанства! Въ этомъ арсеналѣ, т. е. въ

арсеналъ меланхоліи найдетъ онъ самое сильное свое оружіе, древнимъ неизвѣстное и тѣмъ сильнѣйшее, что оно будетъ въ противоположности съ окружающимъ его міромъ, и что онъ самъ отъ оппозиціи съ этимъ міромъ присоединитъ къ сильному меланхолическому чувству силу негодованія и презрѣнія. Примѣръ Байронъ: конечно обстоятельства жизни помогли освирѣпѣть его гордому гению; но главный источникъ его меланхолическаго негодованія есть скептицизмъ. Какъ поэтическая краска, меланхолія изъ всѣхъ поэтическихъ красокъ самая сильная; поэзія живетъ контрастами. Самые привлекательные характеры (т. е. поэтически привлекательные) въ поэзіи суть тѣ, которые наиболѣе возбуждаютъ чувство меланхолическое: сатана въ Мильтоновомъ Раю, Аббадона у Клопштока. Въ Христіанскомъ мірѣ, гдѣ все ясно и прочно, картины меланхолическія никого не пугаютъ; мы наслаждаемся имъ, какъ челоуѣкъ, сидящій на берегу, наслаждается зрѣлищемъ бури. И поэты романтическіе до излишества пользуются симъ дѣйствительнымъ способомъ производить поэтическія впечатлѣнія. Но ихъ меланхолическія жалобы, невѣстныя ни съ Христіанскою скорбію, ни съ Христіанскимъ покоемъ, изъ этой скорби истекающимъ, могутъ быть трогательны и дѣйствительны только тогда, когда выражаютъ не вымышленныя, а дѣйствительныя страданія души, томимой чувствомъ собственнаго ничтожества и невѣрности всего, что мило ей на свѣтѣ, тѣмъ болѣе рѣзкимъ, что они сами бѣжали съ отвергнутаго ими неба или не имѣли силы войти въ его врата, отворенныя Христіанствомъ, и плачутъ о немъ въ виду его свѣта, какъ Аббадона, или негодуютъ на него, какъ Сатана, его оттолкнувшій. Самый меланхолическій образъ представляетъ намъ Сатана. Онъ палъ произвольно; онъ все отвергъ по гордости; онъ все отрицаетъ, *зная навѣрное*, что отрицаемое имъ есть истина. И такъ божественное ему вѣдомо, и онъ, зная его, произвольно свое знаніе отрицаетъ.... невѣріе съ яснымъ убѣжденіемъ, что предметъ его есть верховная истина и что эта истина есть верховное благо:—что можетъ быть ужаснѣе такого состоянія души, и

въ то же время что грустишь, когда представишь себѣ, что сей произвольный отрицатель былъ иѣкогда свѣтлый ангелъ?

Надобно кончить. Но я написалъ свое длинное разсужденіе, (короче написать не умѣлъ) по поводу твоихъ *выраженій*, а собственно въ отвѣтъ на твои слова не сказалъ ничего. Слѣдуетъ на минуту и къ нимъ обратиться. «*Конечно,—говоришь ты,—въ Горациіи есть уныніе, но это уныніе ведетъ къ тому, что надобно торопиться жить, пить и веселиться.*» И я тоже говорю; и эта поспѣшная жадность хватать наслажденіе есть признакъ боязни, что оно быстро уйдетъ и навѣки. «*Христіанское уныніе ведетъ къ тому, что уныніе есть обязанность, душа жизни.*» Христіанскаго унынія нѣтъ, а есть христіанская скорбь: она не есть обязанность, она истекаетъ изъ самой природы падшаго и чувствующаго свое паденіе человѣка, и потому она можетъ назваться душою жизни; но она не парализируетъ, не ослабляетъ и не мрачитъ жизни, а животворитъ ее, даетъ ей сильную дѣятельность и стремится ее къ свѣту. Безъ вѣры сія скорбь могла бы привести къ унынію и отчаянію; съ вѣрою она ведетъ къ свѣтлому миру и смиренію. «*Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!*» Эту молитву я слишкомъ знаю, но она есть крикъ не унынія, а скорби, и если этотъ крикъ вырывается изъ глубины сердца, то на него будетъ отвѣтъ несомнѣнный, ибо сердце знаетъ, къ *Кому* вопіеть; знаетъ, что этотъ имъ Призываемый ему внемлетъ, что вѣра есть величайшій даръ Его благодати и что Онъ даетъ се, когда произвольно и покорно протянешь руку для принятія Его дара. Спаситель на горѣ скорбѣлъ, какъ человѣкъ, но Онъ не унывалъ, и въ эту минуту передпослѣдняго Его земнаго поприща выразился въ Немъ весь Имъ преобразованный человѣкъ, во всей силѣ своего земнаго страданія (*душа Моя прискорбна до смерти; да пройдетъ чаша мимо*) и во всей божественности Своего ведущаго къ небу смиренія (*не якоже Азъ хочу, но якоже Ты*). Страданіе и молитва на горѣ Елеонской есть верховное изображеніе жизни Христіанина, которая вся выражается въ одномъ словѣ: смиреніе. — «*Религія древнихъ есть наслажденіе; ему строили алтари и вся*

жизнь древнихъ была ему служеніемъ.» Это совершенная правда; но это говорю и я. *«Религія наша есть страданіе; оно первое и послѣднее слово Христіанина на землѣ.»* Вѣрнѣе сказать, религія наша есть утѣшеніе; страданіе есть принадлежность жизни. Ни мы не найдемъ, ни постановленія гражданскія не создадутъ для насъ такого счастья земнаго, которое было бы безъ утратъ, и никто не выгонитъ изъ жизни испытующаго или губящаго ее несчастія, изъ насъ самихъ или изъ обстоятельствъ внѣшнихъ истекающаго. Одна религія, религія Христіанская (ибо другой быть не можетъ) заговорила несчастіе, замѣнила высшими, прочными благами благо минутное, и страданіе, столь противное безвѣрію, превратилось въ драгоцѣннѣйшее земное сокровище. Что передъ этимъ наслажденіе (т. е. наслажденіе, взятое какъ главная пружина жизни)? Чувственное раздраженіе души, повергающее ее наконецъ въ такое же состояніе, въ какое излишнее употребленіе опиума повергаетъ тѣло. И что должно таиться въ глубинѣ той жизни, которая этому идолу строить алтари и ему одному себя покоряетъ? *«Съ Евангеліемъ должно было войти уныніе въ поэзію.»* Правда, тоже говорю и я; но это уныніе, вошедшее вмѣстѣ съ Евангеліемъ въ поэзію, не изъ Евангелія вышло. Это объяснено выше.

Послѣдняя твоя фраза весьма замѣчательна, какъ остроумное злоупотребленіе слова. *«Не будь безсмертія души, не будетъ сомнѣнія и тоски; смерть тогда сонъ безъ пробужденія, и прекрасно! О чемъ тутъ тосковать? Все уныніе, вся тоска въ томъ, что засыпая не знаешь, гдѣ и какъ проснешься; тоска въ томъ, что на жизнь смотришь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что вынешь. Незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, въ виду чего-то, въ виду живаго чувства была бы грустью; но въ виду безчувствія, ничтожества она и сама ничто. Кажется, Сенека сказалъ: «чего бояться смерти? При насъ ея нѣтъ; при ней насъ уже нѣтъ! Вотъ въроисповѣданіе древняго міра. А у насъ напротивъ: «смерть начало всего! Тутъ по неволѣ призадумался!»* Читая это, подумаешь, что оно написано не живымъ, а мерт-

вечномъ, заснувшимъ тѣмъ непробуднымъ сномъ, который такъ приятенъ и роскошенъ, когда онъ уже наступилъ и когда началъ нѣжить усталые члены сибарита, имъ улетѣннаго и вбирающаго въ себя всю сладость усыпленія, всю роскошь безчувствія и самозабвенія: подумаешь, что полупробужденный на минуту какимъ-нибудь гальваническимъ процессомъ этотъ мертвецъ высказалъ безъ своего вѣдома свою могильную тайну живущимъ, изъ которой слѣдуетъ, что сонъ ничтожности покоенъ. Хорошо для мертвыхъ, но какаѣ польза отъ этой тайны живущимъ, пока они живы, пока они дѣйствуютъ, любятъ, замышляютъ великое, страдаютъ, терпятъ гоненія, и проч. и проч.? Хорошо же твое вѣроисповѣданіе древняго міра! Если оно подлинно таково, то что безнадежнѣе и мрачнѣе? Если оно подлинно таково, то *по неволѣ*, какъ говоришь ты, *приадумаешься*; по неволѣ примешься потомъ плясать, пить, веселиться и пѣть, чтобы какъ нибудь докружиться до этого сна непробуднаго, столь сладкаго, какъ мгновенное послѣднее событіе, и столь печальнаго, какъ цѣль цѣлой долговременной жизни. Чтобы отвѣчать ясно на твою послѣднюю фразу, надобно ее просто переписать, съ нѣкоторыми только вставками. «*Не будь безсмертій души, не будетъ и сомнѣнія*», а будетъ напротивъ полное убѣжденіе, что жизнь есть дѣло случая, преданная во власть слѣпой необходимости, безъ ободрительнаго будущаго, съ прошедшимъ, на вѣки утраченнымъ, съ одною мечтательною минутою настоящаго, которую скорѣе надлежитъ заклеить наслажденіемъ, чтобы хоть что-нибудь урвать (безъ надежды его сохранить) у мимолетающаго призрака жизни; *не будетъ и тоски*, т. е. не будетъ стремленія ни къ чему, общаемоу надеждою, упроченному вѣрою, ни къ чему еще не-нашему, но вѣрному и замѣняющему съ лихвою наше здѣшнее невѣрное; *смерть тогда сонъ безъ пробужденія*, и это совсѣмъ не прекрасно! *И есть о чемъ тутъ тосковать* тому, перелъ къмъ мерещится вдали одинъ только этотъ сонъ, какъ итогъ, какъ послѣдній результатъ жизни; эта вся тоска особенно состоитъ въ томъ, что засыпая, онъ не знаетъ, *гдѣ и какъ проснется*; не знаетъ потому, что смотреть на жизнь сквозь

черное стекло скептицизма, а не при свѣтѣ истиннаго Спасителя, Который говоритъ: «да не смущается сердце ваше! вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; въ дому Отца Моего обитатели многи суть; иду уготовать мѣсто вамъ, да и вы тамъ будете, гдѣ Я буду.» Вся тоска въ томъ, что онъ смотритъ на жизнь, какъ на лоскутокъ чего-то, какъ на программу, какъ на лотерейный билетъ, не зная, что вынется; и смотритъ такъ потому, что, заключивъ эту жизнь въ тѣсныхъ предѣлахъ здѣшняго праха, хочетъ ее разгадать своимъ умомъ, строящимъ свои доказательства изъ того же праха, по закону необходимости, признаваемой гордостію его за свободу, и не спрашивается съ вѣчнымъ Откровеніемъ, которое на все дастъ отвѣтъ удовлетворительный; которое въ мнимомъ лоскуткѣ показало бы ему вѣчное цѣлое, истолковало-бъ ему непонятную имъ программу, въ которой все содержаніе жизни съ ея начала до вѣчности подробно означено, и убѣдило бы его, что жизнь не билетъ лотерейный, вынимаемый паркою изъ урны фатума, а вѣчный жребій, благодатно даруемый свободной душѣ любовью и правосудіемъ спасающаго Бога. Слѣдующія строки я не совсѣмъ понимаю, потому и прохожу ихъ мимо. А Сенека, по своему обыкновенію, сумничалъ: мысль его въ переводѣ на здравый смыслъ можно выразить такъ: пока мы живы, то еще не умерли; а когда умерли, то уже не живы. Нужно было играть словами, чтобъ сказать такую великую истину! Наконецъ послѣднее: «а у насъ напротивъ: смерть начало всего! Тутъ по неволѣ призадумашься!» Подумаешь, что, поставивъ эту смерть въ противоположность съ вѣроисповѣданіемъ древнихъ, ты хочешь тѣмъ сказать, что у нихъ всему начало жизнь. Правда, у древнихъ все жизнь, но жизнь, заключенная въ земныхъ предѣлахъ, и далѣе ничего: съ нею всему конецъ! У Христіанъ все смерть, т. е. все земное, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ міра, ничтожно; и все, что душа, нетлѣнно, все жизнь вѣчная. И все это отъ того, что у нихъ есть Одинъ, Который смертію слерть попра и суцимъ во гробльхъ животь дарова!

НѢЧТО О ПРИВИДѢНІЯХЪ.

Вѣрить или не вѣрить привидѣніямъ? Прежде нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, надлежитъ опредѣлить, что такое привидѣніе. Я *видѣлъ* значитъ: моимъ открытымъ глазамъ, на яву, представился предметъ, подлежащій чувству зрѣнія; миѣ *приснилось* значитъ: я видѣлъ не на яву, съ закрытыми глазами предметъ, не подлежащій чувству зрѣнія; миѣ *привидѣлось* значитъ: я видѣлъ на яву, открытыми глазами предметъ, не подлежащій чувству зрѣнія. И такъ привидѣніе есть вещественное явленіе предмета невещественнаго. Если этотъ предметъ, который намъ въ минуту видѣнія кажется существеннымъ и отъ насъ отдѣльнымъ, есть не иное что, какъ нѣчто, внутри насъ самихъ происходящее, то онъ самъ по себѣ не существуетъ: здѣсь нѣтъ еще привидѣнія. Оно бываетъ тогда, когда передъ нами совершается явленіе существъ духовныхъ, нами видимыхъ, но не подлежащихъ чувству зрѣнія. И такъ *вѣрять ли привидѣніямъ?* Значитъ вѣрять ли дѣйствительности такихъ существъ и ихъ чувственному съ нами сообщенію? Когда мы спимъ, дѣйствіе внѣшняго на насъ прекращается; и видя сонъ, мы видимъ безъ предмета, не употребляя на то органовъ зрѣнія, Если бы сновидѣнія были не такъ обыкновенны, если бы имѣть ихъ могли весьма немногіе в тѣ весьма рѣдко, то и сновидѣнія казались бы намъ невѣроятными, ибо въ нихъ есть нѣчто, противорѣчащее естественному порядку. Бываютъ *сны на яву*, которые весьма близко подходятъ къ тому, что мы назвали привидѣніемъ. Иногда еще глаза не закрылись, еще всѣ

окружающiе насъ предметы намъ видимы, а уже сонъ овладѣлъ нами и уже въ сновидѣнiи, въ которое мы перешли нечувствительно, совершается передъ нами что-то, совсѣмъ отличное отъ того состоянiя, въ которомъ мы были за минуту, что-то странное, всегда болѣе или менѣе приводящее въ ужасъ; и если мы проснемся, не замѣтивъ быстраго нашего перехода отъ бдѣнiя ко сну и наоборотъ, то легко можемъ остаться съ мыслию, что съ нами случилось нѣчто неестественное. Вотъ примѣръ: покойный А. М. Дружининъ (бывшiй, кажется, въ Москвѣ главнымъ директоромъ училищъ) разсказалъ мнѣ слѣдующiй замѣчательный случай:

« Я былъ (такъ говорилъ онъ) коротко знакомъ съ докторомъ Берковичемъ. Однажды (это было зимою) онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ г-жею Перець къ себѣ на вечеръ; мы провели этотъ вечеръ весьма весело и особенно веселъ былъ самъ хозяинъ. Пробыло десять часовъ; жена Берковича сказала ему: поди, посмотри, накрываютъ ли на столъ? Пора ужинать. Дверь изъ гостиной вела прямо въ столовую. Берковичъ вышелъ и черезъ минуту возвратился. Скоро ли? спросила жена. Онъ молча кивнулъ головою. Я посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что онъ блѣденъ, какъ полотно; веселость его пропала, во весь остатокъ вечера онъ не сказалъ почти ни слова. Съѣли за столъ, отужинали; госпожа Перець собралась ѣхать къ себѣ и Берковичъ пошелъ проводить свою гостью съ крыльца. Сажая ее въ карету, онъ попалъ ногами въ снѣгъ, который лежалъ сугробами кругомъ подъѣзда (во весь день была жестокая метель); весьма вѣроятно, что въ эту минуту онъ простудился. На другой день пришли мнѣ сказать, что Берковичъ въ постели и что онъ зоветъ меня къ себѣ; я самъ хотѣлъ его навѣстить, ибо меня тревожила грустная мрачность, замѣченная мною въ немъ наканунѣ. И вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ, когда я у него спросилъ объ ея причинѣ: мнѣ скоро умереть; я видѣлъ своими глазами смерть мою. Когда вчера я вышелъ изъ гостиной въ столовую, чтобы узнать, скоро ли подадутъ ужинъ, я увидѣлъ, что столъ накрытъ, что на столѣ гробъ, окру-

женный свѣчами, и что въ гробу лежу я самъ. Будь увѣренъ, что вы скоро меня похороните.—И дѣйствительно, Берковичъ черезъ короткое время умеръ.»

Весьма вѣроятно, что въ тѣлѣ его былъ зародышъ болѣзни; простуда развила болѣзнь, а болѣзнь съ помощію воображенія, испуганнаго призракомъ, произвела смерть. Но что же было этотъ призракъ? Сонъ на яву, видѣніе несуществующаго образа, такое же, какое бываетъ, когда сновидѣніемъ выражается или тревожное состояніе души нашей или болѣзненное разстройство нашего тѣла. Здѣсь было не иное что, какъ сновидѣніе въ состояніи бодрствованія, происшедшее отъ той же причины, какая по большей части производитъ всякое другое сновидѣніе; здѣсь видѣніе не отдѣлено отъ видящаго, видѣніе безъ предмета; здѣсь нѣтъ еще привидѣнія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его опредѣляли, хотя и есть что-то необычайное, естественному порядку не принадлежащее.

Бываютъ другаго рода видѣнія *на яву*, видѣнія образъ, дѣйствительно отъ насъ отдѣльныхъ и кажущихся намъ внѣ насъ существующими, самобытными; хотя на самомъ дѣлѣ они не могутъ имѣть ни существенности, ни самобытности. Къ сему роду принадлежитъ извѣстное видѣніе короля Шведскаго, Карла XI. Что онъ видѣлъ, то было описано имъ самимъ. Этотъ актъ скрѣпленъ подписью самаго короля и двухъ или трехъ находившихся при немъ свидѣтелей. Я читалъ его въ нѣмецкомъ литературномъ переводѣ, сдѣланномъ по требованію К. П. Не имѣя теперь предъ глазами этого перевода, я долженъ слѣдовать повѣствованію Проспера Мериме, которое во всемъ главномъ вѣрно, хотя Мериме, по образу и подобию своихъ соотечественниковъ, не могъ воздержаться, чтобы не украсить простой истины вымысломъ нѣкоторыхъ живописныхъ обстоятельствъ. Расскажу коротко и просто. Въ то время, когда случилось описываемое здѣсь происшествіе, король Карлъ XI, знаменитый отецъ Карла XII, жилъ въ старомъ Стокгольмскомъ дворцѣ, (новый, нынѣ существующій и имъ заложенный, еще не былъ достроенъ). Этотъ дворецъ имѣлъ форму подковы, на концѣ одного флигеля былъ кабинетъ короля, на концѣ другаго, окнами прямо противъ кабинета

королевскаго, находилась палата государственныхъ штатовъ. Было поздно; король сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ каминомъ; съ нимъ, по словамъ Мериме, находились камергеръ Браге и докторъ Баумгартенъ (въ оригинальнѣ актѣ названы, кажется, другіе); король былъ задумчивъ и мраченъ; вставъ съ мѣста, онъ началъ, не говоря ни слова, ходить взадъ и впередъ по горницѣ. Вдругъ онъ остановился: онъ увидѣлъ, что въ окнахъ противоположной палаты былъ яркій свѣтъ; это не могло быть отъ луны—луна не свѣтила и на небѣ лежали тучи; это не могъ быть пожаръ—сіяніе было спокойное и не имѣло багряности пожарной; нельзя было также подумать, чтобы тамъ какой-нибудь изъ слугъ придворныхъ ходилъ съ факеломъ—отъ одного факела не произошло бы такого яркаго повсемѣстнаго освѣщенія. «Видите ли?» спросилъ король своихъ собесѣдниковъ. Что это значить?» Всѣ были изумлены, и никто не могъ придумать объясненія видимому. «Велите позвать кастелана, чтобы онъ принесъ и ключъ отъ палаты.» Кастеланъ явился; король пошелъ съ нимъ вмѣстѣ черезъ дворецъ, провожаемый другими, которые несли свѣчи. Вступивши въ пространную переднюю палаты, они увидѣли, что она вся была обтлнута чернымъ сукномъ; изъ-подъ дверей палаты яркою полосой свѣтилось. Король приказалъ кастелану отворить дверь, но примѣтя, что онъ, дрожа отъ страха, не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину, взялъ ключъ изъ его руки и сказавъ: «съ нами Богъ» самъ отперъ двери. Онъ смѣло вошелъ въ палату; за нимъ всѣ другіе. Они увидѣли, что палата была освѣщена множествомъ свѣчъ, и что въ ней происходилъ совѣтъ государственныхъ штатовъ. Члены молча сидѣли вдоль стѣнъ на банкеткахъ; всѣ были въ траурѣ. Посреди палаты, кругомъ стола, покрытаго чернымъ сукномъ, застѣдали судьи, также одѣтые въ трауръ; ихъ президентъ имѣлъ передъ собою раскрытую книгу. На тронѣ, находившемся прямо противъ входа, лежалъ мертвый, покрытый порфиромъ; близъ него былъ виденъ юноша, имѣвшій на головѣ корону и въ рукѣ скиптръ; съ нимъ рядомъ стоялъ человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, въ старинной одеждѣ администраторовъ Шведскихъ; на

полу между столомъ лежала плаха и при ней топоръ. Въ ту минуту, когда король вступилъ въ палату, президентъ ударилъ рукою по книгѣ; по этому знаку боковая дверь отворилась, изъ нея вышло нѣсколько человекъ благородной наружности, въ богатыхъ одеждахъ, но руки ихъ были связаны на спинѣ; за ними слѣдовалъ палачъ. Тотъ, кто между ними казался главнымъ, взглянулъ на трупъ, лежавшій на тронѣ; изъ раны трупа брызнула кровь, какъ будто въ обличеніе убійства, и обличенный смѣло приблизился къ плахѣ, положилъ на нее голову, палачъ взмахнулъ топоромъ, отрубленная голова запрыгала и, перекатившись черезъ всю палату, остановилась у ногъ короля: капля крови упала на одну изъ его туфель. До сей минуты онъ стоялъ неподвижно, смотря въ безмолвномъ изумленіи на происходившее; но тутъ онъ сдѣлалъ быстро нѣсколько шаговъ впередъ и громко воскликнулъ, обратясь къ тому, кто имѣлъ на себѣ одежду администратора: «Если ты отъ Бога, говори, а если отъ другаго, исчезни.» Тогда послышался голосъ: «Король Карлъ, эта кровь не при тебѣ...» (тутъ звуки сдѣлались менѣе вняты) еще пять царствованій..... горе потомству Вазы!» Голосъ замолчалъ, и въ эту минуту всѣ образы начали, какъ туманъ, рѣдѣть и дѣлаться прозрачнѣе; скоро все исчезло, осталась одна пустая палата, темно освѣщенная свѣчами, горѣвшими въ рукахъ сопутниковъ Карла. Король возвратился въ свой кабинетъ; онъ не могъ сомнѣваться въ существенности видѣнія, котораго неоспоримымъ свидѣтельствомъ была капля крови, запекшаяся на его туфлѣ. Полный еще свѣжаго впечатлѣнія, онъ тутъ же записалъ со всѣми подробностями то, что видѣлъ, скрѣпилъ описаніе своею подписью, съ нимъ вмѣстѣ подписались и всѣ другіе свидѣтели. Этотъ актъ находится въ государственномъ архивѣ Шведскомъ. Пять царствованій прошли и горе, произнесенное надъ потомствомъ Вазы, совершилось: потомство Вазы утратило корону Швеціи. А казнь убійцы, трупъ на тронѣ, старый администраторъ и коронованный юноша прямо указываютъ на Анкерштрема, на застрѣленного имъ Густава III, на Карла XIII, бывшаго регентомъ и королемъ, и на послѣд-

няго Вазу, Густава Адольфа, своимъ упрямствомъ сверженнаго съ престола, по своимъ высокимъ характеромъ достойнаго лучшей участи.

Неоспоримое свидѣтельство утверждаетъ дѣйствительность сего событiя, и все, что оно пророчествовало, совершилось; но само по себѣ оно навсегда останется непостижимымъ для нашего разума. Здѣсь нѣчто, еще не бывшее, принимаетъ задолго до своего событiя существенный образъ, видимый многими; и что же этотъ образъ? Онъ не духъ, пребывавшій нѣкогда въ живомъ тѣлѣ и продолжающій жить и являться, когда явленiе матеріальной жизни уже прекратилось. Здѣсь напротивъ является видимо образъ чего-то не бывшаго, а только возможнаго; что-то символическое прiемлетъ характеръ вещественнаго, цѣльный образъ чего-то сборнаго, никакой личности не имѣющаго; это воздушная картина, соединяющая въ однихъ рамахъ портреты, списанные кѣмъ-то съ лицъ, которыхъ еще нѣтъ и которыя когда-то будутъ.

Наконецъ привидѣнiе въ собственномъ смыслѣ, т. е. явленiя *духовъ*, явленiя, въ которыхъ существа безтѣлесныя, самобытныя произвольно представляются глазамъ нашимъ, при полномъ дѣйстви нашихъ чувственныхъ органовъ, при полномъ нашемъ сознании, что мы дѣйствительно видимъ (или слышимъ) то, что у насъ совершается передъ глазами. Расскажу два случая. Преданiе говоритъ, что въ XVII вѣкѣ въ Дюссельдорфѣ, въ герцогскомъ замкѣ совершилось великое преступленiе. Тогда женою герцога Юлихъ-Клеве-Бергскаго, полоумнаго Іоанна Вильгельма, была Якоба, принцесса Баденская. Она имѣла сердечную привязанность къ графу Мандеру, но ее выдали насильно за герцога. По наущенiю герцоговой сестры, Сибиллы, жестоко ненавидѣвшей Якобу, сія послѣдняя была обвинена въ нарушенiи супружеской вѣрности; ее предали суду, заключили въ темницу, но прежде нежели виновность ея (весьма впрочемъ сомнительная) могла быть доказана судомъ, она вдругъ умерла скоропостижно. Ее поспѣшно схоронили; это произвело подозрѣнiе, что смерть ея была неестественная и что виновницею этой смерти была Сибилла.

Теперь замокъ герцоговъ Бергскихъ, сцена этихъ древнихъ ужасовъ, обращенъ въ академію живописи ; онъ столица знаменитой Дюссельдорфской школы, въ немъ царствуетъ мирный геній искусства. Но преданіе о давнишнемъ убійствѣ, подѣ кровлею его совершившемся, сохранилось въ народѣ, и не одно преданіе : сама преступница , казнимая гнѣвомъ небеснымъ, посѣщаетъ мрачною тѣнью то мѣсто, которое было свидѣтелемъ ея злодѣйства. Однимъ является она видимо , другіе не видятъ ея, а только слышать ; иныхъ какимъ-нибудь знакомъ она извѣщаетъ о своемъ таинственномъ присутствіи. Вотъ что между прочимъ случилось съ живописцемъ Бланкомъ. (Это рассказано мнѣ однимъ изъ его академическихъ товарищей). Онъ сидѣлъ за работою въ длинной залѣ, гдѣ находится картинная галлерей и гдѣ обыкновенно бываетъ выставка живописи ; изъ нея съ одной стороны ходъ на парадное крыльце, а съ другой двери въ меньшую залу академіи, составляющую съ другими горницами довольно длинную анфиладу. Начиная смеркаться ; живописецъ былъ занятъ своею работою, спѣша ее кончить до наступленія темноты, — вдругъ онъ слышитъ, что двери, ведущія съ крыльца въ галлерей, отворились и что мимо его кто-то проходитъ, а кто не видно. По шороху платья, (похожему на шумъ отъ атласнаго шлейфа) женщина. Она идетъ чрезъ галлерей къ залѣ, отворяетъ ее, идетъ далѣе чрезъ всю анфиладу, и слышно, какъ всѣ двери одна за другою отворяются и затворяются ; и наконецъ все утихаетъ. Бланкъ остается въ изумленіи ; преданіе о бродящей душѣ Сибиллы приходитъ ему на память.... Но вотъ, пока онъ размышляетъ о томъ, что случилось, ему слышится, что самая дальняя дверь снова отворилась и что къ слѣдующей двери подходить.... въ ужасѣ онъ бросаетъ свою работу и спѣшитъ выйти изъ галлерей дверями, ведущими на крыльце, дабы не встрѣтиться съ страшною гостьей. Это происшествіе заставляетъ думать, что покойная, или безпокойная, Сибилла, посѣщающая невидимкою прежнее свое жилище, еще не износила и не скинула своего стариннаго атласнаго платья, котораго шорохъ извѣщаетъ живыхъ о страшныхъ

прогулкахъ мертвой. Въ 1841 году, когда я находился въ Дюссельдорфѣ, профессоръ Зонъ писалъ портретъ жены моей; каждый день въ 11 часовъ утра я приходилъ съ женою въ его рабочую, гдѣ сидѣнiе для портрета продолжалось около двухъ часовъ. Корридоръ, изъ котораго ведетъ дверь въ эту рабочую, находится въ верхнемъ этажѣ академiи; къ нему изъ нижняго этажа, отъ параднаго крыльца также идетъ корридоръ, упирающiйся въ узкую, довольно крутую лѣстницу, соединяющую среднiй этажъ съ верхнимъ; эта лѣстница примыкаетъ въ верху къ небольшой площадкѣ, мимо которой надобно проходить къ рабочимъ многихъ живописцевъ и которая составляетъ въ верхнемъ корридорѣ пустое отдѣленiе, не имѣющее никакого выхода. Однажды, идя въ опредѣленное время съ женою къ живописцу Зону, мы всходили по узкой лѣстницѣ, я впереди, жена за мною. Вдругъ, ставъ ногою на послѣднюю ступень, я увидѣлъ, что отъ меня что-то черное бросилось вправо и быстро исчезло въ углу описанной мною выше площадки; какой оно имѣло образъ, не знаю: передъ глазами моими мелькнула черная полоса. Что это? спросили мы разомъ, я у жены, а жена у меня. Отвѣта не могло быть никакого. Но жена не только что *видѣла*; она въ то же время и *слышала*: и это обстоятельство для нея осталось особенно памятно тѣмъ, что, пошедши къ лѣстницѣ и желая мнѣ что-то сказать, она оглянулась, дабы узнать, не было ли кого въ нижнемъ корридорѣ; тамъ было пусто. Когда же она, всходя за мною по лѣстницѣ, хотѣла начать говорить, ей послышалось, что кто-то за нею шелъ и такъ близко, что она боялась оборотить голову, дабы лицомъ своимъ не столкнуться съ лицомъ неучтиваго своего спутника, и почти чувствовала, какъ нога его поспѣшно занимала мѣсто ея ноги при каждомъ ея шагѣ; въ то же время ей слышался явственно какъ будто шорохъ отъ шолковаго платья. На верхней ступени лѣстницы она вмѣстѣ со мной увидѣла черную полосу, мелькнущую мимо насъ на площадку; когда же оглянулась, за нею не шелъ никто, въ корридорѣ было по прежнему пусто.

Здѣсь разсказаны со всею историческою вѣрностию однѣ

подробности того, что съ нами случилось, а что случилось, мы не знаемъ. Опираясь на преданіе, о которомъ тогда только въ первый разъ услышалъ я отъ профессора Зона, можно бы было подумать, что духъ Сибиллы удостоилъ насъ своего вниманія и хотѣлъ на себя обратить наше; но въ подобныхъ случаяхъ всего вѣрнѣе не дѣлать никакихъ объясненій.

Другой случай. Вотъ что рассказывалъ мнѣ о себѣ покойный Н. Н. Муравьевъ, человѣкъ необыкновеннаго ума, просвѣщенный и нисколько не суевѣрный.

«Я учился въ Геттингенѣ, такъ говорилъ мнѣ Муравьевъ, (не помню только, Геттингенскій ли университетъ былъ имъ названъ, или другой); между студентами былъ Англичанинъ Стюартъ, смѣшной чудакъ, надъ которымъ его товарищи и я съ другими нерѣдко шутили. Однажды онъ похвасталъ, что его нельзя ничѣмъ испугать; я побился съ нимъ объ закладъ, что его испугаю, и это мнѣ удалось; самолюбіе Стюарта было сильно обижено, и онъ обѣщался мнѣ отплатить. Прошло съ тѣхъ поръ довольно времени; Стюартъ покинулъ университетъ, я забылъ о случившемся. Однажды послѣ трудной работы надъ разрѣшеніемъ математической проблемы, я легъ довольно поздно въ постель; что воображеніе мое не было ничѣмъ разгорячено, тому свидѣтель моя сухая, отрезвляющая умъ работа. Было за полночь, когда я кончилъ ее; полная луна сіяла въ мои окна; въ горницѣ былъ яркій свѣтъ. Противъ моей постели у противоположной стѣны находился мой рабочій столъ и передъ нимъ большія кресла; въ стѣнѣ, направо отъ стола, противъ оконъ была дверь, которую, ложась въ постель, я заперъ ключемъ изнутри; въ одномъ углу стояла моя сабля. Я скоро заснулъ, но спалъ недолго; какъ будто кѣмъ пробужденный, подымаю голову, и что же вижу?... Въ моихъ креслахъ, передъ столомъ моимъ, сидитъ человѣческая фигура и пристально на меня смотритъ. Мнѣ тотчасъ въ мысли пришелъ Стюартъ и обѣщанное имъ мщеніе. «Это ты, Стюартъ, закричалъ я, ничуть не страшно: напрасно трудился, шутка твоя не удалась.» Но мнимый Стюартъ сидѣлъ неподвижно, уставивъ на меня темные глаза свои. Я сказалъ: «довольно, Стюартъ,

поди вонъ, я хочу спать.» Онъ не далъ отвѣта и продолжалъ сидѣть по прежнему. Я разсердился. «Говорятъ тебѣ, поди вонъ, не мѣшай мнѣ», сказалъ я. Онъ все ни слова и все неподвиженъ по прежнему. «Стюартъ, я не шучу; въ послѣднiй разъ говорю тебѣ, поди вонъ; будетъ плохо.» Такъ закричалъ, чувствуя къ великой досадѣ своей, что меня отъ ужаса подирало по кожѣ. Но гость мой продолжалъ по прежнему пристально смотрѣть на меня и сидѣлъ недвижимо, какъ мраморный. Тутъ въ судорожномъ страхѣ я вскочилъ съ постели, схватилъ свою саблю, кинулся на сидѣвшаго и далъ ему сильный ударъ: сабля пролетѣла сквозь туловища его, какъ будто сквозь воздухъ; онъ не пошатнулся и продолжалъ смотрѣть на меня по прежнему. Въ неописанномъ ужасѣ я началъ отъ него пятиться къ моей постели, сѣлъ на нее, оперся на свою саблю, и, какъ будто околдованный сверхъестественною силою, просидѣлъ всю ночь передъ своимъ страшнымъ гостемъ, который неподвижимъ, какъ холодная смерть, упиралъ въ меня темные глаза свои и буровилъ ими всю мою душу. Занялось утро; онъ всталъ, медленными шагами пошелъ къ дверямъ и исчезъ, — отворилъ ли ихъ или нѣтъ, не помню; очнувшись, я подхожу къ нимъ: онѣ заперты изнутри. Что это было, и теперь не знаю; о Стюартѣ же ни прежде, ни послѣ я не имѣлъ никакого слуха.»

Къ сему роду явленiй относится въ особенности нашъ вопросъ: *вѣрять или не вѣрять привидѣнiямъ?* Множество событiй, достаточно засвидѣтельствованныхъ, побуждаютъ насъ отвѣчать утвердительно; съ другой стороны невѣроятность самыхъ событiй, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, склоняютъ насъ къ отрицанiю. Что же выбрать? Ни то, ни другое. Хотя весьма многiя доказательства въ пользу дѣйствительности привидѣнiй имѣютъ такую же силу, какую имѣютъ и всѣ другiя доказательства историческiя, на основанiи которыхъ мы признаемъ за истину происшествiя, совершившiяся за многiе вѣка прежде насъ; хотя нѣтъ причины принимать за *невозможное* то, что мы вполне *изяснить* не можемъ, и за *несуществующее* то, что не подлежитъ нашимъ *чувствамъ*; сiи явленiя все

останутся для насъ навсегда между *да* и *нѣтъ*. Въ этой невозможности пріобрѣсть на счетъ ихъ убѣжденіе, выражается для насъ законъ самого Создателя, Который, помѣстивъ насъ на землѣ, дабы мы къ здѣшнему, а не къ другому какому порядку принадлежали, отдѣлялъ насъ отъ иного міра таинственною завѣсою. Эта завѣса непроницаема; она порою сама передъ нами приподымается, чтобы мы знали, что за нею не пусто; но нашею силою никогда быть раздернута не можетъ. Если бы хотя одно явленіе духа, говорить Р., могло быть доказано такъ убѣдительно, что оно для всего свѣта безъ изытія сдѣлалось бы несомнѣнно, то вѣра въ безсмертіе души преобразилась бы для всѣхъ въ *очевидность*. Это правда; но сей-то очевидности намъ и имѣть не должно. Міръ духовный есть таинственный міръ вѣры; очевидность принадлежитъ міру матеріальному; оно есть достояніе здѣшней жизни, заключенной въ предѣлахъ пространства и времени; наше верховное сокровище,—знаніе, что Богъ существуетъ и что душа безсмертна, отдано на сохраненіе не мелкому рабу необходимости, уму, а вѣрѣ, которая есть высшее выраженіе человѣческой свободы. Эти явленія духовъ, непостыжимыя разсудку нашему, строящему свои доказательства и извлекающему свои умственные выгоды изъ матеріальнаго, суть, такъ сказать, лучи свѣта, иногда проникающіе сквозь завѣсу, которою мы отдѣлены отъ духовнаго міра; они будятъ душу посреди лѣниваго покоя земной очевидности, они общаются ей нѣчто высшее, но его не даютъ ей, дабы не произвести въ ней раздора съ тѣмъ, что ей дано здѣсь, и чѣмъ она здѣсь должна быть ограничена и опредѣлена въ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ причина, почему и всякое явленіе должно бы насъ радовать, какъ явленіе друга изъ земли дальней, какъ вѣсть желанная; — напротивъ при немъ мы чувствуемъ себя въ присутствіи чего-то, намъ чужаго, съ нами разнороднаго, намъ недоступнаго, имѣющаго для души нашей такой же холодъ, какой имѣетъ мертвый трупъ для нашего осязанія. Это взглядъ въ глубину бездоннаго, гдѣ нѣтъ жизни, гдѣ ничто не имѣетъ образа, гдѣ все неприкосновенно; такой ужасъ не есть ли явный

знакъ, что принадлежащее иному міру, должно быть намъ недоступно, пока мы сами принадлежимъ здѣшнему, и что оно можетъ быть нашимъ по одной только вѣрѣ? И такъ, не отрицая ни существованія духовъ, ни возможности ихъ сообщенія съ нами, не будемъ преслѣдовать ихъ тайны своими умствованiями, вредными, часто гибельными для нашего разсудка; будемъ съ смиренною вѣрою стоять передъ опущенною завѣсою, будемъ радоваться ея трепетанiямъ, убѣждающимъ насъ, что за нею есть жизнь, но не дерзнемъ и желать ея гибельнаго расторженія: оно было бы для насъ *въроубiйствомъ*.

Въ заключеніе скажемъ о нѣкоторыхъ особеннаго рода видѣнiяхъ, которыя составляютъ средину между обыкновенными *сновидѣнiями* (т. е. призраками, отъ насъ неотдѣльными и не имѣющими никакой самобытности) и настоящими *привидѣнiями* (т. е. призраками самобытными и отъ насъ отдѣльными). Сии видѣнiя бываютъ двоякаго рода; въ однихъ наше близкое будущее, или то, что уже совершилось (т. е. наше, еще намъ невидимое, настоящее), предварительно сказывается душѣ нашей: сей безсловесный разговоръ чего-то съ нашей душою мы называемъ *предчувствiемъ*, въ которомъ, какъ будто прежде самаго событія, подходитъ къ намъ его тѣнь, чтобы намъ предвозвѣстить его приближеніе и насъ приготовить къ его принятію. Въ другихъ или совершается непосредственное сообщеніе душъ, разрозненныхъ пространствомъ, соединенное съ видимымъ образомъ, дѣйствующимъ на наши чувственные органы, или *самою* душѣ является нѣчто, изъ глубины ея непосредственно исходящее. Первые изъ сихъ видѣнiй суть просто предчувствiя, какъ сказано выше; послѣднiя особенно принадлежатъ минутѣ смертной, минутѣ, въ которую душа, готовая покинуть здѣшний міръ и стоящая на порогѣ иного міра, полуотрѣшенная отъ тѣла, уже не зависитъ отъ пространства и мѣста и дѣйствуетъ непосредственно, сливая *тамъ* и *здѣсь* во едино. Иногда уходящая душа, въ исполненіе даннаго обѣта, возвѣщаетъ свое отбытіе какимъ-нибудь видимымъ знакомъ—здѣсь выражается только вѣсть о смерти; иногда безплот-

ный образ милаго намъ человѣка неожиданно является передъ глазами, и это явленіе, всегда современное минутѣ смертной, есть какъ будто послѣдній взглядъ прощальный, послѣдній зовъ любви въ предѣлахъ здѣшняго міра на свиданіе въ жизни вѣчной; иногда наконецъ въ нашей душѣ совершается нѣчто необычайное, которое не иное что, какъ сама олицетворяющаяся предъ нами наша смерть. О такихъ событіяхъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка и для насъ неизъяснимыхъ, есть много разсказовъ, не подверженныхъ никакому сомнѣнію; мы ограничимся здѣсь описаніемъ двухъ случаевъ. Первый изъ нихъ я разскажу въ двухъ словахъ: онъ не требуетъ никакихъ объясненій. За истину повѣствованія ручаюсь. Въ Москвѣ одна грустная мать сидѣла ночью надъ колыбелью своего больнаго сына: все ея вниманіе обращено было на страждущаго младенца, и все, что не *онъ*, было въ такую минуту далеко отъ ея сердца. Вдругъ она видитъ, что въ дверяхъ ея горницы стоитъ ея родственница М. (которая въ это время находилась въ Лифляндіи и не могла отъ беременности предпринять путешествія); явленіе было такъ живо, что оно побѣдило страданія матери. «Ахъ, М., это ты?» закричала она, кинувшись на встрѣчу неожиданной посѣтительницѣ. Но ея уже не было. Въ эту самую ночь, въ этотъ самый часъ М. умерла родами въ Дерптѣ.

Вотъ другой случай: онъ имѣетъ глубокое психологическое значеніе; я долженъ разсказать его со всѣми подробностями. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ смутное время первой революціонной войны все вооружалось на отраженіе приближающейся Французской арміи. Нѣкто Гофманъ, молодой человѣкъ, недавно обрученный съ Маріанною Р., которую нѣжно любилъ и которая всею душею была къ нему привязана, схватилъ, какъ и другіе, ружье и саблю, чтобы пгти на защиту города; — онъ упалъ мертвый отъ перваго непріятельскаго выстрѣла. Неожиданная вѣсть объ этомъ странномъ образомъ поразила невѣсту: услышавъ, что женихъ убитъ, Маріанна поблѣднѣла; но она не заплакала, и никакая жалоба не сошла съ языка ея, въ ней въ мгновеніе исчезла память, духовная жизнь ея вдругъ

остановилась, одна тѣлесная жизнь осталась неприкосновенною. Съ этой поры все окружающее дѣйствовало на нее, такъ сказать, мимоходомъ, не производя въ ней ни радостнаго, ни горестнаго участія ; однѣ настоящія, матеріальныя нужды были ей ощутительны, но все прошедшее, все бывшее въ жизни вдругъ задернулось покрываломъ , о будущемъ же и самое понятіе пропало : она не ждала ничего, и это *неожиданіе* было не слѣдствіе отчаяннаго горя, а просто *неспособность желать*, парализъ, внезапно обхватившій душу, которая въ ней сохранилась только для того, чтобы механически служить живому тѣлу, какъ служить пружина автомату, имѣющему всѣ признаки существа живаго. Состояніе Маріанны Р.* не могло быть названо сумасшествіемъ : въ ней не было ничего разстроеннаго, она была тиха, смиренна , никого ничѣмъ не тревожила ; но ни въ комъ и ни въ чемъ не принимала участія и жила въ кругу людей, какъ будто не примѣчая, что она съ ними ; и всѣ, знавшіе грустную причину случившейся съ ней перемѣны, оказывали ей нѣжное вниманіе, заботились о ней, какъ о безпомощномъ, осиротѣвшемъ ребенкѣ. Такъ провела Маріанна болѣе тридцати лѣтъ ; въ послѣдніе годы особенно привязалась она къ молодой дочери хозяйна того дома, въ которомъ жила. Луиза Д. (такъ называлась эта дѣвушка) навѣщала ее часто, и ей одной оказывала Маріанна что-то похожее на дружбу. Вдругъ Луиза начала примѣчать какую-то необыкновенную живость въ Маріаннѣ, дотошѣ тихой и не обращавшей ни на что вниманія : казалось, что ее безпрестанно тревожила какая-то мысль, для нея самой непонятная ; можно было также подумать, что въ ея тѣлѣ работала болѣзнь. Со дня на день сія тревога становилась сильнѣе и постояннѣе : однажды, какъ Луиза по обыкновенію своему принесла обѣдъ Маріаннѣ, послѣдняя сказала ей съ таинственнымъ видомъ ; «знаешь ли что, Луиза?... Онъ писалъ ко мнѣ.... онъ ко мнѣ будетъ....» «Кто онъ?» спросила Луиза. — «Онъ.... онъ.... отвѣчала та, потирая лобъ и напрасно стараясь вспомнить.... знаешь.... онъ.... я жду его....» Болѣе она не могла сказать ничего. *Я жду.... онъ будетъ.... онъ писалъ ко мнѣ*, эти слова она

повторяла съ видимымъ волненіемъ ; воспоминаніе тѣснилось въ ея душу, но душа еще была затворена для него. Дня черезъ три Маріанна сказала Луизѣ: « приходи ко мнѣ завтра.... я жду его.... онъ будетъ у меня завтракать. » И когда на другой день Луиза пришла, она увидѣла, что Маріанна сидѣла въ своемъ праздничномъ платьѣ за накрытымъ столикомъ ; глаза ея были ярки, щеки горѣли, она смотрѣла быстро на двери. Вдругъ, подавъ знакъ рукою Луизѣ, чтобъ молчала и не шевелилась, она сказала ей шепотомъ: « слушай.... слушай.... онъ идетъ.... » Вдругъ глаза ея вспыхнули, руки стремительно протянулись къ дверямъ, она вскрикнула громко : « Гофманъ ! » и упала мертвая на полъ.

Главные обстоятельства этого замѣчательнаго событія рассказаны мнѣ почти очевидцемъ. Оно есть одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которые намъ удается проникнуть взглядомъ за таинственную завѣсу, отдѣляющую насъ отъ міра духовнаго. Въ ту минуту, когда эта иѣжная, любящая душа такъ неожиданно потеряла все, что было ея истинною жизнію, она какъ будто оторвалась отъ всего житейскаго ; но разрывъ ея съ тѣломъ не совершился, она осталась еще, такъ сказать, по одному механическому сцепленію принадлежностью жизни тѣлесной ; но все, что въ ней принадлежало жизни духовной и чего главною стихіею была эта любовь, ею вполнѣ обладавшая, вдругъ съ утратою предмета любви оцѣпенѣло. И пока тѣлесная жизнь была полна, пока въ составѣ тѣла не было никакого разстройства, по тѣхъ поръ эта скованная, совершенно подвластная тѣлу душа, ни въ чемъ себя не проявляла, она была узникомъ, невидимо обитавшимъ въ темницѣ тѣла, съ однимъ темнымъ самоощущеніемъ, безъ всякаго самопознанія. Вдругъ начинается процессъ разрушенія матеріальной власти тѣла. Съ развитіемъ болѣзни и съ постепеннымъ приближеніемъ смерти, мало по малу совершается освобожденіе души, въ ней оживаетъ память прошедшаго, сперва смутно, потомъ яснѣе, яснѣе.... *Онъ будетъ.... я жду его.... онъ ко мнѣ писалъ....* Все это еще одни слова сквозь сонъ, но слова, означающія близкое пробужденіе

жизни.... и вдругъ въ послѣднемъ словѣ, въ произнесенiи имени, въ узнанiи образа, давно забытаго, полное воскресенiе жизни и съ нимъ конечное отрѣшенiе души отъ тѣла—смерть. Что же такое смерть? Свобода, положительная свобода, свобода души; ея полное самоузнанiе съ *сохраненiемъ* всего, что ей дала временная жизнь, и что ее здѣсь довершило для жизни вѣчной, съ отпаденiемъ отъ нея всего, что не принадлежитъ ея существу, что было однимъ переходнымъ, для нея испытательнымъ и образовательнымъ, но по своей натурѣ ничтожнымъ, здѣшнимъ ея достоянiемъ,

---

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

(Изъ приготовляемаго къ изданію собранія пѣсень П. В.
Киръевскаго).

1.

ПѢСНЯ ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА.

Не бѣла береза къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются;
Сынъ ко матери приклоняется,
Молодой Добрыня, сынъ Никитъевичъ :
« Ой ты гой еси, моя матушка,
« Молода княгиня Тимоѣевна,
« Не приму ни золота, ни сѣребра,
« Только дай ты мнѣ великое благословеніе :
« По чисту полю мнѣ поѣздити,
« Свою дѣбра коня понаѣздити,
« Могучі плечѣ порасправити,
« Въ себѣ силушку попровѣдати,
« Поискать себѣ супротивника. »
Тутъ возгѣворитъ родная матушка,
Молодая княгиня Тимоѣевна :

« Ой ты гой еси, родно дятятко,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитъевичъ!
 « То-то молодо, то-то зелено!
 « Ты за что скоро принимаешься? — »
 Тутъ возговорить добрый молодець,
 Молодой Добрыня, сынъ Никитъевичъ:
 « Ой ты гой еси, родна Матушка,
 « Молода княгиня Тимошеевна!
 « Тебѣ меня дома не выучить:
 « Еще жилъ былъ родной батюшка,
 « Свѣтъ сударь Никита Романовичъ:
 « Жимши, бывши, самъ состарѣлся,
 « Состариши переставился!

Дасть ему тутъ великое благословеньце
 По чисту полю козакомъ гулять.

Онъ и палъ ей во рѣвны ноги.

« Ой ты гой еси, родна матушка,
 « Молода княгиня Тимошеевна!
 « Ты не жди домой соряду шесть лѣтъ,
 « А еще не жди соряду пять лѣтъ,
 « Ты еще не жди ровно круглый годъ,
 « Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
 « На тринадцатомъ году домой приду. » —

Молодой женѣ сталъ наказывать:

« Ой ты гой еси, молода жена,
 « Молода Помелофа Тимошеевна,
 « Ты не жди домой соряду шесть лѣтъ,
 « А еще ле жди соряду пять лѣтъ,
 « Ты еще не жди ровно круглый годъ.
 « Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
 « На тринадцатомъ году, хотъ замужъ поди;
 « Хотъ ты за князя, иль за боярина,
 « Иль за гостя за торговаго,
 « Иль за мурзыньку за Татарина;
 « Не ходи за Алѣшу за Поповича
 « За бабьяго пересмѣшничка,
 « За судейскаго перелестничка. — »
 Еще минуло соряду шесть лѣтъ,

Еще минуло ровно три года,
 Еще минуло ровно круглый годъ ;
 Тому дѣлу стало девять лѣтъ.
 На десятомъ году замужъ пошла ;
 А его слова не послушала :
 Пошла не за князя, не за боярина,
 Не за гостя за торговаго,
 Не за мурзыньку за Татарина,
 Пошла за Алёшу за Поповича,
 За бабьего пересмѣшничка,
 За судейскаго перелестничка.
 Тутъ возгворить ему добрый конь :
 « Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ !
 « Ничего не знаешь и не вѣдаешь :
 « Молода жена твоя замужъ пошла,
 « А твою слова не послушала :
 « Не за князя, не за боярина
 « И не за гостя за торговаго,
 « Не за мурзыньку за Татарина ;
 « Пошла за Алёшу за Поповича,
 « За бабьего пересмѣшничка,
 « За судейскаго перелестничка. — »
 Слезалъ тутъ добрый молодецъ
 Съ своего добра коня,
 Онъ и палъ коню во рѣзвыя ноги,
 Во правую, во переднюю :
 « Ой ты гой еси, конь, добра лошадь,
 « Переставь домой черезъ три часа,
 « Черезъ три часа, черезъ битые,
 « Черезъ битые, со минутою ! »
 Тутъ возгворить конь, добра лошадь :
 « Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ !
 « Переставилъ бы я черезъ три часа,
 « Черезъ три часа, безъ минуточки !
 « Накладывай сѣделчко Черкасское,
 « Подтягивай подпругеньки шелковыя, —

« Подвязывай стремяночки серебряныя,
 « Самъ ты вяжись крѣпко на-крѣпко. » —
 Пріѣхалъ онъ къ широку двору,
 Онъ и пнулъ столбы своимъ чоботомъ,
 Столбики пошатилися,
 Вворѣтчики растворилися.
 Онъ пускалъ коня не привязана,
 Никому коня не приказывалъ,
 Самъ взошелъ въ палаты бѣлокаменны.
 Во палатушкахъ родная матушка,
 Молодая княгиня Тимошеевна.
 Чудну образу помоляется,
 Своей матушкѣ поклоняется:
 « Ой ты гой еси, родная матушка,
 « Молодая княгиня Тимошеевна!
 « Еще гдѣ моя молода жена? — »
 Тутъ его матушка не узнала:
 « Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
 « Мое чадо было не вдало:
 « На моемъ чадѣ платье латынское;
 « На тебѣ платье богатырское. — »
 Тутъ возгворить добрый молодецъ,
 Молодой Добрыня, сынъ Никитъевичъ:
 « Ой ты гой еси, моя матушка,
 « Молодая княгиня Тимошеевна!
 « Износилъ я платье латынское;
 « Надѣвалъ платье богатырское. — »
 « — На моемъ чадѣ есть примѣточка:
 « На лѣвой ногѣ была родинка. — »
 Онъ скидалъ тутъ скоро сафьянъ сапогъ,
 Показалъ ей свою примѣточку.
 Матушка тутъ его узнала:
 « Ой ты гой еси, родно дитятко,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитъевичъ!
 « Молода жена твоя за мужъ пошла,
 « А твоего слова не послушала;
 « Не за князя, не за боярина,
 « Не за гостя за торговаго;

« Не за мурзынку за татарина,
 « Пошла за Алешу за Поповича,
 « За бабьяго пересмѣшничка
 « За судейскаго перелестничка ! »
 « — Ой ты гой еси, родна матушка,
 « Молодая княгиня Тимошеевна !
 « Еще гдѣ мои звончатѣ гусли ? — »
 « — Звончатѣ гусли на полочкѣ :
 « У нихъ палочки запылилися,
 « А струночки перержавѣли. — »
 « — Я пойду къ Алѣшѣ на почѣстный пирь. — »
 Тутъ возгворить родна матушка,
 Молодая княгиня Тимошеевна :
 « Ой ты гой еси, родно дитятко,
 « Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ !
 « Гдѣ тебѣ съ Алѣшинькой тагаться ?
 « У нихъ тысяцкой Володиміръ князь,
 « А дружкой Илья Муромецъ. »
 Тутъ возгворить добрый молодець,
 Молодой Добрыня, сынъ Никитѣвичъ :
 « Ой ты гой еси, родна матушка,
 « Молодая княгиня Тимошеевна !
 « Я пойду на пирь потихохоньку,
 « Потихохоньку, посмирнѣхоньку. — »
 Самъ приходитъ онъ на почѣстный пирь,
 Чудну образу помоляется,
 На всѣ стороны поклоняется :
 « Здравствуй Володиміръ князь
 « Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
 « Со княгинею новобрачною !
 « Прикажи мнѣ, сударь, при мѣстѣ быть. — »
 « — Садясь, добрый молодець,
 « Среди избы на скамеечкѣ.—
 Наливали ему зеленá вина,
 Зеленá вина полпятá ведра ;
 Принимаетъ онъ, мóлодець, одною рукой,
 Выпиваетъ онъ за единый духъ.
 И тутъ молодець не похмѣлился,

А возгворилъ своимъ голосомъ :
 « Ой ты гой еси, Володиміръ князь ,
 « Володиміръ князь, Илья Муромецъ !
 « Прикажи, сударь, сыграть во звончаты́ гусли. — »
 « — Ты сыграй, сыграй, добрый молодець,
 « Во евои-то звончаты́ гусли! — »
 Онъ и сталъ наигрыши наигрывать :
 « Охъ вы гусли мои, гуслицы,
 « Гусли мои звончаты́е !
 « Вы лежали соряду́ шесть лѣтъ ,
 « А еще лежали ровно три года ,
 « А еще лежали ровно круглый годъ ,
 « На девятомъ году играть стали ! »
 А другой наигрышекъ сталъ наигрывать :
 « Гдѣ то видано еще, гдѣ то слыхано ,
 « Отъ жива мужа замужъ идти ?... »
 Молодая его жена догадалася ,
 Встаетъ съ мѣста княженецкаго ,
 Наливаетъ чару зеленá вина ,
 Зелена вина полпята ведра ,
 Подноситъ она доброму молодцу .
 Принимаетъ онъ въ одну руку ,
 Выпиваетъ за единый духъ ;
 Самъ беретъ ее за праву́ руку :
 « Ой ты гой еси Володиміръ князь ,
 « Илья Муромецъ !
 « Кланяюсь я къ себѣ на почѣстный пиръ :
 « У меня дѣло не пасѣное ,
 « Зеленó вино не курѣное .
 « И по́йлицо не варѣное ! »

С. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

2.

ПѢСНЯ ПРО ДАНИЛУ ЛОВЧАНИНА.

Не красное соляце числовалося ;
 Заводилося пированьеце честное у князя Володиміра .
 Про всѣхъ ли про князей, бояръ,
 Про сильныхъ, могучихъ богатырей ,
 Про всю поленицу удалую.
 Они пили, ѣли, прохлаждалися,
 Промеждѹ себя похвалялися :
 Кто хвалится житьемъ-бытьемъ ,
 Кто хвалится богатствомъ,
 А кто хвалится силушкою ,
 А кто хвалится молодой своей женой.
 Возговорить нашъ батюшка Володиміръ князь :
 « Ой вы гой еси, князи, бояре,
 « Сильные, могучіе богатыри
 « И вся поленица удалая !
 « Всѣ вы у меня переженены :
 « Одиный-то я неженать хожу, холость гуляю.
 « Гдѣ было бы мнѣ за себя невѣсту взять,
 « И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
 « И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
 « При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися,
 « И было бы кому вамъ поклонитися ? »
 Возговорить Путятинъ Путятровичъ :
 « Ты, батюшка нашъ, Володиміръ князь!
 « Возьми ты невѣсту за себя
 « У Данилы Ловчанина,
 « Грозную Настасью Никулишну :
 « Есть тебѣ съ кѣмъ думы подумати,
 « Есть съ кѣмъ слово промолвити,

« При пиру, при бесѣдушкѣ похвалятся,
 « Есть кому намъ поклониться. »
 Возгѣворитъ Володиміръ князь:
 « Ты гой еси, Путятинъ Путятovichъ,
 « Какъ мнѣ у живаго жену отнять? »
 Возгѣворитъ опять Путятинъ Путятovichъ :
 « Ой ты гой еси, нашъ батюшка Володиміръ князь,
 « Наряди его въ службу дальнюю, невзворѣтливую,
 « На Буянъ островъ;
 « Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
 « Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошѣрснаго,
 « Вели вынуть изъ него сердце со печенью. »
 И возгѣворитъ тутъ Володиміръ князь :
 « Ой ты гой еси, Данило Лѣвчанинъ,
 « Сослужи ты мнѣ службу дальнюю:
 « Съѣзди на Буянъ островъ,
 « Убей звѣря лютаго,
 « Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошѣрснаго,
 « И вынь сердце его со печенью. »
 Становился Данило Лѣвчанинъ
 На свои ножецьки рѣзвыя
 Изъ за столовъ, за дубовыхъ,
 Скѣтертей бѣлобрыхъ,
 Яствъ сахарныхъ,
 Поиловъ медовыхъ;
 И выходитъ на широкой дворъ;
 Садился онъ на своего коня добраго,
 И поѣхалъ къ своему подворьцу.
 Увидала его молодая жена
 Изъ высока терема
 Грозная Настасья Никулишна :
 Что-то онъ ѣдетъ невесель,
 Буйну головушку повѣсилъ,
 Очи ясны понасушилъ въ матушку сыру землю?
 Знать онъ у князя не учещенъ былъ,
 Или мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ ниже,
 Или чара приходила всѣхъ послѣ?...
 Возгѣворитъ Данило Лѣвчанинъ :

« Ой ты гой еси, моя молода жень
 « Грозна Настасья Никулишна !
 « У князя то я учёщевъ былъ,
 « И мѣстомъ сидѣль всѣхъ выше,
 « И чара приходила всѣхъ прежде, —
 « Погубляютъ меня перемѣты женскія.
 « Подавай мнѣ малъ колчанъ въ полтретья ста стрѣлъ ».
 Она подала ровно въ триста стрѣлъ.
 Потѣхаль же добрый молодецъ
 Далече въ чисто поле ;
 Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
 Ко Буянову острову.
 Увидалъ онъ звѣря лютаго,
 Снимаетъ съ себя тугой лукъ,
 Накладываетъ тоё стрѣлу позлачѣнную
 На тетивочку шелковую ;
 Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
 Вынимаетъ онъ сердце со печенью.
 А самъ добрый молодецъ съѣлъ хлѣба покушать,
 Бѣла лебеда порушать.
 Ъдутъ къ нему триста бояриновъ
 Да триста Татариновъ,
 Триста Донскихъ козаковъ,
 Что ни лучшихъ добрыхъ молодецъ :
 « Хлѣбъ тебѣ соль, Данило Ловчанинъ, кушати,
 « Бѣла лебеда рушати ; —
 « Не хлѣба-соли мы пришли кушати,
 « Не бѣла лебеда рушати,
 « Пришли мы за твоей буйной головушкой. » —
 Становился Данило Ловчанинъ
 На свои рѣзвыя ноженъки,
 Натягивалъ тугой лукъ,
 Накладывалъ коленья стрѣлы,
 Не по стрѣлкѣ онъ накладывалъ,
 А накладывалъ по пяти все онъ стрѣлъ,
 Побивалъ всѣхъ онъ триста бояриновъ
 Побивалъ всѣхъ Татариновъ,
 Побивалъ онъ всѣхъ Донскихъ козаковъ,

Съ перваго до послѣдняго...

И самъ онъ добрый молодець позадумался :

« Знать я князю неугоденъ, сталъ ? »

Упиралъ кошь тупымъ концемъ въ сыру землю,

А вострымъ кошемъ въ ретивое сердце. —

Тутъ малые люди остались

И донесли князю.

Володиміръ князь

Собиралъ поѣздъ вѣнчаться

На грозной Настасѣ Никулишиѣ.

И возгворить тутъ грозная Настасья Никулишна:

« Охъ ты гой еси батюшка, Володиміръ князь

« Дозволь ты мнѣ съ другомъ милымъ повидаться,

« Съ бѣлымъ тѣломъ распроститься. »

И пошла она отъ него

И увидѣла: дѣлають гробницу ;

И возгворить грозная Настасья Никулишна:

« Ой вы гой еси, плотники мастера,

« Дѣлайте гробницу просторную,

« Чтобъ было гдѣ ему положитьсь,

« Костямъ бы его поворотиться :

« Его кости богатырскія !... »

Какъ пришла къ тѣлу Даниила Лѣвчанина,

И на то же кошь споролася. —

С. Станишное, Симб. губ.

Дост. А. М. Изыковъ.

3.

ПѢСНЯ ПРО ДАНИЛУ ИГНАТЬЕВИЧА И ИВАНА
ДАНИЛОВИЧА.

Во городѣ во Кіевѣ
 Жилъ тутъ Данило Игнатьевичъ ,
 Сильный могучій богатырь ;
 Позволилъ онъ постричься ,
 Попосхимиться во чуднымъ монастырѣ .
 И слышали орды невѣрныя ,
 Что не стало у князя Володиміра
 Сильнаго богатыря Данилы Игнатьевича .
 Они пицуютъ ярлыки скорописные князю Володиміру :
 « Охъ ты гой еси, Володиміръ князь !
 « Вышли къ намъ поединщика ,
 « А не вышлешь къ намъ поединщика,
 « То все твое выжемъ и вырубимъ ,
 « Самого тебя, князя, въ полонъ возьмемъ. — »
 Растужится, расплачется Володиміръ князь :
 Не стало у меня застоюшки великой !
 Некому съѣздить далече во чистѣ поле ,
 Попровѣдать орды великія ,
 И некому привести къ нему языка погананаго .
 Растужится, расплачется Володиміръ князь ,
 И приходитъ къ нему молодой вьюношъ ,
 Иванъ Даниловичъ двѣнадцатилѣтець :
 Охъ ты гой еси, нашъ батюшка Володиміръ князь ,
 Не плачь, не тужи и не печалься :
 « Я твоя великая застоюшка ,
 « Оборонушка не малая ,
 « Я съѣзжу далече во чистѣ поле ,
 « Попровѣдаю орды великія

« И приведу языка поганаго... »
 « — Охъ ты гой еси, младый вьюношъ Иванъ Даниловичъ,
 « Молодехонекъ, зеленехонекъ !
 « Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ ,
 « Страстей, ужастей ты не видывалъ. »
 Возговоритъ младый вьюношъ Иванъ Даниловичъ :
 « Охъ ты гой еси, князь Володиміръ,
 « Возьму я благословеньице великое
 « У свего батюшки у родимаго Данилы Игнатьевича ,
 « И попрошу его коня добраго ,
 « И сбрую богатырскую... »
 « Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичъ !
 « Дай ты мнѣ благословеньице великое,
 « Коня добраго и сбрую богатырскую. »
 Возговоритъ отецъ его:
 « Ой ты гой еси, мое дитятко Иванъ Даниловичъ !
 « Молодехонекъ ты, зеленехонекъ !
 « На большихъ бояхъ не бывывалъ,
 « Страстей, ужастей ты не видывалъ
 « И богатырскимъ конемъ ты не владывалъ »....
 И далъ онъ ему благословеньице ,
 Коня добраго, сбрую богатырскую.
 Поѣхалъ же молодой вьюношъ далече въ чисто поле;
 И никуда конца невидно и силы смѣты нѣтъ ;
 Его добрый конь разъярился ,
 И не усидѣлъ онъ на добромъ конѣ ,
 Среди силы невѣрной и еронилъ его ; .
 И поскакалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ его родной отецъ,
 Данила Игнатьевичъ.
 Всталъ добрый молодецъ на рѣзвы ноги,
 И взялъ татарина за ноги ,
 И побилъ всю силу невѣрную
 Съ перваго до послѣдняго.
 И самъ двуется татарину :
 « Исполать тебѣ, татаринушка !
 « Крѣпокъ ты и гибокъ, не порвешься ,
 « И неизломисья;
 « Какова палица боевая :

« И то изгибается и ломается! — »
 Расправилъ шатерь и легъ почивать.
 А отецъ его Данила Игнатьевичъ
 Прискакалъ на добромъ конѣ къ шатру,
 И—пыхъ изъ лука стрѣлой—шатерь бѣлый сшибъ,
 И увидѣлъ свое дѣтище,
 И поѣхалъ къ князю Володиміру,
 Князь Володиміръ встрѣтилъ ихъ съ образами мѣстными
 И служилъ молебны честныя.

с. Станинное, Симб. губ.

Дост. А. М. Языковъ.

4.

На батюшкѣ было, на Окянѣ—морѣ,
 На его было на крутыхъ бережкахъ,
 На желтыхъ его пескахъ сыпучихъ,
 На сыпучихъ пескахъ, мелкихъ, разсыпчатыхъ,
 Выросло тутъ кипарисъ древо:
 Со комеля деревцо свилевато,
 Ко сердочкѣ деревцо сучковато,
 Ко вершинчкѣ деревцо кудреватое,
 На самой вершинчкѣ были развилочки;
 На развилочкѣ сидѣлъ младъ сизой орелъ:
 Онъ сидѣлъ, орелъ, ровню три года;
 Прилетала къ орлу орлинушка.
 Они начали совыкаться;
 По совыканьвицу стали вить тепло гнѣздо:
 На завивъ кладуть бѣло сѣребро,
 Серѣдочку выкладываютъ краснымъ золотомъ,
 Краюшки вынизываютъ мелкимъ жемчугомъ,
 Въ угѣлушки втирали дорогіе самоцвѣтные камни;

Выводилъ орель своихъ дѣтушекъ ,
 Сизыхъ, молодыхъ орлятушекъ.
 Какъ добрый молодецъ сталъ на возрастъ , —
 Его дѣтушки стали быть на возлетѣ....
 Вдругъ несчастье на Окіянь-морѣ случилось !
 Подымалася полудѣнная погодушка ,
 Со всего свѣта сильна полоса ,
 Всколыхала она Окіянь-море
 Съ краю во край и съ конца въ конецъ,
 Подрывала кипарисово кореньеце ,
 Потопяла орлино тѣпло гнѣздушко ,
 Во гнѣздушкѣ малыхъ его дѣтушекъ.
 Тутъ воскликнулъ, восплакнулъ младъ сизой орель :
 « На что мнѣ орлу орлинушку ?
 « На что было мнѣ орлу тепло гнѣздушко ?
 « На что были мнѣ орлу малы дѣтушки ? »
 Возвнвался орель высокѣхонько ,
 Опущался орель низѣхонько,
 Ушибался орель о бѣлы горючъ камень.

Сиб. губ.

Дост. Г. Лыковъ.

5.

На синѣмъ было на морѣ ,
 На тихомъ было заводѣ ,
 Потонулъ тутъ Василій князь ,
 Отъ злата вѣща идучи.
 Оставалась молода княжна :
 « Ужъ вы, бѣяра, бѣяра!
 « Воротите вы кѣмоня (*)

(*) Кня.

« На родимую сторону .
 « Ко родимому батюшкѣ ;
 « Къ государынѣ матушкѣ. »
 Они пріѣхали къ батюшкѣ.
 Посмотрѣла въ окошечко
 Молодая невѣстушка :
 « Богоданная матушка !
 « Къ намъ не гостыюшка пріѣхала ,
 « Къ намъ пріѣхала подворница ,
 « Вѣковая постельница ! »
 « — Ой вы гой еси, бѣяра,
 « Воротите вы кѡмона
 « Ко святому монастырю ,
 « Къ самобѣльшой игуменьѣ....
 « Ты честная игуменья !
 « Постриги меня въ старицы ,
 « Ты построй мнѣ-ка келейку ,
 « Простѣки три окошечка :
 « Первое-то окошечко
 « Ко святому Благовѣщенью ,
 « А второе-то окошечко
 « На родимую сторону ,
 « А какъ треть-то окошечко
 « На синее на море ,
 « На тихое на заводѣе :
 « Потонулъ тутъ мой вѣнчанный мужъ ,
 « Вѣнчанный мужъ Василій князь!... »

г. Шенкурскъ, Арх. губ.

Дост. Г. Борисовъ.

6.

Растужится, расплается младъ ясѣнь соколъ,
 Сидючи-то онъ въ клѣточкѣ,
 На серебряной на нашѣсточкѣ.
 Жалобу-то творить младъ ясѣнь соколъ
 На крылышки, на правильныя мелки перышки :
 « Ой вы крылья мои, крылышки,
 « Вы правильныя мелки перышки!
 « Уносили меня крылышки
 « И отъ вѣтру, и отъ вихрю,
 « Отъ частаго дождя, отъ осенняго,
 « Только не уносили меня крылышки
 « Отъ великой отъ неволюшки,
 « Отъ золотой отъ клѣточки ,
 « Отъ серебрянной отъ нашѣсточки ! »

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

7.

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва зелёная,
 Зелёная, кудреватая !
 Изъ тебя изъ дубровушки
 Всѣ пташечки вонъ вылѣтали ;
 Одна пташечка оставалася,
 Горемышная кукушечка,
 Куковала она и день, и ночь.

Жалобу-то творить кукушечка
 На замётнаго яснаго сокола :
 « Богъ судья ясному соколу !
 « Разориль-то мое тепло гнѣздо,
 « Разогналь-то моихъ дѣтушекъ,
 « Малыхъ дѣтушекъ кукушатокъ !... »

с. Головино, Спб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

8.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за горъ крутыхъ высокихъ,
 Не краснó солнушко восхóдило,
 Не свѣтѣль мѣсяць выкатается,
 Вылетаетъ тутъ младъ сизой орель,
 Младъ сизой орель, птица Камская.
 На когтяхъ несетъ бѣлу рúченьку,
 Бѣлу рученьку молодецкую,
 Молодецкую, солдатскую.
 На бѣлой-то рукѣ золóть шерстень,
 На печаткѣ было написано,
 Написано, напечатано :
 « Мому батюшкѣ челобитьяце
 « Родной матушкѣ низкóй поклонъ,
 « Низкóй поклонъ до сырой земли ;
 « Малымъ дѣтушкамъ благословеньице :
 « Молодой женѣ на двѣ волюшки :
 « Хоть замúжь поди, хоть вдовой сиди ;
 « А мнѣ молодцу такъ Госиодъ велѣлъ .

« Положить буйну головушку
« На чужой дальней сторонущкѣ. »

с. Головинно, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

9.

Родимый ты мой брателко!
Кто тебя вспоилъ, вскормилъ?
— « Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
« Возлелѣяла родная матушка;
« Вспою, вскорми, со двора согналъ. » —
Большая сестра коня вывела,
Средняя сѣдло вынесла,
А малая плетку выдала;
Она, выдавши, стала спрашивать:
« Родимый ты нашъ брателко,
« Когда ты къ намъ въ гости будешь? » —
— « Я тогда, когда рѣченьки разольются,
« Круты бѣрежки наполнятся. —
Онъ годъ ждали и другой ждали,
На третій годъ искать пошли:
Большая сестра звѣремъ въ лѣса,
Средняя звѣздой въ небо,
А меньшая шукой въ море;
Нашла сестра своего брата въ темномъ лѣсу:
Онъ убитъ лежитъ, зарѣзанный,
Его добрый конь въ головахъ стоитъ,
Булатный ножъ въ груди воткнуть....

с. Головинно, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

10.

Далече, далече во чистомъ полѣ,
 Еще того подаѣ въ раздольицѣ,
 Пролегала тутъ широкая дороженька :
 Широкиѣ-то она дороженька не широка,
 Боемъ-то она дороженька пробониста,
 По той ли, по широкой, по дороженькѣ
 Бѣжить тутъ, выбѣгаетъ конь, добра лошадь :
 Черкасское сѣделечко на боку несетъ,
 Серебрены стремяночки по землѣ тащить,
 А тесьмянную уздечку на ухѣ несетъ,
 Онъ шелковый поводчикъ во ногахъ топчетъ.
 За конемъ-то бѣжить удалый, добрый мѡлодецъ,
 Не кричить онъ, не гаркаетъ,
 Черной шляпою помахиваетъ ;
 Кричить : стой, постой, конь-добра лошадь,
 Уносишь ты меня, добрый конь, отъ двухъ смертей,
 Унеси меня удалаго отъ третьей,
 Отъ того ли отъ хана басурманскаго....

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

11.

Изъ Крыму было, изъ Нагаю,
 Бѣжалъ тутъ младъ невольничекъ изъ неволи,
 Изъ той ли изъ Орды, братцы, изъ поганой.
 Подходить младъ невольничекъ ко Дунаю,

Изыскивалъ песчанаго переходу.
 Бѣсчастыице на молодца приходило :
 На тѣ время тихой Дунай становился,
 Онъ тоненькимъ ледочкомъ покрывался,
 Молоденькимъ снѣжѣчкомъ засыпался,
 Лютыми морозами укрѣплялся.
 Слѣзеть молодецъ со добра коня,
 Запѣлъ-то онъ съ горя пѣсню :
 « Сторона-ль ты моя сторонущка,
 « Сторона-ль ты родимая,
 « Родимая, прохладливая,
 « Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
 « Отца съ матерью не видати !... »

с. Головино, Симб. губ.

Дост. П. М. Языковъ.

12.

Хотите ли, братцы, старину скажу,
 Старину скажу, да не бывалую,
 Не бывалую, да и неслыханную :
 Ужъ какъ на морѣ, братцы, овинъ горитъ,
 Овинъ горитъ, да все со рѣпою,
 Со рѣпою, да все со красною ;
 По поднёбьсю, братцы, медвѣдь летитъ,
 Во когтяхъ несетъ да онъ коровушку,
 Онъ коровушку, да чернопеструю,
 Чернопеструю, да бѣлохвостую.
 По чисту полю да корабли плывутъ,
 Корабли плывутъ, да все сѣно везутъ.

. . . . .

На дубу свинья гнѣздо свила,
А овца пришла яйцо снесла ;
На заполькахъ мужики заезки бьютъ,
Да заезки бьютъ, хотятъ рыбку ловить.

г. Шенкурскъ, Арх. губ.

Дост. Г. Борисовъ.

НЕИЗДАННОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

СОВРЕМЕННОКА

О

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОМЪ

И

БОЛЕСЛАВЪ ХРАБРОМЪ.

Въ Гамбургской Городской Библиотекѣ находится списокъ съ неизданнаго еще посланія одного Нѣмецкаго епископа-миссіонера къ королю Генриху II. Оно писано было, какъ показываетъ содержаніе, въ 1007 году, и во многихъ отношеніяхъ замѣчательно, особенно для Славянской исторіи. Читатели «Русской Бесѣды» прочтутъ конечно съ любопытствомъ этотъ памятникъ старины.

Списокъ (какъ видно, весьма вѣрный) сдѣланъ былъ въ 1716 г. для извѣстнаго въ то время археолога Уффенбаха (*). Подлинникъ писанъ (такъ отмѣтилъ Уффенбахъ) на желтомъ пергаменѣ въ четверку, почеркомъ конца X-го и начала XI-го вѣка, вслѣдъ за комментариемъ къ Донатовой «Ars Grammatica» (извѣстному въ средніе вѣка

(*) Списокъ этотъ вошелъ въ составъ сборника разныхъ неизданныхъ историческихъ документовъ, принадлежавшаго Уффенбаху и доставшагося послѣ него Гамбургской Городской Библиотекѣ. Сборникъ хранится тамъ въ отдѣлѣ «Historia», № 321, подъ заглавіемъ: «Varia politico-historica quae hinc inde conlexit ac per amanuensem describi fecit Z. C. ab Uffenbach MDCCXVI» 438 страницъ. Нашъ памятникъ занимаетъ стр. 238—255.

учебнику): рукопись хранилась и теперь еще, какъ кажется, хранится въ Касселѣ.

Въ заголовкѣ посланія не выставлено полное имя писавшаго. Сказано: «Королю Генриху Б.» Такое сокращеніе было общимъ въ средніе вѣка обычаемъ, когда копія съ посланія или грамоты вносилась въ какую-либо книгу. Что король Генрихъ, къ которому нашъ авторъ обращается, былъ Генрихъ II, послѣдній изъ знаменитаго дома Саксонскихъ Лудолфинговъ (вступилъ на престолъ 1002, получилъ императорскую корону 1014, ум. 1024), въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ посланіи онъ является современникомъ и озлобленнымъ врагомъ Великаго Князя Польскаго, сына Мешкова, Болеслава (Храбраго): дѣйствительно, упорная борьба этихъ двухъ государей составляетъ одно изъ великихъ явленій средневѣковой исторіи. Но кто былъ писавшій? Изъ посланія видно, что онъ былъ епископъ (*), что онъ стоялъ во главѣ миссіи Римской церкви въ сѣверо-восточной Европѣ (**), что онъ пользовался большимъ уваженіемъ и расположеніемъ короля и что онъ, когда писалъ свое посланіе, собирался итти на проповѣдь къ язычникамъ Прусамъ. Современный лѣтописецъ Титмаръ (род. 976, 1009 сдѣланъ епископомъ Мерзебургскимъ, ум. 1018) скажетъ намъ, кто былъ этотъ человекъ, и ознакомитъ насъ съ его жизнію: «Былъ нѣкто по имени Брунь, пишетъ онъ въ своей Хроникѣ (VI, 58), мой сверстникъ и соученикъ, принадлежавшій къ знаменитому роду, но Божиимъ изволеніемъ преимущественно предъ всѣми единокровными своими избранный въ число чадъ Божіихъ. Особенно любимый матерью своею, почтенною Илою, онъ переданъ былъ въ обученіе Геддону философу (***), снабженный въ изобиліи всѣмъ нужнымъ. Его отецъ былъ Брунь (****), господинъ отличный и во всѣхъ отношеніяхъ

(*) См. ниже, посланіе Бруна, стр. 245; мы приводимъ страницы по Уфеенбаховскому списку.

(**) Тамъ же, 254.

(***) См. объ немъ Титмара, VIII, 28. Онъ былъ учителемъ въ знаменитой тогда школѣ при монастырѣ св. Іоанна въ Магдебургѣ.

(****) Графъ Кверфуртскій, какъ свидѣтельствуеетъ Annalista Saxo (у Пертца въ томѣ VIII) подъ 1009 г.

достохвальный, связанный со мною кровнымъ родствомъ и богѣе всѣхъ другихъ близкій мнѣ дружбою. Его сынъ, ему соименный, когда утромъ собирались итти въ школу, отпрашивался бывало, прежде нежели ученики выйдутъ изъ (монастырскаго) пріюта (*), и пока мы играли, онъ предавался молитвѣ. Праздности предпочиталъ онъ трудъ и, такимъ образомъ совершенствуясь, достигъ зрѣлаго возраста. Оттонъ III пожелалъ имѣть его при себѣ и принялъ ко двору. Но Брунъ покинулъ его, отыскавъ себѣ отшельническое убѣжище и жилъ собственнымъ трудомъ. Послѣ смерти достославнаго императора, когда, Божіею милостію, воцарился Генрихъ II, онъ пришелъ въ Мерзебургъ и просилъ, чтобъ ему дозволено было получить, съ разрѣшенія господина Папы, епископское благословеніе. По приказанію короля, его посвятилъ архіепископъ (Магдебургскій) Тагино, и ему данъ былъ омофоръ (pallium **), который Тагино привезъ съ собою (изъ Рима). За тѣмъ, ради пользы душевной, подвергся онъ тягости огромнаго путешествія по разнымъ странамъ, наказуя плоть свою неяденіемъ и распиная бодрствованіемъ. Много всякаго добра получалъ онъ отъ Болеслава (Польскаго государя) и отъ другихъ богачей, и тотчасъ раздавалъ все церквамъ, а также своимъ родственникамъ и бѣднымъ, себѣ же онъ ничего не оставлялъ. На двѣнадцатый годъ своего постриженія и своего достославнаго труженичества отправился онъ въ Прусію (ad Prusiam), дабы оплодотворить сію неблагоприятную ниву сѣменемъ Божіимъ, но, при множествѣ терній, не въ состояніи былъ преодолѣть ихъ жестокости. И когда онъ проповѣдывалъ на границѣ вышеозначенной страны и Руси (Rusciae), то сперва получилъ отъ туземцевъ приказаніе прекратить проповѣдь, а какъ онъ продолжалъ благовѣствовать, то былъ схваченъ и вслѣдъ за тѣмъ обезглавленъ за любовь къ Христу, который есть глава церкви; и пострадалъ онъ 14 февраля, кротко, какъ агнецъ, съ 18-ю

(*) Hospitium: домъ, въ которомъ жили ученики монастырскаго школы.

(**) Знакъ архіепископскаго достоинства, который всякій разъ посылался изъ Рима Папою. Брунъ былъ поставленъ архіепископомъ *gentium*, т. е. главою миссій Римской церкви у язычниковъ.

товарищами. Тѣла мучениковъ лежали непогребенными, пока Болеславъ, получивъ о томъ извѣстіе, купилъ ихъ и тѣмъ свискалъ будущую отраду своему дому. Это случилось во время пресвѣтлѣйшаго короля Генриха, котораго Богъ Всемогущій прославилъ и, уповаю, искупилъ чрезъ торжество столь великаго святителя. Отецъ же помянутаго епископа, долгое время спустя, разболѣлся и, принявъ по сыновней заповѣди (такъ онъ мнѣ самъ разсказалъ) монашескій образъ, мирно почилъ 19 Октября. (*)

Стало быть Брунъ, сверстникъ и соученикъ Титмара, родился около 976 г. (въ городѣ Кверфуртѣ, какъ видно изъ другихъ извѣстій **) и лѣтъ 12-ти отданъ былъ въ Магдебургскую школу, въ которой нѣсколько времени передъ тѣмъ учился знаменитый Войтѣхъ, главный основатель католицизма въ Чехіи, окончившій бурную жизнь свою мученичествомъ у Прусовъ. Юноша знатный и, какъ говорить одно древнее сказаніе, «необыкновенно образованный въ свободныхъ наукахъ, особенно же отличавшійся въ музыкальномъ искусствѣ» (***) Брунъ, взятый ко двору, до того полюбился молодому, прекрасному Императору Оттону III, — самой поэтической личности въ средніе вѣка, — что Оттонъ, по словамъ этого сказанія, не называлъ его иначе, какъ «душа моя». Вѣроятно въ 996 г. сопутствовалъ онъ Императору въ Италію и тамъ, слѣдуя общему порыву вѣка, рѣшился отказаться отъ міра. Онъ постригся подъ именемъ Бонифація, провелъ нѣсколько времени въ уединеніи и потомъ вступилъ въ братство, которое собралось около пустытника Ромуальда, славившагося по всей Италіи (****), жилъ съ нимъ въ Тибурѣ, на Монте-Кассино, наконецъ въ Переѣ близъ Равенны. Въ 1002 или 1003 г. возвратился

(*) Годъ неизвѣстенъ.

(**) Кромѣ Титмара, источниками для жизни Бруна служатъ: Кведлинбургская лѣтопись (у Пертца, Monumenta Germaniae, въ т. V, 89), Магдебургская лѣтопись (у Мейбома, Regum Germanicarum т. II, 279, 284) и Житіе Ромуальда, писанное около 1040 г. его ученикомъ, Петромъ Даміановымъ сыномъ (у Пертца т. VI, 849—851).

(***) Vita S. Romualdi, cap. 27. Erat autem adprime liberalium artium instructus maximeque in modulationis musicæ studio adprobatus.

(****) Основателя ордена Камалдуловъ.

онъ въ Германію и получилъ епископское посвященіе. Возвести въ епископскій санъ молодаго человѣка 27 лѣтъ, особенно если онъ принадлежалъ къ знатному роду, было въ то время дѣломъ довольно обыкновеннымъ. Генрихъ II указалъ Бруну на дѣятельность миссіонера и, не смотря на его молодость, которая внушала королю нѣкоторыя опасенія, какъ пишетъ самъ Брунъ, онъ доставилъ ему *pallium*, знакъ архіепископскаго достоинства, и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалъ его главою миссій *in partibus infidelium*. Конечно Брунъ и прежде уже имѣлъ въ виду это служеніе. Его воспламеняла слава старшаго товарища по училищу, Войтѣха, слава, которая гремѣла въ то время по всей Европѣ. Въ Италіи, на Монте-Кассино, все напоминало о великомъ мученикѣ: Войтѣхъ приходилъ туда два раза и долго тамъ жилъ, изгнанный изъ Праги народомъ. Брунъ написалъ житіе Войтѣха, которое дошло до насъ и дышетъ пламеннымъ аскетизмомъ (*).

Титмаръ и другіе источники говорятъ только о послѣдней проповѣди Бруна, увѣнчавшейся мученичествомъ. По изъ его посланія мы имѣемъ болѣе полныя свѣдѣнія объ его дѣятельности. Письма писались въ тѣ времена рѣдко, но за то большія, и давали отчетъ о многомъ.

Брунъ посѣтилъ сперва Венгрію. Здѣсь только что начинало водворяться Христіанство стараніями короля св. Стефана, котораго, какъ извѣстно, крестилъ Войтѣхъ Пражскій въ 995 г. Понятно, что Брунъ надѣялся найти тутъ обширное поле дѣятельности; но понятно также, почему онъ, какъ самъ сознается въ своемъ посланіи, не имѣлъ въ Венгріи успѣха. Онъ былъ Христіанскій миссіонеръ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и представитель политики Германскаго престола, который считалъ себя въ правѣ требовать вассальства всѣхъ сосѣднихъ народовъ, принимавшихъ Христіанство: на эту свѣтскую сторону своихъ дѣйствій онъ самъ указываетъ (см. стран. 254 посланія). Стефанъ не могъ быть этимъ доволенъ; онъ, напротивъ, держалъ себя всегда чрезвычайно гордо въ отношеніи къ Германіи и для

(*) Напечатано у Пертуа, Mon. Germ. VI, 596—612.

противодѣйствія ей, какъ можно болѣе, сближался съ Римомъ. Нѣмецкаго проповѣдника онъ, вѣроятно, стѣснялъ и старался удалить.

Изъ Венгріи Брунъ отправился въ Русскую землю (въ 1006 г.); но въ самой Руси ему нечего было дѣлать, какъ и другимъ Западнымъ миссіонерамъ, которые не разъ приходили къ князю Владиміру. Онъ просилъ только, чтобъ его пропустили къ Печенѣгамъ. Какимъ образомъ ему пришла мысль итти къ этимъ степнымъ дикарямъ, свирѣпѣйшимъ изо всѣхъ язычниковъ, какъ онъ объ нихъ отзывался? Еще въ Венгріи могъ онъ познакомиться съ Печенѣгами, узнать ихъ языкъ: тамъ жили цѣлыя поколѣнія Печенѣговъ и другихъ Тюркскихъ кочевниковъ, которые вмѣстѣ съ Мадьярами или вслѣдъ за ними вторглись въ Придунайскія равнины (*). У Русскаго государя онъ пробылъ только мѣсяць. Радушно принялъ его Владиміръ. Къ сожалѣнію, онъ мало рассказываетъ про него и про Русь; онъ даже не упоминаетъ имени Русскаго государя, который столь заботливо предостерегалъ его объ опасностяхъ путешествія въ степь. Что этотъ государь былъ Владиміръ, достоверно: Владиміръ княжилъ тогда одинъ на Руси, во всей своей славѣ. И въ тѣхъ немногихъ подробностяхъ, которыя Брунъ передаетъ о немъ, рисуется свѣтлая личность Владиміра: добрый, богатый, гостепріимный, окруженный своими старшинами, боярами, покровитель и поборникъ Христіанства, заклятой врагъ степныхъ хищниковъ, не тотъ ли это самый Владиміръ, котораго изображаетъ Несторъ и народная пѣснь?

Важно свидѣтельство Бруна объ укрѣпленной частоколѣмъ и засѣками линіи (*serpes*), которою Владиміръ оградилъ свою землю отъ Печенѣговъ. Оно подтверждаетъ и дополняетъ сказаніе Нестора о городахъ, основанныхъ имъ для защиты со стороны степи, и преданіе народное о богатырскихъ заставахъ, оберегавшихъ Кіевъ.

Русскій князь съ дружиною проводилъ Бруна до границы.

(*) См. Anonymus regis Belæ notarius (у Эндлихера, Monumenta Arpadiana) и Vita S. Stephani maior (у Пептца Mon. Germ. т. XIII).

Владиміръ съ своими вышелъ за ворота ограды (безъ сомнѣнія укрѣпленныя и охраняемыя войскомъ) и сталъ на сторожевомъ курганѣ ; Брунъ съ товарищами пошелъ впередъ, въ степь, съ крестомъ и съ пѣніемъ стиховъ Евангельскихъ.

Пять мѣсяцевъ пробылъ онъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но умѣлъ приобрести вліяніе на старшинъ и крестилъ до 30 человекъ. Онъ сдѣлался посредникомъ мира между Печенѣгами и Русью и возвратился въ Кіевъ: какъ только Владимиръ узналъ, что Христіанство нашло отголосокъ и у Печенѣговъ, онъ рѣшился отправить къ нимъ въ заложники собственнаго сына, чтобы скрѣпить миръ и тѣмъ облегчить дѣйствія миссіонеровъ. Брунъ поставилъ епископомъ для Печенѣговъ одного изъ своихъ спутниковъ; что съ нимъ потомъ случилось, неизвѣстно, но надежды Бруна не сбылись.

Изъ Кіева Брунъ пошелъ навѣстить сѣверныя миссіи. Скандинавскую и Поморско-Прусскую. Съ первою онъ вошелъ въ сношенія, вторую принялъ подъ личное руководство. Средоточіемъ и главною опорою ея была Польша. Здѣсь княжилъ въ то время Болеславъ Храбрый. То былъ великій человекъ, хотя оставилъ онъ своему преемнику государство, которое тотчасъ разстроилось и пало. «Болеславъ Великій», говоритъ объ немъ Несторъ. Какъ любилъ и чтилъ его Польскій народъ, какъ потомъ прославлялъ его! Побѣды и завоеванія, привѣтливость и гостепріимство, милость къ бѣднымъ, любовь къ дружинѣ, мудрые законы, справедливый судъ, все соединилось для Польскаго народа въ образъ Болеслава. Годъ цѣлый послѣ его смерти, говоритъ лѣтописецъ, не пѣлось ни одной пѣсни по всей Польской землѣ. Духовенство видѣло въ немъ самаго ревностнаго поборника Христіанства; онъ употреблялъ огромныя средства на построеніе церквей, на пособіе приходившимъ въ Польшу священникамъ, на поддержаніе миссій у язычниковъ. Особенно заботился онъ объ обращеніи Прусовъ, всегдашнихъ враговъ Польши, которыхъ ему удалось покорить; онъ надѣялся, что Христіанство примиритъ ихъ съ Поляками. И этотъ-то государь былъ въ постоянній

распрѣ съ Германією; противъ него король Генрихъ водилъ, вмѣстѣ съ войсками Нѣмецкими, недавнихъ враговъ Германіи, упорнѣйшихъ изъ всѣхъ язычниковъ въ сѣверной Европѣ, воинственныхъ Славянъ — Лютичей. Мы не удивимся тому негодованію, какое внушала Бруну эта противная Христіанскому чувству политика Генриха, которая вредила успѣху его проповѣди и тѣмъ, что отвлекала въ другую сторону вниманіе и средства Болеслава, и тѣмъ, что въ лицѣ Лютичей давала язычеству опору и признаніе. Читатель увидитъ, что противъ нея преимущественно направлено его посланіе и что главная его цѣль — убѣдить Генриха въ необходимости помириться съ Болеславомъ, приобрести его дружбу цѣною нѣкоторыхъ уступокъ и въ союзъ съ нимъ направить свои силы противъ язычниковъ, Лютичей и Прусовъ.

Вотъ это посланіе. Латинскій текстъ приведенъ со всею точностью (*); въ переводѣ я придерживался подлинника, какъ можно ближе, и не имѣлъ никакого притязанія на изящество.

ПОСЛАНІЕ БРУНА КЪ ГЕНРИХУ II.

pag.

239 Viro ecclesie pio Henrico regi B., hic, quid nisi miser tantum? Quicquid regem decet et cuncta cernenti domino Deo placet, dubio procul sapiat religiosus rex.

Мужу, преданному перкви, королю Генрику Б(рувъ), который что иное, какъ не жалкое существо? То, что прилично королю и угодно всевидящему Господу Богу, безъ сомнѣнія должно быть извѣстно благочестивому королю.

(*) Только слѣдуя общепринятой методѣ изданія средневѣковыхъ памятниковъ, я поставилъ новыя знаки препинанія по смыслу рѣчи, дополнилъ сокращенія, писанныя подъ титлами, и начертаніе и замѣнилъ, гдѣ нужно, буквою v.

Est nemo vivens super terram qui plus diligat vestram salutem secundum Dominum et qui plus velit omnem vestrum honorem secundum seculum multo labore plenum. Erat (1) vester optime carus episcopus Bruno, cum moram facerem in terra Ungorum: dixit mihi, vos, o rex, piam sollicitudinem circa me habere et valde nimis timere, ne vellem perire. Quod utique fecissem et facio, nisi prohiberet, qui adhuc prohibet, clemens Deus et senior meus sanctissimus Petrus. Reddat Tibi Deus meritum in terra viventium, quia, egregius rex, tu, qui debes pene procurare totum mundum, de me, minimo servo tuo, ne perirem, dignatus es in nomine Domini habere hanc nobilem curam. Gratias

240

Нѣтъ никого, живущаго на землѣ, кто болѣе (нежели я) любитъ ваше спасеніе въ Господѣ и болѣе желаетъ вамъ всяческой чести въ мірѣ семъ, полною тяготы. Вашъ дражайшій епископъ Бруно (2) сказалъ мнѣ, когда я пребывалъ въ землѣ Венгровъ, что вы, король, питаете благосклонную обо мнѣ заботливость и чрезвычайно боитесь, чтобы я не погибъ. Это дѣйствительно было бы со мной тогда, и теперь бы случилось, если бы не возбранялъ, и теперь, и тогда, милосердый Богъ и господинъ мой святѣйшій Петръ. Воздай тебѣ Богъ на землѣ живущихъ за твою заслугу, что ты, доблестный король, который долженъ управлять едва не цѣлою вселенной (3), удостоилъ

(1) Глаголь *erat* употребленъ здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ Французъ говоритъ: *c'était l'évêque Bruno qui....*

(2) Это былъ, безъ сомнѣнія, Бруно епископъ Аугсбургскій, родной братъ короля Генриха II. Онъ, дѣйствительно, въ 1004 году, будучи въ ссорѣ съ своимъ братомъ, удалился въ Венгрію и оттуда завелъ сношенія съ королемъ, въ слѣдствіе которыхъ они и помирились. См. Лѣтопись Титмара, VI, 2 (у Нертца, V, 805) и *Annales Hildesheimenses* подъ 1004 г., тамъ же 92.—Этому ссорамъ объясняется холодность, съ какою нашъ Бруно говоритъ о братѣ королевскомъ.

(3) Средневѣковое понятіе о Германо-Римскомъ государствѣ, какъ о свѣтскомъ главѣ всего Христіанскаго міра.

Deo! Tu, cum sis rex secundum sapientiam, quam tibi Deus dedit, studium habes, ut sis bonus et catholicus rector, sis et qualem habere necesse est sancte ecclesie pius et districtus auriga. Similiter et nos, miseri qualescunque, tamen tui, ne hanc vitam in vanum consumamus et nudi inveniamur in die mortis, quantum sola misericordia Sancti Spiritus flat, operari, laborare studium mittimus secundum illud optimi Pauli: *Non facio animam meam pretiosiore, quam me.* Ergo, quantum ad me, nihil nisi malum facio tantum; quantum vero ad Dominum, ubi vult, citius dicto facit omne bonum.

имѣть объ моей участи, меньшаго изъ рабовъ твоихъ, столь благородную заботу во имя Господне. Слава Богу! ты, слѣдуя въ королевскомъ санѣ мудрости, которою тебя Богъ одарилъ, стараешься быть благимъ и католическимъ правителемъ, быть такимъ благочестивымъ и крѣпкимъ кормчимъ, какого должна имѣть св. Церковь. Подобнымъ образомъ и мы, — будучи твоими, сколь мы ни убоги, — стараемся трудиться и работать, по сколько внушаетъ намъ единая милость Духа Святаго, дабы мы не истратили напрасно сей жизни и не оказались нагими (отъ добрыхъ дѣлъ) въ день смерти; (стараемся) по слову блаженнаго Павла: (1) «не творю души своей честнѣе, чѣмъ себя.» Итакъ самъ по себѣ, не дѣлаю ничего, кромѣ зла; а что до Господа, то, гдѣ Онъ хочетъ, скорѣе, нежели успѣешь сказать, творить Онъ всякое благо.

(1) Не вѣрно переведенный текстъ изъ Дѣян. Апост. XX, 24. Въ Славянскомъ переводѣ, согласно съ подлинникомъ, сказано: *ниже имамъ душу свою честну себя.*

241 Opera Dei revelare et confiteri honorificum est; maxime vobis tacere non debeo, cuius sancta persuasione episcopus sum, qui de sancto Petro evangelium Christi gentibus porto. Certe dies et menses iam complevit integer annus, quod ubi diu frustra sedimus, Ungros dimisimus et ad omnium paganorum crudelissimos Pezenegos viam arripuimus. Senior Rutorum (4), magnus regno et divitiis rerum, mensem retinuit me et renitens contra voluntatem, quasi qui sponte me perdere voluissem, sategit

Достоинно раскрывать и объявлять дѣла Божіи. Въ особенности же предъ нами умолчать ихъ не могу, такъ какъ въ слѣдствіе вашихъ святыхъ увѣщаній (1), я сталъ епископомъ, который по примѣру св. Петра приношу Евангеліе Христо-во языкамъ. Навѣрное, дни и мѣсяцы исполнили уже цѣлый годъ, съ тѣхъ поръ какъ мы, пробывъ долго понапрасну между Венграми (2), оставили ихъ и направили путь свой къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ (3). Госу-

(1) Лѣтописцы хвалятъ Генриха II за его особенную ревность къ Церкви; въ послѣдствіи его причислили къ яку святыхъ. Страннымъ образомъ однако Брунъ въ другомъ мѣстѣ посланія (стр. 246) по видимому противорѣчитъ себѣ и говоритъ, что Генрихъ разсердился на него, когда онъ предпринялъ свое странствованіе. Видно, король уговаривалъ его готовиться къ проповѣди у язычниковъ, но считалъ его еще слишкомъ молодымъ для такого подвига и былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ слишкомъ рано пустился въ путь (27 или 28 лѣтъ, это почиталось въ то время еще юношескими годами).

(2) Въ 1003 г. Бруна видѣли мы въ Германіи: епископъ Аугсбургскій, съ которымъ онъ встрѣтился въ Венгріи, былъ тамъ въ 1004 г.; Брунъ писалъ свое посланіе, какъ видно, въ 1007 г. (см. ниже, стр. 248) и годъ передъ тѣмъ оставилъ Венгрію; стало быть онъ провель тамъ около двухъ лѣтъ, 1004 и 1005 г.

(3) Объ нихъ упоминаетъ также Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ Pezinegi (VI, 55), въ другомъ (VIII, 16) ставитъ почти рядомъ три формы Pedenei, Petinei и Pecinegi.

(4) Описки вмѣсто Rutorum.

mecum, ne ad tam irrationabilem gentem ambularem, ubi nullum lucrum animarum, sed solam mortem et tunc etiam turpissimam invenirem. Iam cum non potuit et de me indigno visio quedam eum terruit, duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit. Sedit de equo ad terram; me precunte cum sociis, illo sequente cum maioribus suis egredimur portam; stetit ipse in uno, nos stetimus in alio colle; amplexus manibus crucem ipse ferebam, cantans nobile carmen: «*Petre, amas me, pasce oves meas!*» Finito responsorio misit senior maiorem suum ad nos in hec verba: «Duxi te, ubi mea desinit terra, inimico-

дарь Русовъ (1), великій державою и богатствомъ, мѣсяцъ удержалъ меня и противясь моему намѣренію, какъ будто бы я хотѣлъ добровольно погубить себя, старался убѣдить меня, чтобы я не шелъ къ столь неразумному народу, гдѣ не могъ бы снискать душъ (для спасенія), а лишь найти смерть, и то постыднѣйшую. Какъ онъ ужъ не могъ (склонить меня) и его устранило нѣкое видѣніе обо мнѣ недостойномъ, то онъ два дня проводилъ меня самъ съ войскомъ до послѣдняго предѣла своего государства, который (предѣлъ) онъ, по причинѣ скитающагося (2) непріятели, оградилъ отовсюду самымъ крѣпкимъ частоколомъ навесьма большое пространство (3). Онъ

(1) Senior въ смыслѣ среднѣвѣковомъ, le Seigneur. Имени Владиміра, вѣроятно почти незнакомаго Нѣмецкому королю, Брунъ не считалъ нужнымъ упомянуть; впрочемъ оно приводится Титмаромъ, Wlodemirus (IV, 37. VII, 52).

(2) т. е. кочеваго.

(3) Сравн. извѣстіе о сторожевой линіи противъ Печенѣговъ у Нестора

rum incipit. Propter Deum rogo, ad meum dedecus ne perdas iuvenum vitam. Scio, cras ante tertiam sine fructu, sine causa debes gustare amaram mortem.» Remisi: «Aperiat tibi Deus paradisum, sicuti nobis aperuisti | viam ad paganos.»
 243 Quid plura? nemine nocente duos dies ivimus, tertia die, qui est VI Februarii, tribus vicibus, mane, meridie, nona omnes ad occisionem flexa cervice ducebamur, qui toties ab occurrentibus nobis hostibus (sic dixit dominus et dux noster Petrus) mirabili signo illesi exivimus. Dominica ad maiorem populum pervenimus et datum est spatium vivendi, donec per currentes (3)

слѣзъ съ коня на землю; я шелъ впереди съ товарищами, онъ слѣдовалъ съ своими старшинами, и такъ мы вышли за ворота (1); онъ сталъ на одномъ холмѣ, мы стали на другомъ. Обнимая руками крестъ, я несъ его самъ, и пѣлъ великолѣпную пѣснь: «*Петръ, ты любишь меня, паси овцы мои!*» Когда конченъ былъ антифонъ (2), государь послалъ старшину своего къ намъ съ сими словами: «Я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непріятельская. Ради Бога прошу тебя не погубить, къ моему безчестию, жизнь свою понапрасну (4). Знаю, завтра

(И. С. Р. Л. I, 52). «И рече Володимерь: «се не добро, еже малъ городъ (вар. мало городовъ) около Кіева.» И нача ставити города (т. е. укрѣпленія) по Деснѣ и по Востри и по Трубежеви и по Сулѣ и по Стугиѣ; и поча варубати мужъ лучшиѣ отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чюди и отъ Вятичъ, и отъ сихъ пасели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюя съ ними и одоляя ихъ.» — Между сторожевыми городками, особенно въ открытых мѣстахъ, вѣроятно, сдѣланъ былъ ровъ и валъ, съ чѣмъ нибудь въ родѣ крѣпостнаго палисада: на это указываетъ слово *sepes*.

(1) Ворота въ сторожевой оградѣ, вѣроятно въ какомъ нибудь «городѣ».

(2) *Responsorium* есть родъ антифона, употребительный въ Римской церкви; см. объ немъ словарь Дюканжа.

(3) *currentes*, очевидно, употреблено не въ буквальный смыслъ «бѣгущіе», а въ смыслъ «спѣшущіе», «быстрые»: вотъ зародышъ новаго слова *курьеръ*.

(4) По древнимъ понятіямъ гостепримства, для хозяина было безчестіемъ и посрамленіемъ не только, если гость пострадалъ подъ его кровлею, но если

nuncios universus populus congregaretur ad concilium. Ergo ad nonam alia die Dominica vocamur ad concilium, flagellamur, nos et equi; occurrunt vulgus in numerum cruentis oculis, et levaverunt clamorem horribilem; mille securibus, mille gladiis super nostram cervicem evaginati in frustra nos concidere minantur; | vexati sumus usque ad noctem, tracti in diversam partem, donec, qui nos de manibus eorum bello rapuerunt, maiores terre audita nostra sententia cognoverunt, ut sunt sapientes, quod propter bonum intravimus terram eorum. Ita, sicut iussit mirabilis Deus et pretiosissimus Petrus, quinque menses in eo populo stetimus, tres partes circumivimus, quartam non tetigimus, de qua meliorum nuncii ad nos venerunt. Circiter tri-

244

прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.» Я послалъ отвѣтъ: « Да откроетъ тебѣ Богъ рай, какъ ты открылъ намъ путь къ язычникамъ.» Что же? никѣмъ невредимы (1) шли мы два дня; на третій день, 6-го февраля, три раза, утромъ, въ полдень, въ девятомъ часу, вели насъ всѣхъ, съ согбенными шеями, на убіеніе, насъ, которые столь часто уходили отъ устремлявшихся на насъ враговъ (по слову господина и вождя нашего Петра) безвредно, дивнымъ знаменіемъ. Въ Воскресенье достигли мы болѣе многочисленнаго народа (2); насъ оставили жить, пока черезъ поспѣшныхъ вѣстниковъ созванъ будетъ весь народъ на собраніе. И такъ въ другое Воскресенье, въ девятомъ часу, зовутъ

онъ отпустилъ его въ опасное мѣсто, не проводивъ или не обезпечивъ, и съ странникомъ приключилась бѣда. Вотъ на что намекаютъ слова Владимира.—Въ. *juvenum* я читаю *invanum*.

(1) Брунъ шелъ по степи, глѣ, видно, въ то время не было кочевниковъ.

(2) т. е., вѣроятно, главнаго кочевья.

ginta animas (1) насъ передъ собраніе, бьютъ насъ, самихъ и коней нашихъ; бросается на насъ многочисленная толпа съ кровавыми глазами и поднимаетъ страшный вопль; тысячью съкирь, тысячью обнаженныхъ надъ нашими шеями мечей вотще угрожаютъ они изрубить насъ. Мучили насъ до вочи, увлекли въ разныя стороны: пока старшины (2) земли силою (3) вытащили насъ изъ ихъ рукъ, и услышавъ наши рѣчи, поняли, какъ люди разумные, что мы для добра вступили въ ихъ землю. Такимъ образомъ, соизволеніемъ дивнаго Бога в честнѣйшаго Петра, пробыли мы пять мѣсяцевъ у этого народа, обошли три его части, не коснулись четвертой, (5) откуда

(1) слыуеть чятать animis.

(2) О восьми главныхъ и 40 подчиненныхъ имъ старшинахъ Печевѣжскихъ см. Константина Багрянор. de adm. imp. 37.

(3) Слово *bellum* здѣсь очевидно значить не война, а просто насиліе.

(4) *vobis* описка вмѣсто *vos*.

(5) Эти четыре части были, безъ сомнѣнія, четыре отдѣльныхъ Орды Печевѣжскихъ. Врунь вполне подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго, что Печевѣги состояли изъ четырехъ «темъ (областей) или народовъ» (т. е. Орды) на западной сторонѣ Днѣпра и изъ такихъ же четы-

pessimo populo, qui sunt super terram, omnium paganorum. пришли къ намъ вѣстники отъ лучшихъ людей (1). Приведши около тридцати душъ въ Христіанство, мы, помощью Божьяго перста, утвердили миръ (2), котораго, какъ они (т. е. Печенѣги) сказывали, никто кромѣ насъ не могъ бы сдѣлать. «Этотъ миръ, говорили они, сдѣланъ тобою. Если онъ будетъ проченъ, то мы всѣ охотно примемъ Христіанство, какъ ты насъ учишь. Если же государь Русовъ станетъ колебаться въ вѣрности (миру), то мы просто будемъ воевать съ нимъ, безъ ущерба Христіанству» (3). Съ этимъ пришелъ я къ государю Русовъ, кото-

---

рыхъ на восточной. Но къ которой изъ двухъ половицъ Брунъ ходилъ проповѣдывать?

(1) Вѣроятно, ему прислали сказать, чтобы онъ не ходилъ, что его убьютъ.

(2) т. е. съ Русью: изъ словъ Нестора видно, какая была при Владимірѣ ожесточенная и непрерывная война съ Печенѣгами.

(3) т. е. будемъ воевать съ Владиміромъ, но не отвергнемъ и не станемъ преслѣдовать у себя Христіанской вѣры. Изъ этого обѣщанія видно впрочемъ, что Русскій князь тогда уже почитался у Печенѣговъ представителемъ Христіанства; вѣроятно, его нравственное вліяніе не мало способствовало успѣху Бруновой проповѣди, къ несчастію столь вратковременному.

рый, ради дѣла Господня удовлетворяя моей просьбѣ, далъ въ заложники сына. И мы посвятили въ епископы одного изъ своихъ, и онъ (т. е. Русскій госуляръ) отправилъ его вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ средину земли (Печельской). И водворился, къ большей славѣ и хвалѣ Спасителя Бога, Христіанскій законъ среди самаго дурнаго и жестокаго изъ всѣхъ языческихъ народовъ, какіе существуютъ на землѣ.

Ego autem nunc flecto ad Pruzos, ubi qui precessit, precedere debet, qui illa omnia fecit, et nunc facere debet, clemens Deus et senior meus pretiosissimus Petrus. Au-

Я же теперь отправляюсь къ Прусамъ (1) куда долженъ предшествовать мнѣ Тотъ, кто предшествовалъ донинѣ, милосердый Богъ, и господинъ мой честнѣйшій

(1) Прусы, западная вѣтвь Литовскаго племени, въ это время привлекли общее вниманіе западной Европы убіеніемъ знаменитаго Пражскаго епископа Войтѣха (Альберта) и упорною борьбою съ новообращенною Польшею, которая тщетно старалась ввести у нихъ Христіанскую вѣру. При всемъ томъ Прусы, какъ извѣстно было, отличались кротостью и добродушіемъ, и это вѣроятно подавало миссіонерамъ надежду на успѣхъ между ними, тогда какъ они почти отчаявались въ возможности обратить ближайшихъ изъ языческихъ сосѣдей Германіи, свирѣпыхъ Славянъ—Лютичей.

divi enim de nigris
 Ungris, ad quos, que
 numquam frustra vadit,
 sancti Petri prima
 legatio venit, quam-
 vis nostri (quod Deus
 indulgeat!) cum magno
 peccato aliquo ce-
 carentur; qui con-
 246 versi omnes facti
 sunt christiani (1).
 Nec omnia sola gloria Dei
 et optimi Petri; quantum
 ad me, nihil nisi peccatum,
 et hoc ipsum bonum per-
 ditum, nisi miserans Deus
 propter se faciat, augeat
 et addat propter sanguinem
 sanctorum et specialius eo-
 rum qui nostro evo effusus
 super terram. Mi senior,
 omnia bona fecisti ad meam
 causam: Deus tibi retribuât
 mercedem in resurrectionem
 iustorum, maxime quia cu-
 ram geris mei, ne pro
 errore iuventutis
 secularia agam et spiritua-

Петръ, и гдѣ Онъ долженъ
 сотворить все, что сотво-
 рилъ (у другихъ народовъ). Я
 слышалъ о Черныхъ
 Уграхъ, къ кото-
 рымъ въ первый
 разъ пришло никогда
 не ходящее вотще по-
 сольство св. Петра,
 (я слышалъ) что не визи-
 рая на нѣкій вели-
 кій грѣхъ, ослѣп-
 лившій нашихъ (да
 проститъ его Богъ!), они
 всѣ обратились и
 сдѣлались Христіа-
 нами (2). Это все единст-
 венно слава Божія и бла-
 гаго Петра; что до меня,
 то мнѣ не принадлежитъ
 ничего, кромѣ грѣха; и
 самое добро (Божіе) было
 бы (во мнѣ) потеряно, если
 бы самъ Богъ не творилъ
 (его во мнѣ), не умножалъ и
 не усугублялъ его, ради
 крови святыхъ и особливо
 тѣхъ, которые проявили ее

(1) Угры (Венгры), водворившіеся на Дунаѣ, прозваны были Бѣлыми (см. Нест. въ Н. С. Р. Л, I, 5): стало быть Черные Угры были тѣ, которые, оставшись въ восточныхъ степяхъ, ушли отъ своихъ гонителей, Печенѣговъ, къ предѣламъ Персіи (см. Конст. Багр. de adm. imp. 38): о посольствѣ къ нимъ отъ Папы и объ успѣхахъ Христіанства между ними, нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, никакого другаго свидѣтельства. Слова Бруна показываютъ несомнѣнно, что было такое посольство; успѣхъ его могъ быть только временный, какъ успѣхъ самого Бруна у Печенѣговъ, и во всякомъ случаѣ, Брунъ получилъ объ немъ преувеличенныя извѣстія.

lia deseram. Inde erat, quod me abeunte videbaris irasci. Inde enim (1) fuit, quod me et plura mea digna risui ad circumstantes heroas me absente irrisisti. Que tria, amorem, iram et derisum, nisi me diligeres, nunquam circa me haberes, et nisi
 247 tu bonus esses, certe nunquam, quid tibi in me malum videbatur, odio haberes. Dico pro consolatione: quantum vult sanctus Deus misereri pio Petro cogente, nolo perire. Quod cum sim in me turpis et malus, dono Dei vellem esse bonus. Dico pro oratione: omnipotens et misericors Deus et me corrigat antiquum peccatorem, vosque faciat de die in diem nunquam mortuo bono opere meliorem regem. Si quis etiam hoc dixerit, quia huic seniori fidelitatem et maiorem amicitiam porto, hoc verum est; certe diligo eum ut animam meam, et plus quam vitam meam;

въ нашъ вѣкъ на землѣ. Государь мой! ты сдѣлалъ всяческое добро въ отношеніи ко мнѣ. Воздай тебѣ Богъ мзду при Воскресеніи праведныхъ, особливо за то, что ты заботишься обо мнѣ, какъ бы я изъ заблужденія молодости не предался мірскимъ дѣламъ и не покинулъ дѣлъ духовныхъ. Отъ этого-то происходило, что ты казался недовольнымъ, когда я отправлялся въ путь. Отъ этого произошло и то, что ты, въ моемъ отсутствіи, осмѣялъ меня и многое, что во мнѣ есть смѣшнаго, передъ окружающими тебя витязями (2). Эти три вещи, любовь, гнѣвъ и насмѣшка не были бы у тебя въ отношеніи ко мнѣ, если бы ты былъ ко мнѣ равнодушенъ; и если бы ты не былъ добръ, то никогда конечно, не сталъ бы негодовать на то, что тебѣ казалось во мнѣ дурнымъ.

(1) *in.* enim *vero* слѣдуетъ читать *etiam*.

(2) Трудно угадать, на какого рода насмѣшку Брунъ намекаетъ: можетъ быть Генрихъ подшучивалъ надъ неуспѣхомъ, съ какими онъ, оставшись въ путь вопреки его совѣтамъ, началъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Венгріи.—Витязи (*heroes*), окружавшіе короля, были его бароны.

sed quem nil latet, pretiosum testem habeo comunem Deum nostrum, quod per gratiam vestram diligo eum (1), quia, quo plus possum, ad vos volo convertere illum. Ut autem sal-
 248 va cum venia regis ita loqui liceat, bonum ne est persequi christianum, et habere in amicitia populum paganum? Que conventio Christi cum Belial, que comparatio luci ad tenebras? quomodo conveniunt Zuaras vel diabolus et dux sanctorum vester et noster Mauritius? qua fronte coeunt sacra lancea et que pascuntur humano sanguine diabolica vexilla? Non credis peccatum, o rex, quando christianum caput, quod nefas est dictu, immolatur

Скажу въ утѣшеніе : пока изволятъ Богъ святыи милосердствовать ко мнѣ ходатайствомъ блаженнаго Петра, я не погибну ; и будучи самъ по себѣ мерзокъ и дурень, желалъ бы, Божіею благодатью, быть добрымъ. — Скажу, какъ мольбу : всемогущій и милосердый Богъ и меня да исправитъ, давнишняго грѣшника, и васъ да сподобитъ, день ото дня, посредствомъ непрерывныхъ добрыхъ дѣлъ становиться все лучшимъ и лучшимъ государемъ. Если кто-нибудь скажетъ, что къ государю этому (т. е. къ вамъ) я питаю преданность (2) и наибольшую дружбу, то это правда ; по истинѣ я люблю его, какъ душу свою, и болѣе, чѣмъ жизнь свою. Но Тотъ, отъ кого ничто не скроется, общій Богъ нашъ, мнѣ драгоцѣн-

(1) *per gratiam vestram*, очевидно, здѣсь сказано неправильно вм. *vestri gratia*; *eum* относится не къ *Deum*, а, какъ предъидущее *eum*, къ слову *seniori*. Такие переходы отъ втораго къ третьему лицу, также какъ отъ втораго единственнаго числа (*tu*) ко второму множественнаго (*vos*) въ обращеніи рѣчи къ кому нибудь весьма обыкновенны въ средневѣковомъ латинскомъ синтаксисѣ.

(2) *Fidelitas* въ смыслѣ средневѣковомъ не значить просто вѣрность, а преданность.

sub demonum vexillo? Nonne melius esset talem hominem habere fidelem, cuius auxilio et consilio tributum accipere et sacrum christianismum facere de oppido pagano posses? O quam vellem non hostem, sed habere fidelem, de quo dico, senioreм Bozeszlaum! (2) Respondebis forsitan, «volо». Ergo fac misericordiam, postpone crudelitatem; si vis habere fidelem, desine persequi; si vis habere mi- ный свидѣтель, что я для вашего же блага люблю васъ, потому что, сколько могу, хочу преклонить Его къ вамъ. Такъ если можно, съ позволеніемъ короля, сказать это: хорошо ли преслѣдовать Христіанина, и вести дружбу съ народомъ языческимъ? (1) Какой договоръ Христа съ Велиаромъ, какое соглашеніе (3) свѣта со тьмою? какимъ образомъ сходятся вмѣстѣ Сварожичъ или діаволь (4) и

(1) Въ 1005 г. Генрихъ II, жертвуя всѣми предубѣжденіями вѣка для борьбы съ опасѣйшимъ соперникомъ Германіи, Болеславомъ Польскимъ, заключилъ союзъ съ язычниками Лютичами, которые съ своей стороны боялись Болеслава, какъ могущественнаго и властолюбиваго сосѣда и ревостнаго Христіанина. Слова Титмара показываютъ, какое впечатлѣніе произвелъ на современниковъ этотъ небывалый союзъ съ языческимъ народомъ, который неловко еще былъ данникомъ Германіи (только съ 983 г. Лютичи успѣшнымъ возстаніемъ приобрѣли себѣ вновь совершенную свободу): «Наканунѣ перехода нашихъ (т. е. войска, которое Генрихъ велъ въ 1005 г. въ Польшу) черезъ Одру, говоритъ лѣтописецъ (Титм. VI, 16), присоединились къ нимъ Лютичи, идя вслѣдъ за своими богами (знамена которыхъ неслись впереди). Я страшусь говорить объ нихъ и про ... Такіе-то войны, продолжаетъ онъ, описавъ суевѣрія и бытъ Лютичей,—*нѣкогда рабы наши, а нынѣ, по беззаконіямъ нашимъ, свободные,—въ соирожженіи своихъ языческихъ боговъ, сварадились на помощь королю. Бѣги, о читатель, отъ нихъ суевѣрій и общенія съ ними* т. д. Союзъ Генриха съ Лютичами продолжался болѣе десяти лѣтъ.

(2) Bozeszlaum описка вм. Boleszlaum, какъ видно изъ другихъ мѣстъ.

(3) *Comparatio* имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, какой имѣетъ часто придаетъ подобозначащему слову *Vergleich*.

(4) О Сварожичѣ, какъ о главномъ богѣ Лютичей, упоминаетъ и Титмаръ: онъ ишетъ Zuagasi. — Zuagasi вмѣсто Zuagasi въ Бруновомъ посланіи, очевидно, описка. Подробно разобралъ я значеніе этого божества,

litem, fac cum bono, ut delectet. Cave, o rex, si vis omnia facere cum potestate, nunquam cum misericordia, quam amat ipse bonus, ne forsitan irritetur qui te nunc adiuvat, Iesus. Nec contradicam regi; fiat sicut Deus vult et tu vis. Nonne melius pugnare cum paganis propter Christianitatem, quam christianis vim inferre propter secularem honorem? Certè homo cogitat, Deus ordinat. Nonne cum paganis et christianis hanc terram in viribus regni rex intravit? вождъ святыхъ, вашъ и нашъ покровитель, Маврикій? (1) подъ какимъ видомъ встрѣчаются другъ съ другомъ священное копье (2) и насыщаемыя человѣческой кровью дьявольскія знамена (3)? Развѣ не считаешь ты за грѣхъ, о король, когда Христіанская глава, — ужасно сказать! — приносится въ жертву предъ знаменемъ бѣсовъ (4)? Не лучше ли бы было имѣть союзникомъ такого чело- вѣка, помощью и совѣтомъ

сына Сварога, въ Исторіи Балтійскихъ Славянъ. т. I, 222. Для объясненія непонятныхъ именъ языческихъ боговъ, благочестивые средневѣковые монахи часто употребляли, какъ синонимъ, слово *дьяволъ*: вотъ въ какомъ смыслѣ Брунъ говоритъ: Сварожичъ или дьяволъ.

(1) Слово въ слово—«вождь святыхъ вашъ и вашъ, Маврикій». Св. Маврикій былъ особенно чтимъ Саксами; домъ Лудолфинговъ (Саксонскихъ Императоровъ) призывалъ его, какъ своего особеннаго заступника (См. App. Quedlinb. ann. 1007., Титмаръ, VI, 3. VII, 11; ему посвящена была соборная церковь въ Магдебургѣ, митрополія Саксовъ).

(2) Священное копье, приписывавшееся Константину Великому, а иными Св. Маврикію, было одною изъ главныхъ регалій Германскихъ королей и вручалось имъ, при ихъ избраніи, съ особенною торжественностью. См. Титм. V, 8., также Слов. Дюканжа, *lancea*.

(3) Титмаръ также говоритъ о священныхъ знаменахъ боговъ, которыя Лютчи носили съ собою въ походъ; онъ выставляетъ это, какъ одинъ изъ ихъ замѣчательнѣйшихъ обычаевъ (см. VI, 17. VII, 47); на нѣкоторыхъ знаменахъ (а можетъ быть и на всѣхъ) было изображеніе божества; благоговѣніе къ нимъ было необыкновенное. Передъ ними приписался въ жертву люди (особливо плѣнные Христіане), какъ рассказываетъ Титмаръ, подтверждая слова нашего Бруна.

(4) См. Титм. VI, 18. Гельмольдъ I, 23.

quam tamen sanctus Petrus, cuius tributarium se assertit, et sanctus martyr Adalbertus nonne protexerunt? Si adiuvare nollent, nunquam sancti qui sanguinem fuderunt et sub divino terrore multa miracula faciunt, quinque martyres occisi in terra sua requiescerent. Mi here, non es rex mollis, quod nocet, sed iustus et districtus rector, quod placet: sed tantum hoc addatur, ut sis misericors, et non semper cum potestate, sed etiam cum misericordia populum

котораго ты могъ бы получать дань и водворять святое Христіанство въ языческомъ городѣ (1)? О какъ бы я желалъ имѣть не врагомъ, а союзникомъ того, о которомъ говорю, государя Болеслава! Быть можетъ, ты отвѣтишь: «я желаю». Такъ сотвори милосердіе, отложи злобу; если хочешь имѣть его союзникомъ, перестань его преслѣдовать (2); если хочешь имѣть его своимъ рыцаремъ (3), сдѣлай это по-

(1) Замѣчательно это сопоставленіе, *tributum accipere et christianismum facere*, собирать дань и водворять Христіанство, у Славянскихъ племенъ, сопредѣльныхъ Германіи. Это понятіе происходило изъ общаго строя средневѣковаго, Римско-Католическаго и Германскаго запада. Я изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ приведенномъ выше сочиненіи (Ист. Балт. Ст. I, 310 и слѣд.); тамъ приведено изъ средневѣковыхъ памятниковъ много выраженій, подобныхъ тому, которое здѣсь вырвалось у Бруна. Этимиъ объясняется самая вражда нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ къ Христіанству.

(2) Все подробное повѣствованіе Титмара показываетъ, до какой степени король Генрихъ II озлобленъ былъ противъ Болеслава; видя въ немъ главнаго соперника Германіи, который угрожалъ ей соединеніемъ всѣхъ западныхъ Славянскихъ народовъ, онъ употреблялъ противъ него всѣ свои силы и средства, жертвуя и влияніемъ своимъ въ Италиіи и Франціи, и начатыми планами покоренія Балтійскихъ Славянъ, и даже, какъ мы видѣли, чувствомъ религіознымъ. При всемъ томъ нѣтъ сомнѣнія, что Генрихъ желалъ мира и дружбы съ Болеславомъ, и что онъ даже могъ выражаться въ этомъ смыслѣ; но онъ желалъ этого на условіяхъ невозможныхъ, т. е. чтобы могущественный Болеславъ, властвовавшій отъ Балтійскаго моря до границъ Баваріи, а потомъ и до Дибра, призналъ себя, подобно своему слабому отцу Мешкѣ (Мечиславу), вассаломъ и данникомъ Нѣмецкой короны.

(3) *miles* въ средніе вѣка значило рыцарь, и въ отношеніи къ высшему лицу, имѣло смыслъ вассала.

tibi acquirere, et quod nunc in tribus partibus, tunc nec in una parte bellum habes.

средствомъ добра, чтобы его привлечь. Берегись, король, если ты станешь все дѣлать властію, а ничего милосердіемъ, которое любить благій Иисусъ, чтобы Онъ, нынѣ за тебя поборающій, отъ тебя не отворотился. Но я не стану противорѣчить королю. Будь, какъ угодно Богу и какъ ты хочешь... Не лучше ли сражаться съ язычниками за Христіанство, чѣмъ дѣлать Христіанамъ насиліе изъ мірскаго честолюбія? По истинѣ, человекъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ. Не вступилъ ли король (т. е. не вступилъ ли ты, король), съ язычниками и Христіанами, во всей силѣ своего государства, въ землю эту (т. е. въ землю Болеслава, въ Польшу) (1)? и не защитилъ ли ея (2)

(1) Изъ этого мѣста также, какъ изъ другихъ обстоятельствъ, видно, что Брунъ писалъ въ Польшѣ.

(2) Брунъ говоритъ о походѣ 1005 года, въ которомъ Геврихъ II, со всѣми силами Германіи и съ своими языческими союзниками Лютичами, черезъ Лужицы и Силезію вступилъ въ Польшу, дошелъ до Познани, но долженъ былъ тамъ заключить миръ (не совсѣмъ, видно, выгодный, потому что на другой же годъ онъ поспѣшилъ объявить, что расторгаетъ его), и возвратился домой, потерявъ значительную часть войска. Лѣтописецъ Титмаръ представляетъ этотъ походъ такъ, какъ будто бы успѣхъ остался на сторонѣ Германіи; изъ словъ Бруна выходитъ совсѣмъ другое.

однако св. Петръ, коего данникомъ онъ (Болеславъ) себя признаетъ (1), и святой мученикъ Адальбертъ (2)? Развѣ пятеро святыхъ, пролившихъ кровь своею и сотворившихъ, подѣ устрашающимъ покровомъ Божиимъ многія чудеса, почли бы въ землѣ его (Болеслава) (3), тамъ убитые, еслибы они не хотѣли помогать ему (4)? Господинъ мой, ты не слабодушный король, что было бы вредно, но справедливый и крѣпкій правитель, что всѣмъ пра-

---

(1) Извѣстно, что Болеславъ, желая положить конецъ притязаніямъ Германскихъ государей на вассальство Польши, призналъ себя непосредственно зависимымъ отъ Римскаго престола.

(2) Войтѣхъ, по-Нѣмцами названный Адальбертомъ, епископъ Пражскій, замученный Прусами: Болеславъ выкупилъ у Прусовъ его тѣло и положилъ его въ великолѣпной ракъ, въ Гнѣзненскомъ соборѣ.

(3) Объ этихъ пяти святыхъ, убитыхъ въ Польшѣ, подробно рассказываетъ Чешскій лѣтописецъ, Косма Пражскій (I, 38, у Шертца XI, 60) подѣ 1004 годомъ. Было въ Польшѣ шесть иноковъ-отшельниковъ, Венедиктъ, Матей, Иоаннъ, Исаакъ, Хрестивъ и Варнава. Они вели благочестивую подвижническую жизнь и сдѣлались вскорѣ извѣстными Польскому князю (Болеславу, котораго Косма здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, смѣшиваетъ съ отцемъ его Мешкою); онъ пріѣхалъ навѣстить ихъ и поручить себя ихъ молитвамъ; увидѣвъ, въ какой они живутъ нищетѣ, онъ оставилъ имъ кошелекъ со 100 марками (серебра); бѣдные отшельники не знали, что дѣлать съ деньгами, которыхъ никогда не имѣли, и боясь соблазна, отправили брата Варнаву возвратить князю его даръ. Ночью ворвались въ нимъ враги (*manus inimica*), стали ихъ пытать и обыскивать и, не находя ничего, убили пятерыхъ отшельниковъ, 11-го Ноября 1004 г. Стало быть Брунъ намекаетъ тутъ на событіе современное.

(4) Онъ хочетъ сказать, что если бы эти мученики не хотѣли быть заступниками Польши, то мощи ихъ не остались бы тамъ.

ВИТСЯ : ТОЛЬКО ОДНОГО НЕДОСТАЕТЬ, ЧТОБЫ ТЫ БЫЛЪ МВЛОСЕРДЪ , И НЕ ВСЕГДА ВЛАСТІЮ (1), А ТАКЖЕ МИЛОСЕРДІЕМЪ (старался) (2) ПОДЧИНЯТЬ СЕБЪ НАРОДЫ, — И ТОГДА ВОЙНА, КОТОРАЯ НЫНЪ У ТЕБЯ СЪ ТРЕХЪ СТОРОНЪ, (3) НЕ БУДЕТЪ НИ СЪ ОДНОЙ.

Sed hoc quod (4) ad nos? Videat in sua sapientia iusti et boni tenax rex, videant et in dando consilio optimus quisque episcopus, comes et dux. Quod ad meam, imo Dei causam pertinet, unum dicam et alterum, quibus ultra non addam. Duo magna mala, quam (5) Deus et pugnans Petrus in rudi paganismo serpere, nova ecclesia prope sentire debet. Primum, senior Boleslavus, qui viribus animi et corporis

Но какое намъ дѣло? Пусть разсудить въ своей мудрости держащійся правды и добра король, пусть разсудятъ и всѣ благіе въ поланіи совѣта епископы, графы и герцоги. Что же касается до моего, или скорѣе, Божьяго дѣла, скажу еще одно (6), и больше впчего не прибавлю. Двумъ великимъ бѣдствіямъ подверглось слово Божіе и воинствующая проповѣдь Петра (7) среди грубаго язычества, и

(1) Генрихъ думалъ покорить Болеслава, какъ феодалный государь своего возмущившагося вассала : вотъ въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь слово potestas.

(2) Въ подлинникѣ глаголъ пропущенъ.

(3) Въ 1007 г. была у Генриха война на востокъ съ Польшею, на западъ съ Балдуиномъ Герцогомъ Фландрскимъ (см. Титмара, VI, 22), на сѣверо-востокъ съ Славянами Бодричами (см. тамъ же, 21).

(4) см. quod читай quid.

(5) см. quam читай quae.

(6) Въ подл. « скажу еще одно и другое ».

(7) Въ подл. « воинствующій Петръ ».

consolari me ad convertendos Pruzos libentissime voluit et nulli pecunie ad hoc parcere decrevit: ecce impeditur bello, quod sapientissimus rex pro necessitate dedit; iuvare me in evangelio nec vacat, nec valet. Rursus, cum Liutici pagani sint et idola colant, non misit Deus in cor regis hos tales propter christianismum glorioso certamine debellare, quod est iubente evangelio compellere intrare. Nonne magnus honor magna que salus regis esset, ut ecclesiam augetet et apostolicum nomen coram Deo inveniret, hoc laborare ut baptizaretur paganus, pacemque donare adjuvantibus, sed hoc christianis? Sed in hac parte
 252 pendet omne malum, quae nec rex fidem habet Bolezlavoni, nec ipse irato regi. Eheu

ихъ должна будетъ сильно оцутить новонасажденная (у Прусовъ) церковь. Во-первыхъ, государь Болеславъ, который охотно взялся поддерживать меня средствами духовными и вещественными для обращенія Прусовъ и рѣшился не щадить на это никакихъ денегъ, — вотъ онъ остановленъ войною, которую (ты), мудрѣйшій король, сдѣлалъ для него необходимою; пособить мнѣ въ дѣлѣ Евангелія у него нѣтъ ни досуга ни средствъ. Во-вторыхъ: Лютичи—народъ языческій и служатъ кумирамъ, а Богъ не внушилъ сердцу короля мысли достопадной борьбою за Христіанство одолѣть ихъ, что значитъ,— по повелѣнію Евангельскому, принудить ихъ вступить (въ церковь) (1).

(1) *compellere intrare* (принудить войти)—какъ въ этихъ двухъ словахъ рисуется духъ западной проповѣди! Здѣсь Брунь отвоситъ эти ложно понятыя имъ слова Евангелія къ Лютичамъ, на которыхъ дѣйствительно,

nostra infelicia tempora!
 Per sanctum imperatorem,
 magnum Constantinum, per
 exemplar religionis opti-
 mum Karolum! est nunc
 qui persequatur christia-
 num: nemo prope qui con-
 vertat paganum! Unde, o
 rex, si dederis pacem christi-
 anis, pugnaturus propter
 christianitatem cum paga-
 nis, placebit tibi in die no-
 vissimo, cum, omnibus dimis-
 sis, steteris in conspectui (1)
 principis eo minori dolore
 et gaudio maiori, quo recor-
 daris te maiora fecisse bo-
 na. Non est, quod timeat
 rex religionis (2)? homo
 memor malorum iungat se
 paganis? Tantum impossi-
 bilia nolite querere: aliter
 quomodo rex vult noster.
 Нис Boleslavo vos
 253 securum facit, quia
 in eternum non de-
 bet dimittere, cum
 in expugnandis pa-
 ganis semper debet
 vos diligentissime
 adiuvare et in omni-

Не была ли бы для короля
 великая честь и великое
 дѣло спасенія, стараться,
 съ цѣлю умноженія церкви
 и полученія предъ Богомъ
 имени апостольскаго, о
 томъ, чтобы крестился на-
 родъ языческой, и поми-
 риться съ тѣми, которые
 могутъ быть союзниками,
 но союзниками Христіан-
 скими? А все зло происхо-
 дить отъ того, что ни
 король не вѣритъ
 Болеславу, ни онъ
 разгнѣванному ко-
 ролю. Увы, бѣдственные
 наши времена! О святой
 императоръ, великій Кон-
 стантинъ, о лучшей обра-
 зецъ благочестія, Карлъ!
 есть теперь такіе, кото-
 рые преслѣдуютъ Христіа-
 нина; нѣтъ никого почти,
 кто бы обращалъ язычни-
 ка! Посему, о король, если
 ты дашь миръ Христіа-
 намъ въ намѣреніи сра-
 жаться, на пользу Хри-
 стіанства, съ язычниками,
 то ощутишь блаженство,

вмѣстѣ съ другими племенами Балтійскихъ Славянъ, съ наибольшою тя-
 жестию обрушилась завоевательная рука Западной церкви.

(1) чит. in conspectu.

(2) чит. religioni.

bus libenter seruire. O quanta bona et com-
moda in custodiendo christi-
anismo et in convertendo
paganismo concurrerent,
cum si (1), sicut pater
Myseco cum eo, qui
mortuus est impera-
tore, ita filius Boles-
lavus cum vobis, qui
sola spes orbis superstat,
iuveret, nostro rege.

когда, покинувъ все, въ
последній день стоять бу-
дешь предъ лицомъ Вла-
дыки, (я стоять будешь) тѣмъ
болѣе безболѣзненно и
тѣмъ болѣе радостно, чѣмъ
болѣе будешь вспоминать
добра, тобою сдѣланнаго.
Не бойтесь ли вы, король,
за вѣру? развѣ чловѣкъ,
который помнитъ, какое
отъ этого происходитъ зло,
станетъ дѣйствовать за
одно съ язычниками?
Только невозможнаго не
добивайтесь (2); все про-
чее будетъ такъ, какъ
угодно вамъ, королю
нашему. Болеславъ
сей удостовѣряетъ
васъ, что онъ во
вѣкъ васъ не оста-
витъ, такъ какъ его
обязанность помо-
гать вамъ всегда со
всею ревностью въ
покореніи язычни-
ковъ и во всемъ
усердно служить
вамъ. О какія блага и
выгоды произошли бы для

(1) чит. cum, sicut.

(2) т. е. отъ Болеслава: это невозможное, котораго король отъ него
требовалъ, было то, чтобы онъ, по примѣру своего отца, призвалъ себя
вассаломъ Германіи.

охраненія Христіанства и обращенія язычества, если бы также, какъ отецъ Мешко (1) поборалъ за покойнаго Императора (2), такъ и сынъ Болеславъ дѣйствовалъ за одно съ вами, королемъ нашимъ, который остался единою надеждою вселенной !

Inter hec non lateat regem, quod episcopus noster cum egregio monacho, quem nostis, Rodberto ultra mare in evangelium Suigis transmiserat. Quomodo venientes nuncii verissime dixerunt, ipsum senioreм Suigiorum, cuius dudum uxor christiana erat, gratias Deo! baptizavit. Cum quo mille homines et septem

Между тѣмъ да будетъ извѣстно королю, что епископъ нашъ съ отличнымъ монахомъ, котораго вы знаете, Родбертомъ, отправился за море проповѣдывать Евангеліе Шведамъ (3). Какъ заподлинно сказали прибывшіе оттуда съ вѣстями, онъ, слава Богу, крестилъ самого государя Шведскаго, супруга котораго была

(1) Принявъ крещеніе и подчинившись Западной церкви, сынъ Земимисловъ, Мечиславъ или Мешко, великій князь Гитаненскій, отдалъ себя подъ покровительство Германіи и содѣйствовалъ ей въ борьбѣ съ Славянами на Эльбѣ.

(2) Оттономъ III.

(3) Христіанство, принесенное въ Швецію Св. Анскаромъ около 830 г. и потомъ опять подавленное тамъ противодѣйствіемъ язычества, возобновилось у Шведовъ на грани X и XI вѣка, подъ вліяніемъ Датчанъ, уже болѣею частію крестившихся. Главнымъ проповѣдникомъ въ Швеціи былъ тогда епископъ Сигфридъ, уроженецъ Англіи; объ немъ вѣроятно говорить Брунь. О монахѣ Робертѣ я не нашелъ никакого другаго извѣстія.

254 plebes eandem gra- уже давно Хри-
 ciam mox ut (1) ге- стіанка (2). Съ нимъ
 ceperunt. Quod ce- вмѣстѣ удостои-
 teri indignati inter- лись вскорѣ той
 ficere querebant; благодати тысяча
 spem habentes om- семь человекъ изъ
 nes reverti cum epi- народа (3). Прочіе,
 scopo, ad tempus въ негодованіи за
 locum dederunt. De это, хотѣли ихъ у-
 quorum habitu et reversione битъ. Имѣя надеж-
 ad explorandum missi nuncii ду въ послѣдствіи
 non redeunt. Quе- возвратиться вмѣ-
 cunque docent, merito ad vos, ve- стѣ съ епископомъ,
 lutu ad regem, qui me per- они на время всѣ
 fecit in evangelio, servus удалились. Посланные
 vester certa mandare curabo. развѣдать объ ихъ поло-
 Quid plura? scitote sub женіи и надеждахъ на воз-
 testimonio Christi: ubicun- вращеніе не приходятъ на-
 que possum, fidelissimus задъ. Какія бы вѣсти они
 fautor sum vestre parti. Et ни принесли, я себя почту
 quamvis nesciam orare in обязаннымъ сообщить ихъ
 conspectu Domini, verum вамъ въ точности, какъ
 non desinam latrare, ut vos рабъ своему государю, ко-

(1) ut здѣсь лишнее.

(2) Первый Шведскій король, принявшій Христіанство, былъ Олафъ Скаутковунгъ (*скаутъ*, Нѣмецк. Schooss, значить колѣня: прозвище произошло отъ того, что Олафъ ребенкомъ, сидя на колѣняхъ, принималъ присягу Шведовъ): юношею, находясь въ Даніи, крестился онъ, но потомъ отрекся отъ Христіанства; около 1000 г. Сигфридъ обратилъ его вторично. Его жена была Славянка изъ племени Бодричей, по имени Эстрель (форма скандинавская: настоящее Славянское имя неизвестно), отъ которой онъ имѣлъ дочь Инградъ или Ингагердъ, жену Велик. кн. Ярослава Владиміровича. Адамъ Бременскій, сохранившій это извѣстіе (II, 37), не говоритъ, была ли она Христіанка; но свидѣтельство Бруна подтверждается тѣмъ, что въ это именно время Христіанство было весьма сильно распространено у Бодричей (см. Ad. Brem. II, 24. Helm. I. 16-18.).

(3) Такъ я перевожу, читая: mille homines et septem plebis, вм. plebes; если чтеніе plebes правильное, то слѣдовало бы перевести: «тысяча человекъ и семь племенъ», т. е. «изъ семи племенъ»; но это мнѣ вѣроятно.

255 benedicat salutare Dei et in omni opere comitetur vos bona gracia Petri. Vos vero quicquid in Liuticis et Pruzis convertendis consilium et auxilium potestatis (1) dare, ut pium regem et spem orbis decet, nolite cessare, quia circa horum paganorum dura corda convertenda flante Spiritu Sancto noster labor nunc debet accingi omnisque opera et studium pugnantem Petro indefesse consumi.

торый приготовилъ меня для проповѣди Евангельской. Что еще скажу? Знайте, — я беру въ свидѣтели Христа, что гдѣ только могу, я стараюсь быть ревностнѣйшимъ заступникомъ вашихъ выгодъ. И не умѣя, предъ лицемъ Господнимъ, достойно молиться, не перестаю вопить (2), чтобы васъ благословила спасительная сила Божія, и во всякомъ дѣлѣ сопровождала васъ благодатная милость Петра. Вы же не оставляйте подавать намъ, какой только можете, совѣтъ, какую можете, помощь для обращенія Лютичей и Прусовъ, какъ подобаешь благочестивому королю, надеждѣ вселенной: ибо на обращеніе, благодатию Духа Святаго, жестокихъ сердець сихъ язычниковъ, долженъ нынѣ устремиться нашъ трудъ и употреблена быть неутомимо вся наша дѣятель-

---

(1) чит. potestis.

(2) въ подлинн. лаять.

ность, все наше стараніе,
при поборничествѣ Петра.

Vale, o rex, vive vere
Deo, memor bonorum ope-
rum; morere senex virtu-
tum et plenus dierum.

Будь здоровъ, король,
живи истинно для Бога,
памятуя о благихъ дѣлахъ;
окончи вѣкъ свой устарѣ-
лымъ въ добродѣтеляхъ,
богатымъ годами.

Не суждено было Бруну имѣть успѣхъ и на сѣверѣ, между Прусами. Какъ показываютъ собственныя слова его въ приведенномъ посланіи къ королю Генриху, онъ не дѣйствовалъ уже въ чистомъ духѣ Евангелія, въ духѣ кротости и любви: онъ требовалъ отъ мірской власти помощи для крещенія язычниковъ, онъ побуждалъ Христіанскаго государя къ завоеванію ихъ, онъ не боялся произнести страшное *compellere intrare*, « принудить вступить въ церковь »; но съ другой стороны онъ не жилъ еще въ томъ вѣкѣ, когда западный миссіонеръ велъ желѣзныи строй рыцарей обращать еретиковъ Вальдензовъ и язычниковъ Лютичей, Прусовъ, Ливонцевъ. Слово Бруна было уже бесплодно, а рука его еще не была вооружена. Онъ погибъ года полтора или два послѣ того, какъ писалъ къ Генриху. Титмаръ рассказываетъ, что его убили гдѣ-то между Прусскою землею и Русью: стало быть въ Литвѣ. Такъ дѣйствительно свидѣтельствуетъ Кведлинбургская лѣтопись подъ 1009 годомъ: « Бруно, другимъ именемъ Бонифацій, архіепископъ и монахъ, на одиннадцатый годъ своего постриженія, погибъ, 9 Марта (*), обезглавленный язычниками на границахъ Руси и Литвы (in confinio Rusciae et Lituæ) съ 18 товарищами, и пріять былъ на небеса » (**). Рим-

(*) 7 Id. Martii. По Титмару, 14-го февраля.

(**) Annal. Quedl. у Петруа, V, 80.

ская церковь причислила его къ лику святыхъ. Объ его послѣднемъ подвигѣ носились разныя сказанія ; но ни въ одномъ изъ нихъ не видно исторической основы (*).

Въ заключеніе выражу свою благодарность Русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Гамбургѣ , Х. Е. Кудрявскому , за обязательность , съ какою онъ доставилъ мнѣ тщательно критически обработанный списокъ съ изданнаго здѣсь посланія : этимъ спискомъ я пользовался.

А. Гильфердингъ.

(*) Одно изъ нихъ напечатано у Пертца (VI, 579) и принадлежитъ современнику : оно писано почеркомъ XI в. и сочинитель его , по имени Випертъ , выдаетъ себя за одного изъ товарищей Бруна , который будто бы сопутствовалъ ему въ Прусію и при казни его былъ ослабленъ и отпущенъ язычниками ; но въ сказанія столько несообразностей и подъ благочестивыми фразами видно такъ мало исторической быти , что оно есть несомнѣнно издѣліе самозванца . Другое сказаніе внесено въ упомянутое уже нами Житіе св. Ромуальда (Pertz, VI, 851), писанное въ Италіи около 1040 г. ; пока вѣсть изъ Литвы пришла туда , въ ней не осталось ничего историческаго , и сказаніе это , записанное почти современникомъ Бруна , имѣетъ видъ совершенно баснословный : дѣйствіе перенесено на Русь , Брунъ разными чудесами обращаетъ въ Христіанскую вѣру государя Русскаго (rex Russorum), но убить его братомъ .

ДВА СЛОВА

О НАРОДНОСТИ ВЪ НАУКЪ.

Въ программѣ Русской Бесѣды сказано между прочимъ, что одною изъ главныхъ цѣлей сего изданія будетъ посылно содѣйствовать къ развитію Русскаго воззрѣнія на науки и искусства. Эти слова вызвали со стороны Московскихъ Вѣдомостей замѣчаніе, «что вѣдь науки и искусства допускаютъ лишь одно воззрѣніе *просвѣщенное*, слѣдовательно *общечеловѣческое*». Издатели Русской Бесѣды въ слѣдующемъ № Вѣдомостей сказали нѣсколько словъ въ защиту своей программы, а Московскія Вѣдомости, удерживая за собою свое мнѣніе, повторили его съ нѣкоторыми поясненіями.

Напоминая объ этомъ читателямъ, мы вовсе не думаемъ возобновлять полемику съ уважаемою нами газетою, не съ этою цѣлью беремся мы за перо; но мы считаемъ не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ для уясненія общаго вопроса, котораго вскользь коснулись Московскія Вѣдомости и о которомъ не разъ толковали другіе наши журналы: вопроса о значеніи и законномъ участіи народности въ развитіи науки. Сперва постараемся опредѣлить, какъ можно безпристрастнѣе и точнѣе, тотъ взглядъ, изъ котораго вышло сомнѣніе, выраженное Московскими Вѣдомостями.

Задача науки въ постиженіи сущности явленій. Чѣмъ полнѣе и чище онѣ отражаются въ познающемъ разумѣ, чѣмъ менѣе возмущается этотъ процессъ духовнаго отраженія случайнымъ характеромъ познающаго лица и посто-

ронными обстоятельствами, тѣмъ свободнѣе и стройнѣе явленія собираются въ группы, тѣмъ яснѣе выдается ихъ внутренній смыслъ изъ случайной ихъ обстановки, тѣмъ безошибочнѣе опредѣляется законъ ихъ послѣдовательнаго развитія. Народность можетъ быть предметомъ постиженія, какъ объектъ науки; но народность, какъ свойство постигающей мысли, ведетъ къ произволу, односторонности и тѣспотѣ воззрѣнія. Такимъ же образомъ проявляется въ ученомъ трудѣ вліяніе вѣка на мыслителя и вообще преобладающее вліяніе какого бы то ни было условія или начала, которому сознательно или безсознательно подчинится мысль. Мысль, по существу своему, безстрастна и безцвѣтна, и потому ученый, не умѣвшій или не хотѣвшій очистить себя отъ представлений, понятій и сочувствій, прилипающихъ неволью къ каждому человѣку отъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область міровыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предметовъ въ сознаніи, представленія неполныя, образы изуродованные и притомъ разцвѣченные.

Совершенно тоже говорилось и печаталось у насъ еще недавно о художествѣ. Поэзія есть воспроизведеніе идеи или сущности явленія въ живомъ образѣ. Идея—достояніе всего человѣчества, а форма, хотя и взятая изъ области случайнаго, очищается отъ всего случайнаго и просвѣтляется насквозь идеею; слѣдовательно въ художественномъ творчествѣ участіе народности незаконно. Это послѣднее примѣненіе общаго понятія объ отношеніи человѣческаго къ народному, теперь устарѣло и откинуто вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ всякихъ предубѣжденій, вытѣсненныхъ неразумнымъ сознаніемъ, но, по закону моды, пережившихъ свое время и успѣвшихъ надобѣсть публикѣ отъ частаго ихъ повторенія. Да и ошибочность его слишкомъ ясно бросалась въ глаза. Самое поверхностное изученіе великихъ памятниковъ искусства, въ связи съ мѣстомъ и временемъ ихъ появленія, приучило насъ не дичиться народности въ сферѣ художества; мы поняли, что не создалъ бы Божественной Комедіи Дантъ,

еслибъ онъ не былъ Итальянцемъ и Католикомъ; что Гёте былъ однимъ изъ полнѣйшихъ проявленій Германскаго духа; наконецъ, со времени появленія между нами Гоголя, мы уразумѣли, что не только неисчерпаемое богатство художественныхъ представленій, которыхъ и половины онъ не успѣлъ намъ открыть, почерпнуто имъ изъ нашей народности, но что онъ самъ, какъ художникъ, своеобразенъ и великъ именно потому, что его воспитала Россія, а не другая народная среда. Было бы позволительно предоставить времени произвести такую же реакцію и противъ теперешняго гоненія на народность въ дѣлѣ науки; но мы мало цѣнимъ успѣхъ отъ пресыщенія и потому, не избѣгая и не откладывая спора, приступаемъ прямо къ уясненію возбужденнаго нами вопроса. Недоразумѣнія лежатъ на немъ, какъ отвердѣвшіе слои наносныхъ понятій, и мы будемъ довольны, если намъ удастся снять хоть самые тонкіе.

Боссюетъ, католикъ и Французъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ, пытавшихся постигнуть законъ всемірной Исторіи, смотрѣлъ на реформацію, какъ на уклоненіе человѣческаго разума отъ нормальнаго пути, и объяснялъ ее вторженіемъ страсти и произвола въ область вѣчной, общечеловѣческой истины. Нѣмецкіе и Англійскіе истерика, протестанты по вѣроисповѣданію или по образованію, смотрятъ на то же явленіе, какъ на блистательную побѣду, одержанную духовною свободою человѣка надъ ограниченностію средневѣковаго религіознаго сознанія. Которое изъ этихъ двухъ возрѣній просвѣщеніе и общечеловѣческое?

Мы въ правѣ въ вопросѣ о національности указать на противоположность возрѣнія католическаго и протестантскаго во первыхъ потому, что католицизмъ есть такое же несомнѣнное явленіе въ области религіи романской стихіи, какъ протестантизмъ явленіе германской; во вторыхъ потому что, говоря о Русской народности, мы понимаемъ ее въ неразрывной связи съ Православною Вѣрою, изъ которой истекаетъ вся система нравственныхъ убѣжденій, правящихъ семейною и общественною жизнію Русскаго человѣка.

Придерживаясь понятія о народности въ болѣе тѣсномъ

и матерьяльномъ смыслѣ, было бы также легко подобрать въ первоклассныхъ твореніяхъ примѣры противоположности полныхъ, выработанныхъ воззрѣній на историческое значеніе и характеръ цѣлыхъ племенъ, истекающей изъ народныхъ сочувствій или предубѣжденій великихъ писателей, которымъ однакоже никто не откажетъ ни въ просвѣщеніи, ни, въ общечеловѣческихъ заслугахъ. Еще очевидно проявляется вліяніе политической партіи или тѣснѣйшаго круга людей, съ которыми авторъ связанъ сочувствіемъ. Мы недавно видѣли тому примѣръ. Маколей, одно изъ свѣтилъ современной исторической науки, въ опытѣ о войнѣ за наслѣдство Испанскаго престола опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ существенную разницу между партією торіевъ и партією виговъ. Виги — голова, а торіи хвостъ; гдѣ нынѣ стоятъ первые, туда черезъ сто лѣтъ доползутъ вторые, изъ чего слѣдуетъ, что историческое оправданіе цѣлей половины Британскаго общества, заявившей себя на всѣхъ страницахъ Англійской исторіи, заключается въ отрицательномъ свойствѣ тупоумія. Весьма вѣроятно, что историкъ, равносильный Маколею по дарованію, но воспитанный въ сферѣ другихъ понятій, не измѣняя общечеловѣческимъ началамъ и просвѣщенію, не затруднился бы отвѣтомъ на этотъ приговоръ.

Не только въ области исторіи, но и въ другихъ, занимающихся человѣкомъ, а не природою (*), на примѣръ, въ наукѣ права, въ философіи, въ политической экономіи, встрѣчаются на каждомъ шагу столь же рѣзкія противоположности, которыхъ корень въ различіи точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, основныя убѣжденія и прирожденные сочувствія, на которыхъ, какъ на данномъ материкѣ, воздвигается вѣками народное и личное просвѣщеніе. Какъ не потеряться въ нихъ, какъ сохранить свободу мысли? Какъ

(*) И въ естественныхъ наукахъ взглядъ естествоиспытателя на природу, на разныя ея явленія, на связь между этими явленіями и пр. существенно зависитъ отъ главнаго начала, принятаго въ основу философіи; главное же начало философіи необходимо истекаетъ изъ религіозной и народной стихіи. Впрочемъ уясненіе этихъ истинъ составить предметъ особыхъ статей.

избѣгнуть невольной односторонности? — « Очень легко; держитесь крѣпко просвѣщеннаго и общечеловѣческаго, не подчиняйтесь ничему народному ». Такъ теперь говорить у насъ. Сто лѣтъ тому назадъ, во Франціи говорили: *Suivez la divine raison, elle vous sauvera de l'erreur*; но много ли уцѣлѣло изъ того, что было отмѣчено клеймомъ *de la divine raison*? Увы! Еще не родился тотъ гений, который бы размежевалъ всю область человѣческаго вѣдѣнія на двѣ полосы и поставилъ между ними столбы съ надписями: образованное и человѣческое—ложное и народное.

Когда по закону историческаго преемства, народъ вызывается во главу человечества, и къ нему переходить умственное достояніе всѣхъ племенъ, отслужившихъ до него свою службу, сдѣланныя ими открытія въ области механики, естественныхъ наукъ и введенныя ими усовершенствованія въ матерьяльномъ быту перенимаются просто и безспорно. Но не такъ легко обходится дѣло при усвоеніи лучшей доли умственнаго наслѣдства: замкнувшаяся система просвѣщенія принимается подъ условіемъ строгой повѣрки самыхъ основныхъ ея положеній; то, что казалось навсегда поконченнымъ, подвергается пересмотру и часто дѣлается снова вопросомъ, разрѣшеніемъ котораго поглощается много и много свѣжихъ силъ. Фактическое и постоянное участіе народности въ образованіи самостоятельныхъ возрѣній на предметъ науки, кажется, не подлежить спору; но этимъ еще не оправдывается направленіе, называющее себя народнымъ. Намъ могутъ возразить: « примѣрами, вами же приведенными, подтверждается, что народность и односторонность въ дѣлѣ науки одно и то же; это неровное зеркало, въ которомъ искривляется отражаемый предметъ; въ примѣненіи къ живому организму, это недугъ, болѣзнь ума; а вы вмѣсто того, чтобы прискивать противъ нея лѣкарствъ, даете обѣщаніе стараться всѣми силами, чтобъ она плодилась! »

Допустивъ основательность возраженія и обративъ его потожительною стороною, мы получимъ, въ примѣненіи къ прежнимъ приведеннымъ нами примѣрамъ, слѣдующее требованіе: историкъ не долженъ быть ни католикъ, ни

протестантъ, ни Французъ, ни Нѣмецъ; онъ не долженъ принадлежать ни къ какой политической партіи, ни къ какой философской системѣ, онъ долженъ быть просто историкъ. Пусть такъ! Но возможно ли это и не представляемъ ли мы такого условія, при которомъ сама наука существовать не можетъ?

Опредѣляя ея задачу, какъ постиженіе сущности предметовъ, какъ возведеніе въ понятіе дробныхъ явленій, не выражаемъ ли мы требованія отдѣлить существенное отъ случайнаго, законное отъ незаконнаго? Вникая въ логическую связь цѣлаго рода однородныхъ явленій, не исходимъ ли мы изъ того основнаго убѣжденія, что все живое развивается, а понятіе развитія не заключаетъ ли въ себѣ понятія внутренней цѣли, идеала, стремящагося къ полному своему проявленію? Законъ человѣческихъ стремленій въ какой бы то ни было области, верховный законъ, которому всѣ онѣ подчиняются, задача человѣческаго развитія, цѣль человѣческаго бытія—всѣ эти понятія могутъ ли быть усвоены иначе, какъ въ формѣ положительнаго ученія, опредѣляющаго точку зрѣнія мыслителя? Безъ нихъ невозможна даже исторія, въ которой по видимому все дается объектомъ, а отъ мысли требуется только мудрое воздержаніе; но и сама исторія, какъ простое записываніе случившагося, уподобилась бы ряду метеорологическихъ наблюдений надъ погодою и потеряла бы достоинство науки.

Конечно, потребность возведенія всѣхъ понятій, ежечасно нами употребляемыхъ, къ стройному единству, потребность разумнаго ихъ усвоенія, сродная человечеству и каждому народу въ лицѣ двигателей его просвѣщенія, можетъ не встрѣчаться не только въ массахъ, хранящихъ въ себѣ народность, какъ духовную стихію, но даже въ такъ называемой образованной публикѣ. Каждое общество имѣетъ свой собственный капиталъ, съ котораго большинство получаетъ проценты и пробавляется ими, не спрашивая, великъ ли онъ, въ чемъ состоитъ и какъ образовался. Отъ поверхностно, но многосторонно образованныхъ людей, которые такъ недовѣрчиво смотрятъ на общія начала, опредѣляющія характеръ нашего воззрѣнія на все окружающее, мы слы-

шимъ безпрестанно сужденія и отзывы, ясно указывающіе на присутствіе въ нихъ основнаго слоя отвердѣлыхъ понятій и представленій, о которомъ они сами не вѣдаютъ; но внимательная мысль, не совсѣмъ чуждая философскихъ приемовъ, легко открываетъ этотъ неприкосновенный умственный капиталъ, лежащій въ ихъ головѣ, какъ лежатъ въ сундукахъ подъ надежными замками акціи торговыхъ компаній. Попробуйте взять подъ руку этихъ людей, всегда готовыхъ ополчиться на всякое опредѣленное, по ихъ же понятіямъ, ограниченное воззрѣніе, и довести ихъ по ступенькамъ отъ примѣненія къ основнымъ посылкамъ, отъ частнаго къ общему, и они придутъ въ изумленіе, открывъ въ себѣ сводъ понятій, систему, опредѣленные предпочтенія, къ которымъ они пріобщились умственно, сами того не замѣчая. На повѣрку выйдетъ, что мнимое безпристрастіе, общечеловѣчность и отрицательная свобода ихъ воззрѣній въ сущности есть безсознательность. Правда, между разумнымъ пріобщеніемъ своей мысли къ опредѣленной системѣ понятій и безмысліемъ существуетъ середина. Можно избѣгнуть той и другой необходимости, принявъ за правило все новѣйшее провозглашать совершеннымъ; но что значило бы въ области науки подчиниться тому закону, который полновластно господствуетъ въ области моды?

Мы по видимому уклонились отъ предмета, но только по видимому. Мы сказали, что всякое воззрѣніе предполагаетъ точку зрѣнія, всякой актъ мышленія—исходное начало. Если отъ избранной или данной точки зрѣнія зависитъ характеръ воззрѣнія и самый выводъ, то безспорно мы должны призвать въ ней, какъ возможность ошибки, такъ и необходимое условіе всѣхъ открытій и успѣховъ въ области знанія.

Искренній католикъ, по рѣзко опредѣленной ограниченности своего взгляда, лишается способности высказать полную правду о борьбѣ Римской церкви съ реформаціею; зато онъ постигнетъ и внесетъ въ науку не только все великое и общечеловѣческое, созданное католицизмомъ, но и самыя глубокія, психологическія условія, вызвавшія явленія западнаго католицизма. Ревностный протестантъ не оцѣнитъ

міроваго значенія Римской церкви; но за то ему, какъ протестанту, удастся объяснить всѣмъ двигательную силу, смыслъ и духъ реформаціи. Если бы Маколей не сдружился всѣмъ существомъ своимъ съ вигизмомъ, кто знаетъ увидали ли бѣ мы живой, изящный образъ Галифакса? Нѣмецкій историкъ можетъ быть превратно представить въ своемъ разсказѣ характеръ борьбы Германскихъ государствъ съ Славянскими племенами; онъ не уразумѣетъ вполне возстанія Гусситовъ и увидитъ въ нихъ не болѣе, какъ грубыхъ предвѣстниковъ Лютера и Кальвина; онъ проглядитъ заслугу, оказанную Западной Европѣ Польшею, сдержавшею въ продолженіе цѣлаго вѣка напоръ Турецкаго завоеванія, и заслугу Россіи, изжившей на себѣ давленіе Монголо-Татарскаго племени, побѣдившей его и черезъ это укрѣпившей за собою право мирнаго на него воздѣйствія; за то онъ яснѣе другихъ почувствуетъ и живѣе передастъ міровое значеніе Германскаго племени въ судьбахъ человѣчества: ни одно проявленіе Германскаго духа не ускользнетъ отъ его сочувствія и черезъ его народное возрѣніе на исторію, хотя бы и не чуждое односторонности, войдетъ въ общее достояніе науки и сдѣлается доступнымъ для общечеловѣческаго разумнѣя участіе въ исторіи одного изъ великихъ народныхъ дѣятелей.

Мысль познающая, какъ органъ науки, достигаетъ до полнаго своего развитія и могущества только при условіи совокупнаго и сосредоточеннаго участія въ процессѣ постиженія всѣхъ силъ и способностей духа; воля придаетъ мысли постоянство напряженія, побуждая и сдерживая ее; теплое сочувствіе согрѣваетъ мысль и вооружаетъ ее безошибочностью духовнаго инстинкта, угадывающаго въ историческихъ явленіяхъ едва проявленныя движенія челоуѣческой души. Мы говоримъ здѣсь не о той, если можно такъ выразиться, отвлеченной любви къ предмету, безъ которой никакой истинно ученый трудъ не возможенъ, которая рождается отъ самаго труда, возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій, но которая вовсе не зависитъ отъ прямого отношенія познающаго лица къ объекту; такъ на примѣрѣ, специалистъ пристращается къ букашкамъ или

къ одному виду растеній. Не объ этой любви къ предмету идетъ рѣчь. Между мыслью, воспитанною въ средѣ народности, и рядомъ историческихъ проявленій той же народности на всемірномъ поприщѣ существуетъ болѣе прямое и близкое сродство, вслѣдствіе котораго мысль преимущественно становится способною овладѣть для науки именно тѣми явленіями, въ которыхъ она сама съ собою встрѣчается и узнаетъ себя. Можно ли отрицать, что Русскому, потому что онъ Русскій, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ Русскій, духъ нашей исторіи, мотивы нашей поэзіи, весь ходъ и все настроеніе народной жизни откроется яснѣе и полнѣе, чѣмъ Французу, хотя бы послѣдній овладѣлъ вполне Русскимъ языкомъ и такую массу матеріаловъ, какою никогда не располагалъ ни одинъ Русскій ученый?

Повторяемъ опять: все это примѣняется не только къ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, но и къ другимъ наукамъ. Въ развитіи политико-экономическихъ теорій, ученіе физиократовъ, раскрывшихъ участіе производительныхъ силъ земли въ образованіи народнаго богатства, должно было возникнуть во Франціи, а меркантильная школа въ Англии. Даже въ той наукѣ, которой предметъ по видимому отрѣшенъ отъ всякой связи съ народностью, въ изслѣдованіи законовъ отвлеченнаго мышленія, Французы, по особенному складу своего ума, были по преимуществу призваны раскрыть процессъ постиженія путемъ опыта, исчерпать процессъ образованія понятій изъ ощущеній, передаваемыхъ путемъ внѣшнихъ чувствъ, а Гегель имѣлъ полное право сказать, что всю свою философію онъ извлекъ изъ Нѣмецкаго языка, иными словами: онъ высвободилъ, уяснилъ и облекъ въ наукообразную форму тѣ понятія, которыя лежали, какъ элементы въ народномъ сознаніи; ибо языкъ есть твореніе цѣлаго народа и, можетъ быть, самое свѣтлое отраженіе его духовной природы.

Мы приходимъ къ убѣжденію, что именно народность мысли, опредѣляя какъ бы специальное ея назначеніе въ области науки, наводитъ ее на пути къ открытіямъ, постепенно раздвигающимъ предѣлы общечеловѣческаго знанія. Это, кажется, безспорно, но еще не все. Заключая въ

себѣ возможность односторонности воззрѣнія или пристрастія, народность познающей мысли въ тоже время представляетъ намъ ручательство за постепенное освобожденіе отъ предѣловъ, ею же полагаемыхъ.

Если католикъ внесъ въ область науки свое ограниченное воззрѣніе на Римскую церковь, если лютеранинъ также односторонно опредѣлялъ значеніе реформаціи, если ни отъ того, ни отъ другаго мы не можемъ ожидать послѣдняго слова, опредѣленія взаимнаго отношенія двухъ вѣроисповѣданій, то почему не допустить, что произнести это слово призванъ тотъ, кто не участвовалъ въ борьбѣ, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрѣнія, стоитъ надъ сторонами, ведущими между собою споръ. Если таково призваніе Православнаго мыслителя, то не ясно ли, что оно выпадаетъ ему не ради превосходной силы его ума, а единственно потому, что мысль его воспитается въ другой духовной средѣ и что примиреніе противоположностей будетъ ему доступно не только, какъ требованіе религіознаго сознанія, но какъ осуществленный фактъ въ полнотѣ духовной жизни Православной Церкви. Обнаруженіе односторонности выработанныхъ воззрѣній и примиреніе ихъ путемъ возведенія противоположностей въ высшій строй явленій можетъ быть предостать намъ и въ другихъ областяхъ знанія.

Можетъ быть вопросы объ отношеніи личной свободы къ общественному предустановленному порядку, о соглашеніи выгодъ сосредоточенности поземельнаго владѣнія (*la grande propriété*) и раздробленія земли на мелкіе участки (*la petite propriété*) и многіе другіе найдутъ свое разрѣшеніе именно у насъ, вслѣдствіе того, что наука найдетъ ихъ въ жизни и взглянетъ на самыя вопросы съ новой точки зрѣнія, на которую поставитъ ее народная жизнь? Можетъ быть также, что это мечта; но возможность подобнаго участія въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ оправдывается прошедшими вѣками. Въ отвѣтъ на міровую запросъ Исторія не приписитъ логической формулы, а выводитъ на сцену новаго дѣятеля, живой бытъ свѣжаго народа, и много спустя, мысль, воспитанная въ сочувствіи

съ нимъ , возводить его на степень понятія и переносить изъ дѣйствительности въ область науки, какъ понятіе, какъ законъ.

И такъ призваніе народности въ дѣлѣ науки представляется въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны сродство мысли познающей съ мыслью, проявившею себя исторически, заключаетъ въ себѣ одно изъ существенныхъ условий постиженія внутренняго смысла и побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ эти проявленія; съ другой, непричастность народнаго воззрѣнія къ предубѣжденіямъ и односторонностямъ, налагающимъ свое клеймо на воззрѣнія другихъ народовъ, даетъ возможность общечеловѣческому воззрѣнію постепенно расширяться и освобождать себя отъ тѣсныхъ рамокъ, временно его ограничивающихъ. Къ сожалѣнію, эти понятія, столь простыя и, кажется, ни для кого необидныя, сдѣлавшись предметомъ литературныхъ толковъ, породили вокругъ себя множество совершенно произвольныхъ представлений. Потребность народнаго воззрѣнія многіе принимаютъ за желаніе, во что бы ни стало, отличиться отъ другихъ, какъ будто бы въ этомъ отличіи заключалась цѣль направленія. Имъ кажется, что ученый, садясь за свой рабочій столъ, задаетъ себѣ задачу выдумать, изобрѣсти Русское народное воззрѣніе, на примѣръ, хоть на феодализмъ. Нельзя же ему повторять, что сказали Гизо или Гриммы: то были Нѣмцы! И созданный воображеніемъ труженикъ, несчастная жертва воображаемыхъ дурныхъ совѣтовъ, грызетъ перо, потираетъ себѣ лобъ и губитъ время въ бесплодной гоньбѣ за оригинальностью. Но вольно же въ такой формѣ представлять себѣ участіе народности въ развитіи науки. Неразумное, безотчетное и преднамѣренное отрицаніе чужаго потому только, что оно чужое, при недостаткѣ своего, при внутренней пустотѣ, не поведетъ къ расширенію области знанія; этого никогда никто и не утверждалъ. Напротивъ, при обилии понятій, почерпнутыхъ изъ народной жизни, при богатствѣ внутренняго содержанія, никогда пользованіе чужими трудами не поработитъ мысли. Здравое понятіе о народности ограничивается съ одной стороны боязнью исключительности, съ другой боязнью слѣпаго подражанія. Эта послѣдняя

боязнь, имѣвшая безспорное основаніе въ первоначальныхъ приѣмахъ науки, пересаженной въ Россію изъ Западной Европы, теперь начинаетъ исчезать. Мы слышимъ безпрестанно: слѣпое подражаніе не годится, и мы готовы сочувствовать всякому противодѣйствию его крайностямъ; но всѣ ли, повторяющіе эти слова, ясно сознаютъ, что такое золотая середина, что крайности и при какихъ условіяхъ, какими средствами можно отъ нихъ уберечься? Вооружившись скребками и ножницами, подкабливая и обрѣзывая то, что покажется намъ крайностью въ чужемъ воззрѣніи, мы не спасемъ своей умственной самостоятельности; перепечатывая чужое твореніе съ замѣномъ превосходной степени положительною тамъ, гдѣ почудится намъ признакъ излишняго увлеченія, мы только обезцвѣтимъ чужую мысль или откинемъ выводы, признавая основныя посылки. Всѣхъ этихъ механическихъ приѣмовъ чуждается живой процессъ усвоенія народнымъ сознаніемъ чужой образованности. Если нужно для уясненія его прибѣгать къ сравненію, мы указали бы на разнообразныя проявленія закона химическаго сродства. Когда, при извѣстныхъ условіяхъ, какой бы то ни было элементъ приводится въ соприкосновеніе съ сложнымъ тѣломъ, онъ осаживаетъ нѣкоторыя изъ составныхъ началъ его, а другія привлекаетъ къ себѣ въ силу какого-то внутренняго сочувствія и, сочетавшись съ ними, преобразуется въ новое вещество. Но такое усвоеніе чужаго въ химическомъ процессѣ, также какъ и въ умственномъ заимствованіи, требуетъ не пустаго вмѣстилища, а совершенно самостоятельной, качественно опредѣленной стихіи. Чѣмъ больше въ ней силы и чѣмъ она цѣльнѣе, тѣмъ неотразимѣе она притягиваетъ къ себѣ и отталкиваетъ отъ себя. И такъ этотъ выборъ, это заимствованіе, подъ условіемъ устраненія крайностей, это предварительное испытаніе чужаго, къ которому насъ приглашаютъ, требуетъ прежде всего надежнаго закала испытующей мысли въ живой струѣ народной жизни. Народность есть больше, чѣмъ объектъ для мысли, сама мысль должна получить отъ нея свое образованіе; ибо, какъ въ исторіи общечеловѣческія начала проявляются не иначе, какъ въ народ-

ной средѣ, такъ и въ области науки, мысль возводитъ эти начала въ сознание черезъ туже народную среду.

Таковы понятія наши о значеніи народности въ наукѣ и объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому. Если намъ скажутъ, что эти понятія уже приняты всѣми безспорно, то намъ останется только радоваться, удостовѣряться, что цѣль Русской Бесѣды совпадаетъ такъ вѣрно съ господствующимъ направлениемъ общественной мысли. Это убѣжденіе вознаградило бы насъ вполне за отсутствіе оригинальности, которая бы отдѣлила рѣзкою чертою наше литературное предпріятіе отъ другихъ современныхъ изданій. Мы не гоняемся за оригинальностью. Если всѣ за одно съ нами, тѣмъ лучше для насъ. Область Русской народности такъ обширна и богата, что излишества рукъ нѣтъ повода опасаться и, сколько бы ни явилось дѣлателей, каждый, не стѣсняя другихъ, найдетъ себѣ посильный урокъ. (*)

Ю. Самаринъ.

(*) Въ слѣдующихъ книжкахъ «Бесѣды» мы предполагаемъ напечатать статью г. Кирѣевского: *О необходимости и возможности новыхъ началъ для философи.* Тогда мнѣніе наше о значеніи народности вообще и въ особенности Православно-Русской народности въ областяхъ науки и искусства будетъ выражено еще яснѣе и положительнѣе.

Изд.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦІЮ

ВЪ 1668 ГОДУ.

La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale, etc. par le Prince Emmanuel Galitzine, Paris. 1855.

Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія знаменитый Новиковъ, въ IV томѣ своей «Древней Вивліюони», напечаталъ два статейныхъ списка посланника Царя Алексѣя Михайловича, стольника Петра Ивановича Потемкина, въ Испанію и Францію. Въ 1855 году князю Е. М. Голицыну вздумалось издать ихъ во Французскомъ переводѣ, съ прибавленіемъ статей о состояніи въ то время Россіи, Франціи и Испаніи и нѣкоторыхъ свѣдѣній объ этомъ посольствѣ изъ архивовъ Французскихъ. Это сочиненіе вышло въ свѣтъ уже по смерти сочинителя; г-де ла Рокетъ, извѣстный своими учеными трудами, окончилъ изданіе и составилъ краткое жизнеописаніе князя Голицына. Личность Русскаго писателя не можетъ не быть любопытною Русскимъ читателямъ; личность Русскаго писателя, постоянно писавшаго на Французскомъ языкѣ, должна быть еще любопытнѣе, потому что подобное явленіе служитъ признакомъ цѣлаго направленія общественной жизни.

Князь Е. М. Голицынъ родился въ Парижѣ въ 1804 году. Тамъ онъ провелъ свое дѣтство. При своемъ семействѣ онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1811 году, а черезъ пять лѣтъ оставилъ отечество и

возвратился въ Парижъ, гдѣ провелъ юность и получилъ воспитаніе. Ученикъ Политехнической школы, въ 1225 году онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную службу, по экзамену, въ гвардію. Въ 1828 году онъ уже отличился, какъ храбрый офицеръ, и сильно былъ раненъ при взятіи Варны. Въ это время, получивъ извѣстіе о болѣзни своей матери, находившейся въ Парижѣ, онъ отправился къ ней и съ тѣхъ поръ большую часть жизни провелъ во Франціи и въ путешествіяхъ по чужимъ странамъ, и между прочимъ по Финляндіи. Одаренный замѣчательными способностями, онъ чувствовалъ призваніе къ художествамъ и литературѣ: онъ владѣлъ кистью живописца, писалъ стихи, былъ членомъ Географическихъ обществъ Парижскаго и Лондонскаго и содѣйствовалъ ихъ трудамъ деньгами и учеными сочиненіями. Получивъ извѣстность въ этомъ отношеніи, онъ сдѣланъ былъ и почетнымъ членомъ Русскаго Географическаго общества. Это послѣднее ученое званіе, которое онъ получалъ.

Литературныя свои занятія князь Голицынъ началъ въ 1837 году изданіемъ повѣсти: *Manteau bleu*. Она не имѣла успѣха, и весьма естественно: невозможно Русскому стать въ число, если не первоклассныхъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательныхъ писателей Французскихъ по части изящной словесности. Такова сила всякой народности, не смотря на всевозможныя искаженія; а занять мѣсто въ низшихъ слояхъ литературныхъ дѣятелей, забываемыхъ на другой день вмѣстѣ съ театральными афишками, какъ-то совѣстно порядочному человѣку. Князю Голицыну дѣлаетъ большую честь, что онъ понялъ это съ разу и перемѣнилъ свою дѣятельность. Но что же оставалось ему предпринять? Сдѣлаться Русскимъ писателемъ онъ не могъ по самой простой причинѣ: въ слѣдствіе своего воспитанія, онъ зналъ Русскій языкъ, какъ ученые знаютъ Греческій или Латинскій. Его художественная природа привлекала къ участию въ дѣятельности въ области изящной словесности, но опытъ ему доказалъ, что это невозможно. Русскій по природѣ, Французъ по воспитанію, въ то время, когда пришлось серьезно дѣйствовать въ жизни, онъ понялъ, что онъ не Русскій и не Французъ. Проживъ вѣроятно, весьма тяжелыя минуты раздумья, онъ рѣшился знакомить Францію съ литературою Русскою. Первоначально онъ вздумалъ переводить нашихъ поэтовъ; но и это не удалось. Потомъ, какъ членъ Географическихъ обществъ Парижа и Лондона, онъ

долго сообщалъ имъ объ открытіяхъ Русскихъ, переводилъ сочиненія нашихъ путешественниковъ и наконецъ издалъ свое путешествіе по Финляндіи и, въ слѣдъ за тѣмъ, то сочиненіе, по поводу котораго мы говоримъ. Нужно ли говорить, что странное желаніе познакомиться Западную Европу съ Россією, обратить на насъ ея благо-склонное вниманіе было нѣкогда однимъ изъ замѣчательныхъ явленій въ нашей жизни и зависѣло отъ особаго направленія, которое долгое время господствовало у насъ въ умственной и общественной жизни образованныхъ слоевъ нашего общества. Разумѣемъ то подражательное направленіе, которое, гоняясь за внѣшнимъ успѣхомъ образованности, далеко отодвинуло Россію отъ настоящаго успѣха въ мысли и жизни. Впрочемъ несостоятельность этого направленія, кажется, признава уже всѣми, и потому, оставивъ его въ сторонѣ, обратимся къ разсматриваемому нами сочиненію.

Для того, чтобы познакомиться Францію съ Русскою исторією, нужно ли было однакоже переводить вполнѣ оба статейные списка Потемкина, что представляло, по признанію самого автора, значительныя для него трудности, вѣроятно потому, что древній Русскій языкъ не былъ ему довольно знакомъ? Впрочемъ, сочинителю ничего другаго не оставалось дѣлать, ибо содержаніе статейнаго списка Потемкина со всѣми подробностями было давно извѣстно Французамъ изъ сочиненія Левека — *sur les anciennes relations entre la France et la Russie* (*), — о которомъ онъ вовсе не упоминаетъ. И такъ переводы статейныхъ списковъ могутъ быть любопытными вовсе не для Русскихъ читателей, которые давно знакомы съ ними въ подлинникахъ. Еще менѣе любопытенъ взглядъ на состояніе Россіи того времени, составленный по статьямъ о чинахъ и приказахъ въ древней Россіи, помѣщенныхъ въ Ввліюнкѣ Новикова, и отчасти по извѣстному сочиненію Котошихина, безъ всякихъ критическихъ изслѣдованій. Но полной благодарности заслуживаетъ сочинитель за изданіе современнаго Французскаго сказанія о нашемъ посольствѣ и за нѣкоторыя замѣчанія, любопытныя для объясненія статейнаго списка Потемкина, въ статьяхъ о современномъ этому посольству состояніи Франціи и Испаніи. Но и въ этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на источники.

(*) *Mémoires de l'Institut*. Tom. II pag. 72.

Онъ напечаталъ почти *вполнѣ*, какъ онъ говоритъ, журналъ г. Сенто. (de Saintot) Но въ Императорской Парижской библиотекѣ находится рукопись: *Journal de Catheux, concernant les Moscovites arrivés en France en l'année 1668.* Другая рукопись такого же содержания хранится въ библиотекѣ Арсенала (№ 222); она принадлежала Сентъ Лорану (M. de Saint Lorent), который находился при герцогѣ Орлеанскомъ въ то время, когда наше посольство посѣтило Парижъ.

Составляютъ ли эти рукописи простые списки одного и того же сказанія, или въ нихъ есть нѣкоторыя различія: этотъ любопытный для насъ вопросъ мы можемъ рѣшить только приблизительно, ибо князь Голицынъ вовсе и не упоминаетъ о существованіи этихъ рукописей. Онъ говоритъ даже, что посольство Потемкина было первымъ Русскимъ посольствомъ во Францію; между тѣмъ какъ въ Парижской * же Императорской библиотекѣ находится современное сказаніе о Русскомъ посольствѣ въ 1654 году во Францію. Въ дополненіе къ дневнику Сенто, князь Голицынъ перепечатываетъ изъ современныхъ Французскихъ газетъ весьма любопытныя извѣстія о посольствѣ Потемкина, между тѣмъ какъ въ одной изъ этихъ газетъ, *gazette rimée*, есть извѣстіе и о посольствѣ 1654 года. Нельзя не пожалѣть, что князь Голицынъ не собралъ всѣхъ этихъ источниковъ и не помѣстилъ ихъ въ своемъ изданіи. Впрочемъ дневникъ Сенто такъ подробенъ, что другіе вѣроятно немного прибавили бы новаго.

Сенто былъ оберъ-церемоніймейстеромъ при дворѣ Людовика XIV и видѣлъ нашихъ посланниковъ только въ Парижѣ. Между тѣмъ его дневникъ начинается съ того времени, какъ пріѣхалъ въ Бордо г. Катѣ, назначенный Королемъ въ качествѣ постоянного пристава при нашемъ посольствѣ и сопровождавшій его изъ Бордо до Парижа, тамъ находившійся при немъ постоянно и потомъ проводившій его до Кале. Извѣстіемъ объ отбытіи нашего посольства изъ Кале въ Амстердамъ оканчивается дневникъ Сенто. Очевидно, это долженъ быть простой списокъ съ дневника Катѣ, который въ подлинникѣ хранится въ Императорской Парижской библиотекѣ. Что касается до рукописи Арсенала, то мы знаемъ положительно, что она различается отъ изданнаго княземъ Голицынымъ дневника Сенто только тѣмъ, что въ ней находится на Латинскомъ языкѣ проѣзжая гра-

мота нашихъ посланниковъ (*). И такъ нельзя не поблагодарить и намъ Русскимъ князя Голицына за изданіе этого дневника. Извѣстія о нашемъ посольствѣ изъ Французскихъ газетъ того времени также любопытны, но особенно извѣстія стихотворной газеты, *gazette rimée*.

Эти новые источники даютъ возможность составить довольно отчетливое представленіе о пребываніи и дѣйствіяхъ нашего посольства во Франціи. Что касается до его пребыванія въ Испаніи, то въ этомъ отношеніи князь Голицынъ ограничился только переводомъ статейнаго списка Потемкина и не представилъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, которыя, вѣроятно, можно бы отыскать въ архивахъ Испанскихъ. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ Испанію, мы обратимъ вниманіе на пребываніе Потемкина во Франціи.

Дипломатическія сношенія Московскаго Двора съ Французскимъ начались гораздо прежде 1668 года. Съ одной стороны постоянныя боръбы и переговоры съ Польшею подали поволь къ агимъ сношеніямъ, съ другой желаніе Франціи заключить торговый союзъ съ Россіею. Въ 1518 году, во время войны съ Сигизмундомъ, Василій Іоанновичъ заключилъ союзъ съ Магистромъ Нѣмецкаго ордена Альбрехтомъ. Заключая союзъ съ Россіею, Альбрехтъ Бранденбургскій опасался Франціи и потому просилъ Василья Іоанновича написать къ Французскому Королю, предлагая оказать покровительство своему союзнику. Былъ ли отвѣтъ на двѣ грамоты, такого содержанія, отправленныхъ не прямо, но чрезъ Бранденбургскихъ пословъ, неизвѣстно. Въ прямыхъ сношеніяхъ съ Франціею Московскій дворъ вступилъ только съ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ онъ отправилъ къ Людовику XIII въ 1615 году Ивана Гавриловича Кондырева и подъячаго Невѣрова. Они привезли грамоту отъ Французскаго Короля, въ которой Русскій Царь названъ Императоромъ (*Empereur des Russes*). Но потомъ прошло 14 лѣтъ безъ всякихъ сношеній съ Франціею, и только въ

(*) *L'Atheum français*. 1855 № 40. Статья Варнера.

1629 году явился въ Москву посланникъ Людовика XIII, названный въ нашихъ посольскихъ дѣлахъ Людви́къ де Гансъ, баронъ Курмаменскій (des Hayes Courmatin). Король Французскій поручилъ ему заключить торговый договоръ съ Россіею. Въ переговорахъ съ боярами онъ требовалъ, чтобы дозволено было Французскимъ купцамъ свободно торговать въ Россіи и ѣздить въ Персію, учредить въ Москвѣ постояннаго консула, дозволить свободное управленіе обрядовъ Латинской церкви пасторами и лезуитами. Ни одно изъ этихъ предложеній не было принято, хотя онъ съ своей стороны предлагалъ право свободной торговли для Русскихъ купцевъ во Франціи и обѣщалъ, что всякіе товары, которые понадобятся бы Царю, будутъ немедленно доставляться изъ Франціи. Неумѣренность требованій посланника конечно была одною изъ причинъ безуспѣшности переговоровъ. Бояре Московскіе предоставляли право Французскимъ купцамъ привозить свои товары въ Россію, но съ уплатою въ казну узаконенныхъ поплннъ, на что, казалось бы, могъ согласиться посланникъ, какъ согласились другіе иностранцы. Но въ это время большими правами торговли пользовалась у насъ Англійская компанія, которая постоянно стремилась забрать всю торговлю Россіи въ свои руки и всѣми способами старалась отклонить Московское правительство отъ торговыхъ сношеній со всѣми другими державами. Вѣроятно происки этой компаніи послужили тоже одною изъ причинъ неудачи въ переговорахъ нашихъ о торговлѣ съ Франціею. Съ первыхъ временъ основанія въ Лондонѣ компанія для торговли съ Россіею, и до изгнанія Англійскихъ купцевъ изъ Россіи, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 году, Московскому правительству постоянно представлялся къ разрѣшенію одинъ вопросъ: слѣдуетъ ли однимъ Англичанамъ предоставить право исключительной торговли, чего они постоянно домогались, или предоставить право торговли по общимъ условіямъ всѣмъ державамъ иностраннымъ, что также постоянно предлагали Голландцы? Вредъ монополии Англійской компаніи давно былъ извѣстенъ Московскому правительству; Посольскій приказъ постоянно

стремился къ тому, чтобы ограничить ея права, случайно дарованныя Іоанномъ IV, въ слѣдствіе извѣстныхъ его отношеній къ Англіи. Но права были дарованы, распространены Годуновымъ и утверждены Михаиломъ Феодоровичемъ, когда опасались уничтожить привиллегіи Англичанъ, чтобы не присоединить новыхъ враговъ къ числу тѣхъ, которые со всѣхъ сторонъ еще угрожали Россіи. Но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда «многая неправда» Англійскихъ купцевъ въ Россіи перевысила мѣру долготерпѣнія, Московское правительство изгнало ихъ изъ Россіи за то особенно, что надъ Королемъ Карломъ «они всею землею учинили большое злое дѣло.» Съ тѣхъ поръ дозволено было всѣмъ иностранцамъ пріѣзжать въ Архангельскъ продавать тамъ свои товары Русскимъ купцамъ, а отъ нихъ покупать Русскіе, платя какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ опредѣленные пошлины. Само правительство Московское начало заботиться о заключеніи торговыхъ договоровъ съ государствами Европейскими. Съ этою цѣлію стольникъ Потемкинъ и дьякъ Румянцевъ въ 1667 году отправлены были посланниками во Францію и Испанію.

До этого посольства при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были сношенія съ Франціею, но по дѣламъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, или по отношеніямъ нашимъ къ Польшѣ, въ которыхъ Французскіе Короли такъ-же, какъ и Римскіе Императоры, принимали иногда участіе и желали помирить враждовавшія государства. Такъ въ 1634 году Царь послалъ Ивана Англера во Францію объявить о заключеніи мира съ Польшею, а въ 1654 году жильца Мачехина съ извѣстіемъ о началіи войны противъ Короля Казимира. Но это были простые гонцы: Потемкинъ и Румянцевъ отправлялись въ качествѣ посланниковъ, при нихъ находились два переводчика, священники и свита, состоявшая изъ 30 человекъ подъячихъ, дѣтей боярскихъ и сгрѣльцевъ. При Потемкинѣ находился и сынъ его. Августа 25 они выѣхали изъ Архангельска на корабль, который шелъ въ Италію съ икрою, и послѣ труднаго плаванія, подошли 4 декабря къ Кадиксу. Исполнивъ свое порученіе въ Испаніи, іюня 27, 1668 года, наше посольство прибыло

къ Французскимъ границамъ. Изъ городка Ируна (Irún) Потемкинъ отправилъ въ Байону подъячаго и переводчика «къ державцу» этого города, доложить о прибытіи Царскаго посольства. Начальникомъ всего Пиемонта и Байоны былъ въ это время маршалъ герцогъ Грамонъ, одинъ изъ замѣчательныхъ полководцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыхъ любезныхъ людей при дворѣ Людовика XIV. Онъ въ это время находился въ Парижѣ. Комендантъ города (*gouverneur de la ville et château de Bayonne*), маркизъ де Сентъ-Пе, принялъ Русскаго подъячаго, но однакоже не рѣшился принять самаго посланника и отвѣчалъ Потемкину, что онъ немедленно напишетъ въ Парижъ къ герцогу Грамону и отъ него будетъ ждать разрѣшенія насчетъ приѣма Русскаго посольства. Вѣроятно въ первый разъ имя Русское услышано было на границахъ Франціи съ Испаніею. Посланникъ просилъ корма и подводъ до Парижа, но маркизъ де Сентъ-Пе сказалъ, что въ Байонѣ много гостинницъ, въ которыхъ посольство можетъ помѣститься, если желаетъ, на свой счетъ; а онъ безъ Королевскаго приказанія не можетъ имъ дать ни содержанія, ни подводъ. На вопросъ подъячаго, можно ли впоследствии надѣяться получить вознагражденіе за эти издержки, маркизъ отвѣчалъ уклончиво: посольствамъ другихъ государствъ, говорилъ онъ, подобныхъ вознагражденій никогда не дѣлается; онъ на свой счетъ содержать себя и свою свиту и переѣзжаютъ изъ города въ городъ; что же касается до Русскаго посольства, то онъ не знаетъ, какъ угодно будетъ предписать Королю. Указа отъ Короля онъ ожидалъ не ближе, какъ черезъ четыре, и даже пять недѣль, ибо отъ Байоны до Парижа онъ считалъ 900 верстъ; а въ то время не было ускоренныхъ сообщеній.

Отвѣтъ маркиза привелъ въ отчаяніе Русскаго посланника. Вѣрный слуга Царя, онъ желалъ, какъ можно скорѣе исполнить свое порученіе, и въ тоже время опасался зазимовать на чужой сторонѣ, «чтобы въ конецъ всѣхъ людей государевыхъ не переморить.» Разстояніе отъ Москвы до Мадрита и Парижа въ то время не было извѣстно и на проѣздъ издержки не могли быть разочтены съ

достоверностию; нравы и обычаи Россіи и Франціи далеко не походили одна на другіе. Въ Россіи посланники иныхъ государствъ, какъ гости, путешествовали и жили на счетъ правительства до тѣхъ поръ, пока они были въ Русской землѣ; во Франціи, какъ объявилъ и маркизь де Сентъ-Пе, былъ другой обычай. Многочисленная свита посланника, значительное количество пожитковъ и даровъ требовали большихъ издержекъ на содержаніе и перевозъ. Потемкинъ, какъ Русскій посланникъ того времени, привыкшій къ тому, чтобы его встрѣчали съ должною честью, давали подводы и помѣщеніе даромъ, поспѣшилъ однакоже на свой собственный счетъ переѣхать въ Байону, опасаясь вѣроятно недостатка въ деньгахъ и особенно промедлить долгое время на чужой сторонѣ. Маркизь де Сентъ-Пе не сдѣлалъ никакого препятствія для переѣзда посла изъ Испаніи въ предѣлы Франціи. Юня 2 Русское посольство приѣхало въ Байону и поселилось въ гостинницѣ, которыя въ это время во Франціи были уже гораздо лучше и удобнѣе устроены, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ Европейскихъ. На другой день хозяинъ гостинницы прислалъ спросить посланниковъ, въ которомъ часу имъ угодно будетъ обѣдать; это обстоятельство вѣроятно особенно поразило нашихъ посланниковъ, потому что они сочли необходимымъ упомянуть о немъ въ своемъ отчетѣ правительству. Наблюдая однакоже обычай родины, послы отвѣчали, что завтра постъ (Петровскій), и ихъ собственные повара приготовятъ имъ все, что необходимо къ столу. Но Французъ отвѣчалъ: у насъ такой обычай: гдѣ останавливаются, тамъ и кушаютъ; а на вопросъ, что будетъ стоить обѣдъ и изъ какихъ блюдъ онъ будетъ состоять, онъ отвѣчалъ: что будетъ угодно посланникамъ, все приготовимъ и лишняго не возьмемъ. На другой день *только изъ 9-ти* рыбныхъ блюдъ состоялъ обѣдъ и стоить 50 ефимковъ! Посланникъ снова пришелъ въ ужасъ,—какъ видно, цѣна не соответствовала Русской. Онъ отправилъ нарочнаго къ маркизу де Сентъ-Пе пригласить его для совѣщанія. Маркизь съ своей стороны немедленно пришелъ къ посланнику и обѣщалъ свое содѣйствіе для найма лошадей, если они рѣшатся ѣхать въ Бордо.

На другой день онъ прислалъ къ намъ полковника Кормеля объявить, что въ Байонѣ находятся два сборщика таможенныхъ податей, которымъ посланники обязаны дать списокъ всему своему имуществу и заплатить за него пошлины. Такое предложеніе удивило Потемкина; въ Россіи посланники иностранныхъ державъ никогда не платили таможенныхъ пошлинъ съ посольской рухляди и даровъ. Равно и наши посланники во всѣхъ другихъ государствахъ избавлялись отъ такой платы. На объясненія посланника, что съ нимъ нѣтъ ни торговыхъ людей, ни товаровъ, а брать пошлины съ посольской рухляди и даровъ нѣтъ обычая ни въ одномъ государствѣ, маркизъ де Сентъ-Пе поручилъ отвѣчать, что одного изъ сборщиковъ податей въ пользу королевства онъ можетъ уговорить не брать съ нихъ пошлинъ, но другой собираетъ пошлины въ пользу герцога Грамона и ему неподвластенъ. Онъ совѣтовалъ имъ покориться необходимости, говоря однакоже, что онъ увѣренъ, когда они пріѣдутъ въ Парижъ, Король непременно прикажетъ возвратить имъ эти деньги. Долго отговаривались посланники, считая такой поступокъ оскорбительнымъ для чести государства но, опасаясь промедлить въ Байонѣ, рѣшились составить списокъ своего имущества и по немъ заплатить пошлины; осматривать же самыя вещи рѣшительно допустить не хотѣли. Маркизъ говорилъ, «что онъ всякаго добра посланникамъ радѣтъ радѣтъ»—какъ передаетъ его слова статейный списокъ Потемкина;—«но чтобъ имъ было вѣдомо, каковъ во Французскомъ государствѣ чинъ, и чтобъ вамъ нигдѣ никакого задержанья и мѣшкоты не было, въ государствѣ ихъ такой извѣчай: со всякихъ чиновъ людей и съ пословъ пошлину емлютъ, потому что откупаютъ пошлину у Короля и великородныхъ его людей и многія тысячи даютъ откупщики. И еслибъ и Королевское Величество шель мимо тѣхъ городовъ, гдѣ откупщики пошлину емлютъ, и они бь съ самого Короля взяли пошлину, потому что въ ихъ государствѣ такое право положено. Бургомистры городскіе, посѣщавшіе нашихъ посланниковъ, повторили имъ тоже самое и просили на начальника города не «покручиниться, въ государствѣ ихъ люди вольные.»

Наконецъ явился къ посланнику королевскій сборщикъ податей и учтиво объявилъ, что пошлинъ съ нихъ не возьметъ; но въ слѣдъ за нимъ пришелъ и другой, собиравшій пошлины для герцога Грамона, и замѣтивъ у посланниковъ иконы въ дорогихъ окладахъ, сказалъ, что не только возьметъ пошлины съ посольскаго платья и рухляди, но даже и съ иконъ, потому что на нихъ серебряные оклады съ камнями и жемчугомъ. Эта выходка возбудила все негодованіе Потемкина: «Врагъ креста святаго, воскликнулъ онъ, какъ ты не утрашился такъ говорить, что съ образа Содѣтеля нашего и Господа Иисуса Христа Сына Божія и Пречистыя Его Матери Пресвятыя Богородицы, что на тѣхъ святыхъ и честныхъ иконахъ утварь устроена по нашей благочестивой христіанской вѣрѣ, и ты и съ того хочешь пошлину, скверный песь, взять! Не только было тебѣ съ тѣхъ пречистыхъ и святыхъ иконъ пошлины имать, и съ посольскаго нашего платья и рухляди ни коими мѣрами имать было немочно, потому: посланы мы отъ Великаго Государя нашего, отъ его Царскаго Величества, къ Великому Государю вашему, къ Его Королевскому Величеству, для великихъ ихъ государскихъ дѣлъ и для братскіе дружбы и любви; а купецкихъ людей и товаровъ никакихъ съ нами нѣтъ. Для того и пошлинъ имать тебѣ съ насъ было не мочно; а видя твое безстыдство и нравъ звѣрской, какъ псу гладному, или волку несыту, имущу гортань восхищати отъ пастырей овцы, такъ тебѣ бросаемъ золото, какъ прахъ!» Окончивъ эту рѣчь, которую конечно Французъ и не понялъ и вѣроятно переводчикъ не передалъ во всей силѣ, Потемкинъ бросилъ ему «сто золотыхъ двойныхъ на землю.»

Послѣ уплаты податей уже не было причинъ медлить долѣе въ Байонѣ и посольство выѣхало оттуда на другой же день, 10 іюля, на наемныхъ лошадяхъ. Съ надлежащею честію проводили ихъ изъ города; на плотяхъ переправившись черезъ Адуръ, они верхами продолжали путь въ Бордо, куда и прибыли черезъ четыре дня. Приближаясь къ городу, Потемкинъ, по обычаю посольскому, отправилъ напередъ подъячаго съ переводчикомъ объявить гра-

дона начальнику о прибытіи посольства. Маркизь de Saint-Luc, намѣстникъ королевскій въ Гасконіи, объявилъ подъячему, что онъ готовъ принять посольство. Не имѣя однакоже королевскаго приказанія, онъ не можетъ имъ отвести помѣщенія, и предлагалъ нанять. Съ бургомистромъ подъячій осмотрѣлъ гостинницы и привезъ извѣстіе посланнику, что просятъ за постои по 50 ефимковъ въ сутки. По обычаямъ посольскимъ, Потемкинъ ожидалъ встрѣчи, помѣщенія и корма. Но очевидно, не получивъ еще королевскаго предписанія, намѣстникъ не могъ исполнить его ожиданій. Эта ли причина, или быть можетъ дорогая цѣна за постои, заставили посланника остановиться за двѣ мили отъ города и тамъ ожидать, пока маркизь de Saint-Luc получитъ предписанія о приѣмѣ посольства изъ Парижа. У села Грандиньяна Потемкинъ велѣлъ разбить палатки и поселился въ нихъ со всею свитою въ чистомъ полѣ; только его персидская шелковая палатка поставлена была въ саду. Конечно, невиданное зрѣлище представляла стоянка Русскаго посольства, и любопытные зрители стекались не только изъ Бордо, но и другихъ окрестныхъ мѣстъ.

Путешествуя по Россіи, не только во времена Царя Алексѣя Михайловича, но и гораздо позднѣе, нужно было возить съ собою палатки; но во Франціи во время Людовика XIV народонаселеніе уже было такъ значительно, въ Южной Франціи считалось такъ много селъ и городовъ, что стоянка въ палаткахъ, по всей вѣроятности, была дѣломъ невиданнымъ, особенно въ двухъ миляхъ отъ большаго города. Французъ, описавшій пребываніе нашего посольства, счелъ нужнымъ замѣтить, что посланникъ повсюду возить съ собою палатки.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ Потемкину г. Mounier, котораго нашъ посланникъ называетъ капитаномъ Королевской гвардіи, а Французскій переводчикъ его статейнаго списка однимъ изъ владѣльцевъ Грандиньяна, — и просилъ переѣхать въ его домъ до полученія Королевскаго предписанія. Но и тамъ его осаждали зрители, такъ что намѣстникъ Бордоскій, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ нему десять человекъ стражи «для обереганья».

Между тѣмъ какъ только остановился Потемкинъ у Градиньяна, такъ немедленно отправилъ къ намѣстнику объявить, что онъ не рѣшается вѣхать въ Бордо, потому что маркизь де Сентъ-Люкъ не получилъ предписанія о приѣмѣ посольства. Вѣсть съ тѣмъ онъ поручилъ его просить, чтобы онъ съ своей стороны извѣстилъ Короля о прибытіи посольства. Не долго спустя, намѣстникъ извѣстилъ Потемкина, что онъ уже писалъ въ Парижъ о его прибытіи, и лишь только получить отвѣтъ, немедленно его увѣдомить. Дѣйствительно, въ концѣ іюля уже пріѣхалъ изъ Парижа Sieur Catheux, приставъ Катуй — такъ называетъ его нашъ посланникъ — съ предписаніемъ встрѣтить посольство и проводить его въ Парижъ на счетъ Королевства. Августа 31 онъ уже привѣтствовалъ Потемкина въ домѣ Мунье. Отвѣтивъ на привѣтствіе Катѣ обычными словами, посланникъ посадилъ его подлѣ себя, сдѣлалъ знакъ, чтобы его сынъ и дѣякъ тоже сѣли, велѣлъ принести стулья для Мунье и его жены, въ присутствіи которыхъ онъ принималъ пристава. Въ продолженіе разговора Катѣ далъ замѣтить посланнику, что Его Королевское Величество не совѣмъ доволенъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ прежде въ Испанію, тогда какъ Французскіе Короли имѣютъ первенство передъ Испанскими. Посланникъ отвѣчалъ, что это сдѣлалось случайно: бури занесли ихъ корабль къ берегамъ Португалліи. Политическія отношенія Франціи и Испаніи въ это время объясняютъ замѣчаніе пристава, которое впрочемъ не имѣло никакого вліянія на хорошей приѣмъ нашего посольства въ Парижѣ.

Для торжественнаго вѣзда посланниковъ въ Бордо маркизь де Сентъ-Люкъ прислалъ семь каретъ, нѣсколько телѣгъ для поклажи и верховыхъ лошадей для ихъ свиты. Посланниковъ приняли со всѣми возможными почестями, проводили въ особо для нихъ отведенный домъ, угощали обѣдами изъ постныхъ, по ихъ желанію, блюдъ; ибо въ это время былъ Успенскій постъ. Самъ намѣстникъ хотѣлъ пріѣхать къ нимъ первый, но желалъ однакоже знать, пріѣдутъ ли они къ нему послѣ. Свято храня посольскіе обычаи того времени, Потемкинъ благодарилъ намѣстника

за его желаніе, но отвѣчалъ, что пріѣхать къ нему не можетъ, потому что первый его пріѣздъ долженъ быть къ государю той страны, куда онъ прибылъ посланникомъ. Вопросъ о титулахъ въ это время составлялъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и потому посланникъ строго наблюдалъ, чтобы Русскаго Государя именовали, по чести и достоинству. Когда городское начальство Бордо прислало къ нимъ депутацію поздравить съ пріѣздомъ и поднести дары, вино, водку, плоды и конфекты, и въ рѣчи назвали Царя Великимъ Княземъ (*grand Duc*), посланникъ сей часъ остановилъ ихъ и заставилъ сказать *caesarea majestas*. Соблюдая всѣ посольскіе обычаи, посланникъ и дьякъ, какъ кажется, ссорились между собою и это замѣтили окружавшіе ихъ Французы. Они были собственно товарищами и дьякъ не подчинялся посланнику, который однакоже долженъ былъ первенствовать во всѣхъ посольскихъ церемоніяхъ. Румянцевъ, кажется, обижался этимъ, хотя и не имѣлъ никакого права. Онъ однажды только обѣдалъ за однимъ столомъ съ Потемкинымъ, но постоянно отдѣльно, опасаясь занимать не первое мѣсто.

На судахъ по рѣкѣ Гароннѣ выѣхало посольство изъ Бордо 3 Августа (*). Сильный вѣтеръ задержалъ ихъ плаваніе и только въ полночь того же дня они прибыли въ Блей (*Blaye*). Оттуда же уже въ каретахъ и верхами продолжали путь черезъ Пуатье, Блуа, Орлеанъ и 18 прибыли, за двѣ мили отъ Парижа, въ *Bourg la Reine*, гдѣ остановились въ ожиданіи встрѣчи.

Во всѣхъ городахъ, черезъ которые проѣзжало посольство, его принимали съ почестями; горожане являлись съ привѣтомъ и дарами. Въ Амбруазѣ (а по журналу Сенто въ

(*) Вотъ списокъ городовъ, черезъ которые они проѣзжали, по статейному списку Потемкина и по дневнику Сенто: 3-го Августа въ Блей (13 нов. ст.); 5-го почевали въ *Petit-Niord*; 6-го въ *Pons* — городъ Атумъ; 7-го въ *Equiox* — Ээйкусь; 8-го въ *Saint Léger-Mesle* — мѣстечко Англеленерь — Месль-Блей; 9-го Луаньянъ; 10-го въ *Poitiers*, городъ Патія; 11-го *Moutton* — Метль; 12-го *Ambroise* — Айбусъ; 13-го *Blois* — Дублуге; 14-го *Saint-Laurent-Lorians*; 15-го Орлеанъ — Арляисъ; 16-го *Toury* — Тура; 17-го *Chatre* — Атанъ; 18-го *Bourg la Reine*, мѣстечко Кролево.

Блау) городскіе депутаты, поздравивъ посланника съ прїѣздомъ, спросили: можетъ ли его переводчикъ говорить по Французски? Онъ умѣетъ по Латынѣ въ достатокъ, и по Цесарски, и по Голландски, и по Тальянски, а по Французски перевестъ совершенно не умѣетъ, потому что во Французской землѣ по се время онъ не бывалъ.» Иванъ Госенцъ, служившій переводчикомъ при посольствѣ, какъ замѣчаетъ Сенто, и по Латынѣ говорилъ « не въ достатокъ », а очень худо; другой же переводчикъ, Томасъ Еглинъ, только и зналъ по Нѣмецки. У насъ въ городѣ, замѣтили депутаты, живетъ Полякъ Урбановскій, доминиканецъ, который знаетъ Латинскій, Французскій, Польскій и даже Русскій языки. Потемкинъ, вѣроятно и самъ замѣчая неудобство въ переговорахъ при своемъ переводчикѣ, объявилъ желаніе видѣть Урбановскаго, который и пришелъ къ нему немедленно. Оказалось, что онъ былъ выходецъ изъ Польши, дѣйствительно хорошо зналъ не только Французскій языкъ, но даже и Русскій, и сверхъ того зналъ посланника еще въ Польшѣ. Во время войны Царя Алексѣя Михайловича съ Поляками за Малороссію, въ 1655 году, въ полкахъ боярина, дворецкаго и воеводы Василья Васильевича Бутурлина служилъ и стольникъ Потемкинъ, и по его распоряженію съ отдѣльнымъ отрядомъ взялъ Люблинъ. Тамъ находился въ это время и Урбановскій, и, какъ рассказываетъ Сенто, Потемкинъ спасъ ему жизнь. Оставивъ Польшу, «онъ былъ во многихъ земляхъ и теперъ живетъ во Французской для науки». Въ знакъ благодарности онъ предложилъ свои услуги посланнику, который и взялъ его съ собой въ Парижъ, какъ переводчика. Какъ видно, онъ дѣйствительно былъ человѣкъ образованный и хорошо исполнилъ свою обязанность (*).

(*) Стихотворная газета, говоря о присутствіи нашихъ пословъ въ театрѣ Мольера, замѣчаетъ.

Ayant deux fort bons interprètes
 Versez aux Langues, et Languètes,
 Qui leur firent entendre tout

Въ тотъ же день, какъ прибыло посольство въ мѣстечко Королевы, прибылъ съ привѣтствіемъ отъ Короля г. де Берлизъ (Sieur de Berlise introducteur des ambassadeurs), котораго Потемкинъ просилъ «бить челомъ Королевской милости, что прислалъ спросить ихъ о здоровьѣ,» и объявилъ, что они «ѣхали отъ города Бурдоа и до сехъ мѣстъ во всякомъ покоѣ и провожалъ ихъ приставъ Катуй со всякою честью.» Но когда Берлизъ попросилъ у него списка съ грамоты, которую онъ везетъ къ Королю, чтобы знать напередъ о предметѣ ихъ посольства, то посланникъ обидѣлся: въ его глазахъ это было одно изъ важныхъ нарушеній посольскихъ обычаевъ. Намъ поручено Государемъ нашимъ отправить посольство Королевскому Величеству и лично подать ему грамоту. «А если прежь послать съ тобою грамоту, не выдавъ Королевскаго Величества очей, то и посольство наше будетъ не въ посольство: изъ здѣшняго мѣста будетъ и отправлено, а къ Королевскому Величеству и ѣхать будетъ не зачѣмъ.» Послѣ многихъ переговоровъ Потемкинъ показалъ ему свою проѣзжую грамоту, которую увидавъ—писать онъ въ своемъ статейномъ спискѣ,—Берлизъ безмѣрно обрадовался. Весьма понятно, что Французскому правительству хотѣлось знать, что за посольство и съ какою цѣлю ѣдетъ въ Парижъ. Кромѣ словеснаго извѣщенія, объявленнаго самимъ Потемкинымъ, оно не имѣло никакихъ о немъ свѣдѣній, а между тѣмъ оно стоило ему столькихъ издержекъ. Не смотря на то, посланнику оказывались всѣ возможныя почести. Король поручилъ маршалу де Бельфону, одному изъ важныхъ лицъ при дворѣ, встрѣтить его и привезти въ Парижъ. вмѣстѣ съ Берлизомъ маршалъ пріѣхалъ къ Потемкину, который, узнавъ, что онъ «ближній Королевскаго Величества человекъ и честный», поручилъ

Du commencement jusqu'au bout,
 Dont l'un qui sçait, entre'outre chose,
 La belle Rime et belle Prose,
 A Nom terminant en-io,
 C'est A Sansto Aegidio!

встрѣтить его переводчику и подъячимъ у кареты, толмачу на крыльцѣ, дворянамъ передъ палатою, въ сѣняхъ дьяку Румянцеву, а самъ встрѣтилъ его при входѣ въ палату у дверей. Немедленно все посольство отправилось въ Парижъ, гдѣ былъ отведенъ для него особенный домъ, назначенный для приема чрезвычайныхъ пословъ (Hôtel des Ambassadeurs extra-ordinaires). Августа 22 Берлисъ объявилъ Потемкину, что Король назначилъ имъ приемъ чрезъ три дня въ Сентъ-Жерменѣ.

По смерти кардинала Мазарина Людовикъ XIV началъ украшать Парижъ новыми зданіями. Дворцы прежнихъ королей Французскихъ уже не соответствовали вновь введенной при дворѣ роскоши. Въ Версаль все было выстроено вновь: Сентъ-Жерменъ только что увеличенъ и отдѣланъ; начато было строеніе дома Инвалидовъ. Перестраивались Лувръ и Тюльери и еще не были окончены въ то время, какъ прибыло наше посольство. Поэтому Король и весь дворъ находились въ Сентъ-Жерменѣ. Берлисъ говорилъ Потемкину, что по приѣздѣ въ Сентъ-Жерменъ имъ будетъ приготовленъ обѣдъ, и послѣ обѣда ихъ приметъ Король. Онъ такъ распорядился потому, говорилъ приставъ, что, проѣхавъ четыре мили, вѣроятно вамъ будетъ утомительно немедленно идти на торжественный приемъ. Хотя Потемкинъ понималъ спсходительную любезность Людовика XIV и поручилъ Берлизу благодарить за то, — «что онъ такъ милостиво о ихъ здоровьѣ разсуждаетъ»; однакоже объявилъ рѣшительную невозможность исполнить его предложеніе. Послѣ обѣда явиться къ Королю, послѣ обѣда представить ему Царскую грамоту! Эта мысль не могла найти мѣста въ головѣ Русскаго посланника XVII вѣка: онъ видѣлъ въ ней и нарушеніе достоинства верховной власти, и несогласіе съ посольскими обычаями, которые привыкъ исполнять буквально. Конечно Людовикъ XIV понималъ лестную и для него причину отказа Потемкина и согласился исполнить его желаніе.

Августа 25 маршалъ Бельфонъ явился съ придворными каретами и верховыми лошадьми для посольской свиты, и все посольство отправилось въ Сентъ-Жерменъ. Отъ сама-

го въѣзда и до дворца стояла Французская и Швейцарская гвардія подъ ружьемъ. При звукѣ барабановъ поѣздъ приблизился къ дворцу. Посланника приняли въ комнатахъ графа Люда (comte de Lude), перваго камергера и губернатора Сентъ-Жермена. Надо было пройти второй дворъ (cour des cuisines), чтобы выйти на дворцовый. Итги пѣшкомъ во дворецъ нашъ посланникъ считалъ оскорбительнымъ и неприличнымъ его званію и потому послали вновь за каретами. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ Потемкинъ съ сыномъ, въ другой дѣякъ; впереди шла посольская свита, неся подарки и Царскую грамоту, завернутую въ красную тафту. При въѣздѣ на дворцовый дворъ, посланника встрѣгилъ Sieur de Rhodes и Сенто, оберъ-перемоніймейстеръ, а при входѣ во дворецъ, маркизь де Жанръ (de Genres), капитанъ гвардейскаго корпуса, который въ это время стоялъ въ парадѣ вокругъ всего двора и по лѣстницѣ. При звукахъ трубъ полвигалось посольство къ приѣмной залѣ. Тамъ на возвышеніи изъ четырехъ ступеней былъ поставленъ тронъ, на которомъ сидѣлъ Король въ шляпѣ, по правую его сторону стоялъ дофинъ, которому въ это время было только 7 лѣтъ, а по лѣвую герцогъ Орлеанскій, оба съ открытыми головами. Королева находилась въ залѣ incognito съ многими дамами. Лишь только посланники приблизились къ трону и поклонились низко, Король всталъ, снялъ шляпу, что онъ дѣлалъ всякій разъ, какъ только слышалъ титулъ или Царское имя, произносимыя посланниками въ ихъ рѣчахъ. По обычаямъ посольскимъ, онъ спрашивалъ о здоровьѣ Царя, принялъ дары и грамоту «съ великимъ учтивствомъ, снявъ шляпу и съ руки рукавицу и держалъ въ рукахъ своихъ во все посольство», какъ пишетъ Потемкинъ. Король поручалъ благодарить Государя за извѣстіе о заключенномъ имъ мирѣ съ Польшею и желаніе быть въ дружескихъ сношеніяхъ съ Франціею. Переговоры о дѣлахъ съ посланниками Король хотѣлъ назначить въ Парижѣ. По обычаямъ Московскимъ, въ тотъ день, когда назначались переговоры, послы и посланники должны были представляться Государю и вести переговоры въ самомъ дворцѣ.

Свято соблюдая предписанія своего наказа, посланникъ изъяснилъ свои требованія Королю, который выслушалъ его благосклонно и отвѣчалъ: хотя у насъ и нѣтъ такихъ обычаевъ, однакоже, въ знакъ своего расположенія къ Государю Московскому, онъ готовъ исполнить его желаніе. Онъ даже говорилъ посланнику, чтобы онъ самъ назначилъ день, въ который можетъ явиться для переговоровъ. Потемкинъ билъ челомъ Королю, «что являетъ къ нему крайнюю милость», и назначилъ 27 число Августа.

По окончаніи представленія, посланниковъ посадили въ литьеры и отнесли въ покои графа Люда, гдѣ маршалъ Бельфонъ, въ качествѣ перваго метръ-д-отея Людовика XIV, угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Вообще нашихъ посланниковъ хотѣли поразить великолѣпіемъ двора; но они его и не замѣтили. Московскій дворъ издавна отличался такимъ великолѣпіемъ, которое постоянно составляло предметъ удивленія для всѣхъ иностранныхъ посланниковъ. За то сами Французы не находили словъ, чтобы достаточно нахвалиться. (*)

Но если нашихъ посланниковъ и не поражала пышность Французскаго двора, за то они постоянно удивлялись снисходительности и любезности Короля и даже простотѣ въ обычаяхъ придворныхъ. Въ послѣдній разъ, какъ они были въ Сентъ-Жерменѣ на отпускѣ, они видѣли, какъ королева

(*) Описывая приемъ Потемкина, стихотворная газета говоритъ:

Ce Monarque dont le Renom
 Passe — celui de Salomon,
 Quoi qu'on en die, ou qu'on en grône
 Se trouvant assis sur un Trône,
 Avec toute la majesté
 Presque d'une Divinité,
 Et dans un Lieu plus beau qu'un Temple,
 Qu'avecque respect l'on contemple,
 Ils demeurèrent éblouis
 A l'aspect de ce Grand Louis,
 Et crurent, à le dire en somme,
 Voir un Dieu bien plutôt qu'un Homme.

съ дофинномъ проѣхали «отъ того села съ милію въ кляшторъ молится». Небольшое число экипажей, малочисленная свита и особенно то, что—«Королевино Величество и королевичъ ни мало не укрывался, какъ отъ нихъ, такъ и отъ своего государства людей,» не могло не поразить Русскаго посланника. Обычай обоихъ государствъ въ этомъ случаѣ рѣзко отличались одни отъ другихъ. Московскихъ царицъ «бояре и ближніе люди только временемъ выдаютъ, говоритъ Котошихинъ, а простые люди мало когда выдаютъ», сестры царскія и дочери живали, какъ затворницы, по словамъ того же писателя, а царевичей въ первый разъ выдалъ народъ только въ день ихъ совершеннолѣтія.

На возвратномъ пути изъ С. Жермена въ Парижъ, дорогою приставъ рассказывалъ нашимъ посланникамъ, что Король очень доволенъ ихъ подарками (*) и желаетъ искренно войти въ дружескія сношенія съ Московскимъ дворомъ.

(*) Стольникъ Потемкинъ поднесъ изъ дарѣхъ: саблю булатную оправа серебряная золочена съ яшмами да съ бирюзами, два сорока соболей, исподъ золотой фрезези, исподъ соболей пластинчатый, исподъ кафтана Турскаго, исподъ соболей пуччатый, лисицу черную, три мѣха горностаевыхъ, двѣ камки кизильбашскіе золотныя. Да смѣвъ его Стольникъ Степанъ: два сорока соболей, исподъ двухъ кафтановъ Турскихъ, два испода соболевыхъ пуччатыхъ, рукавъ соболей по ихъ извѣчаю сдѣланъ, ножъ булатный оправный, камку кизильбашскую золотную, два мѣха горностаевыхъ. Дьякъ Семеновъ Румянцевъ: три сорока соболей, исподъ соболей пластинный, съ пухомъ бобровымъ, два испода соболей пуччатые, рукавицы соболей пластинныя, десять мѣховъ горностаевыхъ, три мѣха бѣлыя, хрептовые.» Сенто говоритъ объ этихъ подаркахъ, что они состояли *en plusieurs fortures, en deux piéces d'une étoffe à petites fleurs d'or et un couteau de Damas dans sa gaine.* Онъ упоминаетъ и о саблѣ, *enrichi de quelques pierreries* которую особенно живописно описываетъ стихотворная газета:

Puis on apporta leurs présens
Dont l'un certe, des plus luisans,
Etoit un riche cimenterre,
Qui mieux que celui de saint Pierre,
Abatroit une oreille net.
Il est bien monté tout à fait,
Et tout couvert de pierrerie
Sur une riche orfèvrerie.—

Для переговоровъ съ нашими посланниками Король назначилъ маршала герцога Вилльруа, Лионя и Кольберта, но возникли затрудненія по случаю Царской грамоты. Эти грамоты обыкновенно писались по Русски; въ Парижѣ случилось тоже, что и прежде случалось въ другихъ земляхъ: не нашлось никого, кто бы могъ перевести ее на языкъ понятный. Для избѣжанья подобныхъ затрудненій, Русскимъ посланникамъ вмѣстѣ съ подлинными грамотами давались переводы; но эти переводы они могли сообщать только частнымъ образомъ. Послѣ представленія Королю, Потемкинъ, разговаривая съ Берлизомъ о днѣ переговоровъ съ уполномоченными Французскими, спросилъ: переведена ли Царская грамота? Узнавъ отъ него, что не могутъ найти переводчика, онъ предложилъ находившійся у него переводъ. Берлизь съ радостію воспользовался предложеніемъ и немедленно отвезъ грамоту къ Королю. Это обстоятельство ускорило назначеніе переговоровъ, а въ тоже время и оскорбило Французское правительство, которое до сихъ поръ находилось въ совершенномъ невѣдѣніи о главныхъ предметахъ переговоровъ.

Съ обычными почестями, 29-го Августа, нашихъ посланниковъ отвезли въ С. Жермень. Представившись Королю, они вошли въ особую палату, гдѣ ихъ ожидали уже уполномоченные для переговоровъ. Послѣ привѣтствій Французы говорили, что содержаніе Царской грамоты имъ извѣстно и что теперь они желаютъ слышать в рассуждать съ ними о тѣхъ предметахъ, о которыхъ имъ поручено объявить словесно.

Потемкинъ отвѣчалъ: «Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ великимъ Государемъ вашимъ съ Его Королевскимъ Величествомъ во братской дружбѣ и любви хочетъ быть потому, какъ и съ иными окрестными великими государи Христіанскими во братской дружбѣ и любви пребываетъ. И великій бы Государь вашъ ко брату своему, къ великому Государю нашему потому жъ слалъ своихъ пословъ или посланниковъ о братственной межъ ими Великими Государи дружбѣ и любви и о добрыхъ дѣлѣхъ, которые настоятъ межъ ихъ обоихъ великихъ

государствъ, и съ ними о всемъ наказывалъ подлинно, какъ имъ великимъ Государемъ межъ собой во братственной любительной дружбѣ и ссылкѣ впредь быть.»

Частыя и торжественныя посольства между государствами Русская дипломатія того времени считала существеннымъ признакомъ дружественныхъ сношеній. Но изъясненія безкорыстной дружбы между правительствами не составляли уже существеннаго вопроса для государственныхъ людей Франціи временъ Людовика XIV. По обычаю, они спросили, прислалъ ли Царь опасную грамоту для прѣзда Французскимъ посламъ въ Россію, и получивъ эту грамоту отъ нашего посланника, конечно съ большимъ участіемъ слушали вторую половину его рѣчи.

Потемкинъ продолжалъ: «такъ же и о томъ мы объявляемъ, чтобы на обѣ стороны великихъ Государей подданные, торговые люди ходили и торговали, великаго Государя нашего и Государя вашего въ государствахъ и прибылей себѣ и пожитковъ искали, чтобы отъ того великимъ государствамъ прибавленія и разширенія прибывало.»

Есть ли у васъ Царская грамота, по которой бы купцы могли безопасно ѣздить въ Московское государство? спросили уполномоченные. Для нашихъ посланниковъ торговое дѣло казалось второстепеннымъ, и ихъ какъ будто оскорбилъ этотъ вопросъ. О купецкомъ дѣлѣ, отвѣчали они, намъ приказано говорить на словахъ, «не о всякихъ было дѣлѣхъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, посылать грамоты къ Королевскому Величеству!»

Если вашъ государь желаетъ, продолжали уполномоченные, чтобы существовали торговыя сношенія между Франціею и Россіею; то въ какія же города могутъ прѣзжать наши купцы, какими товарами они могутъ торговать съ вашимъ государствомъ и какія права будутъ имъ дарованы?

Наши посланники отвѣчали неопредѣленно: «имъ мочно прѣзжать со всякими товарами къ Архангельскому городу—и въ другія города, гдѣ лучится прѣхать; торговля имъ будетъ съ Русскими людьми повольная», только они должны платить узаконенныя пошлины. Такой отвѣтъ ко-

нечно не могъ удовлетворить Французскихъ уполномоченныхъ, и потому они объявили, что слѣдуетъ заключить торговый договоръ законнымъ порядкомъ. Потемкинъ не имѣлъ полномочія для заключенія договора и потому отвѣчалъ: «не смѣемъ договорныя статьи руками своими закрепить» и предлагалъ для изъявленія дружбы и заключенія торговаго договора отправить Французское посольство въ Москву. Уполномоченные, объявивъ, что доложить Королю о переговорахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли, что Король, вѣроятно, согласится охотно отправить свое посольство къ Царю и дозволить своимъ подданнымъ торговать съ Россією.

Переговоры было окончились; но слухъ, достигшій и до нашихъ посланниковъ, что Король уѣзжаетъ и не скоро возвратится въ Парижъ, заставилъ Потемкина продолжать ихъ. По Московскимъ обычаямъ не слѣдовало всѣхъ дѣлъ объявлять въ одно время. Обыкновенно переговоры повторялись по нѣскольку разъ; выслушавъ отвѣты на вопросы, прежде предложенные, посланники уже предлагали новые. Но желаніе Потемкина до начала зимы возвратиться въ отечество заставило его на этотъ разъ нарушить посольскій обычай. «Хотя было о томъ нынѣ съ вами, думными людьми, и время не дошло говорить», замѣтилъ онъ, однакоже рѣшился просить, чтобы «ихъ отпустили къ Царскому Величеству не задержавъ». Оберегать честь Государя было одною изъ главныхъ обязанностей Русскихъ посланниковъ, а въ этомъ отношеніи существеннымъ вопросомъ въ то время былъ титулъ Царя. Посланникамъ вмѣнялось въ обязанность не принимать отвѣтныхъ грамотъ отъ иностранныхъ государей, въ которыхъ бы Царскій титулъ написанъ былъ неправильно, не такъ, — «какъ великій Государь самъ себя описуетъ.» Поэтому, прежде полученія на торжественномъ отпускѣ подлинной грамоты, они должны были требовать, чтобы списокъ съ нея былъ предварительно имъ показанъ. Не содержаніе грамоты составляло предметъ ихъ заботы, но только титулъ, на который они обращали исключительное вниманіе. Къ числу непремѣнныхъ условій принадлежало и то, чтобы подлин-

ная грамота была вручена на торжественномъ отпускѣ самимъ государемъ или по крайней мѣрѣ въ его присутствіи. По этимъ причинамъ Потемкинъ просилъ уполномоченныхъ доложить Королю, чтобы онъ отпустилъ ихъ самъ, при себѣ вручилъ имъ грамоту, съ которой списокъ показали бы имъ за нѣсколько дней до отпуску. Сверхъ того онъ прибавилъ жалобу на сборщика податей въ Байонѣ и просилъ, чтобы ему возвратили деньги, заплаченныя имъ въ видѣ пошлины, и притомъ вознаградили бы за дорожныя издержки отъ Байоны до Бордо. Уполномоченные, обѣщаясь доложить Королю о всѣхъ требованіяхъ посланника, просили его не обижаться тѣмъ, что въ Байонѣ съ нихъ взяли пошлины, потому что это случилось безъ вѣдома Короля.

Заключеніе торговаго договора съ Россією весьма занимало Французскій дворъ, который въ этомъ случаѣ конечно слѣдовалъ за мнѣніемъ Кольберта. Не смотря на то, что Потемкинъ отказался подписать условія за немнѣніемъ полномочія, въ самый день переговоровъ, лишь только онъ возвратился въ Парижъ, Берлизъ уже привезъ ему проектъ условій, на которыхъ можетъ быть заключенъ торговый договоръ. По приказанію Короля онъ просилъ, чтобы посланникъ, прочитавъ условія, далъ письменный о нихъ отвѣтъ за своею подписью.

Франція предлагала заключить мирный договоръ съ Россією на вѣчныя времена, позволяла ѣздить Русскимъ купцамъ сухимъ путемъ и моремъ во всѣ свои города, свободно покупать и продавать всякіе товары, платя пошлину за продажу и за вывозъ. Купцамъ Московскимъ предоставлялось право жить во Франціи, свободно отправлять свое бѣгослуженіе, нанимать дома, лавки и анбары, имѣть даже своего судью для разбора тяжбъ и споровъ. Такія ли будутъ даны права торговли и свободы вѣроисповѣданія въ Московскомъ государствѣ Французскимъ купцамъ? Дозволено ли имъ будетъ ѣздить безъ препятствій и возить товары безъ пошлины въ Персію? Этими вопросами оканчивался проектъ условій, въ которомъ однакоже замѣчено, что Франція желаетъ, чтобы ея торговымъ людямъ дарованы

были тѣже права, какими пользуются въ Россіи Англичане, и между прочимъ, чтобы съ ихъ товаровъ брали только половинныя пошлины. Потемкинъ не рѣшился дать письменнаго отвѣта на эти условія; но только словесно отвѣчалъ, что Государь Московскій желаетъ заключить союзъ съ Франціею и что съ этою цѣлію Королю слѣдуетъ отправить свое посольство въ Россію.

Не смотря на уклончивый отвѣтъ посланника, черезъ день, по королевскому предписанію, явились къ нему Парижскіе купцы и просили дать имъ списокъ товаровъ, какими торгуютъ Московскіе купцы, какіе Французскіе товары имъ нужны и въ какой портъ могли бы приходиться ихъ корабли? Они просили такъ же прѣзжей грамоты за подписаніемъ посланника. Потемкинъ отвѣчалъ, что и безъ грамоты они смѣло могутъ итти съ своими товарами къ Архангельску и торговать тамъ свободно, увлачивая узаконенныя пошлины. Только, прибавилъ онъ, не привозите запрещенныхъ товаровъ, двойнаго вина и табаку. Поблагодаривъ за предостереженіе и выслушавъ, какими товарами Московскіе купцы торгуютъ, Французы объявили, что они будутъ покупать различные мѣха, юфть, сало, ворвань, пеньку, поташъ и т. п., а сами привозить ефимки, разные ткани и виноградное вино. Нынѣшнимъ же лѣтомъ мы охотно нагрузили бы нѣсколько кораблей и отправили въ Архангельскъ, говорили они, но уже поздно, они не успеютъ притти до зимы. На будущій же годъ непременно отправимъ наши товары въ Россію.

Не смотря на то, что переговоры о торговлѣ окончились не совсѣмъ удачно, Французское правительство по прежнему хорошо обходилось съ нашимъ посланникомъ и постоянно уступало его требованіямъ. Сентября 10-го Берлизъ пріѣхалъ къ Потемкину и объявилъ, что Король назначаетъ имъ прощальное свиданіе черезъ три дня, а списокъ съ грамоты пришлетъ къ нему не иначе, какъ послѣ отпуски. Посланникъ рѣшительно объявилъ, что не можетъ быть на отпускѣ и принять грамоту, — «незная съ чѣмъ ихъ Королевское Величество отпускаетъ къ Великому Государю», т. е. какъ онъ объяснилъ далѣе: «спелна ль титулы его

Царскаго Величества написаны будутъ. » Приставъ съ своей стороны объяснилъ, что Король не хочетъ прислать къ нимъ списка съ своей грамоты прежде отпуска потому, что и они списокъ съ Царской грамоты прислали только на другой день послѣ торжественнаго приѣма. Увѣрство посланника однакоже заставило Короля уступить его требованіямъ, и потому, послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, Берлиэъ привезъ ему списокъ съ грамоты, въ которомъ Потемкинъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ полный титулъ Царя. Казалось, всѣ неудобства были устранены; посланники 13 сентября отправились въ С. Жерменъ, чтобы откланяться Королю, однакоже ихъ ожидало новое случайное затрудненіе.

Съ тѣми же почестями, какъ и въ первый приѣздъ, встрѣтили наше посольство въ С. Жерменѣ. Король, стоя и безъ шляпы, выслушалъ благодарность нашихъ посланниковъ за гостепрѣимство и поручилъ кланяться Царю, изъ своихъ рукъ подавъ не только подлинную къ нему грамоту, но даже и списокъ съ нея и вообще въ отношеніи къ Русскому Государю оказывался « великимъ любительствомъ », а посланниковъ « отпускалъ съ великою милостію и честію », говорилъ Потемкинъ. Когда они, поцѣловавъ руку Короля и поклонившись по обычаю, хотѣли выйти изъ пріемной палаты, вдругъ Король снова всталъ съ мѣста, снялъ шляпу и прощался съ посланниками. Ихъ поразила такая вѣжливость; они остановились и потомъ, снова поклонившись Королю, отправились въ покои графа Люда, гдѣ ихъ ожидалъ роскошный обѣдъ.

Но прежде нежели сѣсть за обѣдъ, Потемкинъ осмотрѣлъ списокъ съ королевской грамоты и къ великому прискорбію замѣтилъ, что Царскій титулъ написанъ былъ неправильно. Пропущены были « самыя высокія титла, которыя нашему Государю отъ прародителей Богъ далъ: Самодержца, отчича и дѣдича, и наследника, и Государя и обладателя ». Маршалъ де Бельфонъ говорилъ, что это простая ошибка переписчика, которая немедленно будетъ исправлена, и просилъ посланниковъ сѣсть за столъ; но Потемкинъ отвѣчалъ: « не только намъ сѣсть, но и на свѣтъ Божій

зрѣть не можемъ, видя въ самомъ великомъ Его Царскаго Величества дѣлѣ страшное нарушеніе, что межъ такими великими Государи не къ любви склоняется, а къ разорванію вѣчному. А намъ нестерпимое о томъ смертное уязвленіе; какъ мы можемъ слушать и живы быть, когда Государя нашего такія высокія титула остерегательно не желаютъ хранить ». И эту грамоту, въ которой пропущены такія великія титула, самъ Король отдалъ намъ изъ своихъ рукъ! Такъ рассказалъ свою рѣчь Потемкинъ въ отчетѣ правительству и, вѣроятно, онъ такъ говорилъ дѣйствительно. Зная характеръ нашихъ посланниковъ XVII вѣка и значеніе въ то время вопроса о титулѣ, мы не можемъ усомниться въ ея подлинности. Но, безъ сомнѣнія, такая рѣчь привела въ недоумѣніе маршала Бельфона. Онъ увѣрялъ нашихъ посланниковъ, что это сдѣлалось случайно, немедленно будетъ исправлено и просилъ ихъ сѣсть за столъ; но посланники тогда только согласились, когда маршалъ сходилъ къ Королю, и самъ Король прислалъ имъ сказать, что грамота немедленно будетъ переписана. Къ концу обѣда дѣйствительно принесли новую грамоту; но Потемкинъ, взявъ ее въ руки, сей часъ же замѣтилъ, что это прежняя грамота; въ ней была выскоблена цѣлая строка и по скобленному дописанъ Царскій титулъ. Въ смущеніи онъ говорилъ маршалу: « съ такою грамотою не только ѣхать къ Царскому Величеству, но и смотрѣть мнѣ на нее страшно, что чинится здѣсь не къ чести Великаго Государя нашего ». Онъ рѣшительно отказался принять грамоту и просилъ, чтобы она была переписана. Маршалъ извинялся и немедленно распорядился, чтобы заготовили новую грамоту. Готовность маршала исправить ошибку, которая въ глазахъ Русскаго посланника была величайшимъ оскорбленіемъ чести Государя, успокоила Потемкина. « За то, что ты потчиваешь насъ со всякою достойною честію », и особливо за то, что желаешь союза и дружбы между великими Государями, « за твой превысокій разумъ и къ намъ многую любовь и пріятство, дарю тебя, пріятели моего, любительными и твоей чести высокою достойными дарами. » Сказавъ эту рѣчь, Потемкинъ снялъ съ себя шапку « бархатную

двоиморхую съ соболями, запона на ней съ камешьемъ, петли жемчужныя », и надѣлъ ее на голову маршалу. Сначала онъ отговаривался и не хотѣлъ принять подарка, однако потомъ согласился и даже « поцѣловавъ шапку, на себя надѣлъ, » какъ рассказываетъ Потемкинъ. Но Французамъ поступокъ посланника показался забавнымъ; они объясняли его дѣйствіемъ обѣда, за которымъ круговыя заздравныя чаши часто обходили гостей. Впрочемъ, кромѣ шапки, Потемкину и не чѣмъ было подарить маршала: онъ уже роздалъ всѣ свои подарки.

Пока переписывали грамоту, посланники гуляли по саду, гдѣ, по Королевскому приказанію, « ихъ тѣшилъ Арапъ, на лошади скакалъ стоячи, во всю пору безъ сѣдла ». Наконецъ грамота была переписана и вручена посланникамъ. Довольные угощеніемъ, милостію Короля и вѣжливую услужливостію придворныхъ, посланники возвратились въ Парижъ (*).

Такъ окончилось Русское посольство во Францію въ 1668 году. Возвратившись въ Парижъ, наши посланники на другой же день получили подарки отъ Короля и 200 золотыхъ, заплаченныхъ ими въ Байонѣ сборщику податей. Но за дорожныя издержки отъ Байоны до Бордо имъ не заплатили. Сентября 16 они выѣхали изъ Парижа, въ сопровожденіи королевскаго пристава, и чрезъ шесть дней достигли до Кале.

(*) Отпускъ Русскихъ посланниковъ послужилъ поводомъ для стихотворной газеты приписать имъ тѣ чувства, которыя Французы питали къ своему Королю.

Après le repas du midy
 Contans, autant qu'on le peut dire,
 Du bon accueil du susdit sire,
 Qu'ils ont mille fois admiré,
 Et presque mêmes adoré,
 Voyans tant de divines marques
 En ce plus charmant des Monarques.

Впрочемъ, и въ статейномъ спискѣ Потемкина, строго чиновничьемъ отчетѣ правительству, нельзя не замѣтить особеннаго удивленія къ синхронности Короля.

Русскій человекъ XVII столѣтія, принадлежавшій къ высшему слою общества того времени, проѣхалъ въ качествѣ посланника всю Францію отъ Пиренеевъ до Кале, Францію временъ Людовика XIV. Сколько любопытныхъ замѣчаній, какого особеннаго взгляда на страну и жителей могли бы мы ожидать отъ этого путешествія! Однакоже въ статейномъ спискѣ стольника Потемкина, въ его отчетѣ правительству, весьма мало встрѣчаемъ замѣчаній въ этомъ отношеніи. Правительственное лице, исполнявшее свято, съ мельчайшими подробностями, свои порученія, выступаетъ передъ нами, а живаго человека того времени мы почти не имѣемъ возможности замѣтить. Быть можетъ, онъ выражался въ частной жизни, въ семейной, или дружеской бесѣдѣ, передавая тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на него Франція; но преданіе ихъ не сохранило, и для потомковъ осталось только воспоминаніе о чиновникѣ временъ Царя Алексѣя Михайловича, посѣщавшемъ Францію при Людовикѣ XIV. Какъ чиновникъ, онъ все исполнилъ, какъ нельзя лучше, ни на шагъ не отступилъ отъ поставленныхъ, полученныхъ имъ въ наказъ изъ Посольскаго приказа, — «оберегалъ честь Государя и Государства» и даже не вышелъ изъ предѣловъ полномочія для пользы государственной. Когда окружавшіе его Французы спрашивали, какъ правится ему Франція, онъ всегда отвѣчалъ, что будетъ говорить о Франціи, когда выѣдетъ изъ ея предѣловъ, чтобы его слова не могли почестъ лестью. Такой ловкій отвѣтъ конечно даетъ право думать, что Потемкинъ былъ умный человекъ, а между тѣмъ и видъ предѣловъ Франціи онъ почти ничего не сказалъ о ней. Тѣмъ болѣе любопытны для насъ тѣ немногія замѣчанія, которыя встрѣчаемъ въ его статейномъ спискѣ. «Люди—говоритъ онъ—во Французскомъ государствѣ *человѣчны* и ко всякимъ наукамъ, къ философскимъ и рыцарскимъ тщательны. Изъ иныхъ государствъ во Французскую землю въ городъ Парисъ и въ иные города пріѣзжаютъ для науки философской и для ученья ратнаго строя, Королевичи и великородные и разныхъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій, и многолюдный и богатый, и школы въ немъ

безмѣрно много; студентовъ въ Парисѣ бываетъ тысячъ до тридцати и больше.» Большое населеніе страны также поражаало нашихъ посланниковъ: «тѣ мѣста, которыми шли, безмѣрно жилы; города великіе и многолюдные, и крѣпкіе, и пѣхоты въ городахъ много-жъ, и сель и великихъ и деревень много и людно безмѣрнымъ обычаемъ». Въ отношенія къ народонаселенію, правамъ и обычаямъ, Потемкинъ могъ сравнивать не одну Россію того времени съ Франціею, но Испанію и Голландію, которыя онъ также посѣтилъ въ это время въ качествѣ посланника. Поразило его и множество каменныхъ строеній, великолѣпіе дворцовъ и садовъ королевскихъ и обиліе всякаго рода произведеній природы. Но обо всемъ этомъ онъ едва только упоминаетъ въ своемъ статейномъ спискѣ. Этотъ недостатокъ дополняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дневникъ Сенто. Вообще пріемъ нашего посольства во Францію отличается особенно предупредительностію со стороны Короля, который не только оказывалъ посламъ всевозможныя снисхожденія въ посольскихъ церемоніяхъ, но желалъ доставить имъ всѣ способы къ развлеченію. Они видѣли все замѣчательное въ Парижѣ и въ окрестностяхъ. По извѣстіямъ Сенто, посланника со всею свитою торжественно въ шести каретахъ возили въ Vincennes; тамъ показали имъ дворецъ, паркъ, мѣсто, гдѣ травятъ дикихъ звѣрей, и въ тотъ же день въ Парижѣ королевскую площадь, покои Короля въ Тюльери и садъ. На другой день ихъ возили на Гобеленовскую мануфактуру, гдѣ знаменитый живописецъ Le Vign показывалъ имъ всѣ работы. Тамъ угощали ихъ обѣдомъ и, по возвращеніи въ Парижъ, показывали покои покойной Королевы въ Луврѣ и королевское Garde Meuble. Въ слѣдъ за тѣмъ ихъ возили въ Версаль, только что отстроенный и отдѣланный со всею роскошью Людовикомъ XIV. Съ Потемкинымъ въ этомъ поѣздѣ находились его сынъ и дьякъ Румянцевъ; но они занемогли, не осмотрѣвъ всѣхъ заведеній. Не смотря на то посланникъ просилъ, чтобы ему показали все, и на возвратномъ пути въ Парижъ еще посѣтилъ Сенъ-Клу и осмотрѣлъ дворецъ герцога Орлеанскаго и садъ, гдѣ особенно восхищался фонтанами. Вообще

онъ съ любопытствомъ осматривалъ все, не скрывалъ своего удивленія, но не хотѣлъ однакоже выразить его на словахъ. Нѣтъ нужды говорить, что во времена Людовика XIV въ Парижѣ театръ уже составлялъ одно изъ существенныхъ развлеченій общества. Тамъ онъ подходилъ уже близко къ тому состоянію, въ которомъ мы понимаемъ театральныя представленія въ настоящее время. Для нашихъ посланниковъ были даны особенныя представленія на обомхъ существовавшихъ тогда въ Парижѣ театрахъ.

Одинъ изъ нихъ помѣщался въ Hôtel de Bourbon. Тамъ 5 Сентября, въ присутствіи нашего посланника, его сына и дѣяка Румянцева давали *les coups de l'Amour et de la Fortune ou l'heureux infortuné*, траги-комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненія François le Metel, sieur de Boisrobert, котораго драмы славились въ это время. Перемѣны декораций и балетъ ихъ очень занимали, какъ рассказываетъ Сенто (*).

На другомъ театрѣ, помѣщавшемся въ Пале-Рояль, давала представленія знаменитая труппа Мольера. Не задолго до прибытія въ Парижъ Русскаго посольства, Мольеръ поставилъ на сцену Амфитріона, который производилъ въ это время сильное впечатлѣніе и привлекалъ вниманіе двора и общества. На другой день послѣ представленія въ Hôtel de Bourbon и Мольеръ далъ своего Амфитріона для

(*) Кажется, употреблены были всѣ способы, чтобы придать наиболѣе занимательности этому представленію, которое описываетъ и стихотворная газета:

Les commediens de l'Hôtel
 Dans un appareil non tel quel,
 Mais beau, je me le rémémore
 Car j'en fus le témoin encore,
 Etant en loge bien posté,
 Ont trois fois dans l'attente été
 Des Moscovites excelences,
 Avec des magnifiques danses,
 De beaux poèmes, des concerts
 Et même de frians desserts.

нашихъ посланниковъ. Въ знакъ особеннаго уваженія, по обычаю того времени, Потемкину, его сыну и дѣяку устроены были мѣста на самой передней сценѣ. Они смотрѣли на представленіе, а въ тоже время и сами составляли зрѣлище для посѣтителей. По окончаніи представленія, актеры поднесли къ нимъ двѣ вазы, съ конфетками и плодами, и вино. Они отказались отъ конфетъ и плодовъ, выпили только немного и благодарили актеровъ (*).

Любопытно было бы намъ знать, какое впечатлѣніе представленіе Мольера произвело на нашего соотечественника время Царя Алексѣя Михайловича; но это остается для насъ тайною, какъ и многое въ общественной жизни древней Россіи. Многое утрачено для насъ совершенно, но еще большее откроется намъ, если только съ любовію и по просту, безъ предубѣжденій, будемъ изучать нашу древность.

(*) Стихотворная газета говоритъ объ этомъ такъ:

La troupe, ou préside Molière,
 Par une chere toute entière
 Leur donna son Amphitrion,
 Avec ample collation,
 Pas de ballet et symphonie
 Sans aucune cacophonie
 Et ces gens aimans le gratis
 У furent des mieux divertis.

А. Поповъ.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ.

С. АКСАКОВА. МОСКВА. 1856.

Нѣсколько недѣль тому назадъ вышла эта книга, всѣми давно ожидаемая съ нетерпѣніемъ. Ее всѣ успѣли прочитать, всѣ знаютъ ея содержаніе: нужно ли прибавлять, что всѣ ею восхищаются? Автору выпалъ счастливый, рѣдкій, хотя и вполне заслуженный жребій — приобрести своимъ произведеніямъ сочувствіе рѣшительно отъ всѣхъ безъ исключенія: при выходѣ каждой его книги, со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ угловъ литературы, наперерывъ шлются ему такія радушныя, такія горячія привѣтствія! Но намъ кажется, что до сихъ поръ все еще не сказано вполне опредѣленнаго слова о г. С. Аксаковѣ. Не имѣя особенныхъ притязаній на талантъ художественнаго критика, рѣшаемся по поводу настоящей книги высказать объ этомъ дарованіи свое личное мнѣніе. Надѣмся, что въ немъ увидитъ собственныя впечатлѣнія каждый, кто не безотчетно наслаждался произведеніями нашего московскаго писателя; другихъ постараемся убѣдить, а съ остальными—Богъ съ ними!

Прежде всего мы должны опредѣлить: какъ смотрѣть на эту книгу? Автору захотѣлось назвать свою книгу Воспоминаніями и Хроникой,—и мы должны ему вѣрить: мы должны вѣрить, что всѣ эти лица, о которыхъ онъ рассказываетъ, не только историческія, какъ на примѣръ Шишковъ или Державинъ, но и тѣ, которыхъ не знаетъ исторія, Багровы, Куролесовы, Зубины и прочіе, дѣйствительно существовали, характеръ и дѣйствія ихъ были таковы.

отд. III.

какими ихъ представляеть авторъ, что самыя приключенія ихъ не выдуманы. Однакожь съ другой стороны должно сознаться, и авторъ конечно самъ въ этомъ съ нами согласится, что подробности, въ какія онъ облакаетъ описываемыя приключенія,—разговоры дѣйствующихъ лицъ, состояніе погоды, какое было при томъ или другомъ обстоятельстве, платье, въ какомъ являлось въ ту или другую минуту извѣстное лице, разныя тѣлодвиженія, замѣчаемыя у него авторомъ,—все это не могло быть сохранено просто только воспоминаніемъ. Писалъ ли развѣ авторъ свои воспоминанія въ то самое время, какъ событія происходили? Но этому противорѣчить весь составъ книги, ея языкъ, способъ изложенія. Цѣлая статья наконецъ, «Добрый день Степаца Михайловича», о которой прямо говоритъ авторъ, что это «одинъ изъ тѣхъ добрыхъ дней, о которыхъ онъ такъ много слышался», слѣдственно, которые бывали часто, но не съ одними и тѣми же подробностями,—развѣ тутъ есть фактическая истина, истина одного какого-нибудь, опредѣленнаго дня? И такъ, что же это такое? Книга, такимъ образомъ, свою формою приближается къ тому, что мы называемъ историческимъ романомъ, то есть, къ такому роду произведеній, въ которыхъ главная нить повѣствованія, лица, событія, характеръ тѣхъ и другихъ, иногда даже довольно частныя дѣйствія упоминаемыхъ лицъ заключаютъ въ себѣ историческую истину, но все остальное принадлежитъ уже чисто творческой фантазіи писателя. Писатель соблюдаетъ строго фактическую истину, доколѣ ее знаетъ; но онъ не стѣсняется своимъ незнаніемъ, и въ случаѣ, если нужна ему какая нибудь подробность для оживленія своего изображенія, онъ воспроизводитъ ее изъ общаго художественнаго представленія всей эпохи, характера личности или событія. Такъ мы и будемъ смотрѣть на эту книгу, и съ этой точки зрѣнія будемъ судить о ней. Разумѣется, читатели легко поймутъ послѣ нашихъ объясненій, что, сравнивая нововышедшую книгу г. Аксакова съ историческимъ романомъ, мы вовсе не думаемъ придавать описываемымъ въ ней дѣйствіямъ характеръ историческихъ событій, въ обыкновенномъ, высокомъ зна-

ченія этого слова, ни требовать отъ нея единства, какое обыкновенно соблюдается въ такого рода сочиненіяхъ. Книга г. Аксакова представляетъ рядъ отдѣльныхъ рассказовъ, большая часть которыхъ не имѣетъ между собою никакой внѣшней связи; лица и событія, въ ней описываемыя, большею частію совсѣмъ не историческія, — это лица и событія, большею частію имѣвшія значеніе для одного или двухъ семействъ. Итакъ книга сблжжается съ историческимъ романомъ только по внѣшнему способу, съ какимъ авторъ относится къ изображаемой имъ дѣйствительности. Или, если хотите, она есть тотъ же историческій романъ по внутреннему смыслу жизни, который сквозитъ чрезъ эти, незначащія для исторіи лица и событія. И какой романъ! Огромный романъ, въ двухъ часахъ, которому мы дали бы заглавіе «*Цивилизація и Просвѣщеніе*»; романъ, который обнимаетъ собою время цѣлаго столѣтія, характеризуетъ цѣлыя двѣ великія эпохи.... Но объ этомъ послѣ. Съ этой точки зрѣнія, книга получаетъ внутреннее единство въ замѣнъ внѣшняго, котораго недостаетъ ей; она объясняется смысломъ, который лежитъ во всемъ произведеніи, воззрѣніемъ, которымъ оно проникнуто....

По поводу охотническихъ сочиненій г. Аксакова, по поводу «Записокъ Ружейнаго Охотника», «Записокъ оубуженья», «Рассказовъ и Воспоминаній Охотника», довольно было толковано о внѣшнихъ качествахъ художественнаго изложенія, которыми авторъ владѣетъ въ высокой степени, — о теплотѣ чувства, о простотѣ и естественности рассказа, о живости и наглядности въ описаніяхъ. Но намъ кажется, что всего менѣе сказано было о достоинствѣ автора болѣе внутреннемъ, болѣе главномъ, среди настоящей литературы болѣе драгоцѣнномъ. Мы говоримъ о достоинствѣ общаго художественнаго воззрѣнія, положеннаго въ его произведеніяхъ. Между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, это-то достоинство и придастъ его произведеніямъ такую чистую художественность, ему-то и обязанъ авторъ такимъ огромнымъ успѣхомъ. Успѣхъ въ самомъ дѣлѣ былъ колоссальный. Мы не говоримъ уже о томъ рѣдкомъ, почти безпримѣрномъ единодушнѣ похвалѣ, съ какимъ встрѣчепы

были «Записки Ружейнаго Охотника» и другія двѣ книги. Это единодушіе можно, пожалуй, объяснить и причинами не совсѣмъ литературными. Удочка, ружье съ лягавой собакой такой невинный, безобидный предметъ, не трогающій ничьего литературнаго самолюбія, не задѣвающій ничьего литературнаго миѣнія! Но мы хотимъ указать на невольное признаніе, которое выразилъ собою фактъ нашей литературной производительности. «Записки Ружейнаго Охотника» вызвали въ слѣдъ за собою намѣренныя и ненамѣренныя подражанья. Явились цѣлыя книги, посвященныя тому же самому предмету, почти съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ. Въ мелкихъ литературныхъ произведеніяхъ совсѣмъ другаго содержанія стала появляться рѣдкая доселѣ въ нашей литературѣ дичь, — мы говоримъ о дичи въ самомъ простомъ, буквальномъ значеніи этого слова. Имѣемъ основаніе думать, что самъ Гоголь, читавшій Записки Ружейнаго Охотника въ рукописи, поддавался этому вліянію. «Вблизи ли ладилось сельское дѣло, — его глаза глядѣли дальше; вдали ли производилась работа, — они отыскивали предметы поближе или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногий мартынь, разумѣется, птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли съ любопытствомъ, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая глотать или неглотать, и глядя въ тоже время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынь, еще не поймавшій рыбы, по глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Или же бросивъ обоихъ мартыновъ съ извивомъ рѣки, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову къ верху, къ пространствамъ воздушнымъ, предоставляяль онъ обонянію впитать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенья, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Бьетъ переспелъ во ржи, дергается въ травѣ дергунъ, урчатъ и чирикаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и звонами трубъ отдается

турлыканье журавлей, строящих треугольники свои въ небесахъ, и откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность.... Творецъ! какъ еще прекрасенъ твой мѣръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ большихъ дорогъ и городовъ.» Какъ слышно въ этомъ отрывкѣ изъ второй части Мертвыхъ Душъ, не скажемъ, подражанье,—это значило бы оскорбить великаго писателя самымъ грубо-несправедливымъ подозрѣньемъ, но впечатлѣнїе, подъ которымъ онъ написанъ, не смотря на сохраненїе всей своеобразной гоголевской оригинальности, видной особенно въ рассказѣ о двухъ мартынахъ, мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы! Что касается лично до насъ, самое первое чтенїе этого мѣста живо напомнило намъ описанїе лѣсной дичи въ Запискахъ Ружейнаго Охотника. «На вѣтвяхъ деревь, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ, и вообще въ лѣсу, живутъ цестрыля, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ; токують глухіе и простые тетерева, пищать рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябья кукушки, постукиваютъ, долбя деревь, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещать сойки, свистели, лѣсные жаворонки, дубоноски, и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ....» Совершенно однимъ и тѣмъ же воздухомъ вѣетъ въ томъ и другомъ описанїи! Въ послѣдствїи нѣкоторыя обстоятельства подтвердили наше предположенїе о вліяніи на Гоголя Записокъ Ружейнаго Охотника и обратили его въ положительную увѣренность; можетъ быть когда-нибудь ихъ сдѣлаютъ извѣстными публикѣ, и она увѣрится въ свою очередь.... Итакъ, чему же авторъ обязанъ такимъ успѣхомъ? Неужели одной виѣщней художественности изложенїя? И ей позавидовалъ будто оригинальнѣйшїй изъ художниковъ? Неужели новости предмета? Бѣдный Гоголь! Въ числѣ прочихъ, кажется, онъ самъ предполагалъ, что тайна прелести, увлекшей его въ Охотничьихъ Запискахъ, заключается собственно въ самихъ куличкахъ,

тетеревахъ и прочихъ птицахъ и птичкахъ, изображенныхъ авторомъ; но онъ ошибался вмѣстѣ съ прочими.

Красота есть выражение внутренняго во внѣшнемъ; красота есть жизнь, поелику собственно только живое выражаетъ въ своемъ внѣшнемъ свое собственное внутреннее. Красота, наконецъ, по преимуществу, есть человѣческое, потому что высшая жизнь, жизнь въ собственномъ смыслѣ, жизнь съ внутреннимъ самоопредѣленіемъ, свободная принадлежитъ среди насъ только человѣку.... Но да не подумаютъ читатели, что мы хотимъ излагать здѣсь свою или готовую уже теорію прекраснаго. Боже насъ упаси на сей разъ отъ всякихъ, своихъ или чужихъ теорій, отъ всякой, своей или заимствованной учености! Мы хотимъ здѣсь только сказать, что внѣшняя природа, какъ всякая внѣшность вообще, сама по себѣ—довольно бѣдная красота. Иль нѣтъ, безконечно прекрасенъ Божій міръ, какъ безконечна глубочина и разнообразна его жизнь. Но по самой своей глубинѣ, эта жизнь, а вмѣстѣ съ нею и красота для насъ мало постижима и почти недоступна. Мы постигаемъ въ природѣ внутреннее, какъ законъ, придуманный нашею головою, какъ силу, навязанную ей нашимъ соображеніемъ, слѣдственно понимаемъ и чувствуемъ, какъ нѣчто внѣшнее, а не какъ просвѣтъ внутренняго, постигаемый и ощущаемый въ самомъ представляющемся явленіи, слѣдственно, какъ отвлеченное, а не какъ живое. Предъ нами собственно одна только механическая сторона явленій, связанныхъ между собою простою связью сосѣдства и преемства, и слѣдственно предъ нами только внѣшніе признаки жизни, — разнообразіе и движеніе, — только отвлеченные признаки красоты, — линіи, краски, звуки, правильность, симметрія, гармонія. Но и эта бѣдная, отвлеченная красота насъ утомила бы, еслибъ мы не дополняли ее своимъ воображеніемъ, не связывали искусственно ея жизни съ своею жизнію. Холодно, мрачно и скучно смотреть на васъ по прекрасному плану выстроенный, но совсѣмъ нежилой домъ. Безконечно пошла и пустъ, и наконецъ гадокъ покажется вамъ городъ съ правильно парѣзанными улицами, съ симметрично расположенными домами и окнами, со всею гармоніею въ

своемъ внѣшнемъ устройствѣ, если за всѣмъ этимъ вы не слышите жизни, или слышите самую жизнь, исполняемую, какъ машина. То же самое и во всей природѣ, въ большихъ размѣрахъ. Мы помогаемъ ей бѣдному выраженію, переносимъ въ нея явленія смысла собственной жизни, въ ея дѣйствіяхъ воображая человѣческія чувства и дѣйствія, словомъ,—объясняя себѣ ея иѣмую жизнь воплоти понятною намъ собственной жизнію; или же, просто смотря на нее, какъ на обстановку нашей жизни, какъ на міръ, которымъ окружена, чѣмъ возбуждается и куда постоянно исходитъ наша дѣятельность. Все это вещи слишкомъ извѣстныя, и мы искренно просимъ прощенья у своихъ читателей за ихъ повтореніе. Но намъ кажется, что ихъ слѣдуетъ повторить; нужно пояснить, что тайна прелести охотничьихъ записокъ заключается собственно не въ ихъ предметѣ и не въ одной внѣшней художественности изложенія, словомъ,—не въ куличкахъ и тетеревахъ, и не во всей природѣ, самой по себѣ художественно предъ нами воспроизведенной, но въ томъ чувствѣ, съ какимъ относится къ природѣ авторъ,—въ самомъ воззрѣніи; что это воззрѣніе есть воззрѣніе на жизнь; и что именно самою художественностью воспроизведенія природы предполагается, что предъ нами воспроизведена собственно не сама природа, а жизнь, соприкасающаяся съ природой.

Но скажете вы: въ чемъ же состоитъ это воззрѣніе, составляющее достоинство нашего автора и дающее его произведеніямъ такую чистую художественность? Спѣшимъ успокоить опасенія тѣхъ господъ, которые боятся, что похвалю г. Аксакову унижается достоинство прочихъ нашихъ писателей; мы не станемъ употреблять, говоря о г. Аксаковѣ, словъ: эпоха, школа, идеалы. Это слова слишкомъ громкія, слишкомъ почтенныя, подчасъ слишкомъ неопредѣленныя; правду сказать, они сюда и не годятся. Мы воспользуемся лучше уже готовымъ, прежде насъ сдѣланнымъ опредѣленіемъ, которое таится въ признаніи особености впечатлѣнія, производимаго охотническими сочиненіями автора. По поводу Записокъ Ружейнаго Охотника, однимъ изъ нашихъ писателей, который самъ имѣетъ въ

запасъ много художественнаго такта, было замѣчено, что эта книга производитъ на читателя впечатлѣніе тихаго успокоенія, какъ дѣйствіе чистаго, свѣжаго воздуха, какъ видъ безмятежнаго спокойствія природы: улегаются страсти, умолкаютъ сердечныя тревоги, затихаютъ безпокойныя эгоистическія движенія. Конечно, эта высшая похвала, какую только можно сдѣлать искусству: ибо искусство и должно успокаивать, а не раздражать наше чувство. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что ея довольно вѣрно, хотя и вѣтшнимъ образомъ, схвачено существо дѣла; стоитъ только, вмѣсто собственныхъ впечатлѣній, указать самую вещь, назвать самое качество въ книгѣ, которое производитъ эти впечатлѣнія, — перевести отзывъ съ языка ощущеній на языкъ мысли. Если мы скажемъ, что въ произведеніяхъ нашего автора находимъ безпристрастное сочувствіе къ народной жизни въ высшемъ ея смыслѣ, отсутствіе отвлеченности и условности въ воззрѣніи, стремленіе художественно примирить высшія начала жизни съ формами народной дѣйствительности: мы скажемъ тоже самое, что и упомянутой отзывъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ укажемъ художественное воззрѣніе, которое, по нашему мнѣнію, придаетъ особенное достоинство произведеніямъ автора. Читатели, конечно, вправѣ пожаловаться на излишнюю общность, отвлеченность, можетъ-быть даже неопредѣленность нашего опредѣленія, — и потребуютъ объясненій. Мы готовы дать ихъ, на сколько возможно, чтобъ не впасть при этомъ въ сухой педантизмъ, противный намъ не менѣе, чѣмъ нашимъ читателямъ, и на сколько дозволить крайне запутанная, еще не установившаяся русская терминологія.

Въ основѣ искусства лежитъ художественное пониманіе истины. Мы сказали: истина, — и боимся недоразумѣній за это прекрасное слово. Если мы говоримъ объ истинѣ, то разумѣемъ не простую фактическую истину, что така-то дыня съѣдена такого-то числа, и при семъ присутствовалъ такой-то, равно и не отвлеченный законъ, слѣпо и неизмѣнно повторяющійся при явленіяхъ, какъ напримѣръ дважды два четыре. Мы разумѣемъ истину, во первыхъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ истину человеческой жизни:

ибо содержаніе искусства есть прекрасное, а доступное намъ прекрасное, какъ уже говорено было выше, по преимуществу и почти исключительно есть человѣческое. Во вторыхъ, по тому самому, что содержаніе искусства есть прекрасное нашей жизни, истина, о которой мы говоримъ, должна быть понимаема, не какъ отвлеченно представленный ходъ самой этой жизни, или что то же, не какъ порядокъ явленій жизни, возведенный въ общую формулу. Признаемся, мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ того умозрѣнія, по которому весь міръ есть не что иное, какъ простая цѣпь логическихъ понятій, — ни къ тѣмъ, которые, отвергнувъ или совѣмъ не зная этого умозрѣнія, остаются въ понятіяхъ объ искусствѣ при его выводахъ, приводящихъ подъ конецъ все-таки къ тому же все обезразличивающему началу. Если наша жизнь есть жизнь свободная и сознательная, словомъ — нравственная, то и истина ея должна быть понимаема, какъ свободное ея нравственное согласіе съ своимъ высшимъ, общимъ для всего человѣчества духовнымъ началомъ; слѣдовательно, не какъ *естественность* или *дѣйствительность*, въ самомъ простомъ, обыденномъ значеніи этого слова, не какъ согласіе явленій съ общимъ своимъ порядкомъ, согласіе, само по себѣ совершенно пустое и бессмысленное, не имѣющее никакого значенія для внутренняго смысла жизни, потому что понятіе объ этомъ порядкѣ снимается нами съ этихъ же самыхъ явленій, — мы принимаемъ за законъ жизни собственную свою, отвлеченно составленную логическую формулу. Но она скорѣе должна быть понимаема, какъ *нормальность* жизни, какъ правда, какъ чистота, какъ просвѣщеніе, словомъ, — повторимъ опять наши прежнія выраженія, — какъ свободное подчиненіе жизни высшимъ, общимъ для всего человѣчества духовнымъ началамъ. Содержаніе искусства въ этомъ случаѣ конечно тоже, что и содержаніе науки: ибо и наука обязана представить намъ эту норму въ голомъ понятіи. Но искусство видитъ истину въ ея осуществленіи, живую, въ формахъ, выработанныхъ самою жизнью. Этими-то и налагается на него уже требованія естественности. Силою фантазіи ху-

дожникъ извлекаетъ изъ готовыхъ, доставляемыхъ ему опытомъ, безчисленно разнообразныхъ формъ жизни тѣ, въ которыхъ въ частномъ и разбросанномъ видѣ находятъ постигаемое имъ прекрасное; сводитъ ихъ въ цѣлостные образы, и творитъ такимъ образомъ свои созданья. Безконечно разнообразныя внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ ставится жизнь, и которыми условливается проявленіе ея истины, даетъ искусству тѣмъ самымъ возможность и обязанность безконечно разнообразить и свои созданья, и въ тоже время творить только относительно прекрасное. Заключая въ глубочайшемъ своемъ содержаніи общечеловѣческую истину, оно становится по формѣ своей народнымъ, выражаетъ съ своихъ созданьяхъ характеръ времени, мѣста, ипогда даже привычки немногочисленнаго класса людей. Осуществляя высшіе, духовные интересы, оно представляетъ ихъ среди интересовъ мелкихъ и эгоистическихъ, среди всѣхъ препятствій, какія поставляетъ внѣшняя жизненная обстановка ихъ широкому развитію,— въ борьбѣ, палающими и торжествующими. Но тѣмъ не менѣе, истинно-прекрасное всегда присуще сознанію художника. Оно даетъ ему одушевленіе; оно кладетъ смыслъ въ его созданья; оно возбуждаетъ къ нимъ участіе зрителя или читателя, извлекая изъ него слезы или смѣхъ, смотря потому, воспроизводится ли предъ нимъ мелочь жизни, или борьба положительныхъ, высшихъ общечеловѣческихъ интересовъ.

Посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія на нашу изящную литературу. Мы не хотимъ пускаться здѣсь въ подробное ея историческое обозрѣніе, хотя можетъ-быть теперь-то именно и время освѣжить заснувшую мысль живымъ воззрѣніемъ на прошедшее. Напомнимъ только о томъ, что литература, наша изящная литература явилась у насъ вмѣстѣ съ западной цивилизаціей, послѣ великаго петровскаго переворота и какъ произведеніе этого переворота. Это происхожденіе ея должно было рѣшить характеръ ея будущаго художественнаго воззрѣнія. Истиною жизни, истиною нашей народной жизни, желаемымъ прекраснымъ должна была явиться для нея цивилизація: ци-

вилизация должна была имѣть и дѣйствительно имѣла для нея значеніе человѣчности, просвѣщенія, словомъ—духовнаго, общечеловѣческаго интереса. Итакъ это понимаемое ею прекрасное нашей жизни должна была она осуществить въ художественно-живыхъ образахъ. Но что же, какія формы для выраженія своего прекраснаго нашла она въ окружавшей ее дѣйствительности, принимаясь, какъ и слѣдовало, быть художественнымъ воспроизведеніемъ нашей народной жизни? Съ ея точки зрѣнія, предъ нею были только нравственные уроды, грубые чурбаны, лишенные общечеловѣческихъ чувствъ, безъ необходимаго человѣческаго просвѣщенія. Можетъ-быть, если бы она посмотрѣла на готовые предъ нею формы дѣйствительности съ другой точки зрѣнія, она нашла бы и въ этихъ дикихъ звѣряхъ, и въ этихъ бессмысленныхъ чурбанахъ развитіе высшихъ духовныхъ интересовъ. Но искусство не хотѣло и не могло смотрѣть съ иной точки, кромѣ какъ съ принятой уже, условной и отвлеченной. Мы назвали эту точку зрѣнія отвлеченной,—и понятно почему. Западное образованіе для жизни и для искусства было еще только предметомъ стремленій; оно не проникло въ жизнь, существовало еще только, какъ отвлеченная сентенція, какъ заданное, но еще не исполненное правило. Въ то же время эта точка была и условна. Западная цивилизація хотя и заключала въ себѣ, въ глубинѣ своей, истину, интересъ высшій, общечеловѣчскій, но сама по себѣ она не была ни истиною, ни чѣмъ либо общечеловѣческимъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она входила къ намъ, — въ видѣ иноземнаго быта, — она была уже готовою формою человѣчности и просвѣщенія, выработанною на чуждой намъ почвѣ. Итакъ, при неоспоримой внутренней истинѣ, по внѣшности своей, или лучше сказать, сама по себѣ она была ложью для нашей жизни. Въ слѣдствіе того искусство у насъ при самомъ началѣ своемъ явилось въ безобразномъ раздвоеніи. Все, что воспроизводила фантазія художника подъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на жизнь, было живо, художественно, пластично; но все прочее оставалось отвлеченною, бесплодною мыслию, фразерствомъ,

голымъ желаніемъ, выраженнымъ въ формѣ сентенціи, хотя бы и вложеннымъ въ живую по видимому личность. Таковъ былъ характеръ литературы всего прошлаго столѣтія. Сатиры, произведенныя тѣмъ временемъ, доселѣ читаются съ удовольствіемъ; нѣкоторыя изъ нихъ, — мы указываемъ на примѣръ на помѣщенные въ Живописецѣ письма невѣжественныхъ родителей къ своему сыну, — и въ теперешнее время сдѣлали бы честь любому нашему художественному таланту; но мы засыпаемъ на чтеніи самыхъ громкихъ, самыхъ знаменитыхъ въ то время одъ. Лучшимъ представителемъ этого раздвоенія искусства и его относительнаго безсилія служить по нашему мнѣнію Фонъ-Визинъ. Сколько ни станемъ приписывать раздвоенія его комедій, въ которыхъ рядомъ съ живыми, пластично созданными личностями являются ходячія сентенціи, вліянію французскихъ драматурговъ, еще болѣе имѣло вліянія на его комедію самое положеніе искусства съ чуждымъ жизни возрѣніемъ на жизнь. Если хотите, всѣ эти Правдины, Стародумы и Милоновы были даже вѣрны дѣйствительности. Цивилизація съ своимъ общечело вѣскимъ значеніемъ была у лучшихъ людей только на словахъ, и оставалась неприложимою, не проникала въ жизнь, или расходилась только поверхъ ея. Какъ голая фраза, какъ отвлеченное правило, она жила только въ ихъ головѣ, пожалуй, если хотите, даже въ ихъ сердцахъ, какъ искреннее убѣжденіе; но когда дѣло доходило до приложенія ея къ безчисленно своеобразнымъ особенностямъ нашего быта, она ни въ чемъ живомъ не выражалась, ибо, отъи въ принятая, оставалась виѣшнею, доколѣ не бросалъ человекъ рѣшительно уже весь свой прежній бытъ, привязывавшій его къ родной землѣ, не забывалъ окончательно своего языка, своей вѣры, всего своего образа жизни, не пересаживался совершенно весь, со всѣмъ своимъ существомъ, на чужую почву, въ чужую жизнь со всѣми ея безчисленными особенностями.

Эта первоначальная уродливая двойственность нашего искусства, его внутренній разладъ вѣрно угаданы и выражены были нашею литературою въ слѣдующій ея пері-

одъ. Жалкая односторонность нашего искусства была понята; неестественность, нехудожественность фразерства была сознаана. И вотъ, современно съ тѣмъ, какъ въ верхнемъ слоѣ общества, исключительно доставлявшемъ матеріалъ для сатиры, блѣднѣе и слабѣе становились остатки стараго быта, по темному чутью искусство наше обратилось за прекрасными образами туда, откуда получило оно свой первоначальный паспортъ. вмѣстѣ съ переводами нѣмецкихъ, англійскихъ и итальянскихъ поэтовъ, стали являться у насъ и собственные произведенія на тотъ же иностранный ладъ. Мы пѣли баллады и романсы, воспѣвали средніе вѣка и нѣмецкихъ бароновъ, даже—увы!—нѣмецкое филистерство. Обращались мы изрѣдка и къ своей родной почвѣ; но что же мы съ нею дѣлали? Въ нашей природѣ, однообразной и суровой, мы искали величественно-грозныхъ явленій Швейцаріи или разнѣживающаго итальянскаго неба. Обращались мы и къ своему прошлому, и дѣлали даже это не безъ удовольствія, ибо ложь, накинутая на далекое, малозвѣстное прошедшее, не такъ видна, какъ если обратить ее на современную, предъ глазами стоящую дѣйствительность. Но что же мы дѣлали съ своею исторіею? Мы и тамъ искали тѣхъ же рыцарей; и въ ту эпоху влагали тѣ же романтическія чувства. Поэзіи удавалось въ этотъ періодъ слагать произведенія дѣйствительно художественныя; создавались иногда личности положительныя прекрасныя. Но онѣ были намъ чужія, и поэзія не имѣла ни малѣйшаго характера народности.

Пушкинъ былъ первымъ народнымъ поэтомъ. Разумѣется, мы вовсе не думаемъ входить здѣсь въ опредѣленіе художественной заслуги Пушкина вообще; скажемъ только о художественномъ сознаніи смысла нашей народной жизни, на сколько отразилось оно въ его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ прочихъ, Пушкинъ былъ эпохою въ нашей литературѣ. Его время было временемъ, когда въ нашей жизни уже исчезли окончательно всѣ угловатости бывшаго разлада однѣхъ формъ съ другими. Цивилизація успѣла къ намъ проникнуть, успѣла даже кое-какъ слиться и помириться съ формами народнаго быта.

Но уничтоженіе угловатости породило въ тоже время пошлость,—естественное слѣдствіе неорганическаго смѣшенія двухъ противоположныхъ формъ, гдѣ та и другая потеряла свои характеристическія особенности, и чрезъ то потеряла внутренній смыслъ и внутреннюю истину, лежавшія въ нихъ, и гдѣ человѣкъ сдѣлался не болѣе, какъ носителемъ одной пустой формы, одною виѣшностію. Поэзія Пушкина,—это была поэзія игривая и беззаботная: по силѣ самаго хода жизни, отрѣшившись отъ прежняго исключительнаго отрицанія, признавъ самостоятельность жизни, искусство остановилось на томъ и не пошло далѣе. Художественною кистью поэтъ рисовалъ все, что ему попадалось подъ руку, безъ ярко очерченныхъ духовныхъ интересовъ, безъ опредѣленно — выдержанныхъ нравственныхъ стремленій. Въ прекрасно-художественной формѣ, съ сочувствіемъ отстаивая права жизни, права факта, права личности, онъ не покорялъ въ всемъ поэтическомъ представленіи жизнь ея высшей нравственной, тѣмъ менѣе—религіозной истинѣ, не возводилъ личныхъ проявленій къ высшимъ духовнымъ началамъ. Касался ли онъ современной пошлости, она выходила изъ-подъ его пера такъ, какъ она есть, во всей ничтожности, — и за нею ничего болѣе: вы не слышите за нею нравственнаго суда, не чувствуете самостоятельнаго взора, устремленнаго на нее поэтомъ, и не знаете, устремлялъ ли онъ его; среди этой пошлости, рядомъ съ нею и въ ней самой нѣтъ ни одной успокоивающей, примиряющей съ жизнью черты. Подходилъ ли поэтъ къ личностямъ, хотя и пошлымъ, но уже болѣе развитымъ, нежели совершенное ничтожество, въ дѣятельности которыхъ уже проблеснулъ лучъ сознанія, онъ рисовалъ намъ апатію, безучастіе къ жизни.... Окончательное выясненіе этого безучастія принадлежитъ уже Лермонтову. Его Печоринъ—пошлость, но уже съ гораздо развитымъ, или лучше, съ единственно развитымъ сознаньемъ; это—безучастіе къ жизни, порожденное чувствомъ неудовлетворимости и сопровождаемое чувствомъ презрѣнія. Пошлость жизни не удовлетворяетъ его, и онъ ее презираетъ; но онъ презираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что дорого и священно человѣку; презираетъ

не во имя каких-либо высших духовных интересов, которых у него совѣтъ нѣтъ, а во имя собственного эгоизма, вслѣдствіе именно этой-то своей пустоты, совершеннаго внутренняго ничтожества. И какой грустный, безотраднѣйшій смыслъ получаетъ жизнь подъ перомъ поэта, давашаго въ своемъ романѣ торжество этой совершенно пустой внутри личности! Но къ счастью, это торжество далеко не дѣйствительность.

Таже пошлость жизни является содержаніемъ произведеній Гоголя. Но глубже взглянувъ на нее художникъ; не съ беззаботною игривостію сталъ онъ рисовать ее, и не во имя голаго эгоизма заклеилъ ее презрѣніемъ. Наступила пора, что художественное сознаніе взглянуло въ свою очередь на жизнь, принявшую цивилизованныя формы, съ тою же строгостію, съ какою въ прежнее время обращались къ жизни, не тронутой цивилизаціей, и спросило: какъ прекрасно ея желаемое прекрасное? Осуществляются ли въ его осуществленіи общечеловѣческіе, высшіе духовные интересы, въ этой условной человѣчности — истинная человѣчность, въ условныхъ формахъ просвѣщенія—истинное общечеловѣческое просвѣщеніе? Нѣтъ нужды говорить, съ какою развѣдающею горечію раздался среди насъ этотъ смѣхъ съ затаенными внутри слезами, и не станемъ упоминать, какъ высоки, какъ всеобще-человѣчески нравственныя начала, слышныя въ этихъ слезахъ, за этимъ смѣхомъ. Сравните-жъ теперь съ произведеніями Гоголя упомянутыя нами сатиры Живописца: не одни и тѣже ли приемы? Но какъ измѣнилось направленіе художественнаго воззрѣнія, какъ далеко отошло сознаніе!

Спрашиваемъ: въ эту уже почти современную намъ эпоху, у трехъ почти современныхъ намъ поэтовъ есть ли хоть одна личность, художественно воспроизведенная предъ нами съ положительнымъ, безпристрастнымъ сочувствіемъ? Художественно представленъ ли предъ нами хоть одинъ уголокъ жизни, гдѣ бы мы видѣли осуществленіе высшихъ духовныхъ интересовъ, относительно-полную гармонію явленій съ высшими нравственными началами? Мы не говоримъ о произведеніяхъ, содержаніе которыхъ относится

къ далекому прошлому. Разсуждать здѣсь о значеніи историко-художественныхъ произведеній намъ нѣтъ цѣли: можемъ сказать только мимоходомъ, что по нашему мнѣнію Тарасъ Бульба представляетъ такую глубину и полноту художественно воспроизведеннаго смысла, до которой достигали рѣдкіе изъ поэтовъ. Но мы спрашиваемъ о произведеніяхъ, относящихся къ современной или близкой къ намъ дѣйствительности: что въ ней представлено было намъ положительно прекраснаго? Были изображены предъ нами лица съ сочувствіемъ, но кто они? Ленскій, существо жалкомечтательное и безхарактерное. Татьяна, съ глубокой, самой по себѣ, природой, но все-таки пустая, — сначала пустая по своей любви, обращенной къ ничтожному лицу, и потомъ пустая, по желанію рисоваться, допущенному въ выраженіе истины чувствъ. Акакій Акакіевичъ — жертва, выставленная только для большей силы отрицанія. Во второй части Мертвыхъ Душъ губернаторъ и откупщикъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь, — ходячія сентенціи. Если хотите, были предъ нами личности съ положительными проявленіями высоко-человѣческаго. Максимъ Максимычъ — лице, положительно высокое, но на которое, по аристократическому чувству, Печоринъ смотритъ свысока и осмѣливается презирать его, а за нимъ и авторъ обращается съ обидной снисходительностью. Въ Старосвѣтскихъ помѣщикахъ затронуты проявленія чувствъ высоко-человѣческихъ въ формахъ самаго простаго быта, — но за то рядомъ какая пустота или лучше совершенное отсутствіе высшихъ интересовъ! Если прибавить къ упомянутымъ тремъ поэтамъ Грибоѣдова, — есть и у него Чацкій, съ высшими, но не признанными интересами, этотъ Правдинъ нашего времени, интересъ котораго на языкѣ, но безъ способовъ и умѣнья къ ихъ осуществленію, слѣдовательно бесплодный фразеръ, хотя и честный человѣкъ. Чтожъ за тѣмъ предъ нами остается? Капитанская Дочка.... пожалуй, портретъ Гоголя, и нѣсколько эпизодическихъ мѣстъ Мертвыхъ Душахъ и Невскомъ Проспектѣ.... Но Боже мой, что же это за ничтожная капля въ морѣ? Что значитъ эта малочисленная группа предъ Онѣгинимъ, Нулинымъ, Загорѣцкимъ и Фа-

мусовымъ съ братією, Печоринымъ, Чичиковымъ, Маниловымъ и всею многочисленною ватагою пошлости? Не должны ли мы сознаться, что искусство наше ограничивалось доселѣ однимъ отрицаіемъ, — голымъ отрицаіемъ во имя отвлеченной, условной истины въ самомъ своемъ началѣ, полнымъ безучастіемъ въ слѣдующій періодъ, отрицательнымъ, безразлично-широкимъ сочувствіемъ въ Пушкинѣ, и наконецъ столь же голо, какъ встарь, хотя и болѣе разумно, во имя высшей истины, но все-таки во имя отвлеченно-сознанной истины проведеннымъ отрицаіемъ у Гоголя? Понятно намъ послѣ того, почему у насъ невозможенъ былъ романъ, почему тѣмъ болѣе невозможна и смѣшна драма, а была и есть только комедія: литература, идя по обычной колеѣ, не могла въ формахъ народной дѣйствительности найти серьезной интриги, тѣмъ болѣе — серьезной борьбы. Понятно, почему, повинувась отсутствію интриги и борьбы, искусство возвысилось до художественнаго воспроизведенія одинокихъ личностей, но не возвышалось до художественности въ изображеніи всѣхъ вообще серьезныхъ столкновеній. Понятно послѣ того, почему и какъ исключительная типировка лицъ привела наконецъ къ безобразію такъ называемой натуральной школы, къ ниспадению искусства въ ремесло, и наконецъ къ обезображенію самаго понятія объ искусствѣ, къ освященію этого самаго ремесла названіемъ искусства. Понятно послѣ того, что литература оставляла одно грустное, раздражающее впечатлѣніе. И наконецъ понятно, если хотите, что въ выходкахъ противъ Гоголя, какія дозволяло себѣ тупоуміе и личный задоръ, была доля правды. Не говорите намъ, что творчество свободно, что художникъ воленъ извлекать изъ дѣйствительности все, что угодно для его своенравной фантазіи, и хорошее, и дурное, и что глина равно какъ и мраморъ, можетъ служить матеріаломъ для прекраснаго созданья. Мы не споримъ противъ свободы творчества, не споримъ противъ произвола художника, согласны безъ сомнѣнія, что равно чудны стекла, озвращающія солнца и передающія движенія не замѣченныхъ насѣкомыхъ, преклоняемся предъ художествен-

нымъ гениемъ нашихъ великихъ поэтовъ. Но мы говоримъ объ односторонности народнаго искусства, споримъ противъ односторонности въ его воззрѣнїи. Художникъ въ правѣ останавливаться надъ грязными явленіями жизни, но народное искусство, все—шѣло, взятое не должно быть выраженіемъ одной грязи, иначе оно перестаетъ быть искусствомъ въ высшемъ значенїи этого слова, лишено полнаго художественнаго пониманїа истины. Гоголь живѣе, чѣмъ кто-либо понималъ нравственныя требованїа отъ искусства, глубже, чѣмъ кто-либо чувствовалъ необходимость положительно-прекрасныхъ образовъ для своихъ произведенїй, и его авторская исповѣдь, равно какъ и попытки во второй части Мертвыхъ Душъ, служатъ тому доказательствомъ. Но онъ ошибался въ своемъ личномъ призванїи, не понималъ необходимой, разумной односторонности своихъ произведенїй, не зналъ, что воззрѣнїе художнику даетъ само время, сама жизнь, и что искусство въ оидѣльномъ народѣ, какъ и все на свѣтѣ, доходитъ до полнаго своего цвѣта постепенно, выражая сперва въ себѣ то одну, то другую сторону жизни, и слѣдуя въ этомъ собственному ея откровенью; онъ забылъ, что не въ силахъ самъ собою вполне раздвинуть тѣсный кругозоръ нашего искусства, видѣвшаго и бравшаго жизнь только въ точкѣ соприкосновенїа ея съ иноземнымъ бытомъ.... Онъ хотѣлъ опередить время,—широко развитое личное сознанье хотѣло вынудить у фантазіи то, чего не доставлялъ ей ни видимый бытъ, ни сознанїе общества: — и онъ палъ жертвою борьбы съ собственнымъ талантомъ, жертвою честнаго недоразумѣнїа. Поклонимся его могилѣ и пожалѣемъ о его ошибкахъ!

Рядомъ съ изображенїемъ живой дѣйствительности шло у насъ согласное съ нимъ и изображенїе обстановки жизни, природы. Найдите намъ хоть одно описанїе, гдѣ бы свѣтилось полное сочувствїе къ природѣ, совершенное, услажденїе ею, ничѣмъ не возмущаемое, — гдѣ бы не было положено отрицанїа на природу, или не отражалось бы отрицанїе, положенное на жизнь. Что касается до насъ, признаемся откровенно, что, кромѣ описанїй собствен-

по малороссійской природы у Гоголя, изъ всего читаннаго не осталось въ нашей памяти ни одного успокоивающаго образа, разумѣется, художественнаго,—ни одного художественнаго же описанія, въ которомъ бы являлось вполнѣ удовлетворенное воззрѣніе на природу. «Въ деревнѣ скучно, грязь, несчастье, осенній дождь, да мелкій снѣгъ, да вой волковъ», говоритъ Пушкинъ о нашей природѣ, «въ послѣднихъ числахъ сентября, презрѣнной прозой говоря». «Бѣдна природа въ тебѣ», восклицаетъ обращаясь къ Руси Гоголь, «не развеселятъ, не испугаютъ взоромъ дерзкія ея дива, вѣчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многочисленными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ дома, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди ровнинъ невысокіе твои города; ни что не обольститъ и не очаруетъ зора». Вотъ болѣе или менѣе общая тема, которую повторяли всѣ въ описаніяхъ природы: — пустынно, скучно, однообразно! Если являлись описанія, набросанныя съ сочувствіемъ, — онѣ были отвлеченны, и слѣдовательно не художественны. Таково, напримѣръ, начало третьей главы Онѣгина, гдѣ въ прекрасныхъ стихахъ предлагаются только общія мѣста,—лугъ, поле, стадо, цвѣты и наконецъ «огромный запущенный садъ, пріютъ задумчивыхъ дріадъ»;—недостаетъ сентиментальныхъ пастушковъ, чтобъ окончательно превратить описаніе въ риторическую, французскую идиллію XVIII вѣка. Или же картина прекрасной природы становилась рядомъ съ изображеніемъ грязной жизни, для контраста, и слѣдовательно въ дополненіе грустнаго впечатлѣнія, производимаго грязною вокругъ совершающеюся жизнію. Таково описаніе Плюшкинскаго сада,

само по себѣ съ сочувствіемъ отдѣланное, но единственно для того, чтобъ ярче выставить всю гадость такой твари, какова былъ—хозяинъ этого сада. Наконецъ съ сочувствіемъ бѣжалъ къ природѣ художникъ, но это—мѣсто отдохновенія для души разбитой, изнеможенной отъ безвыходнаго отрицанія, и въ тоже время гордой своимъ отрицаніемъ. Непріятно дѣйствуетъ на васъ въ такихъ описаніяхъ и самая прекрасная природа, какъ бы принявшая на себя болѣзненное дыханіе жизни. Она неприятна, какъ неприятна для васъ вещь, успокаивающая больного, но оставляющая на себѣ слѣдъ его болѣзненнаго прикосновенія;—сравненіе неприятное, но, по нашему мнѣнію, имъ вѣрно изображается самое дѣло.

Мы довольно уклонились отъ главнаго предмета. За то, надѣмся, теперь читателямъ понятіе будутъ наши выводы. И такъ, въ слѣдствіе самаго своего происхожденія слѣдуя необходимому закону въ своемъ развитіи и ходу самой жизни, литература наша до Гоголя включительно была подъ вліяніемъ отвлеченнаго, условнаго и большею частію отрицательнаго воззрѣнія на жизнь. Остается ли она и доселѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ того же воззрѣнія? Къ счастью, мы должны отвѣчать на это отрицательно. Въмѣстѣ съ завершеніемъ художческаго поприща Гоголя, подъ вліяніемъ безотраднаго впечатлѣнія, производимаго его героями, а еще болѣе подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго нелѣпыми, до бессмысленности дошедшими подражаніями ему,—сперва въ обществѣ, а потомъ и въ самой литературѣ возбудилось желаніе отыскать положительное содержаніе для нашего искусства, художественно примирить высшія духовныя начала съ осмѣянными, оплеванными, презрѣнными формами жизни. Въ искусствѣ явились частныя попытки отрѣшиться отъ голаго отрицанія, и въ слѣдствіе того измѣнить самую точку зрѣнія. Съ чувствомъ благодарности мы должны напомнить о нѣсколькихъ молодыхъ талантахъ, пошедшихъ впередъ по этой свѣжей неизмятой дорогѣ,—должны привѣтствовать эту зарю полнаго разсвѣта нашего искусства. Мимоходомъ сказать, наше

миѣніе таково, что литература у насъ далеко еще не со-
здалась,—общественное сознаніе еще не стоитъ вровень съ
самою жизнію. Она еще идетъ къ тому, и когда придетъ,
въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ будетъ отражать уже не
смыслъ народной жизни вообще, но смыслъ современной
жизни, ея историческіе моменты. Конечно мы не говоримъ
того, чтобъ наше искусство не стояло и теперь въ связи
съ нашею исторіею и не отражало ея въ себѣ. Оно отра-
жаетъ ее, и даже отъ того происходитъ особенный его
странный видъ, когда оно, еще не принявъ въ себя вполне
начала народной жизни, схватываетъ въ тоже время на
лету мимонесущіяся событія, порожденные тѣмиже са-
мыми началами, — представляетъ видъ какого-то экипажа
на трехъ колесахъ, не додѣланнаго и додѣлываемаго на
дорогѣ и въ тоже время несущагося быстро впередъ. Но
объ этомъ слишкомъ долго было бы распространяться. И
такъ намъ сильно хотѣлось бы назвать нѣсколько именъ,
которыя показываютъ новое, болѣе отрадное движеніе ли-
тературы. вмѣстѣ съ словомъ искренней благодарности, мы
сказали бы можетъ-быть одному о неполной выдержан-
ности, о колебаніи его воззрѣнія, съ добрымъ желаніемъ
побудить талантъ къ дѣятельности, вполне ему приличной
и его достойной. Мы высказали бы можетъ-быть другому
вмѣстѣ съ признаніемъ въ наслажденіи, которое доставили
намъ его произведенія, сожалѣніе о томъ, что при новомъ
воззрѣніи писатель не отрѣшился еще въ формѣ своихъ
произведеній отъ старыхъ пріемовъ, выработанныхъ пре-
жнимъ воззрѣніемъ и годныхъ только для него:—въ старыя
мѣха не вливаютъ новаго вина! Иному указали бы на из-
лишнее стремленіе къ картинности, въ иномъ замѣтили бы
склонность къ сентиментальности. Но мы удерживаемъ
себя на этотъ разъ. Указать имена, по нашему миѣнію,
значитъ взять на себя обязанность полного добросовѣстнаго
разбора и самыхъ произведеній. Но это отвлекло бы насъ
слишкомъ далеко отъ главной цѣли. Мы напомнили о но-
вовозникающемъ направленіи въ литературѣ единственно
за тѣмъ, чтобъ указать на писателя, которому посвященъ
нашъ разборъ, какъ на одного изъ лучшихъ его предста-

вителей, и за тѣмъ, чтобъ лучше пояснить достоинство, которому, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ обязать авторъ художественностію своихъ произведеній и которое было главною причиною его успѣховъ. Въ г. Аксаковѣ, по нашему мнѣнію, виднѣе нежели въ другихъ это возникающее отрѣшеніе искусства отъ прежней отрицательности, отвлеченности, условности воззрѣнія. Оно въ немъ гораздо выдержаннѣе и доходитъ даже до полнаго безпристрастія къ дѣйствительности, но безпристрастія сочувствующаго, желающаго въ каждомъ явленіи отыскать свѣтлую сторону, которую бы смягчалось впечатлѣніе, производимое его темною стороною. Читая произведенія г. Аксакова, вы не находите даже во внѣшнихъ приѣмахъ художника слѣдовъ прежняго исключительнаго, условнаго воззрѣнія на жизнь. Его юморъ добродушенъ; его негодование никогда не переходитъ въ эгоистическое презрѣніе или въ мертвое безучастіе; въ немъ нѣтъ невольнаго у другихъ желанія покрупище выставить и тщательнѣе выдѣлать попадающуюся подъ руки пошлость. Разумѣется, мы все это говоримъ только относительно упомянутаго нами воззрѣнія. Сравнивать г. Аксакова съ прочими нашими писателями, съ писателями повѣстей и комедій и проч. въ другихъ отношеніяхъ мы вовсе не думаемъ. Такое сравненіе и невозможно: между ними нѣтъ общаго. Хотя мы и признаемъ г. Аксакова художникомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, но не надо забывать, что его произведенія все-таки не суть чистый вымысль, чистое творчество, и въ этомъ отношеніи онъ не можетъ быть поставленъ на ряду съ другими художниками. Но относительно внутренняго воззрѣнія можемъ сравнивать г. Аксакова съ другими, и въ этомъ-то отношеніи говоримъ, что его воззрѣніе чище, выше и шире, нежели какое находимъ мы вообще у современныхъ писателей. И понятно, почему съ такимъ единомудріемъ увлеклись его произведеніями. Среди пошлости, ничтожества, пустоты прежде исключительно и доселѣ превмущественно изображаемыхъ лицъ и движеній, отрадно успокоить взоръ на лицахъ и движеніяхъ, полныхъ смысла, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни пошлости! Всею силою от-

дается душа этому новому, но близкому къ ней міру, съ участіемъ проживаетъ изображаемую предъ нею жизнь, среди знакомыхъ ей, но въ новомъ, утѣшительномъ свѣтѣ представленныхъ обстоятельствъ! И мимоходомъ отдадимъ честь нашей публикѣ, отдадимъ честь нашему литературному сознанию,—этому рѣдкому явленію единоклюбія, не заслоняемаго никакимъ мелочнымъ чувствомъ, этой свѣтлости взора, не засоряемаго никакими близорукими требованиями. Это доказываетъ, что, при всей насущной пошлости, при всей вошедшей въ кровь наклонности къ условному, презрительному отрицанью, въ насъ много нравственного чутья, много стремленія къ высшимъ духовнымъ интересамъ!

Авторъ прежде всего выступилъ предъ нами съ сочиненіями, посвященными охотѣ, съ «Записками объ Уженѣ», съ «Записками Ружейнаго Охотника», съ «Разсказами и Воспоминаніями Охотника.» Намъ кажется, что, издавая эти книги, авторъ самъ не вполне ясно чувствовалъ свое призванье. Онъ придавалъ книгамъ своимъ, какъ кажется, утилитарное значеніе. Объ этомъ свидѣлствуетъ вся постройка этихъ книгъ, и различіе перваго, болѣе сухаго изданья книги объ уженіи отъ втораго, болѣе поэтическаго. Но по нашему мнѣнію, собственно утилитарнаго значенія онѣ и не имѣютъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, въ книгахъ его много лишняго, много лишнихъ описаній, бесполезныхъ для охотника, не имѣющихъ прямой практической приложимости, и въ тоже время многого недостаетъ, чего могъ бы пожелать охотникъ, чтобы практически пользоваться книгою. Книга его,—мы говоримъ о лучшей, т. е. полнѣйшей по отношенію къ внутреннему воззрѣнію книгъ,—Запискахъ ружейнаго охотника, напротивъ имѣетъ, какъ замѣчено было уже и всѣми, вполне поэтическое значеніе. Она можетъ быть опредѣлена, какъ художественное воспроизведеніе безкорыстнаго соприкосновенія чловека съ природой. Такова собственно и есть охота. Она сама по себѣ есть прекрасное явленіе, какъ прекрасно всякое безкорыстное, одушевленное увлеченіе; она вдвойнѣ прекрасна, потому что не есть увлеченіе бездѣй-

ственное, она вся движеніе, вся борьба. Но успокоительно дѣйствуетъ на васъ видъ этой борьбы, ибо предъ вами нѣтъ сознаннаго, невиннаго страданія. Жертва борьбы—природа не сознающая и не свободная, не имѣющая нравственнаго значенія. Авторъ съ одной стороны описываетъ намъ природу, какъ одну изъ сторонъ, едва-было мы не сказали,—какъ одинъ изъ моментовъ этой борьбы. Съ художническимъ тактомъ онъ рисуетъ намъ ее на столько, на сколько нужно, чтобъ выступила она для возбужденія прекраснаго ощущенія. Онъ старается подмѣтить въ ней жизнь тамъ, гдѣ она замѣтна: слѣдуетъ за проявленіями любви въ селезняхъ, дупеляхъ, перепелкахъ, тетеревахъ, подмѣчаетъ всѣ ихъ движенія, въ которыхъ видно это чувство; описываетъ хитрость птицы,—осторожность гусей, охраняемыхъ своими ночными стражами, ловкость гоголя, ускользящаго отъ самой вѣрной руки и отъ самаго меткаго выстрѣла въ одинъ мигъ, по одному звуку спускаемаго курка, притворство утки, притворяющейся хромою и больною, лишь бы только защитить своихъ дѣтей, лишь бы только отвести отъ нихъ чуткую собаку и неумолимаго охотника, особенность стрепета, умѣющаго спрятаться около васъ самихъ, на той самой дорогѣ, по которой вы ѣдете, и обманывающаго васъ,—вольна или невольна, Богъ его знаетъ,—своимъ, какъ будто отдаленнымъ, а между тѣмъ очень близкимъ отъ васъ крикомъ.... Онъ возбуждаетъ участіе къ птицѣ, истребляемой охотникомъ, вводя васъ въ ея жизнь, приближая эту жизнь къ вашей жизни, заставляя ее дѣйствовать, чувствовать, почти даже мыслить по вашему. И такъ вотъ она, изображенная со всѣми способами къ борьбѣ, со всѣми орудіями обороны, со всѣми правами на ваше участіе. Выстѣтъ съ тѣмъ, ту же жизнь наносятъ онъ и на мертвую, бездушную природу, какъ на поприще этой борьбы. Дерево у него задумывается, бомото, какъ живое, колеблется подъ ногами или засасываетъ съ себя неосторожнаго охотника. «Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителинъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его

вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучать другими странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами, «лѣшими» и «лѣсными дѣвками», также какъ рѣчные и озерные омуты — «водяными чертовками»; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стонуть, сучья трещать и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.» Если природа сама и не живетъ собственнымъ чувствомъ, — она возбуждаетъ къ жизни ваше чувство и фантазію! Но вотъ прѣя вами и охотникъ, весь отданный этой борьбѣ, отданный съ безкорыстнымъ увлеченіемъ. Съ самой ранней весны, еще до зимняго исхода, онъ смотритъ на любимое свое ружье, безъ всякой нужды нѣсколько разъ сниметъ его со стѣны, пересмотритъ и вычиститъ. Не разъ выходитъ онъ на воздухъ, чтобъ подсмотрѣть, не начался ли прилетъ. Наступаетъ весна. Съ замираніемъ сердца слышитъ онъ разноголосый крикъ летучаго населенія степи; онъ бѣжитъ, преодолеваетъ все препятствія, какія поставляютъ ему осторожность, птицы, неудобство мѣстности, дальность разстоянія; увязаетъ въ болотѣ, тонетъ въ согнившемъ деревѣ, измученный, усталый, онъ забываетъ свою усталость, чтобъ подстеречь дорогую ему птицу. Но онъ дорожитъ ею совсѣмъ не какъ средствомъ прибитка; онъ отвращается добычливой охоты, гдѣ не дается птицѣ полный просторъ и свобода, гдѣ отъ охотника не требуется ловкости и труда, гдѣ для него нѣтъ препятствія; ему совѣстно убивать птицу, опьянѣвшую отъ любви и не замѣчающую грозившей ей опасности, даже не помышляющую о ней въ своемъ страстномъ упоеніи. Словомъ, онъ любитъ истребляемую имъ птицу, со всѣмъ горячимъ участіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за ея образомъ жизни, вникая въ ея нравъ, интересуясь каждымъ ея движеніемъ. Итакъ повторимъ, что сказано нами гораздо выше: здѣсь главное мѣсто занимаетъ не природа и не красота природы сама по себѣ, напротивъ жизнь, соприкасающаяся съ при-

родою и красота безкорыстнаго соприкосновенія. Авторъ не описываетъ явленій природы во всей самостоятельной красотѣ ихъ, на сколько она для нихъ возможна: онъ указываетъ ее, на сколько она возбуждаетъ охотника. И въ довершеніе прекраснаго ощущенія, вызываемаго полнымъ миромъ человѣка съ природой, природа является у него, на сколько она другъ, а не врагъ человѣку, и препятствіе невинное, легко преодолимое, даже препятствіе, котораго самъ ищетъ и которымъ самъ наслаждается человѣкъ!

Но художественно изображенная охота возбуждаетъ ваше сочувствіе только отрицательно. Васъ увлекаетъ процессъ этой борьбы только своимъ безкорыстіемъ, отсутствіемъ мелкихъ эгоистическихъ интересовъ. Но въ сущности эта борьба пуста: ибо жизнь, съ которою борется охотникъ, ея противодѣйствіе, и препятствія, которыя ему нужно преодолевать, все это—вымысль. Сочувствіе и любовь охотника къ своимъ жертвамъ также пусты: ибо они обращены на природу, не имѣющую нравственнаго достоинства. Перейдите маленькую черту, и успокоивающее, а отчасти трогательное впечатлѣніе превратится въ комическое. Въ комическомъ характерѣ явится предъ вами человѣкъ, бросающій важныя интересы жизни, чтобъ отдаться наслажденію, ничтожному и пустому самому по себѣ. Та прекрасная природа, живая и возбуждающая ваше участіе, явится предъ вами грязнымъ, туманнымъ, сырымъ, крайне непріятнымъ болотомъ, или однообразнымъ, не успокоивающимъ вашего взора полемъ. И самъ охотникъ въ пыли, на половину въ грязи, съ едва переводимымъ дыханьемъ слѣдящій за движеніями маленькой птички, истощающій запасъ силы, ума и искусства, чтобъ убить ее,— не комическое ли явленіе? И такъ нужно много такта, много живаго, свѣжаго воззрѣнія, чтобъ освѣтить эту картину. Нужно много имѣть въ запасъ нравственно-художественнаго воззрѣнія, чтобы чрезъ самое это отсутствіе всякихъ положительныхъ интересовъ внести въ васъ смутный, едва слышный образъ высшихъ интересовъ, имѣющихъ положительное право на сочувствіе!

Яснѣе это воззрѣніе, положительнѣе права жизни на со-

чувствіе въ новой книгѣ г. Аксакова, гдѣ изображается уже не природа и не жизнь среди природы и съ природою, но жизнь сама среди себя. Талантъ автора и здѣсь остается по преимуществу талантомъ описательнымъ: тамъ, гдѣ касается онъ природы, выходитъ самыя лучшія, ландшафтныя страницы книги. Но описанія по отношенію къ главному содержанію книги составляютъ второстепенное; природа здѣсь только обстановка жизни, поприще, на которомъ вращается дѣятельность Багровыхъ, Куролесовыхъ, Аксаковыхъ и пр., изображенія ея только дополняютъ цѣлостное впечатлѣніе, которое производитъ въ насъ положительное содержаніе самой жизни. Предъ вами—горячая прямота Степана Михайловича Багрова, ненавидящаго всякія кляузы, лицемеріе, всякую ничтожность и мелочность, переселяющагося ради этого въ далекій край, гдѣ онъ скоро сталъ благодѣтелемъ, совѣтникомъ, отцемъ всего окрестка. Это натура—грубая и невоздѣланная, но сочувствующая просвѣщенію и уважающая его въ лицѣ своей невѣстки. Недостатокъ рефлексіи, приобретаемой образованіемъ, онъ замѣняетъ тѣмъ нравственнымъ чутьемъ, которымъ глубоко нравственная, цѣльная натура угадываетъ ложь и гадость въ человѣкѣ, какъ бы ни была благообразна ея наружность; натура,—не уступающая никакому оболъщенію, напротивъ все ломающая и сокрушающая на своей прямой дорогѣ, жертвующая прямою всѣмъ, всѣмъ безъ исключенія, даже собственными своими сердечными, дорогими чувствами, спокойствіемъ, здоровьемъ, почти счастьемъ горячо любимой семьи. Предъ вами—строгая твердость Прасковьи Ивановны, сначала беззаботной дѣвочки, дававшей волю своимъ дѣтскимъ желаньямъ во всей невинной широтѣ ихъ, но вдругъ перемѣнившаяся послѣ замужества, когда природная широта и твердость характера должна была явиться уже не въ игрушкахъ, а въ болѣе серьезныхъ предметахъ жизни, тяготившейся прежде своимъ непотачникомъ братомъ, и потомъ вдругъ горячо ему преданной. «Прочла ли она въ его глазахъ, полныхъ слезъ при встрѣчѣ съ нею, сколько скрывается любви подъ суровой наружностью и жестокимъ самовластіемъ этого че-

ловѣка? Было ли это темное предчувствіе будущаго, или неясное пониманіе единственной своей опоры и защиты? Почувствовала ли она безсознательно, что изъ всѣхъ ба- ловницъ и потащицъ ея ребяческимъ желаніямъ — всѣхъ больше любить ее грубый братъ, противникъ ея счастья, не взлюбившій любимаго ею мужа?... Не знаю, но для всѣхъ было поразительно, что прежняя легкомысленная, равнодушная къ брату дѣвочка, не понимавшая и не признававшая его правъ и своихъ къ нему обязанно- стей, нынѣшная теперь всѣ причины къ чувству непри- язненному за оскорбленіе любимой бабушки, — вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячею дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюрод- ному брату, какъ нынѣ и давно любимому отцу, нынѣ и давно любящему свою дочь....» Но твер- дость и широта ея характера явилась въ полномъ видѣ только тогда, какъ вытерпѣла она пятисуточное свое го- лодное заключеніе въ подвалѣ, не измѣнивъ разъ выра- женному желанію прекратить дальнѣйшія злодѣяства сво- его мужа, — и она вытерпѣла бы до конца! — и когда по смерти своего злодѣя-мужа заплакала и пожалѣла о его безпокойной смерти. Предъ вами цѣлый Григорій Ива- новичъ, возвышенное, до деликатной щекотливости добро- совѣстное чувство долга, чувство, насилующее свою мяг- кую натуру, вынуждающее у ней не свойственную холод- ность и суровый видъ. Шишковъ, — безкорыстная, до са- мозабвенія доходящая преданность идеѣ общаго блага, какъ оно ни было понимаемо; — съ твердостью, съ упор- ствомъ, съ мученическимъ постоянствомъ служащій своимъ идеямъ, не смотря на озлобленныхъ и торжествующихъ противниковъ. «Эту твердость называли упрямымъ, изу- вѣрствомъ; но Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ доб- рымъ людямъ настоящаго времени, поболѣ этого упря- мства, этой горячей ревности!....» Тихія, цѣломудренныя отношенія Угличинныхъ, въ атмосферѣ которыхъ все такъ оживляется, что почти совѣмъ завядшіе цвѣты снова рас- цвѣтаютъ, — проявленія неизмѣримой материнской любви, рѣшающейся на опасности страшныя и мужичиѣ, для спо-

койствія малютки сына, дружескія отношенія мальчика-брата съ дѣвочкой — сестрицей, картина учащагося юношества, пылкаго, благороднаго, съ безкорыстно-честными стремленіями, наконецъ вообще чувства семейныхъ и территоріальныхъ привязанностей, столько воспитывающихъ нравственно человѣка, сохраняющихъ его честь и чистоту.... И надъ всѣмъ этимъ паритъ общій смыслъ всей нашей жизни, — возрѣніе, безпристрастное и къ старымъ грубымъ формамъ, и къ недавней цивилизованности, и сочувствующее прямо и ясно только просвѣщенію....

Да, въ этой книгѣ слышите вы столько художественно воспроизведенной правды, столько нравственной чистоты, столько, чувствуете, положено въ ней сочувствія къ добруму, и единственно къ добруму, что не обвинясь мы поставили бы ее въ число первыхъ книгъ къ нравственному воспитанію юношества. Ея художественное изложеніе увлекаетъ васъ: истина, передаваемая въ образахъ, принимается не головой, не однимъ знаніемъ, часто чуждымъ и внѣшнимъ вашей жизни, но всею воспріемлемостію души. Какъ и всегда бываетъ съ прекраснымъ, она захватываетъ всю вашу душу, заставляетъ проживать весь изложенный и положенный здѣсь ходъ мысли и чувства, а между тѣмъ сколько добраго, — Боже мой, сколько добраго возбуждается чрезъ это въ васъ, какія глубоко залегшія, полузаглушенныя чувства выхватываются изъ васъ. Какъ изъ душевой, комнатной, спертой атмосферы вышедши на свѣжій воздухъ, вы чувствуете себя среди этого міра лучше, свѣжѣе, чище, вы духовно воспитываетесь. Прочь, прочь отъ этой пошлости, отъ этой величавой пустоты и ничтожнаго величія, благообразнаго порока и малодушной доброты, прочь отъ всей этой дряни, которую, — увы! — столько богатъ современный намъ вѣкъ и которую съ такою грустною вѣрностію, съ такою оскорбляющею услужливостію угощаетъ насъ современная намъ литература!....

Когда мы сказали, что эта правда, эта чистота, это безпристрастное ко всякой формѣ жизни сочувствіе къ добру выражено въ нововышедшей книгѣ г. Аксакова художе-

ственно, и потомъ даже прибавили,—въ образахъ: то само собою разумѣется, что все это высказывается самою изображаемою жизнію, ея ходомъ, свободными, разнообразными дѣйствіями описываемыхъ лицъ, и только изрѣдка изливается въ видѣ неудержимаго личнаго чувства. Если бы передъ нами было чисто-творческое произведеніе искусства, то конечно мы спросили бы при этомъ: вполнѣ ли вѣрны дѣйствительности эти изображаемые дѣйствія и лица? Но предъ настоящею книгою подобный вопросъ неумѣстенъ: авторъ рисуетъ съ натуры, и описываемыя имъ лица и дѣйствія не выдуманы. Однакоже мы должны въ этомъ отношеніи отдать справедливость художническому такту автора. Въ своихъ описаніяхъ онъ не ограничивается, во первыхъ, одною общою постановкою изображаемыхъ лицъ и дѣйствій; съ отчетливостію, какой иногда можетъ позавидовать послѣдователь натуральной школы, передаетъ онъ особенности рѣчи того или другаго лица, его обыкновенный костюмъ, походку, ничего незначащія повидимому привычки и вообще разныя мелочи, которыми сопровождается наша внѣшняя жизнь. Но съ другой стороны, все это возвышается имъ до типическаго выраженія, во всемъ свѣтитъ внутреннее и общее, характеръ ли цѣлаго лица, или даже характеръ всей извѣстной жизни. Калиновій подожекъ Степана Михайловича, домашній холстъ, изъ котораго шились ему рубашки, тихая походка Шишкова, едва волочившаго ноги и ничего предъ собою не видѣвшаго, какія нибудь повидимому незначащія и совершенно ненужныя для ваянъ лица, Ванька Мазанъ и Танайченкокъ съ вышитымъ жбаномъ хозяйской бражки, мельникъ Болтуненокъ, капитанша Аристова, — даже котъ тишошка и кошка машка, — все это, не смотря на видимую свою незначительность, оказывается необходимо нужнымъ для объясненія общаго смысла исторической личности или цѣлага отдѣла жизни; и отнимите это, — вы почувствуете, что изображеніе не такъ полно или не такъ ясно. Этими художническимъ умѣньемъ пользоваться мелочами жизни г. Аксаковъ возвышаетъ свое произведеніе до чистаго искусства, во всемъ высокомъ смыслѣ этого слова. И оно дѣй-

ствительно таково. Какъ чистый художникъ беретъ вертящуюся около него мелочь жизни, очищаетъ ее и возводитъ ее до типическаго выраженья, такъ тоже самое дѣлаетъ и нашъ авторъ. Все различіе между нимъ и чистымъ художникомъ только въ томъ, что вниманіе послѣдняго разсѣяно по всей широтѣ дѣйствительности, откуда онъ выбираетъ самъ, что ему угодно, а не сосредоточено и не облегчено въ тоже время готовымъ, даннымъ уже кружкомъ жизни, готовыми уже личностями. Но и это различіе такъ ли существенно, какъ думаютъ?

Понятно, что такая законченность изображенія, въ которой общій смыслъ выражается въ глубоко вѣрныхъ дѣйствительности и въ главномъ даже прямо снятыхъ съ нея мелочахъ жизни, дѣлаетъ самую красоту жизни только относительною. Нами уже замѣчено было выше, что такая необходимая судьба искусства. Возводя мелочь жизни до типически-прекраснаго выраженья, отрѣшая ее отъ той матеріальной живости, съ какою является жизнь въ дѣйствительности, оно низводитъ въ тоже время самую истину съ чистой отрѣшенности, въ какой она является въ понятіи. Оно изображаетъ ее среди грязной, ложной обстановки, и представляетъ намъ какъ цѣль или результатъ жизненной борьбы, или просто какъ пробивающійся свѣтъ сквозь грубую кору животной жизни. Это — необходимое условіе живости его произведеній. Мы напоминаемъ здѣсь о немъ, чтобъ пояснить, почему при внутренней правдѣ и чистотѣ, которую дышетъ разсматриваемое нами произведение, не всѣ однакожъ лица, изображаемая въ немъ, безусловно прекрасны. Вы сочувствуете жизни, которую изображаетъ авторъ, сочувствуете въ ея высшемъ, общемъ смыслѣ, любите даже эти частныя лица; однакожъ не каждой чертѣ изображаемой жизни несете нравственное одобреніе. Хороша сама по себѣ прямота Степана Михайловича, но въ какихъ формахъ она выражается! Вы уважаете, преклоняетесь предъ высотой Шишкова, и въ тоже время онъ смѣшонъ вамъ своими странностями. Какая пустота жизни Угличинныхъ, хогя и заслуживающихъ вашей любви! Непрiятенъ многими чертами Шушеринъ;

грязна дикая натура Яковлева; комично увлеченіе Державина. Странно было бы также назвать заслуживающими сочувствія выходки сестеръ Алексѣя Степановича, Главнаго Надзирателя К. и Директора, покровительствующаго негодлю вахмистру. И наконецъ предъ вами цѣлый образъ Куролесова, вопіющее нарушеніе человѣческихъ правъ, попраніе самыхъ священныѣхъ, присущихъ каждому требованій, образъ, отъ котораго вы отвернулись бы въ дѣйствительности съ содраганіемъ.... Но въ томъ-то и тайна искусства, въ томъ-то и достоинство нашего автора, что грязная обстановка, грубыя формы, чудовищные образы, все это является покореннымъ общему, пролегающему здѣсь воззрѣнію на жизнь; и вы чувствуете себя успокоеннымъ, не оскорбляетесь изображеніями, даже сочувствуете этимъ лицамъ и любите ихъ,—только впрочемъ не Куролесова. Авторъ не утверждаетъ на проявленіяхъ животности въ человѣкѣ, не представляетъ ихъ, какъ самостоятельныя явленія, но изображаетъ ихъ какъ, форму откровенія высшихъ началъ или какъ безразличную обстановку, или наконецъ ставитъ тутъ же, рядомъ съ ними, положительно прекрасную черту, которою примиряетъ васъ съ жизнью, и которою въ тоже время само собою казнится рядомъ стоящее безобразіе. Степанъ Михайловичъ бьетъ свою Аришу, заставляетъ для забавы своей драться людей на кулачкахъ. Но его обращеніе съ женою является здѣсь только формою, въ которой обнаруживается прямота его характера. Какъ мы сказали, онъ жертвуетъ своей прямотѣ всѣмъ, жертвуетъ своимъ семейнымъ спокойствіемъ, своею любовью, слѣдовательно своими же интересами, жертвуетъ своимъ здоровьемъ,—слѣдовательно самъ же себя и наказываетъ. Тѣмъ безобиднѣе для нашего чувства грубыя его выходки, что не слышится при этомъ чувства оскорбленія въ самыхъ его жертвахъ. Ни Арина Васильевна, ни Ванька Мазанъ не протестуютъ противъ правъ Степана Михайловича. Они находятъ это въ порядкѣ вещей; они чувствуютъ себя даже стоящими этого. «Лучше бей меня, да своего добра не руби»: вотъ какъ разсуждаетъ Арина Васильевна. Мазанъ и Танайченко съ своей стороны всту-

пають въ бой между собой не съ самоотверженіемъ , а съ удовольствіемъ и даже съ увлеченіемъ, и самъ Степанъ Михайловичъ принужденъ унимать ихъ легко возгорающійся задоръ. Что сказали мы о Степанѣ Михайловичѣ, то болѣе или менѣе относится и ко всѣмъ. Вы смѣтаетесь надъ странностями Шишкова , но нарушается ли смѣхомъ чувство вашего уваженія къ этой личности? Не удвоивается ли даже оно представленіемъ, что смѣшная разсѣянность есть только обнаруженіе всецѣлаго погруженія въ великое общее дѣло? И не готовы ли будете вы, встрѣтивъ такое лице въ дѣйствительности, не только отказаться отъ всякаго надъ нимъ смѣха, но даже поблажать его забавнымъ привычкамъ, убаюкивать его , и поблажать и убаюкивать ради общечеловѣческихъ, высоко-нравственныхъ требованій, изъ уваженія къ высоко-нравственному характеру этого лица, чтобъ облегчить ему осуществленіе высокаго одушевленія, слѣдовательно выразить нравственное участіе въ его высокой дѣятельности? Больны грубыя выходки сестеръ Алексѣя Степановича, но вы почти прощаете ихъ: въ нихъ выражается любовь къ брату, любовь, правда, грубая, на половину эгоистическая, но все-таки любовь. Авторъ говоритъ, что «женитьба брата на комъ бы то ни было, нечремно досадила бы всѣмъ». Однако чувствуется какъ-то, что сватайся Алексѣй Степановичъ на богатой дворянкѣ древняго происхожденія и также необразованной, какъ все его собственное семейство, любовь къ брату пересилила бы въ сестрахъ всѣ прочіе расчеты, хотя и больно было бы тогда, въ свою очередь, за Алексѣя Степановича. Таковъ неизбѣжный законъ жизни, таково неизбѣжное слѣдствіе безчисленнаго переплетенія интересовъ, безчисленнаго разнообразія въ нравственномъ развитіи и личныхъ потребностяхъ лицъ, сталкивающихся и связанныхъ между собою! Невзраченъ Главный Надзиратель; но не уничтожается ли производимое имъ непріятное впечатлѣніе проявляющимся тутъ же рядомъ материнскимъ чувствомъ? Съ художественной точки зрѣнія, К—въ даже необходимъ для возбужденія прекрасно-нравственнаго ощущенія. Безъ его безжалостныхъ поступковъ, чувство неизмѣримой

материнской любви, безкорыстное сочувствіе Упадышев-каго и Бениса остались бы не раскрытыми; изображаемыя лица не имѣли бы счастья прибавить къ своей дѣятельности нѣсколько высокихъ поступковъ, и вы лишились бы наслажденія нравственно участвовать въ чувствахъ и дѣятельности этихъ прекрасныхъ лицъ. Наконецъ самъ Куролесовъ, самостоятельно-злое лице, сколько ни возбуждаетъ негодованія своими звѣрскими поступками; но ихъ изображеніе не возмущаетъ нравственнаго чувства. Болѣе жалѣешь объ этомъ извергѣ, ибо видишь въ немъ явленіе скорѣе патологическое, нежели нравственное. Особенный смыслъ получаютъ, и менѣе тягостное впечатлѣніе производить его поступки съ своею дворнею, когда видишь, что ими самъ собою наказывается порокъ, казнится грязная животность, заслуживающая казни, какъ разсуждалъ и Степанъ Михайловичъ: «крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи». Среди другой жизни, среди лицъ, нравственно развитыхъ, нѣтъ успѣха Куролесову, и онъ существовать не можетъ, какъ не могло имѣть силы его звѣрство надъ Прасковьей Ивановной. Ужасная картина заключенія жены болѣе возбуждаетъ чувство уваженія къ твердости ея, нежели отвращенія къ ея мужу. И наконецъ не удовлетворяется ли нравственное чувство вполне, когда предъ нами сцена освобожденія Прасковьи Ивановны, когда злодѣй съ боязнію и ожесточеннымъ равнодушіемъ, а холопы его съ недоумѣніемъ смотрятъ на пріѣзжихъ гостей. «Да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которымъ уступаетъ мужество неправаго человѣка!» Это чувство утѣшительное, и за доставленіе этого утѣшенія невольно мириться съ ужаснымъ образомъ Куролесова! Словомъ, въ цѣлой книгѣ нигдѣ нѣтъ отрицанія жизни личнымъ, условнымъ, ограниченнымъ воззрѣніемъ, и нигдѣ нѣтъ личнаго равнодушія, тѣмъ менѣе—услажденія пошлостію жизни. Что бы сдѣлалъ иной, любящій самостоятельное изображеніе пошлости, съ такимъ произшествіемъ, каково описываемая въ «Воспоминаніяхъ» женитьба Апенбреннера на Марьѣ Христофоровнѣ Вильфингъ! Но авторъ коротко, безъ участія разсказалъ

эту исторію, какъ-бы прошелъ мимо ея. Въ другомъ мѣстѣ, послѣ описанія жизни Угличяниныхъ, чтобъ не дать чувству обольститься ея миловидной наружностію, одною краткою художественною чертою, проведенною въ концѣ разсказа, авторъ выражаетъ весь смыслъ этой пошлой жизни. «Долго звучалъ во мнѣ гармоничеекій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ: не хочешь ли быть Васильемъ Васильевичемъ?... Я пугался этого вопроса, и умиленное впечатлѣніе мгновенно исчезало.»

Это подчиненіе изображаемыхъ явленій господствующей въ произведеніи истинѣ должно быть естественно. Нужно, чтобъ жизнь сама себѣ давала разрѣшеніе, чтобъ въ ходѣ ея была видна послѣдовательность: иначе никакое примиреніе не примиритъ васъ, никакое разрѣшеніе не успокоитъ. Соблюдена ли въ Хроникѣ такая послѣдовательность?—Этотъ вопросъ, собственно говоря, также не приложимъ къ разсматриваемой книгѣ, потому что здѣсь ходъ изображаемой жизни дается самою дѣйствительностію, съ которой прямо снимаетъ авторъ свои изображенія. Но мы задаемъ его для того, чтобъ указать и съ этой стороны на художественный тактъ автора. Иди вѣрно за дѣйствительностію, передавая событія, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ, авторъ оговаривается тамъ, гдѣ дѣйствительность идетъ не вѣрно сама себѣ. «Эта романтическая затѣя въ такомъ человѣкѣ, какимъ явится въ послѣдствіи Михайла Максимовичъ, всегда меня удивляла», замѣчаетъ онъ по поводу названій, которыя далъ Куролесовъ своимъ деревнямъ въ честь имени, отчества и фамиліи жены. Въ особенности же тактъ автора обнаруживается тамъ, гдѣ соблюденіе внутренней послѣдовательности зависѣло вполне отъ него самого. Мы должны здѣсь по преимуществу указать на заключительныя мѣста, которыми часто оканчиваются его рассказы, и которыя обыкновенно въ одномъ замкнутомъ образѣ передаютъ смыслъ всего предшество-

вашаго изображенія. Эти мѣста и сами по себѣ всѣ вышли чрезвычайно удачны. Но въ нихъ-то особенно слышимъ строгую сообразность и послѣдовательность, которою проникнуты рассказы автора: на нихъ всегда какъ бы направляется сама душа, ихъ ждетъ она. Таково напримѣръ окончаніе «Женитьбы Молодаго Багрова».

«Извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ молодыхъ произвело тревогу и суету въ тихомъ, слишкомъ простомъ домѣ деревенскихъ помѣщиковъ. Надобно было почиститься, придѣться, принарядиться. Невѣстка, городская модница, привыкла жить по барски, даромъ что бѣдна: осудить, осмѣять,—такъ думали и говорили всѣ кромѣ старика. Особыхъ и свободныхъ комнатъ въ домѣ не было, надобно было вывести Танюшу изъ ея горницы, выходявшей угломъ въ садъ, на прозрачный Бугурусланъ съ его зелеными кустами и голосистыми соловьями. Танюшѣ очень не хотѣлось перейти въ передбанникъ, но другаго мѣста не было; всѣ сестры жили въ домѣ, а Каратаевъ и Ерлыкинъ спали на сѣнникѣ. За день до пріѣзда молодыхъ привезли кровать, штофный занавѣсъ, гардины; пріѣхалъ и человекъ, умѣющій все это уставить и приладить. Танюшину комнату отдѣляли въ нѣсколько часовъ. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ, полюбовался, а женщины кусали отъ зависти губы. Наконецъ прискакалъ передовой съ извѣстіемъ, что молодые остановились въ Морловской деревнѣ Пойкино, въ восьми верстахъ отъ Багрова, гдѣ они переодѣнутся и часа черезъ два пріѣдутъ. Все пришло въ движеніе. Хотя старикъ еще съ утра послалъ за священникомъ, но какъ онъ еще не пріѣзжалъ, то послали гонца верхомъ поторопить его. Между тѣмъ въ Пойкинѣ происходила также забавная суматоха. Молодые ѣхали на перемѣнныхъ по проселочной дорогѣ, и потому надобно было посылать передоваго для заготовленія лошадей отъ деревни до деревни. Въ Пойкинѣ всѣ знали Алексѣя Степаныча еще дитятию, а Степана Михайловича считали отцемъ и благодѣтелемъ. Вся деревня отъ мала до велика, душъ 600 мужеска и женска пола, собѣжалась къ той избѣ, гдѣ должны были остановиться молодые. Софья Николавна едва ли видала вблизи Мордву,

и потому одежда Мордвокъ , необыкновенно рослыхъ и здоровыхъ дѣвокъ , ихъ вышитыя красною шерстью бѣлыя рубахи , ихъ черныя шерстяныя пояса или хвосты , грудь и спина и головные уборы , обвѣшанные серебряными деньгами и колокольчиками , очень ее заинтересовали . Но когда она услышала простыя , грубыя , но искреннія восклицанія всей толпы , на изломанномъ нѣсколько Русскомъ языкѣ , то радостныя привѣтствія , то похвалы и добрыя желанія , — она и смѣялась и , даже плакала : « ай , ай Алеша , какой же на тебѣ Богъ давалъ . Ай , ай , хороша , говорили старики и старухи ; а отца наша Степанъ Михайловичъ то-то рада будетъ ! Ну , дай вамъ Богъ , дай Богъ . » Когда же молодая , переодѣвшись въ пышное городское платье , вышла садиться въ карету , то въ народѣ поднялся такой гулъ радостныхъ похвалъ , что даже лошади перепугались . Молодые , подаривъ десять рублей на вино всему міру , отправились въ дорогу .

« Позади господскаго гумна , стоящаго на высокой горѣ , показался высокій экипажъ , « Ыдутъ , Ыдутъ » раздалось по всему дому , и вся дворня , а вскорѣ и всѣ крестьяне сбѣжались на широкій господскій дворъ , а молодежь и ребятишки побѣжали на встрѣчу . Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльцо ; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ и съ шелковымъ гарнитуровымъ съ золотыми травочками платкомъ на головѣ , а Степанъ Михайловичъ въ какомъ-то стародавнемъ сюртукѣ , выбритый и съ платкомъ на шеѣ , стояли на верхней ступенькѣ крыльца ; одинъ держалъ образъ Знаменія Божіей Матери , а другая — коровай хлѣба съ серебряной солонкой . Золовки и два зятя стояли около нихъ . Экипажъ подкатилъ къ крыльцу , молодые вышли , упали старикамъ въ ноги , приняли ихъ благословеніе , и расцѣловались съ ними и со всѣми ихъ окружающими ; едва кончила молодая эту церемонію , и обратилась опять къ свекру , какъ онъ схватилъ ее за руку , поглядѣлъ ей пристально въ глаза , изъ которыхъ катились слезы , самъ заплакалъ , крѣпко обнялъ , поцѣловалъ и сказалъ : « Слава Богу , пойдемъ же благодарить Его . Онъ взялъ невѣстку за руку , провелъ въ залу

сквозь тѣсную толпу, поставилъ возлѣ себя, — и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Надобно прочитать это мѣсто въ связи со всѣмъ предъидущимъ, знать характеръ Степана Михайловича и Софьи Николаевны, все первоначальное нежеланіе старика имѣть ее своей невѣсткою, знать все различіе ихъ привычекъ, образа мыслей и воспитанія, чтобъ почувствовать сообразіе, необходимость именно такой, а не иной ихъ встрѣчи. Такая именно хлопотня должна была произойти въ сельскомъ домѣ необразованныхъ Багровыхъ и въ этомъ именно она должна была состоять. Такъ, и не иначе должна была вести себя невѣстка. Доказывать это было бы, долго и довольно неудобно. Мы выписали рассказъ о пріѣздѣ молодыхъ въ Багрово болѣе потому, что онъ и самъ въ себѣ очень хорошъ. Но вотъ заключеніе, полная умѣстность котораго и внутреннее сообразіе легко могутъ быть поняты и безъ чтенія всего рассказа, потому что для этого нужно знать не частные характеры тѣхъ или другихъ лицъ, а просто только душу человѣческую. Въ «Первомъ Періодѣ Гимназіи» авторъ, описавъ все томленіе тоски своей по родномъ домѣ, болѣзнь, въ которую онъ впалъ отъ этой тоски, препятствія, почти неодолимая, къ своему возвращенію домой, такъ рассказываетъ наконецъ о своемъ пріѣздѣ, пріѣздѣ девятилѣтняго мальчика.

«Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто-нибудь разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домомъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «не видно ли деревни?» И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково какъ на ладонкѣ» — я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце,

когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ челоѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!....

«Во все теченіе моей жизни, я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, подобныя ощущенія; но два года тому назадъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, также довольно рано, подѣзжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій. Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспоминаній окружилъ меня.... но не весело, а болѣзненно, мучительно подѣйствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который вызвавъ духовъ, не умѣетъ съ ними сладить, и не знаетъ, куда отъ нихъ дѣваться,—не зналъ я, какъ прогнать мои воспоминанія, какъ успокоить нерадостное волненіе. Старые мѣха не выдерживаютъ молодаго вина, и старое сердце не выноситъ молодыхъ чувствъ.... но тогда. Боже мой, что было тогда!

«Нѣсколько разъ я чувствовалъ стѣсненіе въ груди и готовъ былъ упасть; но я молчалъ, крѣпко держался за ручку козелъ и за кучера, и стѣсненіе проходило само собою.—Быстро скатилась карета подъ изволокъ, переѣхала черезъ плохой мостъ на Бугурусланѣ, завязла было въ топи у Крутца, но выхваченная сильными конями, пронеслась мимо камышей, пруда, деревни—и вотъ нашъ сельскій домъ, и на крыльцѣ его отецъ съ милой моей сестрицей. Когда мы подѣхали, она всплеснула ручками и закричала: «братецъ Сереженька на козлахъ!....» Выбѣжала тетка и вывела брата, кормилица вынесла маленькую мою сестру! Сколько объятій, поцѣлуевъ, радости, вопросовъ и отвѣтовъ! Сбѣжалась вся дворня, даже крестьяне, случившіеся дома, и куча мальчишекъ и дѣвочекъ....»

Глубокая естественность и почти необходимость именно такихъ проявленій радости послѣ перваго продолжительнаго, и съ такими томленіями соединеннаго отсутствія изъ роднаго дома для мальчика чувствуется сама собою. И прибавимъ, всѣ подробности, какъ въ этомъ, такъ особенно въ приведенномъ выше разсказѣ, столько нужныя для полной естественности того и другаго изображенія, могли ли

быть написаны по памяти? Очевидно, что часть изъ нихъ произведены чистою фантазіею автора и свидѣтельствуютъ такимъ образомъ о его художническомъ тактѣ.

Говоря о естественности внутренней, мы не можемъ умолчать и о другой естественности, составляющей также одно изъ достоинствъ автора, — о естественности слововыраженія, хотя, признаемся, считаемъ довольно труднымъ въ опредѣленно-отчетливой ясности раскрыть достоинства автора въ этомъ отношеніи. Думаемъ, что не входя въ невозможный относительно такого предмета, какъ слогъ, подробный анализъ, мы лучше достигнемъ своей цѣли, если воспользуемся сравненіемъ нашего писателя съ предшествовавшими ему художниками, хоть бы на примѣръ съ Гоголемъ. Особенность слововыраженія у Гоголя состояла въ его оригинальности. Вы не встрѣтите у него пошлыхъ истасканныхъ оборотовъ, метафоръ, принятаго всѣми способа постройки фразы, словомъ, всего того, что называютъ риторикой или общими формами прекраснаго выраженія. Гоголь видимо всюду избѣгаетъ риторики; тамъ, гдѣ встрѣчается у него общій, слишкомъ обыкновенный оборотъ или готовая метафора, — они принимаютъ на себя юмористическій оттѣнокъ, употребляются на-смѣхъ. Постройка фразы у Гоголя совершенно своеобразная, съ длинными періодами, безъ правильнаго, логическаго раздѣленія, но съ особенно, какъ бы сказать, цѣпляющимися взаимно, частными предложеніями, связанными не общею мыслию цѣлаго періода, но своею взаимною, исключительною, непосредственною связью. Надобится ли ему оборотъ или сравненіе для оживленія или объясненія рѣчи, онъ выдумываетъ совершенно новые, неслыханные, неожиданные. Мы не станемъ здѣсь говорить, сколько своеобразной, отличительно принадлежащей этому писателю живости и пластичности придавало ему это управленіе языкомъ. Находились господа, даже изъ сочувствовавшихъ Гоголю, изъ высоко цѣнившихъ его художественный талантъ, которые съ сожалѣніемъ замѣчали о необработанности его языка и не прекрасномъ его выраженіи... Но оставимъ ихъ, этихъ господъ, намъ теперь не до нихъ.

Замѣтимъ здѣсь только, что своеобразные обороты Гоголя, поражая всегда своею яркостію, крупностію, неожиданно-стію, въ слѣдствіе того-то помогаютъ особенной живости выражаемой мысли, иногда въ двухъ-трехъ словахъ рисуя предъ вами цѣлую картину, захватывая мимоходомъ цѣлую жизнь, цѣлую дѣятельность извѣстнаго круга людей, по-надобившуюся художнику только для сравненія, даже только для оборота рѣчи. Такого рода оригинальности, этой крупности и рѣзкой свѣжести выраженія нѣтъ у нашего автора. Скажемъ напротивъ, что достоинство слога г. Аксакова и его особенность, отличительность отъ прочихъ писателей, заключается въ отсутствіи оригинально составленныхъ, выдуманныхъ фразъ. Но это далеко однако, безконечно далеко отъ той пошлой, нарубленной правильности, отъ той реторики, употребленія избитыхъ, на все готовыхъ оборотовъ, которыхъ требуютъ гг. *Н Н* и прочіе, и которые составляютъ орудіе безмыслія, то есть несутъ въ себѣ мысль, но мысль до того стершуюся отъ вѣчнаго употребленія готовой фразы, что она уже перестаетъ пробуждать въ душѣ впечатлѣніе живой, процессомъ прожитаго размышленія добытой мысли. Фраза г. Аксакова, его слогъ занимаетъ такимъ образомъ средину между яркостію изысканнаго выраженія, самостоятельно выработаннаго независимо отъ мысли, для которой оно надобится, и между пошлымъ, всѣми принятымъ, готовымъ для мысли выраженіемъ, но также независимымъ собственно отъ той живой мысли, которая родилась въ авторѣ по поводу представленія того или другаго предмета, и самостоятельно существующимъ внѣ ея. Это—выраженіе, еслибъ можно было такъ сказать, не приводя къ извѣстному, ограниченному смыслу, *дѣловое*, то есть языкъ самаго дѣла, гдѣ рассказываемое дѣло, описываемая вещь, передаваемая мысль или чувство сами для себя находятъ вѣрное и приличное выраженіе, не захватывая при этомъ ни личнаго вкуса автора, ни общаго обычая. Мы слышали отзывъ о книгѣ г. Аксакова, что она какъ-бы написана лицомъ, не читавшимъ никогда книгъ, и по нашему мнѣнію этотъ отзывъ хорошо выражаетъ особенность языка, чуждаго рѣзкой изъ-

исканности и въ тоже время далекаго отъ принятой книжной пошлости. Эта особенность въ слововыраженіи г. Аксакова даетъ его рассказамъ иногда такую ясность, мало того,—такую прозрачность, такую ощутительность, что описываемая вещь, выражаемая мысль какъ бы сама становится предъ вами, не давая чувствовать своей словесной оболочки: до такой степени она вѣрна и прилична мысли, и до такой степени лишена самостоятельнаго значенія. Языкъ г. Аксакова напоминаетъ намъ аккуратную прозу Пушкина и Лермонтова, но отличается однакожь отъ нея опять отсутвіемъ тщательной выдѣлки, которая, какъ ни искусно скрыта у обоихъ этихъ писателей, однако все таки слышна, и представляетъ, правда мало замѣтную, какую-то напряженность. Читатели можетъ-быть нѣсколько поймутъ послѣ нашего описанія особенность выраженія, которую мы находимъ въ нововышедшемъ, равно какъ и во всѣхъ недавнихъ произведеніяхъ г. Аксакова. А при этомъ необходимо поймутъ и то, что въ поясненіе этой особенности нѣтъ нужды и почти не возможно приводить примѣровъ и сопровождать ихъ подробнымъ разборомъ. Какой разборъ возможенъ для той особенности, которая состоитъ именно въ томъ, что въ ней нѣтъ никакой особенности?

Спрашивается: откуда возникъ этотъ талантъ? Чему обязанъ своимъ развитіемъ? Какъ воспитался?—Считаемъ нужнымъ прежде всего охладить удивленіе тѣхъ господъ, которые поражаются, какъ авторъ, съ незапамятныхъ временъ отсутствовавшій въ литературѣ, писавшій когда-то, въ давнія времена стишки весьма посредственной по нынѣшнему доброты, вдругъ всталъ предъ вами съ такою художественною свѣжестью. Авторъ не оставлялъ литературы такъ надолго, какъ полагаютъ, основываясь собственно только на скудномъ упоминаніи, которымъ самъ авторъ въ Шушеринѣ удостоилъ только первые опыты своей литературной дѣятельности. Онъ писалъ, писалъ и писалъ, и во времена притомъ не слишкомъ давнія,—слѣдовательно, постепенно и постоянно развивался и литературно воспитывался. Гдѣ? какъ? когда? рѣшеніе этихъ вопросовъ пре-

доставляемъ тѣмъ, кто особенно интересуется подобными изысканіями. Съ своей стороны мы скажемъ здѣсь только, что окончательнымъ развитіемъ своего таланта авторъ нашъ обязанъ безъ сомнѣнія Гоголю. Гоголь первый вполнѣ показалъ намъ все художественное значеніе для насъ современной народной дѣйствительности: онъ первый пригнулъ насъ совершенно къ землѣ, чтобъ оттуда, какъ все получаетъ себѣ жизнь и силу, такъ извлекалъ бы себѣ и художникъ силу и одушевленіе; онъ окончательно бросилъ все еще существовавшія до него условныя, отвлеченныя литературныя формы, разбилъ оковы внѣшняго подражанья, все еще лежавшія на художникѣ. И такъ ему долженъ быть одолженъ всякій современный писатель своею естественностію; ему же долженъ быть одолженъ и нашъ авторъ, что взялся рисовать быть полупрезрѣнный и прозаическій, какъ сказали бы въ прежнія времена. Ему же онъ одолженъ и окончательнымъ усовершенствованіемъ своего слововыраженія. Положительная оригинальность Гоголя не могла быть предметомъ усвоенія, и если кто пытался усвоить ее, тотъ впадалъ въ пародированіе, но отсутствіе неестественности, реторики принесло свои плоды. Остальнымъ всѣмъ авторъ обязанъ конечно своей художественной натурѣ, скованной дотошъ, пробивавшейся и сквозь условныя старыя формы, но не имѣвшей силы выбиться изъ нихъ совершенно. Въ подтвержденіе мы напомнимъ, или лучше сказать укажемъ нашимъ читателямъ отрывокъ того же автора, подъ заглавіемъ «Буранъ», помѣщенный въ «Депницѣ» Максимовича, въ 1834 году, слѣдственно въ началѣ литературной дѣятельности Гоголя, и еще до рѣшительнаго вліянія его на литературу. Изъ этого отрывка виденъ талантъ, талантъ сильный; видно даже, что это талантъ—по преимуществу описательный. Много ли напри- мѣръ можно найти описаній лучше слѣдующихъ?

«Ни облака на туманномъ, бѣловатомъ небѣ; ни малѣйшаго вѣтра на снѣжныхъ равнинахъ. Красное, но не ясное солнце своротило съ невысокаго полдня къ недалекому закату. Жестокій крещенскій морозъ сковалъ природу, сжималъ, палилъ, жегъ все живое. Но человѣкъ улажи-

ваеть съ яростью стихій: русскій мужикъ не боится мороза.

. . . . .
 «Все по прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косвенными лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брилльянтовой корою; а изуродованная роща, въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ уборѣ, представляла издали чудные и разнообразныя обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно.... Но стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ; но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то перекликались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій вѣтерокъ потянуль съ востока къ западу,—и наклонясь къ землѣ можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ, тихимъ, но страшнымъ! Знакомые съ бѣдою обозы знали роковыя примѣты, торопились доѣзжать до деревень или уметовъ, сворачивали въ сторону съ прямой дороги, если ночлегъ былъ недалеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верстъ. Но горе неопытнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣстахъ, гдѣ нерѣдко, проѣзжая цѣлыя десятки верстъ, не встрѣтишь жилья человѣческаго!

. . . . .
 «Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока; и когда скрылись за горой послѣдніе, блѣдные лучи закатившагося солнца,—уже огромная снѣговая туча заволочла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка.»

. . . . .
 «Снѣговая, бѣлая туча, огромная, какъ небо, обтянула

весь горизонтъ и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь.... наступилъ буранъ со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ.... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратилось въ пучину кипящаго снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось!»

Въ настоящее время вы съ трудомъ вѣрите, что это писано въ 1834 году, за два года до знаменитаго пушкинскаго описанія бурана въ Капитанской Дочкѣ! Однако вы чувствуете въ тоже время, что въ описаніи слышна какая-то напряженность, какая-то несвобода, какая-то изысканность, еще видно подчиненіе реторикѣ, условнымъ, не всегда удачнымъ, иногда даже насильственнымъ оборотамъ. Въ описаніи встрѣчаются напримѣръ даже такія фразы: «тутъ-то сыпались русскія остроты, по природѣ русскаго человѣка, всегда одѣтыя въ фигуру ироніи.» Или: «такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка.» Вліяніе реторической эпохи еще виднѣй, когда вы прочитаете разсказъ, которымъ сопровождается описаніе. Въ эту ужасную пору, по дорогѣ, почти занесенной снѣгомъ, или, лучше сказать, слѣду, тащился обозъ. По совѣту одного изъ стариковъ, особеннымъ, удобнѣйшимъ образомъ расположили извозчики свои воза. Но станемъ продолжать словами автора.

«Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди по большей части шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу: наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его Сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги, старикъ остановилъ обозъ. «Други!» сказалъ онъ, скликнувъ

къ себѣ всѣхъ мужиковъ, дѣлать нечего. Надо отдаться на волю Божью; надо здѣсь почевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свижемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашемъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось не всѣ замерзнемъ!»

Совѣтъ этотъ былъ принять, но не всѣми; нѣкоторые рѣшились ѣхать. Черезъ нѣсколько времени послѣ этой бури...

«По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или скирдъ хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкой паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ; принялись отрывать чѣмъ ни пошало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ ихъ товарищей; всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ недалеко. Свѣжій морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза, но все еще были безъ памяти, какъ-бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія.—Въ уметъ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и потомъ уложили спать на палати. Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы.»

«Шестеро смѣльчаковъ, или лучше сказать глупцевъ, послушавшихся молодого удалца, вѣроятно скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскивали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самого умета....»

Мы не говоримъ уже о неестественности языка, которыми бесѣдуетъ здѣсь старикъ: «составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ» и проч. Но чувствуете ли вы всю условную ненатуральность эпохи тридцатыхъ годовъ въ самомъ разсказѣ, — расчетъ на виѣшніе эффекты и отсутствіе внутренней необходимости въ ходѣ дѣйствія? Старикъ даетъ совѣтъ; нѣкоторые его слушаютъ и спасаются; непослушные погибаютъ. И надобно же непременно для большей разительности, чтобы одинъ оказался около самага умета прислонившимся къ забору! Нуженъ же непременно неожиданный наѣздъ новаго обоза на то самое мѣсто, гдѣ лежалъ зарытый въ снѣгу старикъ съ своими, чтобы отъ занесенныхъ снѣгомъ саней остались видными оглобли, чтобы старикъ и прочіе были живы! Какъ пахнетъ все это обычною во время оно, отвиѣ навязываемою моралью! Какъ слышно еще неумѣнье отличить естественность, въ смыслѣ простой обыкновенности, — въ смыслѣ возможныхъ и бывающихъ случаевъ, словомъ, случайности отъ естественности въ смыслѣ необходимаго внутренняго развитія данной художественной темы, и въ смыслѣ типическаго выраженія! Какъ видно, что... Но читатели, надѣмся, воймутъ все, что мы хотимъ сказать, безъ дальнѣйшихъ съ нашей стороны объясненій. Они слышатъ всю разницу этого до гоголевакаго описанія отъ живыхъ, безукоризненно художественныхъ изображеній въ Запискахъ Ружейнаго Охотника, въ Запискахъ объ Уженѣ, въ Разказахъ и Воспоминаніяхъ Охотника, и наконецъ въ Семейной Хроникѣ. Они видятъ, какое значеніе имѣлъ для нашего писателя художественный примѣръ Гоголя, и въ чемъ, съ другой стороны, обязанъ авторъ единственно уже своей собственной художественной натурѣ, и своему собственному призванію, равно какъ своему самостоятельному литературному воспитанію.

Однако возвратимся къ нашей книгѣ. Послѣ того какъ мы опредѣлили художественный талантъ автора и его литературную заслугу вообще, намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о частнѣйшемъ значеніи, какое имѣютъ въ книгѣ тѣ или другіе отдѣльные разказы. Книга въ

этомъ отношеніи представляетъ намъ двойкій интересъ, интересъ чисто историческій и чисто литературный. Хотя мы смотрѣли на нее доселѣ собственно, какъ на твореніе художественное, и она вполне заслуживаетъ того: однако же она все-таки предлагаетъ намъ воспоминанія автора, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ и правду историческую, въ тоже время какъ правду художественную. Съ обѣихъ этихъ сторонъ мы и будемъ разсматривать частные рассказы автора.

Книга, по внутреннему своему содержанию, можетъ быть раздѣлена на три главныя части: на записки о судьбѣ одного знакомаго автору дворянскаго семейства въ концѣ прошедшаго столѣтія, на воспоминанія автора о собственномъ воспитаніи и на воспоминанія литературныя. Мы не станемъ говорить объ интересѣ воспоминаній литературныхъ. Такого рода воспоминанія и записки не новость въ нашей литературѣ, и со стороны автора здѣсь нѣтъ еще особенно важной заслуги, если брать ихъ только историческую важность. Намъ столько пичкаютъ разнымъ соромъ литературныхъ такъ-называемыхъ характеристикъ прошлаго времени, что на записки почтеннаго автора слѣдуетъ указать только развѣ въ поученіе нѣкоторымъ господамъ литературнымъ восминателямъ, какъ на образецъ того, что заслуживаетъ сохраненія въ дѣятельности лицъ, извѣстныхъ на литературномъ поприщѣ, и какъ слѣдуетъ становить предъ нами литературную личность, чтобъ въ ея мелкихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ свѣтился ея внутренній характеръ и цѣлостный смыслъ всей ея дѣятельности. Впрочемъ и здѣсь мы должны по совѣсти исключить воспоминанія о Державинѣ, которыми заканчивается книга. Признаемся, что при всей живости и одушевленности рассказа, свидѣтельствующей о внѣшнемъ талантѣ рассказчика, мы не вынесли отсюда ни одной важной мысли о Державинѣ, ни одной замѣчательной характеристической черты, кромѣ представленія о живой нетерпѣливости этого знаменитаго писателя и его грубомъ непониманіи собственнаго таланта. Случай, описываемый авторомъ, слишкомъ мелокъ, слишкомъ частень, слишкомъ ма-

ло имѣть глубокаго значенія ; и описацію его скорѣе слѣдовало бы явиться гдѣ-нибудь особенно, а не въ этой превосходной книгѣ, всей проникнутой цѣлостнымъ, глубокимъ воззрѣніемъ.

Но оставляя въ сторонѣ литературныя воспоминанія автора, не можемъ не остановить особеннаго вниманія на глубокомъ историческомъ интересѣ первыхъ двухъ частей записокъ. Всего, что тамъ есть, впервые здѣсь коснулось перо писателя — художника, и какую все это имѣетъ глубочайшую важность! Этотъ быть въ глуши отдаленныхъ отъ столицы губерній, столь не далекій отъ насъ по времени, и по всему прочему уже совершенно намъ чуждый, представляетъ такую поучительную картину! Оставленіе пѣлыми общинами старыхъ пепелищъ и перемѣщеніе на новыя, постепенное заселеніе обширныхъ невоздѣланныхъ степей, отношенія новопереселенцевъ къ туземцамъ Башкирамъ, съ ярко выступающимъ преимуществомъ одной породы предъ другою, образъ жизни тогдашнихъ дворянъ, ихъ отношенія къ своимъ крестьянамъ, къ своему хозяйству, внутренняя семейная жизнь,—все это съ такою ясностію разъ навсегда живописуетъ предъ нами наши коренныя народныя свойства и то, къ чему мы идемъ вмѣстѣ съ постепеннымъ ходомъ жизни, что врядъ ли удастся къ этому прибавить что-нибудь самому подробному будущему историку. Какъ посмотришь впередъ и посмотришь назадъ, на быть отходящей и быть возникающей, не знаешь право, о чемъ жалѣть и чему радоваться, что мы приобрѣли и отъ чего освободились... Вы говорите съ радостію что въ замѣнъ простоты и безыскусственности жизни вступаетъ къ намъ образованіе, точнѣйшія понятія о внѣшнемъ правѣ, правильнѣйшее устройство общественныхъ отношеній; теперь уже не бьетъ какой-нибудь Степанъ Михайловичъ свою Арину Васильевну. Такъ; но кто жъ и спорить противъ просвѣщенія? Кто станетъ теперь защищать напимѣръ грубое самоуправство Степана Михайловича? Мы хотимъ сказать только, что образованіе, вступая къ намъ часто одною своею внѣшнею стороною, не внося чрезъ это въ жизнь еще ничего серьезнаго, стираетъ

отд, III.

въ тоже время то доброе, что лежало у насъ подъ старыми грубыми формами; что вмѣстѣ съ распространеніемъ усовершенствованныхъ формъ общежитія, съ шарканьемъ ногъ и лайковыми перчатками въ высшемъ обществѣ, и относительно свѣтскостію у крестьянина, входитъ часто цѣликомъ презрѣнье ко всему нашему быту, заглушается въ насъ внутренняя правда, которою мы были такъ богаты, изглаживается эта цѣломудренная чистота, которая служила основаніемъ тогдашнихъ отношеній, стирается патриархальная певзыскательность и внутренняя человѣчность обращенія. Рѣже теперь встрѣтится примѣръ того безкорыстнаго самоотверженія, съ какою подава помощь Марья Николаовна при опасной переправѣ черезъ Каму, и между тѣмъ нерѣдко и теперь встрѣтятся люди, подобные тому Нѣмцу, безъ сомнѣнія цивилизованному, который! жесточайшимъ образомъ откологилъ, или — виновать! — приказалъ отколотить палками совершенно безвиннаго Алексѣя Степановича. Мельчаетъ нашъ родъ; утончаясь, въ тоже время скудѣютъ наши интересы; пустьъ и лживѣе стаповятся люди... Но оставимъ это: слишкомъ долго бы пришлось разсуждать, если бы мы вздумали развивать эту тему. Обратимся лучше къ тому, что у насъ передъ глазами. По аналогіи съ судьбой, какою были Записки Ружейнаго Охотника, мы полагаемъ, что и теперешняя книга г. Аксакова не останется безъ вліянія на нашу современную литературную производительность и въ свою очередь вызоветъ намѣренныя и ненамѣренныя подражанья. И такъ вотъ въ чемъ дѣйствительно разумно было бы подражаніе, вотъ чѣмъ между прочимъ можетъ быть вліяніе этой книги благогворно на наше пишущее поколѣніе! Авторъ описалъ намъ только одинъ уголокъ Руси, представилъ намъ тихое движеніе мирнаго очеловѣчивающаго населенія только въ одномъ краѣ. Но сколько еще остается у насъ свѣжей, нетронутой почвы! Признаемся, мы не можемъ равнодушно вспомнить о томъ полупрезрѣннѣ, съ какимъ обходимся мы съ нашею новѣйшею исторіею народной жизни. Какъ? въ наше поколѣніе у насъ заселились огромныя пространства, равныя епронейскимъ государствамъ, созда-

лись цѣлыя губерніи, на примѣръ, самарская: при нашихъ отцахъ наполнился людьми и устроился цѣлый поволжскій край, въ нашихъ глазахъ идетъ постепенное населеніе подошвъ кавказскихъ, происходитъ это постепенное сліяніе породъ, передача Христіанскихъ понятій и человѣческихъ формъ общегитія, — и мы этого не знаемъ и знать не хотимъ. Ни одно лице изъ безчисленно бывавшихъ въ тѣхъ краяхъ, изъ живущихъ тамъ, изъ дѣйствующихъ и свидѣтелей дѣятельности, никто не хочетъ обратить *жизваго* вниманія на этотъ фактъ, въ высшей степени важный для познанія нашей исторіи, нашего внутреннѣйшаго и вѣковѣчнаго существа, нашихъ практическихъ выгодъ, наконецъ фактъ, имѣющій высокое общечеловѣческое значеніе! Боже мой! да когда же мы наконецъ бросимъ серьезныя занятія пустыми, часто во всѣхъ отношеніяхъ ничтожными, отвлеченными интересами? Когда же наконецъ перестанемъ съ радостнымъ волненіемъ слѣдить за измѣненіями жизни совершенно чуждой, оставляя свою собственную течь, какъ ей угодно, и не удостоивая ее взглядомъ сочувствія, сочувствія не на словахъ, а на дѣлѣ? Когда наконецъ мы вслушаемся въ свое собственное, слава Богу, не заглушенное общечеловѣческое, будемъ дорожить имъ, углубляться въ него, изучать его и выносить на свѣтъ общественнаго сознанія, какъ достойное не только нашего, но и всеобщаго сочувствія? И мы говоримъ это, относя свои слова не только къ мирному распространенію Руси, составляющему ея столь извѣстную характеристическую особенность, но вообще ко всѣмъ проявленіямъ народнаго быта. Надобно еще благодарить Географическое Общество, что его ревность вызвала въ послѣднее время нѣсколько описаній въ этомъ родѣ, иногда даже художественно составленныхъ и глубоко захватывающихъ извѣстныя стороны быта. Но неужли жъ ничего нельзя слѣлать безъ виѣшняго, искусственнаго возбужденія? Дай Богъ, чтобы примѣръ г. Аксакова послужилъ для нашихъ пишущихъ братій новымъ благотворнымъ толчкомъ, если уже къ стыду нашему такъ устроилась наша жизнь, что къ возбужденію въ насъ всего добраго необходимо нуженъ такой или другой виѣшній толчекъ.

Другаго рода историческій или, лучше сказать, историческій и педагогическій въ тоже время интересъ представляетъ намъ вторая часть записокъ г. Аксакова. Здѣсь гораздо шире сама собою раскрывающаяся задача изображенія: она касается прямо общечеловѣческихъ вопросовъ, а не въ тѣсномъ смыслѣ народныхъ. Мы разумѣемъ вопросы о воспитаніи и вообще объ устройствѣ внутреннихъ семейныхъ отношеній. Въ рѣшенія этихъ вопросовъ міръ, какъ извѣстно, раздѣлялся на двѣ крайне противоположныя системы. Одна—это система страха и принужденія, — система, существующая у всѣхъ народовъ, стоящихъ на первой ступени развитія общежительныхъ началъ. Таковъ порядокъ воспитанія и семейныхъ отношеній бывалъ и въ нашей древней Руси, о чемъ свидѣлствуютъ слишкомъ краснорѣчивыя наставленія Домостроя, какъ должно «казнить и наказывать дѣтей», бить ихъ неослабно и вообще расправляться съ своимъ семействомъ. Къ другому порядку семейной жизни ведутъ понятія о совершенно полной, отрѣшенной свободѣ супружескихъ и кровныхъ отношеній. Этотъ порядокъ не можетъ быть приписанъ къ отличительному обычаю какого-нибудь народа и какой-нибудь степени развитія общежительныхъ началъ. Онъ является только, какъ частная привычка въ нѣкоторыхъ семействахъ, или какъ идеалъ, къ которому, по ихъ мнѣнію, должно стремиться человѣчество; скажемъ пожалуй, какъ подобный идеалъ, преслѣдуемый, хотя и безсознательно, всею жизнію Запада. Разумѣется, та и другая системы, взлтыя въ своей крайней противоположности, совершенно нелѣпы: первая, потому что хочетъ насиловать въ насъ присущее каждому духовное начало, нравственно-свободное начало жизни, стѣсняетъ духовное развитіе, унижаетъ нравственное достоинство человѣка, низводитъ его на степень машины; другая, потому что основывается на нелѣпомъ, не существующемъ въ природѣ равенствѣ, распрстраняя его на полъ и возрастъ; потому что разрушаетъ въ основаніи всякій общественный союзъ между людьми, одно изъ преимуществъ существа нравственнаго, уничтожая семейную жизнь, или особенность кровныхъ и супруже-

скихъ отношеній, и низводя такимъ образомъ челоуѣка на степень животнаго, и притомъ на низшей степени развитія,—животнаго, не разбивающагося на пары. Въ этомъ отношеніи книга г. Аксакова доставляетъ намъ нѣсколько поучительныхъ страницъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ пространныя объясненія, предполагалъ ли, по нашему мнѣнію, самъ авторъ результатъ, вытекающій изъ его разсказа, какъ заранѣе сознавшую задачу, или это слѣдствіе вышло само собою изъ беззаботно рисованной картины воспитанія; равно какъ и не будемъ слѣдить подробнымъ анализомъ, гдѣ, какъ и чѣмъ собственно дается чувствовать истина воспитанія, и съ какихъ сторонъ схвачена его ложь. Ограничимся только краткими указаніями. Описаніе семейныхъ отношеній стараго Багрова, безпредѣльно самовластнаго въ своей семьѣ, ему непрекословно и со страхомъ повинующейся; запуганная воспитаніемъ и недоразвитая въ слѣдствіе того, нѣжная сама по себѣ натура молодого Багрова; воспитанное тѣмъ же непрекословнымъ, грубымъ самовластіемъ проницательство въ дочеряхъ представляютъ всю непривлекательность системы, существовавшей во времена старой Руси. Домашнее воспитаніе автора и его отношенія къ матери указываютъ доброе начало, которое внесено въ наше воспитаніе образованностію и совершенствованными формами общежитія, и даютъ даже предчувствовать, къ какому совершенству могло бы прійти наше воспитаніе при правильномъ и полномъ сліянніи внесенной отвиѣ образованности съ коренными нашими началами семейной жизни. Наконецъ разсказъ автора о своемъ пребываніи въ гимназій и университетѣ почти каждой сценой своей вызываетъ на размышленіе. Оставляя слышное здѣсь доброе начало, которое можетъ принести воспитанію его общественность, что прямо замѣчается авторомъ, мы хотимъ указать, сколько съ другой стороны можетъ быть вредоноснымъ полное отрѣшеніе воспитанія отъ семейныхъ отношеній. Указываемъ въ особенности на отношенія къ автору главнаго надзирателя К-ва, въ которыхъ всего яснѣе видно жестокое значеніе отрицанія семейной жизни для ребенка,—отрицанія не эмацпирующаго, по жертвующаго тѣлес-

нымъ и нравственнымъ здоровьемъ ребенка одному отвлеченному равенству предъ пустой формой.... Мы сказали выше, что назначили бы книгу г. Аксакова для чтенія юношамъ, какъ воспитывающую и возвышающую нравственно. Скажемъ здѣсь,—мы дали бы совѣтъ самимъ воспитателямъ съ особеннымъ вниманіемъ прочесть красно-рѣчивыя страницы, въ которыхъ авторъ говоритъ о своихъ директорахъ, надзирателяхъ и учителяхъ. Они много тутъ найдутъ для себя поучительнаго.

Но забудемъ на минуту, что прелъ нами книга, заключающая въ себѣ правду историческую; будемъ смотрѣть на нее исключительно, какъ на произведеніе художественное, и станемъ оцѣнивать отдѣльные рассказы автора съ этой стороны. Авторъ самъ даетъ намъ на это право формою, которую придалъ онъ своему произведенію. Мы сказали уже, что онъ не рабски, по рассказамъ и собственному опыту, копируетъ описываемую имъ дѣйствительность, но свободно пользуется содержаніемъ, которое доставляетъ ему запасъ воспоминаній, облекая ихъ вымышленными подробностями, воплощая ихъ въ свободные образы фантазій, и такимъ образомъ подчиняя себя требованіямъ художественности. Высоко поставивъ въ этомъ отношеніи талантъ автора вообще, мы обязаны теперь прослѣдить, въ какой степени выдержавъ онъ въ частностяхъ; станемъ цѣнить автора уже не по общимъ требованіямъ художественности, а по тѣмъ частнымъ требованіямъ, которыя налагаетъ на него собственный его обнаруженный художническій талантъ.

Признаемся, статья о Державинѣ представляется намъ и съ этой стороны слабѣйшею всѣхъ прочихъ. Самый рассказъ въ ней также хорошъ, какъ и во всѣхъ; но общее впечатлѣніе, производимое ея содержаніемъ, не согласуется съ художественнымъ впечатлѣніемъ всей книги. Мы сказали уже, что содержаніе ея не представляетъ особеннаго значенія, какъ характеристика Державина съ исторической точки зрѣнія; скажемъ теперь, что она не представляетъ и художественнаго значенія для всей книги. Объяснимся. Воспоминанія автора, то есть, собственно вторая половина книги, объединяются художественно изображаемою личностію

самого автора. Она даетъ отдѣльнымъ рассказамъ не только внѣшнее единство, что тѣ и другіе, всѣ писаны однимъ лицомъ, но она даетъ имъ и единство внутреннее, составляетъ внутреннее глубочайшее содержаніе ихъ. Всѣ воспоминанія съ художественной точки зрѣнія суть не что иное, какъ художественно представленный процессъ развитія одной личности, начиная самымъ первымъ воспитаніемъ и оканчивая литературными знакомствами какъ бы героя одной большой повѣсти. О чемъ бы ни говорилъ авторъ въ томъ или другомъ рассказѣ: характеризуетъ ли онъ по видимому совершенно постороннюю личность,—описание, кромѣ самостоятельнаго значенія этой характеристики, вездѣ имѣетъ значеніе, и какъ характеристика самого автора; рассказъ о постороннихъ лицахъ является художественною формою, въ которой изображается извѣстная фаза воспитанія автора. И такъ, если смотрѣть на вторую половину книги съ этой точки зрѣнія, — какъ на идею, которую въ художественно-последовательной формѣ раскрыть далъ себѣ задачей авторъ, а не просто, какъ на воспоминанія,—имѣемъ право требовать и по художественному единству прочихъ частей какъ бы ожидаемъ, что эта идея выдержана должна быть и въ послѣднемъ рассказѣ, равно какъ и въ первыхъ. И съ этой—то именно стороны воспоминанія о Державинѣ представляются невыдержанными и нарушаютъ впечатлѣніе, производимое всею книгою. Незначущее знакомство съ Державинимъ, ограничивавшееся тѣмъ, что авторъ *зачитывалъ* знаменитаго поэта, не прибавляетъ ничего новаго къ характеристикѣ личности и къ описанію воспитанія автора. Комическій свѣтъ, въ которомъ здѣсь изображаетъ авторъ свое великодушное самопожертвованіе слабостямъ поэта, нарушаетъ даже впечатлѣніе, оставаемое предыдущими рассказами. Какъ мы сказали, собственно здѣсь не прибавляется никакой новой черты къ характеристикѣ автора, и все живое что проявляется его личностію при описываемой встрѣчѣ съ Державинимъ, извѣстно уже по предыдущимъ описаніямъ и совершенно согласно съ ними. Но такова сила художественнаго единства предыдущихъ рассказовъ и требованій внутренняго

развитія въ художественномъ произведеніи, что это совершенно согласное повтореніе въ изображеніи, какъ неудовлетворяющее ожиданіямъ, производить непріятное ощущеніе и съ комическимъ же освѣщеніемъ, положеннымъ на него, портитъ впечатлѣніе цѣлой картины.

Воспоминанія о Второмъ Періодѣ Гимназін и объ Университетѣ представляются намъ также относительно къ цѣлой книгѣ слабыми, не смотря на обыкновенный мастерскій разсказъ, не смотря даже на множество сценъ, накиданныхъ съ истинною художественностію. Эти два разсказа являются вполнѣ выдержанными по отношенію къ идеѣ всей книги, но ни тотъ, ни другой не представляютъ полной выдержанности сами въ себѣ. Въ нихъ нѣтъ той замкнутости, сосредоточенности, цѣльности, которая требуется отъ художественныхъ изображеній и которую соблюсти способенъ авторъ. Каждая черта не имѣетъ здѣсь необходимаго отношенія къ цѣлому разсказу, не представляетъ живаго органическаго члена. Самый разсказъ, вездѣ, какъ мы сказали, мастерскій, не вездѣ проникнутъ одинаковымъ одушевленіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огонь этотъ прерывается и разсказъ идетъ какъ-будто вялѣе; потомъ среди его вдругъ является отрывочное одушевленное мѣсто, какъ будто насильственно, безъ яснаго сознанія его необходимости, выжатое изъ себя авторомъ. Долго было бы слѣдить за подобными явленіями по цѣлымъ двумъ разсказамъ; мы укажемъ для примѣра только на одно мѣсто, гдѣ авторъ среди описанія пребыванія своего въ деревнѣ и своихъ деревенскихъ занятій, вдругъ восклицаетъ: «подростала и удивительно хорошѣла моя милая сестра, мой сердечный другъ. Она уже не могла раздѣлять моихъ деревенскихъ забавъ и охотъ, не могла быть такъ часто со мною вмѣстѣ, но она видѣла, какъ я веселился, и сносила это лишеніе терпѣливо, за то роптала на мое ученіе и, вѣроятно, потому неблагосклонно смотрѣла на моего учителя». И потомъ обращается къ разсказу о своемъ отъѣздѣ изъ деревни: «10 Августа выѣхали мы» и пр. Слышится, что какъ-будто авторъ чувствовалъ потребность сказать что-то болѣе, что должно было стоять въ органической связи съ цѣлымъ, но разсказъ изъ массы

смутнаго впечатлѣнія въ фантазіи не перешелъ въ опредѣленный, законченный образъ и вырвался однимъ отрывочнымъ восклицаніемъ, безъ ясно выраженной необходимости его для цѣлаго. По этой же неровности, не всѣ личности, упоминаемыя въ этихъ разсказахъ, одинаково обрисованы. Мы можемъ въ особенности изъявить сожалѣніе о недостаточномъ изображеніи Григорья Ивановича К., главнѣйшаго героя упомянутыхъ разсказовъ. Мы говоримъ: о недостаточномъ, разумѣется, въ отношеніи только къ таланту автора: судя по прочимъ изображеніямъ, на примѣръ по изображеніямъ Багрова, Шишкова, Куролесова, въ какой живости могъ бы онъ воплотить предъ нами и эту личность, чрезвычайно замѣчательную и въ особенности заслуживавшую наивысшаго отдѣлки отъ автора. Она обрисована ясно, очень ясно, и многіе изъ нашихъ хваленыхъ писателей могутъ пожелать для своихъ образовъ той же ясности. Но при всей ясности своей, образъ не законченъ; онъ очерченъ карандашомъ, но не разцвѣченъ красками. Натура Григорья Ивановича болѣе *понимается*, нежели чувствуется, — вы болѣе догадываетесь, чѣмъ долженъ быть Григорій Ивановичъ, и сами дополняете представленное изображеніе его, а не встаетъ онъ предъ вами въ книгѣ самъ, со всею живостью живаго челоука.

Что касается до прочихъ разсказовъ, то они безупречны въ художественномъ отношеніи. Мы можемъ дѣлать только сравненіе ихъ относительной важности и цѣнны, какой изъ нихъ выше, чище, полнѣе, а не замѣчать какіе-нибудь недостатки, или можемъ указать иногда развѣ только самыя мельчайшіе недосмотры, нисколько не вредящіе цѣлости общаго художественнаго впечатлѣнія. Изъ двухъ статей, о Шушеринѣ и о Шишковѣ, сходныхъ по своему внутреннему содержанию и одинаково пластично выработанныхъ, первая, съ точки художественной, имѣетъ по нашему мнѣнію менѣе достоинства, или, лучше и точнѣе сказать, вторая имѣетъ его болѣе. Шишковъ представленъ сосредоточеннѣе, глубже и цѣльнѣе, а въ Шушеринѣ изображаемая авторомъ жизнь какъ-бы разбѣгается по сторонамъ, хотя и безъ ущерба общему художественному впечатлѣнію. Глубоко

потрясающій образъ Куролесова, о которомъ довольно уже сказано нами прежде, даетъ намъ случай сдѣлать одно замѣчаніе. Напрасно авторъ скупится на рассказы о дѣйствіяхъ своего героя. «Я рассказалъ» говоритъ онъ «десятую долю того, что знаю», и дѣйствительно касается поступковъ Куролесова болѣе только общими описаніями. Справедливое чувство негодованія и отвращенія, какое возбуждаютъ въ авторѣ воспоминанія о мужѣ Прасковьи Ивановны, намъ понятно; понятно также, что авторъ хотѣлъ пощадить читателей, уволить ихъ отъ созерцанія дѣйствій, возмущающихъ чувство человѣчества. Но съ художественной точки зрѣнія этотъ расчетъ не совсѣмъ вѣренъ. Общія описанія съ тѣми выраженіями чувства омерзѣнія, какія встрѣчаемъ у автора, гораздо скорѣе могутъ производить возмутительное впечатлѣніе, котораго боится авторъ, нежели описаніе самыхъ дѣйствій безъ ясно выраженнаго суда о нихъ. Описаніе въ послѣднемъ случаѣ было бы чисто поэтическимъ; и, какъ всякое поэтическое произведеніе, представляя нашему созерцанію одиѣ явленія извѣстныхъ душевныхъ свойствъ, оно давало бы намъ наслаждаться художественнымъ воспроизведеніемъ жизни, оставляя въ покоѣ наши страсти, — разумѣется, если оно не будетъ при этомъ входить въ подробности, дѣйствительно нисколько не типическія, а только возмутительныя. Настоящею же формою оно приближается, разумѣется, въ самомъ ограниченнѣйшемъ смыслѣ, къ искусству ораторскому, представляющему порознь и самыя явленія, и ихъ смыслъ, въ общемъ подчиненіи того и другаго все объединяющему личному чувству, — къ искусству, возбуждающему по преимуществу страстное впечатлѣніе. Таковъ неизмѣнный законъ, которому подчиняются разные роды словеснаго искусства въ своемъ относителномъ дѣйствіи на душу читателя. Разумѣется, мы все это говоримъ въ самомъ ограниченнѣйшемъ смыслѣ. Куролесовъ, какъ мы уже замѣчали гораздо выше, въ цѣломъ не производитъ возмущающаго дѣйствія, и только при самомъ напряженномъ вниманіи можно отыскать замѣчательный нами неправильный художественный штрихъ. Дѣло только въ томъ, что, если бы авторъ поболѣе далъ намъ

такихъ чертъ , какъ наиримѣръ эта тихость Куролесова, съ какою подступалъ онъ къ своей жертвѣ и говорилъ : « ну, любезный другъ, Григорій Кузмичъ (вмѣсто обыкновеннаго Гришки), дѣлать нечего, пойдёмъ: надобно мнѣ съ тобой расчитаться », и если бы воспользовался фигурой умолчанія только тамъ, гдѣ скрытый въ ней намекъ не понуждаетъ вашего воображенія на самостоятельное усиліе къ дополненію представленнаго образа, подобно какъ дѣлаетъ это онъ, наиримѣръ описывая гитѣвъ старика Багрова, по случаю замужства Прасковьи Ивановны, когда уже Багровъ давно стоитъ предъ вами совершенно живой: тогдабъ художественное впечатлѣніе, производимое Куролесовымъ, было выше и полнѣе. Но и безъ того оно высоко и полно.

Съ возможно-строгаю взыскательностію судя о « Добромъ днѣ Степана Михайловича », можемъ и здѣсь отыскать маленькое пятнышко. Со стороны автора это пятнышко совершенно невольна и произошло отъ самаго характера его таланта. Мы уже говорили, что талантъ автора и въ этой книгѣ по преимуществу является все-таки талантомъ описательнымъ; и читая самую книгу, тѣмъ болѣе поясняя понятія объ авторѣ собственными его признаніями, нельзя сомнѣваться, что безкорыстная любовь къ природѣ занимаетъ одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ въ сердцахъ нашего писателя. Отъ этого-то и произошло въ разсказѣ о добромъ днѣ Степана Михайловича то маленькое пятнышко, о которомъ говоримъ. Описаніе прекрасной Оренбургской природы, которой столько сочувствуетъ авторъ, заслоняетъ нѣсколько предъ нами самого Степана Михайловича. Читая это въ высшей степени превосходное само въ себѣ описаніе, вы болѣе видите предъ собою добрый день Оренбургской губерніи, а не добрый день Степана Михайловича, — тихій, лѣсной іюньскій день, съ припекающимъ солнцемъ, съ жужжаньемъ комаровъ, съ поспѣвающей клубничкою, съ свѣжо взрытыми пашнями и съ прудомъ, на которомъ такъ весело удить.... Степанъ Михайловичъ становится какъ будто на второй планъ, хотя собственно онъ и составляетъ внутреннее единство и глубочайшее содержаніе разсказа; тогда какъ напротивъ природа

должна была бы служить только полставкой для яснѣйшаго изображенія этой личности. Словомъ, эта статья производитъ на васъ впечатлѣнїе прекрасной картины, писанной великимъ мастеромъ, но поставленной въ слишкомъ богатую, широкую, въ слишкомъ блестящую раму. Вы любуетесь картиною, но глаза ваши забѣгаютъ вверхъ и внизъ и невольно останавливаются на этой чудесной рамѣ. Если бы авторъ къ своему описанію природы прибавилъ хоть что-нибудь, меѣе для нея выгодное, хоть дождичекъ, маленькій туманъ, или неспрїятный вѣтеръ, хотя бы въ мимоходномъ, по видимому случайномъ упомянаніи: тогда добрый день пересталъ бы быть добрымъ днемъ губерніи, а былъ бы именно добрымъ днемъ дѣдушки: вся картина не производила бы такого разнѣживающаго впечатлѣнїя, какое теперь, и самъ Степанъ Михайловичъ не казался бы добрымъ только въ слѣдствіе благодатнаго вліянїя юньскаго дня, а являлся добрымъ именно по внутреннему своему побужденію, самъ по себѣ, такъ, въ слѣдствіе добраго стиха, какъ говоритъ авторъ. Впрочемъ за исключеніемъ этого мелкаго цедосмотра, какъ мы сказали, «Добрый день Степана Михайловича» превосходенъ. По нашему мнѣнію, даже эта статья, равно какъ и весь рассказъ о Степанѣ Михайловичѣ, если разсматривать ихъ со стороны внѣшняго художественнаго изложенія, составляетъ рѣшительно лучшую изъ всѣхъ, наиболѣе тщательно отдѣланную часть книги.

Что же касается до Года въ деревнѣ, до Перваго періода Гимназіи, до Женитьбы молодаго Багрова, — это такой перлъ нашей литературы, что здѣсь възыскательность критики совершенно неумѣстна. Намъ остается только восхищаться и благодарить автора. Разумѣется только, что, по самому содержанию своему, «Годъ въ деревнѣ» ниже «Перваго періода Гимназіи», а «Первый періодъ» въ свою очередь ниже «Женитьбы», какъ всякій ландшафтъ ниже изображенїи съ человѣческойю фигурою, и какъ всякій портретъ ниже картины, изображающей въ лицахъ цѣлое историческое дѣйствіе. «Годъ въ деревнѣ», — это ландшафтъ; «Первый періодъ» прекрасенъ по преимуществу, какъ характеристическое изображеніе развитія отдѣльной личности. По «Женитьбѣ»,

« Женитьба молодого Багрова ».... это стоит того, чтобъ разсказать гораздо подробиѣ.

У небогатаго и нечиновнаго дворянина, Степана Михайловича Багрова, живущаго въ глуши Оренбургской губернии и безпредѣльно властвующаго надъ своей семьей, чело-вѣкъ необразованнаго и грубаго въ своихъ привычкахъ, но съ свѣтлымъ умомъ и съ высшею честностію, есть сынъ, единственная отрасль и надежда стариннаго дворянскаго дома. Алексѣй Степановичъ, это — душа тихая, нѣжная и любящая: какъ и отецъ, онъ не получилъ внѣшняго обра-званія, но уже почитываетъ романы и восхищается ими по своему; нѣсколько запуганный воспитаніемъ, онъ не наследовалъ отъ своего отца неукротимой пылкости и грубыхъ проявленій самовластия, но сердце его способно къ принятію глубокихъ впечатлѣній и, въ случаѣ, къ страдательной рѣшимости, которой ничто преклонить не въ силахъ. Такое-то впечатлѣніе произвела на него дворянка небогатая и недавняго происхожденія, но высоко поставлен-ная въ общественномъ положеніи, дочь товарища Уфим-скаго намѣстника, дѣвушка пылкая, съ характеромъ, умомъ и образованіемъ. Образъ прекрасной, умной, блестящей Софьи Николаевны впечатлѣлся въ его сердце, и любовь молодого Багрова можетъ кончиться только смертію или вмѣстѣ съ смертію! Но можетъ ли одобрить эту любовь старый Багровъ, выше всего ставящій въ дворянинѣ его древнее происхожденіе, самъ нѣкогда не женившійся на выгодной и нравившейся ему дѣвушкѣ единственно потому, что она была недавняя дворянка, ясно притомъ видѣвшій своимъ свѣтлымъ умомъ, что Софья Николаевна и въ про-чихъ отношеніяхъ Алексѣю Степановичу совѣмъ не пара? Можетъ ли нравиться эта любовь и всей семьѣ, горячо любившей своего Алешу, желавшей ему невѣсты прекрас-ной, богатой, но въ то же время совершенно покорной, оскорблявшейся за Алексѣя Степановича самымъ чувствомъ, для нея непонятнымъ и, по мнѣнію ея, унижавшимъ Алек-сѣя Степановича, чувствовавшей наконецъ эгоистическимъ инстинктомъ, что Софья Николаевна выше всѣхъ ихъ, и слѣдственно не будетъ уважать ихъ? Можетъ ли наконецъ

сочувствовать сама Софья Николаевна любви молодого Багрова, красавчика, тихаго, скромнаго, но не развитаго, не образованнаго, не знающаго свѣтскихъ приличій, сына какихъ-то оренбургскихъ медвѣдей, — она, дочь перваго лица губернии, чудо ума и красоты, повелѣвавшая своимъ большимъ отцемъ, восхищавшая ученыхъ путешественниковъ, сводившая съ ума всю губернскую молодежь, изъ которой впрочемъ никто не осмѣливался и подумать о взаимности? Нѣтъ! видно не бывать этому! Бѣдный Алексѣй Степановичъ, что съ нимъ будетъ? Вотъ художественная тема, раскрывающаяся въ эгомъ прекрасномъ произведеніи. Мы не знаемъ, не хотимъ знать, существовали ли въ дѣйствительности всѣ лица, упоминаемая авторомъ, не хотимъ знать, сколько тутъ фактической истины, и что собственно принадлежитъ творческой фантазіи писателя, но какая слышна въ этой темѣ глубокая задуманность! Предъ вами сталкиваются устарѣвшій и нововозникающій бытъ, каждый съ своими привычками, понятіями, интересами, съ своими достоинствами и недостатками. Предъ вами Степанъ Михайловичъ съ Ариной Васильевной, со всей своей семьей и съ зятемъ полу-Башкиромъ, съ привычками стараго быта, въ зипунѣ и шушунѣ, добрые, умные, но грубо необразованные; отецъ буйно самовластный, какіе бывали въ старыя времена, звѣрь въ минуты гнѣва; мать, воображающая, что съ взрослымъ, умнымъ сыномъ, глубоко влюбленнымъ, нужно поступать, какъ съ дитятей, развлекая его игрушками. Съ другой стороны, украшеніе города, Софья Николаевна, способная отдаться самому чистому самоотверженію, со всею пылкостью молодой женственной души, умная, прекрасная, образованная, но нѣсколько отвлеченная, какъ отвлеченно все наше образованіе, и такъ же горячо властолюбивая, какъ оно. И среди ихъ переходное лице, Алексѣй Степановичъ, на которомъ должна разрѣшиться эта борьба. Какое драматическое положеніе! Вы сочувствуете, разумѣется, Алексѣю Степановичу; сочувствуете старику Багрову, разсуждающему по своему здраво и основательно; сочувствуете Софьѣ Николаевнѣ. Менѣе сочувствуете Аришѣ Васильевнѣ и всей ея семьѣ, однако видите,

что и въ ихъ дѣйствіяхъ, съ ихъ точки зрѣнія, есть относительная разумность. Должно огладить справедливость автору, что онъ не упустилъ ничего, чтобъ постановить эту тему, какъ должно. Не говоря о Степанѣ Михайловичѣ, котораго полный образъ данъ въ цѣломъ отдѣльномъ разсказѣ, развитіе характера Софьи Николаевны, личность Алексѣя Степановича, самыя побочныя лица этой драмы, начиная отъ родителей Софьи Николаевны и до Нѣмца, отколотившаго палками нѣжнаго дворянчика за то, что «дворянинъ долженъ быть съ большимъ благоговѣніемъ къ служба Господня», все это живо предъ вами.

Долго безмолвно, робко и безнадежно питалъ свою любовь Алексѣй Степановичъ. Наконецъ въ его умѣ блеснула страшная, дерзкая мысль! Вызнавъ чрезъ свою родственницу, принимавшую въ немъ участіе, что Софья Николаевна смотритъ на него не совсѣмъ неблагоклонно и что любовь его еще не рѣшительно безнадежна, онъ ѣдетъ въ Багрово къ своимъ старикамъ—родителямъ за благословеніемъ просить руки Софьи Николаевны. Его несвоевременный пріѣздъ встрѣчаютъ съ удовольствіемъ, но безъ удивленія. Увы, тамъ все уже знаютъ! Сестра собрала уже всѣ свѣдѣнія, по своему передала ихъ своимъ родителямъ и успѣла вполне вооружить противъ нелѣпой мечты Алексѣя Степановича. Какъ? Городская прощелыга, внука козацкаго урядника, нарохтится выйти за ихъ красавчика? Нѣтъ, не бывать этому! И вотъ, въ одно прекрасное оренбургское утро, старый Степанъ Багровъ тихо, но съ твердостью сказалъ своему сыну, чтобъ онъ рѣшительно выкинулъ изъ головы эту блажь, и чтобы объ ней не было и помину. Для старика Багрова сказать значитъ сдѣлать, и ничто въ мірѣ не сломитъ его упорства. Самъ Алексѣй Степановичъ знаетъ это слишкомъ хорошо, и мысль о совершенной безнадежности его любви сражаетъ его до того, что онъ цѣлыя шесть недѣль лежитъ въ нервной горячкѣ, въ безпамятствѣ и тихомъ бреду.... Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ глубоко художественную черту въ разсказѣ автора. Описавъ болѣзнь Алексѣя Степановича и потомъ его выздоровленіе, онъ прибавляетъ: «Родители не нарадовались, не наглядѣлись

на него и убѣдились, что болѣзнь выгнала изъ молодой головы и сердца всѣ прежнія мысли и чувства. Можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, еслибъ его взяли въ отставку, продержали годъ въ деревнѣ, нашли хорошенькую невѣсту и женили...» Художественнымъ тактомъ чувствуетъ онъ, что возвращеніе молодаго Багрова есть дѣйствіе въ его драмѣ необходимое только относительно. Старики могли Алексѣя Степановича послать въ Уфу и не послать; они послали только въ слѣдствіе незнанія всей силы непонятнаго для нихъ чувства и въ радостной забывчивости, по случаю выздоровленія своего сына; и вотъ, одной краткой чертой онъ обрисовываетъ цѣлую картину, весь ходъ, какой приняла бы описываемая имъ жизнь въ случаѣ, если бы старики были догадливѣе и прощательнѣе и оставили сына при себѣ навсегда.

Однако Алексѣй Степановичъ возвращается, и любовь со всей силою страсти снова загорѣлась въ его сердцѣ. Почтительнымъ и рѣшительнымъ письмомъ онъ испрашиваетъ снова у своихъ родителей благословенія искать руки Софьи Николаевны. Разумѣется, послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Полученіе письма отъ сына, впечатлѣніе, которое оно произвело, колебаніе Степана Михайловича, болѣе проникательнаго, начинающаго понимать всю силу чувства въ своемъ сынѣ, пошлая хитрость упорствовавшей Арины Васильевны, болѣе тупой, слѣдовательно не понимавшей опасности, которую она готовитъ горячо любимому сыну, — все это изложено съ рѣдкимъ тактомъ. За тѣмъ слѣдуетъ сцена до того глубокая, что ей можетъ позавидовать первый мастеръ. Какъ мы сказали, въ замѣнъ грубо-пылкихъ проявленій самовластиа, Алексѣй Степановичъ способенъ былъ къ страдательной твердости и рѣшимости непреклонной. Отказъ не охладилъ его упорства. Онъ пишетъ новое письмо. Начитавшись романовъ, Алексѣй Степановичъ безсознательно усвоилъ себѣ фразы, которыя тамъ встрѣчалъ, усвоилъ даже самыя положенія, тамъ описываемыя, разумѣется, также безсознательно и отвлеченно. И такъ въ новомъ письмѣ своемъ, онъ пишетъ къ своимъ родителямъ слогомъ тогдашнихъ романовъ: «не могу преступить воли вашей и

покаряюсь ей; но не могу долго влечить бремя моей жизни безъ обожаемой мною Софьи Николаевны, а потому въ непродолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына». Разумѣется, этого не было бы, хотя самъ Алексѣй Степановичъ и не признавалъ своей невинной лжи. Въ случаѣ новаго отказа, онъ, глубоко правдивая, тихая душа, не рѣшился бы на самоубійство; онъ просто зачахъ бы и умеръ. Но какое дѣйствіе должно было произвести это письмо на стараго Багрова, крайне прямого, не знавшаго лжи, не вкусившаго отравы отвлеченнаго образованія, не понимавшаго и не бывшаго въ состояніи понять, какъ человѣкъ безсознательно можетъ усвоить себѣ ложь, раздвоиться, самъ того не чувствуя и не видя, лгать и сознавать ложь, какъ правду! «Эффектъ былъ сильный; тетки мои захныкали, бабушка, ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплеснула руками и повалилась безъ памяти на полъ, какъ снопъ,—въ старину также бывали обмороки. Степанъ Михайловичъ не шевельнулся; только голова его покосилась на одну сторону, какъ передъ началомъ припадка гитѣва, и слегка затряслась.... Она не переставала уже трястись до его смерти». Какое превосходное изображеніе перелома въ этой грубой, непреклонно-крѣпкой, и въ то же время чистой, свѣтлой, любящей душѣ! Сильный вѣтеръ покачнулъ могучій дубъ, доселѣ только легко потрясавшій своими листьями; онъ сломилъ его, но дорого стоитъ желѣзной душѣ этотъ страшный ударъ: онъ сокрушилъ могучую натуру, и навсегда, неизгладимымъ слѣдомъ останется въ душѣ этотъ всецѣло-потрясшій минутный разломъ.

Наконецъ Алексѣй Степановичъ торжествуетъ. Согласіе отца получено, но новая забота, новое безпокойство: какъ однако приметъ его искательство Софья Николаевна? Борьба Софьи Николаевны самой съ собою, борьба съ нецивилизованностію Алексѣя Степановича, борьба съ грубыми, оскорбляющими деликатное чувство его сестрами, неумышленное оскорбленіе, которая дѣлаетъ она сама Алексѣю Степановичу, не умѣя съ своей стороны пощадить не вполне также понимаемую ею нѣжную сторону его души, грусть Алексѣя

Степановича, смутно почувствовавшаго, хотя и не понимшаго, что и въ этомъ обожаемомъ имъ совершенствѣ образованія есть сторона грубая, которой онъ сочувствовать не можетъ,—сколько здѣсь живаго и глубоко схваченнаго! Софья Николаевна рѣшается, но рѣшается не по истинному чувству своей любви, которой въ ней больше, нежели сколько она хочетъ признать ее въ себѣ, но по ложному чувству своего превосходства; она хочетъ цивилизовать, образовать, воспитать Алексѣя Степановича, и для этого рѣшается выйти за него, — какъ она воображаетъ, пожертвовать собою для него, но въ сущности жертвуя имъ для себя. Какой живой образъ нашего иноземнаго образованія!

Свадьба сыграна; молодые ѣдутъ къ старикамъ родителямъ Багровымъ, еще не выдавшимъ своей невѣстки, съ нетерпѣніемъ ожидающимъ ее, желающимъ вывести на свѣтъ свои смутныя предощущенія. Какъ-то приметъ ее старый, грубый Багровъ? И какое-то впечатлѣніе произведетъ умная, образованная невѣстка на грубо-прямаго свекра и онъ на нее! Какъ подѣйствуетъ на городскую даму видъ простаго деревенскаго быта?... Но мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать снова этой превосходной заключительной сцены,—встрѣчи прекрасной, образованной Софьи Николаевны съ своимъ новымъ семействомъ и со всѣмъ деревенскимъ бытомъ.

«Позади господскаго гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ. «Ѣдутъ, ѣдутъ!» раздалось по всему дому, и вся дворня, а вскорѣ и всѣ крестьяне сбѣжались на широкій господскій дворъ, а молодежь и ребяташки побѣжали на встрѣчу. Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльце; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ и съ шелковымъ гарнитуровымъ съ золотыми травочками платкомъ на головѣ, а Степанъ Михайловичъ въ какомъ-то стародавнемъ сюртукѣ, выбритый и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенкѣ крыльца; одинъ держалъ образъ Знаменія Божіей Матери, а другая — коровай хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя стояли около нихъ; экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, при-

няли ихъ благословеніе и расцѣловались съ ними и со всѣми, ихъ окружающими; едва кончила молодая эту церемонію и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣлъ ей пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крѣпко обнялъ и сказалъ. «Слава Богу! пойдѣмъ же благодарить Его». Онъ взялъ невѣстку за руку, провелъ въ залу сквозь тѣсную толпу, постановилъ возлѣ себя,—и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Какое превосходное изображеніе глубоко-знаменательной встрѣчи! какая чудная картина примиренія! И Вѣра здѣсь въ своемъ истинномъ характерѣ освящающаго примиренія.... Какая глубокая естественность, и въ то же время какая законченность и полнота въ каждой чертѣ!...

Но мы хотимъ однако непремѣнно, во что бы то ни стало, отыскать и здѣсь пятно. Хотимъ отрѣшить себя отъ всякаго пристрастія, хотя бы возбуждаемаго художественностию самаго произведенія. Намъ кажется, во первыхъ, что въ этой превосходной драмѣ авторъ совершенно напрасно, вопреки своему обычному художественному такту, нѣсколько какъ-бы съ желчью отзывается о сестрахъ Алексѣя Степановича. Онъ постоянно употребляетъ, на примѣръ говоря объ Александрѣ Степановнѣ, эпитетъ «бѣшеная», или даже употребляетъ такую фразу: «одна Александра Степановна не вытерпѣла и, сверкая круглыми, выкатившимися отъ бѣшенства зрачками, сказала» и проч. Къ чему это? Фраза эта не велика, но она портитъ художественное впечатлѣніе. Она была бы уместна, если бы Александра Степановна явилась предъ нами и съ своими хорошими свойствами; но ихъ нѣтъ. Дайте намъ ихъ, или совершенно уничтожьте свою фразу, усиливающую непріятное впечатлѣніе, производимое этою личностію. Признаемся, что на насъ лично подобныя фразы, встрѣчающіяся въ художественномъ цѣломъ, дѣйствуютъ рѣшительно болѣзненно, раздражаютъ, какъ дикій диссонансъ, вырывающійся вдругъ среди согласно исполняемой, глубоко трогательной, прекрасной симфоніи. Во вторыхъ, мы недовольны авторомъ за

Алексія Степановича. Былъ ли онъ въ дѣйствительности, и каковъ онъ былъ, мы не хотимъ этого знать. Но по требованію художественной мысли всего произведенія, необходимо, чтобъ Алексій Степановичъ изображенъ былъ рельефнѣе; авторъ долженъ былъ сильнѣе налечь на это изображение, выпуклѣе представить его, ярче выставить свое сочувствіе. Судя потому, чего требуетъ художественная мысль всего цѣлаго, Алексій Степановичъ долженъ быть воплощеніемъ того чисто Русскаго и по преимуществу Русскаго характера, который всеѣми нами ясно чувствуется, за изображение котораго пытались взяться наши художники и второстепенные писатели, но который вполнѣ не удавался еще рѣшительно никому. Лермонтовъ пытался изобразить его въ Максимѣ Максимычѣ, но, какъ мы уже говорили выше, изображение не вполнѣ удалось по очень простой причинѣ, по отсутствію полноты художественнаго сочувствія, потому что авторъ немножко свысока, немножко аристократически посматриваетъ на своего героя. Что-то похожее на слабыя попытки въ этомъ родѣ представляютъ герои романовъ Загоскина, особенно Мирошевъ, но это выходили такія нехудожественныя, блѣдныя, безцвѣтныя тѣни! Типъ точно труденъ; онъ труденъ по отсутствію яркости въ самомъ существѣ своемъ, по блѣдности обнаруженія въ самой дѣйствительности. Это — люди, способные на величайшія дѣла, на подвиги, страшно изумляющіе васъ, но въ то же время безиритязательные, въ какой-то невинно-дѣтской простотѣ не хотящіе понять высоты своихъ подвиговъ и не удивляющіеся имъ въ другихъ, — люди, въ высшей степени мягкіе и незлобивые, но въ то же время поражающіе васъ рѣшимостью и непреклонностью удивительною; люди, глубоко, безпредѣльно-глубоко чувствующіе, но выражающіе свое чувство безъ пылкихъ порывовъ, даже будто съ какою-то вялостью.... Но берегитесь почитать это за вялость!... И такъ авторъ долженъ бы взять на себя трудъ представить намъ такую личность со всею выпуклостью, къ какой способно художественное изображеніе, — и его таланту, съ его общимъ художественнымъ возрѣніемъ, это по силамъ.

Мы сказали довольно. Въ заключеніе полагаемъ пужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе. Авторъ предлагаемаго публикѣ разбора далеко не считаетъ своего мнѣнія, особенно въ общемъ воззрѣніи на литературу, высказаннымъ, развитымъ и доказаннымъ окончательно,—и не удивится, а обрадуется, если изложенныя имъ мысли подадутъ поводъ къ какимъ либо замѣчаніямъ. Полное раскрытіе нашего литературнаго воззрѣнія, надѣемся, представлено будетъ въ другихъ статьяхъ. Въ настоящее же время мы вступали въ общія разсужденія только для большаго объясненія смысла разсматриваемой книги, и вообще всей нашей литературной эпохи, — одушевленные однимъ желаніемъ, чтобъ умѣнье чувствовать прекрасное шло у насъ всегда рядомъ съ умѣньемъ разумѣть прекрасное.

И. Г—въ.

Григорьевъ

Москва.
27 Февраля 1856.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НАРОДНАЯ ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ. СОЧИНЕНІЕ А. Н. ОСТРОВСКАГО. МОСКВА. 1855.

При появленіи своемъ на поприще нашей словесности, г. Островскій съ разу отдѣлился отъ остальныхъ современныхъ ему Русскихъ писателей (*), яркими признаками необыкновеннаго дарованія. Если припомнить впечатлѣніе, которое произвела на общество его первая комедія, «Свои люди—сочтемся», то можно рѣшительно сказать, что послѣ Гоголя никто не имѣлъ у насъ такого громкаго, общаго и вполнѣ заслуженнаго успѣха, какъ г. Островскій. Никто изъ нынѣ дѣйствующихъ писателей, какой бы успѣхъ ни предположить въ развитіи ихъ дарованій, не подойдетъ даже близко къ тому необыкновенному искусству въ созданіи чисто народныхъ комическихъ лицъ, въ выраженіи ихъ мельчайшихъ оттѣнковъ и особенно въ соблюденіи истиннаго склада ихъ рѣчи, какое показалъ въ своей первой комедіи г. Островскій. Послѣдующія его произведенія, даже лучшее изъ нихъ, «Не въ свои сани не садись», не имѣли уже того успѣха; не смотря на всѣ неоспоримыя ихъ достоинства, общество принимало ихъ холодно и всеобщаго, безусловнаго одобренія, какъ первой комедіи, не оказывало. Въ нихъ не видно было прежней художественной силы; отдѣлка становилась небрежною, въ языкѣ стали попадаться сперва рѣдко, а потомъ и довольно часто, такія выраженія, которыя отъ частаго употребленія сдѣлались нестерпимы,

---

(*) Гоголь въ то время молчалъ.

которыми такъ богаты наши лже-пародныя произведенія и которыхъ даже слѣда нѣтъ въ «Своихъ людяхъ». Въ самыхъ замыслахъ, не смотря на сравнительно большую глубину ихъ, стало замѣчаться какое-то колебаніе и какая-то нерѣшительность, какъ будто бы они зараждались въ переходномъ состояніи мышленія, безъ полной свободы окончательно выработаннаго и твердо установленнаго воззрѣнія на жизнь. Критика, неблагоклонная къ духу новыхъ произведеній г. Островскаго, замѣтивъ въ немъ ослабленіе исполнительныхъ силъ, довольно сурово обошлась съ нимъ и съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчала его слабости, обходя отчасти умысленно, отчасти по недостатку вкуса и проницательности, достоинства его произведеній. Критика, пристрастная къ его дарованію, не хотѣла видѣть, какъ это всегда бываетъ, его недостатковъ и, конечно по прекрасному побужденію отстоять правду, но къ сожалѣнію безъ основательнаго разбора, одною силою своей горячности старалась отразить всѣ нападенія, отчасти ею же самою вызываемыя или по крайней мѣрѣ умножаемыя. Дѣло кончилось тѣмъ, что г. Островскій изъ писателя, стоявшаго на нѣкоторомъ особомъ возвышеніи, сдѣлался мало по полу во мнѣніи большинства, почти даже въ общемъ мнѣніи, равнымъ по достоинству съ нѣкоторыми другими писателями, которые подобно ему посвящаютъ свои силы изображенію искомаго Русскаго человѣка.

Это однако не мое мнѣніе. Не смотря на то, что я вмѣстѣ съ другими чувствую и признаю значительную слабость въ исполненіи послѣднихъ произведеній г. Островскаго, все таки его отлччіе отъ другихъ писателей, изображающихъ нашъ народный бытъ, для меня остается существеннымъ. Можно почти такъ сказать, что даже въ то время, когда г. Островскій явился съ первой своей комедіей, когда во всемъ современномъ ему поколѣніи писателей не было ему равнаго,—онъ не столь существенно отличался отъ своихъ совмѣстниковъ, какъ теперь, если только позволено думать, что взгляды на жизнь въ художникѣ такъ же важны, какъ и исполнительныя его дарованія. Въ то время отлччіе его отъ другихъ состояло толь-

ко въ силѣ художественной, такъ сказать, вѣшней: ни у кого не было такого языка, какъ у него, такой опредѣлительности въ очертаніи лицъ, такой близости къ изображаемому быту и многихъ другихъ, не спорю, весьма важныхъ, но все таки вѣшнихъ художническихъ преимуществъ; но въ сущности воззрѣнія на жизнь, и въ особенностяхъ на Русскую жизнь, различіе было не столь велико. «Свои люди — сочтемся» есть конечно такое произведеніе, на которомъ лежитъ печать необыкновеннаго дарованія, но оно задумано подъ сильнымъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на Русскую жизнь, отчасти смягченнаго еще художественнымъ исполненіемъ, и въ этомъ отношеніи должно отнести его, какъ ни жалко, къ послѣдствіямъ *натуральнаго* направленія.

Были уже и въ этой комедіи признаки того, что для г. Островскаго возможенъ иной взглядъ на Русскую жизнь, взглядъ самостоятельный, но только признаки; въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ эти признаки стали гораздо яснѣе, отрицательное отношеніе къ жизни смѣнилось *сочувственнымъ*, и вмѣсто мрачныхъ изображеній, какія мы видѣли въ «Своихъ людяхъ», появляются образы, созданіе которыхъ впушено другими лучшими впечатлѣніями отъ жизни. Ясно стало, что усмотрѣнія г. Островскаго сдѣлались глубже и полнѣе: Русская жизнь стала по немногу открывать ему свои завѣтныя стороны, которыя недоступны предубѣжденному отрицанію, въ которыхъ рисуются существенныя свойства нашего народнаго духа и въ которыхъ между прочимъ скрытъ отвѣтъ на многіе важнѣйшіе вопросы, предстоящіе мышленію современнаго человѣка. Скажутъ можетъ-быть, что взглядъ на Русскую народность вообще измѣнился, что прежняго ожесточенія противъ нея уже нѣтъ, что и въ произведеніяхъ другихъ писателей, ее изображающихъ, видно вездѣ скорѣе сочувствіе къ ней, чѣмъ противное, что слѣдовательно разницы въ этомъ отношеніи между г. Островскимъ и другими нѣтъ никакой. Но дѣло не въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ и безотчетномъ сочувствіи, которое болѣе похоже на синхронное вниманіе, чѣмъ на истинное сочувствіе: мало

сочувствовать, надобно разумно и самостоятельно оцѣнить то, чему сочувствуешь.

Всѣ другіе писатели, заимствующіе содержаніе своихъ произведеній изъ народной жизни, относятся къ ней двояко: иной подходитъ къ ней, какъ любопытный изслѣдователь и наблюдатель; ему дорого подсмотреть особенности наблюдаемаго быта, которыя для него много, много, что занимательны, а не рѣдко и странны, но ему самому для его собственной внутренней жизни онѣ не нужны. Это характерныя картины, которыя ему пріятно разсматривать, еще пріятнѣе умѣть нарисовать самому, но внутренняго, глубокаго сочувствія съ этой жизнью у него нѣтъ: основы этой жизни и его жизни личной инныя. Отъ этого такая робость въ пріемахъ: ибо любопытному доступна только поверхность жизни, и онъ заботится лишь о томъ, чтобы не взять какого-нибудь рѣзко-фальшиваго звука, и потому блѣдную точность рисунка ставитъ своею конечною цѣлью. Отъ этого и такой холодъ: потому что любопытный можетъ быть внимательнымъ, но любить не можетъ. А безъ любви къ жизни, съ однимъ какимъ-то среднимъ расположеніемъ къ ней возможно ли художнику проникнуть въ тайны внутренняго ея смысла и изъ нихъ извлекать художественныя задачи? По необходимости придется въ эту чуждую, неувоенную область приносить свои вопросы, извнѣ навѣянные, а не изъ нея собственно возникшіе. Это есть какое-то формально-художественное отношеніе къ жизни.

Есть другое къ ней отношеніе, которое принадлежитъ направленію въ истинномъ смыслѣ *натуральному*: здѣсь писатель боится спросить о чемъ-либо жизнь, и самый недалекій идеальный полетъ его пугаетъ, какъ нѣчто такое, къ чему онъ не привыкъ, что виѣ знакомыхъ ему представлений, что по этому кажется ему натяжкой и нарушеніемъ естественности. Здѣсь вся забота о томъ, какъ бы повѣрнѣе сдѣлать снимокъ съ того, что доступно самому виѣшнему наблюденію, что происходитъ въ низменныхъ слояхъ нравственной народной жизни. Здѣсь нельзя искать того, чѣмъ живутъ истинныя произведенія искусства: присутствія той внутренней художественной силы, которая пользуется при-

родомъ, какъ веществомъ, и, свободно распоряжаясь ею, претворяетъ ее въ новое произведеніе, являющееся чрезъ то уже произведеніемъ духа, а не произведеніемъ природы. Это направленіе, почитающее себя свободно-художественнымъ, на самомъ дѣлѣ есть самое подчиненное изъ всѣхъ направленій: даже тѣ писатели, которые дѣлаютъ свои произведенія орудіемъ для рѣшенія общественныхъ или нравственныхъ вопросовъ, хотя они тѣмъ и нарушаютъ основной законъ самобытности искусства, все таки, по моему мнѣнію, свободнѣе натуралиста, который не подчиняется вліянію человѣческихъ вопросовъ единственно по равнодушію къ нимъ, но за то находится въ полной зависимости отъ своихъ наблюдений, стало быть, отъ того вещества, которымъ долженъ бы былъ самъ владѣть и которымъ истинный художникъ дѣйствительно владѣть. И какъ блѣдность рисунка и скудость *натуры* составляютъ отличительные признаки предыдущаго направленія, такъ на оборотъ здѣсь все отличается пестротой окраски и обиліемъ мелочныхъ подробностей: въ этомъ ставитъ славу свою *натуральное* направленіе.

Г. Островскій не чуждъ до нѣкоторой степени недостатковъ послѣдняго изъ обозначенныхъ нами направленій, но эти недостатки происходятъ не изъ природныхъ свойствъ его дарованія, а изъ невольныхъ предразсудковъ его художественнаго воспитанія. Видно, что онъ постоянно стремится создать нѣчто самобытное, что онъ силится проникнуть въ глубину народной жизни, извлечь изъ нея достойные истиннаго искусства образы (онъ уже и создалъ нѣкоторые, а еще болѣе намѣтилъ весьма ясно и выразительно); но у него иногда не достаетъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго: ему какъ будто мѣшаетъ ложный стыдъ и робкія привычки, воспитанныя въ немъ *натуральнымъ* направленіемъ. Отъ того нерѣдко онъ затѣетъ что-нибудь возвышенное или широкое, а память о *натуральной* мѣркѣ и спугнетъ его замысль; ему бы слѣдовало дать волю счастливому внушенію, а онъ какъ будто испугается высоты полета, и образъ выходитъ какой-то недодѣланный, не въ угоду ни истинно-художествен-

ственной, ни *натуральной* критикѣ. Не смотря на эти недостатки, я полагаю, что ни отъ кого изъ нынѣшнихъ писателей нельзя ожидать такого глубокаго и истиннаго изображенія нашей народной жизни, какъ отъ г. Островскаго: за это ручается, кромѣ особенностей его дарованія, и теплое сочувствіе его къ этой жизни, и разумное уваженіе къ ея глубокому смыслу. Онъ рисуетъ ее, не какъ посторонній любопытствующій пришлецъ, но какъ человѣкъ, выросшій самъ посреди этой жизни и усвоившій себѣ съ малолѣтства ея разнообразныя очертанія; онъ въ тоже время не боится извлекать изъ нея идеальныя изображенія, зная, что они весьма ей свойственны, хотя ихъ съ трудомъ замѣчаетъ нашъ искаженный глазъ. Правильность его отношеній къ нашей жизни лучше всего доказывается тѣмъ, что онъ съ особенной любовью беретъ въ содержаніе своихъ произведеній тѣ ея стороны, въ которыхъ видится искаженіе прекрасныхъ свойствъ нашей природы глетворнымъ вліаніемъ извнѣ принятыхъ обычаевъ и чуждаго намъ образа мыслей. Прибавлю, что въ произведеніяхъ г. Островскаго задачи не только правильны (это достоинство отрицательное), но и полны глубокаго смысла и всегда здравы въ нравственномъ отношеніи, что въ особенности должно сказать о драмѣ, которой оцѣнка здѣсь предлагается. И нельзя не пожалѣть, что какъ будто нарочно именно это произведеніе, такъ прекрасно задуманное и такъ прекрасно въ драматическомъ отношеніи расположенное, по исполненію слабѣе всѣхъ другихъ дотошъ писанныхъ произведеній г. Островскаго. На это весьма справедливо могутъ замѣтить, что исполненіе въ художественныхъ произведеніяхъ такъ важно, что его недостатковъ не могутъ искупить никакія достоинства замысла и расположенія. Это правда; я и не причисляю эту драму къ произведеніямъ, украшающимъ собою нашу словесность, я вижу ея недостатки и буду говорить о нихъ безпристрастно. Но я не считаю также себя въ правѣ умолчать и объ ея достоинствахъ: ибо замысль драмы никакъ не слѣдуетъ относить къ предметамъ, ничего не значущимъ, особенно если онъ взять не изъ отвлеченныхъ представлений о чело-

вѣческихъ отношенійхъ, а возникъ изъ такихъ глубокихъ усмотрѣній дѣйствительной жизни, какъ это есть въ настоящемъ случаѣ. Такъ задумать драму можетъ только художникъ: ни умъ, ни познанія, никакія другія свойства души не помогутъ въ этомъ случаѣ, кому не дано творческаго дара. Сверхъ драматическаго своего достоинства, задача этой драмы замѣчательна въ высшей степени и по отношенію къ жизненному смыслу, въ ней заключенному: здѣсь предлагается художественное рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ; и вопросъ этотъ тѣмъ для насъ особенно занимателенъ, что рѣшается весьма различно, даже противоположно, у насъ и на Западѣ. Г. Островскій взялъ въ содержаніе своей драмы происшествіе изъ нашей народной жизни, которымъ рѣшается этотъ вопросъ съ Русской точки зрѣнія. Дѣло идетъ о правахъ личнаго чувства и о границахъ сихъ правъ.

Взаимная любовь мужчины и женщины есть чувство естественное, слѣдовательно законное: ибо законъ естественный въ своей чистотѣ есть тотъ же божественный законъ, какъ данный свыше нашей природѣ при созданіи, а не изобрѣтенный впоследствии чьимъ-либо вымысломъ. Посему никто не сомнѣвается, что человѣкъ можетъ испытывать чувство любви и пользоваться счастьемъ, изъ него произтекающимъ, съ полнымъ правомъ и несмущенною совѣстію. И кто не чувствуетъ естественнаго стремленія къ этому счастью, въ томъ безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ предположить особенный холодъ душевный, сухость сердца и вообще болѣзненное состояніе души, соединенное съ важными нравственными недостатками. Иное дѣло вольное отреченіе отъ этого блага для высшихъ цѣлей: это объѣтъ души великой, сильной и любящей, способной забыть личное счастье для высшей любви. Не отсутствіе сердечной теплоты, а изобиліе ея, побуждаетъ человѣка, которому предлежитъ подвигъ, воздержаться отъ всего, что, не смотря на свою законность, можетъ отвлечь его силы отъ главной задачи жизни и чувствомъ наслажденія ослабить крѣпость и напряженіе душевныхъ силъ.

Но оставимъ людей необыкновенныхъ, которымъ лежитъ особый путь, и возвратимся къ людямъ обыкновеннаго порядка, которыхъ касается обсуждаемый нами вопросъ. Личная любовь, какъ естественное чувство, имѣетъ свои права; но это чувство не есть единственное въ нашей душѣ, слѣдовательно правамъ его должны быть поставлены границы. Въ составѣ нашей душевной жизни оно встрѣчается съ другими побужденіями и чувствами, которыя также естественны, слѣдовательно также законны: отсюда естественно протекаетъ мысль о необходимости мѣры для нашихъ ощущеній.⁹ И правильность нашей внутренней жизни зависитъ именно отъ истинной мѣры, до которой мы позволяемъ доходить нашимъ душевнымъ движеніямъ: при такомъ только художественномъ устроеніи души въ нее вселяется истинная красота. И если стремленіе къ счастью встрѣчается съ такими препятствіями, которыя преодолѣть нельзя, не оскорбивъ нравственной своей чистоты, то лучше отказаться отъ правъ на счастье, чѣмъ принять его на условіяхъ унижительныхъ, оскверняющихъ совѣсть. Не тотъ высоко цѣнитъ чувство любви, кто боится провести жизнь, не испробовавъ ея наслажденій, но тотъ, кто принимаетъ счастье лишь тогда, когда оно не входитъ въ раздоръ съ высшими требованіями нравственнаго закона, кто отказывается отъ своихъ правъ на счастье, боясь оскорбить святую самую чувства какой-либо порочной примѣсью или постыднымъ торгомъ съ совѣстью. Кроме того, что любовь, — чувство законное, но все таки личное, — должна бываетъ иногда посторониться и дать дорогу другимъ побужденіямъ, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея стремленія не встрѣчаютъ никакихъ нравственныхъ препятствій, не должно брать ее только съ одной стороны ея значенія, т. е. только какъ источникъ личнаго счастья и наслажденія: у нея есть болѣе важныя стороны. Семейный союзъ, какъ основа всякаго общества, и рожденіе дѣтей, какъ поддержаніе жизни человѣческаго рода, суть явленія, которымъ любовь служитъ поводомъ; слѣдовательно съ нею существенно соединены обязанности супружеской вѣрности и воспитанія дѣтей. Какъ важны эти обязанности, очевид-

но для всякаго: если супружескій союзъ есть основа общественнаго быта, то нарушение супружескихъ обътовъ есть источникъ общественнаго распадёнія; что же касается до воспитанія дѣтей, то нужно ли говорить, что отъ него зависитъ нравственное, общественное и тѣлесное состояніе цѣлыхъ поколѣній, иначе, вся судьба человѣческаго рода? На условія сихъ-то обязанностей союзъ любви признается Христіанскимъ закономъ и освящается въ бракъ таинственнымъ благословеніемъ Сотворившаго мужескій полъ и жепскій. Такимъ образомъ въ Христіанскомъ бракѣ объемлются супружескія отношенія во всей полнотѣ: требуютъ отъ соединяющихся полной свободы побужденій, при вступленіи въ союзъ, и нерушимой взаимной вѣрности послѣ вступленія, онъ чуднымъ образомъ уравниваетъ права и обязанности чувства въ свободномъ обътѣ.

Казалось бы, такой взглядъ на эти отношенія, какъ основанный на божественномъ ученіи, какъ сообразный съ природою вещей, какъ оправданный вѣковыми опытами, долженъ быть выше всякаго возраженія. При такомъ вѣрномъ руководствѣ, единственною заботою человѣка оставалось бы стремленіе приблизить свои жизненные отношенія къ ихъ первообразу: ибо въ этомъ состоитъ вообще вся задача жизни, когда законъ ея найденъ. Въ обществахъ не-Христіанскихъ усовершенствованіе можетъ состоять еще въ преобразованіи самаго закона жизни, но для Христіанскаго общества этой заботы не существуетъ (ибо самые враги Христіанскаго закона не отвергаютъ его безусловной высоты и истины, но нападаютъ на него именно за его высоту, тяжкую для нашей чувственной низости): его задача — осуществлять свой законъ на дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, въ жизни уклоненія отъ закона неизбежны; про это нечего и говорить: жизнь останется всегда ниже своего содержимаго въ умѣ образца; это справедливо не только въ отношеніи къ законамъ Христіанскимъ, но и въ отношеніи къ законамъ земнымъ, примѣняемымъ къ временному состоянію обществъ. Но эти частныя уклоненія, всѣми за уклоненія и признаваемые, еще не составляютъ су-

щественнаго возраженія противъ закона, а суть слѣдствіе естественной человѣческой немощи, закономъ обличаемой и передъ нимъ смиряющейя. Лишь бы законъ, стоя на приличномъ ему возвышеніи, своею правдою освѣщаль мракъ нашей жизни: видя свои слабости и свои уклоненія отъ истины, мы можемъ по крайней мѣрѣ при свѣтѣ закона обличать ихъ, сознать ихъ зло и покаяніемъ обновлять свою жизнь. Стремиться къ высотѣ законной и, не достигая ея, падать передъ нею съ благоговѣйнымъ смиреніемъ,—вотъ истинныя отношенія жизни къ закону, который въ такомъ случаѣ является для насъ источникомъ нравственнаго воспитанія и всякаго внутренняго преуспѣянія. И пока такъ мыслить общество, до тѣхъ поръ для него возможно возрожденіе, какъ бы ни было на самомъ дѣлѣ печально его нравственное состояніе: усиленіе воспитательныхъ мѣръ и другія благопріятныя обстоятельства могутъ пробудить заснувшее общественное сознаніе, и нравственная жизнь, на время замершая, можетъ воскреснуть и вновь разцвѣсти. Но совершеннѣйшая опасность наступаетъ для человѣческаго общества въ то время, когда жизнь не только по безсилію не достигаетъ до своего образца, начертаннаго въ законѣ, но когда, отъ свирѣпости ли страстей, или отъ слѣпнаго отрицанія разсудка, или отъ совокупнаго дѣйствія той и другой причины, упраздняется самое понятіе о законности, ограничивающей произволь нашихъ желаній и дѣйствій, и узаконивается этотъ самый произволь. Въмѣсто того, чтобы тянуть жизнь вверхъ, къ закону, здѣсь напротивъ того законъ нисходитъ до уровня самыхъ неправильныхъ и случайныхъ движеній воли. Отсюда естественно происходитъ полное смѣшеніе законнаго и случайнаго, добра и зла, отрицаніе всѣхъ безусловныхъ понятій о чемъ бы то ни было, и въ жизни, на мѣсто божественнаго порядка, воцаряется мрачный хаосъ того дозаконнаго времени, о которомъ говоритъ Апостоль, когда лишь слабый лучъ естественной совѣсти освѣщаль человѣку его нравственный путь.

Въ западно-европейской жизни мы видимъ ясные признаки такого опаснаго нравственнаго состоянія. Положимъ,

что въ настоящее время, отличающееся совершеннымъ отсутствіемъ какого-либо умственного направленія, къ намъ не доносится съ Запада никакого рѣзкаго выраженія тамошняго образа мыслей: грозныя событія послѣдняго времени приковали къ себѣ общее вниманіе и отвлекли его отъ умозрительныхъ задачъ. Но въ прошломъ десятилѣтіи, когда послѣдніе выводы Европейской жизни и мысли выражались съ такою неумѣренною искренностію, мы помнимъ, вся Европа огласилась страшными ученіями, которыя имѣли своею цѣлію совершенно ниспровергнуть весь прежній нравственный и общественный порядокъ, упразднивъ всѣ вѣчныя, неизмѣнно пребывающія начала человѣческаго быта. Эти ученія касались всѣхъ сторонъ жизни: и государственныхъ учреждений, и частныхъ правъ, и семейнаго союза, однимъ словомъ, всѣхъ человѣческихъ отношеній. Опыты политическаго примѣненія стоили много крови, и дѣло кончилось тѣмъ, что суровая сила призвана была для спасенія страны, бывшей главнымъ средоточіемъ этихъ примѣнительныхъ опытовъ. Но оставимъ политическую жизнь и возвратимся къ нашему вопросу.

Самыя сильныя и опасныя по своему вліянію возраженія противъ семейнаго союза провозглашались въ романахъ Жоржъ Заида. Съ именемъ этой женщины связано столько зла, что говорить объ ея достоинствахъ приходится съ большою осторожностію; но говорить о нихъ необходимо, какъ по чувству правды (потому что онѣ дѣйствительно существуютъ), такъ и для того, чтобъ объяснить причины столь могущественнаго ея дѣйствія на общество. Безусловное порицаніе безъ разбора всего въ такихъ дѣятеляхъ можетъ болѣе повредить истинѣ, чѣмъ способствовать ея торжеству: преступникъ по увлеченію, а не по умыслу, имѣетъ право на разсудительное обличеніе, которое не пропустило бы и того, что можетъ служить къ смягченію приговора. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ж. Заидъ одарена такими свойствами, которыя мы встрѣчаемъ лишь въ людяхъ, если такъ можно выразиться, перваго разбора: во 1-хъ на всемъ Западѣ не было послѣд-

нее время такого сильнаго поэтическаго дарованія въ соединеніи съ такимъ глбкимъ и рѣшительнымъ умомъ и рѣдкой тонкостью и обиліемъ чувства. Во 2-хъ она въ свою ложь вѣрить, какъ въ истину, и готова служить ей всѣми своими средствами, въ что бы то ни стало, въ чемъ выражается искренность ея убѣжденій; а это есть такое свойство воли, котораго нельзя не цѣнить, въ комъ бы оно ни было замѣчено: пусть будутъ ошибочны, даже преступны, только неумышленно преступны убѣжденія человека, но если онъ связываетъ съ ними судьбу своей жизни и служить имъ съ послѣдовательностію и самоотверженіемъ, въ такомъ случаѣ можно, по моему мнѣнію, проклинать послѣдствія этихъ убѣжденій и, разумѣется, противодѣйствовать ихъ развитію и вліянію, но самага представителя ихъ должно оплакивать, какъ жалкаго безумца, нравственно погибшаго по излишнему довѣрію къ своей личной правдѣ. Такіе люди находятъ себѣ нѣкоторое, весьма впрочемъ недостаточное, оправданіе въ томъ, что они по большей части бываютъ порожденіемъ злоупотребленій общественной жизни, преимущественно такихъ, которыя лицемерно прикрываются наружнымъ уваженіемъ къ закону; не вынося такого двоедушія, они въ разгарѣ своей неуправляемой страстности преступаютъ должныя предѣлы обличенія и вмѣстѣ съ злоупотребленіями борются и злоупотребляемую святыню. Это можно сказать и о Зандѣ. Если вникнуть въ смыслъ ея произведеній, то легко открыть, что наиболѣе разжигаетъ ея негодованіе и ея страсть къ низверженію существующихъ учреждений: не смыслъ самыхъ учреждений, хотя она и его не щадитъ, а бездушное отношеніе къ нимъ тѣхъ, которые ихъ существованіемъ и общимъ признаніемъ пользуются для своихъ выгодъ. Я никакъ не намѣренъ защищать лицемеріе; напротивъ того, изъ всѣхъ золъ человѣческой жизни я нахожу его самымъ гнуснымъ и самымъ губельнымъ: оно есть знакъ несправиваго внутренняго безстыдства, знакъ истиннаго невѣрія въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова, оно есть первый и самый вѣрный поводъ къ отрицанію святыни, къ подрыву всего того, къ чему оно оказываетъ свое уваженіе

Отд. III.

что же сказать о тѣхъ, которые, соблазняясь лицемѣриемъ, не ограничиваются борьбою съ нимъ, но встаютъ и противъ тѣхъ священныхъ учреждений, которые сами въ себѣ непорочны и не обязаны отвѣчать за чистоту каждаго личнаго исповѣданія? Такіе люди, сами того не чувствуя, дѣлаются самыми дружными сообщниками лицемѣровъ: ибо другою дорогою идутъ къ одной съ ними цѣли,—къ испроверженію истины, которая никогда не избираетъ крайнихъ дорогъ, а идетъ всегда среднимъ царскимъ путемъ.

Но злоупотребленія были для Занда только предлогомъ къ борьбѣ и снабжали ее живыми возраженіями; истинное же, внутреннее ея побужденіе было иное: ненасытимая страстность ея природы, влеченіямъ которой она предаться не хотѣла, не узаконивъ ихъ, вывела ее изъ здраваго понятія о правахъ личной любви, которое предлагается уставомъ Христіанскаго брака. Обстоятельства, естественно ограничивающія произволъ нашихъ личныхъ ощущеній, показались ей насильственными и не содержащими въ себѣ неприкосновенной правды: она ихъ переступила и свое преступленіе задумала возвести на степень общаго закона. Въ средствахъ не было строгаго разбора: все, что въ житейскихъ случайностяхъ можно найти несообразнаго съ достоинствомъ брачныхъ отношеній, всякія исключительныя, не-типическія супружескія несчастія, однимъ словомъ, все, что можетъ придумать самая неистощимая изобрѣтательность, воодушевляемая въ своихъ поискахъ страстью, все было ею собрано и представлено въ возраженіе противъ святаго устава. За единственное основаніе сердечнаго союза принята любовь, какъ источникъ личнаго эгоистическаго наслажденія, а все остальное, всѣ обязанности, соединенныя съ этимъ союзомъ, на примѣръ, хоть бы судьба дѣтей, все это препоручалось случайному устройству, какъ нѣчто не существенное, а второстепенное. То, что въ Христіанскомъ бракѣ почитается поводомъ, здѣсь стало цѣлью, и на оборотъ. Такой извращенный порядокъ мышленія имѣлъ необыкновенно разрушительныя послѣдствія: то, что прежде сдерживалось предписаніями нравственнаго закона, получило не только свободу, но какой-то призывъ

на усиленное развитіе. Изящество любовнаго наслажденія, столь приманчивое для кипящаго юнаго возраста и столь опасное для его нравственной твердости, даже при тщательномъ огражденіи постановленій, вдругъ разрѣшается безусловно, даже съ поощреніемъ. Женщина, до того времени исключенная изъ позорныхъ правъ, восхищенныхъ мужчиною, получила уравненіе съ нимъ въ этихъ правахъ, и все, что отъ вѣка считалось ея украшеніемъ: стыдъ, цѣломудріе, скромность, вѣрность однажды сдѣланному выбору,—изгоялось, какъ обветшала принадлежность прежняго времени съ его предразсудками. Отсюда-то происходитъ это мрачное уныніе современнаго поколѣнія, ибо священнѣйшія тайны нашего бытія, источникъ нашего счастья, нагло обнажаются прежде времени, и жизнь чрезъ то теряетъ всю свою красоту; отсюда и это общее умственное, нравственное и тѣлесное разслабленіе въ наше время, признанное свидѣтельствомъ лучшихъ умовъ и оплакиваемое друзьями человѣческаго рода. «Дрянъ и тряпка сталъ всякъ человекъ» — (*) есть выраженіе, не ловкое по обороту и по мѣстоименію *всякъ*, но оно осмѣяно и обругано напрасно: оно не съ вѣтру сказано, а есть плодъ глубокихъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ современностію. Да и какъ же иначе можетъ быть? Наслажденіе, ставъ основнымъ началомъ жизни, не можетъ воспитать ничего твердаго, сильнаго, здраваго, трезваго (это все послѣдствія воздержанія и мѣры); оно порождаетъ вялость, лѣнь, болѣзненность, тревогу ума. До чего доводятъ эти ученія женщину, имъ слѣдующую, объ этомъ я умолчу изъ стыда; гдѣ-то сказано: «на женщинѣ, какъ бы вѣкая узда, наложенъ естественный стыдъ; и если бы не онъ, то не спаслось бы «ничто въ мірѣ.» Не слишкомъ ли я мрачно изобразилъ сущность и послѣдствія новыхъ Европейскихъ ученій? Но возьмемъ образчикъ. Самымъ полнѣйшимъ образомъ выражены понятія Ж. Занда о любви въ ея знаменитомъ романѣ, «Люкреція Флоріани»: эта женщина, предста-

---

(*) Переписка съ друзьями.

влечная образцевою и во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ особенности является такою въ своихъ понятіяхъ о любви и въ своихъ способахъ устанавливать сердечныя отношенія. Что же такое Люкреція Флоріани? Это есть мать четверыхъ дѣтей отъ различныхъ и живыхъ еще отцевъ, вступающая въ новый союзъ, который и составляетъ содержаніе романа. Какое же правило было у этой женщины при переходѣ отъ одного избранника къ другому? Не очень мудреное: «Я его прогнала», говоритъ она про одного изъ нихъ. «Впрочемъ я никогда не отдавалась безъ увлеченія», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ; и вотъ все, чѣмъ она руководствовалась въ своихъ выборахъ. Что же еще остается? Еще бы безъ увлеченія!!

Таковъ послѣдній выводъ Европейской жизни и мыслъ въ столь существенной области человѣческаго быта? Не скажутъ ли, что это новсе не общій взглядъ въ Европѣ на эти отношенія, а частно принадлежащій извѣстному писателю? Но Зандъ не столько нововводительница, сколько угадчица общаго настроенія Западныхъ обществъ, которое она только выяснила и привела въ порядокъ силою своего дарованія; (*) кто жъ бы принялъ ея уроки, еслибы въ умахъ было заготовлено твердое имъ противо-дѣйствіе? А ея романы обошли всю Европу, всюду собиравъ обильную дань. Притомъ ея понятія естественно выводятся изъ Европейскаго невѣрія, въ распространеніи и владычествѣ котораго на Западѣ, я думаю, не имѣетъ сомнѣнія никто: ни тотъ, кто этому радъ, ни тотъ, кого это печалитъ. Когда же невѣріе ограничить стремленія чело-вѣка предѣломъ его земнаго быта, куда же дѣться чувству? Отказаться отъ счастья, небеснаго или земнаго, оно не можетъ (это его природа—искать счастья); небо затворено,

---

(*) А. С. Хомяковъ развила эту мысль въ своей статьѣ, «Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ»; тамъ онъ между прочимъ говоритъ: «Жоржъ Зандъ переводитъ въ сознаніе и въ область науки только ту мысль, которая была «проявлена въ жизни Ниноною (Ninon d'Enclos) и которой относительная «справедливость къ обществу была доказана истиннымъ уваженіемъ общества къ этой дерзко-логической женщинѣ.» Моск. Сборн. 1846.

земная дѣйствительная жизнь даетъ мало; остается строить самодѣльный рай. Нужды нѣтъ, что онъ похожъ на магометанскій: «часть—да мой!» вотъ все, къ чему приводится человѣкъ, лишенный Христіанскаго упованія. Если мнѣ докажутъ противное, т. е. что Зандъ есть явленіе частное, особенно возникшее внѣ связи съ общимъ ходомъ западной жизни, я ни мало не поколеблюсь отказаться отъ своего мнѣнія, но я сомнѣваюсь въ возможности это доказать, и Европа врядъ ли откажется отъ Занда, которую она считаетъ плодомъ своихъ умственныхъ и общественныхъ успѣховъ. Странный однако *прогрессъ!*

Гдѣ же нашъ Русскій взглядъ? Гдѣ его искать? Существуетъ ли онъ гдѣ-нибудь, строго опредѣленный? Развѣ у насъ въ обществѣ нѣтъ вовсе этихъ грустныхъ явленій, которыя въ такомъ множествѣ встрѣчаются и даже узаконяются на Западѣ? Конечно, есть; и не мало. Но вѣдь у насъ много своего, а болѣе того чужаго, и чувство справедливости велитъ намъ отдать Западу западное, а себѣ оставить свое. Западъ и у насъ посѣялъ много злаго, пошатнулъ въ нашемъ сознаниі не мало нравственныхъ началъ: это необходимыя слѣдствія нашихъ неосторожныхъ съ нимъ сближеній, чуждыхъ всякой осмотрительности и разбора. Намъ довольно знать, что то или другое идетъ съ *просвѣщеннаго* Запада, и мы, какъ будто какіе неопытные малолѣтки, бросаемся на все съ жадностію и кучей загибаемъ, что ни попало, по пословицѣ: «клады въ мѣшокъ, — дома разберемъ.» Мы однако не будемъ распространяться о явленіяхъ нашей общественной жизни: онѣ извѣстны столько же читателю, сколько и мнѣ; притомъ въ нихъ многое проистекаетъ не изъ сознательныхъ побужденій, а изъ невольныхъ увлеченій, и все это такъ смѣшено, что трудно съ точностію разграничить, что въ нихъ своего и что чужаго. Обратимся лучше къ нашей словесности, которая должна намъ представить не житейскія невольныя увлеченія, а твердо сознанныя и исповѣдуемая начала; и тутъ мы найдемъ не мало слѣдовъ чужаго вліянія. Припомнимъ, на примѣръ, какіе упреки сыпались на Татьяну Пушкина за то, что она не измѣнила мужу, къ

которому не имѣла особой нѣжности, для Олѣгина, котораго любила и котораго видѣла у своихъ ногъ. «Вотъ по истинѣ Русская женщина!» говорили про нее съ язвительной насмѣшкой. Да, мы еще счастливы, что съ понятіемъ о Русской женщинѣ самые враги наши соединяютъ способность не только любить такъ, какъ любила Татьяна, но и такой строгій взглядъ на свои обязанности: да, это наше. Русская женщина не купила счастья цѣною совѣсти: слава ей! О, еслибы эта слава осталась на вѣки за нею! Еслибы просвѣщеніе Запада никогда не увѣрило ея, что вѣрность и честь суть принадлежности слабого умственнаго развитія, что позорное счастье лучше чистой скорби! И кто же предпочтенъ Татьянѣ ея суровымъ критикомъ? Вѣра изъ «Героя нашего времени»: эта женщина, которую нѣкогда любилъ Печоринъ, потомъ бросилъ, а она все отъ него не отстаеетъ, и когда онъ ее отъ скуки кликнетъ, бѣжитъ къ нему опростелю, боясь пропустить счастливую минуточку его прихоти! И у этого человѣка поворачивался языкъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ! Конечно мы попривыкли таки ко всякимъ понятіямъ (и то сказать, ужъ пора), слухъ нашъ притерпѣлся, но, кому не въ привычку, — я не знаю, — это должно привести въ содраганіе. Представьте себѣ свѣжаго человѣка съ естественно развитымъ чувствомъ, воспитаннаго вдали отъ современнаго растлѣнія, какъ на него должно это подѣйствовать? Нужно ли распространяться еще о тѣхъ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ изображается на разные лады, какъ дѣвушка идетъ за мужъ рѣшительно по своей волѣ, даже по любви, сперва живетъ съ мужемъ счастливо, потомъ подвертывается кто-нибудь побойчѣ мужа, и начинается драма: и виноватаго не сыщешь! Еще какъ-то такъ выходитъ, что мужъ виноватъ: чего онъ глядѣлъ? не видалъ развѣ, кого за себя бралъ? Это уже *Западъ*.

Не грубо ли я обошелся съ содержаніемъ нашихъ западныхъ повѣстей и романовъ? Можетъ-быть меня обвинять въ томъ, что я не принялъ во вниманіе тонкости чувствъ и т. п.? Но бѣда пускаться въ тонкости: здравая совѣсть всегда нѣсколько груба и не льститъ пороку, какъ бы прилично онъ

себя ни одѣвалъ, какихъ бы искусныхъ и благовидныхъ извѣтовъ къ самооправданію онъ ни изыскивалъ. Мерзость— все мерзость, грѣхъ— все таки грѣхъ, хотя бы кто грѣшилъ и съ высшей точки зрѣнія.

Но гдѣ же наконецъ нашъ взглядъ, собственно Русскій? На Татьянѣ нельзя же основать никакого общаго всему народу воззрѣнія? Я и не имѣлъ такого намѣренія, и о Татьянѣ упомянулъ только по данному поводу. Такъ не присвоимъ ли мы себѣ Христіанскій взглядъ? Но онъ не нашъ, а общій всей Церкви. Впрочемъ мы имѣемъ нѣкоторое право назвать его нашимъ въ томъ смыслѣ, что нашъ народный бытъ устроенъ совершенно на основаніи Православныхъ миѣній, что всѣ жизненные отношенія, а въ томъ числѣ и семейныя, обсуждаются у насъ въ народѣ совершенно сообразно съ ученіемъ Церковнымъ. Это должно быть извѣстно всякому, кто имѣетъ средства проникнуть, хоть нѣсколько, въ смыслъ нашей Русской жизни; крѣпость же Христіанскаго семейнаго начала есть отличительная черта нашего народнаго быта, признанная, кажется, и друзьями сего начала, и противниками, хотя тѣ и другіе судятъ о немъ разное. Но бытъ, скажутъ, дѣло темное: въ немъ такъ много противорѣчій, что не трудно сдѣлать ошибку въ выводѣ; объ немъ же такія ходятъ различныя, даже взаимно-противуположныя миѣнія, что изъ него мудрено извлечь какія-либо безспорныя опредѣленія нашей народной сущности. Я соглашаюсь съ этимъ возраженіемъ и предлагаю для своего дѣла другой источникъ, котораго нельзя ни оподозрѣть, ни отвергнуть: народную поэзію. Никто, я думаю, не станетъ спорить, что народная поэзія есть самое искреннее и неподдѣльное выраженіе внутренней жизни народа, сдѣланное имъ самимъ, а не кѣмъ-либо, со стороны пришедшимъ, притомъ проверенное общимъ судомъ всенароднаго ума и чувства. Извѣстно, что въ народной пѣснѣ, какъ и вообще въ поэзіи, отражаются самыя задушевныя стороны жизни, которыя въ наибольшемъ ходу въ народѣ; а семейныя отношенія такъ разработаны въ Русской народной поэзіи, что извѣстный собиратель нашихъ пѣсенъ цѣлый значительный отдѣлъ ихъ назвалъ *семей-*

ными. Какъ же бы извлечь изъ нихъ существенныя черты Русскаго взгляда на семейныя отношенія? Постараюсь сдѣлать это, сколько силы позволяютъ.

Есть у насъ въ народѣ пѣсня, которую всякій можетъ слышать и понинѣ, если часъ, другой постоитъ около любого хоровода. Она начинается такъ:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братецъ, ко сестрицѣ въ гости!

Содержаніе пѣсни такое: сестра, отданная за мужъ въ недобрую семью, проситъ брата провѣдать ее и помочь ей совѣтомъ въ ея тяжеломъ и одинокомъ положеніи.

Спроси, спроси, братецъ, про ея здоровье!
У меня ли, братецъ, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Какъ первое горе—свекоръ-то бранчивый,
А второе горе—свекры (*) ворчалива,
Какъ третіе горе—деверекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка,
Пятая кручина—мужъ жену не любить.

Что же дѣлаетъ въ этомъ положеніи Русская женщина, оскорбленная, какъ показываетъ пѣсня, во всѣхъ своихъ правахъ, во всѣхъ самыхъ естественныхъ чувствахъ? Возстаетъ ли она противъ ниспосланной судьбы? Нѣтъ! тѣни этого намѣренія не видно въ пѣснѣ. Клянеть ли она по крайней мѣрѣ своихъ мучителей и съ ними вмѣстѣ свою судьбу, совершенно ничѣмъ не заслуженную? Тоже нѣтъ! Посмотрите, какъ просто и коротко, можно сказать, спокойно она говоритъ о своемъ несчастіи; мужу не придала даже никакого прилагательнаго. Страдаетъ ли она? Конечно; но что же она позволяетъ себѣ въ своемъ страданіи? Какую отраду? Одну тихую жалобу, обращенную къ брату; и кромѣ брата, ея жалобы навѣрно ужъ никто не услышитъ. Чужіе

(*) Древняя форма слова: свекровь.

люди и злые сосѣди если и узнаютъ объ ея несчастіи, такъ ужъ вѣрно не отъ нея. Я не знаю, какъ кому, а мнѣ эта кроткая покорность судьбѣ, которой переменить нельзя, не нарушивъ того, что святѣе всякаго личнаго чувства, представляется трогательнѣйшею чертою, умиляющею до слезъ. Что же отвѣчаетъ братъ? Возмутилъ ли по крайней мѣрѣ онъ ея покорность, а виѣстѣ съ тѣмъ и миръ совѣсти? Сталъ ли онъ раскрывать ей силу ея правъ? Однимъ словомъ, растравилъ ли онъ еще болѣе рану ея сердца, какъ бы сдѣлалъ непремѣнно всякій братъ, который польстилъ бы минутно ея оскорбленному чувству, изобразивъ ей яркими чертами несправедливость къ ней мужа и поруганіе ея правъ? Нѣтъ! Братъ не растерялся ни отъ множества сестринаго горя, ни отъ тайнаго, неуловимаго желанія блеснуть силой своего участія; сохраняя полную ясность невозмущеннаго ума, которую даетъ только истинное вниманіе къ чужему дѣлу и желаніе помочь ему (иначе: истинная любовь), онъ обозрѣлъ ея положеніе и посовѣтовалъ трудное, но лучшее:

Потерпи, сестрица! потерпи, родная!

Сколько въ этихъ словахъ любви! Какой честный, нельстивый; исполненный истиннаго и прозорливаго участія совѣтъ! Вѣдь можно бы и иначе было посовѣтовать: *брось!* *уйди!* или что-нибудь въ этомъ родѣ. И это показалось бы можетъ-быть на первыхъ порахъ любовью и самой сестрѣ! Но какая безумная, если не преступная, любовь! Будто тотъ намъ другъ, кто помогаетъ падать, а не тотъ, кто во время изнеможенія поддерживаетъ насъ на ногахъ? Ну, пусть она бы ушла, что же бы изъ нея вышло? Ни вдова, ни мужняя жена, какихъ—увы!—довольно въ наше время. Но неужели вѣкъ страдать и не ждать ни откуда отрады? Въ чемъ же пройдетъ жизнь? Это не наше дѣло; мы не сами собой получили жизнь и не сами собой распоряжаемся своими обстоятельствами. Наше дѣло — идти своей дорогой, не сбиваясь съ пути добродѣтели и долга; а тамъ что будетъ, не узнаешь, да и не нужно: пошлется счастье—благодаря, пошлется горе—терпи! Вотъ всѣ правила для

устройства обстоятельствъ нашей жизни. Но нашей несчастной не до конца еще терпѣть; братъ предвидитъ измѣненіе ея обстоятельствъ и утѣшаетъ ее такъ:

Свекоръ-то бранчивый, свекоръ скоро помретъ,
Свекры ворчалива за нимъ въ землю пойдеть,
Деворекъ насмѣшникъ въ чужихъ людяхъ возьметъ,
Золовка смутьянка сама за мужъ выдетъ,
Муж жену не любить, другую не возьметъ,
Другую не возьметъ, тебя не минуетъ.

Полагаю, что сказаннаго достаточно для уясненія нашего вопроса, т. е. для отличія нашихъ народныхъ воззрѣній на семейныя отношенія отъ воззрѣній западныхъ. Надѣюсь, здѣсь доказано по крайней мѣрѣ, что есть это отличіе; я оставляю каждому свободный выборъ изъ этихъ двухъ воззрѣній. но желаю только, чтобы этихъ двухъ воззрѣній не считали за одно: хорошо ли для насъ, или худо, что мы въ этомъ разнимся отъ Запада, это особый вопросъ; но смѣшивать различное—во всякомъ случаѣ противно истинѣ.

Пожалуй, кто иибудь скажетъ, что въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ не всегда-то берется вопросъ семейный съ такой чистой стороны, что и въ нихъ поется иногда про невѣрность, нерѣдко рисуется кипящая страсть, вовсе не строго судимая, а изображаемая съ сочувствіемъ къ ней, что слѣдовательно Русская пѣснь разнообразна и непослѣдовательна, какъ самая жизнь; что по этому и нельзя сдѣлать изъ нея такихъ выводовъ, которые не опровергались бы другими, изъ того же источника почерпнутыми. Справедливаго въ этомъ возраженіи будетъ то, что Русская пѣснь, какъ и всякая впрочемъ поэзія, разнообразна до безконечности, что она беретъ въ предметъ своего пѣнія всякія человѣческія отношенія. Но надъ этимъ разнообразіемъ пѣсни господствуетъ вездѣ воззрѣніе безличнаго, по живаго творца ея,—Русскаго народа,—который, какъ словесный художникъ между народами, не нарушаетъ изящества своихъ твореній, явно внося въ нихъ свой судъ надъ ихъ содержаніемъ, предоставляя намъ самимъ его угадывать.

И кто умѣетъ самъ, не нуждаясь въ указкѣ, извлекать изъ поэтическихъ произведеній духъ и созерцаніе поэта, тотъ оцѣнитъ въ Русскомъ народѣ эту художественную воздержность и не сочтетъ ея за нравственное безразличіе, усмотрѣвъ въ нашей пѣснѣ, вмѣсто отвлеченной *морали*, присутствіе живаго нравственнаго суда. Она не строго судитъ страсть? Точно: она благодушна и не способна сурово судить о невольныхъ увлеченіяхъ сердца; она чело-вѣчественна и всегда помнитъ, что имѣетъ дѣло не съ отвлеченнымъ идеаломъ, а съ живымъ человѣкомъ. Но когда эти увлеченія становятся преступны, то Русскую пѣснь не подкупишь никакимъ блескомъ страстныхъ движеній: она никогда не станетъ на сторону порока, хотя бы и разряженнаго и разукрашеннаго (*).

Обратимся наконецъ къ драмѣ г. Островскаго, которая подала намъ поводъ къ изложеннымъ разсужденіямъ; вотъ вкратцѣ ея содержаніе:

Молодой Московскій купецъ, Петръ Ильичъ, бывая по дѣламъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, полюбилъ тамъ небогатую дѣвушку и съ ея согласія увезъ ее изъ родительскаго дома. Впрочемъ, какъ человѣкъ съ совѣстью, онъ не захотѣлъ ея погубить и женился на ней. Но дѣло, начатое въ такомъ страстномъ забвеніи естественныхъ обязанностей, не обѣщало хорошихъ послѣдствій и въ себѣ самомъ носило зародышъ семейнаго горя, какъ справедливаго возмездія: Петръ Ильичъ, слѣдуя тѣмъ же призывамъ своей страстной природы, по которымъ украдучи увезъ Дашу, полюбилъ другую красавицу (уже въ Москвѣ), и въ домѣ пошло все вверхъ дномъ. Даша, замѣтя охлажденіе къ себѣ мужа и переѣзду въ его жизни (онъ сталъ про-падать изъ дому, пить и т. д.), сперва не могла придумать, отъ чего это съ нимъ сдѣлалось; она думала было усиленными ласками и памятью прежнихъ дней вновь обра-

---

(*) Изъ новѣйшихъ пѣсней есть уже и такіа (въ томъ числѣ и известная, превосходная въ художественномъ отношеніи пѣсня «Ванька ключичекъ»), но за новое время я не отвѣчаю: тутъ наконецъ попадаютъ и такіа пѣсни, которыя разъ въ разъ приходятся по нравственной мѣркѣ эмаппации.

титъ его къ себѣ, но вышло еще хуже. Приходилъ отецъ и строго говорилъ ему объ его безпутствѣ, грозилъ близостью бѣды и отказомъ въ своемъ благословеніи, но страсть не допускала до сердца Петра никакихъ увѣщаній и только своими крайними послѣдствіями могла привести его къ сознанію его положенія. Наконецъ Даша узнаетъ объ измѣнѣ мужа и, какъ сама страстная, не вынесла этого извѣстія и съ разу собралась изъ мужняго дома къ отцу съ матерью.

Тѣмъ временемъ старики, провѣдавъ, что дочь съ мужемъ живетъ неладно, сами вздумали ее навѣстить и какъ разъ съѣхались съ ней на Московскомъ постояломъ дворѣ, гдѣ жила Дашина разлучница, Груша. По тихимъ причитаньямъ, мать узнала дочь свою; сперва Даша стыднлась было взглянуть на отца, котораго не видала съ самаго своего побѣга, но его нѣжность тотъ часъ разсѣяла ея стыдъ, и она стала разсказывать родителямъ о своемъ горѣ. Они слушали ее съ большимъ участіемъ; но какъ скоро рѣчь дошла до того, что она кинула своего мужа и ѣдетъ къ нимъ на житье, Агаѳонъ (отецъ Дашинъ) и слышать этого не захотѣлъ и повезъ ее назадъ къ мужу. «Поплакать съ тобой я поплачу; но Богъ соединилъ, человекъ не разлучаетъ.»

Груша слышала всѣ Дашины разсказы и изъ нихъ узнала свое положеніе и обманъ Петра, который казался ей холостымъ. И когда вечеромъ онъ къ ней приходитъ, Груша, сама не своя отъ досады, вычитала ему свои упреки и, уходя съ гурьбой подрутъ на улычку, говоритъ въ прекращеніе всякихъ его недоумѣній: «жена твоя здѣсь была.» Петръ остается пораженный, какъ громомъ. Тутъ подвертывается къ нему Еремка (какое-то загадочное лице, ни то шутъ, ни то колдунъ) и предлагаетъ ему испытать для поправленія своихъ дѣлъ волшебныя средства. Подъ внушеніемъ ложныхъ навѣтовъ Еремки, Петръ является домой и ищетъ жену, грозясь убить ее; но ее прячутъ, и онъ въ изступленіи убѣгаетъ изъ дому, думая отыскать ее по слѣду. Домашніе остаются въ ужасѣ. Отецъ съ матерью видѣли наконецъ своими глазами, каково житье дочери, но когда она опять заговорила было о разлукѣ съ мужемъ,

отецъ ее остановилъ, припомнилъ ей, что она сама выбрала / себѣ судьбу, представилъ ей обязанности жены и посовѣтовалъ ей ждать въ терпѣніи перемѣны своей участи. Его совѣты скоро оправдались : во время общаго безпокойства о Петрѣ, когда хотѣли было бѣжать за нимъ его отыскивать, вдругъ онъ является самъ, чудеснымъ образомъ избѣгши гибели, и, потрясенный своей недавней опасностью, на колѣнахъ просить прощенія у жены и у добрыхъ людей. Отецъ говоритъ : «что, дочка, говорилъ я тебѣ?» Даша бросается къ мужу : «Голубчикъ, Петръ Ильичъ!»

Мысль этого произведенія прекрасно выражается его заглавіемъ : «Не такъ живи, какъ хочется», особенно если прибавить другую половину пословицы : «а какъ Богъ велитъ»; но еще лучше можно бы выразить ее другой пословицей, тутъ же употребленной : «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко.» Здѣсь подъ Божьимъ должно разумѣть начала закона, подъ вражьимъ начало страсти, воюющей противу закона. Намѣреніе воспользоваться такимъ взглядомъ нашего народа на дѣла человѣческаго быта дѣлаетъ честь художническому выбору г. Островскаго и подтверждаетъ сказанное мною выше о глубинѣ его усмотрѣній въ области нашей народной жизни. Страстность понимается у насъ въ народѣ, какъ одностороннее развитіе души, какъ нарушеніе цѣльности внутренняго бытія ; законъ, напротивъ того, какъ бестрастный, почитается началомъ, уравновѣшивающимъ нашу внутреннюю жизнь чрезъ ограниченіе всякаго крайняго развитія одной какой-либо душевной силы. Г. Островскій понялъ это и представилъ въ своей драмѣ страстность, какъ зло, воюющее противъ законнаго семейнаго начала, въ совершенную противоположность тѣмъ западнымъ романамъ и повѣстямъ (о которыхъ мы говорили выше), гдѣ выводится на оборотъ законное начало, какъ зло, губящее свободу и красоту личной жизни. Мнѣ хочется замѣтить, что г. Островскій обязанъ этою глубиной своего возрѣнія близкому знакомству своему съ Русскою пѣсней (по крайней мѣрѣ мнѣ это такъ кажется), которая оторвала его взоръ отъ случайныхъ и несущественныхъ выраженій Русской народности и постепенно во-

дила его и не перестаетъ вводить въ полнѣйшее познаніе народнаго духа и его существенныхъ проявленій: не даромъ онъ такъ любитъ вставлять Русскія пѣсни въ свои произведенія. Въ этой же драмѣ слышится даже нѣкоторое вліяніе пѣсни, приведенной у меня выше (Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!). Я не смѣю сказать утвердительно, что г. Островскій именно ею воспользовался (онъ могъ и совпасть съ нею), но не могу не обратить вниманія читателя, на примѣръ, хоть на конецъ драмы; въ ея заключеніе такъ и просятся стихи:

Мужъ жену не любитъ, другую не возьметъ;
Другую не возьметъ, тебя не мнуетъ.

Потомъ, когда Агаеонъ говоритъ дочери о терпѣннн, опять приходятъ на мысль изъ той пѣсни слова:

Потерпи, сестрица! потерпи, родвая!

Кромѣ того, что мысль этой драмы имѣетъ сама по себѣ глубокое значеніе, и драматическая обстройка ея заслуживаетъ полнаго вниманія критики, какъ превосходное художественное намѣреніе. Въ этой драмѣ взяты мужъ съ женою, соединившіеся по страстной взаимной привязанности, которая заставила ихъ забыть важныя естественныя обязанности: они обвинчались тайкомъ отъ родителей, не испросивъ на то ихъ благословенія. Но и послѣ своего соединенія они не умѣли развить своихъ отношеній въ истинно супружескія, оставаясь и въ бракѣ страстными любовниками: тѣже самыя побужденія, по которымъ они соединились, въ дальнѣйшемъ своемъ естественномъ развитіи привели ихъ отношенія къ разладу, который и данъ въ драмѣ исходною точкою дѣйствія. Цѣль драмы — возстановленіе разлаженныхъ семейныхъ отношеній. При какихъ же условіяхъ совершается это возстановленіе? При дѣйствіи двухъ взаимно противодѣйствующихъ силъ: съ одной стороны Московскій постоялый дворъ, какъ ищущая сила, съ отважной красавицей Грушей, съ ея матерью Спиридоновной, которая «уважаетъ купцевъ за ихъ жизньъ», съ темнымъ колдуномъ Еремкой, съ маслянич-

нымъ пьянствомъ и т. д.; съ другой стороны представители Божьяго начала: Илья, отецъ Петровъ, и Агаеонъ, Дашинъ отецъ, которые, кажлый по своему, стараются умирить семейный бытъ своихъ дѣтей, возстановивъ въ немъ законное начало, низверженное дѣйствіемъ страсти (*). Обстановка истинно драматическая! И въ самомъ внѣшнемъ расположеніи дѣйствія г. Островскій показалъ значительное искусство: дѣйствіе развивается естественно и быстро, каждая сцена способствуетъ его постепенному ходу къ предположенной цѣли. Исключить должно только появленіе Ильи, который какъ-то странно появляется, какъ случайное лицо, въ началѣ драмы, чтобъ выговорить свои нравоченія, и потомъ не принимаетъ въ ней никакого участія. Этотъ упрекъ впрочемъ не имѣетъ важности. Гораздо важнѣе упрекъ, касающійся развязки драмы: здѣсь г. Островскій показалъ свою обычную слабость; онъ не умѣетъ никогда свести своего дѣйствія къ круглому заключенію, которое удовлетворило бы чувству читателя. Такъ случилось и здѣсь: доведя дѣйствіе до самой крайней точки драматическаго возвышенія, онъ круто повернулъ его въ противоположную сторону и привелъ читателя туда, куда тотъ и не думалъ попасть. Тоже самое мы видимъ и въ другомъ его произведеніи, «Бѣдность не порокъ»; должно быть это какой-нибудь природный порокъ въ дарованіи г. Островскаго. Такіе быстрые и неожиданные переломы встрѣчаются въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ, которыми видимо руководствовался г. Островскій, но сказанія наши спасаетъ въ этомъ случаѣ ихъ эпическая форма; а какъ неловки въ драмѣ такого рода переходы, это испыталъ навѣрно тотъ, кто видѣлъ піесу г. Островскаго на сценѣ.

Но главный недостатокъ этой драмы, по которому она не имѣла ни малѣйшаго успѣха ни на сценѣ, ни въ чте-

---

(*) Замѣтимъ, что г. Островскій показалъ тутъ богатство своего вымысла, представивъ законное начало въ двухъ типахъ: Илья есть представитель строгой законности, не внимающей ничему, кромѣ своей отвлеченной правды; Агаеонъ есть представитель истинно—Христіанской законности, отнюдь не не соизволяющей безобразію страстныхъ движеній, но въ тоже время любовью покрывающей чужую слабость.

ни, слабость въ созданіи характеровъ, какой дотолѣ не показывалъ г. Островскій ни въ одномъ изъ своихъ произведеній. Правда, Агафонъ, Даша, Груша и Вася намѣчены довольно живо и можетъ-быть, при лучшемъ созданіи главнаго дѣйствующаго лица, они могли бы способствовать общей красотѣ произведенія; изъ нихъ Даша, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но Петръ, на которомъ держится вся драма, исполненъ такъ неудачно, что и самому посредственному художнику не принесъ бы чести: здѣсь повредила г. Островскому та робость приемовъ, о которой я говорилъ, какъ о вліяніи *натуральнаго* направленія. Слѣдовало бы этотъ характеръ взять гораздо пошире, дать ему размахъ, свойственный Русскому разгулу, который стремится уйти въ какую-то безконечность. Эта черта поддерживала бы постоянно высоту драматическаго настроенія; и притомъ она наша Русская черта, воспроизведеніе которой могло бы быть лестной задачей для нашего отечественнаго художника: она слышится и въ нашей пѣснѣ, и въ безконечномъ разливѣ ея напѣва; объ ней упоминаетъ и Пушкинъ, какъ объ основной чертѣ нашей народной поэзіи, ее брали и другіе писатели наши и выражали иные очень удачно.

А у г. Островскаго вышелъ какой-то средней руки гуляка, у котораго всплываютъ на верхъ животныя чувства, внушающія омерзѣніе; а при такихъ условіяхъ отъ лица трудно ожидать драматическаго впечатлѣнія. Возьмемъ, напримѣръ, его пьянство. Я ни слова не говорю: пьянство здѣсь выведено совершенно умѣстно; оно очень свойственно въ такомъ запутанномъ состояніи, въ какомъ находится Петръ. Но это долженъ бы быть запой отъ страшной внутренней тревоги, которой ни чѣмъ ни зальешь, ни затушишь. А онъ что говорить? «Вина! да ты подай хорошенькаго, вѣдь нынче масляница!»

Объясненіе его съ Грушей оскорбляетъ вкусъ съ другой стороны: это точно какой-нибудь герой изъ лже-народной драмы Кукольника или Гедеонова. Онъ объясняется съ нею въ такихъ выраженіяхъ, которыми г. Островскій никогда не позволялъ себѣ злоупотреблять: онъ былъ сперва

такъ строгъ къ себѣ въ отношеніи къ языку. «Жизнь моя, лебедь бѣлая, прилука молодецкая!» и другія подобныя выраженія никогда не встрѣчались прежде въ его произведеніяхъ: онѣ сами по себѣ прекрасны и взяты изъ народной поэзіи, но наши романисты и драматическіе писатели такъ ихъ опошили неумѣстнымъ употребленіемъ, что ихъ избѣгаетъ художникъ съ чистымъ вкусомъ.

Въ особенности же дурень Петръ. въ той сценѣ, когда онъ, подъ внушеніемъ Еремкиныхъ навѣтовъ, является домой, грозясь убить жену. Тутъ ожидаешь страшнаго потрясающаго дѣйствія; вдругъ является отяжелѣвшій отъ хмѣля, раскисшій человѣкъ, который несетъ какую-то нескладницу, ничего въ себѣ драматическаго не заключающую. На примѣръ:

«Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь! А то... ухъ! Не дыши передо мной, не огорчай меня.»

Это прямо норовитъ въ какой-нибудь *натуральный* водевиль. Потомъ онъ говоритъ про жену:

«Мнѣ нынче человѣкъ про нее сказывалъ.... Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ.... горючь камень алатырь.... Приво-
роты всѣ знаетъ, пушаетъ по вѣтру....»

Неужели же для того прибѣгалъ г. Островскій къ волшебной стихіи, чтобы дать случай Петру сказать нѣскольکو нелѣпныхъ суевѣрныхъ выраженій? Какъ же можно въ такую страшную драматическую минуту смѣшить читателя безсвязнымъ вздоромъ? Хмѣль должно было взять, какъ средство усилить изступленіе страсти, какъ подчиненное явленіе, а тутъ онъ является посверхъ всего, на главномъ мѣстѣ. Непостижимая ошибка!

Кстати тутъ скажемъ и объ Еремкѣ. Вывести лице таинственное и искушающее около запутавшагося Петра — мысль прекрасная, сообразная съ общими понятіями о введеніи чудесной стихіи въ поэзію и въ особенности согласная съ нашими народными сказаніями подобнаго содержанія. Всякій изъ насъ безъ сомнѣнія слыхалъ въ дѣтствѣ не мало народныхъ разсказовъ о томъ, какъ человѣкъ, сбившійся съ прямой нравственной дороги, встрѣчается съ какимъ-то таинственнымъ лицомъ, которое всюду

за нимъ слѣдуетъ и доводить его своими оболъщеніями до конечной гибели, и только особенная, ниспосланная во время помощь спасаетъ заблудшаго и возвращаетъ его на истинный путь. Въ этомъ отношеніи мысль вывести Еремку и свести Петра на Москву-рѣку мы находимъ прекрасною, но исполненіе ея весьма неудачнымъ. Еремка похожъ болѣе на шута, чѣмъ на колдуна, и вовсе ужъ не производитъ на читателя того околдовывающаго впечатлѣнія, какое всегда есть въ народномъ изображеніи этихъ лицъ. Конечно такимъ лицомъ можно воспользоваться и съ комической стороны, но тогда нужно было бы переладить всю драму и обратить ее въ комедію; въ противномъ случаѣ оно должно разстроить собою все драматическое впечатлѣніе, какъ это и случилось съ Еремкой. Мало того; Еремка и не смѣшенъ, а до невѣроятности пошлъ, такъ что своими словами производитъ даже не смѣхъ, а нестерпимую скуку и досаду. Онъ выходитъ такой, какимъ бы его вывелъ недалководный художникъ, если бы желалъ потѣшиться надъ народнымъ суевѣріемъ; въ г. Островскомъ такого нехудожественнаго намѣренія предположить нельзя; и для меня просто необъяснимо, отъ чего онъ такъ дурно воспользовался этимъ лицомъ, которое, при искусномъ употребленіи, могло бы вытти красую драмы, усиливъ ужасъ изображенія внутренней страстной бури своимъ таинственнымъ присутствіемъ и искушающими внушеніями.

Столь слабое исполненіе въ созданіи главнаго лица, на которомъ держится вся драма, должно было отнять у нея всю красоту, какъ бы ни были хороши въ ней отдѣльныя явленія, побочныя лица и другія подробности. Я не останавлиюсь на этихъ подробностяхъ, хотя разборъ ихъ во многомъ смягчилъ бы строгій приговоръ художественной сторонѣ драмы. Никто не сомнѣвается въ способности г. Островскаго ловко составить какую-либо сцену, зацѣпить мимоходомъ какую-нибудь любопытную черту характера или народной жизни; но эти достоинства мы видимъ не рѣдко въ писателяхъ, и не столь даровитыхъ, и потому мы пропускаемъ ихъ на этотъ разъ безъ вниманія. Мы надѣемся еще не разъ встрѣтиться съ г. Островскимъ

на художественныхъ вопросахъ; теперь же мы хотѣли поярче выставить недостатки его произведенія съ указаніемъ главной ихъ причины, чтобы сколько-нибудь съ своей стороны способствовать освобожденію г. Островскаго отъ привычекъ ложнаго вкуса.

Главною же нашею цѣлью въ этомъ разборѣ было оцѣнить важность той задачи, которую предложилъ себѣ г. Островскій въ своей драмѣ: ибо въ выборѣ ея онъ показалъ особенную проникательность, какой не видать ни въ комъ изъ современныхъ писателей. Въ наше время, когда прежде всего просить рѣшенія вопросы, касающіеся нашей народной сущности, искусству предстоятъ великія и славныя задачи: ибо у него есть особенныя средства, ему одному принадлежащія, уловлять тончайшія подробности народной жизни и народныхъ типовъ, которыя не могутъ быть схвачены и опредѣлены наукою и въ которыхъ между тѣмъ отражаются внутреннія свойства народнаго духа. Напрасно возражать противъ этого, что искусство должно быть свободно въ выборѣ задачъ и не слушаться въ этомъ отношеніи никакихъ постороннихъ указаній, а пользоваться тѣмъ, что даетъ сама жизнь. Мы и не посягаемъ на свободу искусства и никакъ не хотимъ предписывать ему того или другаго направленія; но когда оно само склонилось къ преимущественному изображенію народной жизни, тутъ мы въ правѣ пожелать ему, чтобы содержаніемъ его были не однѣ виѣшнія и незначительныя подробности ежедневнаго быта, на которыя съ такой жадностью кидаются современные писатели, но чтобы его задачи брались изъ существенныхъ сторонъ внутренней жизни народа. Г. Островскій выборомъ своихъ задачъ, а особливо послѣдней, совершенно удовлетворяетъ этому требованію и, какъ намъ кажется, въ этомъ отношеніи недостаточно оцѣнить и даже понять: между тѣмъ какъ это-то и кладетъ рѣшительную разницу между нимъ и другими современными писателями. Неудачи исполненія не должны пугать г. Островскаго: онѣ случались не съ нимъ однимъ. Передъ нимъ будущность; мы ждемъ исполненія тѣхъ надеждъ, которыя возбудилъ онъ въ обществѣ, при своемъ появленіи, и надѣемся, что намъ

еще придется читать его произведенія, столь же прекрасныя по исполненію, какъ «Свои люди-сочтемся», и столь же глубокія по содержанію, какъ та драма, которая подала намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ.

Тертій Филипповъ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

Соч. Б. Чичерина. (*Русск. Вѣстникъ* кн. 3 и 4.).

Г. Чичеринъ начинаетъ свой обзоръ тѣмъ, что мнѣнія барона Гакстгаузена и Тенгоборскаго о сельской общинѣ въ Россіи неудовлетворительны, что одного нагляднаго изученія современнаго быта Русскихъ сельскихъ общинъ недостаточно для надлежащаго пониманія этого учрежденія и что для этого необходимо историческое изученіе. Въ слѣдъ за тѣмъ, разбирая мнѣніе Гакстгаузена, г. Чичеринъ говоритъ: « прежде всего никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто родовая или патріархальная община составляетъ исключительную принадлежность Славянскаго племени » и опровергаетъ это мнѣніе указаніемъ на известную статью покойнаго Грановскаго о томъ, что родовая община первоначально существовала и у Германцевъ, а также на основаніи той же статьи указываетъ, что слѣды подобнаго быта замѣтны у Кельтовъ, Евреевъ, Грековъ и Римлянъ. Все это вполне справедливо и можетъ быть подтверждено прямыми историческими свидѣтельствами ; жаль только, что г. Чичеринъ, ссылаясь на статью Грановскаго, не сослался на Зибеля, котораго книга: *Entstehung des Deutschen Königthums*, служитъ основаніемъ статьи Грановскаго и представляетъ первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у Германцевъ, на что справедливо указалъ и самъ покойный Грановскій.

Обращаясь къ Россіи, г. Чичеринъ начинаеть предположеніями : « что касается до Россіи, то у насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ. Но общая аналогія и ближайшее сродство съ другими Славянскими племенами дѣлають весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣже гражданскія формы, какъ и у другихъ. » Предположеніе это, какъ предположеніе, довольно вѣрно, особенно ежели его не относить къ опредѣленному времени, положительно извѣстному по дошедшимъ до насъ памятникамъ. Далѣе авторъ выставляетъ положеніе : « Патріархальная община можетъ удержаться въ исторіи только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ бытѣ не вторгаются новыя стихіи, разлагающія прежнія родственныя отношенія. А такія-то именно стихіи появились въ Русской жизни съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Дружина держалась на началахъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ родственно-общиннымъ отношеніямъ.... принесенныя ею начала, расширяясь и развиваясь, обняли наконецъ всѣ общественныя отношенія народа, такъ что мало осталось мѣста для прежнихъ родовыхъ союзовъ. » Положеніе, что для патріархальной (конечно родовой) общины необходима однородность жизненныхъ элементовъ общества, не противорѣчитъ общимъ законамъ исторіи; но авторъ нѣсколько опоздалъ съ приложеніемъ, что на Руси разложеніе однородности элементовъ общества началось съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Русская исторія во первыхъ не свидѣтельствуетъ ни объ одномъ нашествіи западныхъ дружинъ, кромѣ Варяговъ, и притомъ Варяжское нашествіе 852 года, о которомъ упоминаеть нашъ лѣтописецъ, не могло имѣть какого-либо ощутительнаго вліянія на устройство Славянскаго общества на Руси; ибо Варяги приходили только за данью, и на четвертый годъ были выгнаны, какъ прямо говоритъ лѣтопись : « изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани. » Во второй же разъ было не нашествіе, а приглашеніе Варяговъ; « идоша за море къ Варягамъ къ Руси, и рѣша Руси: да поидите княжить и володѣть нами. »

Во вторыхъ, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, нарушение однородности элементовъ общества на Руси совершилось гораздо раньше прибытія Варяговъ-Руси; оно началось съ самаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная въ здѣшній край. Славянскія племена, пришедшія съ Дуная въ разное время, а не всѣ вдругъ, селились здѣсь между Финнами и Латышами, мѣшались съ ними и ославянивали ихъ. Поселеніе Славянъ между Финнами и смѣшеніе съ ними особенно замѣтно въ Новгородскомъ краю, и земляхъ Ростовской, Бѣлозерской, Суздальской и Муромской, гдѣ еще на памяти исторіи разныя Финнскія племена, — Чудь, Водь, Вель, Меря, Муромы, жили смѣшенно съ Славянами и мало по малу усвоивали ихъ образъ жизни и даже языкъ; очевидно тоже было и въ другихъ краяхъ Руси на югѣ и западѣ, только ославяненіе тамошнихъ чужеродныхъ племенъ совершилось гораздо прежде, и исторія объ немъ не помнитъ и застаётъ тамошній край совершенно ославяненнымъ. Добровольное призваніе Варяговъ-Руси Новгородцами, Чудью и Кривичами служить лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что Славянское общество на Руси, еще за долго до прибытія Варяговъ, состояло уже не изъ однородныхъ элементовъ и утратило характеръ родовой общины; при родовомъ устройствѣ общества добровольное приглашеніе чужеродцевъ и уступка имъ важныхъ правъ невозможны. Слѣдовательно не Варяжскія дружины измѣнили у насъ характеръ Славянскаго общества; Варяги уже не застали родовой общины на Руси, они нашли здѣсь уже общину договорную, и сами на договорѣ были приглашены въ эту общину. Самъ г. Чичеринъ, говоря о наследованіи князя послѣ бездѣтнаго смерда, справедливо замѣчаетъ, что « князь здѣсь не былъ замѣною родоначальника, воображаемымъ представителемъ рода, ибо постороннее лице никогда не можетъ замѣнить родоначальника. » Слѣдовательно чужеродный князь и не могъ быть приглашенъ родою общиною; его могла пригласить только община, составившаяся не въ слѣдствіе родовой необходимости, а по добровольному согласію членовъ, безъ отношенія къ родовымъ связямъ, и притомъ община,

прожившая немало времени и опытом дознавшая необходимость имѣть князя, какъ главнаго судію и правителя.

Незначительно по видимому было первое отступленіе г. Чичерина отъ исторіи : онъ только дотянулъ родовую общину до прибытія Варяговъ и Варяжское прибытіе назвалъ нашествіемъ; но оно повело его къ новымъ отступленіямъ, къ новымъ противорѣчіямъ всѣмъ даннымъ, представляемымъ Русскою исторіею. Такъ вслѣдъ за мнимымъ Варяжскимъ нашествіемъ онъ уже уподобляетъ древнихъ Русскихъ Князей западнымъ феодальнымъ королямъ и говоритъ: «князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ, какъ посредникъ, а на югѣ и въ большей части Россіи явился завоевателемъ. Силою оружія приобрѣлъ онъ себѣ землю и этимъ самымъ получилъ возможность сдѣлаться въ послѣдствіи единодержавнымъ Государемъ. Такъ на западѣ феодальные короли считались верховными владѣльцами земли въ силу завоеванія. Дружинники были его ближайшими помощниками и потому они вмѣстѣ съ нимъ приобрѣли поземельную собственность. На западѣ земля ихъ считалась ленною, у насъ она называлась бѣлою, т. е. свободною отъ податей и повинностей и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы получали освобожденіе. Общинной же земли, какъ увидимъ ниже, въ княжескихъ владѣніяхъ не осталось; вмѣсто прежней патріархальной собственности является собственность князя и его дружины. Община родовая превращается въ владѣльческую, въ которой былъ одинъ частный собственникъ, да пришлые люди, сидѣвшіе на его землѣ.» Здѣсь авторъ ни разу не сослался на источники, конечно не потому, чтобы источники не говорили объ этомъ предметѣ, но потому, что источники не говорятъ того, что говоритъ г. Чичеринъ.

И такъ обратимся къ источникамъ и посмотримъ, насколько они согласны съ мнѣніями, высказанными г. Чичеринымъ. Онъ говоритъ, что князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ, какъ посредникъ; и лѣтописи говорятъ тоже: «рѣша сами въ себѣ Чудь, Словѣни и Кривичи: поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси.» (Лавр. лѣт. 8). Далѣе г. Чичеринъ

пишетъ: «а на югѣ и въ большей части Россіи князь явился завоевателемъ. Силою оружія приобрѣлъ онъ себѣ землю.» Но этого лѣтописи не говорятъ: о Рюрикѣ и его братьяхъ въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ по приглашенію Чуди, Словѣнъ и Кривичей сѣлъ въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣль-озерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Потомъ Рюрикъ, по смерти братьевъ, роздалъ своимъ мужамъ города, кому Ростовъ, кому Полоцкъ, кому Бѣлоозеро. Далѣе спутники Рюриковы, Аскольдъ и Диръ, съ согласія Кіевлянъ сѣли въ Кіевѣ, какъ защитники того края отъ Козаръ. Преемникъ Рюриковъ Олегъ, по словамъ лѣтописи: «приде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ, и посади мужъ свой, оттуда поиде внизъ и взя Любечъ и посади мужъ свой.» Далѣе, убивши Аскольда и Диру, онъ вмѣсто ихъ сѣлъ въ Кіевѣ и назвалъ его матерію городовъ Русскихъ; изъ Кіева онъ воевалъ съ Древлѣнами и, примучивши, взялъ съ нихъ дань по черной кунѣ; потомъ, побѣдивши, возложилъ легкую дань на Сѣверянъ и обѣщался защищать ихъ отъ Козаръ; далѣе послалъ сказать Радимичамъ, чтобы они не платили дани Козарамъ, а платили ему (Лавр. 10). По смерти Олега, Игорь два раза ходилъ за данью къ Древлѣнамъ, и въ послѣдній разъ былъ убитъ ими. Игорева жена Ольга, мстя Древлѣнамъ за смерть мужа, наложила на нихъ тяжкую дань, и часть ихъ избила, часть отдала въ рабство дружинникамъ, а остальныхъ оставила платить дань. О Святославѣ лѣтопись говоритъ: «Вятичи побѣди и дань на нихъ возложи.» (Лавр. 27). Вотъ почти всѣ племена, первоначально вошедшія въ составъ древняго Русскаго государства, и при извѣстіяхъ о покореніи ихъ нѣтъ и помину о томъ, чтобы Русскіе князья, покоряя то или другое племя, забирали себѣ землю, принадлежавшую покоренному племени, а вездѣ упоминается только о наложеніи дани. Даже при окончательномъ покореніи Древлѣнъ Ольгою, особенно по взятіи упорнаго Коростеня, когда раздраженная кнѣгиня Кіевская часть жителей избила, часть отдала въ рабство своей дружинѣ, тѣмъ не менѣе самую землю она оставила за остальными жителями, а не подѣлила ее дружинникамъ, ни взяла себѣ. Ясно, что Русскіе князья въ первое время вовсе не имѣли въ

виду обращенія земли покоренныхъ племенъ въ свою собственность.

Тоже должно сказать о придуманномъ г. Чичеринымъ надѣленіи землею дружинниковъ, какъ ближайшихъ помощниковъ князя. Объ этомъ надѣленіи нѣтъ никакихъ не только извѣстій, но даже и намековъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ. А напротивъ того, весь смыслъ событій, сопровождавшихъ соединеніе Славянскихъ племенъ подъ власть Русскихъ князей, свидѣтельствуется, что дружинники первоначально не приобрѣтали у насъ поземельной собственности, не надѣлялись землями отъ князей, подобно Германскимъ дружинникамъ на западѣ, получавшимъ поземельные участки, при самомъ завоеваніи, а довольствовались или жалованьемъ, получаемымъ отъ князя, или собираніемъ дани въ свою пользу, (такъ на-примѣръ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, дань съ Уличей Игорь предоставилъ Свенельду и его дружинѣ), или доходами отъ управления областями, или военными добычами. Ибо если бы дружинники получали при покореніи поземельную собственность; то они не могли бы быть такъ подвижны и неусидчивы, какъ ихъ изображаютъ лѣтописи и другіе памятники: земля привязывала бы ихъ къ себѣ, они дорожили бы ею и неохотно бы оставляли ее. Напротивъ того, дружинники первыхъ Русскихъ князей вовсе не заботились о приобрѣтеніи земли, ихъ первоначально ничто не привязывало къ Русской землѣ; такъ, по свидѣтельству Арабскихъ писателей, Игоревы дружинники думали утвердиться въ Прикаспійскихъ владѣніяхъ Музульманъ; а дружина Святослава вмѣстѣ съ княземъ хотѣла перебраться въ Дунайскую Болгарію и льстилась въ тамошнемъ краю не плодородностію земли, а богатствомъ торговли, какъ прямо сказано въ лѣтописи; Варяги Владиміровы, по занятіи Кіева, требовали не земли, а окупа по двѣ гривны съ человѣка, и когда не получили окупа, то отправились на службу въ Константинополь; въ народныхъ сказкахъ богатыри Владиміра службою своею князю искали не земли, а военной добычи и княжаго жалованья. Такимъ образомъ надѣленіе землею дружинниковъ не только не было необходимымъ условіемъ при образо-

ваніи Русскаго государства, но объ немъ даже не думали и не заботились сами дружинники; земля оставалась въ полномъ владѣніи земцевъ, признававшихъ власть князя, которые можетъ быть для того, чтобы привязать князей, чтобы дать имъ осѣдлость, уступали имъ опредѣленные участки. И такъ дѣлалось на Руси постоянно не только при началѣ государства, но даже въ XV вѣкѣ; припомнимъ, что говоритъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ Новгородцамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они покорились его власти, и отвѣчая на ихъ вопросъ, какой власти желаетъ Государь Великій Князь: «а государство намъ свое держати, ино на чемъ Великимъ Княземъ быти въ своей отчинѣ, — волостямъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовой землѣ, а которые земли наши великихъ князей за вами, а тобъ было наше.» Здѣсь Великій Князь Московскій и всея Руси въ концѣ XV вѣка прямо и ясно говоритъ Новгородцамъ, что для великокняжеской власти необходимо, чтобы ему были уступлены нѣкоторыя волости и села, на чемъ Великимъ Княземъ быти, а не требуетъ всей земли въ свою собственность; и это дѣлаетъ не изъ какой либо уступки Новгородцамъ, а прямо указываетъ на общій законъ во всей Низовой землѣ, т. е. на Руси: «какъ у насъ въ Низовой землѣ.» Слѣдовательно не только въ началѣ государства, но даже въ XV вѣкѣ Русскіе князья не думали объ обращеніи всей Русской земли въ частную собственность, но довольствовались только уступленными имъ нѣкоторыми опредѣленными волостями и селами, которыя въ первые вѣка государства они или отлавали на оброкъ, (какъ на примѣръ, по свидѣтельству лѣтописи, Ольга отдала на оброкъ данныя ей земли по Лугѣ), или селили тамъ своихъ рабовъ и вольноприходящихъ поселенцевъ и заводили разныя хозяйства, (какъ на примѣръ лѣтопись подъ 1146 годомъ упоминаетъ объ Игоревыхъ и Святославлихъ селахъ, гдѣ находились ихъ большія стада, богатые дворы съ челядью, разнымъ товаромъ и житницы съ хлѣбомъ), или строили тамъ города, (такъ лѣтопись подъ 946 годомъ упоминаетъ объ Ольгиномъ городѣ Вышгородѣ), или наконецъ, не раньше впрочемъ XI вѣка, отдавали ихъ дружинни-

камъ за службу вмѣсто жалованья, но не въ полную собственность, а на помѣстномъ правѣ. Изъ этихъ-то уступленныхъ князьямъ земель въ послѣдствіи въ Московскомъ Государствѣ образовались дворцовыя и помѣстныя земли.

О надѣленіи землею дружинниковъ нельзя заключать изъ словъ лѣтописи: « прія Смоленскъ и посади мужъ свой, взя Любечь и посади мужъ свой. » Здѣсь говорится о назначеніи управителей, намѣстниковъ; самое выраженіе « посади мужъ свой », по смыслу древняго нашего языка, указываетъ на посадника, а не на землевладѣльца. Раздача земель дружинникамъ не могла быть раньше послѣднихъ годовъ княженія Владиміра Святаго, когда военскіе походы приостановились и дружины мало по малу стали наполняться не пришельцами Варягами, временно приходившими за одною службою и добычею въ походахъ, а туземцами Славянами, или такими пришельцами изъ другихъ земель, которые приходили за тѣмъ, чтобы на всегда остаться на Руси. Самое построеніе городовъ Владиміромъ, вскорѣ по принятіи крещенія, показываетъ, что дружинники и въ это время мало еще думали о приобрѣтеніи поземельной собственности; ибо вновь построенные города Владиміръ населилъ не дружинниками, а туземцами, какъ прямо сказано въ лѣтописи: « и поча Володимиръ нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ; и отъ сихъ насели грады. » (Лавр. 52). Прямые свидѣтельства о надѣленіи дружинниковъ землею на помѣстномъ правѣ начинаются съ XI столѣтія; но и это надѣленіе, какъ мы уже замѣтили, производилось не изъ общинныхъ земель, составлявшихъ собственность Государства, а изъ тѣхъ, которыя были уступлены Князю для поддержанія власти. Собственно же общинныя земли преимущественно оставались неприкосновенными, какъ это соблюдалось постоянно даже въ XV и XVI столѣтіяхъ, на что мы имѣемъ много официальныхъ свидѣтельствъ. Лучшимъ указаніемъ, что вся Русская земля не составляла поземельной собственности Князя, служитъ цокупка Князьями земель у частныхъ собственниковъ, о которой говоритъ

и г. Чичеринъ, и на которую мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ XII, XIII, XIV, XV и XVI столѣтій. Если же Князь имѣеть нужду покупать земли у своихъ же подданныхъ; то ясно, что вся земля не составляла собственности Князя.

Такимъ образомъ основныя положенія, выставленныя г. Чичеринымъ, на которыхъ зиждется весь его обзоръ, явно противорѣчатъ Русской исторіи; теперь обратимся, хотя нѣсколько, къ положеніямъ второстепеннымъ, къ частностямъ дѣла, и посмотримъ, на сколько онѣ согласны съ Русскою исторіею.

Авторъ говоритъ, что «земля дружинниковъ у насъ называлась *бѣлою*, т. е. свободною отъ податей и повинностей, и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы нѣрѣдко получали освобожденіе.» И даже сравниваетъ эту землю съ ленною землею на западѣ. Здѣсь во первыхъ землю нашихъ дружинниковъ вообще нельзя сравнивать съ ленною землею: ленная земля на западѣ давалась Государемъ за службу и съ условіемъ службы, и по закону отнюдь не составляла полной собственности дружинниковъ, она соотвѣтствовала у насъ землѣ помѣстной; дружинники же у насъ на Руси владѣли не однѣми помѣстными землями, но имѣли и вотчинныя земли, которыя до XVI вѣка почти исключительно пріобрѣтались покупкою, наследованіемъ и другими частными сдѣлками, а не пожалованіемъ отъ Государя, и которыя по сему составляли полную собственность, которую даже сами князья покупали у дружинниковъ; слѣдовательно наши вотчинныя земли ни коимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ одному разряду съ западными ленными землями. Во вторыхъ названіе дружинничей земли *бѣлою землею* отнюдь не означало, что эта земля освобождалась отъ податей и повинностей; это названіе указывало только, что земля составляетъ чью-то частную собственность (*) и не принадлежитъ къ чернымъ

(*) *Бѣлый, обѣльный* на древнемъ оффиціальномъ языкѣ именно означаютъ исключительную полную частную собственность: такъ на примѣръ въ Русской Правдѣ сказано: «Аже бѣжитъ закупъ отъ господа, то обѣль», т. е. за по бѣгъ обращается въ полнаго раба, въ собственность господина.

землямъ, составляющимъ владѣніе общины государства; по-
дати же и повинности платились и съ черныхъ, и бѣлыхъ зе-
мель безъ исключенія, это подтверждаютъ всѣ свидѣтельства;
такъ, на примѣръ, Уставная Бѣлозерская грамота 1483 года
говорятъ: «на Рождество Христово намѣстникомъ нашимъ
дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, съ боярскихъ, съ
монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотчиковъ, и со
всѣхъ безъ омѣны, съ сохи за полоть мяса по два алтына»
и проч. (Ак. Ар. Эк. Т. I № 723). Вся разница въ пла-
тежѣ состояла въ томъ, что однимъ землямъ платежъ былъ
легче, а другимъ тяжелѣе. И для сего всѣ земли на Руси,
какъ мы знаемъ по памятникамъ, были раздѣлены на сохи,
которыя смотря по тому, къ какому разряду принадлежитъ
земля, были или мельче, или крупнѣе; такъ, на примѣръ, въ
XVI вѣкѣ въ дворцовыхъ земляхъ, принадлежавшихъ соб-
ственно князю и пользовавшихся бѣльшею льготою, сохи
доходили до 1300 четвертей; въ помѣстныхъ и вотчинныхъ
земляхъ на соху клалось не больше 1200 четвертей, мона-
стырскія сохи не превышали 700 четвертей, а въ черныхъ
земляхъ высшая мѣра была только въ 600 четвертей. Это
различіе мѣры сохъ прямо указываетъ, что при одинако-
вости податной единицы для всѣхъ сохъ, одиѣ сохи, болѣе
крупныя по своей мѣрѣ, платили меньше, ибо ихъ платежъ
производился съ большаго количества земли, а другія сохи,
меньшія по мѣрѣ, платили больше, ибо таже податная
единица собиралась съ нихъ съ меньшаго количества земли.
Земель же избылыхъ, т. е. вовсе не платящихъ податей, у
насъ не было, за исключеніемъ временныхъ привиллегій,
даваемыхъ за особенныя заслуги землевладѣльцевъ, или по
особой милости Государя, или по другимъ соображеніямъ.
Привиллегіи же сія давались безъ различія и вотчиннымъ,
и чернымъ землямъ.

Но довольно о земляхъ; обратимся къ общинамъ и ихъ
отношенію къ поземельному владѣнію и посмотримъ, что
пишетъ объ этомъ предметѣ г. Чичеринъ. Мы уже видѣли,
что онъ ошибочно довелъ роловую общину у Русскихъ
Славянъ до прибытія Варяжскихъ князей; тогда какъ она на
самомъ дѣлѣ уступила свое мѣсто договорной общинѣ за-

долго до прибытія Варяговъ. Потомъ онъ отыскалъ какую-то владѣльческую общину, которая будто бы у насъ заступила мѣсто родовой общины; далѣе, продолжая придерживаться своей владѣльческой общины, нашелъ еще какую-то общину тяглую и поземельную и, кажется, о сей послѣдней говорить такъ: «Участіе общины въ поземельномъ владѣніи ограничивалось раздачею пустопорожныхъ или запустѣлыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ. Затѣмъ она завѣдывала только раскладкою и сборомъ нѣкоторыхъ податей и исправленіемъ повинностей въ пользу князя. Вѣдомство общинныхъ начальниковъ, сотскихъ и старость, заключалось единственно въ проторахъ и разметахъ. Остальное же управленіе, которое впрочемъ все ограничивалось судопроизводствомъ, находилось въ рукахъ людей совершенно постороннихъ, — намѣстниковъ и волостелей, княжескихъ слугъ, получавшихъ судопроизводство въ кормленіе. Судъ разсматривался, какъ источникъ доходовъ и жалованья, въ видѣ временной или даже постоянной аренды. Общины обязаны были давать судьямъ кормъ и поборы, да уплачивать виру за убійство, въ случаѣ, ежели убійцы не было на лицѣ. Это было древнее установленіе, основанное на взаимномъ поручительствѣ членовъ родовой общины, но которое теперь превратилось въ доходную статью. Кормленщикъ имѣлъ право на извѣстный доходъ съ убитаго тѣла, и если онъ не могъ взять его съ убійцы, то взыскивалъ деньги съ общины, въ округѣ когорой найдено было тѣло. Значеніе общины было слѣдовательно чисто финансовое или, скорѣе, хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю, въ качествѣ землевладѣльца. Хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ничѣмъ не связанныя между собою.» Г. Чичеринъ справедливо говоритъ, что община завѣдывала раздачею пустопорожныхъ или запустѣлыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ; это подтверждается многими дошедшими до насъ официальными свидѣтельствами, относящимися къ сему предмету; справедливо также и то, что община производила раскладку податей и повинностей, это также подтверждается Су-

дебникомъ и разными дошедшими до насъ грамотами. Но рѣшительно несправедливо и несогласно съ источниками, чтобы вѣдомство общины ограничивалось только сими двумя предметами, чтобы община имѣла только одно финансовое или, скорѣе, хозяйственное значеніе. Община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или Государю, тягалась за свои земли на судѣ, и вообще была хозяйномъ своихъ земель, и только, кажется, не имѣла права продавать свои земли безъ особаго разрѣшенія, что собственно ее отличало отъ другихъ землевладѣльцевъ собственниковъ. О защитѣ земель общиною на судѣ свидѣлствуютъ всѣ грамоты, въ которыхъ дѣло касалось до общинныхъ или черныхъ земель. Такъ въ правой грамотѣ 1490 года (Ак. юрид. N 4) сказано: «тягался Андрейко староста Залѣской и всѣ крестьяне Залѣскіе съ старцемъ Касьяномъ. Такъ рѣкъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнял, господине, у насъ тѣ наволоки Овсяниковскіе земли, Долгой да Верхней, а тѣ наволоки тянуть къ нашей землѣ къ Овсяниковской, къ тяглою, къ черной изстарини.» Или въ судномъ спискѣ 1498—1505 год. (Ак. юрид. N 8) написано: «тягалися Ликургскіе волости крестьяне, Мартышко Ларивоновъ, да Ермолка Ѳедоровъ, да Онцифорикъ Онтоновъ и въ всѣхъ крестьянъ мѣсто Ликургскіе волости, съ Некрасомъ да съ Дроздомъ.... съ митрополичьими дѣтьми боярскими. Такъ рѣкли Мартышко, да Ермолка, да Онцифорикъ: жалоба намъ, господине, на того Некраса.... тѣ, господине, деревни и починки изстарини земли Великаго Князя Ликургскіе волости тяглые наши.» Или въ другомъ судномъ спискѣ (Ак. юрид. N 9): «Староста Лоскомской волости и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Лоскомскіе волости тягался за волостную землю съ Овсяникомъ Ивановымъ». Или тоже мы встрѣчаемъ еще въ неизданныхъ правыхъ грамотахъ; такъ, на примѣръ, въ грамотѣ, данной Костромскимъ писцемъ, Григорьемъ Романовичемъ Застолбскимъ: «крестьяне Минскаго стану староста Ѳролъ Понкратьевъ сынъ да Копосъ Булгаковъ и въ всѣхъ крестьянъ мѣсто

Мицскаго стану тягался съ митрополичимъ посельскимъ за свои тяглыя черныя земли.» Можно бы было представить и еще нѣсколько официальныхъ свидѣтельствъ о томъ, что община защищала свои земли на судѣ и искала судомъ своихъ земель, перешедшихъ въ чужое владѣніе; но довольно уже и приведенныхъ грамотъ. Сельская или скорѣе волостная община не только имѣла право защиты своихъ земель, но и могла мѣняться своими черными землями съ землями сосѣднихъ собственниковъ, сжели это находила для себя выгоднымъ. Такъ въ розъѣзжей грамотѣ 1555 года (Акт. юрид. N 151) сказано: «промѣнили Масленскіе волости староста и цѣловальники и всѣ крестьяне деревню пустую Карпово, деревню пустую Дудомѣхово, да деревню пустую Дылайцово, да деревню пустую Орефино на рѣкѣ на Вологдѣ.... А которые деревни промѣнили Масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцемъ.... а мѣняли старци и волостные крестьяни, смотря по угодию, промежь себя полюбовно.» Волостныя общины, въ случаѣ поземельныхъ исковъ на кого-либо изъ волостныхъ крестьянъ отъ стороннихъ владѣльцевъ, принимали участіе въ судебныхъ дѣлахъ своихъ сочленовъ. Такъ въ отдѣльной 1530 года, напечатанной въ юридическихъ актахъ подъ N 154, сказано: «се азъ Иванъ Дороеевъ сынъ староста Есунинскіе волости, да Левонтей Онофріевъ сынъ, да Малыга Грибачовъ сынъ, и въ всѣхъ христіанъ мѣсто Есунинскіе волости, что взялъ великаго князя судью Федора Никитина Оерапонтова монастыря слуга Дема Тарасовъ сынъ, нашего крестьянина на Гаврилка на Ортемова, въ земляхъ; и мы не тягався передъ судьей да обыскали есмя старыя межи и рубежи, куды намъ писцы Великаго Князя розъѣхали межи.... И мнѣ старостѣ Ивану Дороееву и всѣмъ крестьянамъ къ нимъ (къ монахамъ) за межу не лѣсти. А полѣземъ мы къ нимъ за межу пахати, ино на мнѣ старостѣ и на всѣхъ крестьянѣхъ 50 рублей по сей записи; а полѣзу язъ игумень съ братією, ино на насъ 50 рублей по сей записи.» Здѣсь мы видимъ, что община не только принимаетъ участіе въ поземельныхъ дѣлахъ своихъ сочленовъ и, какъ хозяинъ земли, рѣшаетъ, — судиться ли

члену ея или итти на мировую и уступить спорную землю; но даже ручается за своихъ членовъ и въ случаѣ надобности обязывается платить условленный штрафъ: здѣсь уже община является не поземельнымъ хозяиномъ только, но и особеннымъ собирательнымъ лицомъ, имѣющимъ юридическое значеніе. Замѣчательно также, что община и въ XV и XVI вѣкѣ избирала за себя въ представители на судѣ не одного старосту или иного своего начальника, но всегда при старостѣ или иномъ начальникѣ посылала нѣсколько выборныхъ изъ своихъ членовъ, какъ это видно изъ настоящей грамоты и всѣхъ приведенныхъ выше. Это постоянное правило древнихъ общинъ на Руси соблюдается еще и теперь въ современныхъ намъ сельскихъ общинахъ. Сельская или волостная община чрезъ своихъ представителей старость и выборныхъ людей имѣла право ходатайства передъ Государемъ или у его намѣстниковъ объ огражденіи своихъ выгодъ и объ отмѣнѣ такихъ административныхъ распоряженій, которыя считала для себя невыгодными; такъ, по свидѣтельству жалованной грамоты 1546 года, крестьяне Устюжскаго уѣзда, Антроповы слободки, чрезъ выборнаго своего Матвѣйка Захарова подавали Государю челобитную о выводѣ изъ ихъ слободки становаго двора и корчмы; и Государь по ихъ челобитью приказалъ становой двору перевести въ Утманово и вывести корчму. (Ак. Ист. Т. I N 299). По Судебнику 1497 года община чрезъ своихъ представителей старость и лучшихъ выборныхъ людей непременно участвовала въ намѣстничьемъ и волостелинскомъ судѣ, когда подсудимые принадлежатъ къ общинѣ; въ Судебникѣ прямо сказано: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ и имъ судити, а на судѣ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людямъ: а безъ дворьскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Волостная община не только имѣла надзоръ и право домашней управы надъ своими членами чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ по общественному приговору, но даже въ нѣкоторой отъ нея зависимости были священникъ и причетники тѣхъ церквей, которыя находились въ волости:

община условливалась съ своими священно-служителями особыми порядными записями, по которымъ община изъ-являла согласіе принять священника къ своей приходской церкви, и которыми опредѣлялись отношенія священника къ общинѣ. Такъ въ одной порядной записи 1588 года, напечатанной въ юридическихъ актахъ подъ N 185, сказано: «Се язъ Ильинской попъ Кирило Яковлевъ сынъ-далъ есми на себя запись старостѣ Тавренскія волости Климу Иванову сыну Клобуку, да и всему православию Тавренскія волости Ильинскаго прихода, что мнѣ попу Кириллу у св. пророка Или и у Егорья межъ владычни праздники и межъ воскресеніемъ вечерню и заутреню пѣти по вся дни, и жити, какъ и прочіе старые священники жили; а къ болю и къ роженицѣ ѣздити безпенно, а на свое дѣло коли побѣдка прилетъ, ино безъ мірскаго вѣдома не отъѣзжати» и проч. Я бы долго не кончалъ, ежели бы рѣшился перечислять всѣ права и обязанности волостной общины, засвидѣ-тельствованныя разными грамотами и другими памятниками; но довольно уже и сказаннаго, чтобы видѣть, что волостныя общины въ древней Россіи имѣли не одно финансовое значеніе, что передъ закономъ имъ были предоставлены почти всѣ права лицъ юридическихъ.

Напрасно г. Чичеринъ утверждаетъ: «что хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ничѣмъ не связанныя между собою.» Хозяйственная цѣль, какъ ее понимаетъ г. Чичеринъ, т. е. платежъ податей и вообще отправленіе тягла, скорѣе разстроивала, а не поддерживала общину: крестьяне, какъ мы знаемъ изъ многихъ памятниковъ, преимущественно потому и оставляли общины и покидали данную землю, что имъ приходилось не въ мочь платить лежащая на землѣ подати и вообще тянуть тягло. Слѣдовательно причина, почему община не распадалась совершенно, заключалась не въ хозяйственной цѣли, а лежала гораздо глубже, именно: въ самомъ духѣ народа, въ складѣ Русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины, который даже въ своей родной кровной семьѣ хочетъ видѣть общину, товарищество, и семью

называетъ *домою*, а представителя семьи *хозяйномъ*, какъ мѣтко выразился г. Гладковъ (Разсужд. о вліяніи общес. сост. частн. лицъ и проч). Этотъ—то народный духъ развилъ общину въ Русской жизни, постоянно поддерживалъ ее съ незапамятныхъ временъ и поддерживаетъ въ настоящее время; а въ слѣдъ за народнымъ характеромъ и правительствомъ, и законъ всегда приписывали общинѣ большое значеніе, старались поддерживать ее, и въ свою очередь въ ней искали средствъ для достиженія своихъ цѣлей.

Описавши общину, какъ мы уже видѣли, по своему, а не такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ, г. Чичеринъ дѣлаетъ заключеніе: «Что же тутъ было похожего на общинный бытъ нашего времени? въ средне-вѣковой Россіи не было ни осѣлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель. Каждый селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу.... Самое расселеніе крестьянъ не было похоже на нынѣшнее: тогда не было этихъ многочисленныхъ сель.... каждый жилъ особнякомъ на своемъ участкѣ. Община селилась разсѣянно, и общинною единицею считалось не село, а волость, т. е. округъ, въ которомъ было центральное село и окружающія его деревни.» Дѣйствительно въ древней и средне-вѣковой Россіи не было ни осѣлости народонаселенія (въ нынѣшнемъ смыслѣ), ни принудительныхъ отношеній, самое тогдашнее расселеніе крестьянъ не походило на нынѣшнее, все это такъ; но дѣло въ томъ, что все это составляетъ только внѣшнее отличіе старой Русской общины отъ нынѣшней, существенный же характеръ той и другой общины одинъ и тотъ же. Въ средне-вѣковой общинѣ на Руси были выборные старосты, сотскіе, десятскіе и дьяки, называемые земскими или волостными; и нынѣ въ сельскихъ общинахъ у насъ есть выборные старосты, и сотскіе, и десятскіе, и волостные писаря. Въ средне-вѣковой общинѣ выборные начальники смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ общинѣ; и нынѣ они имѣютъ ту же обязанность. Въ средне-вѣковой общинѣ старосты и сотскіе были представителями общины на судѣ и ходатайствовали

передъ судомъ и правителями объ интересахъ общины; и нынѣ тоже поручается отъ общины головамъ и старостамъ. Въ средне-вѣковой общинѣ всѣ разметы и разрубы относительно платежа податей и повинностей дѣлались по общему разсужденію членовъ общины; тоже самое дѣлается и нынѣ въ сельскихъ и волостныхъ общинахъ. Въ средне-вѣковой общинѣ, какъ мы уже видѣли, на судъ являлись не одни старосты, но всегда почти при нихъ находилось по два или по три человекъ, выбранныхъ общиною; тотъ же порядокъ соблюдается и нынѣ. Въ средние вѣковой Россіи, кромѣ выборныхъ начальниковъ надъ общинами, назначались еще начальники отъ правительства, волостели, становщики, поселскіе и подоб.; и нынѣ есть окружные начальники и становые пристава, назначаемые правительствомъ, и должности ихъ во многомъ сходны съ должностями прежнихъ чиновниковъ. Въ нынѣшнихъ сельскихъ общинахъ бываютъ по мѣрѣ надобности передѣлы поземельныхъ участковъ; тоже самое было и въ общинахъ средне-вѣковой Россіи. Правду сказать, г. Чичеринъ не признаетъ этого, впрочемъ его признаніе или непризнаніе не можетъ уничтожить самого дѣла. Самъ же г. Чичеринъ утверждаетъ, и справедливо, что община дѣлала раскладку податей и повинностей и надѣляла своихъ членовъ поземельными участками; слѣдовательно община же производила и передѣлы въ поземельныхъ участкахъ, смотря по надобности, т. е. тѣмъ своимъ членамъ, которые могли обрабатывать земли больше и платить податей больше, давала большіе участки, а другимъ меньшіе; какъ мы и встрѣчаемъ во многихъ грамотахъ, что одинъ крестьянинъ получалъ земли на цѣлую выть, другой на двѣ выти, а иной на полвыти, на четверть выти и даже на двѣнадцатую долю выти; на примѣръ: въ писповыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда 1593 года сказано: «Деревня Фалѣево, а въ ней крестьянъ: д. Тихонко Ивановъ на полчети, д. Некраско Ортемовъ на полчети, д. Осташко Васильевъ на полвыти, д. Васька Павловъ на чети, д. Серга Елизаровъ на чети и проч. всего пашни паханые тридцать двѣ чети, да перелогомъ девять чети.» и проч. Или въ грамотѣ Симона митрополита, пачала XVI вѣка, прямо упоминается о передѣлѣ

земли между крестьянами; въ грамотѣ написано: «и ты бы въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ поляхъ перемѣрили, да далъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ полехъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по-тому жъ пахалъ и монастырскую пашню шестой жеребей, а кому не будетъ силы пахать пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню». Самымъ рѣзкимъ отличіемъ средне-вѣковой общины отъ нынѣшней г. Чичеринъ выставляетъ то, что прежде каждый членъ общины селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу; и относительно послѣдняго, т. е. что крестьянинъ распоряжался своимъ участкомъ по произволу, г. Чичеринъ въ своемъ обзорѣ представилъ нѣсколько древнихъ извѣстій, по которымъ крестьяне или члены общины отдавали земли въ монастыри, дѣлили ихъ дѣти послѣ отцевъ, наследовали участки земель отъ родственниковъ, даже продавали ихъ не только крестьянамъ, но и служилымъ людямъ и монастырямъ, безъ всякаго отношенія къ общинѣ. Дѣйствительно все это бывало въ старой Россіи; крестьяне и наследовали земли послѣ отцевъ и родственниковъ, и закладывали ихъ и продавали, не относясь къ общинѣ; но все это дѣлали они съ своими собственными землями съ вотчинными, а отнюдь не съ общинными; это вполнѣ подтверждаютъ сдѣланныя г. Чичеринымъ ссылки на № № 23 и 24 юридическихъ актовъ. Акты сіи, какъ и многіе другіе имъ подобные, всѣ относятся къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена частная поземельная собственность, не въ примѣръ другимъ краямъ Русской земли, и гдѣ таковой порядокъ поземельнаго владѣнія сохранился до познѣйшаго времени. Такъ что; когда указомъ правительствующаго сената отъ 25 іюля 1751 года велѣно было имѣющимъ въ Устюжской провинціи у посадскихъ деревнямъ и деревенскимъ ихъ землямъ и участкамъ, которые въ

жалованныхъ имъ грамотахъ и писцовыхъ книгахъ написаны, быть за ними посадскими, а за которыми явятся отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ купленные и разными случая вступившія, тѣ отобрать, и впредь отъ тѣхъ черносошныхъ крестьянъ оныхъ ихъ земель и деревенскихъ ихъ участковъ не покупать, и крѣпостей не писать: то отъ тамошней провинціальной канцеляріи были сдѣланы особыя представленія о томъ, что таковой порядокъ поземельнаго владѣнія въ томъ краю соблюдается со многихъ временъ, по особымъ обстоятельствамъ и зонамъ, несравненно съ другими провинціями, и что измѣнять такого порядка не надлежитъ. И въ уваженіе сего представленія указомъ правительствующаго сената отъ 8 марта 1753 года предписано прежній указъ отменить и по старому порядку дозволить свободную продажу и покупку поземельныхъ имѣній крестьянами и посадскими людьми. Этотъ указъ ясно говоритъ, что особыхъ обычаевъ въ поземельномъ владѣніи, соблюдавшихся въ Двинскомъ краю, нельзя относить къ прочимъ краямъ Россіи, что продажа и мѣна поземельныхъ участковъ между крестьянами и даже крестьянъ съ посторонними лицами, безъ отношенія къ общинѣ, принадлежитъ, какъ особенность, только Двинскому краю, и что изъ этой особенности нельзя выводить общихъ законовъ для всей Россіи. Такимъ образомъ самое рѣзкое отличіе средне-вѣковой Русской общины отъ нынѣшней, — продажа земель крестьянами, не было общимъ для всей Россіи, а посему и въ этомъ отношеніи средне-вѣковыя общины не отличались отъ нынѣшнихъ.

Г. Чичерина смущаетъ отсутствіе осѣдлости народонаселенія въ средне-вѣковой Россіи. Это отсутствіе осѣдлости (въ нынѣшнемъ смыслѣ) представляется ему прямымъ и гласнымъ отрицаніемъ сельскихъ общинъ въ тогдашнее время. Онъ говоритъ: «Что же тутъ было похожего на общинный бытъ нашего времени? въ средне-вѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія, ни привудительныхъ отношеній.» Но отсутствіе осѣдлости въ сущности не уничтожило общиннаго быта; свободный переходъ крестьянъ изъ одной волости въ другую не из-

мѣнялъ ихъ общинныхъ отношеній; крестьянинъ, переходя въ другую волость, поступалъ опять въ общину же, а старая община, изъ которой вышелъ крестьянинъ, или только теряла своего члена, или мѣняла одного члена на другаго, т. е. въ нее на убылое мѣсто приходилъ новый крестьянинъ. Бывали случаи, что общины, въ слѣдствіе какихъ — либо несчастій, на время вовсе разстроивались, т. е. крестьяне почти всѣ расходились по разнымъ мѣстамъ; но это разстройство общины почти всегда было только временное: при измѣнившихся обстоятельствахъ, по минованіи несчастій, народонаселеніе возвращалось на покинутую землю, и опять устроивалась община, и земли общинныя, захваченныя посторонними владѣльцами въ отсутствіе народонаселенія, при возвращеніи общинниковъ, опять отыскивались. Такъ въ судномъ спискѣ 1498 — 1505 года крестьяне Ликуржской волости говорятъ судѣ: «волость, господине, Ликуржская запустѣла отъ великаго повѣтрея; а тѣ, господинѣ, деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, невѣдаемъ которые, за себя, тому лѣтъ съ сорокъ; а волостныхъ, господине, деревень Ликуржскихъ тогда осталась одна шесть деревень съ людьми; и намъ, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искати не кому» (Ак. Юрид. N 8). Такимъ образомъ отсутствіе осѣдлости является не отрицаніемъ общиннаго быта, а напротивъ свидѣтельствуетъ объ особенной силѣ и живучести общинныхъ началъ въ бытѣ средне-вѣковой Россіи. Здѣсь мы ясно видимъ, что община не была связана съ землею, а жила въ характерѣ народа, въ историческомъ развитіи общественной жизни на Руси. Народонаселеніе свободно сходилось и расходилось, селилось то на той, то на другой землѣ; но всегда селилось общинами: другаго быта, другаго образа жизни Русскій народъ не признавалъ и не хотѣлъ признавать.

Замѣтивъ нѣкоторыя значительныя перемѣны въ средне-вѣковой общинѣ на Руси въ XVI столѣтіи, г. Чичеринъ пишетъ: «Съ XV вѣка начали развиваться понятія государственныхныя, и эти новыя начала произвели въ общинѣ коренное измѣненіе. Съ возникновеніемъ государства по-

степенно исчезаетъ прежній чисто владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Цари Московскіе не могли уже довольствоваться прежнимъ порядкомъ. Намѣстники и волостели, съ государственной точки зрѣнія, представлялись вовсе негодными для управленія; это были кормленщики, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностью. Чтобы ограничить ихъ власть, Государи Московскіе прибѣгли къ тѣмъ лицамъ и установленіямъ, которыя менѣ носили на себѣ характеръ частныхъ собственниковъ, — къ общинамъ и дякамъ. Выборное начало было вызвано наружу; на основаніи царскихъ грамотъ и постановленій избираемые общинами старосты и дѣловальники ограничили власть намѣстниковъ и волостелей, а потомъ во многихъ мѣстахъ и совершенно вытѣснили ихъ, сосредоточивши все управленіе въ своихъ рукахъ.»

Здѣсь, во первыхъ, мы не знаемъ, на какихъ основаніяхъ авторъ говоритъ, что только съ XV вѣка на Руси начали развиваться понятія государственныхъ, а прежде былъ только чисто владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Это мнѣніе высказано послѣдователями родового быта; и г. Чичеринъ, признавшій общину на Руси, по крайней мѣрѣ съ прибытіемъ Варяжскихъ Князей, теперь, принимая мнѣніе, вытекшее изъ началъ, совершенно противоположныхъ общиннымъ началамъ, явно обличаетъ самъ себя въ непослѣдовательности. При общинномъ устройствѣ, чисто владѣльческій частный характеръ гражданскихъ отношеній Князя къ народонаселенію не могъ образоваться; община пригласила или приняла къ себѣ Варяжскихъ Князей, не какъ частныхъ владѣльцевъ, а какъ Государей, и государственныхъ отношенія между Князьями и общиною никогда не прекращались. Русская исторія не представляетъ никакихъ свидѣтельствъ о такомъ прекращеніи; обратимся ли мы къ исторіи Русскаго законодательства, тамъ встрѣтимъ сыновей и внуковъ Ярослава Великаго, сзывающихъ своихъ мужей и излагающихъ законы для всей Россіи; такъ о сыновьяхъ Ярослава въ Русской Правдѣ сказано: « По Ярославѣ же совокупившеся сынове его: Изл-

славъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ, Чудинъ, Микула и отложивша убіеніе за голову.» и проч. Или тамъ-же о Мономахъ: «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Киевскаго тысячьскаго, Прокошья Бѣлгородскаго тысячьскаго, Станислава Переяславскаго тысячьскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Ольгова мужа, и оставили до третіею рѣза.» Конечно, ежели бы помянутые здѣсь Князья носили характеръ частныхъ владѣльцевъ собственниковъ, а не Государей; то имъ не зачѣмъ бы было сходиться и сзывать тысячьскихъ разныхъ городовъ и другихъ мужей для изданія общихъ законовъ для всей Россіи, а каждый бы самъ писалъ законы по своему изволенію и только для одной своей области. Въ самыхъ законахъ не было бы мѣста многимъ постановленіямъ, которые мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ, ежели бы на Руси Князья были только частные владѣльцы собственники, а не Государя, ежели бы не было государственнаго устройства. На-примѣръ у частныхъ собственниковъ не могло бы образоваться закона о различіи между княжимъ мужемъ и людиномъ, между свободнымъ, рабомъ и закупомъ, — это учрежденія чисто государственныя. Обратимся ли къ событіямъ, записаннымъ въ лѣтописяхъ, тамъ видимъ сѣзды и совѣщанія Князей о Русской землѣ; такъ на примѣръ въ 1097 году, на Любечскомъ сѣздѣ Князья говорятъ: «отселѣ имемъся во едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли.» Или въ 1155 году, въ самый разгаръ междоусобій и разновластія, Берендѣи говорятъ Юрію: «мы умираемъ за Рускую землю и головы свои складываемъ.» Или подъ 1154 годомъ Вячеславъ, Кіевскій Великій Князь, такъ изображаетъ значеніе Князя въ своемъ обращеніи къ Ростиславу: «сыну, се уже въ старости есмь, а рядовъ всѣхъ немогу рядити; а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, такоже и тобѣ даю.» Или въ 1155 году Изяславъ Давыдовичъ говоритъ Юрью Долгорукому: «Ци самъ есмь фхалъ Кіевѣ? посадили мя Кіяне.» Или въ 1170 году Князья говорятъ на сѣздѣ въ Кіевѣ: «а намъ дай Богъ за крестья-

ны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ приченомъ быти.» Здѣсь вездѣ впереди стоитъ Русская земля, какъ цѣлое, какъ Государство; о Русской землѣ совѣщаются Князья, за Рускую землю они желаютъ сложить головы, чтобы быть приченнымъ къ лику мучениковъ. Самый переходъ Князей изъ одного княжества въ другое и разныя условія этого перехода ясно говорятъ, что характеръ удѣльныхъ Князей былъ чисто государственный; ибо ежели бы Князья были частные собственники, то они заботились бы только объ увеличеніи своихъ владѣній, а не переходили бы изъ одного княжества въ другое, какъ именно поступали въ тоже время истинные частные собственники, — бояре и дружинники, которые хотя и переходили по службѣ отъ одного Князя къ другому, тѣмъ не менѣе оставались хозяевами своихъ поземельныхъ владѣній, находящихся въ территоріи того Князя, службу котораго они оставляли. Перейдемъ ли ко временамъ Татарскаго владычества, и тамъ дошедшія до насъ договорныя грамоты Князей, изображающія отношенія удѣльныхъ князей къ Великимъ Князьямъ и отношенія Великихъ Князей между собою, ясно говорятъ о государственномъ характерѣ княжеской власти, а не о характерѣ частныхъ владѣльцевъ собственниковъ; ежели бы Князья всѣ были только частные владѣльцы собственники, то отношенія ихъ были бы равны, а въ грамотахъ мы встречаемъ большое различіе въ отношеніяхъ Великихъ Князей другъ къ другу и въ отношеніяхъ Великихъ Князей къ удѣльнымъ Князьямъ; и различіе сихъ отношеній зависѣло не отъ силы того или другаго Князя, а отъ значенія Великихъ Князей и удѣльныхъ Князей. Такъ на примѣръ, Великіе Князья въ своихъ договорахъ съ удѣльными постоянно выставляютъ условіе: « а тобѣ брату моему младшему держати поло мною и подѣ моими дѣтьми княженіе мое великое честно и грозно, а служити ти мнѣ безъ ослушанья.» Въ договорахъ же между Великими Князьями на оборотъ вездѣ выставляется условіе: « а вотчины вы мое блюсти, а не обидѣти; а мнѣ вашіе вотчины блюсти, а не обидѣти.» О безослушной же службѣ нѣтъ и помнну.

Самая покупка Князьями поземельныхъ имѣній у своихъ же подданныхъ, засвидѣтельствованная грамотами, свидѣтельствуеть, что Князья Русскіе были Государи, а не частные владѣльцы; на тоже указываетъ и постоянное условіе въ договорныхъ грамотахъ, — чтобы одному Князю не покупать поземельныхъ имѣній во владѣніяхъ другаго Князя. Въ XV вѣкѣ дѣйствительно послѣдовала важная перемена въ государственномъ устройствѣ на Русь; но эта перемена состояла не въ томъ, что будто бы съ этого только времени у насъ начали развиваться понятія государственныя, а въ томъ, что удѣльное разновластіе замѣнилось единодержавіемъ Московскихъ Государей.

Во вторыхъ, Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ замѣнить по всей Россіи власть намѣстниковъ и волостелей властію выборныхъ старостъ и излюбленныхъ головъ и судей, отнюдь не потому, чтобы намѣстники и волостели съ государственной точки зрѣнія были вовсе негодными для управленія, какъ думаетъ г. Чичеринъ. Главная цѣль Царя Ивана Васильевича здѣсь состояла въ томъ, чтобы ослабить Московскую аристократію, чтобы лишить бояръ того прежняго значенія, которое уже было несогласно съ развитіемъ великокняжеской власти, чтобы они болѣе не считали себя держателями Русской земли, какими были при Димитріѣ Донскомъ, какъ засвидѣтельствовано его духовною грамотою, помѣщенной въ Никоновской лѣтописи, и чтобы доказать имъ, что онъ и безъ ихъ содѣйствія можетъ держать Русскую землю, что они въ настоящее время не больше, какъ его слуги. И когда онъ достигъ сей цѣли и все сословіе боярства назвалъ официально дворянами, т. е. служилыми людьми, когда съ 1566 года Князья и бояре сами въ официальныхъ бумагахъ стали писаться *государевыми дворянами*; то въ слѣдъ за симъ онъ уничтожилъ и *опричину* (учрежденную имъ же для ослабленія бояръ) и съ тѣмъ вмѣстѣ пересталъ настаивать, чтобы выборные головы и старосты вездѣ замѣняли намѣстниковъ и волостелей, и оставилъ на произволъ самихъ городскихъ и сельскихъ общинъ, управляться имъ исключительно одними старостами и излюбленными головами, или держать по

прежнему государевыхъ намѣстниковъ и волостелей, что и продолжалось до конца XVII вѣка; такъ что мы постоянно встрѣчаемъ челобитныя отъ городовъ и волостей, въ которыхъ общины то просятъ, чтобы Государь дозволялъ имъ управляться и судиться выборными старостами и излюбленными головами, то на оборотъ бьютъ челомъ объ отмѣнѣ излюбленныхъ головъ и о назначеніи государевыхъ намѣстниковъ и волостелей. И по челобитьямъ общинъ, правительство или дозволяло имъ управляться выборными начальниками, или назначало своихъ намѣстниковъ и волостелей. Конечно, ежели бы намѣстники и волостели дѣйствительно были негодны для управленія съ государственной точки зрѣнія; то ни правительство, разъ отмѣнивши ихъ, не стало бы возобновлять негоднаго учрежденія, ни общины не стали бы просить о назначеніи намѣстниковъ и волостелей, разъ освободившись отъ нихъ. Явно, что причиною временнаго отмѣненія намѣстниковъ и волостелей, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, не была негодность этого правительственнаго учрежденія.

Должно замѣтить, что г. Чичеринъ въ продолженіи своего обзора постоянно называетъ намѣстниковъ и волостелей кормленщиками, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностію. Что намѣстники и волостели были кормленщики, это правда, — должности сіи дѣйствительно давались въ награду за службу и прямо назывались кормленьемъ; но чтобы намѣстники и волостели по закону обращались съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію, это несправедливо и не имѣетъ за себя никакихъ историческихъ данныхъ. Между намѣстниками и волостелями бывали иногда люди и худые, и недобросовѣстные, которые свою должность обращали въ доходную статью, грабили и утѣсняли народъ; но гдѣ же и при какихъ учрежденіяхъ не бываетъ злоупотребленій? Только дѣло въ томъ, что злоупотребленія лицъ свидѣтельствуютъ не о негодности учреждений, а о негодныхъ лицахъ. Жалобы на намѣстниковъ и волостелей, дошедшія до насъ отъ древности, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что правительство назначало намѣ-

стниковъ и волостелей не для притѣсненій, а для суда и управы; ибо въ противномъ случаѣ жалобамъ не было бы мѣста, онѣ не удовлетворялись бы правительствомъ, правительство по жалобамъ не судило бы, не смѣяло и не наказывало намѣстниковъ и волостелей, злоупотреблявшихъ своею властію. А всего менѣе можно сказать, чтобы правительство давало намѣстникамъ и волостелямъ неограниченную власть и позволяло имъ обращаться съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію. Русскій законъ всегда высоко ставилъ судъ и правду и ограждалъ ихъ отъ произвола судьи и правителя. Еще по закону Русской Правды съ точностію были опредѣлены всѣ судебныя пошлины отъ разнаго рода дѣлъ, всѣ доходы княжихъ мужей и отроковъ, присылаемыхъ для суда и управы; таже точность и опредѣленность въ назначеніи доходовъ княжимъ мужамъ на судѣ и ихъ служителямъ соблюдается и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ въ Псковской судной грамотѣ, въ Новгородской Двинской, въ Судебникахъ и разныхъ уставныхъ грамотахъ; стоитъ припомнить особые уроки вирнику, метельнику, княжему отроку, особые уроки отъ головы, отъ свободы, отъ бортные земли, отъ ролейные, отъ правой грамоты, отъ безсудной, хоженое, пожелѣзное, и подоб. Люди, посланные намѣстникомъ и волостелемъ для позыва въ судъ, не могли брать подсудимаго самовольно, а объявляли о томъ общинѣ, въ которой живетъ подсудимый, и отдавали его на поруки. Въ самомъ судѣ намѣстниковъ и ихъ тиуновъ всегда присутствовали судные мужи, выбираемые тѣми общинами къ которымъ принадлежали подсудимые; ни намѣстникъ, ни волостель, ни ихъ тиуны не могли производить суда безъ выборныхъ судныхъ мужей: объ этомъ свидѣлствуютъ, какъ древніе законодательные памятники, такъ и всѣ правыя и судныя грамоты, дошедшія до насъ; даже въ Судебникѣ 1497 года сказано: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому, и старостѣ, и лучшимъ людямъ; а безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Такимъ образомъ

судъ намѣстниковъ и волостелей никакъ нельзя признать судомъ произвольнымъ и неограниченнымъ; и тѣмъ болѣе нельзя допустить, чтобы намѣстники и волостели по закону, по смыслу ихъ учрежденія, обращались съ судомъ производствомъ, какъ съ частною собственностью.

Самое назначеніе намѣстникамъ и волостелямъ кормленья отъ уѣздовъ и волостей нисколько не предполагало особеннаго притѣсненія сихъ послѣднихъ; они намѣстничьи и волостелиныя кормы платили вмѣстѣ съ государственнымъ податями, по общиннымъ мирскимъ разрубамъ и разметамъ, на основаніи уставныхъ грамотъ и по общимъ переписнымъ окладнымъ книгамъ, гдѣ ясно и опредѣленно изображалось, сколько съ сохи или съ выти брать въ государеву казну и сколько въ намѣстничьи или волостелиныя кормы; такъ въ Новгородской переписной окладной книгѣ 1500 года намѣстничьи кормы, при описаніи деревень, опредѣляются вездѣ съ точностію рядомъ съ государевымъ оброкомъ; на примѣръ: «*Деревня Коргово* а великаго Князя оброку на ту деревню положено деньгами и за хлѣбъ, три гривны, oprичъ обежныя дани. А кормъ намѣстничьи положенъ съ полутретьядцати обежъ, и съ тое деревни корму намѣстнику и съ тиуномъ и съ доводчикомъ, съ дву обежъ въ годъ, на три праздника, полдевятыя деньги.» Или: «*деревня на Пескахъ, деревня Весь на Песоцкой рѣцѣ*». А великаго Князя оброку на тое деревню положено деньгами, и за хлѣбъ, и за хмѣль, и за мѣлкій доходъ, три рубли и тридцать гривенъ, oprичъ обежныя дани. А намѣстничьи кормы положенъ съ полутретьядцати обежъ; и съ тѣхъ деревень съ десяти обежъ корму намѣстнику и съ тиуномъ въ годъ, на три праздника, три гривны да полденьги» (*). И такая опредѣленность и точность въ назначеніи намѣстничьихъ доходовъ соблюдалась не въ одномъ Новгородскомъ краю, но и во всѣхъ другихъ областяхъ; я здѣсь привелъ образчикъ опредѣленія намѣстничьихъ доходовъ по Новгородской книгѣ, потому что она уже напечатана; но въ вотчинномъ архивѣ можно видѣть десятки переписныхъ окладныхъ

(*) Временникъ 11.

книгъ Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и другихъ, въ которыхъ съ такою же точностію опредѣлены намѣстничьи доходы, какъ и въ приведенной Новгородской книгѣ. Такимъ образомъ намѣстничьи доходы, большіе или малые, нисколько не зависѣли отъ произвола намѣстниковъ. И г. Чичеринъ напрасно думаетъ, что общины въ древности были безотвѣтны передъ намѣстниками и волостелями; мы уже видѣли, какъ законъ охранялъ права общинъ и ограничивалъ власть намѣстниковъ и волостелей, а исторія свидѣтельствуетъ, что общины не неумѣли и пользоваться правами, предоставляемыми закономъ, и даже иногда черезчуръ; до насъ дошли извѣстія не только о жалобахъ общинъ на намѣстниковъ и волостелей, но и о жалобахъ намѣстниковъ и волостелей на общины. Стоитъ припомнить только, что Царь Иванъ Васильевичъ въ 1555 году, при учрежденіи губныхъ старостъ, жалуясь на намѣстниковъ и волостелей, въ тоже время говоритъ: «такожъ тѣхъ городовъ горожане и волостей мужики многія коварства и убивства людемъ содѣлаша, и какъ сойдутъ намѣстники и волостели съ кормленья, и мужики многими иски отыскиваютъ.... и многіе намѣстники и волостели и старого своего стяжанія лишипася, живота и вотчины избыша». Напрасно также думаетъ авторъ, что выборное начало было вызвано наружу Государями Московскими въ XV вѣкѣ, начало не скрывалось на Руси и прежде; о выборныхъ старостахъ и сотскихъ и другихъ официальныхъ лицахъ мы имѣемъ прямыя извѣстія еще въ первой половинѣ XII вѣка: на примѣръ, въ грамотѣ Всеволода Мстиславича и въ лѣтописяхъ. Неправильно также думаетъ г. Чичеринъ, что Царь Иванъ Васильевичъ, передавая власть суда и управы излюбленнымъ головамъ и выборнымъ старостамъ, имѣлъ въ виду ограниченіе власти намѣстниковъ и волостелей; здѣсь дѣло шло не объ ограниченіи власти намѣстниковъ, а о замѣщеніи одной власти другою; власть намѣстниковъ и волостелей, какъ мы уже видѣли, была ограничена прежде; а Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ совершенно передать эту власть излюбленнымъ головамъ и старостамъ.

Переходя къ обзору состоянія общины въ XVII столѣтїи, г. Чичеринъ пишетъ: «общины далеко не удовлетворяли всѣмъ потребностямъ Государства, и центральная власть не могла найѣти въ нихъ хорошихъ органовъ управленія; онѣ были слишкомъ разрознены и частію слишкомъ удалены отъ центра, да и притомъ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне.... Въ XVII вѣкѣ, послѣ смутнаго времени былъ сдѣланъ новый шагъ въ устройствѣ администраціи; надъ разрозненными общинными властями.... поставлены были правители, которые должны были служить непосредственными органами верховной власти. Таковы были воеводы, которымъ вручена была вся правительственная власть въ уѣздѣ.» Мы здѣсь не будемъ толковать съ г. Чичеринымъ о томъ, удовлетворяли ли общины всѣмъ потребностямъ Государства, исторія общинъ въ XVII столѣтїи сама говорить въ ихъ пользу; ибо ежели по исторїи извѣстно, что въ продолженіи всего XVII вѣка правительство не препятствовало общинамъ управляться своими выборными начальниками, ежели сами общины находили это для себя пужнымъ, то стало быть общины удовлетворяли государственнымъ потребностямъ, по признанію самаго правительства. Но не мѣшаетъ пересмотрѣть то, что г. Чичеринъ ставитъ въ порокъ общинамъ. Онъ во 1-хъ говоритъ: «что общины были слишкомъ разрознены». Это выраженіе поставлено авторомъ безъ всякаго значенія и доказательствъ, основанныхъ на историческихъ данныхъ; слѣдовательно ничего не утверждаетъ и не отрицаетъ. Во 2-хъ по его словамъ: «общины были частію слишкомъ удалены отъ центра». Это значитъ, что Холмогорская или Важская община слишкомъ далеко стояли отъ Москвы, гдѣ находилось центральное управленіе; но развѣ воевода, посаженный въ Холмогорахъ или на Вагѣ, былъ ближе къ Москвѣ, чѣмъ излюбленный голова или староста, выбранный Холмогорскою или Важскою общиною? Въ 3-хъ авторъ ставитъ въ вину общинамъ то, что «онѣ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне.» Дѣйствительно, общины

имѣли бы въ себѣ важный недостатокъ относительно управления, ежели бы не заключали въ себѣ всего народонаселенія; но исторія не находитъ этого важнаго недостатка въ Русскихъ общинахъ. По свидѣтельству дошедшихъ до насъ памятниковъ, наши общины обнимали все народонаселеніе безъ исключенія; вотъ для доказательства начало одной челобитной, присланной отъ Дмитровской общины къ Царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1639 году: «Бьютъ челомъ изъ Дмитрова съ посаду и Дмитровскаго уѣзду нищіе твои Государевы богомольцы архимариты и игумены и протопопы и попы и дьяконы, и холопи твои Государевы, дворяне и дѣти боярскіе, и сироты твои Государевы посадскіе и уѣздные всякихъ чиновъ люди. Преже сего были, Государь, въ Дмитровѣ воеводы, и въ прошломъ, Государь, во 146 году били мы челомъ тебѣ, Государю, чтобъ воеводамъ въ Дмитровѣ небыть, а чтобъ быти въ Дмитровѣ одному губному старостѣ» и проч. (Времен. кн. 4) Здѣсь мы ясно видимъ, что общину составляли и духовенство, и дворянство, и посадскіе, и уѣздные всякихъ чиновъ люди, слѣдовательно все народонаселеніе, и всѣ они принимали участіе въ дѣлахъ, касающихся до цѣлой общины. Такимъ образомъ три недостатка, по словамъ г. Чичерина, побудившіе правительство перемѣнить общинное управленіе на воеводское, въ древнихъ Русскихъ общинахъ на лицѣ не оказались. Да и на дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, не было перемѣны общинныхъ властей на воеводъ, предполагаемой г. Чичеринымъ, и было оставлено на произволъ общинъ управляться или своими выборными начальниками, или воеводами.

Теперь перейдемъ къ учрежденію воеводскаго управленія. Г. Чичеринъ пишетъ, что воеводы были учреждены въ XVII столѣтіи, послѣ смутнаго времени; но такое показаніе явно противорѣчитъ памятникамъ. Историческіе памятники относятъ учрежденіе воеводъ къ XVI столѣтію и, кажется, именно къ царствованію Ивана Васильевича; такъ въ первомъ томѣ историческихъ актовъ, подъ 1581 годомъ, мы встрѣчаемъ Нижегородскаго воеводу Сабурова (№ 209), и подъ 1591 годомъ Астраханскихъ воеводъ, Князя Спцкаго и Пушкина (№ 230), а по разряднымъ книгамъ находимъ

воеводъ почти по всѣмъ городамъ въ 1576 году и въ послѣдующіе годы. Конечно это уже не частная попытка, а общее учрежденіе. Относительно опредѣленія власти воеводъ и ихъ отношеній къ общиннымъ властямъ, авторъ говоритъ: «Московское Государство не знало еще точности и опредѣленности юридическихъ отношеній; стремясь къ водворенію порядка, къ организаціи управленія, оно дѣйствовало безъ общей системы, частными мѣрами и распоряженіями, нерѣдко приходившими въ столкновеніе другъ съ другомъ и производившими страшную запутанность въ администраціи. При рациональномъ устроеніи общинъ, надо бы было прежде всего обратить вниманіе на различіе между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими. А вмѣсто того права даровались имъ безразлично и притомъ не всѣмъ вообще, а порознь и какъ попало. Точно также, когда были введены воеводы, отношенія ихъ къ общинамъ остались неопредѣленными.... Слѣдствіемъ такой неопредѣленности было, разумѣется, то, что сильнѣйшая власть поглотила слабѣйшую. Дѣйствительно, въ XVII столѣтіи общины стоятъ на заднемъ планѣ и управленіе ихъ подавляется управленіемъ воеводскимъ. Гражданскій судъ цѣлкомъ перешелъ въ руки воеводъ; о прежнихъ старостахъ и цѣловальникахъ не было уже и помину». Здѣсь во 1-хъ авторъ обвиняетъ Московское правительство XVII вѣка въ безпорядкахъ управленія, въ какой-то странной запутанности администраціи; конечно это слѣдовало бы подтвердить свидѣтельствами достовѣрныхъ памятниковъ, но свидѣтельствъ не представлено, а посему настоящія обвиненія остаются однѣми фразами, на которыя не слѣдуетъ и отвѣчать. Во 2-хъ авторъ обвиняетъ Московское правительство въ томъ, что оно не дѣлало различія между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими, на что прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе, при рациональномъ устройствѣ общинъ. Но на дѣлѣ Московское правительство не только въ XVII столѣтіи, но и прежде обращало вниманіе на это различіе, сколько это было нужно; относительно сего мы имѣемъ множество старинныхъ

свидѣтельствъ администраціи; самое уже раздѣленіе общинъ и ихъ земель на сохи городскія, уѣздныя, вотчинничьи, дворцовыя, монастырскія и черныя. ясно показываетъ, что различіе общинъ постоянно имѣлось въ виду у Московскаго правительства. Что же касается до рациональнаго устройства общинъ, то очевидно здѣсь г. Чичеринъ промолвился: государства вездѣ въ своемъ устройствѣ развиваются исторически; данныя для устройства и смыслъ самаго устройства даетъ жизнь, исторія, а не теорія. Въ 3-хъ авторъ обвиняетъ старую Московскую администрацію въ томъ, что въ ней будто бы не были опредѣлены отношенія воеводъ къ общинамъ. Это обвиненіе не имѣетъ для своего подтвержденія никакихъ данныхъ; Русская исторія свидѣлствуетъ напротивъ, что отношенія сіи опредѣлялись и особыми уставными грамотами, и другими общими узаконеніями, и наказами воеводамъ, которыхъ мы имѣемъ довольно уже напечатанными въ разныхъ изданіяхъ. Въ 4-хъ наконецъ авторъ утверждаетъ, что общинная власть въ XVII вѣкѣ подавляется воеводскимъ управленіемъ; а между тѣмъ самъ же упоминаетъ о челобитѣхъ Вятскаго старосты въ 1686 году, который просилъ, чтобы въ городѣ и уѣздѣ разлавать тяглыя земли не изъ приказной, а изъ земской избы; слѣдовательно самъ же прямо отрицаетъ свое прежнее показаніе. Ежели общины имѣли свою особую земскую избу, состоящую въ вѣдѣніи старость и пѣловальниковъ, и дѣйствовали здѣсь независимо отъ воеводъ по дѣламъ, собственно касающимся общины и подлежащимъ ея вѣдѣнію, то слѣдовательно общины еще не были подавлены воеводскимъ управленіемъ. Кромѣ того мы имѣемъ и другія прямыя указанія, что въ продолженіе XVII вѣка общины по прежнему принимали сильное участіе въ дѣлахъ управленія и суда надъ своими членами; хотя иногда на время и дѣлались попытки къ ихъ устраненію отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, но попытки сіи большею частию оканчивались тѣмъ, что правительство обращалось къ прежнему порядку. Такъ въ указѣ 1684 года отъ 18 февраля предписывается, чтобы по всѣмъ городамъ быть губнымъ старостамъ, и вѣдать всякія губныя дѣла по прежнему, а воеводамъ тѣхъ дѣлъ

не вѣдать, и о выборѣ губныхъ старостъ послать великихъ Государей грамоты (П. С. З. № 1062). А въ писповомъ наказѣ того же года говорится, что «губные старосты по челобитьямъ отмежевывали земли изъ дикихъ полей.»

Отношеніемъ власти воеводъ къ общинамъ г. Чичеринъ оканчиваетъ свою первую статью о сельскихъ общинахъ въ Россіи. Предлагаемый здѣсь разборъ ясно показываетъ, на сколько эта статья согласна съ данными, представляемыми Русскою исторіею; теперь обратимся ко второй статьѣ.

Во второй статьѣ г. Чичеринъ, утверждая, что отдѣленіе и обособленіе городовъ отъ сель началось съ XVII вѣка, говоритъ: «стремленіе къ устройству и къ обособленію городовъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія внутри и около городовъ, были отобраны въ казну и присоединены къ тяглымъ землямъ; владѣльцевъ же велѣно было вознаградить изъ другихъ земель. Кромѣ того владѣніе тяглыми участками и производство городскихъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители получили отдѣльныя опредѣленные сословныя права.» Дѣйствительно, указомъ 1648 года были сдѣланы распоряженія, указанныя г. Чичеринымъ; но дѣло въ томъ, что распоряженія сіи были не новость, что онѣ существовали уже въ XVI столѣтіи и даже прежде; самый указъ 1648 года былъ издамъ по челобитью всѣхъ людей Московскаго Государства: «чтобы Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ учинить въ Московскомъ Государствѣ по прежнему, какъ было при прежнихъ Государехъ, блаженные памяти при Государѣ Царѣ и Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи, чтобъ на Москвѣ, и около Москвы, и въ городѣхъ на посадѣхъ, и около посадовъ въ слободахъ торговыхъ людей, крестьянъ и бобылей, и закладчиковъ, и откупщиковъ опричь его Государевыхъ торговыхъ людей, нигдѣ ни чьихъ не было» (А. Ар. Эк. Т. IV. стр. 52). Такимъ образомъ указъ, приведенный г. Чичеринымъ, опровергаетъ его же мнѣніе и прямо свидѣтельствуетъ, что еще въ XVI вѣкѣ города были рѣзко отдѣлены отъ уѣздныхъ земель.

Далѣе г. Чичеринъ говоритъ: «Важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельности городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года, о введеніи стрѣлцкой подати. Она была наложена на всѣ тяглые города, на дворцовые города и слободы поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ. Всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные, были въ замѣтъ этого обложены ямскими и полоничными деньгами. Сборъ стрѣлцкой подати былъ предоставленъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, для раскладки же выбирались въ каждомъ посадѣ и въ каждой волости особенные выборные люди.» Здѣсь во 1-хъ слѣдуетъ замѣтить, что приводимый г. Чичеринымъ указъ 1681 года говоритъ не о введеніи стрѣлцкой подати, извѣстіе о ней мы встрѣчаемъ еще при Царѣ Михайлѣ Феодоровичѣ, а самое учрежденіе вѣроятно было и раньше; настоящій же указъ гласитъ только о новой раскладкѣ этой подати по тогдашнимъ (188 года) переписнымъ книгамъ, и по разчету сдѣланному въ стрѣлцкомъ приказѣ, по которому требовалось на раздачу жалованья стрѣльцамъ и ихъ начальникамъ всего 107,227 рублей. (Ак. Ар. эк. Т. IV. стр. 347). Во 2-хъ стрѣлцкая подать въ этомъ указѣ была разложена не на всѣ тяглые города, какъ пишетъ г. Чичеринъ; въ указѣ прямо сказано: «которые города и уѣзды сборомъ вѣдомы въ Стрѣлцкомъ приказѣ, и въ приказѣ жъ Большаго и Казанскаго дворцовъ.» И притомъ подать эту платили не одни городскіе жители, но и уѣздные, какъ прямо свидѣтельствуетъ указъ: «А стрѣлцкія деньги въ городѣхъ, на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ, по окладу выборныхъ окладчиковъ, собирать сполна на посадскихъ и на уѣздныхъ людяхъ. Слѣдовательно въ этомъ указѣ незамѣтно никакого, не только важнѣйшаго, шага для отдѣленія городовъ отъ селъ. Въ 3-хъ предоставленіе сбора стрѣлцкой подати земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и выборъ въ каждомъ городѣ и волости особыхъ людей для раскладки, вовсе, не составляютъ новости, будто бы введенной симъ указомъ: самъ же г. Чичеринъ въ первой своей статьѣ говоритъ, что община завѣдывала рас-

кладкою и сборомъ податей, даже прежде XVI вѣка, о томъ же свидѣтельствуютъ разныя древнія грамоты и узаконенія и между прочимъ Судебникъ 1550 года; въ немъ въ 72 статьѣ прямо сказано: «А разметныя книги старостамъ и сотскимъ и десятокимъ, и всѣмъ людямъ тѣхъ городовъ, своихъ розметовъ, дьяка руку за своими руками, ежегодъ присылати на Москву.» Указъ 1681 года только требуетъ, чтобы стрѣлцкую подать разкладывать особо отъ другихъ податей: «А буде съ котораго городу, сверхъ стрѣлцкихъ денегъ, есть иные какіе поборы и мирскіе ихъ расходы; и для тѣхъ ихъ особыхъ поборовъ и мирскихъ расходовъ въ городѣхъ посадскіе люди чинили бѣ оклады и розверстку межъ себя особую, а къ окладу стрѣлцкихъ денегъ не прикладывали.» Явно, что настоящій указъ заботился только объ отдѣленіи стрѣлцкой подати отъ другихъ податей, а не объ отдѣленіи городовъ отъ сель, которые уже издревле были отдѣлены и закономъ, и жизнью.

Обращаясь отъ городовъ къ волостямъ, г. Чичеринъ говоритъ: «Еще до Петра Великаго, черныя волости совершенно слились съ дворцовыми имѣніями. Когда съ развитіемъ государства образовалась обширная помѣстная система, черныя волости безпрестанно раздавались въ помѣстья; такъ, что въ половинѣ XVII вѣка онѣ заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ (по свидѣтельству Котошихина). Государство въ своемъ развитіи опиралось преимущественно на владѣльческіе элементы, съ расширеніемъ которыхъ черныя волости болѣе и болѣе стѣснялись и теряли всякую самостоятельность, пока онѣ не смѣшались совершенно съ дворцовыми селами. Первымъ шагомъ къ этому слиянію было назначеніе въ черныя волости приказщиковъ; вторымъ шагомъ было подчиненіе черныхъ волостей приказу Большаго Дворца. Въ Уложеніи черные крестьяне уже совершенно смѣшиваются съ дворцовыми. Названіе черныхъ волостей еще сохранилось, но крестьяне называются уже дворцовыми.» Дѣйствительно, по свидѣтельству Уложенія, въ XVII вѣкѣ Государевы дворцовыя села и черныя волости раздавались боярамъ и окольнымъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины (глав.

XVI. стат. 46). Даже продавались отъ казны, и въ Уложеніи назначена продажная цѣна: «а порожнія земли за рубль по три четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ. А дворцовыя земли по двѣ четверти за рубль добрыя и среднія и худыя земли не одобрявая.» (глав. XVII. стат. 45.) Таковая раздача черныхъ земель въ помѣстья и продажа ихъ въ вотчины, конечно, должны были значительно убавить количество черныхъ свободныхъ земель; но эта убавка черныхъ волостей ни коимъ образомъ не могла дойти до 20,000 дворовъ, какъ свидѣтельствуемъ Котошихинъ, который, будучи только подъячимъ Посольскаго приказа, не могъ имѣть вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ дворовъ въ черныхъ волостяхъ по всей Россіи, и явно писалъ объ этомъ предметѣ на обумъ; даже редакторы его книги замѣтили, что XI глава, гдѣ помѣщено это извѣстіе, особенно неудовлетворительна. Не должно забывать, что раздавались въ помѣстья и продавались въ вотчины только опредѣленныя къ тому земли, состоящія въ вѣдѣніи Помѣстнаго приказа; челобитчики подавали прошеніе въ Разрядный приказъ, гдѣ, по учиненіи справки объ ихъ службѣ, назначалось количество четвертей въ помѣстье или вотчину, и такое назначеніе изъ Разряда отсылалось въ Помѣстный приказъ, гдѣ, по справкѣ о имѣющихся пустующихъ помѣстныхъ или вотчинныхъ земляхъ, и отдавалось челобитчику назначенное Разрядомъ количество четвертей. Къ раздачѣ же черныхъ или дворцовыхъ земель правительство прибѣгало только тогда, когда въ Помѣстномъ приказѣ не оказывалось свободныхъ земель, или когда въ Дворцовомъ приказѣ оказывались лишнія пустующія земли, не приносящія казнѣ дохода, или дикія поля, и когда были на нихъ челобитчики. Въ Уложеніи сказано: «А оброчныхъ земель и бортныхъ ухажаевъ оброчныхъ же въ помѣстье не давать никому. А будетъ который помѣщикъ привестъ гдѣ пустыя озера, или въ рѣкахъ рыбныя ловли порожнія, а не помѣстные и вотчинныя и оброчныя; и учнетъ о тѣхъ водахъ бити челомъ Государю въ помѣстье за четвертную пашню, и такія воды всякимъ помѣщикамъ отдавать въ помѣстье за четвертную пашню по разсмотрѣнію.» (глав.

XVII. ст. 35. 36.) Продавались же казною земли, именно пустующія, не имѣющія хозяевъ, порожнія; такъ въ Уложеніи сказано: «указали порожнія земли въ Московскомъ уѣздѣ продавать.... Да и въ иныхъ городѣхъ, будетъ кто прищеть помѣстные пустыя земли, которыя лежать въ порожнихъ земляхъ изъ давнихъ лѣтъ, въ помѣстье ихъ никто не возьметъ; и тѣ земли продавати въ вотчину.» (Глав. XVII. стат. 45, 47.) Все это ясно показываетъ, что черныя земли не раздавались въ помѣстья безпрестанно, какъ то утверждаетъ г. Чичеринъ; здѣсь самостоятельность черныхъ волостей нисколько не стѣснялась, черныя волости оставались неприкосновенными, и только пустующія ихъ земли продавались или отдавались въ помѣстья. Г. Чичеринъ говоритъ, что черныя волости постепенно слились съ дворцовыми и, какъ на первый шагъ къ такому слитію, указываетъ на назначеніе въ черныя волости прикащиковъ, т. е. людей, назначаемыхъ для управленія отъ правительства; но отъ правительства и прежде назначались люди для управленія черными волостями, таковы были волостели и становщики; прикащики именно заступили ихъ мѣсто, какъ воеводы заступили мѣсто намѣстниковъ. А посему, ежели г. Чичеринъ на волостелей и становщиковъ не указываетъ, какъ на шагъ къ слитію черныхъ волостей съ дворцовыми, то нѣтъ причинъ указывать и на прикащиковъ, и тѣмъ болѣе, что, какъ при волостеляхъ и становщикахъ были выборные отъ волостей свои управители, — старосты и сотскіе, точно также они были и при прикащикахъ. Такъ въ наказѣ 1612 года прямо сказано: «А прикащику и старостамъ и цѣловальникамъ на Олонцѣ и въ Заонежскихъ погостѣхъ давати на оброкъ крестьянамъ пустыя выти.... А старость и цѣловальниковъ велѣти избирати крестьяномъ всѣмъ.... а кого выберутъ и на тѣхъ людей имати выборные и излюбленные списки.» (Доп. къ Ак. ист. П. I. № 167.) Или въ сыщиковомъ наказѣ 1683 года говорится: «Впредь прикащикамъ и старостамъ бѣглыхъ крестьянъ не принимать.» (Пол. Соб. 3 ак. № 989.) Или въ приговорѣ боярскомъ того же года о посылкѣ межевщиковъ: «А которые прикащики будутъ въ отъѣздѣ,

и имъ (межевщикамъ) имать старость и цѣловальниковъ и выборныхъ крестьянъ, кому въ межевомъ дѣлѣ вѣрить.» (тамъ же № 1005.) А Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что приказчики бывали не во всѣхъ черныхъ волостяхъ, что нынѣ волости управлялись одними выборными людьми. «А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказчиковъ не бываетъ, учинены судейки, человекъ съ десять, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ.» (Коших. стр. 113.) Ясно, что черныя волости были въ томъ же положеніи въ отношеніи къ управленію при прикащикахъ, въ какомъ онѣ были при волостеляхъ и становщикахъ.

Вторымъ шагомъ къ слитію черныхъ волостей съ дворцовыми г. Чичеринъ называетъ — подчиненіе черныхъ волостей приказу Большаго дворца. Но это подчиненіе въ сущности отнюдь не указываетъ на шагъ къ слитію черныхъ земель съ дворцовыми, а напротивъ, причина такового подчиненія скрывается въ желаніи только отдѣлить по управленію черныя земли, какъ государственныя, отъ частныхъ земель, вотчинныхъ и помѣстныхъ. Когда учреждены были особые приказы для разныхъ вѣдомствъ, и когда для управленія вотчинныхъ и помѣстныхъ земель учреждено было особое вѣдомство, — Помѣстный приказъ; то естественно было и для черныхъ земель учредить особый приказъ, и таковымъ былъ приказъ Большаго Дворца. Но подчиненіе черныхъ земель Дворцовому приказу не уничтожило ихъ прежняго характера, онѣ по прежнему остались черными землями и не слились съ дворцовыми, и въ продолженіи не только XVII, но и въ XVIII столѣтіи, черныя земли постоянно называются черными, а дворцовыя дворцовыми, и даже въ книгахъ сошнаго письма постоянно имѣютъ особую раскладку и мѣру отъ дворцовыхъ земель; такъ: въ книгѣ сошнаго письма 1629 года черныя сохи состоятъ изъ 500 четвертей въ доброй землѣ, изъ 600 въ средней и изъ 700 въ худой землѣ; а дворцовыя сохи въ 600 четвертей доброй земли, въ 700 средней и въ 800 худой земли. Такимъ образомъ, по прямому свидѣтельству книги сошнаго письма, черныя волости съ подчинені-

емъ Дворцовому приказу не слились съ дворцовыми землями, а остались при прежнемъ своемъ значеніи; ибо и въ XVI столѣтіи черныя сохи были не менѣе 500 четвертей и не болѣе 700 четвертей.

Далѣе авторъ говоритъ: «Окончательное сляніе черныхъ сельскихъ общинъ съ другими сельскими общинами принадлежитъ уже къ XVIII столѣтію. При Петрѣ Великомъ, въ средней Россіи находились уже однѣ владѣльческія села, раздѣлявшіяся на дворцовыя, церковныя, помѣщичьи. Свободные крестьяне остались только по окраинамъ Государства, куда мало проникала дѣятельность центральной власти. Сюда относились поселенные на югѣ однодворцы, на востокѣ яшашные и на сѣверѣ черносошные крестьяне. Всѣ они вмѣстѣ, по знаменитому указу 1722 года о введеніи подушной подати, образовали сословіе государственныхъ крестьянъ въ противоположность владѣльческимъ.» Мы уже доказали выше, что черныя волости съ подчиненіемъ приказу Большаго дворца не слились съ дворцовыми, но остались по прежнему съ значеніемъ и характеромъ черныхъ волостей въ продолженіи всего XVII вѣка; а теперь представимъ свидѣтельство, что онѣ, и при Петрѣ Великомъ, оставались по прежнему черными волостями. До насъ дошла роспись полевой мѣры или книга сошнаго письма 1709 года, въ которой, какъ и въ книгахъ XVI и XVII столѣтій, земли дѣлятся на черныя, помѣстныя и проч. Даже самыя дворцовыя земли съ XVII вѣка нельзя уже считать владѣльческими, потому что онѣ по раскладкѣ въ книгахъ сошнаго письма, какъ мы уже видѣли, почти сравнились съ черными волостями, слѣдовательно также приняли характеръ государственныхъ земель, а не владѣльческихъ, и этотъ характеръ удержали и по межевой инструкціи 1754 года. А по сему владѣльческими землями при Петрѣ Великомъ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія были только земли церковныя и помѣщачьи или вотчинныя, а во второй половинѣ XVIII столѣтія, съ отобраніемъ вотчинъ у церковей и монастырей, владѣльческими землями остались только одни помѣщичьи или вотчинныя.

Наконецъ, приписывая новымъ постановленіямъ прави-

тельства, относящимся къ XVIII вѣку, а не исконнымъ обычаемъ, все современное устройство сельскихъ общинъ, авторъ говоритъ: «Во 1-хъ, на основаніи укрѣпленія земледѣльческаго сословія къ землѣ и платежа податей по душамъ установилось во всѣхъ сельскихъ общинахъ общее владѣніе землею и соразмѣрное распредѣленіе между отдѣльными членами. «Но мы уже видѣли, что общее владѣніе землею въ сельскихъ или волостныхъ общинахъ на Руси существовало издревле; слѣдовательно оно не обязано своимъ происхожденіемъ ни прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, ни подушной подати. Тоже должно сказать и о соразмѣрномъ распредѣленіи земли между членами общины; это соразмѣрное распредѣленіе земель несравненно древнѣе указа о подушной подати; выти и обжи, на которыя дѣлилась земля между членами той или другой общины встрѣчаются еще въ памятникахъ XV столѣтія. Крестьяне обыкновенно сажались на выть земли или на полвыти, или на другую какую долю выти, и соразмѣрно съ полученнымъ участкомъ земли платили подати. Вся разница, древняго распредѣленія земли съ распредѣленіемъ, введеннымъ въ слѣдствіе указа о подушной подати, состоитъ въ томъ, что древнее распредѣленіе соразмѣрялось съ средствами и силами плательщика: кто имѣлъ болѣе средствъ, болѣе силъ, тотъ получалъ и болѣе участокъ земли, и съ тѣмъ вмѣстѣ обязывался платить болѣе подати; по новому же способу, введенному въ слѣдствіе указа о подушной подати, земля дѣлилась по числу душъ, написанныхъ въ ревизіяхъ, такъ что каждая ревизская душа, былъ ли то малолѣтній, или взрослый, или старикъ, здоровый или больной, богатый или бѣдный, получала безъ различія одинакую долю земли. Конечно нѣтъ надобности доказывать, что старый способъ дѣленія былъ несравненно лучше новаго, и практика не замедлила засвидѣтельствовать это: черезъ сорокъ восемь лѣтъ послѣ изданія указа о подушной подати правительство нашло уже необходимымъ предписывать, чтобы раздѣлъ земель производился по тягламъ, т. е. по старому способу; именно въ инструкціи 1770 года сказано: «немедленно такое селеніе

непремѣнно расписывать на тягла.» (Ш. Соб. зак. № 13590). Такимъ образомъ ясно, что правительство здѣсь обратилось къ древнему обычному способу раздѣла земель, который упоминается еще въ грамотахъ XVI столѣтія (на примѣръ въ уставной грамотѣ 1564 года сказано: «написали есмь вамъ указъ о всякихъ разрубахъ и о тяглахъ, чтобы у васъ въ волости промежъ вами да и съ иными нашими волостками и съ деревнями впредь смущенія не было.» Ак. Ар. Эк. т. I. № 268). Но г. Чичеринъ, приведши выписку изъ помянутой инструкціи, говоритъ: «Такъ правительство старалось водворить между крестьянами справедливость и уравненіе.... Гдѣ крестьяне плохо распредѣляли наложенныя на нихъ обязанности и сопряженное съ ними поземельное владѣніе, тамъ оно вводило лучшей распорядокъ; и тѣ учрежденія, которыя по видимому проистекаютъ изъ нравовъ и обычаевъ, въ сущности опредѣлены правительственными распоряженіями.» Дѣйствительно правда, что правительство старалось водворить справедливость и уравненіе; но дѣло въ томъ, что оно прибѣгло для этого къ старымъ же способамъ, вытекшимъ изъ нравовъ и обычаевъ народа, отмѣнило новый раздѣлъ земель по ревизскимъ душамъ и обращалось къ древнему по тягламъ.

Во вторыхъ г. Чичеринъ, продолжая развивать свое мнѣніе, что устройство сельскихъ общинъ нынѣшняго времени принадлежатъ постановленіямъ правительства, введеннымъ въ XVIII вѣкѣ, говоритъ: «что крестьяне церковные и монастырскіе, изъ которыхъ образовалось большинство нынѣшнихъ государственныхъ крестьянъ, получили выборное управленіе только въ послѣдней четверти XVIII вѣка.» И въ доказательство своей мысли приводитъ докладъ князя Куракина, въ 1674 году поданный Императорицѣ Екатеринѣ, по которому отмѣнены управители и прикащики, и внутреннее разбирательство споровъ между крестьянами предоставлено было выборнымъ, а для сбора податей учреждены по городамъ казначеи. Все это правда; правительство въ 1764 году отмѣнило управителей и прикащиковъ въ имѣніяхъ духовнаго вѣдомства и предоставило внутреннее разбирательство споровъ выборнымъ; но

дѣло опять въ томъ, что здѣсь правительство обратилось къ старому же порядку, извѣстному еще въ XVI вѣкѣ и раньше; оно не вводило здѣсь выборнаго управленія, а только предоставило духовнымъ крестьянамъ управляться выборными, по укоренившемуся у нихъ издревле обычаю, никогда не прекращавшемуся въ сознаниі народномъ и существовавшему на дѣлѣ всегда и при управителяхъ, какъ мы это и видимъ въ старыхъ памятникахъ. Такъ на примѣръ, въ наказѣ приказчику отъ властей Иверскаго монастыря, данномъ въ XVII столѣтіи, сказано: «А въ судѣ указали мы съ пимъ слугою быть старостамъ и цѣловальникамъ; а будетъ въ какомъ дѣлѣ расправы учинить немочно, и ему слугѣ о тѣхъ спорныхъ дѣлахъ писать къ намъ въ Иверской монастырь» (Юрид. ак. стр. 359). Или въ уставной грамотѣ патріарха Іова 1590 года: «а у приказчиковъ въ тѣхъ селѣхъ въ судѣ сидѣти сельскимъ крестьяномъ лучшимъ людемъ двѣма или трема, кого сельчане излюбятъ; а конхъ крестьянъ сельчане излюбятъ въ томъ судѣ сидѣти, и приказчику, тѣхъ людей имена переписавъ, за поповыми руками прислати къ игумену... А межи себе крестьяне лихова человекѣ не держалибъ, обыскивали межъ себя про лихова человекѣ накрѣпко, а на кого взойдетъ пословица не добрая, и тѣхъ бы недобрыхъ людей выслали вонъ, чтобъ въ тѣхъ лихихъ людяхъ крестьянамъ продажъ не было.» (Времен. кн. 2.) Слѣдовательно правительство по докладу 1764 года не уничтожало стараго обычнаго учрежденія, а только изъ двухъ старыхъ учрежденій отмѣнило одно, — приказчиковъ и управителей, и отмѣнило именно то учрежденіе, которое уже прежде утратило свой старый характеръ, въ слѣдствіе передачи управленія церковными имѣніями сперва въ особую учрежденную для того комиссію, а потомъ въ 1763 году въ Коллегію Экономіи.

Въ 3-хъ накопецъ, развивая свою мысль до послѣдней крайности, г. Чичеринъ говоритъ: «Сельскія общины одолжены нынѣшними своими учрежденіями великой строительницѣ областнаго и мѣстнаго управленія въ Россіи.... Екатерина, образовавшая дворянскія общества, развившая уч-

режденія городовъ, устроила и казенныя сельскія общины. Межевая инструкция 1766 года окончательно развила тѣ учрежденія, которыя вытекали изъ наложенныхъ на земледѣльцевъ сословныхъ обязанностей; устройство же внутренняго управленія было собственно созданиемъ великой монархии.» Конечно такой мысли, совершенно противорѣчащей общему убѣжденію и даннымъ, представляемымъ исторіею и жизнию, нельзя пустить безъ доказательствъ. Г. Чичеринъ понималъ это хорошо и постарался приискать доказательства; онъ говоритъ: «Это (устройство и управленіе сельскихъ общинъ) сдѣлано Высочайшими экономическими пунктами, которые извѣстны намъ по ссылкамъ, находящимся въ учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи, изданномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Здѣсь постановлено, чтобы въ каждомъ селеніи, имѣющемъ болѣе 1000 дворовъ, былъ сельскій старшина; а на каждые 500 дворовъ опредѣленъ сельскій староста, два выборные или словесные разборщикъ и сборщикъ податей, въ меньшихъ селахъ было меньше властей. Старшинъ и старость положено избирать черезъ три года, выборныхъ и сборщиковъ ежегодно.... Кромѣ того, для полиціи на каждые сто дворовъ учреждены были сотскіе, а на каждые десять десятскіе, исправляющіе должность по очереди.» Это доказательство очень сильное; но оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что Императрица Екатерина II очень хорошо знала и понимала исторію внутренней жизни Русскаго общества и умѣла уважать древніе исконные обычаи народа, неразрывно связанныя съ его жизнию; а отнюдь не доказываетъ, чтобы сельскія общины обязаны были нынѣшними своими учрежденіями Екатерины II. Ибо во 1-хъ почти всѣ постановленія экономическихъ пунктовъ были не новыя, а древнія, давно уже существовавшія и не перестававшія существовать въ жизни Русскаго общества: старосты, выборные сборщики податей, сотскіе и десятскіе, намъ постоянно встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ общественнаго устройства сельскихъ общинъ подъ тѣми же почти именами и съ тѣми же обязанностями, какія мы видимъ въ экономическихъ пунктахъ; даже выборъ старость и въ старину

бывалъ иногда черезъ три года, какъ свидѣтельствуятъ памятники XVI столѣтія. Во 2-хъ самые экономическіе пункты какъ извѣстны только по ссылкамъ, находящимся въ учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи; слѣдовательно они не были введены, какъ общій законъ для сельскихъ общинъ по всей Россіи, а нашли для себя приложеніе только въ Екатеринославской губерніи, какъ области вновь сформированной и населенной недавними пришельцами изъ разныхъ краевъ, нуждающимися въ общемъ устройствѣ. Эта судьба экономическихъ пунктовъ ясно свидѣтельствуеть, что Императрица Екатерина II сама нашла ненужнымъ прилагать своихъ экономическихъ пунктовъ къ управленію всѣхъ сельскихъ общинъ въ Россіи: съ одной стороны потому, что пункты сіи въ существенныхъ своихъ и главныхъ частяхъ составляли исконный и неумолкающій обычай Русскаго народа, давно узаконенный исторією и жизнью, о которомъ вовсе не было нужды напоминать новыми указами; а съ другой стороны въ экономическихъ пунктахъ были нѣкоторыя постановленія, несогласныя съ исконнымъ устройствомъ сельскихъ общинъ, таковы на примѣръ: 4-й пунктъ. «чтобы при сельскихъ выборахъ быть уѣздному стряпчему и по одному сельскому застѣдателю» и 16-й: «при въѣздѣ въ селеніе и выѣздѣ изъ него имѣть курени съ караульными для спросу проезжающихъ и проходящихъ, и къ задержанію безпаспортныхъ». И таковыя и подобные пункты, возможные къ приложенію въ обществахъ, вновь формирующихся и не имѣющихъ преданій, очевидно оказались излишними и неудобоприложимыми къ обычаямъ обществъ старыхъ; а потому и не были приложены къ нимъ. Такимъ образомъ старыя общины на Руси и при Екатеринѣ остались при своемъ старомъ устройствѣ съ своими выборными старостами, сотскими и десятскими. И г. Чичеринъ, напрасно приписываетъ сей Императрицѣ нынѣшнее устройство сельскихъ общинъ; ибо ежели бы это устройство было Екатеринославское, то при сельскихъ выборахъ присутствовали бы и уѣздные стряпчие, и сельскіе застѣдатели, и въ селеніяхъ на въѣздѣ и выѣздѣ были бы курени съ караульными, и иныя

постановленія, написанныя въ экономическихъ пунктахъ и вовсе неизвѣстныя нашимъ сельскимъ общинамъ: отсутствіе сихъ постановленій въ нашихъ сельскихъ общинахъ служить прямымъ и яснымъ свидѣтельствомъ, что устройство сихъ общинъ въ существенныхъ своихъ чертахъ составилось не по позднѣйшимъ постановленіямъ правительства, а вытекло изъ жизни народа, изъ его понятія объ условіяхъ общественной жизни, изъ народнаго характера, выработаннаго исторіею.

Въ заключеніе своей второй статьи г. Чичеринъ говоритъ: «при Екатеринѣ были укрѣплены и крестьяне Малороссійскіе, и здѣсь мы найдемъ новое подтвержденіе той мысли, что общее владѣніе землею и ея передѣлъ не коренится въ древнемъ обычаѣ Русскаго народа. Въ Малороссіи, въ странѣ искони Русской, прежде введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій, были только частные собственники, помѣщики и козаки, да крестьяне, селившіеся на ихъ земляхъ по свободному договору». Можетъ быть, во время присоединенія Малороссіи къ Московскому Государству тамъ не было уже общаго владѣнія землею и были только частные собственники, но не должно забывать, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ послѣ почти четырехъ-сотъ-лѣтней невыносимо тягостной зависимости отъ Литвы и Польши, въ продолженіе которой, только при невѣроятныхъ усиліяхъ, едва могла удержать вѣру предковъ и частію народность, впрочемъ много уже измѣненную въ сравненіи съ прародительскими обычаями; а посему естественно, что общественное устройство этого древняго Русскаго края потерпѣло существенныя перемѣны и волей, неволей подчинилось постановленіямъ чуждаго правительства, старавшагося всѣми силами съ корнемъ уничтожить не только старыя учрежденія, но даже языкъ и вѣру доблестнаго народа. Послѣ сего нѣтъ ничего мудренаго, что Московская администрація не нашла въ Малороссіи общаго владѣнія землею, и отсутствіе его въ Малороссіи въ XVI вѣкѣ нисколько не можетъ служить подтвержденіемъ того, что будто бы его не было и въ Россіи, и что оно введено только въ XVIII столѣтіи. Третья статья г. Чичерина.

отд. III.

на содержитъ положенія, выведенныя изъ первыхъ двухъ статей. Основанія сихъ положеній, по нашему разбору, оказались уже несогласными съ Русскою исторіею, утвержденною памятниками, слѣдовательно также несогласны съ исторіею и самыя положенія; а посему нѣтъ надобности и разбирать ихъ.

И. Бѣляевъ.

Мы весьма благодарны г. Чичерину за возбужденіе важнаго вопроса о сельской общинѣ, за совокупленіе во едино и уясненіе главныхъ доводовъ, коими по видимому опровергается исконное существованіе общины у насъ въ Россіи; но думаемъ, что уже теперь, по прочтеніи живой, крайне заманчиво написанной статьи г. Чичерина и строго-ученаго отвѣта г. Бѣяева, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Что наша община есть не патріархальная, не родовая, не государственная, а по преимуществу товарищеская или, вѣрнѣе сказать, мірская. Она не устроена правительствомъ, а образовалась изъ самаго быта Русскихъ людей; правительство же только мудро воспользовалось тѣмъ, что уже существовало въ нравахъ и обычаяхъ народа.

2) Что Русская община имѣетъ конечно свои особенности, которыя вытекаютъ собственно изъ Русской исторіи, но въ главныхъ чертахъ (въ общинномъ владѣніи землею, въ выборѣ начальниковъ, въ сущности власти этихъ начальниковъ, въ братскомъ товариществѣ членовъ общины и проч.) она тождественна съ общинами другихъ Славянскихъ земель, разумѣется, на сколько эти послѣднія общины не были искажены вліяніемъ Римства и истекающихъ изъ него гражданскихъ учрежденій.

3) Что наша сельская община, съ древнѣйшихъ историческихъ временъ и донинѣ, сохранила всѣ отличительныя черты, которыми она рѣзко отличается отъ западныхъ германскихъ и прочихъ общинъ,—черты, составляющія главную основу порядка и величія въ настоящемъ и служащія залогомъ благосостоянія и могущества Россіи въ будущемъ. Изъ статьи г. Бѣяева видно, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, что издавна было у насъ

общинное владѣніе землею, что были передѣлы земли и что были общинные суды и расправы. Продажи земель конечно совершались, но онѣ или касались лично-собственныхъ земель или представляли только замѣнъ одного тяглаго лица другимъ. Были ли въ древней Россіи большіе поселки, сколь много ихъ было, — это къ настоящему дѣлу мало относится, ибо общины могутъ равно существовать, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ деревняхъ. Что же касается до переходовъ народонаселенія съ мѣста на мѣсто, дѣльми деревнями или отдѣльными лицами, то они ни мало не уничтожали общиннаго начала въ народѣ; что впрочемъ на дѣлѣ доказывается подвижными артелями, существующими и нынѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

и 4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вышло не изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, не изъ прикрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и не изъ разложенія податей на души, а изъ тысячелѣтней жизни Русскаго народа и государства. Впрочемъ это очевидно также, какъ изъ того, что закономъ трудно, вѣрнѣе сказать, невозможно укоренить въ нравахъ и обычаяхъ то, чего въ нихъ нѣтъ самобытно, такъ и изъ того, что общинное устройство существуетъ и тамъ, куда правительственныя распоряженія почти не заглядывали, а именно: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Во всѣхъ вотчиннахъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), гдѣ власть помѣщика не уничтожала прямо и положительно мірскаго управления, общества очень сильны и живы; сверхъ того замѣчательно, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сходки, судъ стариковъ, выборы и мірское управление въ деревняхъ были уничтожены помѣщиками или ихъ управляющими, снова всѣ эти обычаи оживали и укоренялись, какъ только слабѣла или устранялась власть, препятствовавшая ихъ развитію.

Хотя мы считаемъ исконное существованіе сельской общины въ Россіи дѣломъ, достаточно доказаннымъ, однако надѣмся представить въ непродолжительномъ времени еще статьи въ подтвержденіе этого мнѣнія.

Изд. К.

10*

СООБРАЖЕНІЯ

КАСАТЕЛЬНО

УСТРОЙСТВА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ

ВЪ РОССІИ.

(Современ. 1856 года. № 2-й.)

Важнѣйшее, обильнѣйшее по послѣдствіямъ изобрѣтеніе, ознаменовавшее послѣднія двадцать пять лѣтъ, есть конечно устройство желѣзныхъ дорогъ. Оно не только произвело чуда въ мірѣ промышленности и торговли, но имѣло самое сильное вліяніе на образованность людей, на общественную и государственную жизнь народовъ. Быстрое размноженіе желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и Америкѣ, огромныя выгоды, доставленные ими строителямъ и въ особенности мѣстностямъ, чрезъ которыя онѣ пролегаютъ, значительное усиленіе государствъ, безбоязненно и рѣшительно ихъ себѣ усвоившихъ, и почти мгновенное распространеніе плодовъ человѣческой мысли въ странахъ, которыя воспользовались симъ новымъ способомъ сообщенія, превзошли самыя смѣлыя расчеты и самыя дерзкія ожиданія людей, страстно выхвалявшихъ это великое открытіе, и неоспоримо утвердили за нимъ первенство могущества надъ всѣми доселѣ сдѣланными изобрѣтеніями. Еще свѣжо у насъ въ памяти, какъ иные упорно отвергали пользу и важность сего новаго способа передвиженія, и какъ другіе, видя въ немъ какую-то адскую революціонную машину, старались, для блага человечества, задушить ребенка въ колыбели; а теперь, по истеченіи менѣе двухъ десятилѣтій, едва ли кто рѣшится оспаривать сильное и болѣею частію благотѣльное дѣйствіе чугунокъ (*) на весь бытъ чело-

(*) Слово: чугунокъ у насъ, на языкѣ народномъ, усвоено желѣзнымъ дорогамъ. Оно конечно не совсѣмъ вѣрно, но развѣ съ желѣзною дорогою необходимо соединено понятіе паровоза? А между тѣмъ мы употребляемъ

вѣческой. Правда, что, оцѣняя вполне выгоды, изъ нихъ произтекающія въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, многіе еще недостаточно сознаютъ вліяніе ихъ на область болѣе важную, болѣе существенную для человѣка, — т. е. на нравственную, умственную и общественную его жизнь. Впрочемъ это и неудивительно: одно бросается въ глаза, другое должно быть усмотрѣно, и не съ перваго взгляда; первое свидѣтельствуется цифрами, послѣднее — познается наблюденіемъ, при нѣкоторой ясности умственного возрѣнія. Большинство цивилизованныхъ людей еще привыкло считать нашъ вѣкъ по преимуществу *промышленнымъ*, смотрѣть на богатство, какъ на идолъ, которому все должно быть принесено въ жертву, и опредѣлять могущество и благоденствіе государствъ по количеству накопившихся въ нихъ вещественныхъ капиталовъ; а потому и немудрено, что даже лучшіе изъ этихъ людей еще остаются въ протертыхъ колеяхъ, судятъ на основаніи матеріальныхъ системъ Запада и готовы превратить государства въ обширныя мастерскія или въ суетливныя биржи, не заботясь объ удовлетвореніи важнѣйшихъ потребностей гражданскаго общества. Есть также люди, которые хотятъ могущественное орудіе, желѣзныя дороги, обратить преимущественно на достиженіе цѣли, конечно важной, но все-таки частной, а именно, на выгодное размѣщеніе и быстрыя передвиженія войскъ, не подозревая вѣроятно, что желѣзныя дороги суть такіе сильные двигатели, что съ ними должно обходиться крайне осторожно, и что направленіе ихъ, несоответственное истиннымъ потребностямъ государства, можетъ нанести ему большой вредъ. Государство не есть ни мастерская, ни биржа, ни станъ воинскій; въ немъ конечно производятся всякія отрасли промышленности и торговли и въ немъ приготовляются средства къ защитѣ земли и народной самобытности; но въ немъ есть также нѣчто

слово: желѣзная дорога, и вагоны, несущіеся съ крайнею быстротою и пр., рисуются нашему воображенію. Слово: *чугунка* для обозначенія новыхъ путей сообщенія почти также вѣрно, какъ и слово: желѣзная дорога; но оно гораздо живѣе и короче, а потому не слѣдуетъ, кажется, отказывать ему въ правѣ гражданства и въ письменномъ нашемъ языкѣ.

высшее, чѣмъ опредѣляется его значеніе въ мірѣ и что должно служить государству неизмѣннымъ правиломъ въ его дѣйствіяхъ. Имѣть въ виду отдѣльную какую-либо цѣль, при распредѣленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ и при назначеніи центрального для нихъ пункта, значить еще ошибочно судить о важности, могуществѣ и всепроницаемости дѣйствія желѣзныхъ дорогъ на частный, общественный и правительственный бытъ государства.

Эти размышленія въ особенности внушены намъ были чтеніемъ статьи, въ недавнемъ времени напечатанной подъ названіемъ: *Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.* (Современ. 1856 г. № 2). Авторъ прекрасно излагаетъ выгоды, произтекающія вообще изъ сооруженія сихъ новыхъ путей сообщенія; онъ показываетъ, что онѣ особенно плодотворны въ странахъ обширныхъ, обильныхъ всякими естественными богатствами и еще лишенныхъ достаточнаго количества обыкновенныхъ улучшенныхъ дорогъ, и приводитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ Сѣверо-Американскіе Штаты, развивавшіеся во всѣхъ отношеніяхъ съ быстротою, доселѣ безпримѣрною въ исторіи. Переходя къ Россіи, авторъ объясняетъ, что всѣ причины, благопріятствовавшія чугунамъ въ Америкѣ, существуютъ, и еще въ большей степени, въ примѣненіи ихъ къ отечеству нашему. Дѣйствительно, при огромнѣйшемъ богатствѣ естественныхъ произведеній и при замѣчательныхъ способностяхъ жителей ко всякимъ промышленнымъ занятіямъ, у насъ земледѣліе, фабрики, заводы и торговля почти въ дѣтствѣ, и это главнѣйше потому, что мы не имѣемъ нѣскольکو сносныхъ путей сообщенія. У насъ мало искусственныхъ дорогъ, во многихъ мѣстностяхъ построеніе ихъ даже невозможно; а естественные пути, особенно по черноземнымъ губерніямъ, неудобопроѣзжи въ теченіе большей половины года и сносны только среди лѣта, когда люди почти исключительно заняты сельскими работами, и сверхъ того въ зимніе мѣсяцы. Но самыя зимнія дороги, прославленныя многими въ качествѣ естественныхъ шоссе и даже ничего не стоющихъ чугунокъ, такъ рѣдко и такъ кратковременно бываютъ способны для проѣзда; въ остальное же время онѣ такъ изрыты ухабами, которые, при

постоянно усиливающихся перевозкахъ, ежегодно становятся сплошнѣе, глубже и раскатистѣе, что санный путь можетъ казаться достаточнымъ средствомъ сообщенія, только при самомъ слабomъ развитіи производительныхъ силъ. Теперь, при общемъ сознаніи необходимости быстрыхъ успѣховъ у насъ, какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ, нельзя иначе смотрѣть на дороги шоссейныя и естественныя, какъ на пособіе для подвозовъ клади и лицъ къ желѣзнымъ дорогамъ; желѣзныя же дороги мы обязаны себѣ усвоить и притомъ, какъ можно скорѣе, и въ большихъ по возможности размѣрахъ, или намъ придется отказаться отъ всякаго участія во всемірной промышленности и торговлѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и во всемірной политикѣ и въ общечеловѣческой образованности.

Потомъ авторъ вышеупомянутой статьи обращается къ изложенію выгодъ, ожидаемыхъ у насъ отъ построенія желѣзныхъ дорогъ въ военномъ отношеніи. Онъ очень дѣльно доказываетъ, что Россія, для удобнаго размѣщенія и быстрого передвиженія своихъ войскъ, имѣетъ ббольшую необходимость въ чугункахъ, чѣмъ какое-либо другое государство. Но, излагая прекрасно всѣ доводы въ пользу этого мнѣнія, онъ увлекается и, кажется, теряетъ изъ виду всѣ прочія обстоятельства, съ которыми должно соображаться, при назначеніи направленій и центра желѣзныхъ дорогъ. Мы ни мало не оспариваемъ важности этихъ путей сообщенія для военного дѣла;—напротивъ того, мы убѣждены, что величіе Россіи тѣсно связано съ возможностью перебрасывать изъ края въ край массы войскъ, артиллерію, запасы и пр. Думаемъ сверхъ того, что желѣзныя дороги доставятъ Россіи возможность имѣть меньшее противъ прежняго количество войскъ подъ ружьемъ, слѣдовательно оставлять большее число рукъ при работахъ производительныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть сильнѣе, чѣмъ теперь, ибо ей несравненно легче будетъ сосредоточивать войска тамъ, гдѣ нужно. Слѣдовательно мы не только не отвергаемъ, но даже нисколько не уменьшаемъ необходимости и пользы желѣзныхъ дорогъ въ военномъ отношеніи. Мы не можемъ однако предаться увлеченію и одобрить планъ желѣзныхъ дорогъ, по которому все подчинено од-

нимъ стратегическимъ соображеніямъ. Войны бываютъ по временамъ, а государство и народъ живутъ и дѣйствуютъ постоянно. Къ тому же пути, указанные естественнымъ, свободнымъ развитіемъ народныхъ потребностей, оживляя сношенія между городами и селеніями, всегда могутъ соотвѣтствовать потребностямъ военнаго дѣла: дороги же, предпринятія и исполненныя въ исключительно военныхъ видахъ, часто бываютъ наперекоръ дѣйствительнымъ потребностямъ страны, уничтожаютъ существующее и порождаютъ насильственные скопленія людей и ложные центры дѣятельности.

Авторъ вышеозначенной статьи, увлекаясь, какъ мы прежде сказали, выгодами размѣщенія и передвиженія войскъ, предлагаетъ избрать центромъ для желѣзныхъ дорогъ Орловскую губернію, какъ средоточіе пространства, заключающаго главныя естественныя богатства Россіи, и оттуда пустить одну дорогу на сѣверъ къ Москвѣ, чрезъ Тулу и Кашару; другую на югъ къ Черному морю, чрезъ Курскъ и Харьковъ; третью на востокъ къ Саратову и четвертую на западъ къ Динабургу, состоящему на С. Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ и имѣющему соединиться съ Ригею чрезъ предпринятую уже дорогу отсюда до Динабурга.

Скажемъ мимоходомъ, что не понимаемъ, какъ Орелъ и Орловская губернія могли, даже съ перваго взгляда, показаться выгоднымъ центромъ для желѣзныхъ дорогъ; ибо ни по географическому положенію, ни по существующимъ торговымъ, промышленнымъ и другимъ сношеніямъ, они ни сколько не заслуживаютъ предпочтенія предъ другими странами Русской имперіи; сверхъ того, даже въ видахъ размѣщенія войскъ по дешевымъ стоянкамъ, они не представляютъ никакихъ особенныхъ выгодъ, ибо желѣзныя дороги, направленные къ промышленнымъ губерніямъ, должны проходить чрезъ хлѣбородныя области и слѣдовательно могутъ доставлять изъ нихъ войска всюду, куда нужно; куда же онѣ потребуются, неизвѣстно: нынѣ требовались онѣ на югъ, а завтра могутъ потребоваться на сѣверъ. Но разсмотримъ обстоятельно предполагаемыя отсюда развѣтвленія желѣзныхъ путей.

Не будемъ говорить о дорогахъ сѣверной и южной, ибо онѣ указаны самымъ дѣломъ, т. е. необходимостью соединить Москву съ Чернымъ моремъ чрезъ города Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ; но мы осмѣлимся спросить автора статьи, какого дѣйствія для оживленія производительныхъ силъ, для быстроты сообщеній въ административномъ и общественномъ отношеніяхъ, ожидаетъ онъ отъ соединенія Саратова съ Орломъ? Главныя произведенія, ожидаемая изъ этихъ странъ, суть разнаго рода хлѣба, пенька, конопляное масло, сало и пр. Спрашивается: какъ эти товары изъ плодородныхъ, дешевыхъ мѣстъ Саратовской и Тамбовской губерній пойдутъ въ хлѣбородныя дешевыя же мѣста Орловской губерніи? Существуютъ ли теперь нѣсколько дѣятельныя сношенія между Орломъ и вышеупомянутыми мѣстами? Полезна, разумна только та чугунка, по которой передвиженіе товаровъ постоянно возвышаетъ на нихъ цѣны; въ настоящемъ же случаѣ самые главные товары должны будутъ двигаться во все время по мѣстности, почти равно дешевой. Слѣдовательно закупка этихъ товаровъ въ Саратовѣ возможна будетъ лишь тогда, когда Орловскія цѣны сравняются съ Московскими; часто ли это будетъ случаться и желательно ли это? Доказательствомъ неестественности такого предполагаемаго движенія служить то, что изъ Саратовской и Тамбовской губерній до сихъ поръ никогда не возили въ Орловскую губернію ни хлѣба, ни пеньки, ни масла, ни сала, и что между этими странами доселѣ не было почти никакихъ торговыхъ сношеній. Всѣ вышеупомянутые товары шли и теперь идутъ въ С. Петербургъ чрезъ Нижній и Рыбинскъ, а въ Москву чрезъ Моршанскъ. Желательно ли, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, уничтожать существующіе пути и прокладывать новые, едва ли возможные, но во всякомъ случаѣ не обещающіе никакихъ особенныхъ выгодъ? Дорога отъ Саратова къ Москвѣ указана самымъ дѣломъ: Саратовъ отстоитъ сухопутно отъ Москвы и отъ Орла на одинакое разстояніе; Саратовская, Пензенская, Тамбовская и Рязанская губерніи, чрезъ которыя Московско-Саратовская желѣзная дорога должна проходить, и прежде были, и теперь состоятъ съ Москвою въ довольно живыхъ сно-

шеніяхъ; значительно количество клади, нынѣ привозимой по этому тракту, но вдвое, втрое бѣльшее количество клади остается, какъ извѣстно, недоставленнымъ въ Москву, по недостаточности перевозочныхъ средствъ. Слѣдовательно здѣсь проложенная чугушка существенно оживить и земледѣліе хлѣбородныхъ мѣстностей, и промышленность Московской и при-Московскихъ губерній; дорога же отъ Орла въ Саратовъ убьетъ сношенія всѣхъ вышеупомянутыхъ губерній съ Москвою и возбудить (если она что-либо возбудитъ) противоположные обороты Саратова съ Орломъ и Ригю.

Дорога изъ Орла черезъ Динабургъ въ Ригу будетъ полезна для Орла и для Риги, но она совершенно противна общимъ государственнымъ и народнымъ потребностямъ. Ближайшимъ и непремѣннымъ ея дѣйствіемъ будетъ возвышеніе Орла насчетъ Москвы и Риги насчетъ С. Петербурга. Не думаю, чтобъ то или другое соотвѣтствовало желаніямъ Россіи. Москва всегда была въ сношеніяхъ съ Варшавою и Ригю. Какъ теперь устроивается желѣзная дорога отъ С. Петербурга до Варшавы черезъ Динабургъ, и какъ Рига соединяется особою дорогою съ Динабургомъ, то необходимо связать Москву съ Варшавою и Ригю также черезъ посредство Динабурга. Эта дорога оживитъ значительно сношенія Москвы съ Варшавою и Ригю и будетъ полезна для всѣхъ мѣстностей, черезъ которыя она будетъ проходить. Въ послѣдствіи Орелъ можетъ быть связанъ съ Ригю и Варшавою боковою желѣзною дорогою отъ Орла до Смоленска; но прежде Москва, истинный центръ Россіи, должна быть съ ними соединена, ибо въ дѣлѣ построенія желѣзныхъ дорогъ сооруженіе такого-то пути *до, во время или послѣ* сооруженія другаго какого-либо тракта есть обстоятельство крайне важное.

Авторъ говоритъ, что устроеніе вышеупомянутыхъ дорогъ, простирающихся только на 2960 верстъ, «удовлетворитъ главнымъ потребностямъ внутренняго движенія и администраціи». Но не упущена ли при этомъ изъ виду дорога, которая по количеству и цѣнности перевозимой клади и по числу проѣзжающихъ людей, по живости и огром-

нести торговых оборотовъ, превосходить конечно тракть отъ Орла или отъ Москвы до Динабурга и равняется съ крайне важнымъ трактомъ отъ Москвы въ Саратовъ? Мы разумѣемъ дорогу отъ Москвы до Нижняго. Эта дорога въ торговомъ смыслѣ чрезвычайно значительна; доказательствами тому могутъ служить, какъ нынѣ существующія огромныя сношенія между Нижнимъ и Москвою, С. Петербургомъ и другими Русскими торговыми городами, такъ и то обстоятельство, что этотъ путь первый обратилъ на себя вниманіе компаній, желавшихъ на свой счетъ устроить желѣзныя дороги въ Россіи. Чугунки конечно полезны для странъ, богатыхъ естественными произведеніями, но для промышленныхъ странъ онѣ составляютъ еще большую необходимость: для первыхъ онѣ особенно важны по временамъ, для послѣднихъ же онѣ постоянно необходимы. Дорога въ Нижній должна проходить чрезъ самую промышленную мѣстность Московской, Владимірской и Нижегородской губерній, и сверхъ того подходить къ такимъ странамъ, гдѣ находятся огромные запасы всякаго лѣса, который не имѣетъ тамъ почти никакой цѣнности. Къ тому же эта дорога есть звено къ Сибирскому пути, важность котораго развивается постепенно и постоянно и обращаетъ на себя все большее и большее вниманіе Россіи. Забвеніе чугунки Московско-Нижегородской произошло, кажется, отъ того, что авторъ упомянутой статьи, хотя и говорилъ въ началѣ очень дѣльно о выгодахъ, простирающихся отъ желѣзныхъ дорогъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, но, при избраніи Орла и Орловской губерній центромъ четырехъ желѣзныхъ дорогъ, увлекся видами исключительно военно-хозяйственными и не обратилъ вниманія на то, что желѣзныя дороги должны быть преимущественно соображены не съ частными какими-либо, а съ общими потребностями страны, въ которой онѣ прокладываются.

Предполагаемое авторомъ вышеупомянутой статьи избраніе Орловской губерній средоточіемъ главныхъ дорогъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ совершенно противно ожиданіямъ, мнѣніямъ и расчетамъ чуть-чуть не всей Россіи; а потому мы считаемъ нужнымъ еще нѣсколько по-

дробнѣе рассмотреть это предположеніе. Не можемъ пропустить безъ замѣчанія самое слово *избраніе*, употребленное въ этомъ случаѣ. Намъ кажется, что средоточіе для желѣзныхъ дорогъ никогда и нигдѣ не должно избираться, а необходимо принимать именно то средоточіе, которое для сообщенія дѣйствительно уже есть; ибо не государство и не народъ приспособляются къ желѣзнымъ дорогамъ, а дороги приспособляются къ той странѣ, въ которой онѣ прокладываются. Москва, по словамъ народа, есть сердце Россіи; Москва по Исторіи есть то средоточіе, вокругъ котораго собралась вся земля Русская; Москва есть преимущественное гнѣздо Русской промышленности (*); Москва есть то мѣсто, куда безчисленные множества обозовъ отовсюду тянутся съ разною кладью, и гдѣ производятся закупки и продажи торговцами всѣхъ за-и при-Московскихъ губерній; Москва лежитъ на границѣ хлѣбородной и промышленной позою Имперіи и образуетъ собственно разнѣнный пунктъ, какъ для той, такъ и для другой; Москва, уже соединенная желѣзною дорогою съ С. Петербургомъ, резиденціею высшаго государственнаго управленія, есть ближайшій и необходимый центръ, изъ котораго исходятъ всѣ административныя распоряженія на сѣверо-востокъ, на востокъ, на югъ и на юго-западъ; Москва, какъ сама по себѣ, такъ и по прямому ея соединенію съ С. Петербургомъ, есть главный разсадникъ, преимущественный распространитель просвѣщенія по обширной нашей имперіи; — однимъ словомъ, Москва во всѣхъ отношеніяхъ есть такое средоточіе для Россіи, которое само себя таковымъ поставило и которое нельзя безнаказанно ни передвинуть, ни уничтожить. Москва теперь имѣетъ довольно живыя и довольно значительныя сношенія со всѣми странами Русскаго царства; желѣзныя до-

---

(*) Въ Московской губерніи въ 1853 году было 1212 фабрикъ и заводовъ, на которыхъ приготавлилось издѣлій на 45 милл. руб. сер., т. е. на сумму, превышающую $\frac{1}{4}$ часть всего Русскаго мануфактурнаго производства, (160,000,000); а если присоединить при-Московныя губерніи, то стоимость изготовляемыхъ издѣлій въ этомъ округѣ достигнетъ до половины всего Русскаго производства. Смотри Очеркъ Мануфакт. промысл. силъ Евр. Россіи. состав. П. Крюковымъ. С. Петербургъ 1853.

роги къ Нижнему, къ Саратову и къ Черному морю, а въ послѣдствіи къ Динабургу и къ Ярославлю, скрѣпятъ, учащать и еще болѣе оживятъ эти сношенія. Слѣдовательно, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, можетъ и долженъ быть теперь толкъ не о томъ, какое мѣсто избрать центромъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но только о томъ, какъ лучше связать этого всѣмъ бытомъ Россіи указанный центръ съ другими второстепенными внутренними центрами, и какъ удобнѣе проложить дороги, дабы онѣ шли не по безлюднымъ пустынямъ, а по направленіямъ, уже опредѣленнымъ потребностями земледѣлія, промышленности, торговли, внутреннего управления и общаго просвѣщенія.

Конечно, со временемъ разные Русскіе города сдѣлаются центрами боковыхъ желѣзныхъ дорогъ, но важно, чтобъ первый центръ, тотъ, изъ котораго должны исходить главные дороги, былъ именно дѣйствительный центръ Россіи, т. е. Москва; прочіе центры образуются по мѣрѣ надобности, но главный центръ долженъ быть утвержденъ непременно прежде прочихъ. Это важно, какъ для правильнаго оживленія всего существующаго, такъ и для будущаго величія и единства Россіи.

Въ заключеніе поблагодаримъ автора разсмотрѣнной нами статьи за случай, имъ доставленный, потолковать сообща о такомъ важномъ дѣлѣ, каково устройство желѣзныхъ дорогъ. Ничто такъ не уясняетъ и не упрощаетъ дѣла, какъ сужденіе объ немъ съ разныхъ сторонъ: часто дѣло, съ перваго взгляда мудреное, темное, даже едва возможное, становится легкимъ и простымъ, какъ только люди добросовѣстно вмѣстѣ о немъ потолкуютъ. «Умъ хорошо, а два лучше» — премудро говоритъ наша пословица. Въ настоящемъ случаѣ мы считываемъ менѣе на силу нашей діалектики, чѣмъ на сущность и свойство самыхъ доводовъ. Думаемъ, что читатели будутъ намъ благодарны не за сообщеніе имъ новыхъ мыслей, но за высказаніе того, что почти у кажлаго изъ нихъ было на умѣ.

А. Кошелевъ.

СООБРАЖЕНІЯ

О ПОЛЬЗѢ

УСТРОЙСТВА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

ОТЪ ДИНАБУРГА ВЪ КУРСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

(Журналъ Г. У. Пут. Сообщ. и Пуб. Здан. 1856 № 1-й).

Предыдущая статья была уже отдана въ печать, когда дошли до насъ вышеозначенныя соображенія объ устройствѣ Курско-Динабургской желѣзной дороги, имѣющей проходить чрезъ Лепель, Оршу, Климовичи, Мглинъ и Трубчевскъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы прочли это сочиненіе, замѣчательное по изложенію свѣдѣній, относящихся къ сему дѣлу, и по выводамъ, коими авторъ, г. Марченко, заключилъ свою статью. Мы ни мало не оспориваемъ важности Курско-Динабургской чугузки, но зная, какъ желѣзныя дороги необходимы для Россіи вообще, мы думаемъ, что почти каждая чугузка, откуда и куда бы она ни велась, является важнѣйшею тому, кто ее разсматриваетъ отдѣльно, а не въ связи съ прочими подобными путями. По этому необходимо, чтобы люди безпристрастные, помимо самыхъ добросовѣстныхъ составителей проэктвъ, опредѣляли, въ общемъ государственномъ смыслѣ, относительную важность каждой желѣзной дороги.

Оставаясь при изложенномъ на предыдущихъ страницахъ нашемъ мнѣніи, что сперва должны быть направлены изъ Москвы, истиннаго центра Россіи, главныя дороги на сѣверъ, на востокъ, на юго-востокъ, на югъ и на западъ, и что уже послѣ имѣютъ быть проведены дороги боковыя, мы сверхъ того спросимъ г. Марченко: не выгоднѣ ли во всякомъ случаѣ связать съ Динабургомъ Орель, а не Курскъ? Эти два города имѣютъ быть соединены чугузкою, идущею отъ Москвы къ Черному морю; а между тѣмъ Орель ближе къ Динабургу, чѣмъ Курскъ, безъ малаго на 100 верстъ. Хлѣбъ и прочіе товары въ Курской губерніи дешевле, чѣмъ въ Орлѣ; слѣдовательно имъ удобно идти

въ мѣста менѣе дешевыя, и при томъ болѣе близкія къ окончательнымъ сбытнымъ пунктамъ; Орелъ же и Орловская губернія, при устройствѣ Курско-Динабургской дороги, оказались бы въ самомъ невыгодномъ положеніи: имъ пришлось бы вести свои произведенія, такъ сказать, назадъ, т. е. въ мѣста по большей части менѣе дорогія и болѣе отдаленныя отъ окончательныхъ рынковъ. А потому соединеніе Курска съ Динабургомъ полезно для одной Курской губерніи и мѣстностей, чрезъ которыя эта чугунка будетъ проходить, а соединеніе Орла съ Динабургомъ было бы равно полезно, какъ для Орловской, такъ и для Курской и другихъ губерній, чрезъ которыя эта дорога имѣетъ пролегать. Сверхъ того Курско-Динабургская дорога простирается, по исчисленію г. Марченко, на 800 вестъ; Орелъ же можно соединить чрезъ Смоленскъ съ Московскою Динабургскою чугулкою положеніемъ рельсовъ на пространствѣ только 300 вестъ.

Г. Марченко называетъ Курскую губернію житницею Россіи: но столь же справедливо можно назвать такимъ же именемъ Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую, и другія губерніи. Курская губернія производитъ не болѣе хлѣба, чѣмъ многія другія губерніи Русскаго царства. Про многія губерніи можно сказать тоже, что г. Марченко сказалъ о Курской губерніи, а именно: «что никто не помнитъ, чтобы когда-нибудь въ Курскую губернію была ввезена для продовольствія ея хоть одна четверть хлѣба изъ другихъ губерній.» Изъ этого еще не слѣдуетъ, что такая губернія должна быть назначена исходнымъ пунктомъ тракта, и при томъ такого тракта, который соединяетъ Черное море съ Балтійскимъ и который проходитъ чрезъ двѣнадцать губерній. Такой трактъ долженъ быть утвержденъ не по требованію однихъ мѣстныхъ нуждъ, а по соображеніи оныхъ съ общими пользами и необходимостями государства.

Авторъ разбираемой нами статьи говоритъ, что Курская губернія образуетъ средину плодородной черноземной площади Россіи. Это невѣрно во многихъ отношеніяхъ. Плодородная черноземная площадь Россіи, начинаясь отъ береговъ Урала и оканчиваясь рѣкою Прутомъ, растянута хол-

стомъ на такомъ пространствѣ, что невозможно назначить для нея средоточія. Вѣрнѣе можно сказать, что эта полоса дѣлится на нѣсколько округовъ и что каждый изъ нихъ имѣетъ свой центръ и свои пути для сбыта произведеній. О Курскѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ центромъ даже одного такого округа, ибо, напротивъ того, онъ стоитъ на границахъ двухъ округовъ, Харьковскаго и Орловскаго, изъ которыхъ первый отправляетъ свои произведенія къ Черному морю; Курскъ же, глядя по требованіямъ, сбываетъ свои произведенія то туда, то сюда. Слѣдовательно дорога Московско-Черноморская вполнѣ соответствуетъ нуждамъ Курскаго края, а дорога Курско-Динабургская въ иные годы была бы совершенно бесполезнымъ трактомъ. Что касается до продовольствія западныхъ губерній, то дорога, идущая отъ Орла черезъ Смоленскъ и Витебскъ къ Динабургу, удовлетворить этому требованію почти столько же, сколько и Курско-Динабургская чугунка, ибо она будетъ проходить по странамъ всего болѣе нуждающимся въ привозѣ жизненныхъ припасовъ.

Въ заключеніе повторимъ глубокое наше убѣжденіе, что желѣзныя дороги для Россіи также нужны, какъ хлѣбъ насущный, что почти всѣ мѣстности требуютъ, по видимому, каждая въ свою пользу, предпочтенія предъ остальными, и что по этому необходимо теперь, при началѣ продолженія желѣзныхъ дорогъ, направлять капиталы преимущественно къ тѣмъ путямъ, которые должны быть главными жизненосными жилами всего Русскаго царства. Повторимъ также, что прямое соединеніе, какъ Орла, такъ и Курска съ Динабургомъ и Ригою, устроенное теперь, до связанія Москвы съ Динабургомъ и Ригою, должно нанести сильный ударъ обѣимъ столицамъ и преимущественно Москвѣ; присовокупимъ къ этому, что предполагаемыя дороги изъ Орла и Курска къ Динабургу, отрѣзывающія Юго-Западъ отъ Сѣверо-Востока и проведенныя прежде, чѣмъ центральныя дороги будутъ проведены по Имперіи, могутъ имѣть самое сильное дѣйствіе въ ущербъ необходимаго сосредоточенія главнѣйшихъ силъ Россіи въ одномъ живомъ, неизмѣнномъ центрѣ.

А. Кошелевъ.

ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СОБЫТІЙ ВЪ ЕВРОПѢ

за 1855-й годъ.

1855 годъ открылся для Россіи двумя чрезвычайными событіями: первое—кончина Императора Николая I-го, болѣе тридцати лѣтъ управлявшаго судьбами Россіи, державшаго въ теченіи этого долгаго времени въ рукахъ своихъ поочередно судьбы почти всѣхъ государствъ Европы и противъ котораго въ послѣдніе годы Его царствованія вдругъ ополчился почти весь неоднократно охраняемый имъ отъ внутреннихъ междоусобій Западъ; второе—мирные переговоры, открытіе которыхъ съ самыхъ первыхъ дней гола уже ожидалось въ Вѣнѣ и возбуждало напряженное вниманіе всѣхъ государственныхъ людей и всѣхъ политическихъ партій. Послѣдствія обоихъ этихъ событій не соответствовали однако, по вліянію своему на отношенія Россіи къ Европѣ, тѣмъ ожиданіямъ, которыя естественно должны были возбудить во многихъ умахъ изумительная неожиданность перваго и несомнѣнная важность того и другаго. Краснорѣчивый Манифестъ Императора Александра II-го скоро убѣдилъ Западныя державы, что отъ Русскаго Государя невозможно имъ было ожидать принятія условій, для Россіи унижительныхъ; а послѣдовавшее за тѣмъ подтвержденіе инструкцій, данныхъ Россійскимъ уполномоченнымъ въ Вѣнѣ, показало всему свѣту готовность Государя возвратить миръ до основанія потрясенной и взволнованной Европѣ, лишь бы сама она добросовѣстно пожелала его и отъ него не отказалась.

Подъ вліяніемъ этихъ миролюбивыхъ, но исполненныхъ достоинства расположеній Русскаго правительства, должны были открыться Вѣнскія конференціи. Политическое положеніе Европы и взаимныя отношенія государствъ ея были уже совсѣмъ не тѣ, какія установ-

лепы были Вѣнскимъ Конгрессомъ 1815 года и Іюльскою Революціею. Союзъ Франціи съ Англіею, эта entente cordiale, которой съ такими успіями домогался Людовикъ Філіппъ въ смыслѣ оборонительнаго союза и съ единственною цѣлію вывести Францію изъ тягостнаго для нея одинокаго положенія,—этотъ самый союзъ сдѣлался въ рукахъ смѣлаго преемника его орудіемъ системы наступательной противъ отдаленной, чрезмѣрно могущественной Россіи. Наслѣдникъ имени и престола Наполеонова искалъ удобнаго поприща для своего славолюбиваго духа, искалъ случая вновь потѣшить Францію давно забытымъ слухомъ военнаго торжества и возвратить ей, какъ самъ выразился опъ въ послѣдствіи, почетное мѣсто въ Совѣтахъ Европы: берега Рейна и Италия были для этого поприщемъ слишкомъ скользкимъ; по этой дорогѣ не послѣдовала бы за нимъ Англія, да и Русскія знамена еще разъ безъ сомнѣнія осѣнили бы Германію; Константинополь и Турція представили ему болѣе удобства для его цѣли,—разъединенія континентальныхъ державъ. Съ другой стороны уже прекратилось существованіе тройственнаго священнаго союза, этого хитраго изобрѣтенія корифея Вѣнскаго конгресса, Кн. Меттерниха, который умѣлъ съ такимъ искусствомъ связать всѣ политическія нити восточной и средней Европы въ одинъ узелъ и средоточіемъ его поставить выгоды и судьбы Габсбургскаго дома. Не думалъ первенствующій министръ Австріи, что онъ переживетъ свое твореніе, и что преемники его сами раззорятъ его дѣло, сами нарушатъ священный союзъ заключеніемъ съ Западными державами Декабрскаго трактата. Въ самомъ дѣлѣ вся эта хитрая группировка Европейскихъ государствъ, съ такимъ тшаніемъ и трудомъ устроенная Меттернихомъ и Людвигомъ Филиппомъ, и достаточная для уравновѣшиванія силъ Европы, покуда она покоплась на прежнихъ началахъ, должна была разлетѣться въ прахъ при появленіи новой могучей, ничѣмъ не связанной съ этимъ порядкомъ вещей личности, при первомъ позывѣ къ дѣятельности и жизни, съ какой бы то ни было стороны. Этотъ внѣшній поводъ скоро явился: то было съ одной стороны непростительное, безумное ослѣпленіе Турціи, рѣшившейся отвергнуть знаменитую ноту князя Меншикова, заключавшую въ себѣ справедливыя требованія покойнаго Государя въ пользу Восточныхъ единовѣрцевъ нашихъ; съ другой домогательство Франціи къ возстановленію давно утраченнаго дипломатическаго вліянія своего въ Царѣ-градѣ.

Дружественныя связи съ Турціею составляютъ одно изъ древнѣйшихъ преданій Французской дипломатіи и непрерывное поддержаніе ихъ есть одна изъ главнѣйшихъ ея заботъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ, когда Оттоманская Имперія, покинутая всѣми, изнемогала подъ ударамъ Екатерининскихъ орловъ, одна Франція простирала къ ней дружественную, хотя и безсильную, руку помощи. Изъ обнародованныхъ въ прошломъ году Французскими и Сардинскими официальными газетами дипломатическихъ документовъ, относящихся до 1782 и 1783 годовъ, мы видамъ, какъ настойчиво и горячо ходатайствовало за Турцію у всѣхъ дворовъ Европейскихъ правительствъ Людовика XVI, не смотря на всю внутреннюю безпомощную свою слабость: оно обращалось поочередно ко всѣмъ государямъ, — къ Іосифу II, но онъ вѣрно служилъ Екатеринѣ и не внималъ воплямъ Порты; къ Фридриху Великому, но тотъ мало довѣрялъ послѣдовательности и силѣ Версальскаго Кабинета и заботливо взвѣшивалъ его финансовыя и военныя средства; къ Сардиніи и Испаніи, но союзъ ихъ, хотя и искренній, былъ слишкомъ недостаточенъ; наконецъ и къ Англіи, но Фокеу было не до того: Англія страшилась въ то время лишь одного, — союза Россіи съ Америкою, и она была не прочь досадить Франціи и чужими руками ее унижить. Къ этому времени относится и первое возникновеніе мысли объ ограниченіи Русскаго Черноморскаго флота, которое было тогда предложено Императрицѣ Екатеринѣ Французскимъ кабинетомъ черезъ посланниковъ его въ Вѣнѣ и Лондонѣ и было ею отвергнуто (*). Въ послѣдствіи Наполеонъ I былъ также вѣрнымъ другомъ Турціи; и одна только настоятельная нужда въ союзѣ съ Императоромъ Александромъ I могла побудить его временно помѣнить ей. Наполеонъ III спѣшилъ воспользоваться спорнымъ вопросомъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалимскихъ, чтобы усилить Французское вліяніе на Диванъ и постараться поколебать преобладаніе въ немъ Россіи.

Когда возникли первыя несогласія Россіи съ Портою, Австрійскому правительству легко было положить имъ предѣлъ: еслибы Австрія осталась вѣрна консервативной мысли престарѣлаго и оставив-

---

(*) Разговоръ о семъ съ Русскимъ посланникомъ при Британскомъ дворѣ Французскаго посланника Адемара сообщенъ подробно въ депешѣ послѣдняго къ Французскому Министру Иностраннхъ Дѣлъ г. Вержену отъ 30 Октября 1783 года. Предисловіе г. Вержена г. Бартедеи, Французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, касательно того же предмета, заключается въ депешѣ отъ 22 Августа 1783 года.

шаго политическое поприще Канцлера, ей слѣдовало бы потушить въ самомъ началѣ первыя искры возникшаго несогласія; для этого стоило только поддержать въ Царѣ-градѣ справедливыя требованія князя Меншикова точно также, какъ не задолго до этого Россія содѣйствовала тамъ же успѣху дипломатическаго порученія графа Лейнингена. Турція конечно не дерзнула бы противустать соединенному вліянію обохъ Императорскихъ дворовъ. Но Австрія спѣшила оправдать пророческія слова князя Шварценберга и удивить міръ великостію своей неблагодарности: государственные люди, ставшіе съ 1849 года во главѣ ея правленія, не сдѣлали ни шагу для предотвращенія грозившей войны Россіи съ Турціею и добровольно зажгли ее на берегахъ Дуная, поставивъ тѣмъ отечество свое въ самое затруднительное положеніе. Отсебѣ политическая роль Австріи является исполненною всевозможныхъ трудностей: занимая центральное положеніе между всѣми воюющими державами, связанная еще съ Россіею свѣжими воспоминаніями благодѣяній ея въ 1849 году, страшась законнаго вліянія ея на земли Славянскія, боясь за Италію, и потому угождая Франціи и Англіи, боясь за всегда готовое ускользнуть изъ рукъ ея первенство въ Германскомъ союзѣ, и потому недвѣрчивая къ Пруссіи и вынужденная дѣлать частыя уступки ея дружественному расположенію къ Россіи, она должна была отсебѣ безпрестанно приводить въ дѣйствіе всѣ пружины своей дипломатической хитрости, чтобы удержать за собою вмѣстѣ и выгоды мира, настоятельно требуемаго грустнымъ положеніемъ ея финансовъ, и политическое вліяніе, доставленное ей честолюбіемъ ея государственныхъ людей.

Первыя попытки Вѣнскаго кабинета вовлечь въ кругъ своихъ дѣйствій весь Германскій союзъ были безуспѣшны: Пруссія съ крайнею осторожностію опредѣлила отношенія свои къ Австрійской политикѣ трактатомъ 20 Апрѣля, оговоривъ въ немъ, что имѣть при этомъ въ виду по мѣрѣ возможности избѣгнуть всякаго участія въ возгорѣвшейся войнѣ между Россіею съ одной стороны и Западными державами и Турціею съ другой. Когда дошли до нея слухи о приготовляющемся сближеніи Вѣнскаго кабинета съ Франціею и Англіею, она опять употребила всѣ усилія свои для предотвращенія этого, какъ казалось, рѣшительнаго шага къ разрыву; но графъ Буль подписалъ трактатъ 2 го Декабря и 24-го числа тогоже мѣсяца поручилъ графу Эстергази пригласить Пруссію къ приведенію

своего контингента въ подвижное состояніе. Предложеніе это было отринуто Прусскимъ дворомъ и, будучи передано 22 Января 1855 года на разсмотрѣніе Германскаго Сейма, вызвало въ немъ сильную оппозицію со стороны Прусскаго кабинета: Сеймъ, поставленный въ затруднительное положеніе разногласіемъ двухъ первенствующихъ Германскихъ державъ, по обыкновенію своему, согласился на мѣру среднюю и, отвергнувъ требуемую Австрію мобилизацію, согласился только на такъ называемое *Kriegsbereitschaft*, т. е. на приведеніе союзныхъ войскъ въ такое положеніе, чтобы онѣ всегда могли, по рѣшенію Сейма, быть приведены въ подвижное состояніе въ теченіи двухнедѣльнаго срока.

Между тѣмъ Австрія постоянно стягивала Италійскія войска свои и сосредоточивала ихъ въ Галиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно вѣрная своей двойственной политикѣ, передавала Западнымъ державамъ плоды конфиденціальныхъ сношеній графа Буля съ Русскимъ уполномоченнымъ въ Вѣнѣ: послѣ двухъ свиданій посланниковъ четырехъ державъ въ Вѣнѣ 28 декабря и 7 января 1855 года, рѣшено было созвать конференціи. Пруссія въ нихъ не участвовала, не взирая на несомнѣнное свое право, какъ первостепенная Европейская держава и участница въ трактатѣ 1841 года; но она не согласилась купить это участіе присоединеніемъ своимъ къ декабрьскому трактату Австріи съ Западными державами.

Конференціи Вѣнскія открылись $\frac{3-\text{го}}{15-\text{го}}$ марта, онѣ длились 14 засѣданій и кончились только $\frac{23 \text{ мая}}{4 \text{ июня}}$, представивъ свѣту странное зрѣлище переговоровъ, въ которыхъ всѣ участники дошли до убѣжденія въ возможности возстановить нарушенное согласіе, но изъ коихъ при всемъ томъ не вышло желаннаго мира, потому что на самомъ дѣлѣ мира не хотѣлъ ни Императоръ Французовъ, ни лордъ Пальмерстонъ. И тотъ, и другой согласились на переговоры единственно въ надеждѣ встрѣтить упорное сопротивленіе Россіи и окончательно увлечь за собою Австрію; но бѣдетвія, постигшія союзныя войска во время зимовки къ Крыму, стойкое мужество защитниковъ Севастополя и независимое, исполненное опасеній для Австріи положеніе Пруссія уже успѣли поколебать минутную рѣшимость Вѣнскаго министерства, и Австрія еще разъ ускользнула изъ объятій Императора Французовъ, вмѣсто войскъ и оружія своего оставивъ въ рукахъ его только одинъ лишній проэктъ мирнаго соглашенія, повлекшій за собою паденіе Друэна

де Люиса и лорда Русселя. Лордъ Кларендонъ въ застѣданіи Палаты Перовъ $\frac{14}{26}$ іюня вскорѣ обнаружилъ всю радость своего правительства, по случаю не удавшихся переговоровъ, поспѣшивъ торжественно объявить, что отселѣ Франція и Англія считаютъ себя освобожденными отъ всѣхъ принятыхъ ими на себя обязательствъ и признаютъ за собою право предъявлять впредь всякія новыя требованія. Какъ бы то ни было, составъ лицъ, участвовавшихъ въ конференціяхъ, казалось, представлялъ сначала нѣкоторые залогн успѣха. Главный представитель Англіи, лордъ Джонъ Руссель, за три недѣли до этого внезапно съ шумомъ покинувшій министерскія скамьи и заживо похоронившій всю администрацію лорда Абердина, по дорогѣ въ Вѣну заѣзжалъ въ Берлинъ и нѣмалъ случая на мѣстѣ убѣдиться въ непоколебимости Прусскаго нейтралитета; пріѣхавъ въ Вѣну, онъ былъ свидѣтелемъ уступчивости барона Буркенелъ, Французскаго уполномоченнаго, и, какъ говорятъ, писалъ даже о ней Императору; самъ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друанъ де Люисъ, прибывшій уже въ половинѣ переговоровъ, въ скоромъ времени втайнѣ подчинился миролюбивой Вѣнской атмосферѣ. Застѣданія открылись прямымъ заявленіемъ князя Горчакова, что если къъ бы то ни было предложатся условія мира, не совмѣстныя съ честью Россіи, то она на принятіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не согласится, какія бы послѣдствія ни повлекъ за собою ея отказъ. Съ своей стороны лордъ Руссель долженъ былъ признаться, что миръ прочный долженъ по существу быть миромъ, честнымъ для Россіи.

Началась пренія о знаменитыхъ четырехъ пунктахъ: съ совершенною уступчивостію дѣйствовали князь Горчаковъ и г. Титовъ, нелицемѣрно стремясь къ добросовѣстному соглашенію выгодъ Россіи и Европы и непрестанно оговаривая права, купленыя Россією для пограничныхъ княжествъ цѣною собственной крови. Первые пять застѣданій привели къ полному обезпеченію и утвержденію политическихъ правъ и независимости Сербіи, Валахіи и Молдавіи, и къ установленію новой системы охраненія торговаго судоходства по Дунаю. Вопросъ о третьемъ пунктѣ, о нейтрализаци Чернаго моря, явился неустрашимымъ камнемъ преткновенія. Уполномоченные союзныхъ державъ, сознавая сами несоразмѣрность своихъ требованій, хотѣли предварительно выслушать Русскихъ уполномоченныхъ и до получения послѣдними наставленія отъ своего правительства, упорно

отказывались прислушаться къ предварительному обсужденію четвертаго пункта, обезпечивавшаго права Христіанъ на Востокъ; тщетно настаивала на томъ и Австрія; тщетно обращались по телеграфу сами Друэнъ де Люксъ и лордъ Руссель къ своимъ правительствамъ съ требованіемъ отъ нихъ на то разрѣшенія; въ Парижѣ и Лондонѣ было хорошо извѣстно, что пренія эти возвысятъ положеніе Россіи, дадутъ ей рѣшительное вліяніе на ходъ переговоровъ и отодвинуть 3-й пунктъ на степень вопроса второстепеннаго. Когда пришедшія изъ С. Петербурга наставленія предписали князю Горчакову выждать предварительнаго сообщенія видовъ союзныхъ державъ насчетъ Чернаго моря, послѣднія должны были наконецъ высказать свои требованія, немедленно въ основаніи своемъ отвергнутыя Россіею. За тѣмъ князь Горчаковъ сообщилъ конференціи свои противупредложенія (contrepropositions), основанныя на открытіи Чернаго моря военнымъ флагамъ всѣхъ націй; и когда сообщеніе это было отвергнуто, когда лордъ Руссель уже уѣхалъ, князь Горчаковъ, желая истощить всѣ средства примиренія, просилъ созвать еще разъ конференцію, чтобы сдѣлать ей послѣднее предложеніе, уже на старомъ началѣ, *pace clausum*, поддерживаемомъ и Австріею. Эта попытка имѣла успѣха не болѣе первой. За то она позволила Австріи извлечь изъ разногласныхъ мнѣній, выразившихся на конференціи, еще послѣдній средній проэктъ, который она взялась передать кабинетамъ Французскому и Англійскому, обязываясь въ случаѣ согласія ихъ предложить его Россіи въ видѣ грознаго ультиматума. Но ожесточенное унижительными неудачами общественное мнѣніе въ Англіи и неудовлетворенное еще славобіе Императора Французовъ требовали продолженія войны; послѣ бурныхъ преній въ Нижней Палатѣ, лордъ Джонъ Руссель вторично вышелъ изъ министерства; равно и Друэнъ де Люксъ, конфиденціально одобрившій Вѣнскій проэктъ, покинулъ портфель свой, передавъ его графу Валевскому; и война возгорѣлась съ новымъ ожесточеніемъ. Циркуляръ Русскаго канцлера возвѣстилъ всѣмъ нашимъ посольствамъ неудовлетворительное окончаніе конференцій, не хотѣвшихъ воспользоваться великодушною уступчивостію нашего правительства; графъ Валевскій отвѣчалъ на него съ своей точки зрѣнія другимъ циркуляромъ отъ 23 мая. Наконецъ двѣ официальные статьи, помѣщенные въ *J. de S. Pét.* и въ *Moniteur*, заключили пренія; оружіе должно было рѣшить споръ.

Австрія, еще разъ искусно избѣгая войны, усердно занятая внутренними преобразованіями, продолжала съ напряженнымъ любопытствомъ наблюдать за измѣнчивымъ ходомъ отчаянной борьбы, не воспрещая посланникамъ своимъ принимать участіе въ торжествахъ союзныхъ государей, которыми праздновали она самые двусмысленные успѣхи своего оружія; въ концѣ іюня мѣсяца правительство предписало первое, значительное сокращеніе арміи; а 18-го августа спѣшило заключить съ Папою выгодный для Рима конкордатъ, дабы по возможности противодействовать въ Италіи Французскому и Сардинскому вліянію.

Съ своей стороны Западныя державы продолжали начатую войну, не прерывавшуюся и во все время конференцій, заранѣе старался обезпечить себя новыми союзниками: 26-го января Сардинія подписала съ ними въ Туринѣ трактатъ, по коему обязалась выставить въ Крымъ вспомогательный корпусъ въ 15,000 человекъ, получивъ въ замѣну того отъ Франціи и Англіи заемъ въ 50,000,000 франковъ по 4%, изъ которыхъ 1% долженъ ежегодно быть обращаемъ на постепенное погашеніе долга. Съ тѣми же предложеніями дружбы своей и тѣми же просьбами о военной помощи обратились около того же времени въ февралѣ мѣсяцѣ союзники и къ Королю Неаполитанскому; но онъ остался непреклоненъ, и всѣ успія Австріи, всѣ позднѣйшія угрозы Франціи и Англіи не могли измѣнить его образа мыслей и заставить его отступить отъ самаго строгаго нейтралитета.

Излишне было бы повторять подробности достопамятной войны 1855 года: свѣжа еще въ памяти каждаго Русскаго исполинская борьба, длившаяся одиннадцать мѣсяцевъ на Севастопольскихъ насыпяхъ; памяты ему и на вѣки незабвенны имена героевъ, «легшихъ тамъ костьми, да не посрамится земля Русская»; памяты также подвиги оружія нашего въ другихъ мѣстахъ, совершившіеся, гдѣ въ большихъ, гдѣ въ меньшихъ размѣрахъ, но всегда и вездѣ одушевленные удивительнымъ геройствомъ, безграничною любовію къ отечеству и полною преданностію къ вѣрѣ Православной. Блестательное отбитіе приступа въ маѣ, неудачный, но тѣмъ не менѣе честный бой на Ѳедюхиныхъ высотахъ, славная защита Севастополя въ роковой день послѣдняго приступа, наконецъ безпримѣрное отступленіе войска изъ пылающихъ развалинъ Южной части города на Сѣверную сторону стяжали, какъ всему Черноморскому флоту, такъ и офи-

церамъ и солдатамъ Крымской арміи, безсмертіе въ лѣтописяхъ военныхъ. Нельзя не сказать также, что ошибки союзныхъ полководцевъ не были ни маловажны, ни рѣдки, и что всѣхъ ихъ, даже и счастливаго маршала Пелисье, ожидаетъ въ будущемъ строгій судъ Военной Исторіи; на долю ея придется сказать со временемъ— позволительно ли было штурмовать Севастополь въ маѣ мѣсяцѣ, не достигнувъ сперва ни одного изъ предварительныхъ результатовъ, необходимыхъ для успѣха приступа; не благоразуміе ли было бы замѣнить продолженіемъ бомбардировки и второй приступъ, стоившій обоимъ союзнымъ войскамъ такихъ страшныхъ потерь, наконецъ простительно ли было неприятельскимъ полководцамъ, послѣ паденія Южнаго Севастополя, провести цѣлый мѣсяцъ въ бездѣйствіи, имѣлъ въ Евпаторіи большое, совершенно бесполезное войско, тогда какъ самый нехитрый здравый смыслъ указывалъ имъ на Николаевъ, какъ на естественную цѣль немедленнаго похода.

Не менѣе честна для Россіи была борьба ея съ врагами и въ морѣ Балтійскомъ, подъ стѣнами Свеаборга, и въ особенности въ Турецкой Азіи и въ водахъ Тихаго Океана. Паденіе Карса, этого оплота Азіатскихъ областей Турціи, послѣ продолжительной упорнѣйшей блокады, дѣлающей особенную честь мужеству и безропотной дисциплинѣ Русскаго солдата, было событіемъ громкимъ въ Азіатской политикѣ и, независимо отъ временной стратегической важности своей, надолго нанесло тяжкій ударъ Англійскому преобладанію въ Средней Азіи; бѣдственный опытъ вторженія въ Мингрелію Омерапаша, кончившійся совершеннымъ разстройствомъ послѣдней Турецкой арміи и доказавшій Европѣ, что владычество Россіи въ Грузіи основано на прочныхъ началахъ любви и приверженности къ ней всего Христіанскаго народонаселенія, довершилъ въ этой части свѣта успѣхи Русскаго оружія и заставилъ Англію трепетать, на случай продолженія войны, за судьбу Эрзерума и Англо-Азіатской торговли. Всѣ эти событія имѣли естественно не маловажное вліяніе на отношенія Персіи къ Россіи и Англіи; дружественное расположеніе къ намъ Шаха возрастало съ каждымъ днемъ и побудило его наконецъ отправить въ С. Петербургъ чрезвычайное посольство для окончательнаго скрѣпленія взаимныхъ узъ; Англійское вліяніе, уже съ самаго начала войны постепенно слабѣвшее въ Тегеранѣ, потергло послѣдній ударъ вслѣдствіе ссоры съ Персидскимъ правительствомъ Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Муррея, подражавшаго въ Те-

геранъ прісмажъ спра Стратфорда Редклифа. Всыльчивый Муррей принужденъ былъ оставить столицу Шаха и удалиться въ отдаленный пограничный городъ Персін, оставивъ полный просторъ въ ней Русскому вліянію. Наконецъ взятіе Герата, этой важнѣйшей станціи сухопутнаго сообщенія съ сѣвѣрною Индією, Афганскимъ княземъ Юсуфомъ, при дѣятельномъ участіи въ томъ Персидскаго двора, и объявленіе Юсуфа себѣ подручникомъ Персін, заключаетъ картину постоянныхъ неудачъ Британской политики въ средней Азіи въ 1855 году. Онѣ повторялись и въ другой, самой дальней восточной области Азіи, въ устьяхъ Амура и водахъ Тихаго Океана, гдѣ труднѣе всего было бы Россіи ожидать успѣха, по незначительности своихъ тамъ средствъ и страшной отдаленности отъ средоточія государственнаго управленія. Но и тамъ мужество и дѣятельная распорядительность главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, вице-адмирала Путятина, генерала Завойко, генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, и Преосвященнаго Иннокентія, успѣли, при обычномъ Русскомъ самоотверженіи вѣрнѣйшихъ имъ войскъ, превозмочь всѣ трудности, свято сохранить честь отечественнаго флага и упрочить навсегда за Россією существенныя выгоды. Памятникомъ имъ останется на вѣки много обещающіе новыя поселки наши на Амурѣ и заключенный адмираломъ гр. Путятинымъ трактатъ съ Японією, безъ сомнѣнія богатый послѣдствіями для вліянія нашего на восточную Азію. Если внимательно прослѣдить и разобрать всѣ военныя дѣйствія 1855 года, то нельзя не признаться, что онѣ представили весьма различные результаты для славы оружія Французскаго и Англійскаго; еще и теперь существуютъ во всей своей силѣ всѣ нелестныя для послѣдняго сравненія, вызванныя уже первыми событіями предшествовавшей компаніи. Военный духъ Французской націи и крѣпкая, могучая организація военныхъ силъ Французскихъ, основанная Наполеономъ I и съ тѣхъ поръ преемственно развиваемая, какъ драгоценное наследіе, всѣми другъ за другомъ слѣдовавшими правительствами, особенно же семействомъ Орлеанскимъ, съ самаго пачала войны доставили Французской арміи тотъ огромный нравственный перевѣсъ, который еще болѣе, нежели перевѣсъ числительный, немедленно выдвинулъ Францію на первый планъ и сдѣлался предметомъ постоянной, но безсильной зависти Британскаго правительства и всей Англійской націи. День паденія Малахова Кургана былъ днемъ торжества Французскихъ легионовъ не надъ Русскими войска-

ни, въ коихъ привыкли они въ теченіи одиннадцатимѣсячной осады видѣть достойныхъ преемниковъ героевъ Бородинскихъ, но надъ опозоренными своими Британскими союзниками, и ошъ омылъ для нихъ горькіи воспоминанія бѣдствій Франціи подъ Ватерлоо.

Эта унижительная роль, разыгранная Англійскимъ войскомъ въ хвостѣ Французскихъ легіоновъ, отозвалась громовыми ударами въ настроенія общественнаго мнѣнія и въ политической конституціи острова, уже давно привыкшаго къ преобладающему голосу въ дѣлахъ Европы и къ легкимъ торжествамъ извилистой и всегда своекорыстной политики. Насталъ день горькихъ размышленій: зимою 1854—1855 года Англійская публика съ ужасомъ, уже болѣе 40 лѣтъ ей незнакомымъ, узнала, что Крымская армія ея уже не существуетъ, что отъ всего блистательнаго войска, при столь громкихъ надеждахъ и похвалбахъ отправлявшагося на Востокъ, остались однѣ незначительныя кадры полковъ; что рядомъ съ хорошо содержимымъ и исправнымъ Французскимъ войскомъ безпрестанно умираетъ отъ болѣзней и лишеній цвѣтъ Англійскихъ солдатъ, что конница лишилась всѣхъ лошадей своихъ, офицеры спѣшатъ покинуть полки и возвратиться въ отечество, а рядовые толпами перебѣгаютъ къ непріятелю, предпочитая неминуемой гибели позоръ дезертирства. Полуофициальный органъ министерства, 'Morning Post', долженъ былъ 25-го февраля оффициально признаться, что въ Крыму состоитъ подъ ружьемъ только 24,631 человекъ; Times ожесточенно и, какъ въ послѣдствіи оказалось, справедливо обличалъ его во лжи, утверждая, что изъ 53,000 отправленнаго на Востокъ Британскаго войска осталось дѣйствительно годныхъ къ службѣ не болѣе 10,000 человекъ. Неумѣстная искренность газетъ въ обсужденіи явленій Крымской компаніи дошла наконецъ до того, что грозная статья Французскаго Монитера, отъ 11-го февраля, взялась напомнить имъ объ опасности подобной полемики и признаній въ военное время и настоятельно потребовала болѣе скромности. Впечатлѣніе, произведенное этими грустными вѣстіями на Англійскій народъ, какъ нельзя лучше, выражается недавними словами одной Англійской газеты: «Зима 1854—55 года, говоритъ она, не скоро «будетъ забыта Англичанами. То было время страшныхъ предзнаменованій, страданій невыразимыхъ; народъ предался самымъ сильнымъ обвиненіямъ, какъ бы какимъ сатурналіямъ... Всякій, кто «только могъ писать или говорить, самовольно облакалъ себя въ

«звание члена Комитета общественной безопасности; конституціонное «учение объ ответственности министровъ было съ полнымъ ожесточеніемъ вызвано къ жизни; всякій требовалъ немедленнаго отправленія комиссаровъ въ Крымскую армію, подобно тому, какъ посылалъ ихъ нѣкогда Французскій Революціонный Конвентъ для освидѣтельствованія армій Республики; мы увидѣли наконецъ истинную, совершенную революцію въ домашнемъ управленіи нашемъ: само правительство отправило таковыхъ комиссаровъ въ Крымъ «для произведенія слѣдствія надъ нашими генералами»... Что можно прибавить къ подобной картинѣ?

Среди этого страшнаго волненія общественнаго мнѣнія, министерскіе кризисы съ немовѣрною быстротою слѣдовали одинъ за другимъ, доставляя впрочемъ публикѣ лишь частное удовлетвореніе. Первый толчекъ былъ данъ знаменитымъ предложеніемъ г. Робока, требовавшего, чтобъ Нижняя Палата нарядила комиссію для изслѣдованія дѣйствительнаго состоянія Крымской арміи и истины сыпавшихся со всѣхъ сторонъ обвиненій. Нѣсколькими днями позднѣе сирь Чарльзъ Непиръ, на официальномъ обѣдѣ лорда-мера Лондонскаго, осыпалъ бранью и сарказмами лордовъ Адмиралтейства и громогласно вызывалъ ихъ на объясненія въ Парламентѣ, требуя въ случаѣ несправедливости его показаній, немедленнаго исключенія своего изъ списка состоящихъ на службѣ адмираловъ.

Предложеніе Робока, благодаря враждебному настроенію общественнаго мнѣнія, а отчасти и двусмысленному поведенію лорда Джона Росселя, послѣдшаго измѣнить своимъ товарищамъ и выйти въ отставку 25 января, наканунѣ обсужденія возвѣщеннаго предложенія, имѣло новый, дотогдѣ небывалый успѣхъ: оно прошло большинствомъ 305 голосовъ противъ 148. Лордъ Абердинъ и товарищи его, выслушавши въ полномъ смыслѣ справедливый приговоръ надъ ними націи, сложили съ себя власть и немедленно подали въ отставку. Настало долговременное, такъ сказать, между-правленіе. Тщетно обращалась Королева къ вождямъ главныхъ партій — къ лорду Ландсдоуну, къ графу Дерби, испрашивая ихъ совѣтовъ и поручая составить новыя управленія. Партіи, раздробившіяся до безконечности, существовали уже только по имени, и Англія должна была съ ужасомъ убѣдиться въ несостоятельности своей старой парламентской системы; лучшіе люди Англіи, и Барингъ, одинъ изъ первыхъ Лондонскихъ банкировъ, и Ленгъ, извѣстный директоръ многихъ ком-

наи́й желѣзныхъ дорогъ, отказывались припятъ участіе въ управленіи. За отсутствіемъ политической партіи, довольно сильной, чтобы твердою рукою взять кормило правленія, кицутаго на пропзволя сѣпаго случая, оно опять досталось въ руки челоуѣка, не смотря на лѣта и аристократическое положеніе свое въ обществѣ, умѣвшаго сохранить и развить въ себѣ удивительную способность примѣнять мнѣнія и убѣжденія свои къ измѣнчивымъ теченіямъ народнаго произвола. Лордъ Пальмерстонъ окончательно составилъ новое мнистерство или, лучше сказать, въ качествѣ первенствующаго министра, остался во главѣ правленія съ прежними товарищами своими, за исключеніемъ только троихъ. Лордъ Россель назначенъ уполномоченнымъ на Вѣнскихъ конференціяхъ; а для удовлетворенія взволнованнаго общественнаго мнѣнія, двѣ до тѣхъ поръ разрозненныя вѣтви военнаго управленія, взаимная независимость коихъ была конечно одною изъ причинъ Крымскихъ неудачъ, поручены были вѣдомству лорда Панмюра, отселя сѣлавашагося уже въ истинномъ смыслѣ министромъ военныхъ силъ. Но общественное мнѣніе не удовлетворялось еще такими незначительными уступками: временный представитель его, Робокъ, спѣшилъ возобновить предложеніе свое и просить Нижнюю Палату окончательно назначить составъ слѣдственной Коммиссіи, избравъ въ нее членовъ изъ среды своей. Не имѣя силы отклонить отъ правительства новую грозу и твердо рѣшившись, во что бы ни стало, сохранить за собою съ такими успліями пріобрѣтенное званіе первенствующаго министра, лордъ Пальмерстонъ согласился теперь на предложеніе, отвергнутое имъ за мѣсяць, когда онъ еще былъ простымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ лорда Абердина, и заранѣе согласился только съ Робоккомъ въ выборѣ лицъ, которыя должны были составить коммисію. Не такъ думали пилаты, немедленно поснѣшившіе разстаться съ первымъ министромъ, которыхъ онъ замѣнилъ людьми совершенно незначительными. Лордъ Джонъ Россель, въ то время уже отсутствовавшій, опять назначенъ министромъ: ему вручили управленіе колоніями, но онъ также не долго оставался въ этомъ столько уже разъ подвергавшемся преобразованіямъ министерствѣ, и разсорился съ нимъ въ конецъ, по случаю дипломатическаго порученія своего въ Вѣнѣ.

Кромѣ дробности обмелѣвшихъ и разбившихся на многіе отѣпки политическихъ партій, эти безпрерывныя колебанія власти вызыва-

лись еще другимъ обстоятельствомъ, тѣсно связаннымъ со всею внутреннею Британскою жизнью: дѣло въ томъ, что съ изданіемъ билля о реформѣ и съ развитіемъ промышленности, желѣзныхъ дорогъ и компаній, политическое вліяніе перешло совершенно изъ рукъ аристократіи въ руки средняго и даже, еще болѣе, въ руки второстепеннаго торговаго класса. Этотъ классъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на старый порядокъ вещей, испещренный всякаго рода привилегіями, которыя въ настоящей Англійской конституціи лишаютъ его, не смотря на его многочисленность и дѣйствительное могущество, всякаго прямого вліянія на дѣла, предоставляя ему, вмѣсто участія въ Нижней Палатѣ, лишь право шумно выражать свои мнѣнія на митингахъ. Явленіе это не ускользнуло отъ взоровъ благородныхъ лордовъ и въ настоящую войну вызвало отчаянный вопль ихъ, хотя конечно не навело ихъ на истинную причину зла. Лордъ Элленборо уже въ маѣ мѣсяцѣ говорилъ въ Палатѣ Перовъ: «Я внимательно наблюдаю за ходомъ событій въ нашемъ отечествѣ и убѣждаюсь, что предъ глазами нашими совершается великій и опасный переворотъ въ конституціонномъ механизмѣ. Было время, когда общественнымъ мнѣніемъ руководили парламентскія пренія, когда, даже послѣ кратковременнаго вліянія агитаторовъ на народъ въ промежуткахъ парламентскихъ засѣданій, собравшіяся палаты постоянно вновь успѣвали овладѣвать общимъ направленіемъ умовъ. Боюсь сказать, но все это теперь уже измѣнилось. Я съ ужасомъ вижу, что теперь общественное мнѣніе образуется уже въ палатахъ и извиѣ на нихъ напираетъ.» Еще яснѣе выразился графъ Дерби, обращаясь къ тѣмъ же лордамъ, и притомъ съ тѣмъ навнымъ сожалѣніемъ объ отжившемъ порядкѣ вещей, которое можетъ служить лучшимъ ручательствомъ за откровенность замѣчаній: «До билля о реформѣ, говоритъ онъ, мы имѣли значительное число пзбирательныхъ коллегій, находившихся подъ непосредственнымъ контролемъ аристократическихкихъ или богатыхъ семей и обыкновенно называвшихся гнилыми мѣстечками. Какъ бы ни были эти коллегіи недостаточны въ устройствѣ своемъ и противны духу конституціи, онѣ доставляли удобный и легкій входъ въ Парламентъ людямъ молодымъ, еще неизвѣстнымъ публикѣ и съ раннихъ лѣтъ избравшимъ себѣ политическое поприще не столько изъ денежныхъ выгодъ, сколько по своей врожденной склонности къ этого рода занятіямъ. Билль о реформѣ закрылъ эту постоянно растворенную

«дверь въ Парламентъ, и вдругъ изсякъ этотъ плодovitый разсадникъ государственныхъ людей. Теперь большіе города стали избирать людей, конечно весьма способныхъ, но за то зрѣлыхъ, сдѣлавшихъ себѣ уже имя на разныхъ жизненныхъ путяхъ, адвокатовъ, промышленниковъ, погруженныхъ въ значительныя дѣла... Изъ всего этого слѣдуетъ, что Парламентъ заключаетъ въ себѣ теперь несравненно менѣе людей, воспитанныхъ и взрощенныхъ для политической профессіи, чѣмъ ихъ было до изданія билля о реформѣ»... Весьма замѣчательно это наивное сожалѣніе объ отжившихъ злоупотребленіяхъ въ ту самую минуту, когда злоупотребленія, еще сохранившіяся, ополчаются противъ себя единодушный протестъ всего народа; но оно изобличаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіе въ нынѣ существующей системѣ парламентскаго представительства явныхъ и несомнѣнныхъ недостатковъ, грозящихъ Англійской конституціи дѣйствительною опасностію, если не будутъ они устранены новымъ полнѣйшимъ преобразованиемъ системы избирательства. Впрочемъ вопросъ объ электоральной реформѣ еще не былъ поднятъ, и самое имя ея не было произнесено въ 1855 году, хотя ей безъ сомнѣнія суждено въ скоромъ времени сдѣлаться существеннѣйшимъ вопросомъ внутренней Британской политики. За то общественное мнѣніе, подстрекаемое ежедневными требованіями войны, стало единодушно настаивать на необходимости преобразованія всѣхъ частей управленія, преобразованія полнаго, безусловнаго. Въ маѣ мѣсяцѣ составилось, на подобіе прежней кобденовской лиги, общество административной реформы и произвело сильное движеніе по всему королевству: пилеты соединились съ торіями и другими врагами министерства; протестъ коснулся всѣхъ злоупотребленій, — отсутствія централизаціи, продажности военныхъ чиновъ, монополіи должностей въ рукахъ аристократіи, привилегій королевской гвардіи, независимаго положенія главнокомандующаго арміею, награждающаго офицеровъ, помимо и вопреки военнаго министерства, наконецъ даже самаго состава Палаты Перовъ. Ожидая исправленія зла лишь отъ напряженнаго состоянія, въ коемъ война содержала всѣ умы, общественное мнѣніе настойчиво требовало продолженія ея, страшась, чтобъ съ возстановленіемъ мира не заснуло правительство; и только въ послѣдствіи стало оно вновь прислушиваться къ заглушеннымъ дотолѣ голосамъ Кобдена и Брайта.

Впрочемъ это внимательство общественнаго мнѣнія въ дѣла госу-

дарственные было для Англии въ высшей степени спасительно: раскрывая зло, оно съ неподкупной откровенностію указывало вмѣстѣ съ тѣмъ и на лучшіе способы врачеванія, и доставило чрезъ то правительству средство ввести значительныя улучшенія въ военное устройство; огромное усиленіе флота, преимущественно бомбардами и канонирскими лодками, доведеніе сухопутнаго войска до цифры, прежде въ Англии никогда неслыханной, наконецъ исправное и бодрое состояніе Крымской арміи къ веснѣ 1855 года, были прямыми и непосредственными послѣдствіями годоваго движенія и еще разъ явили свѣту выгоды свободнаго слова и развитаго общественнаго мнѣнія передъ невѣжественнымъ самодовольствомъ коснѣнія.

Война, внезапно вызвавшая Европу къ дѣятельности на новомъ, давно покинутаго ею поприщѣ, стоила ей страшныхъ усилій и огромныхъ вещественныхъ пожертвованій: когда довершится нынѣшній годъ и представлены будутъ всѣми правительствами Европы отчеты за него, тогда финансовая статистика исчислитъ съ совершенною точностію и опредѣлительно скажетъ, чего стоило Европѣ разрушеніе Севастопольскихъ доковъ. Теперь можно представить уже нѣсколько отрывочныхъ данныхъ, которыхъ совокупность достаточна, чтобъ обнаружить совершенную несоразмѣрность употребленныхъ средствъ и достигнутыхъ политическихъ цѣлей. Еще яснѣе сдѣлается она тогда, когда, по обнародованіи правительствомъ нашимъ отчета за нынѣшній годъ кредитныхъ учрежденій, можно будетъ приблизительно указать на финансовыя послѣдствія для насъ настоящей войны, далеко не обременившей государственнаго нашего казначейства такимъ страшнымъ долгомъ, въ какой вовлечена Европа. Вотъ главные данныя для опредѣленія финансоваго положенія послѣдней: въ теченіи 1854 года война стоила Англии уже 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; бюджетъ за 1855 годъ опредѣлялъ содержаніе войска и флота въ 49,842,000 ф. ст., изъ которыхъ 33,500,000 вызваны были исключительно чрезвычайными военными издержками. Скажемъ однако къ чести Англійскихъ финансовъ, что эти страшныя издержки покуда повлекли за собою меньшіе займы, чѣмъ во Франціи; Англійское казначейство, съ начала войны до 1856 года, удовлетворялось займомъ въ 16,000,000 ф. ст., и выпускомъ билетовъ казначейства въ 7,000,000 ф. ст. И въ возвышеніи налоговъ оно нашло для веденія войны такія средства, какихъ ни одно другое Европейское государство не въ сплахъ извлечь внезапно изъ этого источника:

кроме усиленія подати на чай и сахаръ, одно удвоеніе прямой подати съ доходовъ немедленно доставило правительству излишекъ годоваго дохода въ 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и доказало, что усиленіе до 40% этого справедливѣйшаго и разумнѣйшаго во всякомъ развитомъ обществѣ источника государственныхъ доходовъ можетъ доставить Британскому правительству до 24,000,000 ф. ст. въ годъ, т. е. около $\frac{2}{3}$ всего государственнаго бюджета въ мирное время. Нельзя не изумиться подобному развитію народнаго благосостоянія! Императоръ Французовъ, по самому положенію своему естественно менѣ скупой на займы, ввелъ лишь нѣсколько незначительныхъ налоговъ, изъ которыхъ главный состоялъ въ возвышеніи всѣхъ прямыхъ податей еще на десять процентовъ, что должно доставить казначейству около 50 милліоновъ франковъ въ годъ; чрезвычайные военные расходы удовлетворились во Франціи почти исключительно тремя другъ за другомъ послѣдовавшими отверженными займами въ 250, 500 и 780 милліоновъ, изъ коихъ къ 1 января 1856 года Французское правительство получило уже 1,120 милліоновъ франковъ, и какъ видно изъ отчета министра финансовъ отъ 15 января сего года, издержало уже на войну цѣлый милліардъ въ теченіи 1854 и 1855 годовъ.

Изъ официальныхъ сообщеній, сдѣланныхъ Туринскимъ законодательнымъ палатамъ Сардинскими министрами, слѣдуетъ, что война до нынѣшняго 1-го января должна была обойтись Сардиніи въ 74,500,000 франковъ; почему, кроме первоначальнаго займа, сдѣланнаго у Франціи и Англій въ 50 милліоновъ, открытъ еще второй заемъ въ 30 милліоновъ франковъ....

Наконецъ и Турція не дешево купила мнимое освобожденіе свое отъ иноземныхъ вліяній: конечно невозможно исчислить всѣхъ страшныхъ пожертвованій, наложенныхъ на нее войною и извлеченныхъ изъ нея правительствомъ Турецкимъ въ видѣ разныхъ натуральныхъ повинностей и поборовъ, которыхъ невыносимая тягость для народа усиливалась еще ихъ неизбѣжнымъ отсутствіемъ уравненія и постоянными злоупотребленіями при взиманіи; но кроме этихъ всегда тощихъ и скудныхъ средствъ, обмѣнновенно составляющихъ первую основу всѣхъ необразованныхъ и мало развитыхъ финансовыхъ управленій, Турецкое правительство было вовлечено и въ немалые расходы денежныя. Изъ обнародованнаго имъ отчета видно, что съ 27 мая 1853 года по 27 августа 1855 года, въ теченіи 28 мѣсяцевъ, однѣ чрезвычай-

чайныя денежныя издержки дошли до баснословной для Турціи цифры, 11,200,000 фунтовъ стерлинговъ. Издержки эти, кромѣ выпуска ассигнацій почти на 1,500,000 ф. ст., удовлетворялись еще двумя займами, въ 3 милліона фунтовъ стерлинговъ въ августѣ 1854 года и въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ іюнѣ 1855, изъ коихъ послѣдній обезпеченъ ручательствомъ Франціи и Англіи и, кромѣ того, (обезпеченъ) въ видѣ спеціального залога, Египетскою данью и таможенными доходами Сирійскими и Смирнскими.

Если взять въ соображеніе, что первоначальныя смѣты всегда и вездѣ оказываются ниже дѣйствительныхъ расходовъ, что, не смотря на заключеніе мира, чрезвычайныя Европейскія вооруженія не могутъ быть вдругъ сокращены и переведены на мирную ногу и что обратная перевозка войскъ и снарядовъ изъ Крыма будетъ стоить огромныхъ суммъ; то можно уже теперь съ достовѣрностію предположить, что совокупность этихъ послѣднихъ расходовъ съ 1-го января 1856 года никакъ не можетъ быть ниже половины всѣхъ военныхъ издержекъ, предшествовавшихъ этому дню и, согласно выше приведеннымъ официальнымъ цифрамъ, простиравшихся до громадной суммы 2,600 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ къ 1557 году однѣ чрезвычайныя военныя издержки обойдутся Англіи, Франціи, Сардиніи и Турціи въ 4 милліарда; не говоря о тѣхъ расходахъ, въ которые самая обыкновенная осторожность должна была вовлечь Пруссію съ Германскимъ союзомъ, Швецію и Данію, и которые добровольно нажила себѣ Австрія своею двойственною политикою. Одва Пруссія, не смотря на благоразумную бережливость и примѣрное управленіе свое, издержала на чрезвычайныя военныя расходы, по-исчисленію газеты Берлинской биржи, въ теченіи 1854 года 4,135,000 талеровъ, а въ теченіи 1855 года ежемѣсячно по 1,685,000 талеровъ.

Спрашиваемъ у каждаго безпристрастнаго человѣка въ Европѣ: не слишкомъ ли дорого куплено цѣною этихъ вещественныхъ пожертвованій и всей пролитой человѣческой крови то временное преобладаніе Западной политики въ дѣлахъ Турціи, которое вовсе неестественно и вовсе незаконно, а потому и не можетъ долго продолжаться въ нынѣшней мѣрѣ своей, вопреки ничѣмъ несокрушимуому вліянію единовѣрія и вѣковыхъ предавій? Спрашиваемъ также у каждаго добросовѣстнаго Англичанина: неужели капиталъ въ 75 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (475 мил. р. сер.,) издержанный одной Англіею

для временной отсрочки неминуемой судьбы Турціи, можетъ когда-нибудь окупиться для нея успѣхами торговли ея въ Левантѣ, особенно при неизбежномъ совиѣстничествѣ промышленности Австрійской; когда и теперь, подѣ влияніемъ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, для ввоза туда товаровъ въ замѣнъ грубыхъ произведеній, потребляемыхъ въ Турціи Англійскими войсками и флотомъ, ввозъ этотъ, по словамъ Англійскаго же журнала Economist, въ 1854 году не превзошелъ 8,119,000 ф. ст.? Не очевидно ли всякому, что капиталъ, однажды непронизводительно поглощенный издержками военными, не успѣетъ вновь составиться этимъ косвеннымъ путемъ?

Впрочемъ отличительною чертою только что прожитой Европою эпохи кровопролитной брани можетъ служить то обстоятельство, что рядомъ и одновременно съ этимъ страшнымъ непронизводительнымъ потребленіемъ капиталовъ шло повсемѣстно энергическое движеніе народовъ на поприщѣ промышленнаго преуспѣянія. Въ Англии, водрузившей съ 1846 года знамя свободной торговли и издавна сильной самодѣятельностію общества на всѣхъ путяхъ жизни, правительство не имѣло нужды въ искусственномъ направленіи народа на эту знакомую ему стезю, гдѣ онъ уже давно привыкъ являться вожатаемъ Европейской гражданственности. Въ Пруссіи и Сѣверной Германіи дѣло также сдѣлалось само собою, при содѣйствіи благоразумной либеральной политики правительства въ вопросахъ народной промышленности и подѣ влияніемъ благопріятной для Сѣверно—Германской торговли блокады Русскихъ прибалтійскихъ портовъ, направившей весь транзитъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Западною Европою черезъ Пруссію и сопредѣльные съ нею Нѣмецкія государства и сдѣлавшейся для нихъ источникомъ самыхъ выгодныхъ оборотовъ. За то въ Австріи и во Франціи, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, сами правительства спѣшили стать во главѣ промышленнаго движенія и тѣмъ сообщить ему усиленную жизнь, не чуждую быть можетъ и нѣкотораго лихорадочнаго характера.

Во Франціи такое направленіе общественной дѣятельности безъ сомнѣнія въ высшей степени соответствовало личнымъ выгодамъ Людовика Наполеона, для котораго лучшимъ ручательствомъ собственнаго владычества надъ Франціею служить конечно всецѣлое, полное поглещеніе всѣхъ способностей и всей дѣятельности народа не одною войною, но и разнообразѣйшими предпріятіями промышленности и торговли. Кипящій трудъ въ обширныхъ мастерскихъ,

наполняющихъ предметія Парижа и Ліона, развитіе земледѣлія, долженствующее по возможности противоборствовать чрезмѣрному притоку сельскаго народонаселенія въ столицу, учрежденіе огромныхъ казенныхъ работъ въ самомъ Парижѣ для занятія праздныхъ, всегда готовыхъ къ волненію ремесленниковъ, естественно должны были сдѣлаться первою и главною заботою хитраго правителя. Эти небезкорыстныя заботы о развитіи всякаго рода промышленной дѣятельности находили себѣ отчасти оправданіе и въ постигшемъ Западную Европу, и въ особенности Францію, голодѣ, непосредственно послѣдовавшемъ за годомъ, также довольно скуднымъ по урожаю хлѣбовъ; когда цѣны на муку дошли въ Парижѣ въ концѣ августа мѣсяца до 100 франковъ и 25 сантимовъ за кулъ во 157 килограмовъ (около 9½ пудъ), а къ 1-му декабря 1855 года возвысились даже до 111 франковъ; когда *Moniteur* долженъ былъ официально возвѣстить Франціи необходимость ввоза извнѣ по крайней мѣрѣ 7 милліоновъ гектометровъ (9,600,000 четвертей), въ пополненіе необходимаго годоваго запаса для народнаго продовольствія, а самыя умѣренныя и основательныя изъ неофициальныхъ газетъ Французскихъ показывали хлѣбный недостатокъ въ полтора раза большій. Впрочемъ, кромѣ этихъ случайныхъ поводовъ и эгонстическихъ расчетовъ, дѣйствіями Императора Французовъ руководили также болѣе обширные помыслы, почерпнутые имъ изъ внимательнаго изученія современныхъ потребностей Французскаго общества и ошибокъ предшествовавшихъ ему правленій. Соображаясь съ добытыми уже значительными успѣхами внутренней промышленности, настоятельно требовавшей болѣе свободнаго ввоза всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для фабричной разработкы, и отселѣ въ свободномъ соперничествѣ другихъ народовъ долженствовавшей найти себѣ полезное поощреніе, Людовикъ Наполеонъ счѣшилъ отмѣнить обветшалую охранительную политику, нажившую столько враговъ Орлеанскому дому. Переходъ правительства къ новому возрѣнію и новой системѣ былъ, такъ сказать, торжественно возвѣщенъ официальною газетою, помѣстившею въ іюль мѣсяцѣ въ столбцахъ своихъ длинную статью, доставленную изъ министерства торговли, гдѣ подробно исчислялись всѣ разнообразныя выгоды, извлеченныя Англіею изъ экономическаго переворота Сиръ-Р. Пля. Вскорѣ новыя начала стали получать и практическое приложеніе: нѣсколько одно за другимъ послѣдовавшихъ постановленій значительно понизили привозныя пошлины съ чугуна, разныхъ сор-

товъ желѣза и стали, всякихъ паровыхъ машинъ, желѣзныхъ инструментовъ и орудій, съ шерсти, съ поташнаго гидрохлората и смолистыхъ веществъ, измѣнили самыя основанія раскладки многихъ изъ этихъ пошлинъ; наконецъ въ видѣ временной мѣры допустили беспошлинный привозъ во Францію всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для корабельной постройки, и разрѣшили самую покупку готовыхъ судовъ за границу, съ платою въ казну только десяти-процентной пошлины со стоимости. Въ тоже самое время счастливое подражаніе первой Всемірной Лондонской выставкѣ собирало въ Парижѣ всѣ чудеса современной промышленности, въ теченіе 198 дней ежедневно созывая въ стѣны роскошныхъ палатъ своихъ среднимъ числомъ около 23,000 частію любопытныхъ, частію праздныхъ зрителей. (*)

Въ Австріи, гдѣ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія неоднократно повторявшееся государственное банкротство сдѣлалось явленіемъ какъ бы естественнымъ и должнымъ, всѣ мѣры, предпринятія правительствомъ, для возбужденія успѣховъ народной промышленности, естественно должны были клопиться главнымъ образомъ къ возможному улучшенію этого бѣдственнаго порядка вещей, а потому и носить на себѣ отпечатокъ постоянной, преимущественной заботы о финансовой прибылн казны. Трудно рѣшить, соответствуетъ ли силамъ одного человѣка, какъ бы ни былъ онъ даровитъ, многосложная задача, павшая на долю новаго министра финансовъ, г. Брука: успѣеть ли онъ возстановить жизненные силы въ отживающемъ организмѣ и спасти государство отъ окончательной несостоятельности, подготовленной полувѣковыми систематическими ошибками и лишь посредствомъ сверхъестественныхъ усилій со дня на день до нынѣ отерочиваемой. Какъ бы то ни было, безпристрастному наблюдателю нельзя смотрѣть безъ истиннаго уваженія на благородную личность человѣка, посвятившаго отечеству своему обширныя способности и неутомимый трудъ и не отчаявшагося въ будущности родной земли своей, не взирая на всѣ видимые признаки ея упадка. Коротко знакомый съ потребностями областей Турецкихъ, онъ прежде всего приложилъ всѣ заботы свои къ поощренію и усиленію дѣятельности торговаго общества Лойда и къ открытію ему обширнаго поприща на богатомъ рынкѣ Балканскаго полуострова и Малоазіат-

---

(*) Извѣстно, что Лондонская выставка въ теченіи своего 165-дневнаго существованія имѣла среднимъ числомъ ежедневно 36,000 посѣтителей.

скаго побережія. Съ другой стороны обращено вниманіе на приведеніе таможенныхъ тарифовъ въ ближайшее соотношеніе съ Сѣверо-Германскими и утверждено, по образцу Парижскаго *Crédit Mobilier*, на 90 лѣтъ Императорское Австрійское Привилегированное учрежденіе для торговли и промышленности, съ капиталомъ во 100 милліоновъ гульденовъ (65 мил. р. сер.) звонкою монетою, основанное банкирами Ротшильдомъ и Леммелемъ въ соединеніи съ знатнѣйшими Австрійскими дворянскими домами. Учрежденіе это возымѣло немедленно полный успѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ общаетъ Вѣнскому рынку блистательнѣйшія выгоды. Для пополненія всепожирающаго дефицита финансовъ, для расплаты съ Вѣнскимъ банкомъ и возможнаго утоленія монетнаго кризиса, Брукъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ и принести въ жертву всѣ мало-доходныя имущества государственныя: сперва онъ продалъ компаніи Франко-Австрійскихъ банкировъ за 200 милліоновъ франковъ всю сѣть Австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1,400 верстъ, изъ коихъ 900 верстъ уже открыто для проѣзда, съ Богемскими угольными копями, мѣдными рудниками, казенными желѣзными заводами и 440,000 десятинами земли и лѣсовъ; при чемъ казна обезпечила покупщикамъ 5% чистаго дохода. Далѣе онъ вступилъ въ торгъ съ другою компаніею, для продажи ей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ въ Сѣверной Италіи; а Вѣнскому банку, въ погашеніе должныхъ ему Австрійскимъ правительствомъ 155 милліоновъ гульденовъ, передалъ въ собственность разныя государственныя имущества на сумму 156,485,000 гульденовъ. Наконецъ и остальные таковыя имущества также назначены въ распродажу. Просвѣщенный министръ хорошо понялъ, что мертвые во владѣніи правительства капиталы немедленно оживутъ и сдѣлаются производительными въ рукахъ частныхъ лицъ, что такимъ образомъ съ народнымъ благосостояніемъ значительно усилятся косвенные источники государственныхъ доходовъ, а выгоды казны противъ прежде поступавшаго въ нее ничтожнаго дохода съ недвижимыхъ имуществъ по крайней мѣрѣ учетверятся сбереженіемъ процентовъ на необходимыя новыя займы. (*)

(*) Это новое направленіе, данное Австрійскимъ финансамъ, исполнено такого живаго интереса и исторія ихъ развитія такъ любопытна и важна, что мы постараемся въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Бесѣды представить болѣе подробный очеркъ того и другаго.

Должно сказать однако, что до сихъ поръ Брукъ далеко не успѣлъ еще вполне совладѣть съ сверхъ-естественными трудностями финансоваго положенія Австріи и побѣдить грозный *fatum*, наслѣдованный имъ отъ своихъ предшественниковъ. Изъ послѣдняго отчета его видно, что въ совершившемся обыкновенномъ бюджетѣ 1855 года новый дефицитъ въ 138,899,297 гульденовъ опять послѣдовалъ за дефицитомъ 1854 года, достигавшемъ еще высшей цифры; онъ главнымъ образомъ вызванъ былъ огромными чрезвычайными издержками Австріи на войско, дошедшими въ прошедшемъ году до 101,721,117 гульденовъ и былъ покрытъ доходами случайными. Наконецъ государственный отверженный долгъ также возросъ въ 1855 году на 243,527,490 гульденовъ, по случаю изъятія изъ обращенія большого количества бумажныхъ знаковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Австрійскіе фонды не пользуются благоприятнымъ курсомъ на Европейскихъ биржахъ: къ 1-му января нынѣшняго года Австрійскій пяти-процентный національный заемъ стоитъ въ Вѣнѣ $76\frac{1}{2}\%$; а металлическіе: пяти-процентый $73\frac{1}{2}\%$, $4\frac{1}{2}\%$ -процентный $64\frac{1}{4}\%$; на Гамбургской биржѣ цѣнились они еще гораздо ниже; даже теперь, въ половинѣ апрѣля, устраненіе страшной для Австріи опасности военной грозы не въ силахъ было поднять ихъ выше $89\frac{1}{2}\%$, $86\frac{1}{16}\%$, и $77\frac{1}{2}\%$. Любопытно сравнить съ этими данными курсъ государственныхъ $4\frac{1}{2}\%$ -процентныхъ облигацій Прусскихъ, съ самаго начала года твердо стоящій свыше ста, между $100\frac{1}{4}\%$ и $100\frac{3}{4}\%$. Очевидно, что общественный кредитъ Австрійскій, даже при благоприятѣйшихъ для него обстоятельствахъ, относится къ Прусскому, какъ $77\frac{1}{2}\%$ къ $100\frac{3}{4}\%$.

Между тѣмъ какъ государства Европейскія такимъ образомъ, шаперерывъ другъ передъ другомъ, старались развивать свои внутреннія сокровеннѣйшія силы, одряхлѣвшая и чуждая въ семьѣ ихъ Имперія Оттоманская съ своей стороны подчинялась тому же всеобщему движенію, но не вслѣдствіе собственнаго развитія, а изъ-подъ гнета внѣшней необходимости, подъ строгою указкою грозныхъ и въ сущности мало сочувствующихъ ей покровителей. Трудно рѣшить, до какой именно степени довѣряли въ началѣ войны Западныя державы возможности искусственнаго возрожденія Мусульманскаго Царяграда, котораго неисцѣлимая порча и естественная близость къ разложенію не могли конечно ускользнуть отъ наблюденія людей, близко знакомыхъ со всѣмъ Турецкимъ бытомъ,

каковъ, на примѣръ, Англійскій посланникъ, Спръ Стратфордъ Редклифъ. Какъ бы то ни было, но онѣ пытались достигнуть этой цѣли: онѣ хотѣли съ одной стороны посредствомъ разныхъ вещественныхъ преобразованій снабдить Турцію тѣми внѣшними средствами и орудіями, которыя казались имъ необходимыми, для самостоятельнаго ея противодѣйствія возможнымъ въ будущемъ притязаніямъ Россіи; съ другой—старались отвлечь отъ послѣдней сердца Греческихъ и Славянскихъ ея единовѣрцевъ на Востокъ: манили ихъ къ себѣ льстивыми обѣщаніями, старались доказать имъ, что они отъ одного вмѣшательства Западныхъ державъ могутъ получить свободу и законное обезпеченіе; наконецъ онѣ дѣйствительно успѣли исторгнуть для нихъ отъ безсильнаго Турецкаго правительства положительное на бумагѣ признаніе ихъ гражданской полноправности. Матеріальныя приобрѣтенія Европы въ Турціи несомнѣнны: Европійскія компаніи допущены на свободное состязаніе въ учрежденіи на Турецкой почвѣ дорогъ, банковъ и другихъ промышленныхъ предпріятій; задумываютъ связать Константинополь желѣзными дорогами съ Сербією и Европою и рѣшено провести во всѣ направленія телеграфы подземные и подводные; утверждена кампанія и открыта подписка на давно желанное прорытіе Суэзскаго перешейка и устройство прямого воднаго сообщенія между Европою и полуденною Азією. Наконецъ Совѣтъ изъ Верховнаго визиря, министра иностранныхъ дѣлъ и представителей Франціи, Англии и Австріи, возвѣстивъ предварительно свободу всѣмъ невольникамъ, рѣшилъ, что Порта принимаетъ мѣры (въ 23 статьяхъ), для преобразованія внутреннихъ отношеній политическихъ и гражданскихъ: объявлена свобода вѣроисповѣданій всѣхъ ея подданныхъ, Христіане допускаются къ службѣ военной и гражданской и въ свидѣтели въ Турецкомъ судѣ, иностранцамъ дано право на приобрѣтеніе поземельной собственности въ Турціи, и пр. и пр.

Замѣчательно однако, что по мѣрѣ того, какъ изнеможенная Порта соглашалась на эти пожертвованія и торжественно возвѣщала своими Хатами всѣ эти добытыя западнымъ вліаніемъ улучшенія, преобразованія и благодѣтельныя для Христіанъ постановленія, тотъ же Западъ и всѣ лучшія его газеты, въ особенности Англійскія, такъ долго прославлявшія Турецкое возрожденіе, постепенно мѣняли тонъ свой, раскрывали глаза свои на дѣло и болѣе и болѣе удостовѣрялись въ окончательной несостоятельности Турецкаго міра. Намъ не-

возможно не согласиться съ ними въ этомъ явномъ, осязательномъ дѣлѣ, котораго война не измѣнила, которое также несомнѣнно и теперь, какъ было вѣрно и несомнѣнно до начала послѣдней войны. Турція, гдѣ Глава правовѣрныхъ въ полузападномъ нарядѣ скитается по баламъ Европейскихъ дипломатовъ; Турція, охраняемая сброднымъ войскомъ Англо-Турецкаго контингента подъ начальствомъ Англійскихъ офицеровъ, безусловно подчиненная велѣніямъ пяти или шести иноземныхъ посланниковъ, покрытая сѣтью непонятнаго ей устройства желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; Турція, въ которой не существуетъ ни семейства, ни гражданской свободы, ни самаго понятія о гражданствѣ, ни общественной нравственности, гдѣ многоженство и личное невольничество составляютъ коренныя основы частной жизни, гдѣ исчезъ наконецъ и религіозный фанатизмъ, единственное живое начало Мусульманскаго государства; Турція является намъ безжизненнымъ трупомъ, разукрашеннымъ въ блестящія наряды прихотливою волею погребальныхъ распорядителей, домомъ безъ хозяина, плодоносною нивою безъ оратая. Что же касается до Христіанскихъ подданныхъ Порты, то разрозненныя нынѣ стада Православныхъ Грековъ и Славянъ всегда вновь опознаютъ голось своего природнаго пастыря, лишь бы тотъ не забылъ ихъ, и всегда съумѣютъ отличить любовную руку, триста лѣтъ пытавшую ихъ сладостными надеждами, отъ хицной руки наслѣдниковъ Балдуина и Латинскихъ крестоносцевъ.

Среди этого неблагоударнаго хозяйничанія во внутреннихъ дѣлахъ Турціи, союзныя державы не забывали и другихъ второстепенныхъ государствъ и поочередно обращались ко всѣмъ, принуждая ихъ къ союзу съ собою противъ одинокаго врага своего. Послѣ тщетныхъ попытокъ получить какое-либо дѣйствительное пособіе отъ Испаніи, изнеможенной внутренними раздорами и упадкомъ государственныхъ финансовъ и почти вовсе лишившейся своей арміи, онѣ должны были обратиться къ двумъ государствамъ Скандинавскимъ, которыхъ тѣсный сороколѣтній союзъ съ Россією очень давно возбуждаетъ неудовольствіе Англій. Западныя державы рассчитывали, что на ходъ переговоровъ будетъ имѣть вліяніе паденіе южнаго Севастополя, и поручили вести ихъ Капроберу, прибывшему сперва въ Стокгольмъ 4 октября. Впрочемъ успѣхъ оказался не вполне удовлетворителенъ. Давія, куда отправился Французскій генераль по окончаніи дѣлъ въ Стокгольмѣ, твердо помнила обѣдствія, претерпѣнныя ею отъ Англій

въ началѣ нынѣшняго вѣка, и спасительную помощь, недавно поданную ей Русскимъ дворомъ противъ притязаній Франкфуртскаго національнаго собранія, тогда когда она вѣсми была оставлена; къ тому же, исключительно занятая важнымъ вопросомъ о Зундскихъ пошлинахъ, а еще болѣе вопросами внутренней политики (стремленіями правительства къ централизаціи государственнаго управленія, противодѣйствіемъ тому мѣстныхъ сеймовъ и приходившимъ къ концу судомъ надъ королевскими министрами), она рѣшительно отказалась выйти изъ принятаго ею съ самаго начала положенія строжайшаго неутралитета. На это рѣшеніе Датскаго правительства конечно не мало должна была подѣйствовать извѣстность неминуемаго въ будущемъ вліянія Россіи на Датское престолонаслѣдованіе. Но во всякомъ случаѣ невозможно не отдать вполнѣ заслуженной чести твердости и благоразумному мужеству Короля, умѣвшаго презрѣть всѣ возможныя новыя опасности отъ Британскаго вѣроломства. Швеція была уступчивѣе, но и она не вышла покуда изъ предѣловъ строгой осторожности: 20 ноября подписала она трактатъ съ Франціею и Англіею, которыми обязалась не уступать Россіи ни малѣйшей части своихъ владѣній, а союзныя державы обѣщали ей вооруженную помощь свою въ случаѣ предъявленія Россіею требованій или правъ своихъ на какую бы то ни было часть Шведскихъ владѣній. Излишне говорить, что опасенія эти были основаны на чистѣйшемъ вымыслѣ. Впрочемъ предусмотрительное Шведское правительство спѣшило вмѣстѣ съ тѣмъ циркулярною депешею отъ 18 декабря сообщить вѣсѣмъ посланникамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ объясненія на счетъ побужденій, руководившихъ его при семъ, гдѣ выраженія недоброжелательства къ Россіи искусно сочетались съ обѣщаніемъ продолженія неутралитета и увѣреніями, что новый союзъ есть лишь оборонительный и имѣетъ исключительно въ виду одну безопасность Швеціи отъ внѣшнихъ притязаній.

Между тѣмъ Сѣверо-Американскіе Штаты продолжали соблюдать и даже громко вновь заявляли политическія преданія свои о невмѣшательствѣ въ дѣла Стараго Свѣта и о невниманіи къ вопросамъ Европейскаго равновѣсія. Всего рѣзче была вновь выражена ими эта теорія въ томъ, что они отказались признать за Даніею права на сборъ Зундскихъ пошлинъ съ Американскихъ судовъ. Американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, выражая въ депешѣ своей отъ

3-го ноября отказъ президента принять участіе въ предлагавшемся Европейскомъ конгрессѣ для рѣшенія вопроса объ этихъ пошлинахъ, говоритъ: «Правительство Соединенныхъ Штатовъ никогда не согласится на это притязаніе Стараго Свѣта пользоваться его вліяніемъ, для поддержанія своего собственнаго политическаго равновѣсія... «Мы не будемъ здѣсь разбирать, полезна ли и благоразумна ли эта «теорія равновѣсія въ приложеніи своемъ къ семьѣ Европейскихъ «государствъ; но правительство Соединенныхъ Штатовъ довольно «долго наблюдало дѣйствія ея, чтобы ни подъ какимъ видомъ не дать «себя вовлечь въ кругъ ея дѣятельности. Таково издавна любимое «основное начало нашей политики, отъ котораго Президентъ ни въ «какомъ случаѣ не отступитъ»... Соединенные Штаты и въ настоящей борьбѣ Россіи съ Англіею и Франціею остались вѣрны политическому воззрѣнію своему, чему конечно не мало способствовали и заботы внутренней политики — близость срока для избранія вновь президента Штатовъ и борьба аболиціонистовъ съ приверженцами невольничества. Не взирая на всеобщее сочувствіе Сѣверо-Американскаго міра къ нашему отечеству, единственному изъ государствъ Европы, представляющему по юному и могущественному развитію своему несомнѣнную аналогію съ его собственнымъ развитіемъ; не взирая на осязательныя выгоды вмѣшательства въ войну, отвлекшую всѣ живыя силы Англій на Востокъ, Америка не вступила въ состязаніе и упустила благоприятный случай вырвать морское владычество изъ рукъ прежней своей метрополія. Въ этомъ случаѣ правительство Американское, такъ безусловно и рабски послѣдовавшее дипломатическому преданію своей страны, подчинилось какому-то какъ бы внѣшнему, лишенному жизни политическому формализму, какого не привыкли мы до сихъ поръ видѣть въ Американской политикѣ и которое рѣшительно чуждо ея внутреннему духу и разумному свойству. Оно неясно сознавало ошибку свою и не прочь было вступить въ ссору съ Англіею, по поводу какого-нибудь частнаго Американскаго вопроса, — вопроса о вербовкѣ рекрутъ въ Штатахъ или вопроса о центральной Америкѣ. Но на этой почвѣ уклончивая при случаѣ Англія тщательно избѣгала рѣшительнаго столкновенія, всячески старалась отдѣлываться отъ прямой отвѣтственности за своихъ агентовъ и съ видимою готовностію исчисляла средства къ мирному соглашенію; тутъ, передъ очевидною опасностію, умѣла смириться Британская гордость. Даже и теперъ, когда

прошли для нея дни тревожной борьбы съ Россіею, она охотно уступить опасной Американской настойчивости, и потому можно съ достовѣрностію предположить, что, не смотря на обоюдныя военныя угрозы, на этотъ разъ война едва ли возгорится. Но для Америки урокъ безъ сомнѣнія не будетъ потерянъ; и она конечно вскорѣ сознаеть, что мало для государства имѣть естественныхъ себѣ союзниковъ между другими народами; но что должно умѣть цѣнить ихъ сочувствія, не отталкивать ихъ отъ себя и въ черныя дни должно умѣть подать имъ руку помощи... Нельзя не замѣтить при этомъ, что цвѣтущее состояніе финансовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ даетъ имъ полное право на участіе въ дѣлахъ не одной Америки, но и всего свѣта, и на почетнѣйшее мѣсто въ семьѣ первостепенныхъ государствъ, изъ которой выдѣлиться они безъ сомнѣнія не могутъ. Изъ послѣдняго оффиціальнаго посланія Президента къ Палатамъ видно, что въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ государственныя доходы Штатовъ постоянно и значительно превышаютъ расходы, оставляя ежегодно въ государственномъ казначействѣ огромный излишекъ или остатокъ, употребляемый на погашеніе и безъ того ничтожнаго государственнаго долга, не превышающаго 200 милліоновъ франковъ. Такой долгъ въ скоромъ времени, безъ сомнѣнія, будетъ вовсе погашенъ. Ежегодный излишекъ доходовъ въ 1852, 53, 54 и 55 годахъ доходилъ до 73, 80, 100, и наконецъ до 150 милліоновъ, и заставилъ даже правительство Штатовъ стараться изыскивать средства къ выгоднѣйшему для народа сокращенію государственныхъ доходовъ. Удобнѣйшимъ къ тому путемъ признало оно значительное уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ, составляющихъ около 85% всего государственнаго дохода. Этимъ путемъ Президентъ и его министръ финансовъ, г. Гутри, хотять поощрить народную промышленность, удешевивъ сырыя произведенія, получающія на Американскихъ фабрикахъ дальнѣйшую обработку, и въ то же время допустивъ на Американскіе рынки съ умѣренной пошлиною тѣ Европейскія мануфактурныя издѣлія, кои уже не представляютъ предмета опаснаго соперничества для Американскихъ производителей. Согласно этому предположенію, всѣ вышесказанныя сырыя произведенія должны быть впускаемы въ Сѣверо-Американскіе Штаты безошлинно; желѣзо, сталь, сахаръ, вино и всѣ издѣлія шелковыя, льняныя, бумажныя и пеньковыя, за исключеніемъ немногихъ изыятій, должны быть обложены пошлиною

отъ 25% до 30% съ ихъ стоимости: наконецъ на всѣ прочіе товары, не вошедшіе ни въ одинъ изъ этихъ разрядовъ, предлагается наложить привозную пошлину отъ 15% до 20%.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Европы, когда опоздалая Книбурская экспедиція вновь доказала союзникамъ невозможность для нихъ дѣйствовать иначе, какъ у самаго морскаго побережья, а взятіе Карса дало Россіи рѣшительный перевѣсъ въ Малой Азіи и въ Азіатской политикѣ.

Последнее событіе весьма различно подѣйствовало на общественное мнѣніе и газетный міръ въ Англіи и во Франціи. До сихъ поръ памятни намъ (да и теперь онѣ еще не умолкли) проклятія и обвиненія, посыпавшіяся въ первой на безопасность министерства и Сиръ Стратфорда Редклифа; Французы же съ трудомъ скрывали свою радость, не смотря на храненіе, наложенное на уста ихъ политическимъ союзомъ съ Англичанами и строгою дисциплиною Людовика Наполеона. Какъ бы то ни было, но отсель замѣчаемъ мы въ последнемъ значительное отклоненіе отъ прежняго его политическаго пути. Очевидно, въ мысляхъ его общія обѣимъ державамъ дѣла были уже достигнуты, и начиналось разногласіе видовъ и побужденій, которое могло быть скрыто на время, но рано или поздно должно было обнаружиться. Переходъ Императора отъ старой политики къ новой, долженствовавшей принести съ собою миръ и безъ сомнѣнія новое распределеніе элементовъ Европейскаго равновѣсія, совершенъ былъ имъ съ той благоразумной осторожностію и ненадражаемою скрытностію, которая до сихъ поръ отличала всѣ важнѣйшія его рѣшенія. Первые признаки измѣнившихся намѣреній Императора можно открыть въ двумысленной рѣчи, произнесенной имъ 15-го ноября, при закрытіи Парижской всемірной выставки, гдѣ, обращаясь къ собравшимся тамъ промышленникамъ всѣхъ народовъ, онъ прославлялъ благодѣянія мира, косвенно сѣтовалъ о продолжительности войны, взывалъ къ общественному мнѣнію Европы и торжественно приглашалъ всѣ нейтральные народы, если хотятъ они мира, рѣшительно объявить себя за Францію или противъ нея: «ибо, говорилъ онъ, среди великой Европейской распри, равнодушіе есть худой расчетъ, а молчаніе есть ошибка....» Это искусное и расчитанное сочетаніе угрозъ и мирныхъ обѣщаній, въ то время не вполне еще понятое, не осталось конечно безъ дѣйствія на многіе нерѣшительные умы, особен-

но въ Германскомъ мірѣ. За сямъ слѣдовала знаменитая брошюра о необходимости Европейскаго конгресса, появившаяся 20-го декабря въ Парижѣ и уже завѣдомо носившая полуофициальную печать, гдѣ рядомъ съ утвержденіемъ непоколебимости Англо-Французскаго союза ясно указано было разногласіе цѣлей обѣихъ политикъ и настоятельно требовалось умиротвореніе Европы.

Рядомъ съ этими косвенными выраженіями мирнаго настроенія Французскаго Императора завязывались вновь и шли рѣшительные переговоры о томъ же предметѣ между Австрією и Россією; и даже передавались, кажется, Русскому двору нѣкоторыя особенныя прямыя сообщенія отъ Императора Французовъ, черезъ посредство Саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, г. Зебаха, въ концѣ декабря мѣсяца пріѣзжавшаго въ С. Петербургъ. Официальные документы, касающіеся всѣхъ сихъ событій, еще не изданы правительствомъ, а потому преждевременно было бы, на основаніи однихъ показаній газетъ и журналовъ иностранныхъ, входить въ подробное ихъ изложеніе. Мы представимъ лишь подлинныя слова Journal de St. Pétersbourg, заключающія въ себѣ краткое обозначеніе существеннѣйшихъ сторонъ переговоровъ:

«Общественное вниманіе Европы было сильно возбуждено извѣстіемъ, что Императорскому С. Петербургскому кабинету были сдѣланы чрезъ посредство Вѣнскаго кабинета мирныя предложенія, въ которыхъ союзныя державы условились съ Австрією.

«Императорскій Россійскій Кабинетъ уже сдѣлалъ съ своей стороны первый шагъ къ примиренію, объявивъ въ депешѣ отъ 11-го (23-го) декабря, напечатанной во всѣхъ иностранныхъ журналахъ, о тѣхъ уступкахъ, какія онъ расположенъ сдѣлать, для достиженія «мира.

«Эти двойственныя попытки съ той и другой стороны доказывали обоюдное намѣреніе воспользоваться прекращеніемъ, вслѣдствіе дурной погоды, непріязненныхъ дѣйствій и удовлетворить всеобщей, всюду проявляющейся потребности въ скоромъ заключеніи мира.

«Въ депешѣ, упомянутой выше, Россійское Императорское правительство допускаетъ основаніемъ переговоровъ четыре пункта «обеспеченій, принятые на Вѣнскихъ конференціяхъ, и только отно-

«сительно третьяго пункта, который одинъ повелъ къ прекращенію «переговоровъ, предложило рѣшеніе, разнствующее болѣе по-формѣ, «нежели по сущности, отъ того, какого въ то время желали союз- «ныя державы.

«Переданныя теперь Австрійскимъ правительствомъ предложенія «истекають изъ тогоже основнаго начала, то есть, нейтрализованія «Чернаго моря посредствомъ прямаго между Россією и Портою трак- «тата, которымъ, съ общаго согласія этихъ державъ, будетъ опре- «дѣлено число военныхъ судовъ, какое оба государства, владѣющія «берегами Чернаго моря, предоставятъ себѣ содержать для безопас- «ности своихъ береговъ. Эти предложенія существенно отличаются «отъ объявленныхъ въ депешѣ 11-го (23-го) декабря только пред- «положеннымъ округленіемъ границъ между Молдавією и Бессара- «бією въ замѣнъ пунктовъ, занятыхъ непріателемъ на Русской землѣ.

«Здѣсь не мѣсто разсматривать, болѣе ли въ этихъ предложені- «яхъ, нежели въ объявленныхъ Императорскимъ правительствомъ, «соединяется условій, необходимыхъ для упроченія спокойствія на «Востокѣ и безопасности Европы. Достаточно сказать, что на дѣлѣ «во многихъ основаніяхъ мира уже существуетъ соглашеніе.

«По причинѣ этого соглашенія, вслѣдствіе желаній, изъявляемыхъ «всею Европою, въ виду коалиціи, которой разбѣры клонились къ «большему распространенію, и пожертвованій, какія въ случаѣ про- «долженія войны Россія должна была бы принести, Императорское «Россійское правительство сочло нужнымъ не отдалять преніями вто- «ростепенной важности дѣла примиренія, котораго успѣхъ согласуется «съ его собственными желаніями.

«И такъ Императорское Россійское правительство согласилось при- «нять предложенія, переданныя Австрійскимъ правительствомъ, за «предварительный проэктъ для открытія переговоровъ о мирѣ.»

Наконецъ Высочайшій Манифестъ, послѣдовавшій отъ 19-го Мар- та, окончательно возвѣстилъ Россіи мирный исходъ собравшагося въ Парижѣ конгресса. Самыя условія мира, неизвѣстныя до окончатель- ной ратификаціи трактата всѣми державами, вѣроятно, уже будутъ объявлены во всеобщее свѣдѣніе, когда эти строки появятся въ печати. Выраженія Императорскаго Манифеста, безъ сомнѣнія, памятны каждому; и потому мы не станемъ приводить его во всей его

полнотѣ. Но не можемъ не вспомнить съ чувствами искреннѣйшей радости послѣднихъ словъ его, представляющихъ для нашего отечества столько прекрасныхъ и несомнѣнныхъ залоговъ счастливаго развитія. Да будутъ онѣ лучшимъ напутствіемъ для Русскаго міра на новую указуемую ему отъ Государя дорогу, гдѣ ожидаютъ его гражданское просвѣщеніе, обеспеченный свободный трудъ и благословенія Вѣры Православной.

Ки. В. Черкасскій.

НАРОДНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

СЕРБОВЪ — ЛУЖИЧАНЪ ВЪ САКСОНІИ.

(Письмо къ А. И. Кошелеву).

Я побывалъ въ Будышинѣ или, какъ Нѣмцы говорятъ, Бауценѣ, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ землѣ Славянъ, Лужицкихъ Сербовъ. Замѣчательнъ этотъ послѣдній живой остатокъ сѣверозападнаго Славянства, эти 160,000 людей, которые среди миллионъ Нѣмецкаго народа сохранили до сихъ поръ свою Славянскую рѣчь, свой особенный бытъ, свое стародавнее наименованіе *Сербовъ*. Легко пройти Лужицко-Сербскую землю вдоль и поперекъ. Если пустишься изъ Будышина, какъ изъ средоточія ея, — не географическаго, но умственнаго, — то легко побывать и въ Любин (Löbau), крайнемъ къ юговостоку Лужицко-Сербскомъ городѣ, и въ Мужаковѣ (Muskau), и въ Зломѣ Коморовѣ (Senftenberg), которые лежатъ оба на пограничной чертѣ между Верхними и Нижними Лужицами, одинъ на востокѣ, другой на западѣ (между ними версть 60 разстоянія), и въ Хотѣбузѣ (Kotbus), важнѣйшемъ городѣ Нижнихъ-Лужицъ и самомъ отдаленномъ отъ Будышина (версть 75 къ сѣверу). Къ тому же странствованіе по Сербо-Лужицкому краю представляетъ всѣ удобства: народъ вѣжливый и гостепріимный, избы и постоянные дворы чисты и опрятны, и паспортовъ никакихъ не нужно, даже при переходѣ изъ Саксонскаго государства въ Прусское (*). Хо-

---

(*) Извѣстно, что Сербы-Лужичане, при всей своей малочисленности, дѣлятся на два племени, принадлежать двумъ государствамъ и двумъ исповѣданіямъ. Племя Верхне-отд. V.

тѣлось мнѣ прислушаться къ рѣчи Сербовъ-Лужичанъ, сохранившихъ въ удивительной полнотѣ самыя древнія грамматическія формы языка Славянскаго и не менѣе богатыхъ также первоначальными коренными словами, особенно для выраженія предметов и дѣйствій внѣшнихъ. Хотѣлось мнѣ всмотрѣться въ это племя: нельзя ли, я думалъ, угадать, почему Лужицкіе Сербы, которые всегда были самое малочисленное и слабое изъ племенъ Славянскихъ, съ такимъ упорствомъ, среди всякихъ невзгодъ и гоненій, удержали свою народность, тогда какъ другое, ближайшее къ нимъ и несравненно большее и сильнѣйшее племя, бойкое и шумное племя Польское или Ляшское, такъ легко поддавалось отмеченью, въ Мекленбургіи, въ Бранденбургіи, въ Помераніи, и теперь еще съ каждымъ годомъ уступаетъ передъ Нѣмецкимъ наплывомъ, почти вымираетъ въ Силезіи, въ восточной и западной Пруссіи, уменьшается въ Познанскомъ княжествѣ? Но у меня не было времени на изученіе Лужицкой страны; въ Будишинѣ я могъ оставаться всего дня три или четыре. Чтò можно увидѣть въ три или четыре дня? Чтобы время не пропало совершенно даромъ, я и попросилъ одного изъ главныхъ умственныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, принявшаго меня съ великимъ радушіемъ, . рассказать мнѣ во всей подробности, какимъ образомъ возродилась и получила признаніе Славянская народность въ королевствѣ Саксонскомъ. Зная сочувствіе ваше ко всему Славянскому, спѣшу сообщить вамъ рассказъ И. И. Смоляра: вѣрно вы найдете его вполне занимательнымъ.

О древнихъ судьбахъ Лужицко-Сербской народности и письменности я говорить не стану. И. И. Срезневскій посвятивъ этому предмету прекрасную, любопытную статью (*). Онъ живо изобразилъ незабвенныхъ тружениковъ, Михаила Френцеля (+ 1706), сына его Авраама (+ 1740), Мѣна (+ 1785) и другихъ, которые съ любовью занимались роднымъ Славянскимъ словомъ, когда никто еще и не думалъ о Славянствѣ, когда гениальный поэтъ, ро-

---

Лужицкое раздѣлено между Саксоніею (49,217 душъ, въ томъ числѣ 40,000 Протестантовъ и 9000 Католиковъ) и Пруссіею (39,000, въ томъ числѣ 37,000 Протестантовъ и 2000 Католиковъ); и того: Верхне-Лужицкихъ Сербовъ около 90,000, Нижне-Лужицкихъ Сербовъ 72,000, всѣ въ Пруссіи и всѣ протестанты.

(*) - О литературѣ Сербо-Лужицкой - въ Журналѣ Мин. Народнаго Просв. 1844, № 7.

дившійся между Сербами—Лужичанами, Лесепгъ (*), сдѣлался главнымъ двигателемъ Нѣмецкой литературы. Еще въ первой четверти нашего столѣтія спала глубокимъ сномъ Сербо—Лужицкая народность. Еще тогда образованный Лужичанинъ не думалъ быть инымъ чѣмъ, какъ Нѣмецъ; народъ Сербо—Лужицкій, говорившій « по Вендски » (такъ называли, по Нѣмецкому обычаю, его Славянскую рѣчь), и не подозрѣвалъ, что есть на свѣтѣ другіе « Венды » кромѣ его; языкъ « Вендскій » почитался какимъ-то просторѣчіемъ (patois), на которомъ сельскіе пасторы поневолѣ должны были проповѣдывать, потому что прихожане иначе не понимали бы ихъ; были цѣлыя чисто-Славянскія селенія, у которыхъ богослуженіе совершалось по-Нѣмецки (**); при каждой народной переписи число людей, объявлявшихъ себя « Вендами », уменьшалось. Во всей землѣ Лужицкой только одинъ человѣкъ, почтенный пасторъ Любенскій, заботился о родномъ языкѣ. Писалъ онъ много, составилъ обширный словарь и грамматику Верхне-Лужицкую, но главные его труды не печатались, а издавать могъ онъ только книжечки назидательныя, для чтенія въ деревняхъ. Неутюжимо работалъ Любенскій, но по временамъ брала его тоска и отчаянье; по временамъ ему казалось, что его труды пропадутъ даромъ, что не долго будутъ читать его книжечки, что онъ послѣдній въ Лужицкой землѣ пишетъ по Сербски. Да, было тамъ такое время, и прошло; прошло оно съ новымъ поколѣніемъ, которое выросло въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія.

Въ 1826 г. одинъ молодой Лужичанинъ, Зейлеръ, человѣкъ горячій, съ крѣпкою волею, даровитый поэтъ, будучи студентомъ Богословскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, сталъ помышлять о томъ, что на немъ и на товарищахъ—соплеменникахъ его, готовящихся къ священнослуженію въ родномъ краѣ, лежитъ обязанность быть не только наставниками своего народа въ вѣрѣ, но и хранителями его слова и народнаго быта. Прежде уже, будучи ученикомъ въ Будышинской гимназіи, Зейлеръ пописывалъ кое-что по Сербски, безъ всякой мысли о литературномъ успѣхѣ,

(*) По Сербски это имя произносится: Лѣсникъ. Онъ былъ родомъ изъ Каменца (Kamenz), на западномъ краю Сербской земли въ Саксоніи.

(**) Подъ влияніемъ Нѣмецкихъ пасторовъ многія Верхне-Лужицкія Сербскія селенія въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія совершенно онемечились, напр. Цыбалинъ (Zibelle), Езоръ (See), Козло (Kosel), Буквъ (Hohen-Bucka) и др.

а просто для того, чтобы не забыть языка : ибо въ ту пору въ главномъ Сербско-Лужицкомъ городѣ только простолудинъ говорилъ по Сербски; Сербъ, мало-мальски образованный, стыдился природной рѣчи своей ; въ гимназій, даже въ кругу товарищей, не говорили иначе, какъ по Нѣмецки, и такимъ образомъ съ прїѣздомъ изъ деревни въ городъ, съ поступленіемъ въ гимназію, Сербскій мальчикъ забывалъ по Сербски. Въ Лейпцигѣ Зейлеръ сталъ всѣми силами подбивать товарищю - Лужичанъ на занятіе своимъ языкомъ. Между тамошними студентами Богословія издавна существовало общество для упражненія въ гомилетикѣ (проповѣдномъ искусствѣ), и уже Любенскій, еще во время своего студенчества, образовалъ при землѣ Сербско-Лужицкое отдѣленіе. Зейлеръ настоялъ на томъ, чтобы это отдѣленіе возобновилось и чтобы его товарищи-земляки обязались произносить каждый семестръ въ своемъ кружкѣ, для опыта, проповѣдь по Сербски. Это общество существуетъ понынѣ при Лейпцигскомъ университетѣ, подъ именемъ « Sorabia », которое далъ ему Зейлеръ. Онъ не хотѣлъ ограничиться этимъ. Вскорѣ при своей « Сорабіи » основалъ онъ еженедѣльный рукописный журналъ, « Сербска Нѣвина »: всякій членъ Сорабіи долженъ былъ доставлять каждую недѣлю для журнала какую-нибудь статейку, своего ли произведенія, или переводную, журналъ переписывался и раздавался сотрудникамъ. Вскорѣ молодой Сербскій студентъ, Сербскій проповѣдникъ и писатель, могъ почувствовать народную связь свою съ другими Славянами : прїѣхалъ въ Лейпцигъ Палацкіи, знаменитый Чешскій исторіографъ и главный двигатель Чешской народности, прїѣхалъ и Милутиновичъ, извѣстный писатель у Сербовъ Задунайскихъ, другъ покойнаго владыки Черногорскаго, составитель исторіи Черной Горы. Съ ними Зейлеръ сошелся. Побужденный ими, онъ горячо принялся за изученіе Славянскихъ языковъ. Но изъ сверстниковъ его никто еще не былъ зрѣлъ для мысли объ умственномъ общеніи Славянъ. Товарищи не поддержали Зейлера въ этомъ дѣлѣ ни сотрудничествомъ, ни участіемъ, — и Зейлеръ бросилъ занятіе Славящиною. Каждая мысль, движущая въ извѣстную пору людьми, созрѣваетъ въ свое время. Фреицель въ XVIII столѣтіи, Зейлеръ въ 1820-хъ годахъ нынѣшняго вѣрли уже въ общеніе Славянскихъ народовъ, въ лучшую будущность для Славянъ. Въ комъ нашли они тогда отголосокъ ? Въ Лужицкой землѣ осталось 10,000 Сербовъ - Католиковъ , затерянныхъ между массама Протестантскаго

населенія ; для нихъ всегда, съ давнихъ поръ (*), духовные наставники готовились въ Пражской семинаріи. Молодой Сербъ-Лужичанинъ, занесенный къ Чехамъ, слыша около себя родную рѣчь, естественно долженъ тотчасъ почувствовать себя членомъ великой семьи Славянской. Теперь оно такъ: теперь Сербъ-Лужичанинъ пріѣзжаетъ въ Прагу, уже готовый къ принятію этого чувства; въ Прагѣ же вся среда, его окружающая, проникнута Славянскимъ духомъ, и В. В. Ганка заботится о томъ, чтобы Лужицкіе гости возвращались изъ Чешской столицы хорошими Славянистами (**). Но въ прежнее время, сколько перебивало въ Пражской семинаріи молодыхъ Сербовъ, и кто изъ нихъ вынесъ оттуда мысль о Славянской народности и Славянскомъ общеніи? Никто, пока не пришло время, никто до 30-хъ годовъ нашего столѣтія.

Въ 1830 году пріѣхалъ въ Будышинъ и поступилъ въ гимназію 14-лѣтній мальчикъ, сынъ приходскаго учителя въ деревнѣ Лазѣ (Lohsa), Смоляръ (Smolerj, по Нѣмецки Schmaler). Дома онъ слышалъ постоянно Сербско-Лужицкій языкъ, мать его почти не знала по Нѣмецки, и вдругъ переходитъ онъ въ кругъ, гдѣ ни слова не говорятъ по Сербски. Онъ и сказалъ нѣсколькимъ изъ сверстниковъ-товарищей: « мы Сербы, а вѣдь здѣсь забудемъ по Сербски; давайте учиться нашему языку... » И Смоляръ сталъ давать товарищамъ въ положенные дни уроки Сербскаго языка, диктовалъ имъ по Нѣмецки и заставлялъ записывать по Сербски, училъ ихъ пѣть Сербскія пѣсни. Родныя пѣсни поселянъ были съ дѣтства его страстью: ребенкомъ, мальчикомъ прислушивался онъ къ нимъ въ деревнѣ, голоса и слова врезались ему въ память. Учить товарищей пѣть эти пѣсни было для него лучшею утѣхою, истиннымъ наслажденіемъ. Тутъ-то онъ совсѣмъ увлекся этими пѣснями и сталъ сознательно понимать ихъ красоту и цѣну. Когда возвращался онъ лѣтомъ на вакаціи въ деревню, ему ужъ дома не сидѣлось. По цѣлымъ недѣлямъ его не видали родители: онъ бродилъ изъ села въ село, допытываясь пѣсенъ и записывая ихъ. Никто до того времени не имѣлъ понятія о народномъ бытѣ Лужицкихъ Славянъ, объ

(*) Именно, съ 1704 года.

(**) Подъ покровительствомъ В. В. Ганки эти Сербско-Лужицкіе студенты семинаріи основали, въ 1846 г., общество подъ именемъ « Сербовка », для изученія своего народнаго языка и прочихъ Славянскихъ нарѣчій.

ихъ обычаяхъ и повѣрхяхъ. Молодой гимназистъ, собиратель пѣсенъ, первый, можно сказать, узналъ свой народъ, схватилъ его живьемъ въ долгихъ странствованіяхъ по проселкамъ и деревнямъ. Мало того: никто прежде не умѣлъ сказать, какъ далеко простирается Славянское населеніе въ этомъ краѣ, какая деревня Сербская и какая Нѣмецкая: Смоляръ первый узналъ и занесъ на карту границу своего народа.

Эта первая дѣятельность его относится къ 1830—1835 годамъ.

Въ то же время, въ 1833 — 4 году, сверстникъ Любенскаго и единственный изъ сверстниковъ, оказывавшій сочувствіе къ его дѣлу, Д-ръ Клинь (который послѣ смерти Любенскаго въ 1840 г. оставался патріархомъ поборниковъ народности у Сербовъ—Лужичанъ и недавно скончался, къ общей ихъ скорби), — Д-ръ Клинь защищалъ Сербскій языкъ на сеймѣ чиновъ Лузаціи (*). Многіе изъ членовъ сейма хотѣли изгнать Славянскую рѣчь даже изъ приходскихъ школъ и изъ церкви и тѣмъ приготовить совершенное ея искорененіе въ землѣ Лужицкой: Клинь воспротивился требованіямъ ультра-германистовъ, и отстаивалъ народный языкъ.

Въ 1836 г. Смоляръ поступилъ студентомъ Богословія въ Вратиславскій (Бреславскій) университетъ. Однажды зимою его приглашаетъ къ себѣ незнакомый профессоръ медицинскаго факультета: то былъ г. Пуркине, имя котораго дорого всемъ Славянамъ, какъ одного изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей Чешскихъ. Какъ удивился молодой богословъ первому вопросу, съ которымъ встрѣтилъ его знаменитый натуралистъ: знаетъ ли онъ по Сербски и что это за языкъ? На другой день Смоляръ приноситъ ему показать Сербо—Лужицкую Библію; они условливаются, что Смоляръ будетъ приходить по Воскресеньямъ къ Пуркине учиться по Чешски. Его примѣръ заохочиваетъ другихъ Сербскихъ студентовъ. Вскорѣ они къ Чешскому языку присоединяютъ Польскій, выучиваются потомъ Русской и Старо—Славянской грамотѣ. Какъ они радовались, когда, одолѣвъ Кирпилицу, стали читать нашу Славянскую Библію, и каж-

---

(*) *Лузація* (Lusatia, die Lausitz, — я употребляю это официальное, такъ сказать, названіе, когда говорю объ этой странѣ вообще, безъ отношенія къ народности, а Славянское имя *Лужицы* придаю только той части Лузаціи, которая осталась Славянскою); Лузація сохранила древнее право обсуждать свои мѣстныя дѣла на особомъ сеймѣ своихъ чиновъ.

дый стихъ звучалъ имъ, какъ родной! Въ Вратиславль (*) заѣхалъ Палацкій и извѣстный Польскій ученый г. Мацѣвскій: они оживили еще болѣе Славянское рвеніе студентовъ. Смоляръ переехалъ жить къ Пуркине и подъ его руководствомъ сталъ специально изучать собранныя имъ пѣсни. Одинъ молодой человѣкъ, Рёслеръ (**), пламенный патриотъ, если не въ отношеніи къ Сербо-Лужицкой народности (онъ Нѣмецъ), то своей Лузацкой родины, основывалъ въ это время при Вратиславскомъ университетѣ « Лузацкое Общество » (lausitzischer Verein), члены котораго, Лузацкіе уроженцы, образовывавшіеся въ Вратиславлѣ, должны были по возможности разрабатывать исторію, статистику, этнографію своего края. При немъ, по плану Рёслера, должно было быть Сербское отдѣленіе (wendische Section). Смоляръ сблизился съ Рёслеромъ, умѣлъ даже побудить его учиться по Славянски, и его стараніями состоялось это отдѣленіе: Пуркине былъ избранъ въ « протекторы ».

Уже въ чужихъ городахъ, въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ, молодые Сербы хлопотали о своемъ языкѣ и народности, а у нихъ дома еще ничего не дѣлалось. Нѣсколько лѣтъ послѣ Смоляра поступилъ въ Будишинскую гимназію юноша съ пылкой, но дѣльной головою (теперь опытный и основательный юристъ (***)) Мѹжикъ-Клосопольскій (или по-Нѣмецки Mosig von Aehrenfeld). Онъ началъ говорить съ товарищами — Сербами по Сербски, заставлялъ и ихъ слѣдовать своему примѣру, не стыдиться народнаго языка. Онъ увлекъ ихъ; нѣсколько человѣкъ составили при Будишинской гимназіи Сербское общество (« Сербское товариство на Будишскимъ гимназію »), которое сдѣлало и теперь еще дѣлаетъ много добра. Мѹжикъ сочинилъ уставъ. Цѣлью общества было « упражненіе и усовершенствованіе членовъ его въ родномъ языкѣ ». Каждый членъ обязывался ежемѣсячно доставлять что-нибудь писанное по Сербски (въ прозѣ или стихахъ): эти произведенія читались въ кругу товарищей, и если одобрялись, то вносились въ общественную книгу и хранились навсегда при обществѣ. Выхлопотали обществу (****) и его уставу офиціальное утвержденіе отъ начальства гимназіи и потомъ получили особое помѣщеніе для засѣданій и библіотеки.

(*) Breslau.

(**) Теперь одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ Гёттингенскаго университета.

(***) Ему принадлежитъ переводъ « Славянскихъ Древностей » Шафарика на Нѣмецкій языкъ.

(****) Его офиціальный титулъ: societas slavica Budessina.

Бѣдный Штуръ, преждевременная смерть котораго въ нынѣшнемъ году оплакивается у западныхъ Славянъ, какъ общественное бѣдствіе, Штуръ, по какому-то случаю находясь въ Лейпцигѣ, узналъ, что въ одномъ краѣ Саксоніи есть Славяне и что у нихъ затѣвается что-то хорошее. Онъ не утерпѣлъ и тотчасъ же пріѣхалъ въ Будышинъ. Какъ онъ умѣлъ воспламенить Будышинскихъ юношей! Какъ онъ приковывалъ ихъ къ себѣ каждымъ словомъ! Какой бывалъ ихъ восторгъ, когда онъ, съ своею прекрасною наружностью, съ своимъ звучнымъ голосомъ, пѣлъ имъ Славянскія пѣсни или, хорошо знакомый съ историческими памятниками, рассказывалъ имъ про ихъ старыхъ Сербскихъ и Мильчанскихъ (*) князей, о которыхъ саміи они ничего не знали, про Девана, побѣдителя Дагоберта и его Франкскихъ войскъ, про Милодуха и тому подобныхъ героевъ родной старины! Бывало, они соберутся вечеромъ, запоютъ пѣсни, и когда наступитъ ночь, съ пѣснями, съ факелами пойдутъ къ какому-нибудь романтическому мѣсту, напоминающему про Славянство, къ скалѣ, которая нависла надъ Спревою и называется Пребогомъ, на гору, посещую грозное имя Чернобога. Это были пустыки, ребячество, но за этими пустыками скрывалась мысль. « Тутъ мы впервые почувствовали, такъ говорятъ теперь гимназисты, ходившіе съ факелами къ Пребогу, а нынѣче люди степенные, тутъ « мы впервые почувствовали, что мы не одни на свѣтѣ, что у насъ « есть братья, которые отъ насъ не совсѣмъ отвернулись, что мы, « горсточка Славянъ между Нѣмцами, не потеряны; что если мы не « захотимъ сами онѣмечиться, то насъ не онѣмечать никакою си- « лою. Мы хаживали часто, продолжали мои Лужницкіе знакомцы, « къ старику Любенскому и рассказывали ему про наши подвиги; а « старикъ, покачивая головою, съ недовѣрчивою радостью внималъ « нашимъ толкамъ и надеждамъ: « пустое вы, дѣти, затѣваете, го- « варивалъ онъ, изъ чего хлопчете? вѣдь что вы ни дѣлайте, « скоро здѣсь Славянство вымретъ, сами увидите . . . » Бѣдный Штуръ первый изъ чужихъ Славянъ посѣтилъ Лужницкихъ Сербовъ; онъ открылъ, можно сказать, дорогу къ общенію. Едва онъ уѣхалъ

(*) Въ VII—XI столѣт. имя *Сербовъ* преимущественно обозначало западную половину Славянъ въ этомъ краѣ, между Солявою (Sale) и Лабземъ (Лбюю, Эльбою); восточная часть, между Эльбою и Ниссою (Neisse), является обыкновенно подъ разными названіями отдѣльныхъ племенъ, которыя тутъ жили: главныя были *Мильчани* и *Гломачи* (иначе *Далеминцы*).

изъ Будышина, пришло въ Сербское гимназическое «товарищество» письмо отъ знаменитаго пѣвца « Дочери Славы », Колара ; написанное прекрасно, горячо, поэтически, оно привело въ восторгъ Сербскую молодежь. За письмомъ пришелъ цѣлый тюкъ книгъ, Чешскихъ, Словацкихъ, Хорвато-Сербскихъ, собранныхъ Коларомъ для Будышинской братьи (*). Мужикъ съ товарищами стали помышлять о литературной связи и съ Россією : сочинено и отправлено было письмо въ Петербургъ къ г. Академику Кунику, и не получило отвѣта. За то великою радостью для молодаго товарищества было, когда Штуръ написалъ статью о новооткрывшейся въ Саксоніи Славянской народности и первый подалъ другимъ Славянамъ вѣсть объ ней и объ ея пробужденіи. Статья его была переведена и въ Русско-Польской « Денницѣ », которую издавалъ въ то время въ Варшавѣ г. Дубровский. Въ Лейпцигскій университетъ Будышинскіе ученики вступили уже готовыми Славянистами и тотчасъ сблизилсь съ другими Славянами, которыхъ тамъ застали. Составилось « Славянское общество »: въ немъ были и Мужикъ съ товарищами, Сербы-Лужицане, и Болгаринъ Куканчи, и Полякъ Соколыницкій, и Сербъ Магазиновичъ, и нѣсколько Чеховъ....

До сихъ поръ Сербо-Лужицкое движеніе было почти только вспышкой горячихъ молодыхъ головъ. Упрочило, узаконило, можно сказать, ихъ стремленія, утвердило ихъ на истинной основѣ народнаго духа изданіе народныхъ пѣсенъ. Ни одинъ Славянскій народъ не имѣетъ и нынѣ еще такого полнаго, тщательнаго, великолѣпнаго изданія своихъ пѣсенъ, какъ бѣдшій народецъ Сербо-Лужицкій. Стоять разсказать, какъ состоялось это изданіе, памятное не только въ исторіи Сербо-Лужицкаго, но и Всеславянскаго пробужденія. Въ Лужицкомъ, по издавна овѣмеченномъ городѣ Гёрлицѣ (по Славянски Сгоръльцѣ) существовало съ 1779 года богатое и дѣятельное общество наукъ (**). Оно когда-то изъ археологической любознательности, и не подозрѣвая народнаго значенія вопроса, предложило премію за сборникъ Сербо-Лужицкихъ пѣсенъ. У Смоляра были пѣсни Верхне-Лужицкія ; но Гёрлицкая программа требовала и Нижне-Лужицкихъ. Дѣло на томъ пока и остановилось. Между тѣмъ въ

(*) Эта посылка послужила основаніемъ Славянской бібліотекѣ при Будышинской гимназіи: теперь это бібліотека весьма значительная.

(**) - Oberlausitzische Gesellschaft der Wissenschaften -.

Гёрлицѣ у секретаря общества, почтеннаго духовнаго, Гаупта, чело-
вѣка мало свѣдущаго въ Славянскомъ языкѣ, но крайне доброже-
лательнаго къ Славянамъ, накопилось изъ разныхъ рукъ порядочное
количество пѣсенъ, записанныхъ въ Нижнихъ Лужицахъ, съ которыми
онъ имѣлъ всегда сношенія. Гауптъ и написалъ Смоляру, не хочеть
ли онъ сообща издать пѣсни. Смоляръ былъ крайне обрадованъ.
« Меня даже и то восхищало, привожу его слова, что со мною,
молодымъ студентомъ Богословія, хотѣлъ вступить въ литературную
связь такое почтенное лицо, какъ Гауптъ, членъ безчисленнаго
множества ученыхъ обществъ, имѣвшій притомъ значительный ду-
ховный санъ ». Смоляръ пріѣхалъ въ Гёрлицъ; стали готовить
изданіе. Смоляръ занялся Славянскою частью, Гауптъ дѣлалъ Нѣ-
мецкій переводъ стихотворнымъ размѣромъ. Пѣсни были готовы. Но
гдѣ найти издателя для такой книги, тогда какъ Сербы не могли
напечатать себѣ и перевода Библии безъ чужаго пособія (*) и всѣ
лучшія сочиненія на ихъ языкѣ лежали въ рукописи? Смоляръ от-
чаивался. Однажды, идя задумчиво по площади въ Будышинѣ, онъ
встрѣчаетъ прежняго своего учителя, а тогда конфектора гимназій,
Фрицше. « Что это у васъ торчитъ въ карманѣ? » спросилъ добрый
старикъ. Смоляръ показалъ два толстыхъ тома пѣсенъ. « За чѣмъ
не печатаете? » — « Нѣтъ издателя. » — « А вотъ я завтра ѣду въ
« Гримму (**), тамъ заводитъ торговлю молодой книгопродавецъ,
« Гебгарди. Онъ чело-вѣкъ предприимчивый, я ему скажу. » Гримм-
скій книгопродавецъ какимъ-то чутьемъ понялъ, что изданіе народ-
ныхъ пѣсенъ Славянскихъ дѣло новое, современное, обещающее
успѣхъ, самъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ, условился съ Смо-
ляромъ; оба поѣхали въ Гёрлицъ къ Гаупту, подписали контрактъ.
Смоляръ съ Гауптомъ взялись за окончательную отдѣлку рукописи:
составлено было подробное описаніе народнаго быта Сербовъ-Лу-
жичанъ, собраны были данныя географическія, статистическія, филоло-
гическія, однимъ словомъ все, что пужно было для полнаго понима-
нія пѣсенъ и знакомства съ народомъ, который ихъ пѣлъ. Славян-
ская работа кончилась въ домѣ у Гаупта. « Намъ была удача, гово-

---

(*) О старыхъ изданіяхъ перевода Священнаго Писанія по Сербо-Лужицки см.
приведенную статью г. Срезневскаго. Въ новѣйшее время Сербамъ въ этомъ благомъ
дѣлѣ пособляло Лондонское Библейское общество.

(**) Городокъ Саксоніи недалеко отъ Лейпцига.

« рилъ миѢ Смоляръ, вспоминая эти годы, — обстоятельна соче-
 « тались какъ-то счастливо. Въ это именно время случился въ Сго-
 « рѣльцѣ Русскій путешественникъ, ѣздившій для изученія западнаго
 « Славянства, г. Срезневскій. Онъ намъ много пособилъ и совѣ-
 « томъ и собственнымъ трудомъ. Предстояло важное дѣло : при
 « изданіи пѣсенъ изгнать старое варварское правописаніе на подобіе
 « Нѣмецкаго и ввести болѣе сродное съ Славянскими звуками и съ
 « употребительною у другихъ Славянъ орфографіею. Мы не усумни-
 « лись принять новое, весьма удобное правописаніе Чеховъ, заим-
 « ствованное у нихъ и Словаками, и Хорватами, и Хорутанами ;
 « но нужно было примѣнить его къ разнообразнымъ и довольно при-
 « хотливымъ звукамъ нашего языка. Много ломали мы надъ этимъ
 « голову ; Русскій путешественникъ помогалъ намъ ; подъ его-то
 « руководствомъ мы составили въ домѣ у Гаупта нашу новую,
 « аналогическую съ Чешскою и Хорватскою азбуку... » Азбука эта
 не мало способствовала литературному сближенію Сербовъ-Лужичанъ
 съ другими западными Славянами.

Гебарди издалъ пѣсни великолѣпно, не щадя издержекъ. Поселяне
 не станутъ покупать своихъ же пѣсенъ, — такъ онъ рассчитывалъ,
 ъкупать Сербо-Лужичкія пѣсни бібліотеки да ученые и литераторы,
 купаять всѣ любители Славянства, всѣ цѣнители народной поэзіи :
 имъ пріятно будетъ имѣть книгу красивую, и они не поскупятся
 дать за то подороже. Онъ не ошибся : Лужичкія пѣсни разошлись
 до послѣдняго экземпляра и дали издателю славный барышъ. Ни одинъ
 Славянскій народъ не имѣетъ, какъ я сказалъ, такого прекраснаго
 изданія своихъ пѣсенъ.

Въ Гёрлицѣ жилъ тогда человекъ весьма знатный и близкій къ
 королю Прусскому, церемоніймейстеръ Стильфридъ, вице-президентъ
 Гёрлицкаго общества наукъ. Онъ подалъ Смоляру мысль посвятить
 своему государю изданіе пѣсенъ. Смоляръ отыскалъ въ титулѣ Прус-
 скаго короля, что онъ « Herzog der Wenden », и написалъ посвя-
 щеніе: « Бндрихей Вылемей Штвѳртему, Прусскому Кралей, Серскему
 (т. е. Сербскому) Вонводей. » Посвященіе было принято, и изда-
 тели награждены медалями. Вскорѣ за тѣмъ король, по ходатайству
 Стильфрида, назначилъ Смоляру стипендію на 3 года по 200 тале-
 ровъ, для продолженія занятій Славянскими нарѣчіями. Въ то время
 Прусское правительство предпологало учредить Славянскія каедры
 во всѣхъ университетахъ Пруссіи, и Смоляръ сталъ готовиться къ

такой каведръ подъ руководствомъ знаменитаго Чеха, Челяковского, который именно въ томъ же году (1842) приглашенъ былъ въ Бреславль, какъ профессоръ Славянской словесности.

Въ 1842 — 1843 г. драгоценный народный памятникъ Сербовъ-Лужичанъ, пѣсни были изданы; начиналась и здѣсь литературная жизнь, возбужденная въ духѣ Славянства молодыми дѣятелями новаго поколѣнія. Пришло теперь время сдѣлать всю массу Сербовъ-поселянъ участницею въ этой умственной жизни, въ этомъ народномъ возрожденіи. Вотъ общій смыслъ всѣхъ стремленій Сербо-Лужицкихъ дѣятелей съ 1842 по 1850 годъ, стремленій, которыя не прекратились и нынѣ, хотя въ главномъ цѣль уже достигнута.

Прежде всего надлежало дать народному дѣлу гласность, которая въ наше время стала залогомъ всякаго общественнаго прусуспѣнья. Но какъ это сдѣлать? какимъ образомъ учредить газету для 90,000 хлѣбопашцевъ (*), отчужденныхъ отъ сосѣдей, имѣющихъ единственными путями сообщенія плохія проселочныя дороги и отъ роду не читавшихъ ничего, кромѣ молитвенниковъ? За то и не вдругъ все уладилось. Первую мысль подаль молодой Лужичанинъ Йорданъ, воспитаникъ Пражской Католической семинаріи, который въ 1841 г. возвратился на родину. Онъ рѣшился принять на себя редакцію невиданной Сербо-Лужицкой газеты; только онъ сдѣлалъ ошибку относительно правописанія. Новаго Чешскаго правописанія нельзя было ввести вдругъ въ изданіе, назначенное для массы народа, потому что простолудинъ затруднялся бы чтеніемъ, и думая, что хотять его заставить съизнова учиться азбукѣ, не взялъ бы газету въ руки; но вмѣсто того, чтобы начать съ стараго правописанія и потомъ, когда вчитаются въ газету, вводить мало-по-малу новое, Йорданъ выдумалъ какое-то среднее между старымъ и новымъ. Затрудненіе новизны оставалось, и не было простоты и понятности Чешской системы писанія. 1 Января 1842 г. вышелъ первый номеръ Йордановой «Ютнички» (т. е. Зари); каждую недѣлю выдавалось поль листа, но газета пошла такъ плохо, что 1 Юня Йорданъ прекратилъ ее. Онъ предупредилъ о томъ Смоляра, который сейчасъ пріѣхалъ домой въ рѣшимости поддержать предпріятіе. Въ деревнѣ Лазѣ, гдѣ жили его родители, былъ насторомъ тотъ самый Зейлеръ, который,

---

(*) Въ этомъ народномъ возрожденіи участвовали еще только Сербы Верхне-Лужицкіе; Нижніе Лужичане оставались къ нему равнодушны.

какъ я разсказалъ, первый изъ новаго поколѣнія Сербовъ-Лужичанъ сталъ заботиться о своемъ языкѣ и потомъ даже началъ учиться другимъ Славянскимъ нарѣчїямъ. Онъ не измѣнилъ прежнему направлению, хотя на время охолодѣлъ-было къ занятїямъ. Они-то, Зейлеръ и молодой Смоляръ, взялись продолжать начатое неудачно Юрданомъ. Приняли старое правописанье, къ которому привыкли Сербы - Протестанты, и стали издавать «Тыдженску Нѳвину», т. е. Недѣльную Вѣдомость, тоже полъ листа въ недѣлю. Печаталась газета въ Будышинѣ, а составлялась въ деревнѣ Лазѣ, въ такъ называемой «голи» (die Haide, la lande) (*), въ 25 верстахъ отъ города. Почта тутъ не ходила, а была въ двѣ недѣли разъ оказїя въ Будышинъ; да и на ту не всегда могли разсчитывать, и нужно было, чтобы въ типографїи лежали готовые статьи по-крайней-мѣрѣ на два номера впередъ. Условїя, какъ видите, не совсѣмъ благопрїятныя. Чрезвычайно невыгодно было и то, что «Тыдженска Нѳвина» не смѣла печатать никакихъ политическихъ извѣстій и статей, потому что Нѣмецкая Бауценская газета имѣла исключительную привиллегїю на политику. Читатели «Нѳвины», которые хотѣли знать политическія извѣстія, должны были все-таки получать Нѣмецкую газету, а подписка на двѣ газеты вдругъ для селянина не бездѣлица.

Тѣмъ не менѣе «Нѳвина» шла порядочно и съ 1 Юля 1842 уже не прекращалась. Редакція умѣла угадать вкусъ своей деревенской публики и вѣстѣ съ тѣмъ вела ее постоянно, все болѣе и болѣе, къ самосознанїю народному. Зейлеръ, который былъ редакторомъ газеты по 1848 г., писалъ главныя статьи (leitende Artikel или, какъ бы сказалъ Французъ, les premiers-Laze), разныя стихотворенїя, басни и т. п., изъ коихъ многія помнятся теперь Сербами, какъ ихъ народныя пѣсни; отецъ Смоляръ сочинялъ поучительные разговоры о сельскомъ хозяйствѣ и всякаго рода комическія сцены и побасенки; сынъ его писалъ то, что ближе касалось вопроса народнаго, старался знакомить Сербскаго простолюдина съ прочими Славянами и съ тѣмъ, что у нихъ дѣлается.

Въ 1845 г. Смоляръ, который, работая для «Нѳвины» и на-

(*) Сѣверную часть Верхне-Лужickaго края составляетъ широкая полоса безплодной, песчаной, болшею частью поросшей кустарникомъ земля, которую Сербы называютъ *голя* (т. е. голая земля). *Голя* занимаетъ также значительную часть Нижнихъ Лужицъ.

вѣщая безпрестанно свою родину, все еще продолжалъ заниматься при Бреславскомъ университетѣ, бросявъ наконецъ мысль о Славянской кэедрѣ въ какомъ-нибудь Нѣмецкомъ городѣ и возвратился къ своимъ Сербамъ, полный одушевляющаго вліянія Челяковскаго и Палацкаго (съ Палацкимъ онъ видался въ Бреславлѣ и встрѣтилъ его опять въ Будышинѣ), придумывая, какъ бы еще сильнѣе двинуть дѣло народности. Уже бродила у него въ головѣ мысль объ учрежденіи « Матицы » Сербо-Лужицкой, на подобіе Чешской и Иллирской, т. е. общества для поддержанія и развитія народнаго просвѣщенія и народной словесности, въ которое можетъ вступить всякій со взносомъ извѣстной суммы, обрацаемой въ капиталъ для изданія полезныхъ народныхъ книгъ, которыя членъ « Матицы » получаетъ бесплатно. Но въ маленькой землицѣ Сербо-Лужицкой, гдѣ высшій классъ Славянскаго народа составляютъ сельскіе пасторы, учителя и адвокаты, предпріятіе представляло большія затрудненія : людей было мало, денежный взносъ надобно было опредѣлять самый незначительный, чтобы не сдѣлать его совершенно недоступнымъ : какъ тутъ собрать капиталъ, на который можно бы было начать какое бы то ни было изданіе, предназначенное при томъ для такого малаго круга читателей ? Мысль о Сербо-Лужицкой « Матицѣ » казалась несбыточною. Между тѣмъ лѣтомъ 1845 г., въ то самое время, когда Палацкій гостилъ въ Будышинѣ и молодые Лужицкіе Славянисты окружали знаменитаго историка, приходитъ въ собранное Славянское общество бывшій товарищъ и сотрудникъ Мѹжика, учитель Имишь, и приводитъ съ собою церковнаго кантора (*) Коцора, отличнаго музыканта-самоучку. « Вотъ у насъ свой композиторъ ! » говоритъ Имишь. Потолоковали и рѣшили съ Коцоромъ—дать народный Сербскій музыкальный праздникъ и пѣть на немъ только пѣсни Сербо-Лужицкія да Славянскія. Время было вакаціонное. Разослали циркуляръ ко всѣмъ учителямъ Сербо-Лужицкихъ школъ, которые выказывали сочувствіе къ народному дѣлу. Циркуляръ объявлялъ о задуманномъ праздникѣ и требовалъ немедленнаго извѣщенія : какой у кого голосъ, басъ ли, теноръ и т. д. Получивъ отвѣты, пустили второй циркуляръ: чтобы такія-то и такія-то лица явились туда-то въ такой-то день. Коцоръ объѣздилъ поочередно

(*) Родъ дьячка при Протестантскихъ церквяхъ. Во время богослуженія канторъ играетъ на органѣ.

всѣ сборныя мѣста и подготовилъ въ разныхъ концахъ Сербо-Лужицкой земли отдѣльныя части своего концерта. Назначенъ былъ великій день торжества. Всѣ собрались. Въ Будышинской « стрѣльницѣ » (Schiesshaus) заданъ былъ Славянскій концертъ. Въ первый разъ Лужицко-Сербское Славянство выступало, такъ сказать, передъ публикою своею и чужою. Отовсюду наѣхали Сербы. Многие старики не вѣрили своимъ ушамъ. Пришло не мало и Нѣмцевъ. Народу собралось множество. Концертъ удался превосходно. « Аплодировали ревностно, рассказывалъ мнѣ Смоляръ, сами Нѣмцы, не подозрѣвая, какъ имъ иногда доставалось въ ультра-Славянскихъ патристическихъ пѣсняхъ... »

Съ тѣхъ поръ эти концерты возобновляются каждый годъ. Чтобы простые люди по всей странѣ могли въ нихъ одинаково участвовать, по-крайней-мѣрѣ какъ слушатели, всякій разъ концертъ переносится въ иное мѣсто : его давали и въ Любѣ (Löbau), и въ Воерецахъ (Hoyerswerda), и въ Мэриной Студени (Marienborn) близъ Лесинговой родины Каменца и т. д.

Мысль о « Матицѣ », объ открытомъ для всѣхъ обществѣ любителей роднаго слова, непрестанно занимала Смоляра и его друзей. Мѣжикъ - Клопопольскій, Зейлеръ, молодой дѣятель Д-ръ Пфуль, поэтъ и филологъ, съ жаромъ усвоили себѣ эту мысль. Собирались для обсужденія ея комитеты ; въ 1846 г. состоялось уже предварительное (provisoire) собраніе членовъ, вызывавшихся участвовать въ « Матицѣ », сочиненъ былъ проектъ положенія ; но все встрѣчались разныя препятствія, и ничего рѣшительнаго не выходило : пока наконецъ старый, опытный въ дѣлахъ практическихъ Д-ръ Клинь, членъ Будышинскаго городского совѣта, не взялся пособить молодежи. Онъ положилъ въ карманъ предназначанный уставъ, который принесъ ему Смоляръ, и поѣхалъ въ Дрезденъ хлопотать. Вскорѣ, 26 Февраля 1847, Саксонское Правительство утвердило « Матицу » и уставъ ея, а черезъ нѣсколько времени пришло изъ Берлина разрѣшеніе Сербамъ, Прусскимъ подданнымъ, въ ней участвовать. Созвано было, въ среду на Св. недѣлѣ (1847 г.) первое годичное общее собраніе « Матицы. » Оно избрало членовъ для завѣдыванія ея дѣлами и утвердило предстоявшія ей на первый разъ занятія ; а въ 1848 г. вышла первая книжка ея « Часописъ », т. е. Временника, новымъ правописаніемъ. Теперь « Матица » явля-

еть до 200 членовъ, изъ денежнаго взноса которыхъ (*) двѣ трети употребляются на разныя изданія, а одна треть на образованіе капитала. Средства такъ скудны, что капиталъ едва превышаетъ теперь 400 талеровъ. Но все-таки и съ этими средствами « Матица » издала по сіе время 12 книжекъ « Часописа », гдѣ нѣсколько статей весьма дѣльныхъ, и 26 другихъ книжекъ, болѣею частью для народнаго чтенія, но въ томъ числѣ и прекрасную, самую подробную статистику Сербскихъ Верхнихъ Лужицъ, составленную пасторомъ Якубомъ. Въ « Часописѣ » обозначились имена нѣсколькихъ молодыхъ дѣятелей, отъ которыхъ многого можетъ ожидать Сербо-Лужицкая народность и письменность. Назову вамъ Веллина, Пфуля, Бука, Генча, Ростока. Предполагается издать мало-по-малу, отдѣльными книжками, небольшую Энциклопедію Наукъ для Сербскаго народа, по примѣру той, которую издаетъ Чешская « Матица » въ Прагѣ. Кромѣ того однимъ изъ желаній общества было составленіе полнаго Верхне-Лужицкаго Сербскаго словаря, въ который бы вошли все богатства народной рѣчи. Д-ръ Пфуль взялъ на себя редакцію такого труда и отовсюду сталъ получать матеріалы; Зейлеръ, Смоляръ передали ему богатые запасы словъ, ими собранные; во всѣхъ углахъ Сербо-Лужицкой земли члены « Матицы » подслушиваютъ и записываютъ народныя выраженія, имена нивъ и урочищъ, изъ коихъ многія восходятъ несомнѣнно до глубокой древности, и все это, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, доставляется Пфулю. Словарь народной рѣчи почитается тамъ дѣломъ общественнымъ, и для всѣхъ будетъ великою радостью, когда наконецъ увидятъ его въ печати.

Только что начиналась дѣятельность « Матицы », какъ наступилъ 1848 годъ, этотъ годъ движенія и волненій во всей Германіи и во всемъ западномъ Славянствѣ. Но 1848 годъ не былъ ознаменованъ для Сербовъ-Лужичанъ тѣми разочарованіями и бѣдствіями, какія онъ принесть Чехамъ, Словакамъ, подвластнымъ Пруссіи Полякамъ, Хорватамъ и другимъ ихъ собратьямъ на Западѣ. Напротивъ, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятенъ для маленькой Сербо-Лужицкой народности: не увлекаясь никакою несбыточною мечтою,

---

(*) Члены «Матицы» дѣлятся на два разряда: первый разрядъ платитъ 1 тал. 10 грош. (1 рубл. 20 коп. сер.) въ годъ и получаетъ все изданія «Матицы»; второй платитъ 25 грош. (75 коп. сер.) въ годъ и получаетъ только книги, ею печатаемая, а «Часописа» не получаетъ.

она осталась вѣрною прежнему порядку, когда все вокругъ съ ума сходило на бредняхъ Франкфуртскихъ демагоговъ, и воспользовалась порою преобразованій и переворотовъ лишь для того, чтобы упрочить свое официальное положеніе въ государствѣ и окончательнымъ устройствомъ внутреннимъ приготовить себѣ небывалое прежде благосостояніе. Первымъ у Сербовъ признакомъ наступающаго благопріятнаго для нихъ времени было то, что вмѣстѣ со всякими старыми ограниченіями уничтожалась исключительная привиллегія Нѣмецкой Бауценской газеты на помѣщеніе политическихъ статей. Лишь только узнавъ о томъ Смолляръ (онъ находился тогда въ Лейпцигѣ и занимался тамъ изданіемъ переданныхъ ему въ 1846 г. Йорданомъ «Slawische Jahrbücher»), онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Будышинъ и поселился тамъ окончательно. Онъ принялъ отъ Зейлера редакцію «Тыдженской Нѣвинны», имѣвшей тогда 221 подписчика, увеличилъ ее объемъ (вмѣсто полулиста въ недѣлю сталъ выдавать цѣлый листъ) и пустилъ 1000 оттисковъ на показъ по вѣсѣмъ Сербско-Лужицкимъ деревнямъ. Его другъ Имишъ взялся распространить газету: ходилъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ, пристыжалъ Сербовъ, которые ничего не читали по-Сербски, показывалъ листокъ, гдѣ могли на своемъ же языкѣ узнать, что на свѣтѣ дѣлается, и какія гдѣ цѣны стоятъ, и какой когда хлѣбъ выгоднѣе сѣять и что потѣшнаго рассказываютъ въ городѣ. Число подписчиковъ быстро удвоилось, утроилось. Въ это время со вѣсѣхъ сторонъ и на вѣсѣ правительства Германіи сыпались прошенія, «петиціи». Въ собраніи «Матицы» рѣшено было составить и Сербскую «петицію». Имишъ съ Смолляромъ и другими сочинили ее и разослали множество оттисковъ на подписаніе во вѣсѣ приходы. Собралось нѣсколько тысячъ подписей. 25 Юля (1848) явилась въ Дрезденъ съ этимъ прошеніемъ Сербская депутація, 16 человекъ, духовныхъ Протестантскихъ и Католическихъ, учителей и селянъ. Общее содержаніе прошенія было:

«Зо бы Сербска рычь въ Сербахъ «Чтобы Сербская рѣчь въ Сербрунѣ то само право мѣла, которе-жь ма Нѣмска рычь въ Нѣмцахъ, а то вособнѣ въ шулахъ, цырквяхъ, прѣдъ (*) вышносѣнени (**) а прѣдъ судомъ.»

«Чтобы Сербская рѣчь въ Сербской землѣ ровно то самое право имѣла, которое имѣеть Нѣмецкая рѣчь въ Нѣмецкой землѣ, а именно въ школахъ, церквахъ, передъ властями и передъ судомъ.»

(*) Прѣдъ — читайте пшедь.

(**) Читайте почти какъ бы «вышпосѣнени»: знакомъ ѣ обозначаю, по примѣру южныхъ Сербовъ, *m* смягчаемое и приближающееся къ звуку мягкаго ч.

Кому подать просьбу? Двѣ стороны тягались тогда въ Дрезденѣ, какъ и во всей Германіи: сторона королевская, министерская и сторона сейма. Сеймъ хотѣлъ забрать въ руки всю власть; министерство отстаивало права короны. Всѣ безъ исключенія просьбы Нѣмецкаго народонаселенія шли къ сейму, отъ котораго ждали всѣхъ благъ земныхъ. Сербская депутація отправилась къ министерству, всѣми оставленному. Удовольствіе Короля было великое. Депутацію приняли при дворѣ со всѣми возможными почестями. Король лично разговаривалъ съ каждымъ изъ членовъ ея и отпустилъ ихъ съ самыми положительными обѣщаніями.

Между тѣмъ Смоларь, Пмишь и друзья ихъ продолжали дѣйствовать дома въ смыслѣ народности. Опасно было, чтобы при всеобщемъ разгарѣ германизма, Сербы-Лужичане не были имъ задавлены и поглощены. Но, слѣдуя своимъ руководителямъ, они стали крѣпко подъ знаменемъ своей Славянской народности. Какъ въ Нѣмецкихъ городахъ учреждались политическія собранія, такъ въ Будышинѣ учредилось Сербское собраніе («гловные Сербске товариство»), и въ каждомъ приходѣ образовались подчиненныя ему общества; каждое имѣло своего предѣдателя, своего секретаря, свои безсмѣнные комитеты (Ausschüsse или, какъ Сербы хорошо говорятъ, *выборки*). Чувство народности и ея внутренней самобытности разливалось по всей массѣ поселянъ. Всякими наружными знаками, патриотическими пѣснями, разноцвѣтными флагами, надписями и т. п., — какъ дѣлалось тогда на всемъ Западѣ, — провозглашали Сербы это чувство.

Важный вопросъ занималъ между тѣмъ Саксонскую Лузацію. Лузація, бывъ въ старину отдѣльнымъ маркграфствомъ и имѣя другой коренной законъ престолонаслѣдія, чѣмъ остальная Саксонія (*), пользовалась правомъ обсуждать свои мѣстные дѣла на особомъ сеймѣ, который составлялся изъ владѣтелей такъ называемыхъ «рыцарскихъ» помѣстій (Rittergutsbesitzer), т. е. аристократическаго сословія и городскихъ представителей. Уничтожить ли эту особность Лузаціи или нѣтъ? Вотъ что занимало тогда весь край! Сторона германистовъ и демократовъ, стремясь подвести все подъ одинъ уровень и искоренить учрежденія, напоминавшія о древнемъ феода-

(*) Лузація принадлежитъ собственно къ Богемской коронѣ и уступлена только властвующему нынѣ въ Саксонскомъ королевствѣ дому: если прямая линія Саксонскихъ королей вымретъ, то она должна опять отойти къ Богеміи.

лизмъ и поддерживавшія раздробленность Германіи, требовала закрытія провинціального сейма. Къ усиленію ихъ рвенія не мало содѣйствовалъ и капиталъ въ полтора милліона талеровъ, который принадлежалъ Лузацкимъ чинамъ и который сдѣлался бы тогда « народною собственностью » (Nationalgut) всей Саксоніи и перешелъ бы въ распоряженіе ихъ партіи. Для Сербовъ за то дѣло было бы невыгодное. Содержаніе Будышинской семинаріи, разныхъ школъ и тюремъ, и другія издержки, которыя покрывались доходами съ этого капитала, пали бы на счетъ общинъ ; впрочемъ для нихъ это было не главнымъ расчетомъ. Они предвидѣли, что торжество централизаціи будетъ для ихъ народности смертельнымъ ударомъ, что Франкфуртская партія, которой они отдадутся при потерѣ областной особенности, станетъ ихъ безпощадно онѣмечивать. Они и сдѣлались усердными поборниками мѣстнаго сейма : умѣли убѣдить Лузацкое « рыцарство » (*), изъ котораго главнымъ образомъ состоялъ сеймъ, что для него, для этого рыцарства, среди волненій демократическихъ, лучшая опора — сочувствіе Сербскаго простаго народа. Предсѣдатель сейма и старшина Лузацкаго « рыцарства » (Landesältester) фонъ-Тялау взялся сдѣлать рѣшительный шагъ и отъ имени сейма пригласилъ сельскія общины Лузаціи въ немъ участвовать, въ лицѣ избранныхъ представителей. Надѣясь на Сербовъ болѣе, чѣмъ на Нѣмцевъ, онъ предложилъ, чтобы число депутатовъ было соразмѣрно съ числомъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, а не съ поголовнымъ счетомъ народонаселенія : дѣло въ томъ, что Славянскія общины въ Лужицахъ, оставшіе еще при старинномъ распредѣленіи, были гораздо мельче, но за то многочисленнѣе Нѣмецкихъ, между которыми въ послѣднее время часто двѣ-три общины сводились въ одну. Перевѣсъ Сербовъ на сеймѣ былъ великъ. Руководители ихъ не забыли заранѣе изготовить и распространить между ними на Сербскомъ языкѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о дѣлахъ области, о капиталѣ ея и т. д. ; а Нѣмецкихъ поселянъ призывъ на сеймъ засталъ врасплохъ. Провинціальная особенность Лузаціи была обезпечена, Сербы имѣли

(*) Рыцарствомъ я называю преимущественно сословіе владѣтелей такъ называемыхъ « рыцарскихъ маіоратовъ » (Rittergüter) : оно именно осталось въ Германіи послѣднимъ представителемъ и преемникомъ средне-вѣковаго феодализма, средне-вѣковыхъ рыцарей и бароновъ, хотя теперь во многихъ частяхъ Германіи (въ томъ числѣ и въ Саксоніи), для права владѣть такими помѣстьемъ уже не требуется рыцарское, « благородное » происхожденіе.

голосъ въ дѣлахъ своего края, а рыцарскому сословію сохранено было древнее преимущество быть главными распорядителями областного сейма и всего, что отъ него зависѣло. Между Сербами-поселенцами и этимъ сословіемъ все болѣе и болѣе укрѣплялась связь и взаимное благоволеніе. Разумнымъ съ обѣихъ сторонъ образомъ дѣйствія, при полезныхъ мѣрахъ Дрезденскаго правительства, окончательно отстранены были послѣ 1848 г. всѣ причины неудовольствія между представителями стараго завоевательнаго феодальнаго сословія и потомками покоренныхъ Славянъ, обработывавшихъ распределенную между рыцарями землю. Извѣстно, что съ 1806 года, съ того времени, какъ Наполеонъ довѣлъ Германію до самаго страшнаго униженія, началось въ ней преобразование стараго порядка вещей. Рыцарь лишился права на личность своего подданнаго, который остался обязаннымъ работникомъ на его землѣ: подданный имѣлъ *usufructum*, т. е. пользованіе отведеннымъ ему участкомъ признававшейся во владѣніи рыцаря земли и не могъ быть съ нея согнанъ, а за то обязанъ былъ къ извѣстнымъ работамъ, поставкамъ и платежамъ въ пользу рыцаря. Съ 1817 года Пруссія начала отмѣнять эти такъ называемыя «*Robotten*», т. е. повинности поселенъ, выкупая ихъ вознагражденіемъ для рыцарей. Въ 1831 — 1833 г. Саксонія рѣшилась на то же. За основаніе, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Саксоніи, было принято, что повинности, которыя лежали на землѣ поселенца въ пользу рыцаря, составляютъ капиталъ, соответствующій половинѣ стоимости самой земли. Если, напримѣръ, прежній подданный рыцаря имѣлъ землю, стоющую по оцѣнкѣ 400 талеровъ, то ему давалось на выборъ, или заплатить рыцарю 200 тал. и остаться полнымъ хозяиномъ своей земли, или уступить половину ея рыцарю, а другою половиною владѣть безобязанно. Хлѣбопашцамъ такое условіе показалось тяжело, они почти всѣ имѣли нужду въ цѣломъ участкѣ, изъ котораго изстаря извлекали себѣ пропитаніе (такъ что въ Саксоніи уступка половиною части земли была даже признана невозможною), а вдругъ значительной суммы для расплаты имъ неоткуда было взять. Правительство отстранило затрудненіе къ обоюдной выгодѣ рыцарей и подданныхъ: оно приняло на себя долгъ послѣднихъ и выдало рыцарямъ за должную имъ сумму облигаціи государственнаго банка, приносящія по 3, 3½, и 4 процента, до выплаты капитала, а поселенцамъ открыло возможность погасить всю капитальную сумму

долга ежегоднымъ взносомъ 4 процентовъ въ продолженіе 55 лѣтъ, предоставляя имъ при томъ право во всякое время уплатить остающуюся до истеченія этого срока въ долгу часть капитальной суммы. Дѣло было почти окончено уже до 1848 г.; но все еще оставались нѣкоторые поводы къ непріятнымъ столкновеніямъ. Земля поселанина, хотя и выкупленная, все-таки признавалась въ основаніи принадлежащею рыцарю, и при каждой перемѣнѣ владѣльца (при смерти и отчужденіи), платилось рыцарю съ нея 5 процентовъ по оцѣнкѣ; не отмѣнены еще были разные мелкіе денежныя сборы въ пользу рыцаря, сборы, которыхъ въ прежнее время считалось въ Лужицахъ до 100 наименованій, и которые тогда въ общей сложности нерѣдко превышали вятеро казенную подать. Такіе остатки старины все еще раздражали земледѣльца противъ прежняго феодальнаго господина. При сближеніи обонхъ сословій на провинціальномъ сеймѣ 1848 г. всѣ эти мелочи были уничтожены съ обоюднаго согласія и съ вознагражденіемъ той стороны, которая при этомъ терпѣла убытокъ, и искорененъ былъ всякій поводъ къ зависти и гнѣву однихъ, къ опасеніямъ другихъ.

За то болѣе и болѣе увеличивалось раздвоеніе между Сербами и противоположною Нѣмецкому дворянству партіею Нѣмецкихъ горожанъ и селянъ, которая совершенно увлечена была демократическимъ порывомъ. Въ той же мѣрѣ усиливалось между Сербамъ чувство приверженности къ законной власти. Вспыхнулъ Дрезденскій мятежъ: ни одинъ Сербъ въ немъ не участвовалъ; единственный Саксонскій полкъ, въ которомъ не явилось никакого колебанія въ вѣрности Королю, былъ полкъ, набранный въ Сербскихъ селеніяхъ. За то, когда мятежъ былъ съ кровопролитіемъ подавленъ, Сербы не испытали на себѣ тяжести наступившей реакціи; теперь-то напротивъ, при водвореніи тишины; воспользовались они плодами своей твердости и благоразумія. 29 Августа 1849 пришелъ изъ Дрезденскаго министерства приказъ, удовлетворившій ихъ просьбамъ 1848 года. Постановлено было: 1) чтобы въ низшихъ (элементарныхъ) школахъ, гдѣ большинство дѣтей — Сербское, ученіе производилось по Сербски, а гдѣ меньшинство, то чтобы Сербовъ учили по крайней мѣрѣ читать и писать на ихъ языкѣ, и имъ по Сербски преподавали Законъ Божій; 2) чтобы пасторы и чиновники, назначавшіеся въ Сербскую землю, непременно знали по Сербски; 3) чтобы судъ производился для Сербовъ на ихъ языкѣ, и всѣ

законы и распоряженія правительства объявлялись имъ по Сербски.

Въ числѣ этихъ постановленій было еще одно весьма замѣчательное, и надобно объяснить его поводъ. Оно показываетъ, до какой степени Сербъ-простолюдинъ дорожить своею народностью. Еще въ 1847 г. пришелъ къ Смолару простой поденщикъ, по имени Швудракъ, возвратясь домой изъ Дрездена съ работы. Онъ слыхалъ объ Смоларѣ, какъ объ заступникѣ всего Сербскаго. Онъ излилъ передъ нимъ горькія жалобы, что долго жилъ въ Дрезденѣ и не могъ даже помолиться порядкомъ, что тамъ нѣтъ Сербскаго богослуженія. «Нашихъ тамъ множество, говорилъ онъ, мужчинъ въ работникахъ, женщинъ въ нянькахъ и служанкахъ, въ одномъ Остринскомъ предмѣстьи будетъ человекъ 70 Сербовъ, и все это живетъ, точно поганые, въ церковь не ходитъ. А коли бы къ намъ въ Дрезденъ (въ *Дражджаны*, какъ говоритъ Сербъ,) отъ времени до времени пріѣзжалъ изъ дому пасторъ и служилъ намъ по Сербски обѣдню, то всякій изъ насъ готовъ дать за каждую службу по 2, пожалуй, и по 4 гроша (6 или 12 копѣекъ сер.)....»

Пфуль, жившій въ Дрезденѣ, сталъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ. И вотъ, вмѣстѣ съ приведенными выше постановленіями, министерство разрѣшило, чтобы 3 раза въ годъ пріѣзжалъ въ Дрезденъ священникъ для проповѣди и совершенія требъ на Сербскомъ языкѣ; оно назначило для этого прекрасную церковь (такъ наз. *Kreuzkirche*) и даже приняло на себя издержки, а вскорѣ послѣдовало подобное распоряженіе въ пользу живущихъ въ Дрезденѣ Сербовъ Католиковъ.

Такимъ образомъ въ 1849 — 1850 г. Сербо-Лужицкая народность достигла полного, оффиціального признанія въ Саксонскомъ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ взаимное довѣріе сословій, которыя не мѣшали другъ другу развивать свою дѣятельность и предприимчивость, привело къ небывалому прежде благосостоянію. Общества сельскаго хозяйства, дотолѣ почти бесполезныя, потому что классъ земледѣльцевъ ихъ чуждался, процвѣли удивительно, когда произошло совершенное сближеніе рыцарей съ селянами. Потомки феодальныхъ владѣтелей-наѣздниковъ сдѣлались теперь передовыми вождями народа въ смиренныхъ завоеваніяхъ прикладной науки. Всякая новая мысль по части сельскаго хозяйства ими первыми испытывается, всякое полезное открытіе или первымъ принимается на ихъ собственныхъ

земляхъ и передается ихъ бывшимъ подданнымъ, а нынѣ сосѣдямъ-пріятелямъ. Соревнованіе сдѣлалось общимъ.

«Нѣтъ у насъ теперъ, говорилъ мнѣ Смоляръ, ни одного селянина—
«землевладѣльца который бы не былъ членомъ общества сельскаго хо-
«зяйства. Съ тѣхъ поръ, какъ устроилось дѣло поземельнаго выкупа,
«продолжалъ мой повѣствователь, благосостояніе нашихъ Сербовъ воз-
«расло неимоვნно. Сосѣди-Нѣмцы съ завистью смотрятъ на наши села.
«У насъ не принялись тѣ демократическія и социалистическія на-
«чала, которыя сбѣютъ у нихъ раздоръ и мѣшаютъ людямъ думать
«объ истинно-полезныхъ и дѣльныхъ вещахъ. Внутреннее согласіе
«и при томъ природная склонность нашихъ Славянъ къ хлѣбопашеству
«сдѣлали изъ Сербскіихъ Лужицъ нашихъ самый богатый край во
«всемъ околоткѣ. На то есть и поговорки и у нашего народа, и у
«Нѣмцевъ: «вопъ со сміе яко Нѣмецъ на тыканць» — онъ
«смѣется, ухмыляется, какъ Нѣмецъ передъ пирогомъ, — говорить
«нашъ селянинъ, и Нѣмецъ оправдываетъ его поговоркою: «Gott
«verlässt einen Deutschen nicht, er lässt ihn eher ins Wendische
«betteln gehen», т. е. что «Богъ не покинетъ Нѣнца, онъ его
«отправитъ въ Сербскій край собирать милостыню»... Съ тѣхъ
«поръ, какъ сталъ досугъ *учиться* сельскому хозяйству, нашъ
«простолудинъ, котораго прежде считали лѣнтяемъ и пьяницею,
«сдѣлался рѣшительно первымъ земледѣльцемъ во всей странѣ. Его
«приглашаютъ теперь подъ Дрезденъ, какъ руководителя, гдѣ заво-
«дятъ образцовое сельское хозяйство, платятъ ему большія деньги.
«Земля, которая у насъ во время выкупа стоила 400 талерозъ,
«нынѣ цѣнится по меньшей мѣрѣ въ 4000. Вы не повѣрите
«такому приращенію, прибавлялъ Смоляръ, но оно дѣйствительно
«такъ: и земля, оставшаяся во владѣніи рыцарей, и земля, вы-
«купленная у нихъ, поднялась съ тѣхъ поръ въдесятеро, это у насъ
«принимается среднимъ числомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется,
«все улучшилось. Кто видѣлъ домашній бытъ нашихъ селянъ
«тому назадъ лѣтъ 15 или 20, и посмотритъ на нихъ теперъ,
«тотъ не узнаетъ, что это тотъ же народъ. Грубыя домашнія
«ткани замѣстило хорошее сукно, ситецъ и шелкъ; гдѣ въ избѣ
«стояла голая скамья да простой столъ, тамъ теперъ удобная сто-
«лярная мебель; рессорная бричка изгоняетъ у простыхъ хлѣбо-
«пашцевъ старинную телѣгу; нерѣдко видно фортепьяно въ избѣ,
«гдѣ не такъ давно была лишь родная «гуся.» Пьянство исче-

« заеть; многіе изъ нашихъ Сербовъ, не дождавшись и трети срока, « съ которымъ погашается ихъ поземельный долгъ, уплатили разомъ « всю остальную сумму, чтобы ничего уже не тяготѣло на ихъ « землѣ. »

Довольные своимъ положеніемъ, Саксонскіе Сербы по справедливости считаются самыми смиренными, самыми преданными правительству членами государства. Съ какою радостью принимаютъ они всѣ тѣ знаки благоволенія къ ихъ Сербской народности, которые правительство не перестаетъ имъ оказывать! Въ 1850 г. прибылъ въ Будишинъ губернаторомъ наслѣдный принцъ Альбрехтъ, и вдругъ пронесся по всему Сербскому краю слухъ, что къ принцу ходитъ Смоляръ, что ихъ будущій Государь учится по Сербски. И дѣйствительно, Смоляръ былъ приглашенъ давать ему уроки, и черезъ нѣсколько времени принцъ Альбрехтъ могъ уже, встрѣчаясь съ простолудиномъ, по Сербски съ нимъ поздороваться и кое о чемъ потолковать. « Какъ, говорили Сербы, нашъ языкъ былъ въ загонѣ; « его называли грубою, мужицкою рѣчью, а теперь наслѣдный принцъ « ему учится! Видно, мы не такой еще отверженный народъ, хоть и « не много насъ.... »

Въ 1853 г. праздновалась въ Дрезденѣ свадьба того же принца Альбрехта. Особая депутація поѣхала съ поздравленіемъ отъ лица Сербовъ. Смоляръ сочинилъ въ честь новобрачныхъ Сербскій сонетъ, его напечатали золотыми буквами, собрали къ этому поэтическому адресу тысячи Сербскихъ подписей и представили Альбрехту и его супругѣ. Смоляръ говорилъ принцу Сербскую рѣчь, принцъ отвѣчалъ также по Сербски. Молодая (принцесса изъ дома Ваза) внимательно слѣдила за ихъ словами, прислушивалась, и вдругъ сама вступила въ разговоръ: « ахъ, вѣдь я понимаю чуть ли не каждое « слово! И я скоро, пожалуй, заговорю съ вами по Сербски... Вотъ « это слово значитъ то-то, а это слово то-то? » « Представьте себѣ радость нашихъ Сербовъ », говорилъ мнѣ Смоляръ. Дѣло въ томъ, что принцесса долго жила въ Морави и нѣсколько научилась тамошнему Славянскому языку; оттого рѣчь Сербовъ казалась ей такъ понятною. Тѣ же самые восторги повторились опять, когда принцъ Альбрехтъ пріѣхалъ въ Будишинъ « представить » свою жену тамошнему краю (въ 1854 г.). Пошли снова Сербскія поздравительныя рѣчи, Сербы обѣдали у принца, былъ Сербскій концертъ на Чернобогѣ, на главной горѣ Сербо-Лужицкой земли...

Ученая и письменная дѣятельность также развивается у Сербовъ. Съ 1851 года учреждена кафедра Сербскаго языка при Будышинской гимназіи. Смоляръ, который нѣкогда мальчикомъ вздумалъ учить товарищей по Сербски изъ опасенія, что и они, и самъ онъ позабудутъ свой языкъ, теперь преподаетъ его наукообразно всѣмъ находящимся въ гимназіи Сербскимъ уроженцамъ; и при этомъ онъ старается дать имъ, на сколько возможно, понятіе и о другихъ вѣтвяхъ Славянскихъ. Объ изданіяхъ «Матицы» Будышинской я уже сказалъ. Сербо-Лужицкая газета идетъ удивительно. Вообразите себѣ, газета имѣетъ теперь 1200 подписчиковъ на 90,000 душъ, считая женщинъ и дѣтей (*). Въ 1854 г. Смоляръ вздумалъ напечатать въ первый разъ календарь на Сербскомъ языкѣ. До того времени Сербы должны были покупать Нѣмецкіе календари. Напечаталъ онъ для перваго опыта 1000 экземпляровъ, приспособивъ календарь къ потребностямъ своей сельской публики. 1000 экземпляровъ раскупили на расхватъ, и не достало: Смоляръ тиснулъ тотчасъ другую тысячу, и ту раскупили. По этой пропорціи, у насъ въ Европейской Россіи мало бы было милліона экземпляровъ.

Послѣдняя новость у Сербовъ-Лужичанъ—начатое въ нынѣшнемъ году изданіе полнаго Верхне-Лужицкаго Словаря. Этотъ Словарь, я сказалъ, составляется уже нѣсколько лѣтъ молодымъ Сербскимъ дѣятелемъ, Пфулемъ, съ помощію многихъ усердныхъ собирателей словъ и подъ покровительствомъ Сербской «Матицы». Словарь былъ уже почти полонъ и готовъ, но не знали, гдѣ найти средства издать его. Наконецъ, въ ноябрѣ 1855 г., сеймъ Лузацкихъ чиновъ пожертвовалъ на это 300 талеровъ, другіе 300 даетъ «Матица», и съ этимъ можно уже приступить къ печатанію. Есть надежда, что еще въ нынѣшнемъ году выйдетъ первая часть этого труда, который такъ прекрасно свидѣтельствуетъ о вниманіи Сербовъ-Лужичанъ къ родному языку и не только принесетъ пользу ихъ письменности, но будетъ важнымъ приобрѣтеніемъ для обще-Славянской науки.

(*) Къ сожалѣнію, кругъ ея читателей ограничивается только Верхне-Лужицкими Сербами. Не смотря на то, что она могла бы быть понятна и Нижнимъ Лужичанамъ (потому что различіе нарѣчій не велико), Нижніе Лужичане чуждаются ея и вообще, къ несчастію, почти не участвуютъ еще въ умственномъ движеніи Сербовъ Верхне-Лужицкихъ. Впрочемъ объ этомъ у насъ рѣчь впереди.

Я написалъ Вамъ предлинный разсказъ про то, что происходило въ безвѣстности, въ маленькой смиренной землицѣ, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ. Не взыщите за множество мелкихъ подробностей, которыми я успѣлъ Вамъ наскучить. Кругъ Сербо-Лужицкаго движенія такъ малъ, что въ этихъ мелочахъ состоитъ почти вся его исторія. Не забудьте, что пространство всей земли Сербо-Лужицкой не больше одного уѣзда въ любой Россійской губерніи, и что цѣлый народъ Сербовъ-Лужичанъ не превышаетъ числомъ населенія какого-нибудь второстепеннаго города, какъ Варшава или Гамбургъ. При всемъ томъ, я увѣренъ, что Вы съ уваженіемъ и сочувствіемъ взглянете на эту крохотную землю и крохотную дѣятельность ея народа. Относительно къ сферѣ, въ которой она заключена, и къ средствамъ, которыми располагаетъ, дѣятельность эта велика: она чиста и благородна. Любопытно видѣть, что могутъ сдѣлать три-четыре человѣка, когда Богъ внушитъ имъ мысль, которая должна за тѣмъ стать мыслию народною. Зейлеръ, Смоляръ, Мѹжикъ, молодые люди безъ денегъ, безъ средствъ, безъ покровительства и значенія, возбудили къ самосознанію, вызвали къ умственной дѣятельности цѣлый народъ, который прежде спалъ глубокимъ сномъ, не зная себя и никѣмъ не знаемый, народъ малый, правда, и въ политикѣ ничего не значащій, но который съ тѣхъ поръ показалъ, что и онъ имѣетъ право жить своимъ умомъ и развиваться. Да, исторія Лужицкихъ Сербовъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ, при всей крохотности ея размѣровъ, явленіе примѣчательное въ наше время: она живое свидѣтельство, какъ сильна въ наше время въ Славянскомъ племени мысль о народности, какъ сильно стремленіе къ внутренней самобытности, какъ сильна потребность развитія. Кто бы подумалъ, что эта мысль и это стремленіе овладѣютъ и горсткою земледѣльцевъ, затерянныхъ, точно островокъ Славянскій, между Нѣмцами, забывшихъ про свою Славянскую братію и про собственную исторію, помнящихъ только свой языкъ да свои пѣсни?...

Народное движеніе Сербо-Лужицкое, о которомъ я Вамъ разсказывалъ, главнымъ образомъ происходило въ Саксоніи. Сербы Верхне-Лужицкаго племени въ Прусскихъ владѣніяхъ также участвуютъ въ этомъ возрожденіи. Хотя ихъ народный языкъ не имѣетъ тамъ такого полнаго оффиціального признанія, какъ въ Саксоніи, и сами они гораздо бѣднѣе Саксонскихъ Сербовъ (причина тому въ почвѣ ихъ

края) (*), однако чувство народности у нихъ возбуждено постояннымъ общеніемъ съ ихъ соплеменниками въ Саксоніи. Извѣстно, что они до постановленій Вѣнскаго конгресса (1815 г.) принадлежали Саксоніи; давнишняя связь до сихъ поръ не разорвана новою политическою границею, и главнымъ нравственнымъ средоточіемъ Прусской Верхней Лузаціи все еще остается, какъ въ старину, Будышинъ. Примѣромъ можетъ служить деревня Лазъ, о которой я такъ часто упоминалъ, гдѣ родился и много времени провелъ Смяляръ, гдѣ живетъ Зейлеръ и гдѣ долго составлялась «Тыжденьска Нѣвина»: она лежитъ въ Прусскихъ владѣніяхъ, а дѣятельность, изъ нея исходившая, проявлялась преимущественно въ Саксонскихъ Лужицахъ, въ Будышинѣ. Юноши изъ Прусскихъ Верхнихъ Лужицъ поступаютъ обыкновенно въ Будышинскую гимназію; большая часть молодыхъ пасторовъ, получающихъ тамъ приходы, или родомъ изъ Саксонскихъ Лужицъ, или въ ней образовались: всѣ они проникнуты любовью къ Славянству и усердно хранятъ его въ своихъ паствахъ. Теперь вся пограничная съ Саксоніею полоса Прусскихъ Лужицъ уже перешла въ попеченіе такихъ священниковъ: Берганъ пасторомъ въ Ждарахъ (по Нѣмецки Gross-Särchen), Зейлеръ въ Лазъ (Lohsa), Зоммеръ въ Вуѣздѣ (Uhyst) и друг. Совѣтъ не то положеніе другой части Сербо-Лужицкой земли, принадлежащей Пруссіи, именно, Нижнихъ Лужицъ. Сюда почти не проникло вліяніе того, что дѣлается у Саксонскихъ Сербовъ; народъ ничего не знаетъ о своей Верхне-Лужицкой братіи, чуждается книгъ, которыя тамъ издаются, хотя могъ бы вполне понимать ихъ, при всемъ различіи нарѣчій. Онъ до сихъ поръ остается чуть ли не въ такомъ же умственномъ оцѣпенѣніи, въ какомъ былъ за 30 или за 40 лѣтъ передъ симъ; мало людей заботилось о народности Сербской въ Нижнихъ Лужицахъ. Если назовемъ Шиндлера, издателя Новаго Завѣта, и Цвара, составителя Словаря Нижне-Лужицкаго, которые оба уже умерли, а изъ живыхъ Брѣниша и Штемпеля, (всѣ четверо Протестантскіе пасторы), то едва ли найдется еще кто-нибудь. Но не много пользы могутъ они принести, при равнодушіи народа, при бѣдности собственныхъ средствъ, при противодѣйствіи многихъ недоброжелателей и враговъ Славянской народности. Мѣст-

---

(*) Земля ихъ состоитъ большею частью изъ бесплодной *голы*, о которой я уже говорилъ.

ная власти и значительная часть духовенства усердно принимаютъ въ Нижнихъ Лужицахъ ту теорію систематической германизации, которая господствуетъ въ Силезіи и Познанскомъ герцогствѣ. Еще въ послѣднее время прекращено въ нѣсколькихъ приходахъ Нижнихъ Лужицъ Сербское богослуженіе (въ Старой Дарбнѣ, Alt-Döbern, съ 1814 г.; въ Прицѣ, Pritzen, съ 1825; въ Викахъ, Petershain, съ 1842 г.; около того же времени въ Лазѣ — другомъ, чѣмъ Верхне-Лужицкій Лазъ, — Lase, въ Жарновѣ, Sorpo, и др.), и первыя два селенія уже совершенно отмѣчались; также еще въ нынѣшнемъ столѣтіи отмѣчено много селеній на противоположномъ (восточномъ) краю Нижнихъ Лужицъ, въ Жаровскомъ округѣ (Kreis Sorau), именно: Барщъ (Forsta), Тшесойцы (т. е. Трасовицы, по Нѣм. Schecksdorf), Божемышлье (Bademäusel), Трѣбулье (Triebl), и почти уже Роговъ (Hogno) и Кольскъ (Gross-Költzig).

«Во многихъ изъ этихъ отмѣченныхъ селеній, говоритъ Верхне-«Лужицкій писатель Іенчъ (*), можно еще тамъ и сямъ услышать «отъ стариковъ кое-что по Сербски, а молодые люди большею частію «уже и не понимаютъ Сербскаго языка. Только имена деревень, полей и «семей, старыя надписи и рукописи въ церквахъ, всякіе старыя Сербскіе «обычаи и нѣкоторыя обиходныя выраженія, свидѣтельствуютъ, что «тутъ недавно жили Сербы. Къ сожалѣнію, продолжаетъ онъ, селе- «нія эти отличаются также довольно часто большимъ развращеніемъ «нравовъ (demoralisaciu), которое не преминетъ развиться, коль скоро «отнимутъ у народа его священнѣйшія блага, рѣчь и народность»....

«Въ 1848 г. (я все выпиываю у Іенча) уже только Хотъ- «бузскій и Гродковскій округи (Kreis Kotbus, Kreis Spremberg) «были въ цѣлости Сербскіе. Въ нихъ всѣ селенія Сербскія и потому «во всѣхъ приходскихъ церквахъ, къ которымъ приписаны Сербы (**),

(*) Въ прекрасной статьѣ «Судьбы Сербской рѣчи и народности» (Стависки Сербскій рыче а народносће), напечатанной въ «Часописѣ» Матицы. Я соображался съ этою статью въ началѣ своего разсказа, но не могъ изъ нея много извлечь, потому что Іенчъ кончаетъ тамъ, гдѣ я собственно начинаю, т. е. 1838 годомъ, основаніемъ Сербскаго общества при Будышпнской гимназій. Дальше онъ не пошелъ въ исторіи Верхне-Лужицкаго движенія потому, вѣрно, что живетъ среди всѣхъ дѣятелей этой исторіи. Что касается Нижнихъ Лужицъ, то онъ довелъ свое повѣствованіе до 1849 г., и имъ-то я могъ здѣсь руководствоваться.

(**) Есть, особенно въ городахъ, церкви для Нѣмецкихъ жителей, и въ нихъ, разумеется, служатъ по Нѣмецки.

«еще проповѣдуютъ по Сербски, и во многихъ школахъ еще по крайней мѣрѣ Христіанское вѣроученіе преподается Сербскимъ дѣтямъ по Сербски. Кроме того, Сербы живутъ еще на краю Жаровскаго и въ большой части Калавскаго округа. Въ Жаровскомъ округѣ, сколько мнѣ извѣстно, уже ни въ одной церкви не проповѣдуютъ по Сербски, хотя это было бы еще нужно особенно въ Роговѣ и Кольскѣ. Въ Калавскомъ округѣ еще въ осьми селеніяхъ богослуженіе совершается по Сербски, но только въ Зломѣ Коморовѣ (Senftenberg), въ Тшенцѣ (Steinitz) и въ Вѣтошовѣ (Vetschau) каждую недѣлю, а въ Лутахъ (Laute), въ Великомъ Ранѣ (Gross-Räschen), въ Малинѣ (Greifenhain) и въ Колковцахъ (Kalkwitz) обыкновенно только одинъ разъ въ восемь недѣль, въ Любновѣ (Lübbenau) каждыя двѣ недѣли».

«Зо буђе (*) со прѣ (**) тайнимъ шпатнымъ робстараню Сербскаго люда, богужель. тежъ въ тутыхъ послѣднихъ Сербскихъ восадахъ Сербска рычъ а народносѣ (***) снадно гижомъ за нѣкотре ѣсаһъ лѣтъ згубиһъ, и (***) яра къ вѣрн подобно. Бѣгъ хцылъ тегодля ббрзы тежъ дельнимъ Сербамъ свѣрныхъ ѣѣлаѣерјовъ вубуѣиһъ, млодыхъ а рыхлыхъ Сербскихъ вѣтчинцовъ, ки-жъ быху зѣержеһъ пытали, што-жъ гиһе къ зѣерженю и, а засо тварили а позбѣгныли, што-жъ и суровосѣ и прѣѣелјовъ Сербскен рыче а народносѣ въ придавшихъ часахъ поторгаһъ, вутупиһъ а заничиһъ пытала».

«Что при такомъ дурномъ печеніи о Сербскомъ народѣ, къ сожалѣнію, также въ сихъ послѣднихъ Сербскихъ поселеніяхъ Сербская рѣчь и народность легко исчезнетъ уже черезъ какія-нибудь десять лѣтъ, это весьма вѣроятно. Дай же Богъ поскорѣе также и нижнимъ Сербамъ належащихъ дѣятелей, молодыхъ и бойкихъ Сербскихъ «отчинцевъ» (т. е. патриотовъ), которые старались бы поддержать то, что еще можетъ быть поддержано, и воскресили бы и воздвигнули то, что жестокость непріятелей Сербской рѣчи и народности въ минувшія времена пыталась расторгнуть, попраить и уничтожить».

(*) Чит. будже.

(**) Чит. шш.

(***) Чит. народносѣ, дъжесятъ.

(****) Чит. е (мягко), какъ бы је. Вообще же о Сербо-Лужицкомъ произношеніи см. мой P. Script. на слѣдующей страницѣ.

Изъ этихъ словъ Вы уже видите, до какой степени судьба Нижне-Лужицкихъ Сербовъ озабочиваетъ ихъ дѣятельнѣйшихъ соплеменниковъ въ Саксоніи. Но есть надежда, что не всѣ ихъ опасенія сбудутся, и что съ 1849 года настала и у этихъ Славянъ пора народнаго пробужденія. Въ 1849 г. нѣкоторые изъ людей высшаго класса въ Нижнихъ Лужицахъ, поборники консерватизма, рѣшились издавать по Сербски газетный листокъ для поселянъ: имъ дѣла не было до народности, и они отстраняли отъ себя этотъ вопросъ; но они хотѣли противодѣйствовать распространенію демократическихъ началъ между простонародьемъ, и чтобы найти въ немъ читателей, по неволѣ должны были взять его языкъ. Къ сожалѣнію, листокъ этотъ составляютъ люди, плохо знакомые со вкусомъ своей Славянской публики, и потому онъ имѣетъ немного подписчиковъ; но все же онъ держится уже седьмой годъ, и мало-по-малу пріучаетъ поселянъ къ чтенію на ихъ языкѣ: можетъ-быть изъ этого маленькаго начала со временемъ разовьется бѣльшее. Въ томъ же 1849 году ученики Хотѣбузской гимназіи, Сербскіе уроженцы, основали общество для упражненія въ родномъ языкѣ и для поддержанія его въ своемъ кругу. Общество это въ родѣ того, которое основалъ Мѹжикъ-Клосопольскій при Будишинской гимназіи въ 1838 г. Дай Богъ, чтобы оно принесло такую же пользу: чтобы изъ него, какъ прежде изъ общества Будишинскаго, вышли тѣ первые «молодые и бойкіе Сербскіе отчинцы (патріоты)», о которыхъ Генчъ, уже увѣренный въ жизненности Славянства Верхне-Лужицкаго, молить теперь для Нижне-Лужицкой братьи (*):

А. Гильфердингъ.

Февраль 1856.

Р. S. Я выписалъ въ двухъ мѣстахъ по нѣскольку строкъ на Верхне-Лужицкомъ Сербскомъ языкѣ Русскими буквами, чтобы

(*) Читатели наши конечно обратятъ вниманіе на эту крайне замѣчательную статью о маломъ и почти неизвѣстномъ у насъ отдѣлѣ Славянскаго племени. Изъ нея становится явнымъ отношеніе народности не только къ умственной жизни народа, но и къ матеріальному его благоденствію. Въ статьѣ, нѣкогда напечатанной однимъ изъ нашихъ сотрульниковъ, было сказано, что въ каждомъ обществѣ высшіе сословія представляютъ стѣжу знанія, а нижнія основу жизни, и что ихъ полное единеніе есть условіе здраваго общественнаго организма. Развитие Лужичей и цѣна земли, удешевляющаяся въ теченіе 16-ти лѣтъ въ области, уже тѣсно заселенной и давно принадлежащей къ просвѣщенной Германіи, доказываетъ несомнѣнно эту истину.

Изд. К.

дать Вамъ понятіе объ этомъ яомомъ маломъ изъ Славянскихъ нарѣчій и по формамъ самомъ древнемъ изъ нынѣ живущихъ. Для выраженія Сербо-Лужицкихъ звуковъ, къ Русскимъ буквамъ нужно прибавить только, по образцу Церковно-Славянской азбуки, мягкое *ѣ* (*je*), для различія отъ *е* твердаго (какъ у насъ *э* въ словѣ *этомъ*), да Сербскіе знаки *ђ* и *ћ*: *ђ* есть *д*, смягченное и подходящее къ *дж*, весьма мягко произносимому; *ћ* есть *т*, смягченное и звучащее въ иныхъ мѣстахъ у Верхнихъ Лужичанъ, какъ мягкое *ч* (какъ бы *чь* или *тьчь*), а въ иныхъ, какъ мягкое *ц*, (какъ *ць*). Когда у Сербовъ Лужичанъ, по примѣру Польскаго, *р*, смягчаясь, переходитъ въ звукъ *ш*, то я писалъ *р̃*, когда *о* переходитъ въ звукъ *у* — то я писалъ *ô* (*Богъ* какъ *Бугъ*, *при* какъ *пши*). Еще замѣтите, что у Верхнихъ Лужичанъ

ь звучитъ почти какъ *ји* (*ji*), или какъ Нѣмецкое *jü*;

г какъ Нѣмецкое *h*;

х почти не отличается отъ *к*;

л твердое звучитъ почти, какъ в или короткое *у*; замѣтите, стало быть, что *Ъ*, *Г*, *Л* читаются почти, какъ у Малороссіянъ, а что удареніе въ обыкновенной рѣчи всегда на первомъ слогѣ каждого слова (*). Замѣтивъ все это, Вы правильно прочтете двѣ Верхне-Лужицкія пѣсни, которыя мнѣ хочется привести Вамъ, какъ образецъ народной поэзіи Сербовъ-Лужичанъ:

1. (**)

«Нѣтъкъ-лѣй(***) миповизъ, голечо,	«Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Што к ми въ зымѣ зелене,	Что у меня зимою зелено,
Такъ млѣдне зелене?	Такъ молодо зелено?»

— Ъдлѣ тамъ стеји на гѣрцы,	— Ель тамъ стоятъ на горкѣ,
Та к ми въ зымѣ зелена,	Та у меня зимою зелена,
Такъ млѣдна зелена.	Такъ молода зелена.

(*) Только въ народныхъ пѣсняхъ иногда нарушается этотъ законъ.

(**) Въ этой именно пѣснѣ удареніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ отстываетъ отъ обыкновеннаго правила: пѣсня должна читаться чисто ямбическимъ размѣромъ.

(***) *Нѣтъкъ* или *нѣтко* значить собств. *теперь*, какъ Нѣмцы говорятъ, на примѣръ, *-Nun, sage mir! - Лей* (собств. *Глей*) есть сокращеніе пзъ *глейѣ*, глядь, и очень часто представляется въ смыслѣ усилительномъ къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ.

«Нѣтъкъ—'лѣй ми повнѣзъ, голечо, «Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Што ми нѣ въ лѣтѣ бнзъ квѣна, Что у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Бнзъ квѣна бѣлаго?» (*) Безъ цвѣту бѣлаго?»

— Папороѣ тамъ стеји подъ горку, — Папороть тамъ стовтъ подъ
горкою:

Тѣнъ нѣ ми въ лѣтѣ бнзъ квѣна, Она у меня лѣтомъ безъ цвѣту,
Бнзъ квѣна бѣлаго. Безъ цвѣту бѣлаго.

«Нѣтъкъ—'лѣй ми повнѣзъ, голечо, «Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Што ми нѣ дрѣжше слѣбора, Что у меня дороже серебра,
Слѣбора чистего?» Серебра чистаго?»

— Твоя та чешъ, мѣй руѣанъ — Твоя честь, да мой рутовый
вѣнць, вѣнокъ; (**)

Тейстѣй'(***) ми дрѣжшей слѣбора, Они у меня дороже серебра,
Слѣбора чистого. Серебра чистаго.

«Нѣтъкъ—'лѣй ми повнѣзъ, голечо, «Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Што ми нѣ лѣжше пѣричка, Что у меня легче перушка,
Пѣричка гусацаго?» Перушка гусянаго?»

— Наю громѣду-припѣненъ, — Наше «составаніе» (свиданіе),
То ми нѣ лѣжше пѣричка, Оно у меня легче перушка,
Пѣричка гусацаго. Перушка гусянаго.

«Нѣтъкъ—'лѣй ми повнѣзъ, голечо, «Ну, скажи мнѣ, дѣвица,
Што ми нѣ ѣжше каміня, Что у меня тяжеле камня,
Каміня млынскаго?» Камня жерноваго?»

(*) Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ этомъ словѣ, л у Лужичанъ, какъ и у Поляковъ, сохраняеть свой твердый звукъ передъ е: тогда я пишу лз, для различія отъ ле, гдѣ л звучитъ мягко, какъ у насъ въ словѣ лей, и отъ лѣ, гдѣ слышно между л и е присутствіе краткаго і (j), какъ у насъ въ словѣ новоселье. Латинскими буквами Сербы пишутъ *le*, *le* и *lje*.

(**) Вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтокъ руты, есть символъ невинности и носится дѣвицею при вѣчаніи.

(***) Двойств. числ., какъ Церковно-Слов. тѣ есть.

— Наю́ то рѣзно-ѣ́леннѣ,
То ꙗ ми ѣжше ка́мня,
Ка́мня млынско́го.

— Наше разставаніе,
Оно у меня тяжеле камня,
Ка́мня жерноваго.

2.

Я пакъ тамъ хоѣахъ на горахъ,
На горахъ высокихъ.

А я тамъ ходила на горахъ,
На горахъ высокихъ.

Я пакъ тамъ глядахъ до дола,
До дола глубокогъ.

А я тамъ глядѣла въ долъ,
Въ долъ глубокой.

Я пакъ тамъ виѣахъ лѣѣнѣ ѣѣ,
На лѣѣахъ гѣльцы тею,

А я тамъ видѣла, какъ лодки
ѣхали,
На лодкахъ трое парней.

Тѣѣъ среѣански, тѣѣъ найренъши,
Тѣѣъ со ми любеше.

Тотъ средній, прекрасѣйшій,
Тотъ мнѣ полюбился.

Зѣагнылъ ꙗ вѣѣнъ свой перѣнень,
Свой перѣнень слѣборны.

Онъ снялъ свой перстень,
Свой перстень серебряный.

«Ювъ машъ, ювъ машъ ты, голечо,
Тѣѣъ перѣнень слѣборны».

«Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дѣвица,
Перстень серебряный».

— Твой перѣнень, тѣѣъ я не-
сѣѣтъ браѣъ,
Моя маѣъ ми вобара.

— Твой перстень, я его не смѣю
братъ,
Моя мать мнѣ запрещаетъ.

«Дужъ рекъ ты твоѣѣ маѣери,
Зо сы юнъ намкала».

«Такъ скажи ты твоѣѣ матери,
Что ты его нашла».

— Своѣѣѣ маѣери я не смѣѣѣ лгаѣъ,
нѣѣ дѣрбю правду знаѣъ.
отд. v.

— Своѣѣѣ матери я не смѣю
лгать,
Еѣѣ я должна правду объявлять.

Веле радсѣо 'ду нѣ пражѣнѣ: Гораздо охотнѣе я ей скажу:
Тонъ младець 'це ме мѣнѣ.   Молодецъ хочеть меня имѣть
свою.

Слѣдующую пѣснь привожу, какъ образчикъ пропзведеніи новыхъ Сербо-Лужицкихъ поэтовъ. Она сочинена Зейлеромъ, но до того полюбилась народу, что поется въ деревняхъ на свадьбахъ, какъ пѣснь народная. Смоляръ принялъ ее въ свой Сборникъ народныхъ пѣсень.

«Сыиъ Сербовъ Сербске голечо,   Я Сербскаго рода Сербская дѣвица,
Ми Ганка рѣкая,   Меня зовутъ Аннушка,
А весли себи спѣвајо,   И, весело себѣ поючи,
Мамъ спѣшношь до ѣла.   Я работаю безъ устали.

Дыжъ шковрончкъ ранко заспѣва,   Запоеть ли жаворончекъ рано-
раненько,
Ми спѣва къ ставаню,   Онъ поеть мѣ, чтобы я вставала,
А ѣду ли до ѣнея,   И какъ поѣду я за клеверомъ,
Зъ нимъ спѣвамъ на прѣмы.   Пою съ нимъ въ запуски.

На мезу ѣзу зелну,   На между прѣду зеленую,
Серпъ тупы вотсю сей,   Тупой серпъ наточу себѣ,
А жиею травку росойту   И жиу травку росистую
На мезы кѣткойтей.   На межѣ цвѣтучей.

А дыжъ со ручка вомача   А какъ у меня рука замочится
Тей травцы росойтей,   Въ той травкѣ росистой,
Ми першѣень мой со блыскота   Мой перстень блеститъ
На ручцы на мокрей.   На рукѣ на мокрой.

Тонъ першѣень мамъ вотъ любего,   Этотъ перстень я получила отъ
милаго,
Рянего пахола;   Отъ статнаго молодца;
Къ намъ вечеръ, дыжъ со за-   Къ намъ вечеромъ, какъ смерк-
смеркло,   нется,
Мой любви прѣхаја.   Мой милый приходитъ.

Смѣть зымѣ къ новой кошульцы	Я зимою на новую рубашечку
А къ платей парадла,	И на холстъ напяла,
Платъ давно н жно натканы,	Холстъ давно ужэ натканъ,
Платъ требаъ невѣста.	Холстъ мнѣ нуженъ, невѣстѣ.
Тежь перн н 'шо вудрене	И пухъ уже вычищенъ
На долгихъ вечерахъ,	Въ долгіе вечера,
Дужь послешѣа мамъ готове	Да и постелюшка у меня готовая
Ве своіихъ коморкахъ.	Въ моемъ чуланчикѣ.
За червны бантъ на глови	По красной лентѣ на головѣ
'Цу мѣнь вѣнць руѣаны,	Будеть у меня вѣнокъ рутовый (*),
Маѣ буѣ чепцовъ купиѣ ми	Мать мнѣ накупитъ чепцовъ (**)
За дроге пенезы.	За дорогія деньги.
Ми дружчиѣ буѣа голеча,	При мнѣ на свадьбѣ будутъ дѣ- вущки,
Те весне товаршки,	Деревенскія подружки,
А буѣ квасна госѣнна	И будетъ свадебное угощеніе
Прѣзь тси дны заспѣхи.	Три дня безъ переижки.

(*) Непремѣнная и отличительная принадлежность свадебнаго убора дѣвущки.

(**) Чепецъ надѣвается молодой тотчасъ послѣ вѣпчанія.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВЪ ГАЛИЦІИ ВЪ 1855 ГОДУ.

(Письмо къ А. И. Кошелеву.)

Сей часъ получалъ я, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, письмо отъ многозаслуженнаго, добродушнаго патриарха западнаго Славянства, В. В. Ганки. Спѣшу сообщить Вамъ, что онъ обѣщаетъ участвовать въ «Русской Бесѣдѣ» и готовитъ ей подарокъ изъ Чешской земли. Но чтобы теперь же, не откладывая, показать это участіе на дѣлѣ, Вячеславъ Вячеславичъ посылаетъ Вамъ любопытное письмо *о Русской дѣятельности въ Галиціи въ 1855 году*. Оно прислано ему изъ Львова однимъ изъ лучшихъ Галицкихъ ученыхъ и поборниковъ Русской народности, Я. Ѡ Головацкимъ. Васъ, конечно, порадуетъ эта вѣсть изъ уголка Русской земли, отрѣзаннаго отъ Россіи политическою границею. Но сперва прочтите то, что В. В. Ганка пишетъ мнѣ о послѣднихъ открытіяхъ по части Глагольской письменности; этотъ вопросъ занимаетъ теперь весь ученый міръ Славянскій:

« Вамъ извѣстно (я перевожу слова г. Ганки), что профессоръ Гёфлеръ (Höfler) нашелъ у насъ на переплетѣ одной Латинской рукописи XI вѣка два отрывка Глагольской литургии, которые г. Шафарикъ относитъ къ IX столѣтію. Если бы они находились на первоначальномъ переплетѣ главной рукописи, то слѣдовало бы конечно предполагать, что Глагольскіе отрывки, приклеенные къ переплету, древнѣе самой рукописи. Но я замѣтилъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, что къ первоначальной рукописи XI-го вѣка прибавлено 10 листовъ, писанныхъ почеркомъ XIII-го или по крайней мѣрѣ конца XII-го. Пергамень главной рукописи

другаго издѣлія, чѣмъ пергамень прибавленныхъ листовъ. Когда откроешь рукопись, листы древнѣйшей части свертываются, а остальные лежатъ плоско, и видно, что переплетъ во всякомъ случаѣ современенъ послѣднимъ лѣстамъ. Покуда не найду Глагольскаго памятника съ вѣрнымъ свидѣтельствомъ о времени его происхожденія, я остаюсь при своемъ мнѣніи: что Глаголица выдумана была только послѣ того, какъ объявили Кирилловское письмо аріанскимъ (*). Глаголица выходитъ у насъ изъ потаенности на свѣтъ. На этихъ дняхъ священникъ Арнольдъ открылъ въ Поличанахъ, въ Быдзовскомъ краѣ, два Глагольскихъ листа, писанныхъ на бумагѣ (это у насъ первая находка въ такомъ родѣ); они содержатъ конецъ 3-ей и 4-ую главу Нравственнаго Богословія на Старо-Чешскомъ языкѣ, тѣмъ же правописаніемъ, какъ прочіе Глагольскіе памятники, происходящіе изъ нашего Эммаусскаго монастыря. Находка г. Гёфлера обнародована будетъ г. Шафарикомъ, находка г. Арнольда, вѣроятно, гг. Эрбеномъ и Шумавскимъ (который, кетати скажу, прилежно занимается приготовленіемъ своего Всеславянскаго Словаря (**), такъ что чрезъ 3 мѣсяца уже будетъ напечатанъ первый выпускъ)....»

А вотъ письмо г. Головацкаго, о которомъ я сказалъ Вамъ. Оно писано по Русски. Сообщаю его безъ малѣйшаго измѣненія. Вы съ любопытствомъ увидите, какъ пишетъ наша Русская братья

(*) Т. е. еретическимъ (Примѣчаніе А. Гильфердинга).

(**) Страстный филологъ-лексикографъ, г. Франта Шумавскій, сдѣлавшійся извѣстнымъ по изданію хорошаго Чешскаго Словаря, принялся въ послѣднее время за Словарь, въ которомъ соединены будутъ слова всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Первый опытъ (тетрадка вышедшая въ 1852 г.) былъ неудаченъ: принявъ въ основаніе Латинскому азбуку, г. Шумавскій долженъ былъ ввести множество произвольныхъ знаковъ для всѣхъ разнообразныхъ звуковъ многочисленныхъ Славянскихъ вѣтвей. Читать его Словарь не было возможности; онъ его бросилъ и началъ смывать. Теперь Словарь будетъ издаваться Русскими буквами; прибавлено будетъ только нѣсколько необходимыхъ знаковъ, заимствованныхъ изъ древняго Кирилловскаго алфавита и понятныхъ всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ древними Церковно-Славянскими памятниками. Прекрасная вещь будетъ эта книга, гдѣ всѣ слова всѣхъ Славянскихъ нарѣчій будутъ сведены вмѣстѣ, въ общемъ правописаніи, Русскими буквами. Словарь г. Шумавскаго состоятъ будетъ изъ двухъ частей: одна, огромная, будетъ Словарь Всеславянскій съ объясненіемъ на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ и Нѣмецкомъ; другая, поменьше и безъ притязанія на совершенную полноту, будетъ Словарь Нѣмецко-Всеславянскій. Почтенный труженикъ начинаетъ съ изданія этой Нѣмецко-Славянской части, какъ болѣе легкой и, такъ сказать, подготовительной работы. Мысль прекрасная, планъ хорошъ, но исполненіе будетъ трудное. (Примѣчаніе А. Гильфердинга).

въ Австрійскихъ владѣнiяхъ. Не забудьте, что въ Галиціи начали писать по-Русски не много лѣтъ тому назадъ: Русскіе люди тамъ еще не привыкли владѣть своимъ языкомъ. Богъ дастъ имъ силы и твердости, и духовное общеніе съ Великою Россіею вызоветъ къ новой жизни отдѣленный отъ нея исторіею и заглохшій край Мало-россіи.

«Надлежало бы нѣсколько словъ прибавить (пишетъ г. Головацкій В. В. Ганкѣ) о Литературѣ по крайней мѣрѣ Русской (въ Гали-
«ціи) и о успѣхахъ ея въ теченіи 1855 г. Съ грустію надобно
«сказать, что словесность Русская въ томъ году менѣе плодотва,
«чѣмъ въ прошедшихъ. Даже самымъ часописьямъ (т. е. журналамъ)
«не повелось въ прошедшемъ году; *Зорѣ Галицкаѣ* ежедневное ли-
«тературно-забавное изданіе ред. Николая Савчинскаго послѣ осми-
«годоваго существованія своего перестала выходить съ № 32 по
«причинѣ нерадиваго издательства и провзшедшаго оттуда равнодушія
«публци, *Семейнаѣ Библиотека* ежемѣсячная часописъ печатаема
«у Ф. Порембы дотянулась до V тетради, захромала и невѣдать
«встанетъ ли въ текущемъ году изъ смертельной болѣзни или нѣтъ.
«Редакторъ ея Северинъ Гавриловичъ Шеховичъ. Единственный
«*Вѣстникъ*, издаваемый въ Вѣнѣ (подъ псевдонимомъ Валіемъ Збо-
«ровскииъ) чрезъ Юлія Выслобоцкаго, держится на ногахъ, но
«можетъ быть не на собственныхъ. Этотъ журналъ носятъ три
«личины: Политическаго *Вѣстника* 1½ листа въ недѣлю (in 4°),
«*Отечественнаго Сборника* (разъ въ недѣлю ½ листа) и *Сель-*
«*скаго Школки* прибавляемой въ неопредѣленное время (20 ¼
«листовъ въ годъ!). Къ часописьямъ можно также причислить пра-
«вительственныя изданія законовъ. Вообще извѣстно, что *Вѣстникъ*
«*Законовъ Державныхъ* по русски и по нѣмецки съ 1849 г.
«издается подобно какъ на другихъ языкахъ Австрійской имперіи въ
«Вѣнѣ въ казенной типографіи, также *Вѣстникъ Законовъ Крае-*
«*выхъ* для Русскихъ въ Галиціи во Львовѣ въ казенной типографіи
«и такой же *Вѣстникъ для Русскихъ Угорскихъ* въ Будинѣ, но
«немногіе вѣдаютъ о томъ, что съ 1854 издается *Полицейскою*
«*Доносителѣ* Львовскою ц. к. (т. е. Цесарско-Королевскою) поли-
«цейскою Дирекціи, на нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ.
«Общество Галицко русскою Матицы поступаетъ напередъ, хотя
«нѣсколько уныло и перѣшпательно. Продолженія Галицко русскаго

« историческаго Ескринка, коего первый выпускъ издава Матица
 « въ 1853 г. все еще ожидаетъ публика, хотя говорятъ, что пе-
 « чатаніе его скоро окончится. Печать сочиненія М. Малиновскаго
 « О великомъ Божіемъ мірѣ (16) 392 в IV стр., содержащаго
 « популярное изложеніе Астрономіи, физической и политической гео-
 « графіи, минералогіи и музыки, началось печатать еще 1852 г. и
 « едва ли въ 1855 кончено! Второй томъ того же сочиненія выйдетъ
 « на изданіе Матицы, онъ будетъ содержать популярное изложеніе
 « Ботаники, зоологіи и антропологіи. Когда бы только Матица скорѣе
 « приступила къ изданію! Сверхъ того печатаетъ Матица большій
 « Политическоз да мірскиз который будетъ изукрашенъ хорошии
 « иконками рѣзаыми на стали въ Вѣнѣ, и Наукъ о пчеловодствѣ
 « по методу Держона соч. Льва Трещаконскаго дѣствительнаго
 « члена агроном. львовск. Общества и гр. к. (Греческо-Католическаго
 « т. е. Уніатскаго) « Приходника въ Руднѣ ». Изъ частныхъ лицъ
 « тоже исключивъ случайные стихи, мало кто что напечаталъ.
 « Самое важнѣйшее сочиненіе есть безъ сомнѣнія Янонмз Гнѣз-
 « ненскій и Јоанз Давгошз латинскія выпски изъ ихъ сочиненій,
 « статей, относящихся къ исторіи Галичско-Владимірской Руси, за
 « періодъ отъ 1337 по 1387 г. съ русскимъ переводомъ и примѣ-
 « чаніями, изслѣдованіями и замѣчаніями соч. Дениса Зубрицкаго,
 « вмѣстѣ IV части Галичской Исторіи. Львовъ 1855. (8) 122 стр.
 « Этого сочин. напечаталъ сей Ветеранъ-Историкъ на собственномъ
 « своемъ изданіи только *двѣсти* экз.

« Въ Перемышльской типографіи печатались тоже едва нѣкія мѣ-
 « нія сочиненія, даже изъ богослужебныхъ книгъ издавала ни Пере-
 « мышльская ни Львовская типографія ничего. Шестой годъ мѣсяце-
 « слова подъ написью *Перемышльшанинз* на г. 1856 вышелъ по мѣнѣ
 « въ немъ занимательныхъ статей какъ въ прошедшихъ годахъ.

« Угорскіе (т. е. Венгерскіе) Русины хотя рѣже, но выступа-
 « ютъ съ сочиненіями большаго объема, кои стоятъ большаго труда
 « и прилѣжанія, но и большую пользу приносятъ; вспомнимъ на пр.
 « Исторію церковную Нюкаго Завѣта незабвеннаго каноника и про-
 « фессора въ Унгоградъ (Unghvar) Андрея Балудянскаго издавную
 « 1852 въ Вѣнѣ на изданіи Ивана Федоровича Головацкаго (8 маі.)
 « 403 и VIII стр. III тома, или *Историческій Катехизисъ* Але-
 «ксандра Духовича кононика Прашевскаго, коего изданіе первое

«вышло 1851 г. въ Будинѣ, второе 1854 въ Львовѣ. Теперь
 «опять издалъ Стефанъ Мустіановичъ гр. к. парохъ и деканъ въ
 «Пилицѣ Ужгородской (Унгварской) епархіи два достопримѣчатель-
 «ныя душеполезныя сочиненія въ ставропигійскомъ Институтѣ.
 «а) *Надгробныя скатыя проповѣди на всякій случай и приключен-*
 «ности смерти, сочинивъ и казавъ С. М. Львовъ. 1855. (8) 275
 «стр. кирилловскими буквами; б) *Проповѣди на церковныя тор-*
 «жества и мѣся околѣчности, сочиненіе С. М. Львова 1855.
 «(8) 132 стр. гражд. печати. Сей же трудолюбивый священникъ
 «приготовляетъ къ печати свои «Проповѣди на всѣ недѣли цѣлого
 «года» сочиненіе, которое будетъ обнимать 50 листовъ печатныхъ.—
 «Г-нъ Раковскій священникъ и редакторъ *Вѣстника Краевыхъ*
 «*Законокъ* въ русскомъ языкѣ въ Будинѣ перевелъ *Апостольское*
 «*посланіе Пія IX Папы римск.* о догматическомъ опредѣленіи не-
 «сквернаго зачатія Богородицы Дѣвы, съ лат. на церковно-словен-
 «скій языкъ. Оно напечатано въ Будинѣ 1855 г. Русскій переводъ
 «того же посланія вышелъ во Львовѣ 1855 г.

«Вотъ перечень всего, что издалось въ 1855 году—можно ска-
 «зать совершенный застой въ литературной дѣятельности. По случаю
 «или какимъ-либо другимъ причинамъ въ минувшемъ году даже
 «меньше учебниковъ русскихъ издано, чѣмъ въ прошедшихъ; но
 «взявъ въ соображеніе, что когда въ 1852 г. напечатаны ц. к.
 «управительствомъ школьныхъ книгъ толстые учебники на пр.
 «*Зѣтрословіе* В. А. Воляна (8) 235 стр. Читанка для низшей
 «гимназіи В. Ковальскаго (8) 368 стр. Книжка до читанья для
 «II класса народн. учил. и пр.; когда въ 1854 г. вышли на изди-
 «веніе правительства *Белікій Катехизисъ* М. Малиновскаго (8)
 «185 стр. *Рослинословіе* В. А. Воляна (8) XVI и 271 стр.
 «Его же *Минералогія* (8) VIII и 202 стр., наконецъ большого
 «объема *Хрестоматія* церковно-словенская и древнорусская для
 «высшей гимназіи, составлена Яковомъ Головацкимъ (8 таб.)
 «358 стр., то за цѣлый годъ 1855 изъ учебныхъ сочиненій рус-
 «скихъ, какъ *Вѣстникъ* 1855. № 97. извѣщаетъ, вышли только
 «*Стѣнныя* (т. е. Стѣнныя) *таблицы*, *манюи* *сдѣланы* къ томъ,
 «какъ *Учениковъ* скорше и легче читати *набчити*, *трудомъ*
 «*къмъ* *Басиліемъ* *Ковальскимъ* ц. к. министеріальнымъ *конци-*
 «*пистомъ* *дѣже* старанно и практично составлены.

« Вотъ все за цѣлый годъ ! Несчастнѣй годъ поправшій Галицію
« неурожаемъ, дороговизною, губительною язвою на людей и поморомъ
« на скотъ, а литературу злобными односторонними, краткозрачными,
« самолюбивыми людьми ! Чья вина въ томъ осудить Исторія, предъ
« коею зоркими глазомъ и безпристрастнымъ судомъ не скроется ни
« тихая благородная ревность и искреннее самопожертвованіе , ни
« злокозисная тайная злоба ».

А. Гильфердингъ.

Марта. 1836 года.

БАЙДАРСКАЯ НОЧЬ

■ ■ ■

ПРОГУЛКА СЪ ПЛАСТУНАМИ.

Октябрь. 1855 года. Бакчи-Сарай.

Пенстовый гулъ тысячи орудій, длившійся болѣе одиннадцати мѣсяцевъ, внезапно умолкъ вокругъ Севастополя. Занятіе Французами Малаховой башни и переправа наша на Сѣверную сторону Севастополя положили конецъ безпримѣрной осадѣ и безпримѣрной защитѣ нашей крѣпости. Французы вошли наконецъ въ оставленную нами Южную сторону, обращенную въ развалины, а Сѣверная все еще стоитъ непоколебимо и не даетъ врагу овладѣть столь вождельною для него бухтою. Прозорливая мысль сохранить, во что бы то ни стало, этотъ морской оплотъ нашъ, уничтожила возможность воздвигнуть на его берегахъ какой-нибудь новый Гибралтаръ. Съ конца августа до начала ноябра всѣ стратегическія соображенія союзниковъ догадывали ясно, что единственная цѣль ихъ была выжить насъ изъ этой завидной мѣстности (*). Въ слѣдствіе того самый театръ и характеръ войны отчасти измѣнились: искусственныя твердыни Севастополя уступили мѣсто твердынямъ естественнымъ, которыя тянулись горною чертою отъ Пикермацскихъ высотъ до Южнаго берега.

(*) Продолжительное сбереженіе морскихъ доковъ, взорванныхъ лишь въ 1856 году британскимъ вацдализмомъ, можетъ служить тому дополнительнымъ доказательствомъ.

Повсюду неистощимая изобрѣтательность Англо-Французовъ выразилась въ удивительной игрѣ ложныхъ движеній и демонстрацій. Безпрерывныя рекогносцировки, марши и контр-марши сильныхъ лѣтучихъ отрядовъ, нагрузка и выгрузка войскъ, обманчивыя передвиженія судовъ по всѣмъ направленіямъ Чернаго моря, перемежающаяся бомбардировка Сѣвернаго укрѣпленія,—словомъ, все то, что можно было придумать, чтобы сбить съ толку противника и раздробить его силы, было совершенно непріателемъ въ теченіи цѣлой осени. Пользуясь безцѣнною выгодкою быстроты движеній, въ чемъ ему способствовали и топографическое положеніе полуострова, и паровое владычество его на Черномъ и на Азовскомъ моряхъ, онъ ухищрялся этими сподручными ему средствами замѣнить положительную для него невозможность идти прямо во внутрь Крыма. Но послѣдствія не оправдали этихъ усилій. Чудовищныя мортиры (*) и пароходный влѣтъ, бывшіе для союзниковъ главными виновниками ихъ успѣховъ, перестали служить имъ. Миновалась также вынужденная неподвижность нашихъ войскъ, доколѣ прикованныхъ къ бастионамъ; онъ сумѣлъ удачно удержать все свои позиціи, между тѣмъ какъ батареи Сѣверной постоянно умножались на защиту бухты.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ маневровъ непріятеля за это время состоялъ въ движеніи, предпринятомъ имъ изъ Байдарской долины противъ нашего лѣваго фланга. На самую вершину одного изъ отроговъ Яильскаго хребта (**), занятаго нашими передовыми инкетами и вѣроятно прозваннаго ими же переваломъ, Французы выставили вдругъ двадцатитысячный отрядъ. Лагерь свой они живописно расположили неправильными группами по лѣсистымъ извилинамъ холмовъ, отдѣляющихъ Байдарскую долину отъ долины Верхняго Бельбека.

Изъ многихъ татарскихъ ауловъ, находящихся въ сей послѣдней, Кутлеръ-Фоццала составлялъ, такъ сказать, центръ нашихъ аван-

---

(*) Въ послѣднія времена осады слышномъ 400 мортиръ и 800 пушекъ небывалыхъ разитровъ день и ночь грозила злосчастной Севастополь. По показаніямъ корреспондента Англійской всемірной газеты Times, было вынуждено противъ сего города въ одну сутки, предшествующія штурму 27 августа, безъ малаго 100,000 снарядовъ, кромѣ немовѣрнаго числа навѣсныхъ коническихъ пуль.

(**) Известно, что Яильскій хребетъ отдѣляетъ Южный берегъ и гористую полосу Крыма отъ Сѣверныхъ стеней его.

гардныхъ отрядовъ. Передъ отступленіемъ нашимъ съ Южной стороны Севастополя, эти отряды были весьма незначительны: четырехъ или пяти сотенъ Донскихъ козаковъ достаточно было для отправленія всей аван-постной службы. Но когда непріятель сталъ стягивать большія массы войскъ въ Байдарскую долину и занялъ Перевалъ, то къ нашему авангарду присоединены были Смоленскій и Кременчугскій полки, при четырехъ орудіяхъ и двухъ эскадронахъ драгунъ. Въ послѣдствіи и это подкрѣпленіе оказалось недостаточнымъ, потому что Французы, противъ общаго ожиданія, двинулись внезапно по неудобопроходимымъ тропинкамъ цѣлыми тремя дивизіями пѣхоты, съ двадцатью эскадронами Африканскихъ конныхъ егерей (*chasseurs d'Afrique*), при нѣсколькихъ орудіяхъ къ самому аулу Кутлерь-Фощалъ. Передъ такимъ превосходствомъ силъ нашъ маленькій отрядъ естественно не могъ держаться. Онъ отступилъ и залегъ застрѣльщиками промежду скалъ близъ лежащихъ Аергульскихъ высотъ, надѣясь тѣмъ самымъ завлечь за собою пылаго противника и дать подоспѣть выжидаемому имъ подкрѣпленію. Но Французы не только не дерзнули атаковать эту отважную горсть людей, а съ успѣшностію отступили ночью, избѣгая всякаго боя, на прежде занятые ими горные проходы, какъ скоро смекнули, что подходит на выручку нашимъ подкрѣпленіе. Что же значило это наступательное движеніе, сопровождаемое разными другими демонстраціями, въ виду самаго центра нашихъ позицій у Мангупъ-кале? Главною цѣлью его не могли же быть одиѣ рекогносцировки, ибо на то не нужны цѣлые корпуса; да притомъ вся долина Верхняго Бельбека давно уже была видна Французамъ, какъ на ладони. Между тѣмъ устройство заваловъ, редута и шоссе по обонимъ скатамъ Перевала для провоза артиллеріи и обозныхъ фуръ, явно указывало на серіозное намѣреніе проложить себѣ дальнѣйшій путь, вѣроятно, къ Бакчи-Сараю и Симферополю; безпрестанное же отправленіе войскъ моремъ изъ Балаклавы и изъ Камыша въ Евпаторію еще болѣе подтверждало вѣроятность общаго движенія противу тыла и лѣваго фланга нашего. Изъ всего этого стало очевидно, что непріятель, не осмѣливаясь атаковать съ фронта сильно укрѣпленную позицію нашу на Сѣверной и вдоль Черной, желалъ, какъ уже сказано, выжить насъ оттуда, безпрерывно угрожая отрѣзать линію нашихъ сообщеній съ Перекопомъ. Не трудно понять, что въ подобныхъ обстоятельствахъ положеніе наше было весьма незавидное и что одна лишь стойкая распорядительность и неусыпная бдительность за всѣми

движеніями союзниковъ могла до нѣкоторой степени насъ обезпечивать. По сему рѣшено было, между прочими охранительными мѣрами съ нашей стороны, узнать достоверно, каковы силы и расположеніе войскъ Французскихъ не на одномъ Перевалѣ, но и въ самой Байдарской долинѣ, которая должна была служить операционною линіею всѣхъ ихъ будущихъ движеній противу нашего лѣваго фланга.

Въ аулѣ Кутлерь-Феццалъ находилось тогда небольшое число Черноморскихъ пластуновъ, имя которыхъ на вѣки связалось съ геройскою защитою Севастополя. Происхожденіе, образъ жизни и вся характеристика этихъ замѣчательныхъ людей довольно уже извѣстна. Излишне было бы вдаваться по сему предмету въ ученые розысканія, особенно здѣсь, между этихъ строкъ, набросанныхъ на бумагу посреди бивуачной жизни и походовъ по Крымскимъ горамъ. Дѣло просто состояло въ томъ, что въ концѣ октября мѣсяца, часу въ осьмомъ вечера, десятокъ пластуновъ ускользнули тайкомъ безъ долгихъ приготовленій изъ аула Кутлерь-Феццалы. Путь имъ предстоялъ дальній и небезопасный: нужно было прокрасться чрезъ сильный непріятельскій лагерь, стоящій на гребнѣ Перевала, въ самую Байдарскую долину, гдѣ сосредоточенъ былъ цѣлый первый Французскій корпусъ. Взадъ и впередъ было безъ малаго 40 верстъ ходьбы, а времени только отъ зори до зори. Постѣдѣлый на ихъ службѣ маіоръ Д., баронъ Ф. и я охотно вызвался на эту работу и за тѣмъ, приладивъ къ ногамъ нашимъ черевки (*) и осмотрѣвъ тщательно оружіе, пустились мы всѣ вмѣстѣ, молча, въ походъ. До подошвы Перевала пробрались мы верстъ пять вдоль садовъ и мимо татарскихъ ауловъ, лежащихъ на верхнихъ уступахъ Бельбекской долины. Отъ жителей ихъ необходимо было скрываться для того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не извѣстилъ предательски Французовъ о нашемъ предпріятіи. Наконецъ, оставивъ далеко за собою наши переловые ведеты, мы достигли до той тропинки, которая взвивалась по скалистымъ бокамъ горы, прямо въ непріятельскій лагерь. Тутъ пластуны наши какъ будто вздрогнули и вдругъ пріостановились: надъ ними сверкнули внезапно промежъ горныхъ тѣней непріятельскіе огни. Минута наступила рѣшительная.

«Иды, якъ зверь, а не якъ человекъ», проворчалъ наконецъ сквозь зубы неустрашимый маіоръ.

(*) Черевки суть родъ американскихъ мокассиновъ (moccasins), т. е. кожаные лапти безъ подошвы, въ которыхъ можно ходить безъ малѣйшаго шума.

Этихъ словъ было достаточно. Съ замысловатыми приѣмами пустились они въ ходъ, вверхъ по стезямъ, изрытымъ водомошнами и покрытымъ разбросаннымъ каменникомъ. Гуськомъ, змѣнною струєю вились они, пагнутые и плотно прижавшись одинъ къ задѣ другаго, съ винтовкою въ рукахъ и съ папахою за поясомъ, то на ногахъ, то на козьяхъ, а иногда и на брѣухъ. Среди почной иглы мы ползли по сбывчивымъ извилинамъ подъема, и у насъ захватывало духъ отъ безпрестаннаго ожиданія наткнуться на Французскую передовую цѣпь. Малѣйшій шорохъ осеняго листовника или полузаглушенный кашель какого-нибудь на земь ртомъ бросившагося пластуна, пригвождали насъ къ мѣсту, и руки невольнo хватались за курки. Ни одного слова не проскользало между нами; едва слышные: «чу» или «шш» обозначали движеніе впередъ или назадъ. Такимъ образомъ въ продолженіи трехъ часовъ взбирались мы постепенно на мудренныя крутизны Перевала, придерживаясь, какъ можно, лѣвѣе къ обрывистымъ скаламъ, отдѣляющимъ его оконечность отъ сѣвдней горы Ай-Димитріа. Мнѣ привелось на моемъ вѣку исходить довольно горъ, долинъ и ущелій въ обоихъ полушаріяхъ; зналъ я много пѣшеходовъ, принадлежащихъ ко всевозможнымъ родамъ, но, признаюсь, нигдѣ не встрѣчалъ молодежь, подобныхъ нашимъ пластунамъ. Они не только отличные скороходы и стрѣлки, но еще и отважные воины,—душа аванпостной службы.

«Это самая опасная пѣхота (c'est une des infanteries les plus dangereuses), говорилъ мнѣ еще недавно одинъ лѣтний Французскій полковникъ. «Будь она разбита у васъ по дивизіямъ, хотя мелкими «отрядами, какъ наши баталіоны Венсенскихъ стрѣлковъ, то вы бы, «вѣроятно, отъ нея получили еще болѣе пользы!»

На это безпристрастное сужденіе опытнаго непріятели можно возразить лишь то, что коренные пластуны не могутъ быть набираемы и обучаемы, какъ всякое другое войско. Пластунъ въ нѣкоторомъ отношеніи есть нѣчто въ родѣ Сѣвероамериканскаго траппера (trapper), столь дивно описаннаго Куперомъ: онъ есть самородное произведеніе особаго быта. Говоря ихъ языкомъ, онъ «человикъ — зверь». Это соединеніе сильно развитаго человѣческаго разумія съ столь же сильно развитымъ инстинктомъ, который мы замѣчаемъ въ самыхъ чуткихъ животныхъ, могло выработаться лишь въ Черноморіи (*)

(*) Въ Черноморіи называютъ *пластами* всю ту смѣсь камышей, болотъ и проч., которые составляютъ особый характеръ этого края. Отъ того слова: *пластунъ* и

и на Кавказѣ, посреди жизни чудной, гдѣ человѣкъ съ самаго младенчества въ борьбѣ со всѣмъ, его окружающимъ, гдѣ ежеминутно ему грозитъ опасность, которой онъ можетъ противопоставить лишь собственную догадку, ловкость и мужество. Качествъ, необходимыхъ для пластуна, нельзя произвести по заказу, ни по какой системѣ; одно условіе для пріобрѣтенія ихъ—безграничное развитіе разумѣнія, проведенное чрезъ собственный опытъ. Пластунъ погибъ, если будетъ дѣйствовать безсознательно; онъ долженъ отлавать себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ дѣйствіи, ибо на каждомъ шагу предъ нимъ непредвидимос. Отъ того и дисциплина его чрезвычайно понятна и просторна. Тоже явленіе замѣчается, хотя можетъ быть и въ меньшей степени, между казаками и матросами, которые также безпрестанно принуждены пріобрѣтать къ собственной своей смѣтливости и развивать свои умственные и тѣлесныя силы, сообразно съ многоразличными затрудненіями и случаями, которые ихъ встрѣчаютъ. Это явленіе весьма важно и пручительно: оно осязательно показываетъ, во сколько дисциплина, основанная на ясномъ практическомъ разумѣніи предметовъ, плодотворнѣе дисциплины, основанной на одной лишь привычкѣ къ мертвому механизму. Слѣдствіемъ же этого умственного развитія бываетъ то, что люди, которые живутъ на рубежѣ Азіи и Европы и которыхъ мы считаемъ полудикими, вовсе не чуждаются усовершенствованій европейской образованности, какъ скоро опытъ убѣдитъ ихъ въ дѣйствительной пользѣ этого усовершенствованія. Никакая новость не пугаетъ ихъ потому только, что она новость. Примѣръ тому мы видимъ нынѣ на опытѣ въ Крыму, гдѣ они, находясь въ сосѣдствѣ и въ столкновеніи съ Французами и съ Англичанами, смекнули, что есть у нихъ полезнаго и усвоили то себѣ безъ всякихъ стороннихъ побужденій. Даже если бы возможно было удовлетворить свойственной имъ наклонности не оставаться назади, то они нисколько бы не замедлили промѣнять остальные кремневые ружья свои на пистолетныя, гладкоствольныя на наръзныя, парусныя суда на пароходы и воловыя фуры на что-нибудь подобное вагонамъ Англо-Балаклавской желѣзной дороги. Все это они препорядочно выразумѣли. Но чтобы читатель не обвинилъ меня въ излишнемъ пристрастіи

платать. Извѣстно, что главные переселенцы этой полосы земель были Малороссійскіе козаки и именно Запорожцы. Отъ того и сильное холодакое наръчье въ языкѣ пластуновъ.

къ моимъ любезнымъ пріятелямъ, пластунамъ, козакамъ и матросамъ, спѣшу прибавить, что если особенными обстоятельствами жизни развились въ нихъ и особенныя способности, то пониманіе дѣйствительныхъ усовершенствованій они раздѣляютъ со всеми Русскими племенами и людьми. Не рѣдко удавалось мнѣ любоваться въ различныхъ частяхъ нашего отечества дивной способностью Русскаго человѣка усваивать себѣ все, что онъ признаетъ для себя годнымъ, его замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, съ которымъ онъ умѣетъ отличить дѣльное и полезное ему нововведеніе отъ нововведеній пустыхъ и ему несродныхъ. Одного ему недостаетъ: бѣльшаго ходу для пріобрѣтенія бѣльшаго запаса *положительныхъ понятій и свѣдѣній*. Это бы его обезпечило отъ напрасной траты силъ, необходимыхъ для распознаванія, и отъ столь же напрасной траты силъ на изобрѣтеніе того, что давно уже изобрѣтено, какъ это на примѣръ замѣчается въ нашихъ деревенскихъ механикахъ-самоучкахъ и тому подобныхъ мѣстныхъ геніальностяхъ. Я знаю, что было много возгласовъ противъ такъ называемой подражательности Русскаго народа и что ставили ее намъ въ укоръ, но не забываютъ ли слишкомъ часто, что *капиталъ знанія или образованности* есть общее достояніе всего человѣчества, постоянно переходящее изъ рукъ въ руки!... Загляните въ Исторію. Египтяне наследовали его отъ Индѣйцевъ, Греки отъ Египтянъ, Римляне отъ Грековъ, отъ Римлянъ всѣ новые народы. Каждый членъ этого огромнаго семейства, называемаго человѣчествомъ, сперва овладѣлъ этимъ капиталомъ, потомъ болѣе или менѣе приумножалъ и наконецъ сдалъ его потомкамъ. Мы отсталая единица новѣйшей образованности, законные наследники этого капитала по прямой линіи родства умовъ человѣческихъ: все наше, что до насъ сдѣлано въ наукѣ. Посидимъ надъ этимъ наследствомъ, примѣнимъ его къ собственнымъ нашимъ потребностямъ, словомъ, *поучимся*, а тамъ придетъ пора, и приумножимъ. Сознательная изобрѣтательность не минуетъ Русскаго человѣка. Страница сія не есть отступленіе отъ моего разсказа, она просто продолженіе моего дневника; ибо всѣ эти прекрасныя мечты невольно, цѣлою вереницею, приходили мнѣ въ голову, когда я тѣшился разными продѣлками смѣтливыхъ моихъ спутниковъ. На самомъ гребнѣ Перевала, посреди кустовъ, притаились мы молчаливо. Вблизи тлѣлся еще огонекъ Французскаго передоваго пикета, который видимо былъ снятъ недавно. Странная игра судь-

бы пронесла насъ безвредно сквозь непріятельскія линіи на самыя зады ихъ, — между тѣмъ какъ, недѣль шесть тому назадъ, ни одна голова Русская не выказывалась безнаказанно изъ за-земляныхъ окоповъ Севастополя.... Мы же теперь отдыхали льготно подъ самымъ ударомъ конической пули и широкаго Венсенскаго штыка!.... Но насъ окружала гробовая тишина, прерываемая лишь парѣдка окликами часовыхъ. Луна освѣщала главные очерки фантастической мѣстности и придавала имъ видъ невыразимо томный, смиренный и даже сентиментальный, — столь противоположный нашимъ тогдашнимъ ощущеніямъ.

Наконецъ замѣтивъ, что туманная облака, клубившіяся надъ жерлами Байдарской и Бельбекской долины, начали уже сквозиться, мы чутко поднялись на ноги и, оглянувшись еще разъ, быстро тронулись впередъ. Намъ предстоялъ спускъ довольно трудный: множество тропинокъ разбѣгалось во всѣ стороны по густому лѣсу; ихъ нерѣдко пересѣкали срубленные на завалы или сложенные бурей дерева. Конечно тутъ мудрено было угадать направленіе пути, но пластуны, съ свойственною имъ мѣткостію, выбирались удачно въ прогалы для осмотра окрестности и наконецъ вывели насъ на чисту. Мы взошли на правые уступы Байдарской долины, вдоль которыхъ, — межъ двумя Французскими лагерями, — оставалось еще прокрасться верстѣ околи восьми до татарскаго аула Уркусты. Тамъ-то скрывалась добыча, столь плѣнявшая воображеніе пластуновъ, — паркъ непріятельской артиллеріи. Едва мы спустились въ самую долину, какъ наткнулись прямо на проложенное Французами отличное шоссе, связывавшее ихъ лагерь на Перевагѣ съ такъ называемымъ ими Воронцовскимъ шоссе, за Черной, и съ ауломъ Багою. Свѣтложелтый отливъ шоссейнаго полотна ярко отражался при мѣсячномъ сіяніи; малѣйшій движущійся на немъ предметъ могъ быть замѣченъ издали. Не смотря на землянистый цвѣтъ просторныхъ чекменей нашихъ, невозможно было намъ втти по этой дорогѣ, а по обѣимъ окраинамъ ея торчали или обрывистыя скалы, или колючіи кустарники. Ни чуть не остановленные этимъ новымъ препятствіемъ, пластуны немедленно согнулись еще болѣе прежняго, вытянулись еще плотнѣе въ длинную извилистую нитку и пустились какою-то плавною, перевалистою иноходью, вдоль самой опушки шоссе, избѣгая, сколь возможно, дотрогиваться ногами до не совсѣмъ еще прибитой проѣздомъ щебенки. Такимъ образомъ мы быстро подавались впередъ илц, лучше ска-

зять, стлались настоящими «человиками-звирми» по таинственным стезямъ. Прямой линіи мы тщательно избѣгали, но тянулись все какими-то чудными, узористыми зигъ-загами, такъ что въ нѣсколькихъ саженахъ трудно было узнать, что такое ползло по землѣ.

Около 3-го часа утра, мы остановились на краю узкой, крутой балки и присѣли въ ея каменистыхъ обрывахъ. Одинъ изъ пластуновъ невзначай очутился было между двумя вблизи торчавшими деревьями. Тогда нашъ хозяинъ не на шутку разсердился: «Зачимъ—лешуль онъ ему—Богъ создалъ лисъ, если пластунъ не буде за «нимъ ховаться». Толчекъ въ плечо дополнилъ это краснорѣчивое объясненіе, которое вполнѣ выразумѣлъ оплошавшій грѣшникъ и, покорный дисциплинѣ, сейчасъ же скрылся за деревомъ. Давъ намъ перевести духъ, майоръ Р... оставилъ въ балкѣ всю нашу партію, кромѣ трехъ отборныхъ удалцевъ, барона Оф... и меня. На пыпочкахъ отправились мы далѣе. Огни большого Французскаго лагеря подъ ауломъ Уркустою горѣли теперь уже прямо передъ нами, не болѣе, какъ въ полуверстѣ разстоянія. Ближе и ближе подкрадывались мы къ нимъ. Разговоръ грѣвшихся, не спавшихъ непріятельскихъ солдатъ, храпъ лошадей въ коновязяхъ и звукъ цѣпей ихъ дѣлались болѣе и болѣе внятными. Съ раздраженными до нельзя нервами засѣли мы на самомъ краю дороги, ведущей въ лагерь, возлѣ какой-то полковой бойни. Тамъ открылось намъ все, какъ на ладони. Слишкомъ 20-ть орудій стояло передъ нами на передкахъ своихъ; кругомъ артиллерійскій лагерь и коновязи Африканскихъ егерей. Далѣе, по Байдарской долинѣ сверкало еще множество разбросанныхъ полупогасающихъ огней, указывавшихъ на многолюдные бивуаки. Цѣль нашего похода была достигнута: мы подробно осмотрѣли позицію непріятели и измѣрили съ приблизительною точностію его силы въ этой мѣстности. Но пластуны разсуждали иначе, они занялись практическимъ разрѣшеніемъ задачи: какой тутъ вредъ наша или большая горсть людей могла бы нанести непріятелю. Подъ влияніемъ своихъ первобытныхъ и простодушныхъ понятій, пластуны были увѣрены, что возможно схватить орудія или по крайней мѣрѣ, затѣвъ звѣрскую тревогу, зажечь подъ ними и подъ пороховыми ящичками костры. Очевидно, что то былъ лишь разгулъ отваги. Съ трудомъ могли мы растолковать нашимъ удалцамъ, что если бы даже удалось переколотъ десятка два или три спящихъ Французовъ,

то изъ этого отнюдь не слѣдовала бы вѣроятность выхватить у нихъ пушки безнаказанно и довести ихъ, какъ предполагали пластуны, на Французскихъ же артиллерійскихъ лошадяхъ до Перевала, съ котораго наконецъ невозможно было бы спустить ихъ къ Бельбеку, ибо тамъ не было проѣзжей дороги. Даже въ случаѣ такой небывалой удачи, Африканскіе егеря вѣрно бы мигомъ вскочили на коней и изрубили бы въ куски отважныхъ похитителей, такъ что не кому было бы доставить о томъ извѣстіе въ нашъ лагерь. Совершенная неисполнимость предположенія пластуновъ была очевидна; тутъ, кромѣ кровавой, но бесполезной тревоги, ничего нельзя было затѣять. Убѣжденные въ этой истинѣ, Баронъ Оф... и я, осмотрѣвъ еще разъ попристальнѣе непріятельскую позицію, воротились назадъ къ балкѣ. Тамъ задорные вожаки наши, снюхавшись съ остальными товарищами, настойчивѣе прежняго стали увѣрять и сами увѣряться въ возможности «бисовой бидой» нагрянуть на непріятельскій паркъ. Поджавъ ноги и выпучивъ глаза, разгорѣвшіеся при видѣ добычи, которая, какъ имъ казалось, была уже у нихъ подъ рукою, каждый изъ нихъ походилъ на разъяреннаго тигра, готовящагося сдѣлать рѣшительный скачекъ на попавшуюся ему жертву. «Година добрая,— толковали они,— грязи еще нема, то съ чего же мы будемъ дурно бачить, якъ Хранцузъ тутъ бунтуеть». Неугомонный маіоръ предлагалъ даже залечь въ кусты на цѣлыя сутки, чтобы еще лучше высмотрѣть днемъ всё подробности. Трудно передать здѣсь всё силлогизмы, къ которымъ мы должны были прибѣгнуть, чтобы заставить нашихъ удалцевъ отказаться отъ ихъ невообразимой претензіи на непріятельскія орудія. Наконецъ разсудокъ и приближающаяся заря одержали верхъ, и мы, покончивъ нашу послѣднюю булку и запивъ ее послѣднимъ глоткомъ кислаго вина, отправились опять къ Перевалу по прежней дорогѣ.

Обратный путь нашъ не былъ ознаменованъ ничѣмъ достопримѣчательнымъ. Ознакомившись уже съ мѣстностію, освоившись съ опасностями нашего дѣла, мы уже не непрерывно гнулись въ три погйбели, а большею частію шли прямо и смѣло. Къ невыразимой досадѣ нашего старика, стало даже кое-гдѣ проскакивать словце, хотя и въ пологоса. На самомъ Перевалѣ нашли мы все еще тлѣющійся огонекъ Французовъ, но ихъ самихъ тамъ не было. Мы запалили наши трубки на непріятельскихъ кострахъ и живую рысью стали спускаться къ аулу Маркуръ, въ Бельбекскую долину. До-

рогою дивовались мы невольно на оптическій обманъ , причиняемый огнями нашихъ бивуаковъ , растянутыхъ длиннымъ поясомъ вдоль вершинъ насупротивъ лежащихъ Аергульскихъ высотъ. Они пылали, какъ будто воздушные горы, сквозь облегшій вокругъ ихъ утренній туманъ. Странное дѣло! Удача нашего похода, а также пробуждающаяся вокругъ насъ природа и любопытная болтовня пластуновъ такъ заняли всѣхъ , что мы почти не замѣтили , какъ очутились въ долину, и, не смотря на огромный переходъ , не чувствовали особой усталости. Пользуясь общимъ благопріятнымъ расположеніемъ духа , одинъ пластунъ , со смѣтливостію чисто кровнаго Янки (Yankee), подошелъ ко мнѣ и , взглянувъ на мой швейцарскій штуцеръ , сказалъ: « Вы не пластунъ , а у васъ есть вѣрный штуцеръ , часы и подзорная труба ; у меня же ихъ нима , у меня лишь семеро дѣтей: нельзя ли намъ подѣлиться?... » Все это было такъ тонко обдуманно и такъ просто высказано , что невольно исчезли всѣ мои экономическіе виды на мою собственность: подзорную трубу я подарилъ ему тогда же , штуцеръ обѣщалъ ему заказать новый въ С. Петербургѣ , а объ часахъ постараться. « Да , постарайтесь, — примолвилъ онъ , — «бо Царь сюда буде на дняхъ , а «у него часовъ много. » И въ самомъ дѣлѣ , желаніе пластуна исполнилось. Кажется , не далѣе , какъ чрезъ двѣ недѣли , Царскіе часы уже украшали его изношенный чекмень , и вѣроятно мысль о семерыхъ дѣтяхъ уже на такъ тяжело давила его душу. Около ползучаса до разсвѣта , прошли мы чрезъ наши передовые посты. Козаки и штуцерные не могли надивиться , что мы воротились не только живыми , но даже не изуродованными. Отдавъ отчетъ во вѣренномъ намъ порученіи , мы наконецъ прилегли отдохнуть и скоро заснули мертвымъ сномъ на нашихъ стоянкахъ , въ аулѣ Кутлеръ-Фоцалгъ.

Такъ окончилась наша Байдарская ночь. Долго стану ее помнить; стану помнить также прелестную мѣстность , въ которой я ее провелъ. Отъ Севастополя до Ялты не встрѣчалъ я Крымской природы въ такой изрядной обстановкѣ , какъ здѣсь , особенно въ тѣ минуты , когда она озаряется безпрестанно измѣняющимися свѣтовыми отливами утренняго или вечерняго солнца. Близъ истоковъ Бельбека и Черной известковыя скалы Крыма вообще тѣряютъ свой угрюмый , обрывистый и опустошенный видъ. За исключеніемъ собственно Яльскаго хребта , увѣчаннаго вдали пересѣченнымъ конусомъ Чатыръ-Дага , являются тамъ большею частію округленные игривые

холмы, украшенные зеленью и кустарничкомъ, сквозь который мелькаютъ воздушные *Чапирн* (*). Широкая и плоская возвышенность образуетъ здѣсь гребень самой Яилы, а съ послѣдней окраины ея внезапно растягивается пышная панорама садовъ и виллъ Южнаго берега. За ними же омертвѣлая нынѣ синева Чернаго моря. Около начала Ноября, Французскій лагерь сошелъ на зимовку съ Перевала въ Байдарскую долину, за Черной. На поприщѣ нашей ночной прогулки было нѣсколько стычекъ между нашими и непріятельскими легкими отрядами. Но Французскій редутъ и завалы нынѣ срыты, а въ память этого западнаго визита, на Перевалѣ, какъ по всѣмъ окрестностямъ Севастополя, осталось лишь отличное, хотя и не совершенно конченное, Французское шоссе, которое своимъ присутствіемъ какъ бы выговариваетъ старинную пословицу: *нѣтъ худа безъ добра*.

Платонъ Чижачевъ.

(*) Татарское названіе горныхъ пастбищъ.

О ФЛАМАНСКОЙ ЖИВОПИСИ.

(Письмо къ К. С. А....ву.)

Недавно говорили мы съ вами, любезнѣйшій К. С., о разныхъ школахъ живописи, ихъ особенностяхъ и направленіи,—и вы мнѣ привели мнѣніе о Фланманской живописи Гегеля, который говоритъ, что эта живопись выражаетъ собою какое-то довольство и наслажденіе матеріальною жизнію и что, влѣдствіе своего содержанія, она не могла явиться иначе, какъ миниатюрною, потому что, изображая преимущественно природу не высокою, она оскорбляла бы эстетическое чувство человѣка, еслибъ приняла размѣры дѣйствительнаго міра. Я тогда же не соглашался съ мыслию Германскаго философа, но она такъ оригинальна и, при всей своей ложности, заключаетъ въ себѣ столько истины высокой, что не вдругъ увидишь, съ которой стороны на нее напасть.

Совершенная правда: именно, какое-то особенное довольство, какое-то услажденіе матеріальною жизнію высказывается во всѣхъ Фланманскихъ произведеніяхъ; но чтобы онѣ вслѣдствіе этого были непремѣнно миниатюрны, — это мысль совершенно отвлеченная и невѣрная исторически. Нельзя же назвать миниатюрнымъ живописцемъ Рембрандта или Ванъ-Дика, а сказать тоже о Рубенсѣ даже наивно смѣшно. Если Гегель выключилъ ихъ изъ общаго круга Фланманской школы, то это безъ всякаго на то права: и Рембрандтъ, и

Рубенсъ чистые Фламанцы, не во одному только происхожденію, но и по характеру ихъ живописи; въ нихъ мы видимъ ту же общую манеру писать, принадлежащую съ легкими личными отбѣнками всей школѣ, ту же тучную природу, тоже погруженіе въ вещественную жизнь, тотъ же матеріальный взглядъ, перенесенный даже на историческія и релігіозныя представленія. Скажу вообще: чтобы вѣрно опредѣлять значеніе какого-нибудь искусства, надо указать на его матеріалъ, потому что въ немъ заключается главная судьба искусства. Я не говорю уже о томъ, что краска есть условіе живописи, звукъ — условіе музыки и т. д., но надо знать непременно: какъ именно краска употреблялась въ известной школѣ и въ известную эпоху, была ли то краска на яйцѣ, или фрескѣ, или что другое; тогда само собою уяснится значеніе самой школы, ибо ея техника рождается прямо отъ этого. Такъ для вѣрной и точной исторіи музыки нужно знать, какіе когда существовали инструменты, потому что отъ инструментовъ зависитъ а характеръ, и размѣръ самой музыки. Не могла бы Нѣмецкая музыки развиваться въ ораторіи Гайдена, еслибы въ его время известна была только одна флейта. Часто новый инструментъ, новый матеріалъ рождаетъ совершенно новый, неслыханный и негаданный дотолѣ видъ искусства. Мало ли чего человѣкъ еще не выразилъ, не высказалъ можетъ быть единственно потому, что не изобрѣлъ или, лучше, не имѣетъ орудія для представленія своего внутренняго образа. Индѣя архитектура въ странѣ, изобилующей лѣсомъ, и иная тамъ, гдѣ онъ дорогъ, а гранитъ и мраморъ ни по чемъ; вслѣдствіе различія ихъ матеріала, и развитіе ихъ различно: различна техника, различны требованія, иначе образуется вкусъ, характеръ, направленіе. Само собою разумѣется, что это можетъ быть и обратно, что особенный взглядъ человѣка, его особенный талантъ найдетъ себѣ и матеріалъ особенный, какъ это случилось съ Фламанцами.

Говоря о живописи Фламанской, надо знать и не забывать, какъ Гегель, что ея матеріалъ есть масляная краска. Сказавши это, я уже сказалъ почти все тому, кто самъ по опыту знаетъ свойство и характеръ масляныхъ красокъ. Онъ сейчасъ пойметъ, въ чемъ такая живопись и такая школа должны заключаться, какой ея способъ, какіе размѣры; для него останется неизвѣстнымъ одно: сила талантовъ этой школы, а направленіе ихъ уже будетъ ясно. Но такъ какъ вы никогда можетъ-быть не изучали картинъ

со стороны ихъ техники и не знаете самаго процесса масляныхъ красокъ, то я постараюсь вамъ сколько-нибудь объяснить отличительныя особенности этого матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собою откроется и особенность Фламандской школы.

Фламанецъ изобрѣлъ масляную краску и полюбилъ ее; она совершенно по немъ пришлась. Жирная, тучная, корпусная, отчасти неопрятная, она похожа на жирную, толстую, самодовольную, нѣсколько плебейскую, но вмѣстѣ добродушную фигуру самаго Фламандца. Открывъ такой близкій своему сердцу матеріалъ, Фламанецъ предался ему всей душою, все другое принесъ ему въ жертву, все ему покорилъ, во всемъ хотѣлъ видѣть только его. Его рисункъ жиренъ, толстъ, неуклюжъ, часто не совѣмъ вѣренъ, неправиленъ, ибо не тонкій греческій рѣзецъ его выводитъ, а разлапистая, хотя и мастерская масляная кисть; онъ не глубоко, не обдуманъ заранѣе, но тутъ же наскоро набросанъ, когда уже лежитъ на палитрѣ растертая краска. Греку краска нужна была для опредѣленія его эстетической, высокой черты, исчезающей въ идеальномъ мірѣ; онъ ее окрашиваетъ робко и тонко, боится, чтобъ она не загубила и не задавила собою еще тончайшей мысли, для которой она стала видимой формой; Фламандцу же нужна черта только для опредѣленія краски и, когда краска легла на полотно, черта уже не нужна. Даже то, что онъ рисуетъ карандашемъ или акварелью, или гравироветъ, всегда похоже на масляную краску: вездѣ проглядываетъ желаніе дать всему видъ ея; вездѣ онъ ее одну хочетъ видѣть. Особенно это поражаетъ въ многочисленныхъ гравюрахъ Рембрандта, въ которыхъ замѣтна одна и таже хватка, одна и таже кисть, какой мы любуемся въ его портретахъ. Фламандцу вообще сюжетъ не нуженъ; онъ имъ не стѣсняется никогда и далеко за нимъ не ходитъ; его не столько занимаетъ мысль картины, сколько эффектъ освѣщенія, эффектъ самой краски. Онъ ее преслѣдуетъ во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ; все, что ей доступно, все совершено Фламандцемъ. Такъ Міерисъ съ одной стороны доводитъ ее до возможной ея тонкости въ своихъ миниатюрныхъ чудесахъ, а съ другой стороны Рембрандтъ и Рубенсъ даютъ ей тѣ колоссальные размѣры, на которые она очень способна (*).

(*) О миниатюрѣ вообще должно замѣтить, что именно тѣ школы живописи, въ которыхъ она процвѣтала, доходили въ крайности своей и до самыхъ гигантскихъ размѣ-

Фламандцы вообще считаются хорошими колористами, и между ними Рембрандтъ и Рубенсъ въ особенности. Но справедливѣе называть ихъ не колористами, а мастерами, знатоками свойствъ масляной краски. Въ ихъ колоритѣ нѣтъ той граціи, тѣхъ изящныхъ цвѣтовъ и тоновъ, воздушныхъ переливовъ, какіе мы видимъ у Корреджіо и Тиціана, но у нихъ удивительное владѣніе краскою часто при ложномъ или по крайней мѣрѣ не высоко изящномъ, какомъ-то плебейскомъ тонѣ картины. Можно сдѣлать такое сравненіе: картина Италіянскаго колориста есть легкое пирожное, десертъ, а Фламандская—вкусное, но сытное блюдо, которое плотно ложится на желудкѣ. Конечно съ тѣхъ поръ, какъ была изобрѣтена масляная краска, она сдѣлалась достояніемъ всѣхъ школъ и академій во всемъ мірѣ, но нигдѣ она не осталась въ такой исключительности своей, нигдѣ не играла такой важной роли, какъ у Фламандцевъ, и никто ею такъ не владѣлъ, какъ они. Тутъ они торжествуютъ, и если кто хочетъ хорошо писать собственно масляными красками, пусть преимущественно ихъ изучаетъ. Въ картинахъ Италіянскихъ колористовъ масляная краска на второмъ планѣ; вы видите у нихъ изумительную гармонію цвѣтовъ, сліяніе тѣней, все гладко, все ровно, особенность матеріала нигдѣ себя не изобличаетъ. Таже самая картина точно также хороша, съ тѣмъ же самымъ эффектомъ могла бы быть написана на яйцѣ, или *al fresco*, и даже *en pastel*. У Фламандца совсѣмъ другое: онъ знаетъ всѣ особенности своего матеріала и искусно пользуется всѣми; его картина не могла бы быть такъ исполнена ничѣмъ другимъ, какъ только масломъ, потому что ему нуженъ не одинъ цвѣтъ, но и густота самой краски, ея жиръ и корпусность; часто краска виситъ и торчитъ на картинѣ: иногда подъ гастрономическимъ носомъ Фламандца положенъ цѣлый комъ, котораго жирную воню онъ обоняетъ съ несказаннымъ наслажденіемъ, какъ вкусный пирогъ или блинъ, и дѣйствительно, этотъ блинъ производитъ такое дѣйствіе, какого нельзя бы было достигнуть тонкимъ слоемъ хотя тогоже самага цвѣта.

ровъ. Такъ школа Фламандская, такъ школа Флорентинская, извѣстная миниатюрой и давшая искусству Микель-Анджело. Это естественно. Когда глядишь на миниатюру, всегда является желаніе видѣть тоже въ большемъ объемѣ: любопытно посмотрѣть, какъ маленькое совершенство выдѣтъ въ размѣрахъ колоссальныхъ,—и произведеніе растетъ и незамѣтно перерастаетъ дѣйствительность, легко перерывая тончайшую изъ всѣхъ линий, линію середины.

Въ полнотѣ своей масляная краска есть исключительное достояніе Фламандской школы и на оборотъ: эта школа есть развитіе масляной краски *исключительно*. Потому-то она не поднялась до идеальнаго рисунка, до идеальнаго колорита, до высоты мысли вообще, что привязалась страстно къ этой исключительности, которая такъ естественно совпала съ грубой, неповоротливой, республиканской, чувственной натурой Фланца. Фламандская живопись есть, если можно такъ выразиться, *поваренная часть* изящнаго искусства, и рѣдкая Фламандская картина, въ которой не было бы изображено кухни, или жаренаго гуся, или жирнаго пирога, или толстой кухарки, которая мастерски стряпаетъ; или это лавка съѣстныхъ припасовъ, или ворохъ дичи и т. д. Для такихъ предметовъ ни одна краска такъ не способна, какъ масляная. Иконная, яичная живопись слишкомъ тонка и недостаточно жирна. Фрескъ есть живопись стѣнная, къ которой идутъ сюжеты другаго рода; ею расписываются дворцы и храмы. Масляная краска какъ разъ пришла по Фламандскому трактиру.

Русскіе вообще очень любятъ Фламандскую живопись; нигдѣ можетъ быть въ цѣломъ мірѣ нѣтъ столько картинъ этой школы, какъ въ Россіи. И этого нельзя приписать только тому, что Россія познакомилась съ западнымъ искусствомъ первоначально черезъ Голландію; нѣтъ, въ Русскомъ человѣкѣ есть чувство живаго, котораго нельзя отнять у Фланцевъ. Французская живопись намъ противна, какъ академико-реторическая, манерная, даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ; Испанская школа слишкомъ исключительно національна, и школа Итальянская часто оскорбляетъ наши религіозныя понятія. Фламандская школа безъ претензій живо передаетъ простую, обыденную жизнь, но жизнь полную, здоровую, беззаботно веселую. Весело въ комнатахъ, гдѣ много Фламандскихъ картинъ; ихъ толстые, довольные, нѣсколько вакхическіе герои навѣваютъ на зрителя свое здоровье и производятъ въ немъ ту же веселость и тотъ же аппетитъ, которыми сами такъ изобилуютъ. Я думаю, что цѣлая галлея Фламандскихъ картинъ могла бы быть лѣчебницей для людей слабонервныхъ и ипохондриковъ. Если это такъ, если произведенія Фламандскія наводятъ на человѣка такую благотворную, искреннюю, простодушную веселость, — то гдѣ то оскорбительное чувство, которое думалъ замѣтить Гегель?

Но отдадимъ справедливость великому Германцу. Если онъ не правъ исторически, онъ правъ отвлеченно: если онъ не правъ въ отношеніи къ Фланцамъ, онъ правъ въ отношеніи къ искусству вообще. Разсуждая объ искусствѣ Фланскомъ, онъ только забылъ, что оно Фланское; онъ перешелъ мыслию въ общее значеніе искусства, въ его міровое, высокое понятіе, и естественно, что въ такомъ случаѣ чувство его оскорбилось. Дѣйствительно, представьте себѣ Фланскую картину въ Италіи или, еще разительнѣе, въ древней Греціи; представьте себѣ, что ее писалъ изящный, все идеализирующій Грекъ,—невольное непріятное, тяжелое чувство овладѣетъ вами. Вы отъ Грека требуете чего-то другаго, на что онъ напросился и вызвался; вы требуете отъ него идеала не дѣйствительной обыденной жизни частнаго человѣка или небольшого кружка людей, но жизни, возведенной въ ея вселенское значеніе, въ ея общечеловѣческой идеалъ, — и вдругъ такимъ идеаломъ является передъ вами толстый, пузатый, засаленный гастрономъ среди ветчины и колбасъ!

Но точно также, какъ такой невысокій предметъ не оскорбляетъ васъ въ жизни, въ которой вы идеала не ищете,—такъ не оскорбляетъ онъ и въ картинѣ Фланца, которая есть только вѣрный сколокъ съ жизни, писанный просто, безъ дальней мысли, безъ особенной претензіи, въ ея всегдашней будничной одеждѣ. Въ этомъ-то состоитъ вся разница того, что называется genre, отъ картины исторической или религіозной. Таково въ общихъ чертахъ значеніе Фланской живописи. Вы видите, любезнѣйшій К. С., что, разсуждая объ ней, не должно забывать, что она есть дѣло собственно масляныхъ красокъ, и дѣло не Грековъ, а Фланцевъ. Въ этомъ ея задача, ея успѣхъ, ея сила, ея красота, и вмѣстѣ — ея низкая сфера. Такая исключительность не должна никого смущать; нѣтъ школы неисключительной, всеобъемлющей. Всеобъемлющъ только духъ, который признаетъ всѣ явленія, всѣ школы, но которому ни одна школа не нужна. Изъ этихъ-то частныхъ исключительностей и слагается гармонія цѣлаго міра, надо только дать всему приличное мѣсто. И такимъ образомъ опасенія Гегеля, чтобы міръ Фланскій не оскорбилъ эстетическаго чувства человѣка, мнѣ кажутся неосновательными. Не должно ставить жизни въ тѣсныя рамки отвлеченно задуманной системы; ея не втѣснить туда, или же рамки будутъ расплзаться одна за другой. Дайте

жизни такой просторъ, какого сама она потребуеть, тѣмъ болѣе, что, какъ ни хлопочи, а она свое непремѣнно возьметъ; и сила ея не оскорбительна и не страшна, потому что въ мирѣ ничто само себя не перерастаетъ, что нѣтъ ничего сильнѣе и вмѣстѣ скромнѣе, тише, нравственнѣе Истины, которая все содержитъ въ границахъ возможности, предписанныхъ ей самимъ Богомъ.

М. Д.—М.

ДНИ И МѢСЯЦЫ

УКРАИНСКАГО СЕЛЯНИНА.

(МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.)

І. МАРТЪ.

Въ древнее время на Украинѣ, какъ и вездѣ на Руси, годы начинались Мартомъ мѣсяцемъ. Съ XVI вѣка ввелся на Украинѣ Январскій годъ, и съ нимъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ Сотворенія міра. Но мѣсяць Мартъ не пересталъ быть началомъ Пасхальнаго года, и года естественнаго, такъ какъ съ него начинается *Весна*.

Въ нашихъ мѣсяцесловахъ Мартъ зовется еще *Березо-золею*, а по народному *Бѣрезнею* (какъ и у Чеховъ, Сербовъ—*Брезень*); у Червоной Руси это имя присвоилось Апрѣлю. При такой разности надобно знать, что *Бѣрезнею* называется въ народѣ собственно тотъ небесный мѣсяць, который нарождается въ великій постъ, и котораго исходъ бываетъ обыкновенно въ Апрѣль. Объ этомъ постовомъ мѣсяцѣ говорится на Украинѣ, что онъ разговляется *Паскою*; а *масличный* (т. е. масляничный) мѣсяць заговляется *варѣниками*; называется же постовой мѣсяць *Бѣрезнею* отъ бѣлой березы, которая въ это время уже течетъ своимъ сладкимъ сокомъ. На Украинѣ извѣстенъ еще *мѣсяць-Чернецъ*, который народился бы и изошелъ бы въ Великій постъ; объ немъ говорится: « якъ буде мѣсяць-Чернецъ . то буде й свѣту конецъ. » И мыъ рассказывали старые люди въ Кіевѣ, какой страхъ былъ въ народѣ въ началѣ 1769 года (послѣ Колѣвщини передъ Чумою), когда прошла молва, что въ

томъ году будетъ уже мѣсяць-Чернецъ , и особенно какъ уже начинался моръ въ людяхъ .

Марта 4-го, на *Евдокіи*, первымъ вѣстникомъ весны почитается зимоспящій степной звѣрёкъ *Бабакъ*: еще до восхода солнца , на Евдокіи , онъ оживеть и *свистнеть* . За нимъ другой вѣстникъ весны и важный показатель будущаго лѣта—*вѣтеръ* . Весьма примѣчаетъ селянинъ, какой вѣтеръ бываетъ на Евдокіи: если теплый, то и лѣто будетъ теплое; если ворочаетъ мѣлны (т. е. мельницы), то будетъ и снопы въ полѣ ворочать ; если вѣетъ отъ Днѣпра (съ запада), то будетъ рыба ловиться ; если изъ степи (съ востока), то будетъ хорошо на пчелы; а если съ Низу Днѣпра (съ полудня), то будетъ урожай на хлѣбъ . Замѣчаютъ , въ какую сторону вѣетъ вѣтеръ на Евдокіи и для того еще, чтобы въ ту сторону и пшеницу сѣять . Около этого дня птичка *Овсянка* начинаетъ пѣть Украинцу: « Покинь сани, возьми возъ! » А когда увидятъ первую *ластовку*, то бросаютъ на нее горсть земли, говоря : « на тобѣ, ластовко, на гнѣздо! » Объ ласточкахъ думаютъ , что онѣ не улетаютъ на зиму въ теплый вырай (*) (гдѣ за моремъ зимуютъ всѣ отлетныя птицы) , но, сѣпьясь ножками одна съ другою, зимуютъ на днѣ рѣкъ) озеръ, криниць, и даже на днѣ моря .

Щебетали ластовочки,
 Зо дна моря вылѣтаючи;
 Говорили козаченьки
 Да по селу похожаючи....

Такъ запѣваетъ старинная дѣсня о молодыхъ козакахъ, ухидившихъ весною изъ Украины на Запорожье . О томъ же поютъ и въ *Веснянкахъ* .

А вже весна, а вже красна,
 Изъ стрѣхъ вода капле;
 Молодому козаченьку
 Маандрѣвочка пахне .

(*) Въ Поученіи Владиміра Мономаха сказано: «птицы небесныя изъ ирья идуть..., да наполнятся лѣси и поля; все же то далъ Богъ на угодые челоуѣкомъ, на снѣдъ, на веселье.»

Помандровавъ козаченько

У чистее поле;

За нимъ, за нимъ дѣвчинонька:

«Вернися, соколе!...»

Ведется повѣрье, что если, при видѣ первой ласточки, бросить горсть земли на грядку, говоря: «Кропъ сѣю!» такъ и вырастетъ укропъ (который впрочемъ и безъ того растетъ по огородамъ само-сѣйкою).

Изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на Украинѣ радуются особенно появленію голубаго *ряста* (*scilla bifolia*). Увидавъ въ первый разъ этотъ первоцвѣтъ, поспѣшно срываютъ его и топчуть, приговаривая: «Топчу, топчу рясть... дай, Боже, потоптати и того року дождати!» А топчуть рясть для того, чтобы долго жить; и по этой макрoвi-отникѣ, если выздоравливаетъ трудный больной, то говорятъ: «Уже «вылѣзь на рясть»; а кто умретъ, говорятъ: «дуба давъ.»

Украинскій селянинъ полагаетъ, что до *перваго грома* земля не размерзается вполнѣ, и примѣчаетъ: если первый громъ загремитъ на голое дерево, то надо ждать неурожая; если же загремитъ отъ запада, то будетъ урожайное лѣто. При первомъ громѣ, дѣвчата бѣгутъ умыться изъ криницы или рѣки и утереться своимъ краснымъ поясомъ — для красоты; парубки хватаются за уголь хаты и сплясаютъ приподнять ее, чтобы силы прибыло; у кого болитъ спина или *поперекъ* (поясница), тотъ поспѣшаетъ приподнять возъ, или прислониться спиною къ столпу, полагая, что отъ того становится легче; а знающія бабы набираютъ изъ криницы воды, при первомъ громѣ, и мажутъ ею дѣтей отъ *пристырты* (который по книжному зовется «призоромъ очесъ»). До перваго грома Украинцы не садятся вечерять на дворѣ.

Марта 9-го, въ день весенняго равноденствія, говорятъ: «Съ *Сорока Святыхъ* — сорокъ морозовъ буде»; и если не всѣ сорокъ бывають въ продолженіе весны, то остальныхъ ждуть на лѣто. Говорится также, что «на Сорокъ Святыхъ сорбка сорокъ паличокъ въ гнѣздо положить.» Въ школахъ ученики приносятъ на поклонъ учителю по сороку бубликовъ. А для дѣтей въ этотъ день пекутъ и раздають пшеничные *жайворонки*, во имя пернатого пѣвца, ко-

торый прежде всѣхъ, еще на *прѣвеснѣ*, прилетаетъ изъ *върая* радовать стени своимъ пѣніемъ.

Марта 17-го, на *теплаго Олексы*—«щука-рыба хвостомъ ледъ розбивае.» Пасѣчники выставляютъ пчелъ изъ погребовъ; а если еще холодно, то выносятъ хоть два улья погрѣться на весенномъ солнцѣ.

Марта 25-го, на *Благовѣщенье*, такой святой день, что и птица гнѣзда не вьетъ. Встарину говорили, что въ этотъ день Господь благовѣститъ землю и открываетъ ее на сѣанье; а потому до Благовѣщенья не начинали сѣвы на швахъ, а поспѣшали кончать ѳранку на ярину; а «на Благовѣщенскомъ тыжднѣ — вдовинъ плугъ.» Особенно благопріятнымъ день Благовѣщенья почитается у огородницъ для *капусты*, составляющей главный предметъ ихъ заботы и первую красу огорода; и онѣ стараются, чтобы во время заутрени посѣять хоть не много *розсады* (семянъ капустныхъ), гдѣ-нибудь въ затишномъ кутку огорода, или въ круглыхъ, плетеныхъ изъ лозы ясляхъ. Онѣ вѣрятъ, что въ ту пору можно находить розсаду подъ вишневымъ лпстомъ; да и вообще подъ деревомъ на землѣ, если повести рукою, то можно захватить розсаду, и что ее можно натрусить на рядно, въ погребу, изъ капустяныхъ головокъ. (Должно быть тѣ маленькіе и похожіе на зерна грибки, что заводятся въ погребу на капустѣ, подали поводъ къ послѣднему повѣрью). Но за то неблагопріятенъ этотъ день рожденію животныхъ. Полагаютъ навѣрное, что изъ *благовѣстнаго телити* или *лягяти добра не ждати*, и посѣшаютъ зарѣзать; что *благовѣсте яйце* будетъ болтунъ, или же изъ него вылупится калѣчное цыпля; а потому и не подсыпаютъ подъ пастьду яицъ, снесенныхъ въ этотъ день. О погодѣ говорятъ, что такая будетъ и на Великдень, какая на Благовѣщенье. Впрочемъ отъ старыхъ людей услышите преданье, что въ старые годы время шло правильнѣе, чѣмъ теперь, и что уже на ихъ памяти время стало такъ перемѣнчиво на землѣ, какъ оно теперь. Памятенъ еще обычай, что на Благовѣщенье дѣти вывозятъ бывало на лубку 80-лѣтнихъ дѣдовъ своихъ на улицу просить милостыни. Марта 26-е, на *Благовѣстника*, и теперь на *Украинѣ* почитается за великій праздникъ.

Мѣсяць Мартъ начинается обыкновенно на одной изъ трехъ первыхъ недѣль поста; рѣже приходится онъ на Масляной, или же на четвертой недѣлѣ, которая называется *Средокрестною*. На этой

недѣль особенно примѣтный день среда, называемый *хрестцями*: тогда ломается пополамъ постъ, и даже, говорятъ, слышенъ бываетъ трескъ. На хрестци пекутъ пшеничныя *хресты*, чтобы лучше родилась пшеница; половину ихъ съѣдаютъ въ тотъ же день, а другую уже на полѣ, когда выѣдутъ сѣять пшеницу, и до того дня берегутъ въ погребѣ. А на хрестци сѣютъ *макъ*, хоть бы то по снѣгу, лишь бы можно было вскопать какъ-нибудь землю. Макъ сѣютъ только дѣвчата да молодыя молодичи, при чемъ онѣ прямо-вариваютъ или же поютъ слѣдующую *приспѣвку*:

Край долины макъ, макъ;
 Край широкій макъ, макъ —
 Макъ чистый, головистый:
 Головочки, якъ рѣпочки;
 Молодыя молодочки
 Завивали головочки.
 Буде макъ тутъ,
 Буде макъ тутъ!

Макъ и зерномъ и цвѣтомъ своимъ составляетъ роскошь Украинскаго селянина. Зерномъ своимъ, столь лакомымъ для Украинца (особенно въ медовыхъ *маковникахъ*) макъ вошелъ въ пословицу: «Бжъ, дурню, бо то зъ макомъ!» И еще другая пословица идетъ: «Сѣмъ лѣтъ Богъ маку не родивъ. да и голоду не було!» А *маковъ цвѣтъ*—роскошь красоты, особенно когда зацвѣтетъ имъ цѣлое *плѣсо* въ степи....

Ой, изъ могилы видно всѣ долины —
 Сизокрылый орелъ пролетаетъ:
 Стоять войско славно Запорозьке —
 А якъ макъ процвѣтае.

Такъ и о славномъ современникѣ Богдана, *Морозенкѣ*, объ этомъ цвѣтѣ козачины, поютъ въ пѣсняхъ:

Морозенко козаченько
 Якъ макъ роспускався;
 Морозенко козаченько
 Въ неволю понався.

Знающія бабы, вставъ до свѣта на хрестцѣ , и въ потьмахъ , безъ заправки, сѣвъ у порога , прядутъ по два *починка* , крутя веретено *наспакъ* , т. е. отъ себя (а не къ себѣ, какъ прядутъ обыкновенно), и кладутъ ихъ *наъхрестъ* ; этою пряжею онѣ перевязываютъ руки или ноги отъ *грыжи* (ломоты).

На *Похвальномъ* , т. е. на пятомъ тыжднѣ поста , примѣтный день суббота, которую зовутъ *Похвалою* , и говорятъ, что «на Похвалу сорѣка яйцемъ похвалятся.» Въ этотъ день съется капуста *розсада*.

Вербный тыждень зовется и *Вербичемъ*. О случающихся въ это время холодахъ есть пословица: «Прійшовъ вербичъ, два кожуха тербичъ.» Не должно на этомъ тыжднѣ сѣять *бураковъ* (свеклы) , а то будутъ горькіе. Въ вербную недѣлю приходящіе отъ заутрени со *святою вербою* , бьютъ ею спящихъ, приговаривая:

Верба хлѣсъ, біи до слѣзъ!
 Не я бью, верба бье.
 За тыждень Великдень:
 Будь великій, якъ верба,
 А здоровый, якъ вода,
 А богатый, якъ земля!

Пасѣчники поспѣшаютъ воротиться домой прежде всѣхъ , со святою вербою. Святую вербу берегаютъ , какъ цѣлебное средство отъ разныхъ недуговъ , людскихъ и скотскихъ , — между прочимъ , отъ дѣтскихъ *сухотъ*; знающія бабы въ отварѣ изъ нея купаютъ больное дитя, при свѣтѣ *полнаго* мѣсяца, приговаривая къ нему: «*Мл-сяцю-Адаме* , имя тобѣ Авраме ! дай тѣла на си кости ; а якъ не даси , то прійми мощи!»

Страстная недѣля называется на Украинѣ *Бълою* , потому что тогда бѣлятъ хаты , и убираютъ все , приготовляясь къ Великодню. Въ *Чистый четверъ* моются , и выливаютъ всякую нечисть за дворъ, на распутье. Въ *Страстную* субботу сѣютъ *бураки*; и это дѣло поручается мушцинамъ. Чтобъ не были они горькіе, надобно сѣять ихъ *на цѣ сердце* (патошакъ) , и когда не видно дыму изъ хатъ. Вообще огородину сѣютъ, какъ только повыватапливаются хаты, чтобъ и грядки въ огородѣ были такъ полны , какъ полны горшки въ печл.

Въ продолженіе поста не гонять еще ни овецъ въ одну общую *ватагу*, ни *товару* (рогатаго) въ одну *чреду*; хлопцы и парубки пасутъ скотъ свой порознь, принимая подъ свое смотрѣніе и у со-сѣдей, за что получаютъ отъ нихъ *займинку*—палаицы и прочее, и тѣмъ пробавляются. Молодой овчаръ къ заходу солнца поспѣшаетъ въ село повеселить однообразный день свой, и гоня ватагу съ поля, припѣваетъ:

Терешъ, терешъ, овечечки!
 Терешъ, баранчата!
 А я пойду погуляю,
 Де гарни дѣвчата.
 Терешъ, терешъ, овечечки!
 Терешъ, терешъ, бирки!
 А я пойду погуляю,
 А де чернобривки.

Чернобровыя дѣвчата, поспѣшявъ отгвѣтятся еще на второй недѣлѣ поста, выходятъ по вечерамъ на улицу, или иное просторное мѣсто, привѣтствовать весну своими звонкими *веснянками*.

Благослови, Боже,
 Весну закликати,
 Зиму провожати;
 Ой, весна въ човночку,
 Лѣтечко въ возочку.

Послѣ такого или иного общаго на всю весну запѣва, — дѣвчата, усѣвшись обыкновенно *черенемъ* (купою) или же *лавою* (рядомъ), поютъ повседневныя свои веснянки. Здѣсь, на побережьи Дибров-сѣомъ, (гдѣ живу я) начинаютъ вечера обыкновенно слѣдующею пѣсней:

Орель поле изъоравъ, изъоравъ,
 И ячменю насѣявъ, насѣявъ:
 Роди, Боже, той ячмень, той ячмень,
 Тожъ парубкамъ на коровай, на коровай,
 Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
 А молодымъ на диво, на диво!
 Орель поле изъоравъ, изъоравъ,

И пшеница насяетъ, насяетъ:
 Роди, Боже, пшеницю, пшеницю,
 Тождъ дѣвочкамъ на коровай, на коровай,
 Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
 А молодымъ на диво, на диво!

Веснянки поются до Троицы; это пѣсни исключительно *дѣвическія*; парубки только слушатели, и вмѣшиваются въ нихъ только своими *жартами* (шутками), на которыя дѣвчата отпѣваютъ имъ веснянками. На примѣръ:

Торохъ, торохъ.... сѣю горохъ,
 А врѣдятся брыца:
 Не пришлется що добрее,
 Да все ледацица.
 Торохъ, торохъ.... сѣю горохъ
 А врѣдятся брыца:
 Взяли Туркы два парубкы,
 И мого чернобровица!

Кончая вечеръ, дѣвчата поютъ, расходясь по домамъ:

Спѣвали дѣвочки, спѣвали;
 У решето пѣсни складали;
 Да й поставили на вербѣ:
 Де взялися горобци,
 Звалили решето до долу—
 Часъ вамъ, дѣвочки, до дому!

Молоденькія дѣвочки не принимаютъ къ пѣнію веснянокъ; но у дѣтей обоюго пола есть свои веснянки, цѣлое лѣто продолжающіяся. Когда идетъ дождь, дѣти бѣгаютъ подъ нимъ и принимаютъ:

Дощику, дощику!
 Зварю тебѣ борщику,
 Въ новенькому горщику,
 Поставлю на дубочку:
 Дубочокъ схитнувся,
 А дощикъ линувся —
 Цеброшъ, ведрошъ, дойничкою,
 Надъ нашою пашничкою.

Когда находятъ туча, дѣти нагромоздятъ изъ песку или земли *дзвоницу* (колокольню) и, бьючи по ней палочками, прищѣваютъ:

Бій, даване, бій!

Хмару розбій!

Нехай хмара на Татаре,

А сонечко на Хрестяно!

Бій, даване, бій!

Хмару розбій!

II. А П Р Ъ Л Ъ.

Второй мѣсяць весны зовется по Украински *Квітнемъ* или *Цвітнемъ*, ибо природа на Украинѣ является тогда въ первомъ цвѣтѣ: бѣлая берега, убранная въ золотистыхъ серьгахъ, распускаетъ свои зеленныя косы; зазеленѣвшая степь красуется золотымъ горницѣтомъ (*adonis vernalis*) и сребропушистымъ сономъ (*anemone*); вишневые сады стоятъ, какъ молокомъ облитые, и въ нихъ уже раздается щебетъ соловья. Въ этомъ же мѣсяцѣ обыкновенно и Украинскій людъ, какъ и весь Православный мѣръ, обрадованъ бываетъ *Великоднемъ* и христосається во имя воскреснаго Искупителя мѣра.

Въ Свѣтлый день сей, послѣ обѣдни, когда разговѣется уже каждый въ своей семьѣ—паскою и прочимъ *свяченымъ*, хлопцы ходятъ по дворамъ привѣтствовать всѣхъ троекратнымъ *Христось воскресъ!* и хозяева за то, давъ первому *хрестовальнику* пару Крашанокъ, всѣмъ прочимъ даютъ по одной, а говорящимъ *вирши* (т. е. стихи) даютъ и деньги. Въ старыя годы *хрестовали* и взрослые. Извѣстна большая великодняя вирша, которую нѣкогда говорили Запорожцы *товарищу* и *батьку* своему *Грицьку*, великолѣпному Потемкину:

«Христось воскресъ радъ! мѣръ увесь,
Дождалися ласкы;

Теперь усякъ набѣться въ смазь
 Свяченой паскы.
 Всѣ гуляють, выхваляють
 Воскрешного Бога;
 А вже тая, що до рая,
 Протерта дорога....» и т. д.

А въ Печерской Лаврѣ, когда тамъ *великимъ Архимандритомъ* былъ воеводичъ Молдавскихъ земель Петръ Могила, его привѣтствовали на Великдень печатными виршами — и знаменитые типографы Лаврскіе, Памва Берында и Тарасій Земка (книжкою «Умнологія си естъ Пѣснословіе» 1630 г.), и профессоръ Риторикъ, Софроній Почаскій, съ учениками Лаврекаго Могилинскаго Гимназіума (книжкою «Евхаристиріонъ албо Вдячность» 1632 г.).

Между тѣмъ какъ малые хлопцы идуть *хрестовать* на село, пасѣчникъ идетъ въ пасѣку похристосаться съ своими ярыми пчѣлками и несетъ имъ *безконечникъ*—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или *покутній* улей, называемый у Заднѣпровцевъ *хозяиномъ*, на которомъ всегда лежитъ ладанъ; а главный улей, *Зосимъ*, стоитъ всегда середь пасѣки.

На другой день, еще на разсвѣтѣ, ходять парубки *обливальники* по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослые дѣвчата, и за каждую получаютъ по парѣ крашанокъ въ свои ведра. Дѣвчата уже за благовременно ждуть ихъ; а которая заспалась бы или не успѣла бы прибраться до ихъ прихода, ту обливаютъ водою. Такъ ведется у насъ на степи при Суцѣѣ; и это есть остатокъ давняго Украинскаго обычая, описаннаго Бопланомъ (а) во второй половинѣ XVII-го вѣка, когда парубки обливали дѣвчатъ въ великодный *понедѣльникъ*, а дѣвчата парубковъ во *вторникъ*, какъ это понынѣ ведется у Словаковъ, у которыхъ есть пѣсенка объ этомъ: (б)

«Облѣвай, облѣвай власы ай главичку,
 Але ми зашануй ту нову сукничку.»

(а) См. его *Описаніе Украины*, переведенное Устряловымъ, 1832 года, стр. 79.

(б) См. Коляровы «*Narodnie Zpiewanky*» 1834. Т. I. стр. 24 и 431.

Въ 31-й главѣ *Киѣвскаго Синодсиса*, а также и въ *Кройнікль* или *Лѣтописи Густинской*, (подъ 988 годомъ), говорится «о обліяніи водою на *Великъ-день*»; но то, очевидно, взято изъ лѣтописцевъ Польши и относится къ ея обычаю. Наши степные обливальники-парубки, а также и дѣвчата, подъ вечеръ въ понедѣльникъ сходятся въ одну хату, и тамъ на общую *складку* пируютъ и веселятся съ пѣснями и музыкою, и иногда до свѣта. Съ великодного понедѣльника возобновляются и дѣвическія пѣсни-веснянки, примолкшія съ вербой субботы. Вотъ одна веснянка, вдохновленная мѣсяцемъ Квѣтнемъ въ сѣверной сторонѣ (она записана мною 1827 года, на берегахъ Шостки, впадающей въ Десну): (в)

Розлилися воды
На чотыри броды.

У першому бродѣ
Соловейко щebetавъ,
Зелены сады розвивавъ.

У другому бродѣ
Зозулька ковала,
Лѣтечко казала.

У третѣму бродѣ
Коничокъ заржавъ,
Вѣпъ дорбженьку почавъ.

А въ четвертѣмъ бродѣ
Да дѣвчина плаче,
За нелюбого идучи,
Свое лихо чуючи.

Съ Великодня къ обыкновеннымъ пѣснямъ-веснянкамъ присоединяются еще дѣвическія игры, сопровождаемыя особыми пѣснями и называемыя вообще *танками*. Эти игорныя веснянки на Украинѣ тоже, что въ Великой Руси *хороводы*, объ которыхъ и тамъ говорится въ народѣ: *танки водить*; и нѣкоторые изъ нихъ тѣ самыя, что и на Украинѣ, какъ-то: *просо-сѣять*, *макъ-сѣять*, *Заюшка*, *Ящурь*. А разница между ними та, что въ Великорусскихъ танкахъ или хороводахъ участвуютъ старъ и младъ обоого пола, и водятъ ихъ съ весны до зимы, повершая ими нерѣдко и другіе праздники народныя; но танки Южнорусскіе остаются исклю-

(в) См. моего изданія Малороссійскія пѣсни, 1827 года, стр. 159.

чительною собственностью дѣвчатъ и весны, и водятъ ихъ только съ Великодной до Зеленой недѣли. Великорусскими танками заправляетъ особая *хороводница*, женщина обыкновенно пожилая и нерѣдко вдова; а Украинскіе танки водятъ сами дѣвчата, изъ которыхъ передовою становится болѣе замѣтная или болѣе удалая въ играхъ. Одна изъ нихъ въ прошломъ столѣтіи воспѣта въ особой пѣснѣ, понынѣ любимой на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: это прекрасная *Бондаровна*, злополучная жертва знаменитаго повѣсы Пана-Канѣвскаго (Потоцкаго).

Въ славномъ мѣстѣ у Каневъ
 Дѣвокъ танокъ ходить;
 Молодая Бондаровна,
 Усѣмъ передъ водить.... и т. д.

На Украинѣ, гдѣ нынѣ въ большой модѣ у дѣвчатъ пѣсни Московскія, и особенно солдатскія, давно извѣстна пѣсня:

«Какъ у нашихъ у воротъ
 Стоялъ дѣвокъ хороводъ».

Однако названье *хоровода* не пристаётъ къ танкамъ дѣвическимъ; и это потому, что на Украинѣ *корогодъ* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. *Корогодъ*, также какъ и *Коровай*, является только на *весельяхъ* т. е. на свадьбахъ. Въ брачную ночь, когда благополучная чета оставляется уже въ покоѣ, дружкѣ съ хмѣльнымъ причетомъ своимъ и музыкою шумно провожаетъ по селу *Корогода*, съ особенной о немъ пѣсней; при чемъ приданки и свашки поютъ и о Корогодовой женѣ-воеводѣ.

Дѣвическіе танки, по внѣшнему виду, бываютъ: 1) *Круговые*, которые водятъ, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-сѣять*, *кропъ*, *перепелка*, *заюшки*, *яцуръ*, *король*, *нѣлюбъ*, *переборецъ* и другіе; 2) *Ключевые*, которыя водятъ, сомкнувшись въ одинъ ключъ; таковы: *галка*, *чечѣтка*, *горобей*, *лѣсаниця*, *кривый-танецъ* и другіе; или же, сомкнувшись въ два ключа, какъ въ танкѣ *просо-сѣять* и въ *шумъ*.

Перепелкою становится въ средину круга одна изъ красивѣйшихъ дѣвчатъ и представляетъ тѣлодвиженіями то, о чемъ поютъ

ходящія вокругъ. При «старомъ мужичкѣ» она падаетъ на землю съ печальнымъ видомъ; при «молодомъ козачкѣ» вскакиваетъ весело, подпрыгивая и трепля въ ладоши; а при последнемъ стихѣ она старается выскочить изъ круга, но ее ловятъ и *туркаютъ* въ голову.

А въ перепелки да головка болятъ.

Тутъ була тутъ перепелочка;

Тутъ була тутъ бѣлозброчка. (г)

А въ перепелки да плечица болятъ.

А въ перепелки да реберца болятъ.

А въ перепелки да стегеньца болятъ.

А въ перепелки да колѣнца болятъ.

А въ перепелки подошовки болятъ.

А въ перепелки да старый мужичокъ.

А въ перепелки молодой козачокъ.

Перепелка иде и гостиньца несе.

Великолѣпный Великорусскій танокъ «Заплетися, плетень, заплетися» неизвѣстенъ на Украинѣ; а въ замѣвъ его есть свой шуточный танокъ, «Плету, плету лѣсъ, лѣсъ»,—въ насмѣшку надъ парубками, которые весною плетутъ *льсы* около дворовъ и огородовъ. Игра *макъ-слять* на Украинѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ Великой Руси; ибо здѣсь *маковкою* садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а тамъ—*макомъ* бываетъ большею частью простачекъ—дѣтина, которому подъ конецъ, когда стануть отряхивать макъ, достается до слѣзъ (д).

Заюшка у насъ на Побережьи разыгрывается въ такомъ видѣ. Ставшая въ кругу прыгаетъ, стараясь выскочить подъ руки окружающихъ, но ея не выпускаютъ; подъ конецъ пѣсни она кланяется одной, и та становится на ея мѣсто, и такъ далѣе.

(г) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ, какъ повторяются припѣвы и въ другихъ пѣсняхъ.

(д) См. у Сахарова «Пѣсни Русскаго Народа» 1838. Ч. II. стр. 296. — («Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ трасенія волосъ, начинаетъ драку.»)

Заюшка стресенькій,
 Заюшка бѣлесенькій!
 Заюшка скокомъ бокомъ
 Передъ моимъ карымъ окомъ!

Да нѣкуды зающѣ а не выскочити,
 Да нѣкуды зающѣ а не выплыгнути;
 Що въ насъ города все Турецькіи,
 Що въ насъ замкы все Нѣмецькіи,
 Позашѣпованы, позамыкованы,
 Жовтымъ пѣскомъ позасыпованы.

Заюшка не гордися,
 Котрѣй паннѣ поклонися,
 Хочь старѣй, хочь малѣй,
 Хочь менѣ молодѣй.

А вотъ круговой танокъ историческаго происхожденія. Послѣ князя Михайла Михайловича Вишневецкаго и благочестивой княгини его Раисы, урожденной Могилянки, объ которыхъ добрая память осталась на Украинѣ въ трехъ монастыряхъ, Лубенскомъ, Густынскомъ и Ладинскомъ, наслѣдникомъ огромной ихъ Украинской вотчины, (простиравшейся отъ Полтавы до Прилуки въ одну сторону, и до Домонтова, на устьѣ Супоя, въ другую) остался храбрый княжиць *Іереміа*. Онъ былъ «пожаданною утѣхою» для народа Украинскаго; но, жениась на Гризельдѣ Замойской, онъ отступилъ отъ Православія (около 1631 года) и сталъ тогда во взаимное нелюбіе съ Украиною. Въ 1648 году, когда воздвигшіяся Богданъ Хмельницкій началъ Полякамъ *веремья крутити* (е), къ князю Іереміа, имѣвшій званіе *Русскаго воеводы*, принужденъ, былъ разстаться навсегда со своею Украинскою Вишневецчиною, бѣжалъ изъ Лубенъ на Волинь и за то въ борьбѣ съ казачествомъ былъ онъ, какъ лютый звѣрь. Въ слѣдующее лѣто выдержалъ онъ Термошилскую осаду въ *Збаражѣ*,

---

(е) Величко въ своей Лѣтописи (см Т. I. стр. 68), описывая знаменитую Корсунскую побѣду 16 мая 1648 года, говорить: «скоро теди Поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмельницкій зъ Ордою началъ около нихъ (якъ приказують) *веремья крутити...»*.

при чемъ былъ раненъ въ ногу. По этому случаю сложена была козаками насмішливая пѣсня, приглашающая славнаго Русскаго воеводу вывести танецъ по Нѣмецки. Припѣвъ ея съ разными пѣснями нынѣ повторяется въ веселомъ дѣвическомъ танкѣ *выступць*. Дѣвчата, при пѣвѣи каждого двуступія, идутъ широкимъ кругомъ; но за припѣвомъ онѣ устремляются въ припрыжку, то въ середку круга, направивъ кулаки впередъ, чтобы столкнуться, то подаются назадъ.

Ой на ставку, на ставку,
 Поймавъ сокблѣ ластовку.
 Выступцемъ,
 Выдрѣбцемъ:
 Пане Вишневецкій,
 Воевода Кгрецькій,
 Да выводъ танчѣкъ по Нѣмецкій!

Просилася Настуся
 Въ молодого Петруся:

Пусти мене въ таночѣкъ
 Погуляти до дѣвочѣкъ. .

Тодѣ тебе я пушу,
 Якъ кѣсеньку роспушу.

Изъ танковъ, выводимыхъ однимъ ключемъ, самый летучій—*галка*. Ставшая на одномъ концѣ проводитъ за собою весь ключъ подъ руками послѣдней пары, а тамъ также проводитъ стоявшая на другомъ концѣ; и такимъ порядкомъ весь ключъ уходитъ иногда за версту, передвигаясь впередъ то прямо, то излучисто. За каждымъ разомъ поютъ:

Ой галъ-галъ, чорна галочко!
 Ой галъ-галъ, красна паниччко!
 Стань же намъ да до помочи,
 Зъ хорошими, зъ хорошими дѣвочками,
 Зъ красными, зъ красными паниччками!

Ой ты, Марусю, скочь на конецъ;
А ты, Олесю, веди конецъ!

Танокъ *просо-святъ*, любимый всею Русью, отъ Карпатъ и до Урала, здѣсь, на Днѣпровскомъ побережьи, разыгрывается въ слѣдующемъ видѣ. Ставши въ два ключа, лицомъ одинъ къ другому, дѣвчата поочередно поютъ, кланяючись:

- 1-й Ключъ: Ой мы въ поле выѣдемъ, выѣдемъ—
Ой мы зъ Ладомъ выѣдемъ, выѣдемъ.
2-й — А мы нвзку выоремъ, выоремъ—
Ой мы зъ Ладомъ выоремъ, выоремъ.
1-й — А мы проса наѣдемъ, наѣдемъ.
2-й — А мы кони пустимо, пустимо.
1-й — А мы кони займемо, займемо.
2-й — А мы кони выкупимъ, выкупимъ.
1-й — Мы на купчу не глянемъ, не глянемъ.
2-й — Мы сто рублѣвъ кладемо, кладемо.
1-й — На сто рублѣвъ не глянемъ, не глянемъ.
2-й — Мы бабусю додамо, додамо.
1-й — Мы бабуся не хотимъ, не хотимъ.
2-й — Мы дѣвочку додамо, додамо.
1-й — За дѣвочку ни слова, ни слова.
2-й — Бувай, дѣвка, здорова, здорова!

При этомъ одна дѣвка переходитъ въ первый ключъ, которому говорятъ:

Бдыте, повьдьте до насъ!

А тѣ отвѣчаютъ, тоже говорятъ:

Нема короля дома,
Поѣхавъ по дрова,
Пиво варити,
Сына женити,
Дочку давати,
Насъ на весѣлье звати!

Танокъ *Шумъ* играется на Днѣпровскомъ побережьи. Дѣвчата становятся въ два ключа, одинъ за другимъ параллельно, и при этомъ поютъ:

Ой нумо жъ мы нумо,
Въ Зеленого Шума.
А въ нашего Шума
Зеленая шуба.

За тѣмъ оба ключа бѣгутъ разомъ впередъ, а потомъ назадъ, распѣвая самымъ сильнымъ голосомъ, сколько мѡга:

Ой Шумъ ходить, по водѣ бродить;
А Шумиха рыбу ловить,
Що вловила, то й пропила,
Своей дочцѣ не вгодила.
Пожди, доню, до субботы,
Куплю сѹкню, ще й чоботы!
—Або жъ менѣ сѹкню крайте,
Або менѣ жениха дайте!
Або жъ менѣ кудешу наварить,
Або менѣ жениха привести!

Такъ въ этомъ *зеленомъ шумѣ* дѣвчаты отозвались Днѣпръ, убирающийся въ зелень своихъ луговъ и острововъ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству. Въ одно весеннее утро я видѣлъ здѣсь, что и воды Днѣпра, и его песчаная *Бѣлая-коса* за *Шумиловкою*, и самый воздухъ надъ нимъ—всѣ было *зелено*.... Въ то утро дулъ порывистый *горшій* т. е. верховой вѣтеръ; набѣгая на прибрежные *ольховыя кусты*, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону.

Всеобщая гульба и веселье свѣтлопраздничное повершается въ началѣ слѣдующей недѣли, называемой *Проводною*; оно повершается поминаніемъ родичей на ихъ *могилакъ* или *гробкакъ*. Обыкновенно въ *понедѣльникъ* собирается народъ на кладбище, неся туда крашанки, княши, пироги, ряжанку и всякую другую страву, кромѣ вареной; а къ тому и *пляшку горьлки*, составляющую непремѣнную обрядную принадлежность всѣхъ

важныхъ случаевъ и праздниковъ Украинской жизни отъ колыбели до могилы. По приходѣ на могилки родителей и родичей, говорятъ имъ: Христосъ воскресъ! Между тѣмъ служится общая панихида въ церкви, а по хуторамъ и деревнямъ — подъ открытымъ небомъ на кладбищѣ; и послѣ того священникъ съ кадильцѣмъ обходитъ порознь всѣ тѣ могилки, гдѣ есть поминальщики. Тогда обходятъ вокругъ могилки родичи и сосѣди (за исключеніемъ взрослыхъ дѣвчатъ), а также и *старци*, т. е. нищіе, которымъ подаютъ милостыню особенно въ эти недѣли, по той вѣрѣ, что самъ Господь ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, съ Великоднѣя и до Вшестѣя (Вознесенія). Украинцы вѣрятъ также, что во всю Свѣтлую седмицу открытъ рай, и что всѣ умершіе въ эти дни будутъ въ раю; да и въ каждый Воскресный день случающаяся смерть человѣка почитается счастливою. Когда усядутся вокругъ могилки, тогда начинается круговая зауспокойная чарка, вызывающая умиленные рѣчи и слезы о покойникахъ: чтобъ имъ «лѣгко лежать и землю держать, а на томъ свѣтѣ царство небесное!» — «нехай со святыми спочивають, да й насъ дожитають!» и т. п.

Начатыя на могилкахъ поминки расходятся по хатамъ и тамъ доканчиваются; и тогда уже *на подпитку* распѣваются разные поучительные стихи, особенно о *смерти*—

«Якъ положить грѣшне тѣло
На дубову лаву....»

Покойника на Украинѣ кладутъ и отпѣвають не на столѣ, а на лавѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего, поетъ ему:

«Хиба тодѣ затужу,
Якъ на лавѣ положу;
Хиба тодѣ заплачу,
Якъ на лавѣ побачу!»

Не довольствуясь поминальными *Проводами* всѣхъ родичей въ по-недѣльничъ, женки собираются по хатамъ еще и во *вторникъ*— поминать *дядинокъ*, т. е. дядьковскихъ женъ, по которымъ и этотъ

дополнительный ждночій или бабскій праздникъ называется *дядинками*, а въ Переяславскомъ уѣздѣ *Громницами*. Но обыкновенно на Украинѣ *Громници да блискавици* полагаются въ первый вторникъ Петровки, послѣ понедѣльника, называемаго *Розырами*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднованіе *могилокъ* перенесено съ понедѣльника на *вторникъ Проводной*; а въ городѣ Золотоношѣ вмѣсто того на *могилки* собираются въ *Мироносный понедѣльникъ*: тамъ на кладбищѣ находится и небольшая церковь во имя *жены Мироносицы* (ж). Съ проводнымъ вторникомъ кончаются уже для обоего пола Великодные праздники, и жизнь Украинскаго селянина входитъ съ новою сляю въ свою работную, буднишнюю колею. Куски и крошки паски, скорлупы крашанокъ и всѣ прочіе останки *свяченаго*, сбереженные тщательно, пускаютъ на воду; а часто ихъ сберегаютъ вмѣстѣ съ дробками соли свяченой и артосомъ или *Дарникомъ*, какъ цѣлебное средство, особенно для отелившихся коровъ. Свяченое сало почитается лучшею мазью для воловъ, когда у нихъ отъ ярма натрутся шея. Остатки всего *свяченаго* сберегаются, и какъ охранительное средство будущимъ хлѣбнымъ скирдамъ отъ мышѣду. Ведется по всей Украинѣ повѣрье, что если мышь съѣстъ хоть крошку святой паски, то обращается въ *кажану* (летучую мышь).

Изъ постоянныхъ дней Апрѣля главный 23-й *Юрьевъ день*, почитаемый за великій праздникъ, по особенному уваженію всего Христіанскаго міра къ *Побѣдоносцу Георію*. Сей святой витязь на бѣломъ конѣ—«лицемъ баше красенъ, и храбръ вельми», и прославленъ, какъ низложитель Ливійскаго змія; а по своему имени св. *Георій—Земледѣлецъ*, и почитается издревле покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Такъ и на Украинѣ. *На Егоріи*—каждое село выходитъ въ поле, для молебствія и освященія полевовъ озимыхъ и яровыхъ, при чемъ бываетъ освященіе криницъ и колодезей; и съ этого дня уже не пускаютъ скота ходить по полямъ *бѣзбашъ*, т. е. безъ пастуха; а до Юрьева дня даже нарочно *сбиваютъ* житѣ скотомъ, чтобы онѣ лучше росли въ новыя стрѣлки. Съ этого же дня запрещается пускать скотъ и на тѣ *луки и стены*,

---

(ж) Во многихъ мѣстахъ Украины, кромѣ Проводныхъ *могилокъ*, прицерковныя *сестрички* устроятъ напхиду и поминальный обѣдъ еще въ понедѣльникъ *Мироносный*,

которые назначаются подъ сѣнокосъ. А объ запасномъ кормѣ ведется пословица, что—«и въ дурни стане сѣна до Юрья, а у розумного до Никола».

Украинскій селянинъ примѣчаетъ на Юрья вышину своей озими: «коли сховается въ житѣ вороха, то буде урожайне лѣто; а якъ горобцю по колѣна, то буде лихе лѣто». Предвѣстницею урожая служить и *зозуля* (кукушка): «коли закуе до Юрья на голе дерево, то буде голодне лѣто; а якъ на листь, то буде полѣтье». Зозулю представляютъ кующею на дерево; потому и про тѣ кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ личекъ на вишневыхъ и другихъ вѣткахъ, говорятъ, что то «Зозуля наковала». Не одинъ Украинецъ съ началомъ весны носитъ при себѣ копѣйку *про Зозулю*, чтобъ показать ей, послышавъ ее въ первый разъ, и чтобъ она наковала ему копѣйку на весь годъ. Но не объ одномъ только наступающемъ лѣтѣ куеъ вѣщая зозуля Украинцамъ; у нея часто запытаваютъ дѣвчата, черезъ сколько лѣтъ онѣ выйдутъ за мужъ? Порою и старикъ спроситъ у нея: сколько лѣтъ ему жить еще на этомъ свѣтѣ? А объ соловѣ, прилетающемъ изъ *сырая* почти въ одну пору съ кукушкою, говорятъ, что онъ только съ Юрьева дня начнетъ пѣть свою настоящую пѣсню *тѣхъ-тѣрорѣхъ*; а до Юрья онъ только *цвѣринькаетъ*, заурядъ съ прочими пташками.

Юрова роса почитается на Украинѣ цѣлебною для очей; для того и собираютъ ее, обыкновенно цѣдялкою, которую оставляютъ на травѣ на ночь подъ Юрьевъ день. А во время обѣдни каждая Украинская хозяйка ставитъ свѣчу передъ образомъ св. Георгія, прося его, чтобъ онъ доглядѣлъ ея овечку или теллицу; а содержатели скота, особенно *чередники* и *ватажники*, на Юрья постятся до захода солнца, а иные даже не гонятъ и скота на пашу, а кормятъ на дому. Такой обычай соблюдается *про звѣря*, т. е. про волка (которому собственно и принадлежало въ древнее время имя *лютаго-звѣря*); ибо на Украинѣ говорятъ, что «святый Юрь звѣря пасе». — и волкъ считается *Юровою собакою*, которая безъ его дозволенія не займетъ ни скотины, ни людныи. Такъ и у Велико-русскаго народа говоритъ пословица: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ».

Чередники, ватажники и табунщики къ Юрьеву дню отпускаютъ себѣ бороды; ибо Украинцы вообще *волятъ* бороды съ давняго времени, хотя и неизвѣстно, съ какого именно. Впрочемъ на Украинѣ

въ старину борода считалась украшеніемъ стараго челоуѣка. Такъ достославный Гетманъ Петръ Конашевичъ — Сагайдачный, скончавшійся въ Кіевѣ 1622 года, 10-го апрѣля, на Проводной недѣль, носилъ бороду (з). Храбрый Лубенскій Полковникъ *Леонтій Леонтьевичъ Сельчка*, въ концѣ XVII вѣка, тоже ходилъ съ бородою. Да и въ старинныхъ пѣсняхъ Украинскихъ говорится, на примѣръ:

«Деду мой, свѣте мой,
Шовковая борода!»

Что касается до подбриванія головы, то старобытные козаки, особенно Запорожскіе, оставляли и лѣтъли на головѣ *чубъ*, по образу *Святослава Хоробраго* (и), легко ходившаго въ войнахъ, — *аки Пардусъ*, и сложившаго свою чубатую голову у Днѣпровскихъ порогахъ, съ наступленіемъ весны 972 года. Въ нѣкоторыхъ Приднѣпровскихъ мѣстахъ еще и теперь козаки, особенно молодые, ходятъ въ *чубахъ* или *оселѣдцяхъ*. Но господствующее нынѣ въ Украинскомъ народѣ подбриваніе головы въ *чуприну* распространилось, кажется, въ XVII-мъ вѣкѣ, въ подражаніе обычаю Польскому. Заднѣпровскій козакъ, написавшій въ томъ вѣкѣ лѣтопись, названую *Лѣтописью самовидца* (1846, см. стр. 42), говоритъ, что въ 1648 году на Украинѣ «ремесники молодые головы собѣ голили по Польску, чуприну пускаючи на верхъ головы.»

У Святославова внука, Ярослава Владиміровича, Христіанское имя было *Георгій*, и онъ, съ 1032 года, строя города по рѣкѣ Роси, поставилъ тамъ городъ *Юрьевъ*, при которомъ была и особая *Юрьевская* епархія (извѣстная съ 1072 года и до нашествія Батыева). А въ послѣдніе годы своего княженія, Ярославъ поставилъ въ Кіевѣ церковь съ монастыремъ, во имя *св. Георгія*, предъ воротами Софійскаго храма. По ея освященіи Митрополитомъ Иларіономъ 26

(з) См. портретъ его въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, 1850, на стр. 154, взятый изъ современной книги: «Вѣршѣ на жалосный погребъ звацнаго рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго». 1622.

(и) Такъ названъ вопиственный Князь Святославъ Игоревичъ въ Волынской лѣтописи, подъ 1254 годомъ: «не бѣ бо въ землѣ Рускій первѣ, вже бѣ воєвалъ землю Чеську — ни Святославъ Хоробрий, ни Володимиръ Святый».

ноября, Ярославъ «заповѣда по всей Руси творити праздникъ св. Георгія мѣсяца Ноября 26 день». (i) И такимъ образомъ учрежденъ тогда на Руси праздникъ св. Георгія *осенняго*.

Въ позднѣйшіе вѣка тоже воздвигались церкви и обители во имя св. Побѣдоносца—въ разныхъ мѣстахъ Украйны. Такъ въ XVII-мъ вѣкѣ подь Золотоношею, на островку, похожемъ на скирду сѣна и называемомъ *Красною Горкою*, возникъ небольшой скитокъ, съ небольшою плетневою церковью во имя св. *Георгія*. Стараніемъ Золотоношскаго Сотника *Войцы Сербина* и земляка его, Переяславскаго Полковника, *Дмитрія Григорьевича Раича* (или Думитрашка Райче), тотъ скитокъ былъ обращенъ (около 1687 г.) въ монастырь *Красногорскій*. Въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ Стародубовскій Полковникъ *Михайло Миклашевскій* 1696 года построилъ своимъ иждивеніемъ каменную церковь св. *Георгія*: и съ той поры тамъ собирается въ Юрьевъ день народное гулянье. А здѣсь, на Днѣпровскомъ Побережьи, верстахъ въ 12-ти выше Супоя, надъ селомъ Бубновскомъ слободкою, есть древнее *Городище*, весьма искусно устроенное на углу крутаго и глубокаго Яра. На это замѣчательное мѣсто, съ котораго открывается такой живописный просторъ и въ степь, и на Днѣпръ, и на гористое Заднѣпровье, въ *Юрьевъ день* издавна поселяне окрестныхъ селъ съходятся на гулянье; а по какому случаю повелось оно, неизвѣстно. Въ разсказахъ объ этомъ городищѣ нѣтъ ничего особеннаго, ему исключительно принадлежащаго, а только общая обо всѣхъ подобныхъ мѣстахъ молва, что тутъ была нѣкогда церковь, ушедшая въ землю.... Въ этой повсемѣстной молвѣ, переходящей изъ рода въ родъ, не отзывается ли та предковѣчная былъ, что всѣ эти *рѣбленія могилы* и *городища*, такъ знаменательно выдающіяся по Украинскимъ степямъ, возникли первоначально какъ молитвенные храмы того народа, который впоследствии перешелъ въ баснословные разсказы Украинцевъ о *Вѣлетняхъ* и другихъ первожителяхъ земли Южнорусской, и отъ котораго прочія степныя могилы, *круглыя* и

(i) Такъ въ древнемъ Прологѣ XIV вѣка (см. *Ктевланнмъ* кн. III стр. 67), гдѣ именно сказано, что Георгіевскую церковь святилъ Митрополитъ *Иларіонъ*, какъ показано было и въ Патерикѣ С. Коссова. И такъ это было между 1151 — 53 годами, а не 1045 года, какъ значится въ позднѣйшихъ каталогахъ Кіевскихъ.

острыя, остались, какъ памятники надгродные? Такъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа, подъ Переяславомъ, есть круглая могила *Свидова*, о которой говорятъ въ народѣ, что она насыпана надъ Вѣлетнемъ *Свидомъ*.

Къ числу забавъ Юрьевского гулянья на Бубновскомъ городищѣ принадлежитъ катанье красныхъ яицъ, столь любимое по всей Руси. Во многихъ мѣстахъ Украйны дѣвчата, послѣ обѣда въ Юрьевъ день, выходятъ катать крашанки въ полѣ на житѣхъ, и тамъ запеваютъ ихъ въ землю до начатія жатвы.

М. Максимовичъ.

1858 г.
Михайлова Гора.

О РУССКОМЪ ВОЗЗРѢНІИ.

Недавно одно выраженіе, употребленное въ объявленіи о Русской Бесѣдѣ, подало поводъ къ нападеніямъ и толкамъ. Выраженіе это: *Русское воззрѣніе*. Оно точно не было объяснено, потому что это казалось излишнимъ, и предполагалось, что оно не затруднитъ ничьего пониманія. Однако послышались возраженія такого рода: «Воззрѣніе должно быть общечеловѣческое! Какой смыслъ можетъ имѣть Русское воззрѣніе?» Но неужели можно было думать, что въ программѣ Русской Бесѣды предполагалось такое Русское воззрѣніе, которое не будетъ въ тоже время общечеловѣческимъ. Подобнаго мнѣнія, конечно, нельзя допустить, особенно со стороны тѣхъ людей, которымъ придаютъ названіе Славянофиловъ, которые обвиняются въ пристрастіи, будто бы, къ Россіи и которые конечно не захотятъ лишиться ее высшаго достоинства, т. е. челоуѣческаго.

. Теперь скажемъ о самомъ выраженіи, такъ странно для нѣкоторыхъ. Развѣ воззрѣніе народное исключаетъ воззрѣніе общечеловѣческое? Напротивъ. Вѣдь мы говоримъ на прѣимъ: Англійская литература, Французская литература, Германская философія, Греческая философія. Отчего же это никого не смущаетъ? А вѣдь въ литературѣ, въ философіи, если она Англійская, Нѣмецкая и т. д., выражается и воззрѣніе народное. Всѣ это признаютъ. А если признаютъ за другими народами, то почему же не признать и за Русскимъ? Если народность не мѣшаетъ другимъ народамъ быть общечеловѣческими, то почему же должна она мѣшать Русскому народу? Дѣло челоуѣчества совершается народностями, которыя не только отъ того не исчезаютъ и не теряются, но, проникаясь общимъ содержаніемъ, возвышаются и свѣтлѣютъ, и оправдываются, какъ народности. Отнимать у Русскаго народа право имѣть свое

Русское воззрѣніе — значитъ лишить его участія въ общемъ дѣлѣ человѣчества.

Мало того: тогда только и является произведеніе литературы, или другое какое, вполне общечеловѣческимъ, когда оно въ тоже время совершенно народно. Илиада Гомера есть достояніе всемірное, и въ тоже время есть явленіе чисто Греческое. Шекспиръ есть поэтъ, принадлежащій всему человѣчеству, и въ тоже время совершенно народный, Англійскій. А именно этой-то народности, этого-то самобытнаго воззрѣнія и недостаетъ нашей умственной дѣятельности; а отъ того, что въ ней нѣтъ народности, нѣтъ въ ней и общечеловѣческаго. Мы уже полтора ста лѣтъ стоимъ на почвѣ исключительной національности Европейской, въ жертву которой приносится наша народность; отъ того именно мы еще ничѣмъ и не обогатили науки. Мы Русскіе ничего не сдѣлали для *человѣчества* именно потому, что у насъ нѣтъ, не явилось по крайней мѣрѣ, *Русскаго воззрѣнія*. Странно было бы нападать изъ любви къ народности на общечеловѣческое: это значило бы отказывать своему народу въ имени человѣческомъ. И конечно такихъ нападеній нельзя ожидать отъ Русской Бесѣды, считающей, по смыслу своей программы, общечеловѣческое — народнымъ Русскимъ достояніемъ. Въ чемъ же споръ? Постараемся представить его въ настоящемъ свѣтѣ.

Русскій народъ имѣетъ прямое право, какъ народъ, на общечеловѣческое, а не чрезъ посредство и не съ позволенія Западной Европы. Къ Европѣ относится онъ критически и свободно, принимая отъ нея лишь то, что можетъ быть общимъ достояніемъ, а національность Европейскую откидывая. Онъ относится точно также къ Европѣ, какъ ко всѣмъ другимъ, древнимъ и современнымъ, народамъ и странамъ: такъ думаютъ люди, называемые Славянофилами. Европезимъ, имѣя человѣческое значеніе, имѣетъ свою, и очень сильную, національность: вотъ чего не видать противники нашихъ мнѣній, не отдѣляющіе въ Европѣ человѣческаго отъ національнаго. И такъ споръ, понятый настоящимъ образомъ, совершенно пережѣняетъ свое значеніе. Съ одной стороны, т. н. Славянофилы стоятъ за общечеловѣческое и за прямое на него право Русскаго народа. Съ другой стороны, поборники Западной Европы стоятъ за исключительную Европейскую національность, которой придаютъ всемірное значеніе и ради которой они отнимаютъ у Русскаго народа его прямое право на общечеловѣческое. И такъ на оборотъ т. н. Славянофилы стоятъ

за общечеловѣческое, а противники ихъ за исключительную національность. Съ одной стороны, чувство свободы и любви ; съ другой, чувство зависимости и преданности авторитету.

Вотъ настоящее положеніе вопроса. Но противники наши едва ли и передъ собой захотятъ съ этимъ согласиться.

К. А.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ

МИКЛАШЕВСКІЙ.

Не такъ давно, именно 26-го августа 1847 года, въ мирномъ, гостепріимномъ уголкѣ Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, въ селѣ Пануровкѣ, скончался всѣми любимыи, всѣми уважаемый, почетнѣйшій изъ дворянъ Черниговской губерніи, старѣйшій изъ государственныхъ сановниковъ всей обширной земли Русской, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Миклашевскій.

Едва разнесся слухъ о его кончинѣ, родные и перодные, близкіе и полублизкіе собрались со всей околицы, духовенство званое и незваное съѣхалось изъ всѣхъ ближнихъ селеній и всѣ вмѣстѣ, соединившись съ многочисленнымъ семействомъ покойника, съ тысячами окрестныхъ поселянъ, отдали послѣдній долгъ девятидесятилетнему старцу, переселившемуся въ горнія обители.

До послѣдней минуты, не смотря ни на преклонную старость, ни на постоянные, почти неуспынные труды большей половины своего житія, онъ постоянно оставался душою своего многолюднаго семейства и почти до самаго предсмертнаго часа сохранилъ въ себѣ всю полноту жизни и самое живое сочувствіе ко всему современному: рѣдкій примѣръ крѣпости снѣль, даже и не въ наше слабосильное

время! По одному уже этому смерть его не могла не внести въ его семью самой глубокой горести.

Средоточіе всего окольнаго дворянства, снискавшій почетъ и уваженіе долгою и неизмѣнною службою отечеству, безукоризненнымъ благородствомъ въ быту общественномъ, умѣемъ жить и сходиться съ людьми, онъ до послѣднихъ дней былъ такъ бодръ душою и тѣломъ, что, казалось, еще на долгіе годы онъ останется, по всегдашнему своему обычаю, гостепріимнымъ, радушнымъ хозяиномъ, неизмѣнно дѣятельнымъ утѣшителемъ страждущаго и щедрымъ благотворителемъ немущему.

Вотъ почему смерть девяностолѣтняго старца была горькою неожиданностію для всѣхъ его окружавшихъ. Она поразила кровныхъ и родныхъ его, но вмѣстѣ съ ними сильно горевали и посторонніе, знавшіе его близко, имѣвшіе съ нимъ сношенія по сосѣдству и принадлежавшіе къ дворянскому сословію одной съ нимъ губерніи.

Живая горестъ послѣднихъ и уваженіе ихъ къ покойному старшинѣ ихъ по лѣтамъ, по службѣ и по общественнымъ заслугамъ выразились ясно въ томъ прекрасномъ воспоминаніи, какимъ почтили его память И. П. Бороздина, одинъ изъ дворянъ Черниговской губерніи (*).

Но жизнь покойнаго Михаила Павловича Миклашевскаго была такова, что память о немъ не должна оставаться въ предѣлахъ сосѣдняго околodka. Самая некрологія г. Бороздины, написанная тотчасъ послѣ смерти покойнаго, возбудила желаніе ближе и подробнѣе узнать челоуѣка, проведшаго три четверти столѣтія въ общественной дѣятельности, служившаго отечеству въ ту пору, когда оно не по годамъ, а по днямъ наполнялось историческими событіями, и служившаго съ такими людьми, имена которыхъ неразрывно соединились съ частностями исторіи Россіи.

По всему этому, имѣвши случай собрать о покойномъ изустныя и письменныя преданія, я считалъ обязанностию передать ихъ во всеуслышаніе. Другой вопросъ: имѣемъ ли мы право знакомить читающей міръ съ челоуѣкомъ, не занимавшимъ первыхъ мѣстъ ни въ

(*) Оно напечатано въ № 131 Московскихъ Вѣдомостей 1847 года и потомъ въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ книжекъ подъ названіемъ: *Некрологія Тайнаго Советника и Кавалера, Михаила Павловича Миклашевскаго*. Москва. 1847. in-8°.

служебной іерархіи, ни на другомъ какомъ-либо пути общественной дѣятельности и по этому незнакомымъ настоящему поколѣнію?

Девяносто лѣтъ, проведенные большею частію въ столкновеніи съ первыми государственными дѣятелями; сорокъ три года почти непрерывнаго, всегда вѣрнаго и ревностнаго служенія отечеству; семьдесятъ два года безукоризненнаго пути на общественномъ поприщѣ; военные подвиги, внесенные въ лѣтописи военной исторіи, какъ примѣры рѣдкой храбрости; гражданское мужество, не павшее предъ грозой Царской немилости, и при всемъ этомъ еще одна рѣдко замѣчаемая нами добродѣтель: умѣнье въ своемъ крѣпостномъ крестьяннѣ любить своего брата-человѣка; мнѣ кажется, что все это таково, что память его не проситъ, но требуетъ вниманія общества къ жизни покойника и глубокаго къ нему уваженія отъ его соотечественниковъ.

При такихъ правахъ на общественный почетъ, все равно, гдѣ бы ни жилъ Миклашевскій, вездѣ имя его было бы произносимо съ уваженіемъ; но я не могу здѣсь не прибавить, что у насъ въ Россіи, при тѣхъ переворотахъ, какіе совершались въ ней въ прошедшемъ столѣтіи и при той всемірной важности происшествій, какимъ ознаменовалось ея существованіе въ нынѣшнемъ, забвеніе человѣка, дѣятельно въ нихъ участвовавшаго, было бы черезъ чуръ холоднымъ равнодушіемъ и къ высотѣ человѣческаго достоинства, и еще болѣе къ самому нашему отечеству,—равнодушіемъ, къ несчастію часто и почти безисключительно сопровождающимъ память всѣхъ нашихъ дѣятелей, особенно второстепенныхъ.

Вотъ рядъ причинъ, почему я считаю непростительнымъ не почитать памяти умершаго сановника полнымъ его жизнеописаніемъ, столько полнымъ, сколько можно составить изъ домашняго собранія бумагъ и писемъ и изъ взустныхъ разсказовъ, безъ личнаго знакомства съ покойнымъ. Не говоря уже о томъ, что такое жизнеописаніе познакомитъ насъ съ нимъ, какъ съ дѣятельнымъ сотрудникомъ великихъ нашихъ героевъ и первыхъ служебныхъ лицъ государства, но, по самымъ его съ ними сношеніямъ, можетъ прибавить любопытныя черты для обрисовки этихъ лицъ, весьма важныхъ въ предпоследніе періоды нашей исторіи.

Чтобы сохранить исторически-неприкосновенною такую занимательность, я вездѣ, при всякомъ случаѣ, буду приводить цѣли-

комъ тѣ бумаги, которыя мнѣ удалось отыскать въ кабинетѣ покойнаго (*).

Нигдѣ въ бумагахъ Михаила Павловича мы не могли отыскать года его рожденія, но по всѣмъ соображеніямъ и по собственнымъ его рассказамъ можно думать, что онъ родился въ 1757 или 1756 году. Хотя метрическія книги и были уже тогда введены во всѣ приходы, но какъ порядокъ отсылки ихъ въ архивы консисторій еще не наблюдался, по этому многія изъ нихъ затеривались, а еще больше истреблялись пожарами. Последняя участь постигла и метрику села Демьянки, мѣстороженіе покойника (*). Послужные списки также не могли быть вѣрными указателями, потому что лѣта при вступленіи въ службу если и записывались, то безъ дальнѣйшихъ справокъ вѣрили и изустнымъ показаніямъ, часто же дѣло обходилось даже и безъ этого. По церковнымъ запискамъ о возрастѣ при одномъ изъ причащеній видно, что покойнику было не меньше 91 года; сосѣди думаютъ, что больше, но доказать этого не чѣмъ.

Дѣдъ Михаила Павловича былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Стародубовскимъ полковникомъ и стольникомъ Его Пресвѣтлаго Царскаго Величества. Это было еще въ ту пору, когда вся Малороссія была раздѣлена на 8 полковъ, когда начальники ихъ были едва не полными ихъ властителями, имѣли въ рукахъ своихъ власть карать и мловать и владѣли въ полномъ смыслѣ необозримыми полями и безпредѣльными степями плодородной Украины. Отецъ его служилъ Бунчуковымъ товарищемъ. Хотя онъ и не былъ уже такъ богатъ, какъ Стародубовскій полковникъ, однакожь получилъ въ

(*) Здѣсь долгу благодарности заставляеть меня сказать, что вдова покойнаго, Настасья Яковлевна Николашевская, позволила мнѣ разсмотрѣть все, что осталось писемнаго послѣ покойнаго ея супруга, а сыновья его взяли на себя быть моими руководителями въ отысканіи бумагъ и приняли на себя весьма важный трудъ привести ихъ въ порядокъ и разбирать нечеткія рукописи. Но и при такомъ полномъ и благородномъ содѣйствіи ихъ, многое весьма замѣчательное осталось нами непроченнымъ, по чрезвычайной нечеткости почерка писавшихъ: таковы напримѣръ почти всѣ сподручныя письма Беклешева, бывшаго Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія, и многія изъ писемъ канцлера князя Безбородко. Многихъ бумагъ и писемъ мы вовсе не могли отыскать, хотя изъ семейныхъ и дружескихъ бесѣдъ покойника люди къ нему близкіе несомнѣнно знали, что онѣ находятся въ его домашнемъ архивѣ.

(*) Село Демьянка Стародубскаго уѣзда, верстахъ въ трехъ отъ Панюровка.

наслѣдство отъ своихъ родителей такое имѣніе, при которомъ онъ могъ дать полное образованіе дѣтямъ: но тогда исключительно-умственное развитіе не считали главнымъ дѣломъ воспитанія. Правда, что нѣкоторые изъ людей пменитыхъ отправляли своихъ дѣтей въ заграничные университеты, но такъ поступали весьма немногіе. Другіе отдавали въ Кіевскую Духовную Академію, древнѣйшій источникъ просвѣщенія всей Россіи, остававшійся постояннымъ и единственнымъ свѣтильникомъ южнаго ея края почти до послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія. Большею же частію кое-чему учили дома и потомъ въ юности записывали дѣтей въ Малороссійскую службу. Раздольная жизнь была лучшимъ образованіемъ народа, мечемъ защитившаго отъ нападений Запада и неизмѣнность Православной Вѣры, и цѣлость своихъ древнерусскихъ обычаевъ. Начальное воспитаніе молодежи главнѣйшимъ образомъ состояло въ свободномъ привольи и въ ученіи закону Божию, а рассказы очевидцевъ о казачьихъ подвигахъ, какъ живая изустная исторія, питали въ юношахъ горячую любовь къ родному краю. Любовь къ народу и чувство народности входили въ молодое поколѣніе не путемъ системы, не сознательнымъ невольнымъ уваженіемъ къ высотѣ значенія и духовной силѣ Русскаго человѣка; а прямымъ единствомъ быта, нетронутымъ единствомъ вѣрованій, единствомъ благоговѣнія къ заповѣднымъ обычаямъ, даже къ самымъ предразсудкамъ, какъ данн сердечнымъ увлеченіямъ народа. Сухая логическая разработка не разлагала еще тогда жизни народной на умную, способную выдержать самый строгій разборъ мысли, и безсознательное подчиненіе себя преданіямъ старины. Тогда, лѣтъ сто тому назадъ, воспитаніе, ученіе и жизнь были неразъединенными: простота и цѣльность жизни требовали простоты воспитанія, простота воспитанія не искажала простоты жизни.

Благодаря такой простотѣ молодое поколѣніе пріобрѣтало ту крѣпость силъ, которая теперъ для насъ, отдѣленныхъ отъ того времени однимъ только столѣтіемъ, кажется баснословною, а благодаря крѣпости силъ оно сохраняло и свободу ума, и самостоятельность взгляда, не охотно подчинявшихся условнымъ истинамъ и чужому образу мыслей.

Такъ вѣроятно прошла первая молодость М. П. Миклашевскаго. Сверстняковъ его по лѣтамъ теперъ не осталось никого въ родномъ его околоткѣ, самъ же онъ мало говорилъ о своей юности. Я

знаю только то, что первая пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ дому родительскомъ, и только въ одномъ не подошелъ подъ общее правило своихъ юныхъ соотчичей, что началъ службу не въ Малороссіи, а на 16 году былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь первымъ руководителемъ его былъ генералъ-маіоръ Иванъ Ѳеодоровичъ Максимовичъ, пріятель отца его. Онъ отвезъ его въ столицу, онъ же, какъ рассказывалъ самъ покойникъ извѣстному нашему писателю М. А. Максимовичу, записалъ его солдатомъ въ Кадетскую роту и ввелъ въ домъ общаго ихъ земляка, Князя Бозбородко. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно пользовался благорасположеніемъ и потомъ дружбою князя, съ которымъ послѣ, бывши уже 40 лѣтъ, если не больше, онъ вошелъ въ близкое родство, жениась на родной его племянницѣ Настасѣ Яковлевнѣ Бакуринской.

Годъ пріѣзда его въ Петербургъ, именно 1775, былъ первымъ годомъ его воинскаго служенія. Записанный солдатомъ въ бывшую Кадетскую роту гвардіи Измайловскаго полка, Михаилъ Павловичъ, по обычаю того времени, тогда же вступилъ и въ дѣйствительную службу.

Мало можно сказать о первыхъ годахъ его служебной дѣятельности. Изъ бумагъ и патентовъ видно, что онъ въ 1776 году пожалованъ въ капралы и что потомъ «далѣе до сержантскаго чина проходилъ всѣ унтеръ-офицерскія званія, а въ 1782 году переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, гдѣ и произведенъ въ прапорщики въ слѣдующемъ 1783 году.»

Сержантская служба его ознаменовалась исполненіемъ порученій, важныхъ по лѣтамъ и по чину. Онъ былъ три раза отправляемъ курьеромъ: 1780 года въ Коенгагенъ, 1781 въ Лондонъ и 1782 въ Парижъ. Въ чемъ именно состояли эти порученія, не видно ни откуда. Изъ рассказовъ покойника можно только заключить, что въ послѣдней поѣздкѣ онъ не былъ простымъ передателемъ депешъ и писемъ. Здѣсь, какъ пишетъ въ своемъ воспоминаніи объ немъ И. П. Бороздна, слышавшій все отъ него самого, «онъ имѣлъ порученіе къ родителямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которыхъ засталъ въ Монбельярѣ. Тамъ находился въ ту пору и Императоръ Іосифъ II, которому Миклашевскій былъ представленъ, удостоился особеннаго вниманія этого монарха и получилъ отъ него въ подарокъ драгоцѣнную табакерку.

Полная дѣятельность Михавла Павловича началась съ того времени, когда онъ поступилъ въ штабъ фельдмаршала, князя Потемкина, генеральсь-адъютантомъ. Съ этихъ поръ онъ началъ служить подъ знаменами Суворова. Скоро Очаковское дѣло доставило ему случай поставить себя въ числѣ замѣчательно храбрыхъ воиновъ. Хотя ни изъ чего не видно, въ чемъ собственно состояло его отличие, но видно однакожь то, что онъ сражался храбро, потому что успѣлъ обратить на себя вниманіе своего начальника-героя, который не любилъ награждать даромъ. Здѣсь, по представленію Суворова, Миклашевскій произведенъ полковникомъ и назначенъ въ бывшій Стародубовскій Карабинерный полкъ, который потомъ во все время войны съ Турками постоянно находился въ передовомъ корпусѣ, подъ начальствомъ вождя, тогда начинавшаго только упрочивать свою славу, не бывшаго еще ни графомъ Рымникскимъ, ни тѣмъ менѣе княземъ Италійскимъ.

Принявши полкъ, новый полковникъ храбростію своею при мѣстечкѣ Фокшанахъ, гдѣ былъ разбитъ сераскиръ-паша, оправдалъ доброе о себѣ мнѣніе знаменитаго своего военачальника. Изъ рескрипта Императрицы Екатерины, даннаго на имя Миклашевскаго, видно, что онъ «отличился въ этомъ сраженіи.» Не упомянуто, чѣмъ именно онъ отличился; впрочемъ и самая Фокшанская битва не столько была важна по самому боевому дѣлу, сколько по своимъ послѣдствіямъ. Главный подвигъ Миклашевскаго, выдвинувшій его изъ сотенъ его сверстниковъ и поставившій въ число замѣчательныхъ людей военныхъ, былъ въ той Рымникской битвѣ 11 сентября 1789 года, за которую Суворовъ получилъ достоинство графа Римской Имперіи отъ тогдашняго Римскаго Императора Юсіфа, а отъ Императрицы Екатерины названіе Рымникскаго и орденъ Св. Георгія Побѣдоносца 1-й степени. Здѣсь храбрость, рѣшительность и смѣлость Стародубовскаго полковника не только принесли честь ему самому, но были мнѣнны, когда на нихъ опиралось все дѣло и отъ нихъ зависѣлъ ходъ битвы. Очевидцы и описыватели Рымникской битвы говорятъ болѣе; по ихъ словамъ можно заключить, что врядъ ли не отъ быстроты и смѣлости Миклашевскаго зависѣла самая Рымникская побѣда. Ихъ и заставляю я здѣсь рассказать о всемъ ходѣ Рымникскаго дѣла и для этого возьму описаніе его изъ довольно известной въ свое время книги: *Жизнь и военныя дѣйствія Генералиссимуса Князя Италійскаго, Графа Суворова Рым-*

никскаго, изданныя Максимомъ Парнурою. (Санктпетербургъ. 1800 г.)

«Весь корпусъ нашъ состоялъ изъ 7000 человекъ и расположенъ былъ тремя линіями. Въ первой стояли два гренадерскіе отряда, каждый изъ двухъ баталіоновъ, въ ней находился и самъ Главнокомандующій. Во второй линіи были мушкатерскій малой каре, состоявшій едва изъ 500 человекъ, два баталіона Ростовскаго полка, 300 человекъ Смоленскаго полка и при томъ находилось 20 тяжелыхъ полевыхъ орудій. Третья линія состояла изъ конницы, именно: трехъ эскадроновъ Рязанскаго карабинернаго полка, подъ командою бригадира Бурнашева, трехъ эскадроновъ Черниговскаго, подъ командою полковника Поляванова, и трехъ эскадроновъ Стародубовскаго, подъ командою полковника Миклашевскаго. Два эскадрона Кейзеровыхъ и Барковыхъ гусаръ раздѣлены были по обомъ крыламъ, на коихъ также находился казачій полкъ Грекова въ двухъ отрядахъ, въ каждомъ по 300 человекъ и по 800 Арнаутъ. Въ соединеніи съ нашимъ войскомъ были Австрійскія, состоявшія изъ 18,000 подъ начальствомъ Принца Кобургскаго.

До полдня дѣло шло съ нашей стороны весьма удачно: наши войска все подвигались впередъ и сильно тѣснили непріятеля къ рѣкѣ Рымнику, гдѣ Визирь укрѣпился со всѣми своими силами за Крингулярскимъ лѣсомъ.

Около полудня дали отдыхъ. Въ часъ по полудни Русскіе начали возобновлять сраженіе; тутъ показался самъ Визирь съ многочисленною конницею и въ числѣ 40,000 человекъ напалъ со всѣхъ сторонъ на корпусъ Принца Кобургскаго. Здѣсь непріятель дѣлалъ сильныя натиски; Австрійскія войска, особенно Венгерскіе гусары, отбивались храбро; но Принцъ Кобургскій нѣсколько разъ посылалъ офицеровъ къ Суворову просить его о скорѣйшей помощи.

Едва Русскія войска двинулись къ арміи Принца Кобургскаго, тотчасъ же Турки подверглись крестообразной пальбѣ обомъ корпусовъ и скоро, потерявъ много народу, оставили поле и въ безпорядкѣ побѣжали въ лѣсъ. Лѣвое крыло Австрійцевъ перешло къ правому краю лѣса, наши отряды построились полумѣсяцемъ и подошли къ лѣвому концу его. Изъ лѣсу производилась жестокая пальба, которая могла причинить сильный уронъ въ нашемъ войскѣ и совершенно остановить его движенія. Все дѣло зависѣло отъ завладѣнія лѣсомъ.

Въ мѣстѣ находилось больше 15,000 янычаръ, большею частію Догличей (обнаженные сабли), и обѣ стороны лѣса были прикрыты ихъ конницею. Суворовъ, со всегдашней своею быстротою, отдалъ приказъ конницѣ напасть на непріятеля чрезъ промежутки пѣхотныхъ отрядовъ. Длинная и стройная линія конницы перешла чрезъ рвы и валы, врубилась въ янычаръ и произвела между ними ужасное пораженіе. Они защищались отчаянно саблями и кинжалами и изрублены при своихъ пушкахъ, къ которымъ были какъ бы прикованы. *Миклашевскій съ карабинерами Стародубовскаго полка, также Кейзеровы и Барковы гусары, были первые, которые на всемъ блгу ворвались въ непріятеля (*)*. Тоже потомъ дѣлали и полки Австрійскіе, за ними ворвались въ лѣсъ и пѣхотные отряды, такъ что въ четыре часа по полудни соединенное войско овладѣло лѣсомъ и непріятель нигдѣ не могъ уже удержаться.

Жизнеописатель Суворова, имѣя единственную цѣлю передать подвиги великаго героя, оставляетъ безъ вниманія подробности и заслуги исполнителей его приказаній, но даже и въ его краткомъ и нисколько уже не отчетливомъ описаніи Рымникскаго дѣла храбрый поступокъ Миклашевскаго не могъ не выказаться довольно выпукло. Въ рескриптѣ, данномъ Миклашевскому Императрицею Екатериною при пожалованіи его орденомъ Георгія 4 степени 1790 года, декабря 4 дня, нѣсколькими строками обозначена важность быстро и смѣлаго дѣйствія Стародубовскаго полковника:

«Усердная ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, которыми вы отличились въ прошломъ 1789 году въ сраженіяхъ съ непріятелемъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, изъ коихъ въ послѣднемъ съ Стародубовскими эскадронами врубившись въ Турецкій ретраншементъ и овладѣли первыми пушками, обратили на себя наше вниманіе и милость. Мы въ изъявленіе оныхъ Всемилостивѣйше пожаловали васъ въ 30 день марта 1790 года кавалеромъ военнаго нашего ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертаго класса, котораго знаки и вручены вамъ отъ покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина Таврическаго. Удостоверены

(*) *Жизнь и военныя дѣйствія Генералиссимуса Князя Италийскаго, Графа Суворова Рымникскаго, изданныя Максимомъ Парпурию. Санктпетербургъ. 1800 г. in-8°. часть 2, стр. 107.*

Мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны Нашей одобреніе, потщитесь продолженіемъ ревностной службы вѣще удостоиться Монаршаго Нашего благоволенія.»

Орденъ Георгія 4 степени высокая награда; но подвигъ храбраго полковника былъ таковъ, что онъ справедливо могъ считать себя обиженнымъ. Ему казалось, что вознагражденіе ниже заслугъ его было явнымъ знакомъ неблаговоленія къ нему глубоко уважаемаго имъ полководца. Вспыльчивый отъ природы, не любившій сносить того, что казалось ему несправедливымъ, онъ написалъ къ Суворову слѣдующее письмо:

«Ваше Высокопревосходительство!

«Читалъ я по приказанію Вашему реляцію, въ которой именно все то написано, что я нынѣ сказывалъ и что только могло уменьшить дѣло мое и славу, сопряженную съ онымъ. Теперь же поправить сего не чѣмъ; несчастное сіе для меня происшествіе приписываю я не чему другому, какъ собственному и крайнему моему несчастію, которое отнимаетъ у меня охоту дальше продолжать службу: въ такихъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство приказать дать мнѣ подорожную до мѣста пребыванія Его Свѣтлости, куда я ѣхать вознамѣрился не для чего другаго, какъ просить увольненія отъ службы: понеже когда я справедливости не получилъ отъ Васъ, мужа по истинѣ справедливаго и воздающаго всякому не только по достоинству его, но вѣще и вѣще, то какъ съ моимъ несчастіемъ надѣяться, что кто другой лучше со мною поступитъ, а потому блаженіе части взбратъ себѣ не могу, какъ отстать отъ службы, сопряженной съ смертельными неудовольствіями, которыя ничто больше, какъ сама смерть, заглаждать не въ состояніи. Простите, Ваше Высокопревосходительство, выраженія мои, болѣзнь моя столь сильна, что стерпеть не въ состояніи, а впрочемъ прошу вѣрить, что почтеніе мое къ Вамъ неограниченно сохраню до конца жизни моей.»

Само по себѣ это письмо обрисовываетъ открытый, благородный, можетъ быть при этомъ и нѣсколько скорый характеръ храбраго полковника; а двѣ строки написанныя на немъ рукою самого Суворова, даютъ этому лоскутку бумаги достоинство историческаго па-

мятника. Суворовъ, получа письмо, отправилъ его къ князю Безбородко и своимъ мелкимъ четкимъ почеркомъ приписалъ слѣдующія строки, которыя я передамъ здѣсь, сохраняя даже ошибки въ правописаніи:

«Вотъ, почтенный другъ! какое буйство нынѣшнихъ молодыхъ людей: Сему юноше я ничего не отвѣчалъ и холодно принялъ, судяте сами меня... А. С.»

Какъ кончилась эта небольшая размолвка полковника съ своимъ вождемъ—героемъ, неизвѣстно; но судя по тому, что подлинное письмо съ собственноручною припискою Суворова находится въ бумагахъ Михаила Павловича Миклашевскаго, можно думать, что князь Безбородко уговорилъ его остаться въ службѣ.

Не вникая въ дѣла, а судя только по выраженіямъ письма и по припискѣ Суворова, точно можно думать, что одно «буйство нынѣшнихъ молодыхъ людей» требовало награды высшей. Но подвигъ покойнаго Миклашевскаго дѣйствительно выходилъ изъ рода обычно храбрыхъ дѣяній. Генералъ *Медемъ* въ своей тактикѣ ставитъ его между весьма немногими, удостоившимися особеннаго вниманія въ такомъ сочиненіи, какова учебная книга Тактика, гдѣ выбираются только рѣдкіе и поучительные случаи. Онъ говоритъ о подвигѣ Миклашевскаго, какъ о *примѣрѣ удачной атаки, произведенной во время разстройства или колебанія пѣхоты*. Генералъ Медемъ пользовался не тѣмъ источникомъ, изъ котораго я бралъ изображеніе хода и расположенія битвы; онъ ссылается на два сочиненія: *Smitt: Leben und Heerzuge Suworofs. 1 Theil. p. 407*; и потомъ: *Жизнь и победы Суворова. ч. III.*, и потому у него есть нѣкоторое разногласіе съ приведеннымъ мною описаніемъ. Въ переданной мною выпискѣ предводимый Миклашевскимъ полкъ раздѣляетъ славу смѣлаго нападенія съ Кейзеровыми и Барковыми гусарами, у Медема оно приписывается одному храброму полковнику Стародубовскаго полка. Вотъ собственныя слова его:

«Въ сраженіи при Рышникѣ Суворовъ, опрокинувъ атаки Турецкой конницы, приближался со всеми войсками къ Турецкому лагерю, въ коемъ находилось съ многочисленною артиллерією 15,000 пѣхоты, готовой къ сильному отпору. Замѣтивъ, что брустверь укрѣпленія не советѣмъ оконченъ и потому низокъ и отлогъ, и что отважный, пекунный всадникъ можетъ вскочить на него, Суворовъ при-

казалъ всей кавалеріи выдвинуться впередъ и обратиться въ атаку на окопы. Она понеслась съ необыкновенною стремительною, перескочила ровъ и мигомъ ворвалась черезъ брустверь во внутрь лагера. Полковникъ Миклашевскій съ Стародубовскими конными карабинарами былъ въ немъ первый. Янычары оборонялись съ отчаяніемъ; даже Турецкіе артиллеристы, не думая о бѣгствѣ, защищали свои орудія и умирали на нихъ; но все было тщетно: въ нѣсколько минутъ Турки были изрублены или разсѣяны по лѣсу, примыкавшему къ укрѣпленію» (*).

Тотчасъ послѣ Монаршей награды за Рымникское дѣло, Михаилъ Павловичъ получилъ поздравленіе отъ трехъ государственныхъ людей того времени. Всемогущій тогдашній временщикъ, вельможа и главнокомандующій князь Потемкинъ-Тавричскій писалъ къ нему:

«Милостивый Государь мой!»

«Храбрые подвиги, оказанные вами въ минувшую кампанію въ сраженіяхъ противу непріятеля при Фокшанахъ и при Рымникѣ, удостоились Монаршаго благоволенія. Ея Величество Всемиловитѣйше васъ пожаловать соизволила кавалеромъ военнаго ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертыя степени, котораго знаки сямъ препровождая, падаюсь, что Вы умножите рвеніе ваше къ отличію себя новыми заслугами. Пребываю съ особливимъ почтеніемъ Вашимъ, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшимъ слугою Князь Потемкинъ-Тавричскій. Марта 30 дня, 1790 года.»

Такія письма были родъ должностнаго отношенія; все содержаніе, даже нѣкоторыя выраженія, тѣже самыя, что и въ рескриптѣ Императрицы Екатерины. Я привожу его болѣе для того, что подобные остатки тѣхъ временъ, незначительные сами по себѣ, указываютъ на тогдашнія отношенія между Главнокомандующимъ, при этомъ первымъ государственнымъ сановникомъ, и молодымъ полковникомъ арміи.

Въ концѣ того же 1790 года писалъ къ нему другъ его и родственникъ Статсъ-Секретарь, сдѣлавшійся впоследствии Министромъ

(*) Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Тактика, часть 1., заключающая въ себѣ Тактику чистую. Составилъ г. Н. В. Медемъ. С. Петербургъ 1837. стр. 222.

Народнаго Просвѣщенія и получившій графское достоинство, Петръ Васильевичъ Заводовскій:

«Я очень радъ, любезный Михайла Павловичъ, твоему богатырскому подвигу, съ которымъ и съ наградою за оный тебя поздравляю нещетно. Воюй всегда щастливо. Сего тебѣ желаетъ отъ всего сердца пребывающей съ почтениемъ и усердіемъ вашимъ покорнымъ братомъ и слугою П. Заводовскій.»

Всѣхъ болѣе принималъ участія въ судьбѣ Миклашевскаго канцлеръ князь Безбородко. Онъ постоянно слѣдилъ за землякомъ, принятымъ имъ подъ покровительство. Еще при самомъ первомъ открытіи военныхъ дѣйствій, именно 1786 года, писалъ онъ ему собственноручно, какъ вообще были писаны всѣ его письма къ покойному Миклашевскому:

«Радуюсь, что ты наконецъ къ войнѣ привыкаешь. Молодому человѣку ни лучше, ни пріятнѣе упражненія быть не можетъ. Сколько я иногда сожалею, что не пріютился путемъ къ сему ремеслу, которое всегда люблю и чту отлично. Мы и сами здѣсь воюемъ, но наша война противъ вашей миниатюрна. Воюйте здорово и счастливо и спѣшите кончить все, дабы тѣмъ дать скорѣе миръ, а мнѣ открыть способъ наострить лыжи, или по нашей пословицѣ сказать: дай Боже ноги. Сего требуетъ сохраненіе здоровья моего, изнуреннаго не столько трудомъ, который я люблю, сколько неприятностями другаго рода, которыя я тѣмъ терпѣливѣе переношу, что чистъ въ совѣсти моей. Прощай, недосугъ. Желаю о тебѣ скоро слышать, что и ты не просто только глядѣлъ на дѣла другихъ, но и самъ участвовалъ.»

Въ другомъ письмѣ отъ 1 декабря, не знаю котораго года, врядъ не того ли же 1786, или даже быть можетъ 1785, онъ тоже побуждаетъ Миклашевскаго итти на войну, какъ можно охотнѣе:

«Востри саблю, уладь мушкетъ на весну, ступай на войну; въ твоемъ мѣстѣ я бы плакалъ, естли бы меня не пустили, я на все бы плюнулъ, чтобы только поглядѣть на драку. Спроси у Дмитрія Шпрая, какъ Мапура, Гудовичей управитель, тому только и завидовалъ паничамъ своимъ, цшо цѣперъ то шабли наглядятся, когда бы была на войнѣ.»

Едва только слухъ о Рымникскомъ дѣлѣ достигъ до Петербурга, князь Безбородко въ 1789 году первый написалъ къ своему храброму другу:

«Мы считаемъ, что ты будешь съ крестомъ и съ золотою саблею, а по крайней мѣрѣ съ первымъ; и такъ дай намъ знать, когда получишь, дабы мы тому порадовались, тебѣ кантъ составили и пропѣть здѣсь могли. Окончай благополучно компанію на славу и послѣ къ намъ пріѣзжай воспользоваться плодами побѣды.»

Передавая эти отрывки изъ двойныхъ писемъ Безбородко, къ сожалѣнію, я долженъ ограничиться одними небольшими выписками, потому что все дальнѣйшее выходитъ изъ предѣловъ общественной жизни и вводитъ насъ въ личныя и частныя отношенія князя, о которыхъ онъ писалъ къ Миклашевскому, какъ къ самому близкому человѣку. Хотя вообще во всѣхъ его письмахъ нѣтъ ничего, что могло бы положить самое малѣйшее пятно на имя князя Канцлера, по память его еще такъ свѣжа и время его жизни такъ близко къ намъ, что, передавши ихъ, я переступилъ бы за права свои.

Князь Безбородко, какъ я сказалъ, успѣлъ уладить размолвку между полковникомъ и военачальникомъ: Суворовъ скоро совершенно забылъ, что былъ недоволенъ *буйствомъ молодого человѣка*. Вообще онъ умѣлъ цѣнить въ немъ храбраго война и всегда особенно отличалъ его. И. П. Бороздна, слышавшій все отъ самого покойника, пишетъ въ своей некрологіи, что великій военачальникъ «взавна любилъ его. Покойный рассказывалъ, прибавляетъ онъ, «что, еще будучи юношею, имѣлъ счастье пользоваться особенными «ласками безсмертнаго полководца, который не разъ говаривалъ ему: «Милое дитя мое, помилуй Богъ! вижу, что изъ тебя будетъ путь; «въ походахъ же, послѣ обѣдни всегда отдавалъ ему свою просфору.» Но, кромѣ словъ и рассказовъ, у покойнаго Михаила Павловича остались письменныя доказательства особеннаго расположенія къ нему Суворова. Я нашелъ между бумагами его три письма Фельдмаршала. Содержаніе одного, отъ 27 января 1790 года, слѣдовательно очень скоро послѣ Рымникской битвы, относится къ какому-то частному дѣлу: въ немъ особенно замѣчательна простота отношеній между главнокомандующимъ и полковникомъ: читая его, кажется, что оно писано къ родному, а не къ подчиненному.

«Михайла Павловичъ! Одолжите меня не безъ покойте Пресвященнаго.... (*) я вѣрю, что Вамъ тесно, но лучшая ползныи

(*) Такъ нечетко написано, что невозможно разобрать, какого;—написано, кажется, *Гумскаго*, а вѣдь ли не *Бужскаго*.

прошла, Вы имѣете въ запасѣ *Ивешти* (*) (извѣномъ) и власть впредь поставить тамъ отдѣленіе, коли необходимо будетъ по вашему благоусмотрѣнію. Весьма благодарю за Ваше милостивое намѣреніе къ Маіору Печелскому; окончите его, онъ намъ нуженъ по пограничеству. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.»

Другое письмо писано было 19 апрѣля, 1792 года изъ Каменгорода послѣ того, какъ Стародубскій полковникъ за дѣло при крѣпости Мачинѣ былъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 3-й степени. О подробностяхъ этого дѣла извѣстно только изъ рескрипта Императрицы Екатерины, даннаго на имя полковника Миклашевскаго 1792 года, марта 18. Онъ начинается слѣдующими словами:

«Усердная ваша служба, доказанная многими военными подвигами и особливо въ сраженіи при Мачинѣ и разбитіи войсками нашими, подъ командою Генерала Князя Рѣпина, многочисленной Турецкой арміи, верховнымъ Пашею Юсуфомъ предводимой, гдѣ вы не только долгъ свой исполнили съ отличнымъ рвеніемъ и храбростію, но служили примѣромъ подчиненнымъ, обращаетъ на себя наше вниманіе и милость.»

Фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ совсѣмъ не упоминаетъ о дѣлѣ при Мачинѣ, а только поздравляетъ Миклашевскаго съ полученіемъ этой Монаршей милости:

«Государь мой Михаила Павловичъ.

«Съ полученіемъ Монаршей милости ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 3 степени и новаго полку Ваше Высокоблагородіе имѣю честь поздравить. Въ прочемъ Вамъ благодаренъ не столько за письмо Ваше ко мнѣ отъ 13 ч. сего апрѣля, сколько, что какъ самый достойный человѣкъ вступаете за достойнаго, котораго обязанностью по службѣ я вѣкъ моей не забуду.

«Пребуду на всегда съ моимъ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ.

Государь мой

Вашего Высокоблагородія

покорный слуга

Гр. Александръ Суворовъ-Рымникскій.

(*) Названіе селенія.

По тому, сколько извѣстенъ намъ характеръ Суворова, послѣдняя половина письма могла и можетъ считаться второю наградою. Начальство надъ новымъ полкомъ, съ чѣмъ тоже поздравляетъ Суворовъ Стародубовскаго полковника въ приведенномъ мною послѣднемъ письмѣ его, по составу этого новаго полка, составляло какъ бы третью награду. Онъ составилъ особеннымъ образомъ. По заключеніи мира съ Турками, Лейбъ-кирасирскій, составленный изъ *четырехъ* полковъ въ 24 эскадрона, былъ расформированъ по Высочайшему повелѣнію, которымъ было предписано все эти четыре полка, какъ разстроенные, поручить исправлѣйшимъ полковымъ командирамъ. Исполняя Высочайшее повелѣніе, главнокомандующій приказалъ Миклашевскому принять начальство надъ составившимся изъ нихъ Орденскимъ-кирасирскимъ полкомъ. Здѣсь онъ оставался до 1796 года, когда по причинѣ разстроеннаго здоровья долженъ былъ просить увольненія отъ начальства надъ полкомъ; получивъ разрѣшеніе, по распоряженію тогдашняго главнокомандующаго графа Румянцева-Задунайскаго, онъ сдалъ этотъ полкъ герцогу Ришельё. Предъ сдачею полка графъ Румянцевъ, согласившись на временное увольненіе полковника Миклашевскаго отъ службы, писалъ къ нему:

«Государь мой, Михайла Павловичъ.

«Пособствуя съ наилучшею готовностію при всякомъ случаѣ вашимъ пользамъ и желаніямъ, я васъ уволилъ до излѣченія вашихъ болѣзней и я приказалъ, чтобы вами командуемый полкъ господину герцогу Ришельё порученъ былъ. Я увѣрею, что вы его въ наилучшемъ состояніи и съ равно взаимнымъ вашимъ и полку сожалѣніемъ оставляете, а я желаю, чтобы ваше здоровье совершенно возстановилось, и чтобы вы всеми самопомысленными благополучіями и удовольствіями всегда пользовались: чувства усердія и почтенія, съ какими я имѣю честь быть.

Вашъ покорный слуга

Г. Румянцевъ-Задунайскій.

Увѣренность военачальника, *«что вы его съ равно взаимнымъ вашимъ и полку сожалѣніемъ оставляете»*, не было простымъ выраженіемъ обычной вѣжливости. Дѣйствительно полкъ, какъ говорится, души не слышалъ въ своемъ полковникѣ, а случай доста-

вилъ офицерамъ возможность выказать неліцензірную любовь свою къ начальнику тогда, когда они уже не имѣли съ нимъ никакихъ служебныхъ отношеній. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Михайлъ Павловичъ Миклашевскій сдалъ полкъ Герцогу Ришельѣ, который послѣ, въ свою очередь, передалъ его покойному сановнику, столько любимому первопрестольною нашею столицею — Москвою, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну. Миклашевскій, какъ мы увидимъ послѣ, былъ уже Малороссійскимъ губернаторомъ, когда случилось ему проѣзжать черезъ небольшой городокъ, въ которомъ стоялъ Орденскій кирасирскій полкъ и именно въ это время былъ на полѣ, гдѣ производилось полковое ученье. Офицеры полка, узнавъ, что ѣдетъ бывший любимый ихъ начальникъ, воспользовались первою свободною минутой, подбѣжали къ нему, остановили его экипажъ и наперерывъ съ простотою военныхъ людей того времени старались выказать ему свою любовь и удовольствіе встрѣтить своего стараго начальника. Михайлъ Павловичъ былъ глубоко тронутъ такимъ неприготовленнымъ изъявленіемъ привязанности къ себѣ прежнихъ своихъ сослуживцевъ. Когда потомъ онъ подошелъ вмѣстѣ съ офицерами и сталъ просить за нихъ извиненія: «Мнѣ не за что обвинять ни ихъ, ни васъ, отвѣчалъ ему князь Голицынъ, и я могу только вамъ завидовать».

Вскорѣ, по принятіи начальства надъ Орденскимъ кирасирскимъ полкомъ, кажется, 4-го іюля 1795 года, Миклашевскій былъ произведенъ въ бригады. Суворовъ въ письмѣ своемъ къ нему, писанномъ 5 іюля того года, величаетъ уже его Высокородіемъ. Хотя это письмо точно также, какъ и одно изъ вышеприведенныхъ мною, относится совершенно къ постороннему дѣлу, по я не могу не представить его здѣсь отъ слова до слова. Не говоря уже о томъ, что каждая строка великаго война дорога всякому изъ насъ, какъ воспоминаніе о человѣкѣ, предъ памятью котораго благоговѣютъ всѣ его соотечественники, кромѣ того, въ немъ есть еще два слова, приписанныя собственною рукою графа Александра Васильевича, дорогія для покойнаго Миклашевскаго. Ими великій военачальникъ хотѣлъ выразить особенную любовь къ нему, а любовь Суворова къ вонну ручается уже за заслуги и заслуги не малыя. Вотъ все письмо его и съ припискою:

« Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ.

« По случаю доставленія закупленнаго въ Волыни для корпуса Генералъ-Поручика и Кавалера Лассія провіанта до семи тысячъ четвертей, Вашего Высокородія покорно прошу къ перевозкѣ оного потребное число подводъ приказать посилѣннѣ по апалетамъ (*) собрать и оныя препроводить въ мѣстечко Корытницу къ находящемуся тамъ для покупки хлѣба съ подрядчикомъ, ротмистру Слѣпущкину, коего не оставте также всѣми нужными пособіями.

« Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду » (здѣсь мелкимъ, убористымъ почеркомъ графа приписано: « *обнимаю васъ* »).

Милостивый Государь

Вашего Высокородія

покорный слуга

Гр. Александръ Суворовъ-Рымникскій.»

Не знаю, прежде ли полученія бригадирскаго чина, или послѣ, знаю только, что послѣ того, какъ Миклашевскій принялъ начальство надъ Орденскимъ кирасирскимъ полкомъ, стоявшимъ тогда въ Переяславлѣ, онъ сдѣланъ былъ начальникомъ Казанскаго кирасирскаго полка и полка Донскихъ козаковъ, такъ что, бывъ собственно полковымъ командиромъ, онъ начальствовала надъ цѣлою бригадою, съ которою получилъ повелѣніе держать кордоны по всей Диѣпрской линіи отъ Кіева до Кременчуга.

Въ это время въ Польшѣ подъ начальствомъ Костюшки произошло всеобщее волненіе и вмѣстѣ съ нимъ начались мятежи въ заднѣпровскомъ краю, на который Поляки и католичество не переставали объявлять своихъ притязаній, не смотря на то, что онъ испоконъ вѣку принадлежалъ Россіи и всегда былъ населенъ народомъ Русскимъ Православнаго исповѣданія. Миклашевскій получилъ повелѣніе итти съ начальствуемымъ имъ полкомъ въ нынѣшнюю Волынскую губернію, гдѣ ему удалось отстоять весь край отъ вторженія Костюшкина отряда, посланнаго туда подъ предводительствомъ Либерацкаго. Когда же война была кончена и нѣсколько губерній были

(*) Такъ въ письмѣ написано.

приняты въ подданство Россіи, тогда полковой командиръ Ордена-скаго кирасирскаго полка получилъ новое порученіе — привести весь Ковельскій край къ вѣрноподданнической присягѣ. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, такое дѣло было труднѣе открытой войны и явной битвы. Для лучшаго исполненія его, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій присоединилъ къ полкамъ, находившимся подъ начальствомъ бригадира Миклашевскаго, Екатеринославскій гренадерскій полкъ и еще полкъ козачій. Суворовъ же, возвращавшійся побѣдителемъ изъ Варшавы, поручилъ его начальству Смоленскій пѣхотный полкъ и два полка легкоконные. Со всѣмъ этимъ отдѣльнымъ корпусомъ Миклашевскій оставался въ Ковелѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно и окончательно было исполнено имъ предписаніе—привести весь край къ вѣрноподданнической присягѣ и возстановить тѣ самые суды и тоже самое земское правленіе, которые были во времена властвованія въ тѣхъ мѣстахъ Польши. Кромѣ воинскихъ распоряженій, на него была возложена еще обязанность разрѣшать въ томъ краю всѣ дѣла до времени учрежденія тамъ губерній.

Здѣсь я припомню моимъ читателямъ, что всѣ эти порученія были возложены на Миклашевскаго въ 1795 году, и припомню для того, чтобъ объяснить всю важность и все достоинство спокойнаго ихъ исполненія. Бурное, все ниспровергающее настроеніе умовъ того времени и имя Костюшки сильно волновали и безъ того всегда готовые къ волненію, при всякомъ ничтожномъ поводѣ, умы пановъ Польскихъ. Но Миклашевскій успѣлъ исполнить порученіе безъ малѣйшаго ихъ оскорбленія: ни одна жалоба не запятнала его распоряженій, не пала ни одна жертва ни строгости мѣръ, ни подозрѣнія, ни низкаго доноса, всегда готоваго на услуги при всякихъ такого рода переворотахъ. При полной и безуклончивой исполнительности, ему удалось еще приобрести полное къ себѣ благорасположеніе всѣхъ жителей того края. Последнее извѣстно мнѣ изъ однихъ разсказовъ, но дальнѣйшія извѣстія о жизни покойнаго Миклашевскаго покажутъ, что я имѣлъ право вѣрить такого рода разсказамъ. Во время пребыванія своего въ Ковельскомъ краю, Миклашевскій былъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго. Изъ двухъ писемъ Суворова отъ 27 октября 1796 года видно, что ему хотѣлось перейти къ своему прежнему начальнику. Одно изъ этихъ писемъ было писано къ Миклашевскому; какъ видно, оно было отвѣтнымъ:

«Весьма пріятно мнѣ раздѣлять служеніе вмѣстѣ съ Вами; но какъ перемѣщеніе изъ иныхъ къ здѣшнимъ войскамъ зависить отъ военной коллегіи, то я прилагаю у сего мое письмо къ Его Сіятельству графу Николаю Ивановичу, въ которомъ его прошу объ ономъ. Вы же, по случаю отъѣзда Вашего въ Санктъ-Петербургъ болѣе можете имѣть въ томъ попеченія».

Другое письмо къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, президенту тогдашней военной коллегіи:

«Милостивый Государь мой Николай Ивановичь!

«Господинъ бригадиръ Миклашевскій, командовавшій Орденомъ кирасирскимъ полкомъ, который онъ нынѣ здалъ и желаетъ быть при войскахъ Высочайше мнѣ ввѣренныхъ и какъ онъ со мною служилъ и въ прошедшую Турецкую войну, то я Ваше Сіятельство почтѣннѣе прошу о такомъ его перемѣщеніи, на что ожидая благосклоннаго отвѣта, имѣю честь быть навсегда съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и истинною преданностію милостивый государь мой

Вашего Сіятельства

покорный слуга

Гр. Александръ Суворовъ—Рымникскій.»

Оба эти письма нашелъ я въ подлинникахъ между бумагами покойника, слѣдовательно послѣднее изъ нихъ было отдано графу Салтыкову, именно по тому, что, побѣхавши въ Петербургъ, Миклашевскій рѣшился навсегда оставить военную службу. Когда именно онъ ее оставилъ, изъ бумагъ не видно, но судя по письму Суворова, не раньше ноября 1796 года; а въ началѣ января 1797, по повелѣнію Императора Павла Петровича пожалованъ онъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, безъ малѣйшаго со стороны его искаательства, и назначенъ губернаторомъ въ Волинскую губернію. Не говоря объ управленіи ею (о чемъ впрочемъ я не имѣю и никакихъ данныхъ), я передамъ такое благородное его дѣло, котораго одного довольно для того, чтобъ объяснить, какъ онъ умѣлъ исполнять въ точности самыя трудныя приказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ привязывать къ себѣ не только своихъ подчиненныхъ, но и весь край, ввѣренный его управленію.

Передъ этимъ временемъ Греко-уніатскія церкви въ Волынской губерніи были обращены въ Православіе. Народъ съ радостію принялъ ничѣмъ не искаженную вѣру своихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что она оставалась еще во всей свѣжести въ стариковскихъ разсказахъ и что съ припоминаніями о введеніи уніатства вспоминали о всѣхъ насиліяхъ и ужасахъ, произведенныхъ тамъ исполнителями іезуитскихъ предписаній. Народъ радовался, но Польскіе паны, смотрѣвшіе на католичество въ томъ краю, какъ на свое политическое знамя, составили заговоръ и однажды, собравшись въ числѣ двухъ сотъ семействъ, ворвались въ Православныя Церкви во время богослуженія и вывели изъ нихъ священниковъ со Святыми Дарами. Волынскій губернаторъ тотчасъ же прежде всего привелъ виновныхъ къ повиновенію, потомъ безъ всякой насильственной мѣры, однимъ голосомъ здраваго ума, довелъ ихъ до признанія крайней неблагоразумности ихъ поступка и обязалъ ихъ подпискою въ томъ, что они впредь не дерзнутъ противиться волѣ правительства и оскорблять исконное народное вѣроисповѣданіе. Одинъ изъ заговорщиковъ, — человекъ преклонныхъ лѣтъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ дворянскомъ сословіи того края, никакъ не соглашался дать такой подписки. Онъ скорѣе рѣшался быть мученикомъ, нежели измѣнить своему фанатическому убѣжденію. Стоило только сдѣлать представленіе о такомъ происшествіи въ настоящемъ его видѣ, и виновный, какъ мятежникъ, возмутитель общественнаго спокойствія, врагъ господствующей въ странѣ Церкви, вездѣ, по всѣмъ самымъ милостивымъ законамъ, былъ бы осужденъ, какъ государственный преступникъ. Но здѣсь Миклашевскій явился истиннымъ сыномъ Православной Церкви и мудрымъ правителемъ края, умѣвшимъ отличать заблужденіе отъ преступленія намѣреннаго, увлеченіе отъ злоумышленности. Онъ призвалъ къ себѣ непреклоннаго старика: «ты старъ, сказалъ онъ ему, и вѣрно хочешь быть мученикомъ, но не будешь имъ: наша Святая Православная Церковь знаетъ однихъ мучениковъ, поборниковъ вѣры, а не возмутителей; заблудшихъ она приводитъ къ себѣ путемъ покаянія, предъ правительствомъ же будутъ отвѣчать за тебя твои дѣти». Потомъ, призвавши его сыновей, онъ велѣлъ имъ подписаться на общемъ обязательствѣ виновныхъ, какъ за себя, такъ и за отца. Зная хорошо нравъ старика, онъ видѣлъ, что поступокъ его надобно отнести съ одной стороны къ легкомыслію и *завзятости*, какъ говорятъ въ Малороссіи, пана, съ другой къ его

изувѣрству,—зablужденію такого рода, которое истребляется скорѣе пощадою, нежели строгостію. Фанатизмъ отца оковалъ любовію къ дѣтямъ, и самое дѣло оставилъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Спокойствіе Церкви было возстановлено безъ кровавой жертвы, и Христіанскіи понятіе правосудіе заградило уста и роту, и даже клеветѣ, а ропотъ и клевета часто принимаютъ видъ заглушаемой истины, особенно когда пролитая кровь или долги, тяжкія страданія заблудшаго преступника прокладываютъ путь къ состраданію и невольно заставляютъ сочувствовать самому заблужденію.

Миклашевскій оставался на Волыни не съ большимъ годъ; въ 1798 году Императору угодно было Высочайше повелѣть быть ему губернаторомъ тогдашней Малороссійской губерніи. Въ томъ же 1798 году онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени и потомъ въ 1800 отставленъ отъ службы. Последнее, то есть, непрошенная и нежданная отставка вовсе не согласовалась со всею его предшествовавшею службою, еще меньше со всею тѣмъ, о чемъ можно заключить изъ переписки его съ государственными лицами того времени, и наконецъ она рѣшительно противорѣчила тому, что онъ въ слѣдующемъ же году пожалованъ въ Тайные Совѣтники и получилъ Высочайшее повелѣніе управлять всею Новороссійскимъ краемъ. Вида такое разногласіе, я ничѣмъ не могъ себѣ объяснить его, кромѣ вражды къ нему нѣкоторыхъ сильныхъ и случайныхъ лицъ, особенно въ тѣ годы, когда общеевропейскія безпокойства и многія внутреннія перемѣны въ нашемъ отечествѣ невольно заводили часто ничѣмъ не заслуженное подозрѣніе на людей достойныхъ и истинно доблестныхъ. Въ немногихъ письмахъ того года, найденныхъ мною въ бумагахъ покойника, нѣтъ ничего такого, что относилось бы къ его службѣ; есть одно только отъ князя Волконскаго (кто былъ этотъ князь Волконскій и какое онъ занималъ мѣсто, я не знаю), въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ:

« По дружескому Вашему на меня возложенію, я съ удовольствіемъ и пріятностію послѣшаю Васъ, Милостивый Государь мой, уведомить, что господа сенаторы васъ ревызовавшіе отнесли въ Сенатъ ввѣренной Вамъ Губерніи съ наилучшею похвалою и приписываютъ найденную въ присутственныхъ мѣстахъ должную исправность и порядокъ наиболѣе Вашего Превосходительства попеченію, чемъ весьма

я радуюсь и желаю, чтобы и навсегда подобно достоинства Ваши ознаменованы были со Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ Монарха!»

Между другими письмами есть много отъ Трощинскаго, бывшаго послѣ министромъ юстиціи и удѣловъ, графа Моркова, послѣ посланника въ Парижѣ, Аракчеева, тогда еще барона, Виктора Павловича Кочубея, впоследствии сдѣлавшагося министромъ внутреннихъ дѣлъ, и еще послѣ канцлеромъ и княземъ, и другихъ; но все онѣ относятся къ частностямъ, не имѣющимъ никакого указанія на службу Миклашевскаго. Всѣхъ замѣчательнѣе одно письмо отъ Неплюева, полученное Миклашевскимъ весьма не задолго до отставки отъ должности Малороссійскаго губернатора. Оно писано въ концѣ 1799 года, следовательно не болѣе, какъ за мѣсяцъ до отставленія его отъ службы. Содержаніе его довольно оправдываетъ мое объясненіе, что много способствовали къ полученію непрошенной отставки сильные люди того времени. Ни изъ рассказовъ, ни изъ припоминаній людей, хорошо знавшихъ покойнаго М. П. Миклашевскаго, не видно, въ какихъ отношеніяхъ былъ онъ съ Неплюевымъ; посему остается заключить объ нихъ изъ того, что видно въ самомъ письмѣ:

«Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ.

«Государь Императоръ, выслушавъ послѣднее полученное донесеніе Вашего Превосходительства, Высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ написать Вашему Превосходительству, дабы Вы Милостивый Государь мой впредь въ донесеніяхъ вашихъ не употребляли такихъ словъ, кои смыслу въ Россійскомъ языкѣ несвойственны, а введены въ употребленіе незнающими онаго и почитающими за похвальное уменованіе то, что никакого смысла не имѣетъ, какъ на примѣръ въ донесеніи Вашего Превосходительства употреблено слово *пособіе*; и сему подобныхъ: *обозрѣть*, *преслѣдовать*, *выполнить*, *протеченіе*, *подъ стражу* и проч.»

Правда, что прежде писали *сикурсъ*, *ревизовать*, *подъ арестъ* и пр., но кому случалось читать письма Императора Павла Петровича, тотъ знаетъ, что немногіе такъ хорошо умѣли писать по Русски. Языкъ его чистъ и ясенъ, выраженія коротки и опредѣлительны; иностранныя слова встрѣчаются только въ крайнемъ случаѣ, когда входятъ названія предметовъ, заимствованныхъ отъ иностранцевъ. Къ тому же стоить только прочесть «Записки Порошина»,

чтобъ видѣть, какъ усердно и прилежно учился тогда еще юный Великій Князь Павелъ Петровичъ родному своему языку Русскому. Наконецъ, если мало этихъ доказательствъ, можно представить общезвѣстныя свидѣтельства: рескрипты, указы и манифесты того времени. Въ нихъ языкъ гораздо чище, нежели въ годахъ XVIII вѣка, прешествовавшихъ царствованію Павла Петровича.

Прямыхъ и непосредственныхъ поводовъ къ отставленію Миклашевскаго были два дѣла. Онѣ изложены со всею подробностію въ жалобѣ отставнаго Малороссійскаго губернатора Императору Павлу Петровичу и потомъ вслѣдъ за нею въ другой, поданной на имя только что вступившаго на престолъ Императора Александра Павловича. Передавъ въ ней въ нѣсколькихъ словахъ всю прежнюю службу, М. П. Миклашевскій пишетъ:

«Наконецъ, за всѣмъ симъ, по докладу бывшаго Генераль-Прокурора Оболявинова отставленъ я прошлаго 1800 года, за слабое смотрѣніе моей должности, которое представилъ онъ найденнымъ 3-мъ Сената Департаментомъ, по дѣлу о смертномъ убійствѣ поручикомъ Овсѣенкомъ товарища своего поручика Рогермана: въ томъ, что изъ подсудимыхъ два чело́вѣка ушли изъ тюрьмы въ повѣтовомъ городѣ, болѣе 200 верстъ отъ губернскаго города и отъ моего пребыванія отстоящемъ, утаивъ ту справедливость, что оныя подсудимые до побѣгу не допущены, а въ тотъ же день изловлены и доведены до слѣдующаго за преступленіе ихъ наказанія, подвергнувъ такимъ образомъ меня гнѣву Монаршему».

Остава все постороннее, я прямо перейду къ излагаемому имъ второму дѣлу:

«Одному крестьянину два Еврея выдали 25-рублевую фальшивую ассигнацію за купленную у него лошадь, которую ассигнацію будто они Еврея получили отъ неизвѣстныхъ великороссійской породы людей, но какъ та ассигнація была слишкомъ явна въ подложности своей будучи рукописная, имѣя вмѣсто вытисненныхъ, разведенною краскою изображенія, что знающему россійскую грамоту, какову оба тѣ Еврея умѣютъ, невозможно было ее никакъ не узнать. То оныя Евреи по состоянію своему сумнительные и не сдѣлавшіе по закону чистаго отвода, долгимъ держаніемъ у себя и выдачею простолюдамъ, обличились въ воровствѣ-обманѣ виновными, и потому присуждены Генеральнымъ Судомъ къ положенному за то по законамъ наказанію плетями и ссылкой на поселеніе. За каковое рѣшеніе и

мое утверждение положилъ Правительствующій Сенатъ на тотъ судъ и на меня штрафа 500 рублей въ казну, 500 же рублей Евреямъ за претерпѣніе и сверхъ того велѣлъ за ними послать нарочнаго на мой щетъ и Генеральнаго Суда членовъ, подписавшихъ то рѣшеніе, приводя всему тому узаконеніи, повелѣвающіе лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго истязать. Но я увѣренъ будучи по совѣсти и по самымъ обстоятельствамъ дѣла въ своей невинности, чувствую единое отягощеніе судьбы моей и гоненіе бывшаго Генераль-Прокурора.»

Въ отвѣтъ на просьбу Миклашевскаго Государь Императоръ Александръ Павловичъ указомъ Сенату объявилъ его невинноватымъ и потому въ самомъ непродолжительномъ времени, 2-го мая того же года, пожаловалъ его чиномъ Тайнаго Совѣтника и ввѣрилъ ему управленіе вѣмъ Новороссійскимъ краемъ. Прошло не больше, какъ нѣсколько мѣсяцевъ, и 10 декабря того же 1801 года Новороссійскій губернаторъ за распоряженія свои, именно «за возвышеніе втрое, на торгахъ произведенныхъ подъ его предѣдательствомъ, цѣны виннаго откупа и пошлиннаго збора» пожалованъ брилліантовыми знаками ордена Св. Анны 1-й степени. Край, ввѣренный управленію Миклашевскаго, былъ обширенъ и мало населенъ, гражданское устройство было въ немъ ново и въ добавокъ ко всему онъ пограниченъ съ Турецкими владѣніями. Управлять тамъ не значило только поддерживать старый порядокъ, его тамъ не было и въ поминѣ, надобно было безпрестанно входить съ новыми предположеніями. Тутъ новому губернатору удалось ввести много такого, что потому вошло въ начала управленія и положило основаніе мѣстныхъ законовъ и постановленій относительно всей обширной полосы Новороссійской. Первымъ изъ такихъ нововведеній было новое устройство карантинновъ. Самыхъ проектовъ не осталось въ бумагахъ покойника, но изъ рескрипта Государя Императора Александра Павловича, писаннаго 29 апрѣля 1802 года, видно, что М. П. Миклашевскій подавалъ ихъ нѣсколько. Въ рескриптѣ сначала подробно разсмотрѣнъ одинъ изъ нихъ; онъ не былъ согласенъ съ общими видами правительства на южную нашу торговлю, а потому и не принять. Послѣ разсмотрѣнія его слѣдуетъ:

«Прочія же распоряженія ваши утверждаю во всей ихъ силѣ, предоставляя вамъ потребныя на приведеніе всего въ дѣйствіе

издержки употребить изъ суммъ, вообще на карантинны собиравемыхъ. Что касается до предположеній вашихъ на будущее время и до мнѣнія вашего относительно карантинновъ и коммерціи на Кубани, то поручилъ Я разсмотрѣніе всего этого комитету, занимающемуся устройствомъ Новороссійской губерніи, по окончаніи чего получите вы особыя по сей части предписанія. О снабдѣніи же карантинновъ по представленію вашему палатамъ далъ Я надлежащія повелѣнія. Въ прочемъ за отличное усердіе къ службѣ, рвеніе и попечительность объ общемъ благѣ, вами при семъ случаѣ оказанныя, изъявляю Я вамъ совершенное Мое благоволеніе и въ знакъ Моей признательности повелѣлъ Я всѣхъ одобряемыхъ вами чиновниковъ наградить слѣдующими чинами. Пребываю навсегда вамъ благосклонный Александръ.»

Отъ многихъ изъ близко знавшихъ покойнаго М. П. Миклашевскаго случалось мнѣ слышать, что онъ всегда съ восхищеніемъ вспоминалъ милостивое вниманіе къ нему Государя, который въ воздаяніе за его труды наградилъ его, по его словамъ, лучшею наградою : повысилъ чинами всѣхъ одобренныхъ имъ чиновниковъ. Въ бумагахъ покойника нашлось еще нѣсколько рескриптовъ, полученныхъ имъ во время Новороссійскаго губернаторства. Всѣ они свидѣтельствуютъ о его умной распорядительности въ управленіи и постоянной истинно неуспѣшной дѣятельности, но дѣла, за которыя получаемы были такіа изъявленія Монаршей благосклонности, входили въ обычный ходъ распоряженія по губерніи. Два изъ нихъ вышли изъ общаго порядка, и тутъ представился М. П. Миклашевскому случай явить себя человекомъ, истинно преданнымъ добру, державшимся не мертвой буквы закона, по понимавшимъ живую любовь законодателей къ вѣренному имъ народу. Первымъ изъ этихъ дѣлъ было водвореніе въ Новороссійскомъ краю Болгаръ и Грековъ, прибывшихъ въ Одессу. Не имѣвши никакого позволенія, онъ не остановился на томъ, есть ли въ собраніи законовъ, или въ наставленіи начальникамъ губерній, правило давать пристанище безпріютнымъ, съ полнымъ участіемъ къ судьбѣ гонимыхъ единовѣрцевъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и своею любовью предупредилъ движеніе сердца Царя Благословеннаго.

Все это дѣло передано въ полномъ собраніи законовъ (*) въ именномъ указѣ, данномъ (23 окт. 1801 года) экспедиціи Госу-

(*) Полное собраніе законовъ т. XXVI. стр. № 20035.

дарственного хозяйства, онекуства иностранных и сельского домо-водства, о водвореніи прибывшихъ въ Одессу Болгаръ и Грековъ, и въ другомъ, присланномъ Новороссійскому гражданскому губернатору. Первый указъ относится собственно къ правительственнымъ распоряженіямъ, во второмъ выставленъ самый поступокъ Миклашевскаго:

«Разсмотрѣвъ рапортъ отъ 3 числа сего мѣсяца о прибывшихъ въ Одессу на купеческомъ судиѣ изъ Румелии Болгарахъ и Грекахъ съ ихъ священникомъ, 19 семействъ составляющихъ, обоего пола 148 душъ, ищущихъ спасенія отъ бѣдствій, постигшихъ страну ихъ разореніемъ и истребленіемъ, которыя причиняютъ тамъ разбойники, Я апробую мѣры, вами принятыя, о призрѣніи и пропитаніи сихъ единовѣрныхъ намъ выходцевъ, такъ какъ и мнѣніе ваше о ихъ прочномъ водвореніи; на каковый конецъ и дано надлежащее повелѣніе экспедиціи Государственного хозяйства. Что же касается до оставшихся въ Адрианопольской округѣ Болгаръ и Грековъ, подобнымъ несчастіемъ гонимыхъ и у насъ защиты и покровительства ищущихъ, ихъ отнюдь не вызывать и съ ними никакаго сношенія и переписки не дѣлать; а ежели кто изъ нихъ сами собою безъ всякаго сношенія и съ нашей стороны побужденія перейдутъ въ границы наши, таковыхъ принимать, на такомъ же основаніи, какъ поступлено и съ вышеозначенными выходцами».

Въ рапортѣ, о которомъ здѣсь упоминается, Новороссійскій губернаторъ излагаетъ всѣ подробности прибытія несчастныхъ и предлагаетъ объявить покровительство и другимъ, «которымъ, ежели подать способы для спасенія, то можно набрать ихъ около 7000 душъ».

Другое дѣло М. П. Миклашевскаго было совершенно иного рода. Въ концѣ 1802 года онъ получилъ именной указъ «о переселеніи обитающихъ въ Новороссійской и Слободско-Украинской губерніяхъ духоборцевъ на поля, лежащія въ Мариупольскомъ уѣздѣ, по теченію рѣки Молочной». (*) Въ немъ послѣ согласія Императора на просьбу духоборцевъ «о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и водворенія сколько можно отдѣльно отъ прочихъ», предоставлялись имъ огромныя выгоды, именно:

«Что на каждую переселившуюся душу назначено будетъ по 15 десятинъ земли.

(*) Полное собраніе законовъ т. XXVII. № 20123.

«На пять лѣтъ, считая съ текущаго нынѣ года, освобождаются они отъ всѣхъ государственныхъ податей.

«При самомъ переселеніи на подъемъ выдано имъ. будетъ изъ казны по 100 рублей на каждое семейство занмообразно.

«Въ возвратѣ денегъ сихъ въ казну десять лѣтъ льготы, считая со времени ихъ водворенія.

«По истеченіи сихъ льготныхъ лѣтъ, взысканіе съ нихъ сей суммы расположится на 20 лѣтъ, такъ что каждый годъ каждое семейство не болѣе 5 рублей уплачивать будетъ.

«Изъяснивъ имъ всѣ сіи даруемая выгоды, назначить нужное число надежныхъ чиновниковъ, которые бы, отправаясь на предопредѣленное духоборцамъ урочище, вмѣстѣ съ довѣренными отъ нихъ людьми обозрѣли его, назначили на немъ по удобности и прочимъ выгодамъ мѣста для заселенія, сняли планъ».

Трудно было придумать что-либо милостивѣе такого указа. Источникъ его прекрасенъ; онъ лежитъ въ основѣ нашей Церкви—любви и прямого ея слѣдствія, — терпимости. Стойкая незыблемостію своихъ истинъ, не могущая представить себѣ никакихъ потрясеній, наша Православная Церковь всегда спокойно смотрѣла на временныя заблужденія людей, какъ на слабость человеческой природы, и дѣйствовала противъ нихъ не гоненіемъ, не кострами, но святостію своего ученія. Такую всегдашнюю терпимость внесла она и въ основныя правила того народа, которому Провидѣніе назначило быть ея вѣрнымъ поборникомъ, такъ что онъ, ею руководимый, самый расколъ не гвалъ насиліемъ, а предоставлялъ обращеніе заблудшихъ духовной силѣ самой Церкви, съ своей же стороны старался только оградить людей, мало просвѣщенныхъ въ вѣрѣ и ея ученія, отъ лжемудрствующихъ и отъ прельщенія злонамѣренныхъ оболъстителей. Все это прекрасно и истинно, но дѣло въ томъ; что Новороссійскій край былъ тогда точно еще новъ для Россіи, и отъ этого случилось, что тамъ, откуда посылались всѣ распоряженія, въ Петербургѣ, на краю обширѣйшаго изъ государствъ, мало были извѣстны мѣстныя потребности отдаленной страны. Тѣ расторгенія о духоборцахъ, которыя на бумагѣ казались хороши и благонамѣренны, на мѣстѣ давали все превосходство послѣдователямъ одного изъ самыхъ противуправославныхъ заблужденій предъ людьми, строго держащимся Православія. При бѣдности жителей страны, тогда еще очень

мало населенной, при склонности къ лѣни всѣхъ обитателей южныхъ канатовъ, льготы и выгоды, даваемыя духоборцамъ, могли обольстить многихъ, не принадлежащихъ къ ихъ немногочисленной братіи; отдѣльность отъ другихъ могла еще болѣе способствовать къ усилению ихъ заблужденія. При этомъ я замѣчу еще и то, что самое духоборческое заблужденіе находитъ опору не въ застарѣлости понятій, не въ непреклонной привычкѣ уважать тѣ или другіе обряды, хранимые отцами и дѣдами; оно прямой врагъ вѣрованію вообще. Придавая видъ умнаго и разсудительнаго тому, что въ сущности только лишь холодно и безчувственно, духоборцы вредятъ человѣку не тѣмъ, что навязываютъ на него тѣ или другія понятія, но тѣмъ, что не допускаютъ его природы до полноты развитія. Обращаясь къ одному разсудку и совершенно отвергая въ верѣ присутствіе благодати, не признавая въ потребности вѣрованія неотъемлемой части человѣческаго быта, они легко обольщаютъ людей, холодныхъ отъ природы или охладѣвшихъ ко всему отъ обстоятельствъ. Разъ обольстивши, они собственнымъ своимъ ученіемъ и тѣсно соединенными съ нимъ правилами жизни до того уничтожаютъ развитіе теплоты чувства, что въ конецъ искажаютъ природу человѣка; такъ что чѣмъ далѣе онъ подчиняется обольщенію, тѣмъ болѣе затмѣвается гордостью ума, который все желалъ бы найти въ однихъ собственныхъ своихъ силахъ и который не терпитъ прибѣжища ни къ Божіей помощи, ни къ путямъ, указаннымъ намъ Соборными постановленіями.

Мяклавскій зналъ край не по слуху, хорошо былъ знакомъ съ духомъ народа, съ склонностями и слабостями его природы и, что всего главнѣе, онъ съ дѣтства до послѣднихъ дней своей преклонной старости былъ крѣпко привязанъ къ Церкви и къ Православному ученію. Получивъ указъ, онъ сообразилъ всѣ его послѣдствія и рѣшился на смѣлый поступокъ: не приводя въ исполненіе указа, онъ представилъ Императору все, какъ зналъ и видѣлъ на мѣстѣ, и донесъ при этомъ, что скорѣе онъ осмѣлился остановить исполненіе воли Монаршей, нежели исполненіемъ ея, вопреки всѣмъ соображеніямъ и своему крайнему убѣжденію, навлечь на себя справедливый гнѣвъ Царскій. Много ли укажемъ мы людей, преданныхъ отечеству, преданныхъ Царю, и способныхъ на такой подвигъ? Государь уважилъ его представленіе, и духоборцы не были приглашены на поселеніе въ Мариупольскомъ уѣздѣ.

Въ 1803 году, передъ самымъ раздѣленіемъ Новороссійской губерніи на три, Миклашевскій въ воздаяніе ревностной службы былъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени, большаго креста; по раздѣленіи же края, его назначили Екатеринославскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ оставался весьма недолго: растроенное здоровье заставило его въ скоромъ времени просить совершеннаго увольненія отъ службы; но Государю Императору угодно было уволить его только отъ должности гражданскаго губернатора, впредь до опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Не смотря на короткое время управленія Екатеринославскою губерніею, Миклашевскій оставилъ тамъ по себѣ добрую память. Между бумагами его я нашелъ два письма, относящіяся къ тому времени. Въ одномъ изъ нихъ его благодарятъ отъ имени дворянъ и обывателей цѣлаго уѣзда, не видно, за что именно, просто, какъ сказано въ письмѣ: «за челоуѣколюбивое ваше и отеческое вниманіе о нуждахъ здѣшняго уѣзда обывателей всѣхъ и за труды, съ Божіею помощію предпріятыя, и неусыпающее попеченіе о дарованіи щедротами Всемилостивѣйшаго Государя Императора льготъ здѣшнему уѣзду». Другое письмо писано уже въ 1810 году, когда онъ не имѣлъ никакого отношенія къ Екатеринославской губерніи, а потому чувства, выраженные въ письмѣ, не могли быть вызваны ни страхомъ, ни лестію. Оно писано отъ цѣлаго общества Нахичеванскихъ Армянъ и подписано 13-ю представителями общества. Содержаніе его незначительно, но для оцѣнки дѣйствій М. П. Миклашевскаго замѣчательны первыя строки:

«Имѣвъ щастіе состоять подъ особеннымъ Вашего Высокопревосходительства начальствомъ и управленіемъ, во время бытности Вашей въ Екатеринославской губерніи губернаторомъ, и содержа въ незабвенной памяти великія Ваши къ намъ благотворенія, почитаемъ въ особѣ Вашего Высокопревосходительства всегдашняго нашего покровителя и справедливаго о судьбѣ и благосостояніи нашемъ попечителя».

Неоспоримо, что награды и благоволеніе Царя больше, нежели что-либо другое, доказываютъ вѣрность службы; но кому изъ насъ не случалось встрѣчать и, къ несчастію, весьма часто, что служба ограничивается холоднымъ, если не хуже, исполненіемъ обязанностей и что служебная ревность, блестящая извнѣ, свѣтлая и яркая издали, бывала и бываетъ тяжела для подчиненныхъ, особенно управляемыхъ.

Вотъ почему добровольную, ничѣмъ невынужденную благодарность частныхъ людей, тѣмъ же болѣе, цѣлыхъ обществъ и сословій, я считаю лучшимъ дополненіемъ къ наградамъ служебнымъ. Она возвышаетъ и оживляетъ признательность за должностную дѣятельность, служебное достоинство чиновника возводитъ на степень высокаго достоинства человека и открываетъ въ служащемъ не просто честнаго и безукоризненнаго исполнителя, но истиннаго сына отечества.

Одни представленныя мною отрывки изъ двухъ писемъ могли бы быть такими опорами, на которыхъ я имѣлъ бы полное право основать и потомъ защищать то, что точно Миклашевскій былъ сильно любимъ управляемою имъ губерніею; но скоро общественное дѣло и единодушный голосъ всего Екатеринославскаго дворянства неоспоримо доказалъ общую въ нему любовь, глубокое уваженіе и полное довѣріе къ его доблестямъ. Между тѣмъ какъ отставный Екатеринославскій губернаторъ жплъ въ удаленіи отъ служебныхъ трудовъ, настало трудное для Россіи время: война съ Турціею была во всемъ разгарѣ и ходъ дѣлъ въ Западной Европѣ предвѣщалъ еще рядъ войнъ, далеко труднѣйшихъ. Правильнаго войска не доставало для защиты отечества, надлежало прибѣгнуть ко временному ополченію. Въ 1806 году оно объявлено во всѣхъ странахъ нашего обширнаго отечества, а въ 1807 сошлись уже и послѣдніе запоздалые строи ратниковъ. Начальники ополченій были выбираемы самими дворянами. Екатеринославское дворянство единодушно избрало бывшаго предъ тѣмъ, съ небольшимъ за три года, начальникомъ ихъ губерніи, и М. П. Миклашевскій въ селѣ своемъ Пануровкѣ получилъ вдругъ два письма отъ Штеррича, тогдашняго Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства. Одно изъ нихъ было служебное; вотъ оно:

«Дворянство Екатеринославской губерніи, чтя въ особѣ Вашей добраго и благосклоннаго начальника и тогда еще, когда оно имѣло честь быть подъ управленіемъ Вашего Превосходительства, нынѣ, получа Высочайшій Его Императорскаго Величества манифестъ о составленіи земской милиціи для ополченія противу врага Европы, бывъ въ сей день въ собраніи всего благороднаго сословія, почло за пріятнѣйшій долгъ избрать Ваше Превосходительство *единогласно* губернскимъ начальникомъ сей милиціи, въ 8000 состояться имѣющей».

Другое его письмо частное (8 лив. 1807 года) было еще лестнѣе для М. П. Миклашевскаго.

«Вотъ батюшка Михаилъ Павловичъ! вы изволили на меня пенять: что во время управленія Вашимъ Превосходительствомъ сею губерніею я вмѣстѣ съ вами не служилъ. Вамъ извѣстны были тогдашнія мои обстоятельства невозможности. Тѣмъ лестнѣе для меня теперь, что подь предсѣдательствомъ моимъ Екатеринославское благородное сословіе избрало васъ единогласно въ губернскіе начальники земскаго войска. Оно тѣмъ изъявило свою благодарность за попечительное Ваше управленіе симъ краемъ и сколько въ сердцахъ всѣхъ и каждаго запечатлѣно совершенное почтеніе и преданность! Мнѣ же поручило изъяснить оныя предъ Вашимъ Превосходительствомъ, потому болѣе, что я и самъ преполненъ душевнаго къ особѣ Вашей почтенія и приверженности. Увѣренъ при томъ, что Ваше Превосходительство не откажете толь усердной просьбы благороднаго общества и удостоите насъ скорымъ Вашимъ прибытіемъ».

Послѣ приписка: «Пишу сіе въ собраніи дворянства, которое мнѣ *всими голосами* подтвердило убѣдительнѣе просить Васъ, ежели дѣйствительно справедливъ слухъ, что Вы избраны таковымъ же начальникомъ Черниговской губерніи, и конечно она по большинству своему преимущественна: но воспламененныя довѣріемъ и любовію сердца Екатеринославцевъ оставляютъ себѣ преимущество. Въ самое время, когда къ Вамъ пишу, получено мною изъ Петербурга вѣрное извѣстіе о побѣдахъ, почтеннѣйшимъ нашимъ Фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ надъ врагами одержанныхъ. Съ нами Богъ! слава Ему и благодареніе! Честь имѣемъ поздравить Ваше Превосходительство, яко достойнѣйшаго и почтеннѣйшаго нашего военачальника, съ симъ радостнымъ началомъ храбрыхъ нашихъ ратниковъ».

М. П. Миклашевскій не только что согласился принять предлагаемое ему начальство надъ Екатеринославскою дружиною, но сверхъ того (что видно изъ писемъ къ нему фельдмаршала князя Прозоровскаго отъ 17 февр. 1807 года) онъ взялъ «собственно на себя, какъ содержаніе канцеляріи, такъ и производство жалованья служителямъ».

Старый пріятель его, графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, и здѣсь, какъ послѣ Рымникской битвы, первый поздравилъ его съ вступленіемъ на старое, издавна знакомое ему военное поприще: «Милиціоннымъ кругомъ» писалъ онъ ему «править та судьбина,

что хотящаго ведеть, не хотящаго тащить. Ратовать не новое дѣло для васъ. Желаю, да възгремятъ ваши подвиги, поспѣвая и прободаа луву оружіемъ нашихъ предковъ.»

Только что Екатеринбургское ополченіе собралось и поступило подъ предводительство фельдмаршала князя Прозоровскаго, онъ присоединилъ подъ начальство Миклашевскаго два батальона Полтавскихъ ратниковъ и отправилъ ихъ для содержанія стражи въ Крымъ и на Кубань. Исполненіемъ этого порученія и кончилисъ собственно всѣ военныя дѣйствія вѣрннаго М. П. Миклашевскому войска. Главнокомандующій, фельдмаршалъ князь Прозоровскій, поручилъ ему потомъ, по возвращеніи изъ Крыма, всѣхъ ратниковъ распределить по способностямъ ихъ въ различные конные и пѣхотные полки, предоставя при томъ все его собственному благоусмотрѣнію. Слѣдующее письмо фельдмаршала, писанное 14 октября, 1807 года, изъ «благополучнаго города Букареста», показываетъ, какъ въ короткое время Миклашевскій умѣлъ заставить уважать себя и высоко цѣнить свои достоинства:

«Содержаніе сего письма должно удостовѣрить васъ. Милостивый Государь мой, какъ въ совершенной справедливости, которую я отдаю достоинствамъ вашимъ, такъ и въ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи. Извѣстно Вашему Превосходительству, что Тайный Совѣтникъ Лашкаревъ, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, назначенъ между прочимъ и предсѣдательствующимъ въ Диванахъ княжествъ Молдавскаго и Валахскаго. Многія обстоятельства, по вѣрннымъ ему частямъ, подали мнѣ больше, нежели достаточныя причины быть имъ недовольнымъ, о чемъ и допесъ я уже Его Императорскому Величеству. Зная патриотическое усердіе ваше къ службѣ Государя Императора и готовность вашу жертвовать трудами вашими на пользу отечества, когда оно воззываетъ къ тому вѣрныхъ сыновъ своихъ, и сверхъ того увѣренъ будучи въ дружескомъ вашемъ ко мнѣ расположеніи, и надѣясь потому, что вы не откажетесь служить со мною и быть моимъ сотрудникомъ, я посылаю къ вамъ нарочнаго, прося васъ убѣдительноше чрезъ него же и увѣдомить меня, согласны ли вы будете принять на себя помянутую должность; въ каковомъ случаѣ не премину я тотчасъ представить о томъ Государю Императору. Должность сія не попрепятствуетъ вамъ переѣхать въ Яссы, гдѣ главнѣйшее ваше пребываніе будетъ, со всѣмъ вашимъ семействомъ и имѣть тамъ всѣ выгоды къ спо-

койной жизни потребился. Кромѣ пользы службы, которая отъ пріятія вами на себя той обязанности проистекать долженствуетъ, вы согласіемъ на мое предложеніе и лично меня чувствительно обяжете.»

По окончаніи порученія, возложеннаго на М. П. Миклашевскаго, какъ на начальника Екатеринославскаго ополченія, онъ получилъ двѣ награды: золотую табатерку съ вензелемъ имени Его Величества, украшенную дорогими каменьями и потомъ, во уваженіе его службы, данъ былъ старшему его сыну Александру, не имѣвшему тогда еще 10 лѣтъ отъ роду, брилліантовый перстень. Фельдмаршалъ же князь Прозоровскій съ своей стороны далъ ему аттестатъ. Я приведу его здѣсь вполнѣ, какъ лучшее указаніе того, какъ и чѣмъ умѣлъ М. П. Миклашевскій снискать въ одно и тоже время и уваженіе военачальника, и любовь подчиненныхъ: «Аттестатъ Губернскому Начальнику Екатеринославской подвижной милиціи, Господину Тайному Совѣтнику и Кавалеру Михаилу Павловичу Миклашевскому въ томъ, что онъ, будучи на основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста, въ 30 день ноября 1806 года состоявшагося, избранъ дворянствомъ Екатеринославской губерніи командующимъ земскимъ войскомъ, изъ оной назначеннымъ, тогда же съ совершенною готовностію вступилъ въ отправленіе возложенной на него должности на собственномъ отчетѣ, не требуя отъ казны жалованья. Неутомимымъ рвеніемъ, трудами, расторопностію и дѣятельностію довелъ милицію въ самой скорости до наилучшаго образованія и выученія, такъ что она съ большею пользою могла бы быть употреблена и противъ непріятеля. Милиція сія съ определеннымъ отъ меня изъ Полтавской милиціи отрядомъ, содержащимъ до 2000 человекъ, находилась подъ начальствомъ Господина Миклашевскаго въ Крыму и на Таманѣ на службѣ, попеченіемъ его всевозможно сбережена и изъ 6000 человекъ, подъ командою его бывшихъ, во все время существованія земскаго войска, продолжавшагося болѣе году, умерло и бѣжало не болѣе 300 человекъ; въ расходахъ казенныхъ денегъ соблюдена была возможная умѣренность и безъ крайней надобности не употреблено имъ ни одной копейки. По препорученію моему продовольствовать милицію провіантомъ, онъ изыскалъ умѣреннѣйшіе способы, такъ что съ ноября 1807 года по настоящій май мѣсяць, четверть муки въ сложности не превышала 2 руб. 20 коп., и крупа 4 руб. 20 коп. Въ войскѣ

соблюдена была строгая дисциплина, чему доказательствомъ явнымъ служить то, что въ теченіи времени болѣе года ни одинъ офицеръ не былъ арестованъ и ни одинъ ратникъ судимъ за что либо; повелѣнія мои исполняемы имъ были въ точности и съ желаемымъ успѣхомъ. О каковомъ отличномъ Господина Миклашевскаго служеніи и дѣятельности я имѣлъ щастіе свидѣтельствовать Государю Императору, а нынѣ долгомъ поставляю по всей справедливости удостовѣрить въ томъ мои аттестатомъ. Въ благополучномъ городѣ Яссахъ. Маія 12 дня 1808 года.»

Покойный Михаилъ Павловичъ очень дорожилъ такимъ изъявленіемъ восначальнической признательности за его заслуги и передалъ его одному изъ сыновей, служащему въ военной службѣ, какъ лучшее дѣятельное наставленіе.

По совершенномъ окончаніи милиціоннаго дѣла, М. П. Миклашевскій получилъ повелѣніе присутствовать въ 4-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, въ которомъ оставался безъ особенныхъ порученій до незабвеннаго въ нашей исторіи 1812 года. Въ этомъ году, когда Россіи пришлось собрать все свои силы, онъ въ свою очередь не былъ безъ дѣятельности; 15-го сентября получилъ онъ слѣдующее предписаніе отъ Государя:

«Господину Тайному Совѣтнику и Сенатору Миклашевскому.

«По настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ настоять надобность въ вывозѣ изъ Твери имѣющихся тамъ въ значительномъ количествѣ запасовъ хлѣба, вина и соли, сколько съ одной стороны для того, чтобъ не могли они достаться въ руки непріятеля, столько же съ другой и для необходимаго чрезъ сохраненіе ихъ отвращенія собственнаго въ нихъ недостатка. Возлагая на васъ сіе столь важное во всехъ отношеніяхъ дѣло, повелѣваю вамъ немедленно отправиться въ Тверь и употребить все способы, по мѣстному соображенію, для поспѣннѣйшаго выпровожденія означенныхъ запасовъ къ Боровичамъ водою, или нарядомъ подводъ, не заимствуя однако для сего тѣхъ подводъ, которыя по особому повелѣнію выставлены по Ярославскому тракту по пяти сотъ на каждой станціи. «Вы отправите равнымъ образомъ все суда, въ Вышнемъ Волочкѣ находящіяся.

«На расходы по сему дѣлу, на васъ возлагаемому, выдасть вамъ Министръ финансовъ двадцать тысячъ рублей и сверхъ того пред-

писать Тверской Казенной Палатѣ, чтобы она отпускала немедленно деньги по вашимъ требованіямъ».

Въ тотъ же самый день получена имъ бумага и отъ министра финансовъ, графа Гурьева, въ которой, извѣщая его о Высочайшей волѣ, и о сдѣланныхъ по ней распоряженіяхъ, министръ прибавляетъ отъ себя другое порученіе: «такъ какъ на Тверской водяной коммуникаціи находятся караваны съ мѣдными деньгами и военными снарядами, то освѣдомясь о ихъ положеніи, снабдить вашими предписаніями, какія признаете по мѣстнымъ обстоятельствамъ сообразнѣйшими къ сохраненію и сей казенной собственности.»

По времени и обстоятельствамъ порученія эти были чрезвычайно важны. Наполеонъ былъ уже въ Москвѣ; наши войска постоянно отступали; непріятельскія силы, огромныя сами по себѣ, были еще болѣе преувеличены грозившею всѣмъ опасностію и опасностію не мнимою, потому что пожары, разграбленія и все бѣдствія Москвы и Московскихъ жителей сильнѣе всего увѣряли въ ея дѣйствительности. М. П. Миклашевскій, въ молодости еще полъ начальствомъ Суворова привыкшій къ быстрымъ распоряженіямъ, и здѣсь успѣлъ во всей точности исполнить возложенныя на него порученія, такъ что въ то самое время, когда Наполеонъ терпѣлъ крайнюю нужду, оставляя опустошенную столицу, весь огромный хлѣбный запасъ былъ уже на озерѣ Мстинѣ. Изъ бумагъ, оставшихся у покойника, видно только, что онъ, при сообщеніи ему министромъ Высочайшей воли, получилъ двадцать тысячъ рублей (кромѣ двухъ тысячъ на путевыя издержки). Послѣ же въ роспискѣ, данной ему Дружининымъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, сказано, что отъ него получено четыре тысячи девять сотъ тридцать рублей ассигнаціями, *оставшіяся отъ суммы*, ассигнованной ему на перевозку Тверскихъ и Ржевскихъ запасовъ. Выходитъ, что онъ всего издержалъ на перевозку «значительнаго количества хлѣба, вина и соли» съ небольшимъ 17 тысячъ рублей ассигнаціями. И. Н. Бородка по чему-то пишетъ въ своей некрологѣ: «На вывозъ изъ Тверской губерніи трехъ сотъ тысячъ четвертей хлѣба онъ издержалъ только шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями.» Можетъ быть онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ разсказовъ людей, приближенныхъ къ покойнику, тогда какъ росписка Дружинина есть официальное доказательство справедливости передаваемого мною. Тотчасъ по окончаніи отчетовъ, именно 20 января 1813 года, М. П. Ми-

квашевскій, при рескриптѣ отъ Императора Александра Павловича, получилъ орденъ Св. Александра Невского. Пока онъ приводилъ къ окончанію главное порученіе, Государю было угодно возложить на него другое, не столько трудное по исполненію, сколько важное по довѣрію къ нему Императора. Я передамъ все собственными словами Высочайшаго рескрипта:

«Для корпуса Генералъ Адъютанта Барона Винценгероде нужно избрать способнаго (и знающаго при томъ иностранныя языки) чиновника для требующихся по сему корпусу распоряженій продовольствія, а равно и самаго збора производимаго съ губерній хлѣба и другихъ потребностей. Въ слѣдствіе чего предписываю Вамъ избрать такового *по собственному усмотрѣнію вашему* изъ служащихъ въ Тверской губерніи гражданскихъ чиновниковъ, какъ то изъ руководителей или прочихъ, кого вы для сего признаете способнымъ.

«Я желаю, чтобы во время еще пребыванія вашего въ Твери, сей чиновникъ подъ руководствомъ и наставленіемъ вашимъ вошелъ въ отправление сей должности.»

Исполненіе всѣхъ этихъ порученій было послѣднимъ важнымъ дѣломъ М. П. Миклашевскаго. Не смотря на то, что тутъ снова явилось полное поприще его истинно неусыпной дѣятельности, живой его характеръ и старая привычка первой молодости заставляли его иногда грустить, что онъ не въ военной службѣ. Въ бумагахъ его я нашелъ отрывокъ черноваго письма его руки, безъ имени особы, къ кому оно писано; видно только, что онъ писалъ его въ день Фершампенуазской побѣды: «О! какъ я жалѣю, что я по злой судьбинѣ моей, а не по волѣ, нахожусь здѣсь и въ гражданской службѣ, дѣти же мои еще не доросли того, чтобы быть на тѣхъ поляхъ чести, которыя покрыли неувядаемою славой моихъ соотчичей.»

Съ 1813 года, то есть, послѣ совершеннаго окончанія возложенныхъ на него порученій, онъ снова началъ присутствовать въ 4-мъ Департаментѣ Сената, гдѣ въ 1814 году получилъ повелѣніе ревизовать Новгородскую губернію и всѣ присутственныя мѣста ея. Здѣсь онъ нашелъ много безпорядковъ, слѣдовательно долженъ былъ войти въ непріязненныя сношенія съ губернаторомъ, который справедливыя его требованія приписывалъ личному къ себѣ нерасположенію сенатора, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ донесенія Миклашевскаго: «всѣ безпорядки и упущенія по губерніи получили главный свой источникъ отъ образа управленія г. губернатора.» Безпорядки были

не малые, если судить изъ донесеній; сенаторъ возставалъ противъ нихъ всего болѣе за то, что сильно притѣсняли бѣдныхъ казенныхъ крестьянъ. Увѣренный въ правотѣ своей Миклашевскій писалъ къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, извѣстному нашему писателю, бывшему тогда министромъ юстиціи, и, изложивъ все дѣло и все угнетеніе крестьянъ, заключилъ свое письмо просьбою: «покорѣннѣе прошу Ваше Превосходительство въ вѣщее доказательство г. губернатору, что я въ дѣлахъ, мнѣ порученныхъ, личнаго противъ него ничего не имѣлъ, а исполнялъ въ строгомъ смыслѣ обязанности свои, исходатайствовать, дабы ревизія Новгородской губерніи была окончена кѣмъ-нибудь другимъ и чтобъ даже повѣрено было все то, о чемъ мною было представлено.»

Такая прямота и усердіе къ общественному благу награждены были благодарностію Сената и Государя. Самое это порученіе въ ходу службы, полной замѣчательными услугами отечеству, дѣло неважное, но я привожу здѣсь все сколько нибудь не всеневныя событія въ его жизни и службѣ, по одному весьма замѣчательному явленію въ девятидесятнѣмъ дѣятельномъ житіи человека: сколько онъ ни имѣлъ порученій, какія ни начиналъ предпріятія, все оканчивалось у него не только что хорошо, но всегда необыкновенно удачно и счастливо. Вообще, и слышавши отъ всѣхъ его знавшихъ, и просматривая всю жизнь Миклашевскаго, нельзя не сказать, что у него всегда былъ сильный помощникъ, — счастье. Оно постоянно встрѣчало и сопровождало все его начинанія. Правда, что счастье было здѣсь не слѣпо; любимецъ его былъ одаренъ умомъ быстрымъ, пронзительнымъ и при этомъ до такой степени былъ преисполненъ дѣятельности, что никогда не могъ быть спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не приведетъ въ исполненіе задуманнаго, или по крайней мѣрѣ не дастъ хода задуманной имъ мысли. Переходъ отъ намѣренія къ дѣйствию у него былъ едва замѣтенъ, — вздумано, сдѣлано. Такое рѣдкое соединеніе счастья съ умомъ объясняетъ успѣхи его по службѣ и въ дѣлахъ хозяйственныхъ. И то правда, что тоже самое счастье, таже самая быстрота ума и дѣятельность, готовые ему всегда на подмогу, бывали иногда причиною и промаховъ. Они у него были отчаянными врагами терпѣнія, а безъ него особенно трудно обходиться въ хозяйствѣ; отъ этого въ послѣдніе годы его жизни случались иногда и безпорядки въ управленіи, но и тутъ любовь всѣхъ, особенно же уваженіе къ суворовскому вѣнку и извѣст-

ному савошнику, отдаваемое ему веѣмъ его околоткомъ, пособляли ему тамъ, гдѣ другой сдѣлался бы жертвою своихъ смѣлыхъ начинаній. Смѣлость, рѣшимость, прямой ходъ къ цѣли безъ остановки на мелкихъ незначительныхъ соображеніяхъ, дѣлали то, что часто исполнители его предначертаній опускали руки, повиновались только потому, что не смѣли не исполнить приказаній Сувороваго воина, не привыкшаго ни къ отговоркамъ, ни къ возраженіямъ; часто дѣлали съ полною увѣренностію въ неудачѣ и между тѣмъ все шло, какъ по маслу.

Окончивъ ревизію Новгородской губерніи, М. П. Миклашевскій постоянно оставался въ 4-мъ Департаментѣ Сената до 1817 года, когда онъ неожиданно переведенъ былъ оттуда въ Межевой Департаментъ и потомъ черезъ годъ, по причинѣ разстроенныхъ своихъ дѣлъ онъ просилъ полного увольненія отъ службы и оставилъ ее въ 1818 году. Кромѣ разстроенныхъ дѣлъ были и другія причины, побудившія его оставить ту службу, которая въ послѣднее время начала ему дѣлаться тягостною. Это именно неожиданный переводъ его въ Межевой Департаментъ, происшедшій по случаю слушанія важнаго спорнаго дѣла, между богатымъ Кіевскимъ помѣщикомъ, графомъ Головинскимъ, и Польскимъ дворяниномъ, камергеромъ Лежарскимъ. Послѣдній былъ повѣреннымъ и ходатаемъ по спорному дѣлу Головинскаго. Когда оно было проиграно, Головинскій потребовалъ отъ Лежарскаго деньги, выданныя ему въ счетъ платы за успѣшное окончаніе иска. Лежарскій отказывался платить; между имъ и его вѣрителемъ завязалась тяжба. М. П. Миклашевскій присутствовалъ въ Сенатѣ, слушалъ это дѣло и вотъ какъ самъ онъ писалъ объ этомъ къ покойному князю Долгорукому, бывшему Харьковскимъ Полтавскимъ и Черниговскимъ генералъ-губернаторомъ: «которое дѣло выслушавъ, я далъ такую резолюцію, по которой необходимо должно было открыть правду или ложь. Послѣ такой моей резолюціи, не далѣе, какъ на завтрашнее утро, до выѣзда моего изъ дому, предписано мнѣ присутствовать въ Межевомъ Департаментѣ. А какъ резолюція моя въ 4-мъ Департаментѣ была записана, то дѣло сіе, по разногласію Сенаторовъ, ожидало, пока въ вакантній мой мѣсяцъ выѣду изъ Петербурга, и тогда перенесено было въ общее Сенаторовъ собраніе, которое и опредѣлило графу Головинскому съ Лежарскимъ развѣдаться въ Кіевскихъ судебныхъ мѣстахъ, чему я наиболѣе противился».

Комитетъ Министровъ , куда поступило его прошеніе , объ увольненіи отъ службы согласился только дать ему, для исправленія домашнихъ дѣлъ, отпускъ на годъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи его онъ снова возвратился на службу. Но онъ уже не захотѣлъ возвратиться, послѣ 1818 года совершенно оставилъ службу и всѣ остальные 29 лѣтъ посвятилъ своему семейству и деревенскому хозяйству. Главная дѣятельность его обратилась на устройство имѣнія, въ которомъ, какъ и въ службѣ, вездѣ у него видѣнъ быстрый и предприимчивый умъ и смѣлая рѣшимость тотчасъ же исполнять задуманное. Здѣсь также, какъ и на другихъ помѣщикахъ, онъ не вошелъ въ число обычныхъ хозяевъ, но успѣлъ ввести въ хозяйство такія нововведенія, которыя сдѣлали бы честь хозяйственному распоряженію и теперь, спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ того времени.

Не знаю я точно, первый ли, но знаю навѣрное, что одинъ изъ первыхъ, онъ еще прежде удаленія изъ службы, въ Екатеринославскомъ своемъ имѣніи завелъ большое овцеводство и вмѣсто предмета удовольствія, или по крайней мѣрѣ неважнаго дѣла въ хозяйствѣ, какимъ оно было тамъ въ началѣ, даже почти до второй четверти настоящаго столѣтія, онъ сдѣлалъ изъ него главную отрасль хозяйства. Другимъ важнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ его была суконная фабрика, построенная имъ въ Черниговской губерніи, въ селѣ Пануровкѣ, — мѣстѣ его жительства. Теперь она стала на степень замѣчательныхъ нашихъ суконныхъ фабрикъ; и при развитіи у насъ суконной промышленности въ послѣднее двадцатилѣтіе, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, особенно въ томъ краю, гдѣ въ старобрядческихъ слободахъ суконныя фабрики развелись десятками. Важно то, что она еще въ 1815 году была заведеніемъ уже замѣчательнымъ, въ чемъ можно повѣрить такому судѣ, какимъ былъ покойный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Въ письмѣ своемъ отъ 18 октября 1815 года пишетъ онъ къ М. П. Миклашевскому:

«Я самъ тужу, что не засталъ Вашего Превосходительства въ прекрасномъ селеніи вашемъ и котораго, позвольте сказать, не въ правѣ хижинною называть. Въ чужихъ даже государствахъ, гдѣ болѣе пріюбыкли, нежели у насъ, къ хорошимъ зданіямъ и по правильной архитектурѣ украшать господскія усадьбы, немного таковыхъ, какова ваша. Прельщался я домомъ, но болѣе еще радовался я вами заве-

денною суконною фабрикою; она конечно и по цѣлому государству одна изъ лучшихъ. Кто любитъ отечество свое и видитъ заведеніе ваше, съ удовольствіемъ замѣтить долженъ, что когда вы изволите ему служить отлично, какъ Сенаторъ, еще о пользѣ его печетесь, какъ помѣщикъ.»

Первыми строками письма Канцлеръ нисколько не думалъ польстить вкусу покойнаго М. П. Миклашевскаго, потому что точно Пануровскій домъ его не можетъ не обратить на себя вниманія чело-вѣка со вкусомъ. Планъ его сдѣланъ извѣстнымъ многими зда-ніями въ Петербургѣ архитекторомъ *Гваренги*, и точно лицевая сторона дома, равно какъ и залъ, показываютъ, что это было одно изъ замѣчательныхъ произведеній Венеціанскаго художника.

Обращаясь къ фабрикѣ и вообще сельскому хозяйству М. П. Миклашевскаго, я приведу здѣсь любопытное письмо князя Петра..... Лопухина, бывшаго Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, пи-санное въ концѣ 1816 года: «Вы теперь занялись въ полной мѣрѣ хозяйствомъ и меня весьма много одолжили бѣ, еслибы увѣдомили о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Во всей Европѣ теперь зани-маются усовершенствованіемъ паровыхъ машинъ и уже оными печата-ютъ книги, на немалыя разстоянія дѣлаютъ перевозку большихъ тягостей по сухому пути, корабли посредствомъ паровъ ходятъ безъ вѣтру и противъ онаго безъостановочно и между прочимъ здѣсь за-ведена бумажная фабрика, которая посредствомъ одной паровой ма-шины выдѣлываетъ всѣ сорта лучшей бумаги. И какъ кажется, что не худо вамъ переѣхать сюда, чтобъ скорѣе пользоваться сими полезными выдумками.»

Что точно дѣльно и основательно занимался хозяйствомъ покойный М. П. Миклашевскій, видно изъ другаго письма, писаннаго въ 1824 году канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ. Писавши ему о разныхъ домашнихъ распоряженіяхъ и сообщивши, что онъ ѣдетъ на Нижегородскую ярмарку, графъ прибавляетъ: «Какое бы для меня было несказанное удовольствіе, ежелибы я могъ здѣсь съ Вами увидѣться и въ бесѣдахъ Вашихъ учиться хо-зяйству.»

Съ небольшимъ тридцать лѣтъ ввели столько новаго въ міръ изобрѣтеній и ходъ промышленности, столько измѣнили наши понятія, что письмо Лопухина кажется какъ будто бы еще Екатерининскаго вре-мени. Въ 1816 году пароходы были рѣдкою, но едва ли не боль-

шею рѣдкостью было, — оставивши сенаторство, дѣятельно заняться хозяйствомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на М. П. Миклашевскаго, какъ на одного изъ непогнхъ, далеко опередившихъ общественное мнѣніе и понявшихъ гораздо раньше, нежели поняло общество, что жизнь въ деревнѣ не для одного удовольствія, что собственная дѣятельность и собственное знаніе суть лучшіе пути къ устройству благосостоянія и своего, и людей, ввѣренныхъ управленію помѣщика. Наконецъ не знаю, по цѣльности ли и высотѣ своей природы, потому ли что въ занятіи сельскимъ хозяйствомъ ему случалось часто сталкиваться съ крестьянами и слѣдовательно можно было узнать ихъ короче и умѣть полюбить ихъ Христіански, или можетъ быть потому, что онъ принадлежалъ еще къ тому поколѣнію, которое не умѣло съ вѣчною проповѣдію на устахъ объ отвлеченіи братствѣ сословія соединять на дѣлѣ самое полное презрѣніе къ людямъ нисшихъ состояній, какъ будто не развившимъ въ себѣ сознанія своей человѣчности и своего достоинства, — по чему бы то ни было, но въ моихъ глазахъ никакъ не ниже самыхъ военныхъ и гражданскихъ доблестей, та высокая черта М. П. Миклашевскаго, что онъ такъ совѣстливо взвѣшивалъ трудъ своихъ крестьянъ и такъ тщательно смотрѣлъ за собою, чтобы не переступить должнаго предѣла въ своихъ требованіяхъ тамъ, гдѣ ему предстоялъ отчетъ только предъ Богомъ и своей совѣстью. Говорить о всеобщемъ братствѣ не трудно, когда говоришь о немъ только за тѣмъ, чтобы прославить свое модное человѣколюбіе; но другомъ человѣчества имѣетъ право назваться лишь тотъ, кто, хотя и безъ лишнихъ словъ, но дѣятельно проводитъ Христіанскія понятія въ своей жизни. М. П. Миклашевскій именно такъ понималъ свои обязанности къ крестьянамъ и явилъ это на самомъ дѣлѣ; новое устройство его суконной фабрики показало, что онъ въ понятіяхъ своихъ далеко опередилъ понятія большинства своихъ современниковъ: онъ завелъ на ней работу не *барщиною* или *пригономъ* (какъ водилось вездѣ въ господскихъ имѣніяхъ того времени), а за задѣльную плату. Нововведеніе, кажется, простое, но какъ оно ни просто, какъ ни законно и необходимо, какъ наконецъ ни выгодно, а до сихъ поръ еще не можетъ сдѣлаться *общимъ правиломъ* на фабричныхъ заведеніяхъ помѣщиковъ. Теперь начинаютъ ему слѣдовать многіе, хотя далеко еще не всѣ помѣщики; когда же ввелъ его у себя Миклашевскій, оно было въ томъ краю дѣйствительнымъ нововведеніемъ.

Честь и хвала покойному М. П. Миклашевскому за то, что онъ въ установленіи новаго порядка показалъ любовь и состраданіе къ смиреннымъ труженикамъ и дѣятельно старался улучшить ихъ положеніе; — показалъ въ то время, когда въ Западной Европѣ, повластной законодательницѣ образованныхъ слоевъ нашего общества, забота о бѣдныхъ не входила еще въ предписанія общественной моды. Эта забота была одною изъ главныхъ основъ его частной дѣятельности: въ его бумагахъ осталось нѣсколько его проектовъ и почти все прямо или не прямо идутъ къ одной цѣли—защитить бѣднаго. Дѣятельный умъ не только что откликнулся на каждый современный зовъ, но часто предупреждалъ его, и рѣшеніе большей части вопросовъ являлось у него въ видѣ предположеній о новомъ устройствѣ въ той или другой отрасли или гражданскаго, или хозяйственнаго быта. Многіе изъ нихъ уничтожены имъ самимъ; я нашелъ шесть проектовъ: о продовольствіи войскъ конныхъ и пѣшихъ; о предохраненіи отъ чумы и вообще о карантинныхъ; о Новгородскихъ казенныхъ крестьянахъ; о бѣглыхъ людяхъ; о фельдшерахъ; о чинахъ по гражданской службѣ. Во всѣхъ ихъ видно знаніе дѣла; впрочемъ со стороны дѣла быть можетъ, что многое уже и устарѣло, но для меня при очертаніи его личности всего главнѣе то, что во всѣхъ ихъ видѣнь прекраснѣйшій, чистѣйшій источникъ, — любовь къ людямъ, состраданіе къ страждущимъ и стараніе помочь неимущему.

Первый и второй проекты были писаны еще въ прошломъ столѣтіи. Въ первомъ М. П. Миклашевскій всего болѣе настаиваетъ на томъ, чтобы при продовольствіи войскъ, какъ можно было менѣе переходовъ отъ рукъ производителей, то есть поселянъ, до потребляющаго войска.

Проектъ о Новгородскихъ казенныхъ крестьянахъ былъ написанъ въ 1814 году, послѣ ревизіи Новгородской губерніи. Теперь составъ управленія казенными крестьянами измѣненъ совершенно, поэтому въ предположеніяхъ покойника не остается уже ничего, приложимаго къ настоящему быту.

О бѣглыхъ людяхъ писано въ 1821 году. Тутъ видно, что прежнему Новороссійскому губернатору край Новороссійскій знакомѣ Великой Россіи, что въ подробностяхъ болѣе теоріи, нежели удобства приложений. Однакожь, не смотря на такіе недостатки, основа мнѣнія такова, что она сдѣлала бы честь настоящему времени, превоз-

несему себя преимущественно сострадательнымъ къ низшимъ слоямъ народа.

Проектъ о фельдшерахъ состоялъ въ томъ, что какъ было бы важно «увольнять прослужившихъ въ войскахъ и вездѣ по лазаретамъ и госпиталямъ 10 лѣтъ въ должности фельдшеровъ и ставить имъ въ обязанность служить въ тѣхъ же должностяхъ въ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣніяхъ.»

Подробности послѣдняго проекта Миклашевскаго о гражданскихъ чинахъ можетъ быть слишкомъ частны и не вездѣ удовлетворяютъ требованіямъ состава гражданской службы; но тутъ важнѣе всего основная мысль.

Какъ ни различны всѣ переданные мною проекты покойнаго М. П. Миклашевскаго, но общій выводъ изъ нихъ въ отношеніи къ покойнику выходитъ самъ собою: вездѣ въ нихъ видѣнъ умъ опытный, прямой, неуклонно идущій къ своей цѣли, не останавливаясь на ничтожныхъ временныхъ условіяхъ. О чемъ онъ ни говоритъ, вездѣ руководитъ имъ любовь къ человѣку-собрату, состраданіе къ страждущимъ и желаніе помочь имъ и облегчить ихъ участь.

Указывая въ дѣйствительной жизни на тѣ же самыя стремленія, я могъ бы рассказать объ немъ множество слышанныхъ мною частныхъ случаевъ; я приведу изъ нихъ два такіе, въ которыхъ, кромѣ личной доброты, благотворившей безъ спросу о правилахъ благотворительности и безъ рабскаго имъ подчиненія, онъ является вполне старикомъ Екатерининскаго времени, носившимъ до смерти отпечатокъ какой-то особености, такъ блестяще явившейся во всемъ вѣкѣ Императрицы Екатерины II.

Однажды въ его анбарахъ сдѣлали покражу: ночью украли нѣсколько пудовъ муки. На утро докладываетъ ему объ этомъ прикащикъ. М. П. Миклашевскій приказалъ, чтобы непременно были отысканы виновные; на другой ли, на третій ли день дѣйствительно приводятъ ихъ. Они съ повинною головою начали просить прощенія.

— Я и муку нашелъ у нихъ въ мѣшкахъ, говоритъ прикащикъ, только уже не всю: мошенники уже успѣли почать ее.

«Куда же вы ее дѣвали?» спросилъ Михаилъ Павловичъ.

— Хлѣбъ испекли, пане, у насъ въ хатѣ не было ни крупинки.

«Точно ли употребили они ее для себя?» спросилъ онъ у прикащика.

— Точно такъ; сами бабы показали, что изъ той муки хлѣбъ спекли.

«Ну такъ дай же имъ еще, чтобъ они были сыты и не имѣли бы надобности воровать. А вы, смотрите у меня, впередъ, когда хлѣба надобио, придите, да попросите; за первый разъ васъ прощаю, а послѣ строго накажу.»

И точно онъ приказалъ имъ отдать всю украденную муку и дать еще на полное ихъ продовольствіе. Онъ на дѣлѣ защитилъ то, за что сильно стоитъ въ своемъ мнѣніи о бѣглыхъ людяхъ.

Въ другой разъ въ глубокую осень, пріѣхалъ къ нему въ Пануровку какой-то бѣдный подлѣцарь съ просьбою, чтобъ онъ позволялъ своимъ печникамъ сложить въ его хатѣ печи.

«Да они заняты, у меня самого всѣ печи передѣлываютъ».

— У васъ, Ваше Превосходительство, слава Богу, есть, гдѣ жить, а у меня бѣднаго вся семья пропадетъ отъ холоду.

«Ну хорошо, пусть идутъ къ тебѣ; у меня сложать послѣ».

Едва только бѣднякъ ушелъ съ благодарностію, Михаилъ Павловичъ велѣлъ воротить его съ дороги.

«Да что же ты просишь печниковъ, а вѣрно еще и кирпичъ не запасенъ, да можетъ быть и купить-то его не на что? Работниковъ просилъ, а не изъ чего печи класть; ну вотъ тебѣ, ступай, купи кирпичу и вези работниковъ.»

Онъ далъ ему и денегъ, и работниковъ.

Сосѣди и знакомые рассказываютъ множество событій изъ жизни покойника; случилось, что горячность стараго война иногда переходила за предѣлы, но никогда не устронила ничего несчастія и всегда рѣшительно она была искупаема добротою и благородствомъ души его. У меня есть одно письмо, писанное покойникомъ въ 1841 году къ одному изъ сыновей его; оно изобразитъ его лучше словъ моихъ.

«Съ истиннымъ благоговѣніемъ и благодарностію Господу Богу, получилъ я восхитившее меня до небесъ письмо твое, сынъ мой вселюбезнѣйшій. Ходатайство твое за добраго, несчастнаго полковника... раскрыло мнѣ доброту души и сердца твоего, качества столь рѣдкія уже въ мірѣ семъ. Ты, другъ мой, плѣнилъ меня до радостныхъ слезъ. Умоляю Творца небеснаго, да утвердитъ Онъ въ добродѣтели тебя на долгіи вѣкъ. О семъ твоёмъ подвигѣ всѣ твои

братья и сестры уже мною извѣщены, то съ вчерашнею почтою, то съ варочнымъ.»

Подковникъ, о которомъ идетъ дѣло, не былъ ни родственникомъ, ни пріятелемъ, ни близкимъ знакомымъ Михайла Павловича; всѣ отношенія между ними ограничивались тѣмъ, что онъ служилъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ сына его Александра Миклашевскаго, былъ несчастенъ, точно стоилъ лучшей участи и наконецъ еще, что ходатайствомъ и усиленнымъ ходатайствомъ другаго изъ сыновей покойника удалось ему устроить положеніе несчастнаго.

Въ перепискѣ покойника есть много такого, что можно было бы представить, какъ неоспоримое доказательство прекрасной души егѡ. У него было много писемъ отъ первыхъ изъ нашихъ сановниковъ. Кромѣ приведенныхъ и упомянутыхъ мною, есть другія отъ князя Александра Николаевича Голицына, герцога Ришелье, князя Рѣпинина, фельдмаршаловъ: графа Сакена, князя Витгенштейна и графа Дибича, графа Бенкендорфа, Ланжерона, канцлера князя Кочубея и другихъ. Но всѣ онѣ большею частію писаны или по частнымъ обстоятельствамъ, или по семейнымъ отношеніямъ. Я приведу здѣсь одну самую незначительную записку канцлера князя Кочубея только для того, чтобы показать, какъ въ домахъ первыхъ нашихъ сановниковъ неизмѣнно исполнялись церковныя постановленія, свято чтимыя народомъ.

«Хотя ласкалъ я себя удовольствіемъ видѣть васъ сегодня у себя на посномъ обѣдѣ; но Наталья Кирилловна (*), съ которою трудно спорить, хочетъ, чтобы я у нее ѣлъ для середи какое-то кушанье даже и безъ поснаго масла. Посему не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженія завтра пожаловать къ намъ откушать, а сегодня по вечеру въ свободный часъ на бесѣду дружескую.»

Собственная семейная жизнь М. П. Миклашевскаго шла съ такимъ безмятежнымъ счастіемъ, какое достается въ удѣлъ немногимъ. Въ 1797 году женился онъ на дочери Тайнаго Совѣтника Якова Леонтьевича Бакуринскаго, родной племянницѣ канцлера князя Безбородко, отъ котораго предъ женитьбою получилъ такое дружески-родственное поздравленіе: «Ежели я Вамъ совѣтовалъ въ женитьбѣ держаться правила, въ Писаніи Святомъ преподаннаго Іакову: *да не*

(*) Загряжская, дочь Кирилъ Григорьевича Разумовскаго, тетка княгини Кочубей.

поймешь себя жены отъ сыновъ чуждыхъ, то я еще двойную причину имѣю одобрить вознамѣреваемый вами бракъ на моей племянницѣ.»

Со времени женитьбы своей, при многочисленномъ семействѣ, онъ до 1831 года не имѣлъ ни сильно горькихъ потерь, ни потрясеній въ семьѣ своей. Первую и послѣднюю потерю испыталъ онъ въ 1831 году, когда въ Дагестанѣ, подъ Агачь-Кале убили старшаго сына его, Александра. Какъ ни славна была смерть его на мѣстѣ битвы, но и самая слава, къ которой былъ очень равнодушенъ Михайль Павловичъ, не могла ни сколько его утѣшить. Одно неизмѣнное прибѣжище всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, — молитва, облегчала его горе, однакожъ слѣды его остались неизгладимыми до кончины старца. Въ память сына онъ построилъ на сельскомъ кладбищѣ деревянную церковь во имя Александра Невского. Не одинъ онъ, и даже не одно его семейство, оплакивало убитаго воина; извѣстiе о смерти его пронеслось печальною вѣстiю по всему Закавказскому нашему войску, издавна знавшему его рѣдкую храбрость. «*Письма изъ Дагестана*» Марлинскаго познакомили всѣхъ, слѣдившихъ за событiями того времени, съ именемъ Александра Миклашевскаго. Оно вошло въ свою очередь въ лѣтописи нашей военной исторiи и слѣдовательно по одному этому не можетъ быть чуждо мнѣ читателямъ. Чтобъ не утомлять ихъ холоднымъ разсказомъ о его подвигахъ, я только припомню главныя черты изъ жизни «храбраго полковника» и передамъ ихъ живыми строками его сослуживца, — одного изъ любимыхъ нашихъ писателей того времени, Марлинскаго. Въ письмѣ отъ 17 Сентября 1831 года онъ писалъ объ немъ:

«Между тѣмъ искры мятежа, раздуваемая Кази-Муллою, вспыхнули пламенемъ въ вольной Табасарани. Вслѣдъ за ними взволновались и владѣнiя Ибрагимъ-Бека Карчахскаго, наследника Майсумовъ (Князей) Табасарани, человека, издавна преданнаго Русскимъ. Это принудило Генералъ-Адъютанта Панкратьева, главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ, по отбытiи Графа Паскевича Эриванскаго въ столицу, отрядить для усмиренiя Табасарани два батальона 42-го егерскаго полка, съ нѣсколькими сотнями Ширванской конницы. Отрядъ этотъ порученъ былъ храброму полковнику Миклашевскому, тому самому, который въ 1828 году съ цѣпью стрѣлковъ сбилъ Турокъ съ Топдаческаго кладбища, втопталъ ихъ въ ворота Карса, ворвался съ ними вѣстѣ внутрь и былъ главнымъ виновни-

комъ внезапнаго взятія этой крѣпости. Онъ промчался грозой по Табасарану, по непроходимымъ лѣсамъ и крутизнамъ; имѣлъ сраженіе на горѣ Гарбакурани, при Каруль-Гау, при Нетаринь-Гирве, спалилъ девять селеній, покорилъ новый Магалъ, заставилъ присягнуть старшинъ прочихъ, — но вдругъ отозванный въ Ширванъ, ушелъ изъ Дагестана (тому причиною были сборища Турецкихъ войскъ на границѣ). Экспедиція его продолжалась 15 дней; но долго будутъ помнить въ горахъ Кара-полковника (т. е. Чернаго), какъ называютъ его Горцы.»

Потомъ, когда на глазахъ Марлинскаго былъ убитъ любимый войскомъ храбрый полковникъ, писатель-сослуживецъ почтилъ его память подробнымъ описаніемъ послѣдняго, предсмертнаго его подвига. Описавъ бой при Агачь-Кале, о которомъ онъ говоритъ: «никогда въ жизни не видалъ я столько крови и столько храбрости на столь маломъ пространствѣ!...» Марлинскій продолжаетъ:

«Миклашевскій нетерпѣливо ждалъ ршенія боя за оврагомъ; но когда прискакалъ къ нему офицеръ и сказалъ что-то на ухо, онъ вспыхнулъ: — «Коня!» и въ тотъ же мигъ велѣлъ двумъ ротамъ Куринцевъ слѣдовать за собою, спустился съ крутизны вскачь и вскачь поднялся на противоположный утесъ, по такой крутизнѣ, что и пѣшкомъ взлѣзть трудно. «Судьба несла его», говорили солдаты. Онъ прыгнулъ съ коня, обнажилъ шашку и крикнулъ: «Впередъ, друзья! теперь наша очередь показать себя молодцами!». «Ура! Ура!» заревѣли солдаты: «ура, впередъ! съ нами отецъ нашъ!» (*). Все ожило, все хлынуло въ Агачь-Кале. Онъ пошелъ на приступъ впереди всѣхъ, между ротою Куринцевъ и егерей... подбѣжалъ къ бойницѣ и въ запальчивости хотѣлъ заколотъ сквозь нее Горца; но злодѣйскіе выстрѣлы сыпались, кипѣли и роковая пуля пронзила его грудь, пробила сердце и легкія; онъ успѣлъ только сказать: «Возьмите!» ступилъ назадъ и упалъ...

«Но смерть храбраго полковника не могла остаться безъ мести, завѣтъ его безъ исполненія. Ожесточенные солдаты руками рвали срубъ, лѣзли на верхъ, ломали кровлю и вломились наконецъ въ укрѣпленіе, падали другъ на друга — друзья и недруги — все смѣшалось... Когда ударили отбой, лишь одни трупы злодѣевъ остались въ Агачь-Кале: тамъ не было ни плѣнныхъ, ни раненыхъ. Темно-

(*) Русскія повѣсти и разказы. Часть шестая. Москва 1834 стр. 173 и 174.

та укрыла многихъ мятежниковъ отъ гибели; они каткомъ спустились съ обрыва, на мѣстѣ сраженія осталось болѣе 150 тѣлъ и 70 лошадей...

«Мы стали почти на *костяхъ*, какъ выражались наши предки. Дорога, но знаменита была побѣда. Мы потеряли болѣе 300 убитыми и ранеными, за то стяжали славу Русскому оружію. Ни мощь природы, ни силы огражденнаго неприступностію чловѣка не устояли предъ храбростію Русскихъ, — а выгоды этого мнѣнія въ очахъ дикарей неощутимы. Предъ нами, на окровавленномъ плащѣ, лежалъ трупъ убитаго полковника, и какъ гордо, какъ прекрасно было его чело!... Офицеры и солдаты рыдали. Татары плакали горькими слезами... но воинъ ли жалѣть о такой завидной смерти? намъ должно желать ея! Миклашевскій палъ, какъ жилъ, — героємъ!» (*)

Много надеждъ возлагалъ покойный М. П. Миклашевскій на своего сына; Персидская, Турецкая и Закавказская войны ихъ оправдывали, но роковая пуля прекратила все въ одно мгновеніе. Горячо любивши сына при жизни, онъ хотѣлъ быть неразлучнымъ съ его памятью и по смерти, и завѣщалъ положить себя въ храмъ, построенномъ въ его воспоминаніе. Ив. П. Бороздна прибавляетъ къ этому въ написанной имъ некрологіи: «Кромѣ воспоминанія о сынггероѣ, которое пожелалъ унести и въ могилу, онъ имѣлъ и другую глубоко чловѣческую и Христіанскую мысль скромно покониться на деревянномъ кладбищѣ, а не подъ свѣцію благолѣпнаго Пануровскаго храма. «Хочу, говорилъ онъ, лежать посреди людей моихъ.»

Вотъ очеркъ дѣяній покойнаго М. П. Миклашевскаго столько полный, сколько можно было составить его изъ мертвыхъ остатковъ его жизни: служебныхъ бумагъ, частной переписки, указовъ и распоряженій. Въ продолженія всего разсказа читатели мои не могутъ не замѣтить, что мною не упомянуто ни объ одномъ поступкѣ покойника, не произнесено объ немъ самомъ ни одного слова безъ опоры или на бумаги, или на письма, или наконецъ на изустные

(*) Тамже 1834 стр. 266—268.

разказы. Я могу указывать на послѣдніе также, какъ на достовѣрныя свидѣтельства, потому что вѣроятно эти строки прочтутся скорѣе всего людьми близкими къ покойному, тѣми, которые могутъ обличить каждую малѣйшую несправедливость, показать каждое преувеличеніе. Искавши во всемъ строгой истины, по неволѣ я впадалъ въ сухость; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни дѣйствительной, истина важнѣе занимательности.

Къ тому же я не зналъ его при жизни, узналъ уже по смерти изъ тѣхъ же бумагъ, которыя знакомятъ съ нимъ моихъ читателей; а знакомство съ умершимъ, какъ маска, снятая съ лица покойника: въ ней всѣ черты его, но уже искаженные смертію. Вотъ главное оправданіе въ безжизненности моего разказа. Другое то, что я боялся украшать жизнь такого человѣка, которому лучшее украшеніе — дѣла его. Въ нихъ видѣнъ воинъ, оставившій навсегда память о своей замѣчательной храбрости, гражданинъ — правитель, единодушно любимый всеми сословіями жителей управляемаго имъ края; сенаторъ, возставшій противъ правъ своего сана, когда дѣло коснулось до справедливости; умный нововводитель въ дѣлѣ сельскаго хозяйства; дворянинъ, не жалѣвшій выгодъ своего сословія тамъ, гдѣ надобно было защитить бѣдный, незащитный классъ народа; однимъ словомъ вездѣ, на всѣхъ путяхъ лице замѣчательное, внесшее себя въ число самыхъ честныхъ и самыхъ дѣятельныхъ сыновъ отечества, но болѣе и важнѣе всего, вездѣ въ соединеніи съ общественными доблестями является въ немъ человѣкъ, проникнутый высокими, благородными, истинно Христіанскими чувствами. Все это говорятъ оффиціальныя бумаги, письма и наконецъ своеручныя мнѣнія и предположенія самаго покойника: за чѣмъ прибавлять къ нимъ что бы то ни было?

Нельзя не почтить такого человѣка искреннимъ уваженіемъ къ его памяти и, произнося его имя, не помянуть его нашею простою задушевною молитвою: Царство небесное покойнику, вѣчная память ему между его согражданами!

(Сообщено изъ Малороссіи.)

Во второй книгѣ Бесѣды будутъ помѣщены, кромѣ другихъ статей, слѣдующія двѣ:

Изъ Семейной Хроники С. Т. Аксакова четвертый отрывокъ.

О необходимости и возможности новыхъ началъ для Философiи. Статья I. соч. И. В. Кирѣевского.

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИЪЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

(Писано въ 1851 году).

КНЯЗЬ
ЛУПОВИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДИЯ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Константина Аксакова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. СТЕПАНОВОЙ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Марта 16 дня, 1856 года.**

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ПРОЛОГЪ.

(Дѣйствіе въ Парижѣ).

ЯВЛЕНИЕ I.

ОСОБАЯ КОМНАТА ВЪ Café de Paris. КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ, ГРАФЪ ДОЛОНСКІЙ,
БАРОНЪ САЛЮТИНЪ СІДЯТЪ ПОСЛѢ ОБѢДА И КУРЯТЪ СІГАРЫ; ПЕРЕДЪ НИМИ
РЮМКИ СЪ МАРАСКИНО.

ДОЛОНСКІЙ (*Луповицкому*).

И такъ, завтра въ Россію?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Завтра.

ДОЛОНСКІЙ.

Ну, bon voyage. Но знаешь ли что? Ты потеряешь только время; temps perdu, mon cher. Пользы не будетъ отъ твоей поѣздки.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Польза будетъ, повѣрь мнѣ. Я удивляюсь только, и очень удивляюсь словамъ твоимъ; неужели ты такъ дурно думаешь о Русскомъ народѣ? Ты думаешь, что онъ не пойметъ и не приметъ Европейскихъ изобрѣтеній, открытій, идей, le progrès enfin?

САЛЮТИНЪ.

Ecoutez, Луповицкій; ты ошибаешься, mon ami. Я согласенъ съ Долонскимъ.

ДОЛОНСКІЙ.

Конечно, чего ждать отъ Россіи: tout un peuple de mougiques.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Soit; mais ça ne dit rien; c'est que... Mais, écoutez Messieurs, parlons russe, de grâce. Намъ какъ нибудь могутъ слышать здѣсь, мы говоримъ о Россіи откровенно; непріятно, неловко передъ, все же, иностранцами. Вѣдь Французы все же однако иностранцы. Къ тому же я собираюсь ѣхать въ Россію, надо же мнѣ упражняться въ русскомъ языкѣ; въ Петербургѣ, и можетъ быть до самой моей деревни, мнѣ не придется слова сказать по русски. А теперь мы, en petit comité, въ короткомъ пріятельскомъ кружку, стало можемъ говорить и по русски. Il faut profiter de l'occasion. И такъ, Messieurs, я прошу васъ исполнить мою просьбу и все говорить по русски.

ДОЛОНСКІЙ.

Il faut lui faire ce plaisir. — По русски, Салютинъ! Продолжай, Луповицкій.

ЛУПОВИЦКІЙ.

И такъ, если наше отечество и не имѣетъ въ

себѣ такихъ достоинствъ, какъ Европа, такъ вѣдь оно все таки отечество. *La patrie, Messieurs, la patrie.*

ДОЛОНСКІЙ.

La patrie! Tout cela est bel et bon; но что значить la patrie? Я тоже люблю отечество: оттуда я получаю деньги. J'espère bien, que je l'aime.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Это одна сторона только, одна сторона.

САЛЮТИНЪ.

Нѣтъ, Луповицкій, онъ правъ; одинъ союзъ съ отечествомъ, — это деньги, и конечно это важный союзъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Messieurs, permettez! Je demande la parole.

ДОЛОНСКІЙ.

La parole est au baron Салютинъ; continuez.

САЛЮТИНЪ.

Я не понимаю, *Messieurs*, о какой любви къ отечеству можетъ быть рѣчь. Это хорошо было прежде, въ старыя времена, но съ тѣхъ поръ мы ушли далеко впередъ. — Я, напримѣръ, — человекъ образованный: это я понимаю. Я люблю слушать Лаблаша и Гризи, поѣхать на балъ, гдѣ одно избранное общество, выслушать иногда лекцію *d'un professeur en vogue*, наконецъ отобѣдать здѣсь, однимъ словомъ

жить en homme civilisé, — это я понимаю; но какое тутъ отечество? Къ чему оно? Это все выдумки, годныя для черни.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ingrat que vous êtes! Quel est le sang qui coule dans vos veines? Répondez moi, n'est ce pas un sang russe?

САЛЮТИНЪ.

Soit; но къ чему же это обязываетъ?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Je vais vous répondre à l'instant. Есть на земль связь между людьми однородными? Понимаете меня, — есть она?... Qu'est ce qui s'appelle un grand peuple? Heïn? Не тотъ ли это народъ, въ которомъ всѣ члены тѣсно связаны? И эта связь, Messieurs, это любовь къ отечеству, l'amour de la patrie!

ДОЛОНСКІЙ.

Il y a du vrai là-dedans.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Отчего былъ силенъ Римъ? Отъ любви къ отечеству. — Pourquoi un état, est il puissant? — Pour la même raison. Видите, Messieurs, что безъ этого чувства не было бы силы и независимости народной, не было бы независимости и Государственной, следовательно не было бы и вашей независимости. — Voyez

l'océan; il est puissant, et pourquoi? — C'est que tous ses flots ne font qu'une seule masse, un seul mouvement, une seule puissance. Détachez un flot de son océan, — отнимите волну отъ своего океана, она сейчасъ дѣлается безсильною; вы можете перенести ее, куда угодно. А? Вы можете ее налить въ графинъ — да? Вы можете налить ее въ рукомоиникъ, можете умыться ею, вылить, — видите. — Aussi, Messieurs, le peuple; c'est un océan; nous ne sommes, que des flots; какъ скоро мы отняты отъ своего океана, qu'est ce que nous sommes?

ДОЛОНСКІЙ.

Il a raison, Салютинъ; c'est qu'il a le don de la parole, cet homme. Но, Луповицкій, voyons. Вѣдь наши мужики, вѣдь это развѣ люди? Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всѣми удовольствіями цивилизаціи, c'est le mot; чтобы я напримѣръ могъ жить въ Парижъ, и между прочимъ, обѣдать въ Café de Paris. — Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ цивилизованныя удовольствія; c'est leur mission sur la terre, ils ne sont bons, qu'à ça, et c'est encore trop d'honneur pour eux.

САЛЮТИНЪ.

Правда. — Мнѣ писать управляющій, что денегъ выслать трудно, что будетъ мужикамъ тяжело. Ma foi! я написалъ ему, чтобъ были высланы деньги;

я хочу жить, какъ живу, ни въ чемъ себѣ не отказывая, en homme civilisé, какъ человекъ гуманный, а больше ничего и знать не хочу.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Нѣтъ, Messieurs, я не согласенъ съ вами. Вы не правы. — Какъ, Messieurs, мы станемъ нападать на нашъ народъ за то, что онъ, бѣдный, лишень всехъ благъ Европейской сивилизаци, за то, что онъ находится на низкой степени лѣстницы народовъ, за то, что въ немъ не могло еще явиться ничего вышепнаго, гуманнаго, за то, что въ немъ только одни зародыши, что онъ не можетъ назваться вполне человекомъ даже? И за его нужду, недостатки, его жалкое состояніе, мы наградимъ его презрѣніемъ, мы не постараемся извлечь его изъ этого состоянія, въ которое поставила его исторія, мы не пробудимъ въ немъ религіозныхъ, человѣческихъ движеній, которыхъ въ немъ нѣтъ? Какъ, неужели мы такъ поступимъ? Oh, oh, Messieurs, Messieurs! oh, Messieurs.

САЛЮТИНЪ.

On voit, que vous êtes patriote.

ДОЛОНСКІЙ.

Il est connu, comme tel.

САЛЮТИНЪ.

Но думаешь ли ты, что твои усилія не останутся по напрасну?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Совсѣмъ нѣтъ! Но позвольте, Messieurs; avant tout, il faut poser la question selon moi.

ДОЛОНСКІЙ.

C'est juste.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну такъ, Messieurs, я долженъ вамъ сказать, что я считаю, что Русской народъ есть также часть чловѣчества. N'est ce pas?

САЛЮТИНЪ.

Posons.

ЛУПОВИЦКІЙ.

• Posons.—Если Русской народъ часть чловѣчества, то все чловѣческое ему свойственно, n'est ce pas? Потому, что вѣдь это люди! Вѣдь Русской народъ тоже люди? Вѣдь все это люди, n'est ce pas?

ДОЛОНСКІЙ (*Салютину*).

C'est excessivement logique;

ЛУПОВИЦКІЙ.

И такъ, Messieurs, вы согласитесь со мною, что къ Русскому народу, — дикому, положимъ, необразованному, положимъ, — однакоже къ нему можно привить просвѣщеніе Европейское. Главное доказательство, что все это люди. Европейцы люди и Русской народъ, тоже, можно сказать, — люди, конечно на низкой

степени, конечно разница огромная, но все же это люди. Homo sum, et nihil humanum à me alienum puto.

ДОЛОНСКІЙ.

Sans contredit. Bah, vous connaissez le latin!

САЛЮТИНЪ.

Comme vous cachez vos talents, Луповицкій.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Eh bien, Messieurs!—Еcoutez, Салютинъ!—Eh bien, conclusion: Русской народъ можетъ принять западное просвѣщеніе; а мы, Messieurs, мы люди образованные, стоящіе такъ высоко, должны стараться сдѣлать его похожимъ на насъ. N'est ce pas, Messieurs, я убѣдилъ васъ? —

САЛЮТИНЪ.

C'est que vous êtes philosophe. Mais le côté pratique, où est il, le côté pratique! Ah, je ne suis pas philosophe; moi, je ne me laisse pas prendre si facilement par des paroles. Le côté pratique, c'est ce que je vous demande.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Une objection, qui est fort juste. Je vais vous répondre à l'instant.

(Салютинъ самодовольно пускаетъ дымъ и еще болѣе разваливается въ креслахъ).

ЛУПОВИЦКІЙ.

C'est que... Ахъ, Боже мой! Мы все говоримъ по-Французски. Видите, Messieurs. Я бы конечно поступилъ отвлеченно, d'une manière abstraite, еслибъ я сообщилъ то народу, о чемъ онъ и понятія имѣть не можетъ. — Non, non, mille fois non! — А я, знаете, возьму въ немъ зародыши, въ народъ, — вѣдь они есть зародыши, понимаете вы меня? — и этимъ зародышамъ дамъ только видъ, какой надобно, — сивилизую... сивилизую. — Напримѣръ, что-нибудь уже есть въ Русскомъ народъ, — я не дамъ ему того, чего еще у него нѣтъ, — а что-нибудь есть, такъ я этому придамъ Европейской видъ, сивилизую, понимаете вы меня? Напримѣръ: благотворительность; вѣдь конечно мужикъ дѣлаетъ добро, n'est ce pas? Но какъ онъ дѣлаетъ? — подаетъ нищимъ; это грубо, необразованно, n'est ce pas? Я возьму это свойство въ мужикъ, — и сивилизую. Онъ будетъ, какъ-нибудь, что-нибудь, дѣлать въ пользу бѣдныхъ, какъ мы дѣлаемъ; ну ба-ловъ, конечно, у нихъ нельзя завести, ну что-нибудь другое; ужъ я придумаю. Понимаете меня?

ДОЛОНСКІЙ.

Il a raison, ce Луповицкій. Ah, on est bien ferré sur son terrain.

САЛЮТИНЪ.

Il faut avouer, il y a du sens pratique dans vos paroles. — Mais d'où vous vient tout cela?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Messieurs, c'est que j'aime la Russie.

САЛЮТИНЪ.

Je suis prêt à y croire. J'aime son argent, quant à moi. Je me rejouis d'être Russe, car, mon cher, 200,000 francs de rente, c'est quelque chose.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Vous êtes materialiste, c'est connu. Eh bien, Messieurs, вы наконецъ согласны со мною?

ДОЛОНСКІЙ.

Prouvé et approuvé. Только признаюсь, я не ожидалъ въ тебѣ практическаго генія. Ты всегда умѣешь изумлять.

САЛЮТИНЪ.

Escoutez, Луповицкій; ну а если мужики тебя не поймутъ; если они заупрямятся? Ты принудишь ихъ, разумьется.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Принуждать насильно — нѣтъ, я на это не способенъ. Убѣждать — другое дѣло. Я увѣренъ въ успѣхъ.

САЛЮТИНЪ.

Э! mon ami, непременно надо употребить силу; даже и убѣждать нечего пробовать; надо знать, съ

къмъ быть деликатнымъ. Нужна желѣзная рука, *mon cher*, — *une main de fer*. Такъ только надо учить необразованный народъ. Сломай его, сдѣлай изъ него тѣсто, *faites - en une pâte*, — и потомъ лепи, что угодно.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Но какая же будетъ польза?

САЛЮТИНЪ.

Mais c'est ainsi, que Pierre le Grand a agi envers nous. Eh bien! Кажется трудъ не потерянь. Мы можемъ быть ему благодарны за это; мы, надѣюсь, стали вполнѣ образованными людьми, можемъ быть собой довольны.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Le temps change, mon cher; теперь не то время; nous sommes devenus plus humains. D'ailleurs, je ne suis capable d'aucune action de ce genre.

САЛЮТИНЪ.

Жаль, а было бы гораздо лучше.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Mais c'est de la force brutale.

САЛЮТИНЪ.

Force brutale est très nécessaire et très utile envers les brutes.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Но мое собственное человеческое чувство возстаёт противъ этого. Je sauve donc ma propre humanité. Je crois, que c'est aussi quelque chose.

САЛЮТИНЪ.

У тебя есть отвѣтъ на все. Дѣлай, какъ хочешь. Когда ты ѣдешь?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Завтра, Messieurs, завтра.

ДОЛОНСКІЙ.

Nous vous verrons encore, avant votre départ?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Sans doute.

САЛЮТИНЪ.

Долго ты останешься?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Сколько нужно для моего дѣла. Дамъ толчекъ, сообщу движеніе, и прїѣду опять сюда. Конечно я хочу пользоваться всею этою образованною жизнію; мое мѣсто здѣсь, въ Парижѣ; но, знаете, — я уже буду пользоваться всѣми этими плодами сивилизации, какъ сказать, съ большимъ правомъ; мнѣ не будетъ уже совѣстно, если я удѣлю хоть часть нашего совершенства бѣдному, жалкому нашему народу. Qu'est ce qui vous semble?

ДОЛОНСКІЙ.

Смѣшно было бы, если бы ты не прѣхалъ. — Vous partez donc, vous quittez Paris.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Oui, je pars! Adieu, Paris, adieu! Mais, pas pour toujours, pas pour longtemps. — Oh, Paris!

САЛЮТИНЪ.

Victor Hugo a eu bien le droit de dire:

La France est le géant du monde, —
Cyclope, dont Paris est l'oeil.

ЛУПОВИЦКІЙ.

C'est vrai. Quel poète!

САЛЮТИНЪ.

Escoutez, Луповицкій. Такъ ты рѣшительно не хочешь принять моего совѣта и принудить мужиковъ, если они заупрямятся.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Принуждать насильно, — нѣтъ я на это не способенъ. Если же они не поймутъ меня, — я пожму плечами, и ворочусь въ Парижъ. Mais, je suis fermement persuadé, que je serai compris. — Bonjour.

ДОЛОНСКІЙ.

Куда же?

*

ЛУПОВИЦКІЙ.

О, куда! Мнѣ надо купить все, что вышло на Французскомъ языкѣ объ Россіи, всѣ путешествія; дорогою я ихъ прочту; и конечно самое вѣрное понятіе могутъ дать иностранныя описанія. La Russie, vue du haut de la civilisation, vous savez.

ДОЛОНСКІЙ.

C'est juste; vous vous armez de pied-en-carp.

САЛЮТИНЪ.

C'est ce qu'il faut.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Bonjour.

ДОЛОНСКІЙ И САЛЮТИНЪ.

Bonjour.

(Луповицкій уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ ЛУПОВИЦКАГО.

ДОЛОНСКІЙ.

Il a du fond, cet homme,

САЛЮТИНЪ.

C'est un homme de conviction.

ДОЛОНСКІЙ.

Et puis une bonne tête, et un don de la parole incontestable.

САЛЮТИНЪ, *(зъвал)*.

Il serait interessant de savoir, ce qu'il va produire en Russie.

(Встають, чтобъ идти).

Занавѣсъ опускается.

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИЪЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь Луповицкій, богатый помѣщикъ.

Антонъ, староста.

Иванъ, сынъ его.

Параша, дочь его.

Семень

Прохоръ

Ермилъ

Филиппъ

} крестьяне.

Ульяна, дѣвушка крестьянка.

Андрей, сирота, молодой крестьянинъ.

Жеромъ, Русской камердинеръ съ французскимъ именемъ.

Грумъ.

Слуга.

Крестьяне, крестьянки.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШИРОКАЯ УЛИЦА ДЕРЕВНИ, ПОРОСИШАЯ ТРАВОЮ; СЪ ЛѢВА БОЛЬШОЕ КРЫЛЬЦО
ВАРСКАГО ДОМА, ВЪ РОДѢ БАЛКОНА; СЪ ПРАВА РЯДЪ ИЗБѢ; НА АВАНСЦЕНѢ СЪ
ПРАВА ЖЕ КОЛОДЕЦЬ.

УЛЬЯНА и ПОТОМЪ ПАРАША.

(Ульяна достаетъ изъ колодца ведро и поетъ).

ПАРАША, *(входитъ).*

Ты все поешь, Ульяна.

УЛЬЯНА.

Да чтожъ не пѣть-то? Вотъ помоги-ка лучше
ведро достать, — вотъ такъ. *(Ставитъ съ ея помощью вед-
ро на край колодца; потомъ обѣ становятся другъ противъ друга).*

ПАРАША, *(послѣ молчанія).*

Кому-то завтра въ солдаты придется? Завтра
сходка будетъ; кого-то отдадутъ?

УЛЬЯНА.

А какъ Богъ міру на сердце положить.

ПАРАША.

Хорошо тебѣ, братьевъ у тебя нѣту. А какъ у меня ихъ четверо.

УЛЬЯНА.

Да чего бы лучше Андрюху отдать?

ПАРАША.

Сироту-то?

УЛЬЯНА.

Ну да, сироту. Богъ вѣдь его не покинетъ, а очень тосковать за нимъ некому. Парень онъ смирный, добрый, работающій; да все не братъ, не сынъ.

ПАРАША.

Да ему-то вѣдь не легче, бѣдному.

УЛЬЯНА.

То ему одному не легче; а какъ другаго изъ семьи-то отдадутъ, такъ вся семья за нимъ плакать станетъ [†] (*Параша хочетъ идти*). Куда ты? постой; только ведра возьму, пойдемъ вмѣстѣ. (*Надвѣваетъ ведра на коромысло*). Э, смотри-ка, это кто идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ЛУПОВИЦКІЙ (*входитъ въ щегольскомъ дорожномъ пальто и съ лорнетомъ на шнурочкѣ*).

ЛУПОВИЦКІЙ.

Вотъ я опять на родинѣ, опять въ Россіи, сторону необразованной, дикой, а между тѣмъ, да, — я

люблю ее, безъ сомнѣнія люблю. Отечество! да, отечество, la patrie! Согласенъ, совершенно согласенъ: патриотическое чувство доступно благородному сердцу. Я очень это чувствую, да; чувствую именно теперь, воротясь на родину, въ Россію. Невольно такъ и хочется запѣть.

(Запѣваетъ).

La voici, la voilà, cette France chérie!

(Осматриваетъ окрестность лорнуруа. Крестьянки стоятъ поодаль и смотрятъ).

УЛЬЯНА.

Параша, вѣдь это баринъ.

ПАРАША.

Отчего жъ баринъ, кто его знаетъ.

УЛЬЯНА.

И одѣтъ не по русски, и говорить не по русски: стало баринъ.

ПАРАША.

И то.

ЛУПОВИЦКІЙ.

А, это вѣрно кто нибудь изъ моихъ подданныхъ.
(Смотритъ). Jolie figure. Послушайте, мои милыя.

УЛЬЯНА, *(кланяясь).*

Что, батюшка?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Чья эта деревня?

УЛЬЯНА.

Князя Луповицкаго, помѣщика.

ЛУПОВИЦКІЙ

А самъ помѣщикъ, гдѣ же онъ?

УЛЬЯНА.

А кто его знаетъ. Въ чужихъ земляхъ, гдѣ-то. Слышно, тамъ есть мѣстечко Парижи; такъ онъ тамотко.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(въ сторону)*.

C'est Paris, — прошу узнать. Парижи! C'est vraiment drôle *(имѣ)*. Что же, баринъ у васъ, хорошіи баринъ?

УЛЬЯНА.

А Господь его знаетъ. Намъ грѣхъ Бога гнѣвить, намъ хорошо; а барина мы и въ глаза не видали.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(въ сторону)*.

Хорошо; я увѣренъ, что дурно.

УЛЬЯНА.

Оброкъ небольшой. Старосту мѣръ выбираетъ на три года, а не хорошъ и до срока смѣнить.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(морищтсѣ)*.

Ну, а когда же баринъ будетъ?

УЛЬЯНА.

Да его ждуть съ часу на часъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну, мои милыя, я буду имѣть удовольствіе говорить съ вами послѣ; а теперь пошлите ко мнѣ старосту и скажите, что баринъ приѣхалъ, вашъ баринъ. Ну да, я вашъ баринъ. *(Дѣвушки кланяются).* Подите пошлите старосту. *(Они уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(одинъ).*

Жаль, очень жаль; умный народъ, и въ такомъ невѣжествѣ. Никакихъ понятій, никакого совершенно сужденія. Образовать его — вотъ нашъ долгъ. Образовать въ отношеніи религіозномъ, въ отношеніи нравственномъ, общественномъ, художественномъ. — Вотъ поле для дѣятельности. — Надо же наконецъ, чтобы народъ нашъ походилъ на насъ, Европейцевъ. Я объясню имъ все это. Не хочу же я обидѣть ихъ тѣмъ, что они не поймутъ меня. Ктому же, да-съ, — я люблю Россію, люблю этотъ добрый и умный Русской народъ. Oh, comme je l'aime! Жаль только, что мнѣ нельзя разговаривать съ ними по французски. Хоть я и хорошо говорю свой языкъ, но по французски я бы объяснилъ имъ это лучше; mais, que faire! — Какъ же я возьмусь за дѣло однако? А надо немедленно. Я въ деревню прямо изъ Парижа; всѣ мои впечатлѣнія вполне свѣжи; надо этимъ пользо-

ваться. Къ тому же я не намѣренъ здѣсь долго оставаться; мнѣ надобно сперва только кинуть сѣмена; но какъ же быть? Да, позвольте, позвольте! Я помню одного мужика, котораго я къ себѣ выписывалъ въ Петербургъ: умная голова, просто министръ. — Такъ, онъ будетъ моимъ органомъ, проводникомъ моихъ идей.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛУПОВИЦКІЙ, СТАРОСТА.

СТАРОСТА.

Такъ и есть. Ахъ батюшка, Князь Геннадій Ивановичь!

ЛУПОВИЦКІЙ, *(морщитъ лобъ)*.

Ба, ба, ба! Это кажется... да, тотъ самый.

СТАРОСТА.

Что вы къ себѣ въ Питеръ съ отчетами выписывали, — такъ, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Здравствуй, здравствуй. Какъ бишь тебя?

СТАРОСТА.

Антонъ Гавриловъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Антонъ, да. — А ужъ не ты ли староста?

СТАРОСТА.

Я, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Тебя выбрали въ старосты, такъ ли?

СТАРОСТА.

Выбралъ міръ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Міръ, то есть всѣ?

СТАРОСТА.

Всѣ міръ, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(ласковымъ тономъ смягчалъ слова)*.

Вѣдь ты мой староста, а? Такъ надо, чтобы я, чтобы баринъ выбиралъ старосту, а?

СТАРОСТА.

Такъ, батюшка, точно. Кому иному, какъ не тебѣ. — Живешь ты, правда, далеконько; у насъ не бываешь, и насъ не знаешь никого; а то, батюшка, кому и назначать, какъ не тебѣ.

ЛУПОВИЦКІЙ

Ça n'est pas bête. — Ну а если я у васъ жить стану, — такъ вѣдь, конечно, мнѣ надо назначать; вѣдь ты все же мой староста?

СТАРОСТА.

Точно, батюшка, точно, точно; твой староста, и рѣчи нѣтъ. Ну да вотъ что, батюшка; кабы имъ то, крестьянамъ то есть, до твоего старосты дѣла не было, такъ имъ бы и все равно; а то, вѣдь я отъ тебя, да надъ ними. Ну какъ же, батюшка, и имъ бы вѣдь надо объ себѣ полумать. Умъ хорошо, а два лучше, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Il est très fin, cet homme. — Хорошо, Антонъ, мы съ тобой потолкуемъ послѣ, кому 'и какъ старосту назначать. — Я тебѣ скажу, я много хочу сдѣлать перемѣнъ. Ты мнѣ поможешь; ты уменъ, я знаю. — Я вамъ добра хочу, друзья мои, будьте въ этомъ увѣрены. — Кстати, нѣтъ ли у васъ чего нибудь, à l'ordre du jour, на очереди... какъ сказать... *(заминается)*.

СТАРОСТА.

Какъ же, ваше сіятельство, некрутчина.

ЛУПОВИЦКІЙ.

А у васъ кто отдастъ въ рекруты, — ты?

СТАРОСТА.

Нѣтъ, батюшка, какъ можно, — мѣръ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Мѣръ! Гм, хорошо. Сколько здѣсь душъ?

СТАРОСТА.

Да душъ восемьсотъ, побольше, будетъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Это не дурно. — Я нѣсколько усталъ теперь, до свиданья. А камердинеръ мой еще не приѣхалъ съ коляской? Вѣдь я пѣшкомъ къ вамъ дошелъ.

СТАРОСТА.

Онъ въ домъ, батюшка; васъ дожидается.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Прощай, добрый мой Антонъ.

СТАРОСТА.

Прощенья просимъ, ваше сіятельство.

(Провожаетъ его нѣсколько шаговъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

СТАРОСТА и ПРОХОРЪ.

ПРОХОРЪ.

Антонъ Гаврилычъ, баринъ приѣхалъ?

СТАРОСТА.

Приѣхалъ.

ПРОХОРЪ.

Видѣлъ?

СТАРОСТА.

Видѣлъ.

ПРОХОРЪ.

Ну что?

СТАРОСТА.

Ничего

ПРОХОРЪ.

А что?

СТАРОСТА.

Да что. Добрый баринъ, ничего. Все-то, Прохоръ Игнатьичъ, объ насъ думаетъ. Перемены, говорить, у васъ съблѣаю. Право такъ. Все о насъ глупыхъ пекутся. — Ну самъ ты человекъ умный, ну скажи: какъ намъ и счастливыми-то не быть? Видишь, заботу объ насъ принимаютъ какую.

ПРОХОРЪ.

Да ты рѣчь-то не двои. Скажи, что намъ, добра ждать, что ли?

СТАРОСТА.

Я тебѣ говорю, хорошій баринъ. Добра, говорить, вамъ хочу.

ПРОХОРЪ.

Охъ, братъ! Будетъ онъ думать, что добро, да и пойдетъ насъ добромъ-то этимъ подбивать. Жиль-то онъ долго въ Нѣмечинѣ. Тамъ можетъ оно и добро, да чтобъ нѣмецкое добро намъ худомъ не вышло.

СТАРОСТА.

Слушай,—коли въ правду добрый, такъ онъ съ разу, хоть и не увидитъ, что намъ плохо,—да гнуть

на колено не будетъ. А право слово, душа у него добрая. Я давно вѣдь его знаю; онъ хоть и не того, да за то не золь. — Да не въ томъ теперъ сила: надо къ барину съ приносомъ идти; еще рано, успѣемъ. Пойдемъ-ка, Прохоръ Игнатьичъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПАРАША, потомъ ИВАНЪ.

ПАРАША, *(подпираясь локоткомъ).*

Кого-то въ солдаты отдадутъ? У насъ четверо, у Прохора трое, у Василья то же трое, да и мало ли народу, — а кто пойдетъ? — Ульяна сказала Андриюху, а за что? — за то, что сирота: ишь вина какая. За нимъ плакать некому: да онъ чтоли виновать, что некому. — Ну а если кто изъ братьевъ — не дай Богъ! *(Дуповицкій подходит потихоньку къ окну и слушаетъ).*

ИВАНЪ, *(входя).*

Чего задумалась?

ПАРАША.

А вамъ и горя мало. — Кого-то изъ васъ завтра въ солдаты отдадутъ.

ИВАНЪ.

Не бабье дѣло толковать объ этомъ.

*

ПАРАША.

Ваня, да ты ужъ мнѣ скажи: кого по твоему?

ИВАНЪ.

Да Андрюху, чай.

ПАРАША.

А тебѣ не жаль Андрюхи?

ИВАНЪ.

А тебѣ нешто жаль?

ПАРАША.

Да чѣмъ же онъ провинился, что его? Чтожъ въ немъ худаго-то?

ИВАНЪ.

Хорошій парень, нечего сказать; всѣмъ взялъ; работающій, и добрый такой; ну и пѣсно лихо споеть; ну и на кулачки ужъ не спустить. Когда не жаль, — жаль; да чтоже дѣлать-то? Вѣдь надо же кому нибудь. Такъ все легче ему пойти, — одинъ, какъ персть.

ПАРАША.

Наладили вы все одно; ужъ видно ему и придется.

(Закрываетъ глаза руками).

ИВАНЪ.

Да чего ты, Параша? А? *(она плачетъ)*. Да ты скажи. Ужъ тебѣ не приглянулся ли онъ? Ты скажи.

(отнимает руки ей от лица). Полно! можетъ и не онъ поидеть. Плачешь, ничего не видя.

ПАРАША.

Да кто тебѣ сказалъ, что онъ мнѣ приглянулся? Не приглянулся, совсѣмъ нѣтъ; а такъ, жалко; всѣхъ васъ жалко, — огтого и плачу.

ИВАНЪ.

Ну ужъ ты, не хитри со мной. Говорю тебѣ, не плачь.—Э, да вотъ Андрюха. *(Параша убѣгаетъ).*

ЛУПОВИЦКІЙ, *(у окна).*

Mais c'est tout un roman! *(Уходитъ, очень довольный.)*

ЯВЛЕНІЕ VII

ИВАНЪ И АНДРЕЙ.

ИВАНЪ.

Андрюха!

АНДРЕЙ.

• Что?

ИВАНЪ.

Тебѣ въ солдаты придется.

АНДРЕЙ.

Что Богъ пошлетъ.

ИВАНЪ.

А мнѣ жаль тебя, Андрюха.

АНДРЕЙ.

Ну спасибо, коли жаль.

ИВАНЪ.

А за тобой проказы водятся.

АНДРЕЙ.

Какія проказы?

ИВАНЪ.

Какія! Думаешь, я незнаю. Я, братъ, вижу.

АНДРЕЙ.

Да чего ты видишь.

ИВАНЪ.

Чего! Ты на Парашу заглядываешься; вотъ чего.
Что, молчишь.

АНДРЕЙ.

Ну да коли самъ видишь, такъ что ужъ таиться.

ИВАНЪ.

Да ты скажи мнѣ, Андрюха, въ правду. Что
тебѣ, по сердцу она пришлась, что-ли?

АНДРЕЙ.

Коли знаешь, что и говорить. Хотѣлъ сватовъ
засылать; ну да какіе теперь сваты.

ИВАНЪ.

Слушай, Андрюха. Мнѣ тебя жаль, право жаль;
а пособить чѣмъ, и незнаю. За тебя пойти, — да

нѣтъ, братъ, надо правду сказать, не пойду. Что отецъ скажетъ? Ты, скажетъ, своей волей бросаешь меня; не тебѣ досталось, а ты идешь. — Знаешь что, Андрюха! Ужъ какъ Богъ дастъ, такъ оно и будь.

АНДРЕЙ.

И то, Иванъ. Спасибо на добромъ словѣ. Ну а коли не пойду?

ИВАНЪ.

Ну а коли не пойдешь, ужъ просватую за тебя сестру.

АНДРЕЙ.

Ой ли?

ИВАНЪ.

Право такъ.

АНДРЕЙ.

Ну, Иванъ, что Богъ дастъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ТОЛПА КРЕСТЬЯНЪ начинаетъ сходиться по немногу передъ крыльцомъ.

СЕМЕНЪ.

Андрей, не видалъ барина?

АНДРЕЙ.

Не видалъ; слугу его видѣлъ, словно баринъ одѣтъ.

СЕМЕНЪ.

Крѣпостной?

АНДРЕЙ.

Крѣпостной, да не его; наемный, давно ужъ у него.

(Входитъ грумъ).

ИВАНЪ.

Смотри-ка, уродецъ идетъ.

СЕМЕНЪ.

Ахъ, братцы; что это? — Не то человекъ, не то птица. *(Смѣхъ).*

ИВАНЪ.

Подъ сюда пичуга малая, подъ сюда.

(Всѣ хохочутъ; грумъ складываетъ гордо руки и молча уходитъ при общемъ хохотѣ).

ЖЕРОМЪ, *(выходитъ на крыльцо)*

Жалкая ты деревенщина, необразованная. Чему хохочете?

СЕМЕНЪ, *(Улыпль).*

Это баринъ.

УЛЪЯНА.

Нѣту.

АНДРЕЙ.

Это слуга его, наемный.

ЖЕРОМЪ.

Козлы вы бородатые.

СЕМЕНЪ, *(въ полголоса)*.

Ахъ ты рыло бритое.

ЖЕРОМЪ.

Невъжи, невъжи! Жалости подобные невъжи! Ну что вы знаете, ну о чемъ вы слышали! Ну знаете ли, что манеры хорошія? Ну? — Не умѣете и одѣться-то, какъ надо.

ИВАНЪ.

Мы, братъ, по русски одѣваемся.

ЖЕРОМЪ.

Да развѣ кто изъ порядочныхъ людей по русски ходитъ?

ИВАНЪ.

Да мы ходимъ; мы не мошенники какіе.

ЖЕРОМЪ.

Грубая ты дичь деревенская.

СЕМЕНЪ.

Не больно спѣсивься, дичина заморская.

ЖЕРОМЪ.

Я, — да я камердинеръ его сіятельства; ну скажи, необразованный, скажи: что значить камердинеръ его сіятельства?

АНДРЕЙ.

Да все тотъ же лакей.

ЖЕРОМЪ.

Тотъ же, да не тотъ, — высокаго рангу, сюпер-финь Гамбургъ.

СЕМЕНЪ.

Ребята, онъ съ придурью; слышите, что мелесть.

ЖЕРОМЪ.

Съ придурью? самъ ты съ придурью, мужикъ. Мы, братъ, съ его сіятельствомъ, мало ли земель объѣздили. Во Франціи были, въ Нѣмeciи, въ Англіи, въ Италіи. — Ну хочешь скажу по Французски? — Бонжуръ мадамъ; — что? Ну хочешь по Нѣмецки? — Вассисдасъ мейнъ герръ; — вотъ тебѣ и по Нѣмецки. Ну по Англицки: гаудуйду. *(Хохотъ)*.

СЕМЕНЪ.

Какъ?

ЖЕРОМЪ.

Гаудуйду.

СЕМЕНЪ.

Ой братцы, уйду! *(Смѣхъ)*.

ЖЕРОМЪ.

По Итальянски хочешь? Міо каро.

СЕМЕНЪ.

Карій; кто, ты карій?

ЖЕРОМЪ.

Да вы языковъ не разумѣете.

АНДРЕЙ.

На чтоже ты говоришь такъ, что мы не разумѣемъ?

ИВАНЪ.

Да, братъ, ужъ коли глупъ, такъ на всѣхъ языкахъ глупъ.

ЖЕРОМЪ.

Глупъ? — самъ ты глупъ. Мы съ его сѣятельствомъ въ разныхъ ферейнахъ бывали; я тамъ не съ тобой дуракомъ, а съ учеными диспутовался.

СЕМЕНЪ.

Совсѣмъ исплutowался, — эхъ жалко. *(Смѣхъ)*.

ЖЕРОМЪ.

Герцоги, принцы и короли меня знаютъ; къ себѣ приглашали.

СЕМЕНЪ.

Эхъ ребята! Сгоните его съ энтаго мѣста: оно хвастливо.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ и нѣсколько СТАРИКОВЪ, (въ томъ числѣ, СТАРОСТА, ПРОХОРЪ и ФИЛИППЪ), съ хлѣбомъ-солью, медомъ и проч.
Толпа раздается съ почтеніемъ

СТАРОСТА, *(остановясь передъ крыльцомъ).*

Доложи барину, что мы пришли.

(Камердинеръ уходитъ. Луповицкій выходитъ сейчасъ съ камердинеромъ. Всѣ кланяются).

СТАРОСТА.

Батюшка, не побрезгай на нашемъ челобитъѣ;
прими нашу хлѣбъ-соль.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Очень радъ, очень благодаренъ. Вотъ она, хлѣбъ-соль; мнѣ много говорили про этотъ обычай иностранные туристы. *(Даетъ знакъ камердинеру; тотъ принимаетъ).*

ЖЕРОМЪ, *(сквозь зубы).*

Ну ужъ подарки, грубая деревенщина.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(въ полголоса).*

Послушай, ты! прошу быть деликатнѣе; да и какъ ты смѣешь? Ты видишь, что я принимаю и благодарю. — Смотри Жеромъ, если хочешь служить у меня, прошу быть вѣжливымъ, особенно съ ними.

(Выходит впередъ). Очень, очень вамъ благодаренъ за доброе ваше привѣтствіе.

КРЕСТЬЯНЕ.

Не на чѣмъ, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(откашливается, становится въ позу и приготавлиетсл. говорить рѣчь).*

Гм! Это съ большимъ удовольствіемъ, что я принимаю изъявленіе вашей... вашей признательности, или скорѣе любви ко мнѣ, — любви еще не заслуженной мною. — Но я надѣюсь заслужить ее. Вѣрьте *(одушевляя себя)*, о да, вѣрьте, что и я люблю васъ! Я постараюсь устроить вашъ бытъ, передать вамъ плоды просвѣщенія, роскошные плоды наукъ и искусствъ, — *(Горлчась)* Ничего не пожалѣю для этаго, никакихъ трудовъ, ни... бессонныхъ ночей, ни... утомительныхъ дней, ни... препятствія природы, ни чело-вѣческія препятствія не остановитъ меня. — Гдѣ ваши орудія, омоченныя не разъ благороднымъ потомъ вашимъ? Гдѣ соха, гдѣ пила? — Дайте мнѣ ихъ! Моя рука не побоится прикоснуться къ нимъ, если то нужно. — Но важнѣйшій трудъ предстоитъ мнѣ; я говорилъ о немъ сейчасъ. — Это тѣ нравственныя сокровища, которыя передамъ я вамъ, добытыя мною отъ Запада Европы, это сѣмена умственныхъ, которыя долженъ разсѣять я здѣсь. — Вы поймете меня. Ваше сочувствіе, въ которомъ я не сомнѣваюсь, бу-

детъ для меня лестною наградою. Повѣрьте мнѣ, я васъ уважаю, и докажу это! Вы можете считать на меня. *(Пауза)* Господа! Я въ вашихъ распоряженіяхъ. *(Въ сторону)* Какъ хорошо бы это было по Французски!

(Крестьяне молчатъ).

ЛУПОВИЦКІЙ.

Я усталъ немного и лягу отдохнуть, но прошу васъ пѣть и веселиться передъ моими окнами. До свиданія! Этотъ день—вашъ. *(Наклоняется; народъ кланяется. Луповицкій уходитъ, камердинеръ тоже).*

АНДРЕЙ, *(Ивану).*

Ну что, понялъ, что баринъ говорилъ?

ИВАНЪ.

Какъ не понять: вельбъ себѣ подать соху да пилу.

СЕМЕНЪ.

Сходить, что ли за ними, Антонъ Гаврильчъ?

СТАРОСТА.

Полно вамъ; вѣдь это такъ, для примѣра говорится.

СЕМЕНЪ.

А, можетъ, онъ и въ правду пилить да пахать захотѣлъ.

ПРОХОРЪ.

Ну пахать-то, да работать, — такъ и быть, ужъ мы все будемъ.

СЕМЕНЪ.

Про сѣмена говорилъ; сѣмена какія то изъ-за моря привезъ.

СТАРОСТА.

Эхъ вы! это такъ у него выходило; а просто хотѣлъ онъ сказать: вы де невѣжи, вамъ учиться надо.

ИВАНЪ.

Такъ онъ такъ бы и говорилъ; мы и безъ него знаемъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма.

АНДРЕЙ.

А вѣдь онъ добрый.

МНОГІЕ.

Добрый.

СТАРОСТА.

Ну полно калякать; собирайте хороводъ. *(Уходитъ; за нимъ старики. При словахъ его входитъ Жеромъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

♣

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ СТАРОСТЫ И СТАРИКОВЪ.

ИВАНЪ.

Ну живо, собирайте. *(Хороводъ начинаетъ собираться).*

ЖЕРОМЪ. *(Подходитъ къ Парашь).*

Ты не дурна, моя милая. *(Беретъ ее за руку; та вы-*

рываетъ ее.) Что ты? — Не бойся, не бойся; ужь если я тебѣ такую честь оказываю, не совѣстись.

ПАРАША.

Вотъ честь какая! Убирайся прочь.

ЖЕРОМЪ.

Вотъ глупая, вотъ невѣжа; никакого тутафе обращенья не понимаетъ. *(Беретъ ее опять за руку).*

ПАРАША, *(вырываетъ руку).*

Прочь!

ИВАНЪ, *(Андрею).*

Что носъ повѣсилъ?

АНДРЕЙ.

Повѣсишь, братъ. Кому то завтра въ солдаты идти придется.

ИВАНЪ.

Что завтра, — то завтра, а что нынче, — то нынче. Запѣвай Андрюха! *(увидавъ Жерома)* Ба, ты что тутъ?

ПАРАША.

Все пристаеъ.

ИВАНЪ.

Убирался бы ты лучше.

ЖЕРОМЪ.

Я вамъ честь дѣлаю, тро донѣръ, что къ вамъ пришелъ; удостоилъ то есть васъ, а вы дураки этаго

и не чувствуете; мужичье! Скажите-ка лучше: мерси.—
Дай же руку; ты хорошенькая, шармантъ право; такъ
таки себѣ. *(Хочетъ взять руку)*.

АНДРЕЙ, *(запальчиво)*.

Говорить тебѣ, отстань!

ЖЕРОМЪ.

Ой, какой грозный. Ты потяше, — я княжой камердинеръ.

ИВАНЪ.

Пополь прочь, добромъ тѣ говорятъ. Мы хоро-
вдъ водить станемъ.

(Беретъ за руку сестру).

ЖЕРОМЪ, *(беретъ ее за руку)*.

Я не пуцу, *(Параша плачетъ)*. Ну пожалуй плачь
Ужь если мнѣ угодно тебѣ такую, знаешь неожиданную
милость сдѣлать, то хоть плачь, а милость
и честь принимай.

ИВАНЪ.

Пусти говорить тебѣ.

ЖЕРОМЪ, *(уныло)*.

Не пуцу; а тронуть меня не смѣете.

(Параша плачетъ).

АНДРЕЙ.

Пусти!

ЖЕРОМЪ.

Не пущу.

АНДРЕЙ.

А коли такъ, добромъ не хочешь, такъ вотъ тебѣ.

*(Ударяетъ Жерома; тотъ падаетъ).*всѣ *(съ хохотомъ).*

Молодецъ Андрюха!

ЖЕРОМЪ, *(подымается, вилъ себя).*

Добро, смѣйтесь, смѣйтесь! Вамъ достанется; вамъ выдетъ сокомъ! А ты озорникъ, ты скотина, — тебя завтра въ солдаты отдадутъ. Да, въ солдаты. Ужъ я постараюсь. Да, да!

АНДРЕЙ, *(стоитъ, какъ озадаченный).*

Ну, что Богъ дастъ.

ЖЕРОМЪ, *(уходя).*

Въ солдаты тебя, въ солдаты, въ солдаты, въ солдаты.

АНДРЕЙ, *(стоит съ минуту въ
раздумь; потомъ вдругъ
какъ бы очнувшись, махаетъ
рукой и запѣваетъ).*

Вдоль по морю, вдоль по морю.

(Становится въ хороводъ).

ХОРОВОДЪ *(подхватываетъ).*

Вдоль по морю, морю синему.

(Хороводъ движется).

Занавѣсъ опускается.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

★

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУПОВИЦКІЙ ОДИНЪ ЗАВТРАКАЕТЪ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Хорошо, немедленно примусь за дѣло. — Какъ я доволенъ; у меня есть дѣятельность, — право. — Сегодня я долженъ говорить обо всемъ со старостой, ему первому сообщить мои мысли. Я нарочно написалъ всѣ пункты на бумагѣ. *(беретъ со стола бумагу и просматриваетъ)*. А, вотъ мой министръ. Здравствуй, мой любезный Антонъ. *(Антонъ кланяется. Послѣ молчанья)*. Мнѣ надо поговорить съ тобой, Антонъ. — Я тебѣ говорилъ, что я хочу сдѣлать перемены.

АНТОНЪ.

Говорили, ваше сіятельство. *(въ сторону)*. Вотъ те на, какъ на пашню онъ насъ посадить.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну скажи, не находишь ли ты самъ, что нужны

перемѣны? А? *(улыбается)*. Ну какія, ты полагаешь, перемѣны я придумалъ?

СТАРОСТА.

Можетъ, оброкъ прибавите, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! О матеріалистъ Антонъ! Не безпокойтесь, друзья мои; перемѣны будутъ другаго рода.

АНТОНЪ.

Не знаю, что за перемѣны, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Я хочу, чтобы пониманіе ваше.... какъ сказать.... интеллектуальное образованіе, — ну.... нравственное, нравственное ваше достоинство возвысилось. *(Антонъ молчитъ)*. Я говорю не ясно, можетъ быть; но лучше къ дѣлу. — Скажи мнѣ, религіозны ли вы? А? — То есть, ходите ли вы въ церковь?

СТАРОСТА.

Ходимъ, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ.

И прекрасно, друзья мои, прекрасно. О будьте религіозны, вѣрующіе. Я принадлежу къ такимъ людямъ, которые уважаютъ Вѣру, считаютъ ее даже главнымъ дѣломъ. — Я вамъ советую именно быть религіозными; исполняйте, что велитъ вамъ религія или Вѣра.

СТАРОСТА.

Мы исполняемъ, сколько силы нашей.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Однако, Антонъ, я вѣдь былъ сегодня въ церкви; конечно я пришелъ не къ началу, однако служили еще, — и я видѣлъ, что народу не много.

СТАРОСТА.

Да вы, батюшка, послѣ обѣдни пришли; а это служили молебны; такъ тѣ и остались, кто служилъ, а другіе разошлись.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(сконфузившись)*.

Да точно, да, молебны. — Позволь однако, позволь: тамъ священникъ давалъ крестъ цѣловать.

СТАРОСТА.

Да какъ же, батюшка, это за всякимъ молебномъ бываетъ.

ЛУПОВИЦКІЙ, *(совсѣмъ сконфузившись)*.

Бываетъ, да, бываетъ, точно. *(Принимается за завтракъ)*. Не хочешь ли ты позавтракать? Я тебѣ велю тамъ подать *(указываетъ ему на свой завтракъ)*.

СТАРОСТА.

Нѣтъ, батюшка, не стану.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Отъ чего?

СТАРОСТА.

У насъ постъ, батюшка; это скоромное.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Постъ, — какой постъ?

СТАРОСТА.

Петровки, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Петровки! — *(кладетъ вилку и ножикъ)*. Признаюсь, не зналъ.

СТАРОСТА.

Ваше дѣло господское, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну, я вижу, что на счетъ религіи или Вѣры, говорить нечего; — вы близки къ ней. — Теперь о другомъ, *(смотритъ въ бумажку)*. Что, дѣлаете ли вы добро?

СТАРОСТА.

Случается, батюшка, подаемъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Подаете нищимъ, это хорошо; но вѣдь не всякой подаетъ?

СТАРОСТА.

Какъ, батюшка, нищему не подать? — Ну, а если кто не захочетъ, тотъ ужъ самъ себя худо дѣлаетъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Да вѣдь можетъ случиться, что кто нибудь не подасть? Скажи, можетъ случиться?

СТАРОСТА.

Можетъ статья.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну, такъ я вотъ что придумалъ. — Вы устройте у себя благотворительный хороводъ.

СТАРОСТА.

Какъ, ваше сіятельство?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Благотворительный хороводъ.

СТАРОСТА.

Что жъ это будетъ такое?

ЛУПОВИЦКІЙ.

А вотъ что. Когда у васъ соберутся для хоровода, — каждый, кто захочетъ участвовать, дастъ по копѣйкѣ, или по полушкѣ, въ общую сумму, для бѣдныхъ; а потомъ эти деньги и будетъ раздавать нищимъ, настоящимъ нищимъ, тотъ, кого хоть я назначу. — А? хорошо?

СТАРОСТА.

Умныя твои рѣчи, батюшка. Только вотъ что: у насъ есть въ церкви кружка для бѣдныхъ. Хороводъ-то, веселье-то зачѣмъ?

ЛУПОВИЦКІЙ.

А веселье для того, чтобъ охотнѣе дали; иной бы можетъ быть безъ этой причины и не подалъ, — а для веселья подалъ.

СТАРОСТА.

Стало, батюшка, человекъ ужъ тутъ не для Бога, а для своей потѣхи нищему подалъ. Гдѣ жъ тутъ доброе-то дѣло будетъ? Для души-то что?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Положимъ добраго дѣла собственно нѣтъ; для души, какъ ты выражаешься, нѣтъ; да все же польза.

СТАРОСТА.

Ужъ коли, батюшка, въ такомъ дѣлѣ святомъ, что нищему подать, для души ничего не будетъ, — такъ ужъ тутъ какая польза, — тутъ вредъ, да и какой. Вѣдь, какъ ницаго увидишь, — и воздохнешь, и подумаешь, что вотъ де нищая братья, да и подашь; такъ оно для души много. — А тутъ, что это будетъ? — Гамъ, веселье. Что, дескать, вамъ о нищей братіи думать; знай веселись, да себя тѣшь: вотъ тебѣ и доброе дѣло сдѣлалъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Но польза, мой любезный Антонъ, польза!

СТАРОСТА.

Такъ, батюшка, да польза-то эта со вредомъ

душъ нашей; такъ что въ ней толку-то, въ пользѣ? Доброе дѣло будетъ безъ добра. Да позволь тебѣ сказать, батюшка: ты видалъ ли, какъ мы милостыню подаемъ? Кто принялъ — перекрестится, кто подалъ — перекрестится. Да вотъ, взгляни, батюшка, въ окошко. *(подходитъ, и съ нимъ Луповицкій къ окну)*. Видишь, нищій подошелъ къ избѣ; видишь, рука изъ окна протянулась; видишь, нищій крестится; видишь, и въ избѣ крестятся, благодарятъ, что сподобилъ Господь нищему подать.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Il n'est pas bête, cet homme.

СТАРОСТА.

Да позволь тебѣ доложить: вѣдь Богу бы можно было и всѣхъ нищихъ обогатить; пользу то Онъ можетъ послать имъ не по нашему; такъ чтожъ они все ходятъ, да просятъ? — Не денегъ вѣдь только, батюшка, они просятъ, — а чтобъ мы душою воздохнули, да подали нищій братіи, для Бога; — вотъ оно, батюшка, что.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ты умно говоришь.

СТАРОСТА.

По мужицки, батюшка. — Еще, батюшка, сказано: кто нищему подаетъ, Богу подаетъ; какъ же я, батюшка, въ хороводъ-то, горло распустивъ, Богу

подамъ? — И милостыня у насъ святая зовется; а тутъ какая будетъ святая милостыня, — для своей потѣхи гамъ да плясъ? Нѣтъ, батюшка, послушай моихъ неразумныхъ рѣчей; не дѣлай этаго, ты народъ соблазнять будешь; оно, батюшка, дѣло худое. Пусть добро добромъ и будетъ, а съ потѣхой его не мѣшай.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Je suis battu, tout à fait. Ну мой Антонъ, ты разсуждаешь такъ умно... къ тому же я принуждать васъ не намѣренъ, — стало быть, дѣлайте, какъ хотите. (*Антонъ кланяется; молчанье; Луповицкій смотритъ въ бумажку*). Ну постой. Скажи мнѣ, много у васъ грамотныхъ?

СТАРОСТА.

Мало, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну, а грамоту, ты не отвергаешь?

СТАРОСТА.

Грамота хорошее дѣло: ученье — свѣтъ, а неученье — тьма.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну я радъ, что въ этомъ мы сходимся. Я бы хотѣлъ школу завести.

СТАРОСТА

Грамотъ учить?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Да.

СТАРОСТА.

Такъ, чѣмъ школу заводить, батюшка, а ты пономарю дай жалованье за выучку, за каждаго, хоть рубли четыре или хоть три; онъ тебѣ учить и станеть и выучить; а мы отъ грамоты не прочь.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Пожалуй, я и на это согласенъ. Мнѣ надо будетъ для васъ книгъ закупить, книгъ для народа, приноровленныхъ къ понятію народа, понимаешь?

СТАРОСТА.

Какія же это книги, батюшка?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Есть много такихъ книгъ, нарочно написанныхъ для простаго ума. Въ нихъ разсуждается о предметахъ, нужныхъ для крестьянина; напримѣръ о томъ, что такое быкъ.

СТАРОСТА.

Быкъ?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну да, быкъ. Я думаю, быкъ много значить въ вашемъ быту.

СТАРОСТА.

Не ужъ - то же, батюшка, мы быка не знаемъ.

Неужли и того не знать, около чего цѣлый вѣкъ ходишь.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Тамъ не только о быкъ; тамъ о нравственныхъ обязанностяхъ; тамъ говорится, что не надо лгать, пьянствовать, ну.....и такъ далѣе. Вѣдь эти книги для васъ нужны.

СТАРОСТА.

И по нашему, батюшка, не годится пьянствовать и лгать; да вѣдь ктожъ этаго не знаетъ? Не дѣлаютъ только.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну, да все же не худо объ этомъ еще почитать.

СТАРОСТА.

Не худо, кто говоритъ; только ужъ объ этомъ давно написано и хорошо написано; врядъ ли ужъ лучше написать можно. На это ужъ есть книги.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Гдѣ? Какія?

СТАРОСТА.

Священныя книги, батюшка. Вотъ ихъ то ты намъ купи, батюшка, сдѣлай милость, *(кланяется)*. Онѣ намъ нужны, а денегъ не у всякаго хватить.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Хорошо, хорошо. *(смотритъ въ бумажку)*. Вотъ что

еще. Отчего такъ вы грязны, неопрятны? Крестьян-ки ходять босикомъ. Это нездорово даже.

СТАРОСТА.

Да дѣло наше такое, батюшка; одежи у насъ не сколько; возимся въ землю, да въ навозъ. А кабы не работали, были бы и мы бѣленькіе, да чистенькіе. — Да что жъ, мы отъ работы не прочь. Работа, батюшка, человѣку еще не обида; ужъ не дивись только, что кожа закрубѣетъ и мозоли на рукахъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Вѣдь однако посмотри, какія у тебя грязныя руки; вѣдь какая разнища съ моими. (*сравниваетъ свою руку съ рукою старосты*). Просто даже совѣстно.

СТАРОСТА.

Кому, батюшка, совѣстно?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Конечно тебѣ должно быть совѣстно.

СТАРОСТА.

Э, батюшка! Въ навозъ возимся, какъ же быть то? — Оттого, батюшка, твои ручки и бѣлы, что наши черны; — ну и на здоровье.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Il a infiniment d'esprit, cet homme. Постой; еще я бы желалъ, чтобъ вы больше думали о своемъ здоровьѣ. Вотъ вышла одна умная книжка, въ Россіи, по рус-

ски: совѣты крестьянкамъ. Тамъ сказано, что для здоровья, крестьянки должны перемѣнять чулки всякой разъ, какъ промочать ноги.

СТАРОСТА.

Батюшка, да онъ въ рабочіе дни зачастую и безъ чулковъ ходять. А коли бы всякой разъ, какъ ноги промочать, чулки мѣнять: такъ и чулковъ бы не напаслись, да только бы цѣлый день и дѣлали, что перебувались.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну хорошо, хорошо *(смотритъ въ бумажку)*. А вотъ, еслибъ, еслибъ... я впрочемъ не настаиваю, — еслибъ вы, хоть мало по малу, согласились снять платье, которое вы носите, и надѣли бы наше?

СТАРОСТА.

А за чѣмъ же это, батюшка?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Да такъ лучше.

СТАРОСТА.

Удобнѣе, что ли оно, или красивѣе платье-то ваше?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Нѣтъ, я не утверждаю ни того, ни другаго; но знаешь, всѣ такъ ходять; во первыхъ, мы ходимъ; потомъ, всѣ другіе иностранные народы тоже. За чѣмъ же вамъ отставать отъ другихъ?

СТАРОСТА.

Да не изъ чего и приставать, батюшка. Пусть ходить, какъ кто хочетъ. Изъ какихъ причинъ свое-то платье я кину, а чужое надѣну? Ужъ ли же отъ того, что то свое, а то чужое? А вѣдь больше не изъ чего, батюшка, и самъ ты говоришь. Свое, — такъ и долой его, а чужое, — такъ его и надѣвай? — Не будетъ ли это ужъ обидно, батюшка?

ЛУПОВИЦКІЙ.

И а toujours raison — Ну хорошо, хорошо; довольно объ этомъ. Я сказала, что не настаиваю. А ты скажи мнѣ... (*смотреть въ бумажку*). Вотъ еще что я придумалъ. — За всякое доброе дѣло, вѣдь надо награждать? (*Антонъ молчитъ*). Что жъ ты? — Вѣдь надо?

СТАРОСТА.

Коли человекъ хорошій, батюшка, — отчего его и не поправить, и не помочь ему.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Да, того, — ну видишь. — Если кто изъ огня кого нибудь выхватить, ну тамъ, ну какъ нибудь еще поможетъ, ну денегъ дастъ, — такъ этому я даю кушакъ шелковый, шитый золотомъ, а женщинѣ жемчужныя серги. — Ты опять молчишь. — Не ужъ-то и это не нравится?

СТАРОСТА.

Ваше сіятельство. Говоришь ты умно, ужъ какъ

умно; да мы то глупы, такъ и мекаемъ не по твоему.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну говори, какъ ты мекаешь?

СТАРОСТА.

А вотъ что, батюшка, я скажу. — Дѣласть чело-
вѣкъ доброе дѣло: вѣдь онъ батюшка не изъ на-
грады его дѣласть; такъ ты наградою его обидишь,
да и доброе-то дѣло ты не добромъ покажешь. — А
коли для награды доброе дѣло кто сдѣлалъ, — такъ
ужъ это какое доброе дѣло? — и награждать-то его
не за что.

ЛУПОВИЦКІЙ *(отирая лобъ)*.

Такъ ужъ за доброе дѣло и награждать нельзя.

СТАРОСТА.

Не тебѣ, батюшка, за добрыя дѣла награждать.
Кто крестьянинъ исправный, работаетъ хорошо, —
ты награди его. А добрыя дѣла, — чело-вѣка кто вы-
ручилъ, или что другое, — онъ вѣдь прямо для души,
для Бога дѣлаются: такъ какой тебѣ слѣдъ награж-
дать, — прости, батюшка, глупыя мои рѣчи. Да и
сказано, чтобы не хвалиться передъ чело-вѣками доб-
рыми дѣлами, не выказываться; а тутъ, какъ ку-
шакъ-то онъ повяжетъ, такъ вѣдь всякому въ глаза
свое доброе дѣло и сунетъ. Вѣдь это выходитъ доб-
рымъ дѣломъ щеголять, батюшка. — По моему глупо-

пому разуму, коли въ правду добрый человекъ, — ему и повязать-то такой кушакъ будетъ совѣстно. Добрыя дѣла вѣдь прячутся, людямъ на глаза не лезутъ. Ну а чего Боже сохрани, кто изъ за награды дѣлать добро станетъ, соблазнится, — такъ вѣдь это человекъ пропащій. Вѣдь и написано, батюшка: кто мзду свою здѣсь пріялъ, тотъ ужъ тамъ ее не жди.

ЛУПОВИЦКІЙ *(сбитый совершенно съ толку).*

Антонъ, ты гдѣ учился?

СТАРОСТА.

Нигдѣ, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Грамотъ умѣешь?

СТАРОСТА.

Умѣю, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Что ты читалъ?

СТАРОСТА.

Церковныя книги, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Церковныя?

СТАРОСТА.

Церковныя.

★

ЛУПОВИЦКІЙ.

А! (*Ходитъ по комнатѣ*). Любезный мой Антонъ, что у васъ сегодня? — сходка объ рекрутахъ?

СТАРОСТА.

Да, батюшка; сходка будетъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Сколькохъ отдаете?

СТАРОСТА.

Да трехъ отдали за вины: за пьянство и буянство; а вотъ четвертаго, такъ не знаемъ кого; сходка за тѣмъ и будетъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Хорошо, ступай же; какъ рѣшать, доложи мнѣ.

СТАРОСТА.

Слушаю, батюшка; прощенья просимъ, ваше сіятельство.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛУПОВИЦКІЙ (*одинъ*).

Надо признаться, что я потерпѣлъ сильное пораженіе. — Battu, complètement battu. — Какъ онъ уменъ однако, этотъ Антонъ. Гм! (*ходитъ*). Не даромъ говорятъ, что народъ русской имѣетъ умъ; еще бы! бездну ума. — Что жъ дѣлать однако? Принуждать,

этого я никогда дѣлать не стану; да и къ тому же я долженъ по совѣсти согласиться, что онъ правъ, *ce ministre des affaires interieures*. — Что дѣлать, — не знаю; надо въ томъ сознаться, хоть оно мнѣ и не выгодно. — Какое странное мое положеніе. — Вѣдь я долженъ сказать однако, что многія вещи я не такъ понималъ, что я, однимъ словомъ, не понималъ, даже теперь еще не вполнѣ понимаю Русской народъ, да. — Отчего же это? Отчего? — *(молчаніе)*. Жеромъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛУПОВИЦКІЙ и ЖЕРОМЪ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Возьми завтракъ. — Ты ѣшь скоромное?

ЖЕРОМЪ.

А какъ-же-съ?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Отчего жъ ты ѣшь скоромное?

ЖЕРОМЪ.

Да вѣдь это одни невѣжи мужики, постное ѣдятъ; развѣ это люди?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Я сказалъ тебѣ, чтобы ты не смѣлъ объ нихъ такъ выражаться. Я сказалъ, чтобы ты ни съ ними

дурно не обращался, ни при мнѣ не смѣлъ ихъ бранить.

ЖЕРОМЪ.

Да помилуйте, ваше сіятельство, —необразованные.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ты развѣ образованъ? Молчи. *(Ходитъ по комнатѣ).*
Не слыхалъ кого думаютъ отдать въ рекруты?

ЖЕРОМЪ.

Да когоже другаго, какъ не Андрюшку; онъ сирота; жалѣть объ немъ некому.

ЛУПОВИЦКІЙ

Резонъ; очень справедливо; я согласенъ.

ЖЕРОМЪ.

Да ваше сіятельство, ужъ и озорникъ онъ какой; нахаль.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Да ты какъ это узналъ такъ скоро?

ЖЕРОМЪ.

Да помилуйте, ваше сіятельство: онъ меня обидѣлъ, побилъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Побилъ? — Какъ это? Что такое?

ЖЕРОМЪ.

Съ ногъ сшибъ. Я подошелъ было къ хороводу,

а онъ сталъ меня гнать, да и ударилъ; съ ногъ сшибъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

А, такъ онъ буянъ; тѣмъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и СЛУГА, потомъ АНДРЕЙ.

СЛУГА.

Мужикъ пришелъ къ вамъ, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Кто такой? впусти.

(Слуга уходитъ; входитъ Андрей).

АНДРЕЙ.

Батюшка, ваше сіятельство!

ЛУПОВИЦКІЙ.

Что тебѣ надобно? говори.

АНДРЕЙ.

Я Андрей, батюшка, Андрей сирота.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Чегожъ ты хочешь?

АНДРЕЙ.

Батюшка, ваше сіятельство! Вамъ вѣрно на меня ужъ онъ нажаловался, вашъ служитель то есть. Я,

говорить, ужъ сдѣлаю, что тебя въ солдаты отдадутъ. Не погубите, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Мой любезный, кого отдать въ рекруты, — это я предоставилъ всѣмъ крестьянамъ, всему міру, какъ вы говорите.

АНДРЕЙ.

Коли что міръ рѣшить, такъ тому и быть; такъ ужъ идти въ солдаты по мірскому приговору, по правдѣ, а не по наговору.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Чегожъ ты боишься?

АНДРЕЙ.

Да вотъ чего, батюшка: что онъ васъ на меня напраслиной прогнѣвалъ. Ужъ коли велить міръ, или хоть бы за вину какую вы, батюшка, отдали, — такъ тому и быть; да чтобъ только напраслиной въ солдаты не пойти. Можетъ, міръ другаго назначить, а скажутъ: да вотъ Андрюха озорникъ, — такъ его. Вотъ, батюшка, чего я боюсь.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Я точно слышалъ, что ты буянъ и озорникъ; но я васъ мало знаю, и потому, кого вы всѣ отдадите, тотъ и пойдетъ; но ужъ конечно я за тебя не заступлюсь. Какимъ это образомъ ты побилъ моего камердинера?

АНДРЕЙ.

Виновать, ваше сіятельство; вотъ какъ дѣло было. Какъ велѣли вы, батюшка, хороводъ водить, — вотъ мы и собрались, и парни и дѣвки. Отколь ни возмись вашъ камердинъ, и пошелъ приставать къ Парашѣ. Она отъ него прочь, чуть не плачетъ; а онъ все къ ней, такъ и лезетъ. Я говорю ему: отстань, не замай нашихъ, полно молъ нахальничать, — куда! онъ еще пуше. Не пушу, говоритъ, въ хороводъ; схватилъ ее, да и потащилъ. Ну я, — виновать ваше сіятельство. — ударилъ его маненько; онъ съ ногъ и упалъ. Вотъ какъ дѣло было, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ (*камердинеру*).

Дерзкой, что я тебѣ говорилъ? Я говорилъ тебѣ, чтобъ ты былъ, какъ можно вѣжливѣе съ крестьянами. Не помнишь? — Ты смѣлъ дѣлать такія безчинства? Ты, мой камердинеръ?

ЖЕРОМЪ.

Да вѣдь, ваше сіятельство, они необразованные.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Скотъ, осслъ! Вонъ съ глазъ моихъ! (*Ходитъ по комнатѣ*). Любезный другъ! Камердинеръ мой кругомъ виновать. Я повторяю тебѣ, что сказалъ и прежде: кого міръ отдастъ въ солдаты, того и я. Если отдадутъ тебя, мнѣ будетъ очень жаль, но дѣлать нечего; по крайней мѣрѣ ты пойдешь, конечно, не по

напраслинь и не по наговору, а какъ рѣшить мѣръ.
(*Андрей кланяется*). Ну ступай.—Постой. Какая это Параша? Когда я пришелъ пѣшкомъ въ деревню, я видѣлъ двухъ крестьянокъ; одна изъ нихъ Параша, кажется; такъ не знаешь ли, не та ли?

АНДРЕЙ.

Та самая, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Хорошо, ступай. (*Андрей уходитъ*). Какова скотина мой камердинеръ! И какой славный народъ эти крестьяне! они, которые работаютъ на насъ, и на этаго негодяя также. — Этотъ Андрей! Славный, благородный поступокъ. — А! Параша! та самая! Они любятъ другъ друга, — а конечно, онъ пойдетъ въ солдаты. Жаль; я не могу и не хочу нарушить своего слова, — а очень жаль. — Мнѣ надобно пройтись; сегодня я много узналъ.

(*Перемѣна декораціи*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ДЕКОРАЦІЯ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ

КРЕСТЬЯНЕ (*собираются на сходку*).

СТАРОСТА.

Ну рѣшайте: кого отдать въ рекруты?

ЕРМИЛЪ.

Андрюху отдать; кого же другаго.

МНОГІЕ.

Андрюху, Андрюху.

ПРОХОРЪ.

Да на что же Андрюху-то?

ЕРМИЛЪ.

Да кому же его жалеть? Некому. Андрей въдь сирота. Ну такъ вѣстимо его.

МНОГІЕ.

Ну да.

ПРОХОРЪ.

Сирота? — постойте, не шумите; дайте слово сказать; а тамъ пусть міръ и разсудить. Вы хотите Андрюху отдать; онъ, дескать, сирота. — Такъ это, выходитъ, отдаемъ мы въ солдаты безпомощнаго да беззащитнаго. Сиротство-то его, выходитъ, мы ему въ вину ставимъ. — Такъ ли? А? Подумайте. Не грѣхъ ли это будетъ? Виновать ли онъ, что сирота? — Что некому за нимъ поплакать, да поскорбѣть: такъ въдь онъ и самъ тому не радъ; въдь его горе—сиротство-то; а тутъ мы къ горю да еще горе на него навалимъ. — Такъ что ли? Нѣтъ, братцы; грѣхъ будетъ міру сироту обидѣть; передъ Богомъ грѣхъ; онъ плакаться на насъ Богу будетъ. — Ужъ если нѣтъ у него

ни роду, ни племени, некому заступиться, — такъ міръ ему заступникъ. Вотъ по моему какъ.

• ЕРМИЛЪ, *(посль молчанія)*.

Дѣло сказалъ, Прохоръ Игнатьичъ!

СЕМЕНЪ.

Спасибо, что вразумилъ.

МНОГІЕ.

Грѣхъ будетъ сироту обидѣть. Грѣхъ будетъ Андрюху отдать.

ПРОХОРЪ.

Ну какъ же? Всѣ что ли согласны? Кто сироту обидѣть захочеть?

ВСѢ.

Ну да никто.

ПРОХОРЪ.

Такъ мы Андрюхи не отдадимъ.

СЕМЕНЪ.

Не отдадимъ, и толковать нечего.

ПРОХОРЪ.

Староста, ты какъ?

СТАРОСТА.

Да и я тоже; дѣло видимое.

ПРОХОРЪ.

Кого же отдадимъ?

ВРИМЛЪ.

Да теперь другого дѣлать нечего, какъ такъ: у кого больше сыновей.

СЕМЕНЪ.

У кого больше сыновей, — дѣло.

ПРОХОРЪ.

За провинность отдать некого, — такъ на томъ положить надо, у кого больше сыновей.

СЕМЕНЪ.

Староста, у тебя больше всѣхъ: у тебя четверо сыновъ.

СТАРОСТА.

Четверо.

ПРОХОРЪ.

Ну не погнѣвайся, Антонъ Гаврилычъ; твоего надо сына отдать, меньшаго, Ивана; онъ не женатый. Что жъ молчишь?

СТАРОСТА.

Да что говорить-то; сами знаете, каково.

ПРОХОРЪ.

Ну да какъ же?

СТАРОСТА.

Ну да коли рѣшили, — дѣлать нечего.

СЕМЕНЪ.

Такъ вели подводу готовить; да ступай, докладывай барину.

(Молчаніе).

ЕРМИЛЪ.

Эхъ, братцы! Жаль старосту. Смотрите: какъ въ воду опущенный, стоитъ. Помилуемъ его; онъ давно служить намъ, хорошо служить.

СЕМЕНЪ.

Да что же, переръшать-то все!

ЕРМИЛЪ.

А чтожъ, криво-то рѣшить, развѣ лучше?

СЕМЕНЪ.

Чего тутъ криво! Сказано у кого больше сыновъ, и дѣло съ концомъ. Ну, а коли старость пришлось, такъ чтожъ; такая его судьба, не мы виноваты.

ФИЛИППЪ.

Да ты полно горланить, слушай.

СЕМЕНЪ.

Чего слушай! — Ты то что несешь? Туда же! Жди тутъ правды отъ потатчиковъ!

ЕРМИЛЪ.

Эка вретъ! Да кто потекаетъ-то? — Не потекаютъ, а за его къ намъ службу милуютъ.

СЕМЕНЪ.

Не намылуешься этакъ. Отдать старостина сына,
и кончено!

• ЕРМИЛЪ.

Да слушай!

СЕМЕНЪ, *(во все горло)*.

Да чего тутъ!

ЕРМИЛЪ.

Чего тутъ! — Я вѣдь знаю, куда ты гнешь. Самъ
тройникъ; о себѣ думаешь, себя выгораживаешь.

СЕМЕНЪ.

Нѣтъ врешь, не себя, а по правдѣ такъ.

ЕРМИЛЪ.

По правдѣ, — полно такъ-ли?

СЕМЕНЪ.

Да такъ! Братцы, вѣдь дѣло я говорю?

МНОГІЕ.

Нѣтъ, не дѣло.

НѢКОТОРЫЕ.

Нѣтъ, дѣло.

ФИЛИППЪ.

Кого другаго, а Антона Гаврилыча помиловать
бы можно.

(Шумъ и громкія рѣчи).

ЕРМИЛЪ.

Стойте! Что орать-то безъ толку? Ну вотъ Прохоръ Игнатьичъ; онъ молчитъ. Вы знаете его: душой ужъ не покривить, и себя не пожалеть, такъ ли?

ВСЪ.

Такъ, что и говорить, знаемъ.

ЕРМИЛЪ.

Ну такъ пусть будетъ, какъ скажетъ Прохоръ Игнатьичъ, — хотите?

ВСЪ.

Ну хорошо, чтобъ ужъ розни не было.

ЕРМИЛЪ.

Прохоръ Игнатьичъ, скажи слово.

ПРОХОРЪ.

Ужъ если, братцы, вамъ такая благая мысль пришла, что старосту помиловать, — такъ это дѣло будетъ доброе. Жаль Антона Гаврилыча. Что жъ, сдѣлали одно хорошее дѣло, сдѣлаемъ и другое. Вѣдь всѣ мы Антономъ Гаврилычемъ довольны?

ВСЪ.

Всѣ довольны, говорить нечего.

ПРОХОРЪ.

Ну такъ за его къ намъ службу, помилуемъ его, и сына у него въ рекруты не возьмемъ.

всѣ.

Ну, такъ тому и быть.

ПРОХОРЪ.

Антонъ Гаврилычъ, мѣръ тебѣ милусть.

(Антонъ кланяется).

ФИЛИППЪ.

Такъ опять кого же, братцы?

ЕРМИЛЪ.

Да чего тутъ кого? — Двухъ помиловали, такъ ужъ и другихъ не обижать. — Возьмемъ рекрутскую квитанцію.

ФИЛИППЪ.

А гдѣ ты ее возьмешь?

ЕРМИЛЪ.

А у помѣщика Сквалыгина; у него есть завалыщя, старая, я знаю.

ПРОХОРЪ.

А много ль стоить?

ЕРМИЛЪ.

Оно не мало; да ужъ братцы, чтобъ никому гора не было, возьмемъ.

ПРОХОРЪ.

Да сколько, ты скажи?

ЕРМИЛЪ.

Восемьсотъ цѣлковыхъ.

СЕМЕНЪ.

Охъ, многонько.

ПРОХОРЪ.

Разложимъ по тягламъ. Чтожъ, будетъ въ моготу. Возьмемъ! Пусть ужъ, въ правду, никому обидно не будетъ.

ФИЛИППЪ.

Троихъ ужъ отдали; тѣ по винамъ пошли, тѣхъ и не жалко; а теперъ такихъ у насъ нѣтъ: и въ правду, — возьмемъ квитанцію!

СЕМЕНЪ.

Ну возьмемъ, такъ возьмемъ!

ФИЛИППЪ.

Ужъ коли пошло на милость, такъ чтобъ ужъ никому обидно не было.

СТАРОСТА.

А я, коли мѣръ позволитъ, за одного себя сто цѣлковыхъ внесу.

ЕРМИЛЬ.

Вонъ видите, староста сколько даетъ — Такъ возьмемъ ужъ квитанцію.

МНОГІЕ.

Ну возьмемъ, возьмемъ! Мы не прочь, мы согласны всѣ.

ПРОХОРЪ.

Стало, дѣло порѣшили.

ВСѢ.

Порѣшили.

ПРОХОРЪ.

Ну Антонъ Гаврилычъ, ступай же теиерь къ барину и доложи; а подвода не понадобится.

СТАРОСТА, *(подходитъ къ крыльцу.
Слугъ стоицему у дверей).*

Доложи барину, что староста пришелъ.

ЕРМИЛЬ *(Семену).*

Что, братъ, думаль, у міра милости не хватить, — хватило знать.

СЕМЕНЪ.

Ну правда; что говорить.

ЕРМИЛЬ.

То-то, братъ; міръ — великъ человекъ.

ЛУПОВИЦКІЙ *(выходитъ на крыльцо).*

Ну что, ну что, мой любезный Антонъ? Рѣшили?

СТАРОСТА.

Рѣшили, батюшка.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Кого же? Андрея конечно; это хоть и жаль, но основательно.

СТАРОСТА.

Нѣтъ, батюшка; Андрея не отдали.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Нѣтъ? Отчего же?

СТАРОСТА.

Міръ сказаъ, что грѣхъ будеть сироту оби-

дѣтъ; сиротство не вина какая, а горе; такъ ужъ за горе въ рекруты отдавать не приходится; — что ужъ коли некому за него заступиться, такъ мѣръ ему заступникъ. — Такъ и рѣшили, и не отдали.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Постой, постой! Некому заступиться, такъ мѣръ заступникъ... *mais c'est sublime. c'est beau, ça!* Кого же отдали? Расскажи, прошу тебя, послѣдовательно.

СТАРОСТА.

Сказалъ мѣръ потомъ, что взять у того, у кого больше сыновъ Ну и приходилось мнѣ сына отдать; у меня четверо.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Чтожъ ты?

СТАРОСТА

Да я ничего, батюшка; чтожъ я? — Не мое дѣло. — Тутъ и сказали въ мѣру, что Антона Гаврилова жаль, что мы-де имъ довольны, помилуемъ его. Ну мѣръ и сказалъ: пусть будетъ такъ, и меня помиловаль.

ЛУПОВИЦКІЙ

C'est de la clémence. C'est touchant. — Дальше.

СТАРОСТА.

Ну потомъ сказали въ мѣру, что ужъ коли двухъ помиловали, ужъ коли на милость пошло, такъ помилуемъ и другихъ, чтобъ никому обидно не было; — возьмемъ рекрутскую квитанцію: есть одна старая, завалицкая, у помѣщика Сквалыгина. Спросили: что

стоитъ; сказали: восемь сотъ цѣлковыхъ. Міръ подумалъ и рѣшилъ: взять квитанцію и деньги внести.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Это, это такъ высоко, такъ возвышенно... я не нахожу словъ. — О, какое милосердное рѣшеніе! Да, по истинѣ высоко. — Вѣдь это деньги большія!

СТАРОСТА.

Не малыя деньги, ваше сіятельство.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Кто же заплатитъ? — Вы?

СТАРОСТА.

Весь міръ, батюшка; на мірскія деньги.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Удивительно! Превосходно! О, друзья мои, вы хорошій народъ, вы умный народъ, прекрасный народъ. *Quel peuple! (служь)*. Бѣги и позови сюда Андрея и Парашу, да сію минуту.

СТАРОСТА.

Такъ что жъ, батюшка, вы на мірское рѣшеніе скажете?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Я и заранѣе сказалъ, что я буду съ міромъ согласенъ. — А теперь, друзья мои, я не только согласенъ, я вамъ очень благодаренъ, за то, что вы мнѣ подали такой прекрасный примѣръ, показали такую возвышенность. *(Обращаясь къ крестьянамъ)*. Міръ! Я согласенъ на ваше рѣшеніе! Сверхъ того

примите изъявленіе моего искренняго уваженія!
(въ сторону). Какъ бы мнѣ хотѣлось заплатить поло-
 вину суммы; но право не знаю, какъ сказать, —
 совѣстно; боюсь ихъ обидѣть. Il est imposant se мѣръ.
 Нѣтъ ужъ лучше такъ оставлю; потомъ, при случаѣ,
 сдѣлаю для нихъ разныя облегченія. — Любезный
 Антонъ, у меня есть до тебя просьба; надѣюсь, что
 ты ее исполнишь. *(сходитъ съ крыльца)*.

СТАРОСТА.

Что прикажете, батюшка?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Что ты скажешь объ Андрей? Вѣдь онъ хоро-
 шій мальчѣ.

СТАРОСТА.

Добрый и работающій; славный мальчѣ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ну смотри же, исполни, о чемъ я тебя буду просить.
(входитъ Андрей и потомъ Параша, съ разныхъ сторонъ). Вотъ
 и онъ. Андрей! Я скажу тебѣ радость: въ рекруты
 нейдешь ни ты, и никто.

Андрей и Параша *(только что вошедшая
 Они стоятъ поодаль другъ
 отъ друга)*.

Слава тебѣ, Господи!

ЛУПОВИЦКІЙ.

Антонъ, любезный Антонъ! выслушай меня. Онъ
(указывая на Андрея) любитъ твою дочь; онъ желалъ

бы на ней жениться; онъ боится только сдѣлать предложеніе; я узналъ все это случайно. — Теперь я самъ прошу у тебя отдать ему руку твоей дочери; я увѣренъ, что она не откажетъ.

СТАРОСТА.

Да какъ же это, батюшка? — Андрей! ты свататься хотѣлъ?

АНДРЕЙ.

Хотѣлъ, Антонъ Гаврилычъ, да вотъ некрутство-то было помѣшало.

СТАРОСТА.

И теперь сватаешься?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Я за него прошу тебя, любезный Антонъ; вѣрно Параша согласится.

СТАРОСТА.

Не въ ней пока дѣло, батюшка. — Малый ты хорошій Андрей, и добрый, и не лѣнивъ. Да вотъ и Богъ тебя сегодня помиловалъ. Ну да вотъ и князю такъ угодно, — присылай сватовъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ты согласенъ, — очень, очень радъ. Андрей, Параша! *(оба подходятъ)* Дайте руки другъ другу.
(они не даютъ).

СТАРОСТА.

Погоди, батюшка, не погнѣвайся; у насъ такъ не водится: она еще не просватана.

ЛУПОВИЦКІЙ.

А, это старыя ваши обычаи: — такъ, такъ; я ихъ уважаю. Любезный Антонъ, друзья мои! вы можете теперь идти. Благодарю васъ за истинно прекрасныя минуты, которыя вы мнѣ доставили. Я намѣренъ дать вамъ хорошій праздникъ.

КРЕСТЬЯНѢ.

Спасибо, батюшка, много довольны; спасибо, прощенья просимъ. *(Кланяются и уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛУПОВИЦКІЙ *(одинъ).*

Я сегодня очень доволенъ; сегодня прекрасный для меня день. Миръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ бѣльшимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple! Прекрасный, превосходный, высокій поступокъ! — Et moi, j'ai fait aussi quelque chose, — oui, j'ai fait pourtant deux heureux!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО И ПОСЛѢДНАГО ДѢЙСТВІЯ.

279

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE OCT '64 H

312072

DUE APR '66 H

766-719

Widener Library

3 2044 099 716 276

